

В. В. Лунеев

Преступность XX века

Мировой
криминологический
анализ

Институт государства и права
Российской академии наук

В. В. Лунеев

Преступность XX века

Мировые, региональные
и российские тенденции

Мировой
криминологический
анализ

код экземпляра

109300

НОРМА

Москва, 1997

Л 628.3
ББК 67.99(2)8

Л 82

Л 82

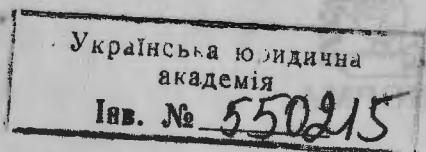
Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук **В. Н. Кудрявцева.** — М.: Издательство НОРМА, 1997. — 525 с.

ISBN 5-89123-205-7

В книге на обширном фактическом материале дается анализ мировых, региональных и российских тенденций преступности. Криминологические сведения охватывают большой период: по отдельным показателям с начала века и до настоящего времени. Многие данные публикуются впервые. Кроме общих тенденций преступности в книге рассматриваются ее различные виды: политическая, насильственная, корыстная, организованная, воинская, элитная (криминальность правящих элит), межнациональная. Контроль над преступностью исследуется на основе тенденций выявленных правонарушителей, судимости и численности заключенных.

Для научных и практических работников (юристов, социологов, политологов), преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

**Работа подготовлена и опубликована
при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда
Номер проекта — 97—03—16001**

© В. В. Лунеев, 1997

© Издательство НОРМА, 1997

ISBN 5-89123-205-7

Предисловие

Проблема состояния преступности и борьбы с ней всегда привлекала внимание не только специалистов, но и достаточно широкого круга читателей-непрофессионалов в этой области. Одна из причин такого интереса — острота вопроса, его жизненность, подчас “детективность” сюжетов, разворачивающихся при освещении данной темы. Но чем ближе к нашему времени, тем внимание к проблеме преступности становилось все более прагматическим. Эта тема, непосредственно затрагивающая важные сферы существования граждан и государства, переросла рамки книжного, “академического” изучения и стала одной из наиболее острых и животрепещущих практических проблем. Массовое ограбление населения, заказные убийства, захваты заложников, открытое насилие на улицах, рэкет, терроризм — все это стало чуть ли не привычными приметами повседневной жизни российских граждан и не может не волновать тех, кто ответственен за правопорядок в стране. Но нельзя поправить дело, не зная подлинной картины явления и не понимая его причин.

Такую картину впервые в нашей, а пожалуй и в мировой литературе рисует предлагаемая вашему вниманию монография доктора юридических наук, профессора В. В. Лунеева. Будучи плодом многолетнего труда, книга содержит поистине энциклопедический материал о состоянии и динамике преступности и ее видах в СССР (России) и в мире на протяжении всего XX века. Надо напомнить, что достоверные данные о преступности в СССР и России ранее не публиковались (они были секретными); тем более никто и никогда не предпринимал попытки сопоставить их с мировыми показателями и тем самым выявить глобальные закономерности. Автор данной книги сделал такое сопоставление, но этим не ограничился: он детально анализирует антиобщественный “фон” криминальных явлений, т. е. статистику административных и других правонарушений; он изучает преступность в годы Второй мировой войны, а также современную преступность, скрытую в пламени межнациональных войн и конфликтов, происходящих в разных регионах СНГ; его интересует и преступность политической элиты страны, данные о которой всегда хранились за “семью печатями”. Не ограничиваясь сказанным, В. В. Лунеев естественно переходит к проблеме социального и правового контроля за движением преступности в стране и в мире, рисуя едва ли не исчерпывающую картину состояния пенитенциарной практики в России (и в СССР) в сравнении с мировыми показателями.

Здесь возникает мысль о том, что такую всеохватывающую по содержанию и титаническую по объему работу российский исследователь не мог написать раньше. К тому есть три причины. Во-первых, никакие реальные сведения об отечественных криминальных явлениях не могли быть в свое время получены и опубликованы. Во-вторых, процессы XX века надо было иметь возможность всесторонне осмыслить, а это требует времени. И в-третьих, долж-

ны были вырасти хорошо подготовленные для такой работы специалиста. Автор, эксперт ассоциированного с ООН Европейского института (HEUNI) по анализу мировой преступности, прошедший прекрасную школу практической, преподавательской и научно-исследовательской работы, оказался как нельзя более на месте.

Не предвосхищая содержания книги, с которой познакомится читатель, я бы сказал, что ценность ее, по меньшей мере, двоякая. Прежде всего, она образует уникальную исследовательскую базу для всех последующих работ (а теперь их будет немало) о состоянии, структуре, динамике, причинах и мерах борьбы с преступностью в России и в мире на переломе XX—XXI веков. Тем самым российская криминологическая наука приобретает редкую исследовательскую возможность как для ретроспективной оценки движения преступности в нашей стране за 70 с лишним лет ее существования, так и для прогнозирования ее динамики в будущем, а также для изучения ее социальных, экономических и политических причин. Но еще более значимыми мне представляются собственные выводы и обобщения автора. Их немало в каждой главе монографии, но я остановлюсь только на трех.

Первое — это выявление и констатация мировой (и российской) общей тенденции: неуклонный рост преступности и повышение степени ее общественной опасности. Те, кто недавно столкнулся с шокирующим ростом российского криминалитета, склонны объяснить его объективным процессом — переходом общества к рыночным отношениям. Здесь есть доля правды, но не вся. Автор правильно полагает, что в России действует сумма факторов: экономический, социальный и духовный кризис, неадекватная внутренняя политика властей, их недееспособность к правовому управлению обществом, ослабление правоохранительных органов, бедственное положение системы уголовной юстиции и др. (стр. 77). Но это в России, а ведь ситуация с преступностью ухудшается во всем мире. И здесь — второй вывод автора, который, вероятно, нельзя считать бесспорным; тем не менее он заслуживает пристального внимания и наводит на серьезные размышления. Состояние преступности, по В. В. Лунееву, определяется балансом между двумя составляющими: степенью демократизации общества и строгостью социального контроля. Общая тенденция роста преступности в мире при одновременном снижении наказуемости виновных квалифицируется им “как криминологически значимые признаки отставания социально-правового контроля от интенсивно растущей преступности, как желаемая гуманизация уголовного правосудия и как нежелательное ослабление борьбы с преступностью” (стр. 459). Мир демократизируется, но не компенсирует этот позитивный ход событий сознательной дисциплиной людей.

Из книги видно, что автор отнюдь не против демократизации общественной жизни и гуманизации мер борьбы с правонарушителями. Но он настойчиво и достаточно убедительно возражает против односторонности этого процесса, когда гуманизация оборачивается всепрощенчеством и анархией. Короче, он против слабостей

демократической власти. Выход из “криминального капкана”, в который человечество загнало себя на пороге XXI века, полагает автор, “лежит в расширении и углублении социально-правового контроля над противоправным поведением, криминологического и уголовно-правового. У каждого народа такая преступность, насколько он способен к самоконтролю, насколько он хочет себя контролировать, насколько он умеет себя контролировать, насколько он осознал диалектику свободы и необходимости” (стр. 475).

Третий вывод: эта диалектика в первую очередь касается власть предержащих. Нельзя руководствоваться двойной моралью: свобода — для себя и необходимости — для других. Нужно покончить с коррупцией, злоупотреблениями чиновничества, его безразличием к нуждам народа. “Пока политическая и правящая элита не на словах, а на деле не осознает, что борьбу с преступностью следует начать с самих себя, трудно рассчитывать на какой-либо успех криминологического и уголовно-правового контроля (стр. 478). Есть все основания согласиться с этим утверждением.

Отечественный криминолог, воспитанный на тезисе о том, что для эффективной борьбы с преступностью нужно прежде всего устранить ее причины, мог бы, вероятно, упрекнуть автора в недооценке этого тезиса и переоценке контрольных (по сути дела, репрессивных) мер. Но В. В. Лунеев не обходит упомянутого тезиса; он только пессимистически оценивает его выполнимость. Он признает, что “радикальной стратегией борьбы с преступностью было бы предупреждение ее путем изучения и устранения криминогенных факторов”. Однако дело в том, что “реальное устранение наиболее значимых причин преступности на современном этапе не под силу обществу в целом, поскольку они кроются во всех сферах общественных отношений и связаны с социальными противоречиями, которые пока остаются неразрешимыми” (стр. 476). Думаю, что это правдивая констатация положения вещей, во всяком случае для современной России.

Резюмируя, скажем, что в научно-исследовательском аспекте автор заложил основы того, что можно было бы назвать криминологией социального контроля. Или, скажем иначе, он соединил в своем исследовании динамику преступности и меры уголовной политики, которая в его изложении явно приближается к тому, чтобы стать заключительной частью общей криминологической теории. Возможно, что дальнейшие научные разработки проблем борьбы с преступностью пойдут именно в этом направлении.

Хорошо развитая в монографии исследовательская сторона дела не помешает читателю-непрофессионалу с большим вниманием прочитать всю эту обширную работу до конца. Она не только поучительна, но и интересна, так как поднимает завесу над многими процессами, ранее скрытыми от наших сограждан, и заставляет задуматься о том, чем каждый из нас мог бы содействовать борьбе со злом и несчастьем и укреплению хотя бы частицы добра в нашей стране и во всем мире.

Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек.

А. Вознесенский

От автора

Двадцатое столетие близится к концу. Его исторический опыт огромен и неоднозначен. Оно дало великие открытия в науке и технике. Человечество поставило себе на службу ядерную энергию, вырвалось в космос, проникло в собственное генетическое начало, осуществило ранее невиданный рост экономики, выработало либерально-демократические принципы государственного устройства, осознало великую значимость гуманитарных прав и много достигло в их законодательном установлении, находит оптимальные формы сосуществования внутри себя и во взаимоотношениях с природой. Но для XX века были характерны и непрерывная цепь кровавых разрушительных войн, беспрецедентная гонка вооружений, вспышки социальной, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, насильственные революции и контрреволюции, невиданный разгул терроризма, насилия, грабежа, обмана, экологических бедствий и других опасных форм преступности, подкрепляющие прежнюю убежденность в том, что дикость человеческого поведения, как и в прошлые века, остается нормой земного бытия и в нашу, претендующую на цивилизованность эпоху.

Войны как продолжение амбициозной политики кровавым путем доминировали в истории человечества. И апогеем был XX век. Два мировых и десятки региональных столкновений унесли сотни миллионов человеческих жизней и причинили чудовищные разрушения материальным носителям мировой культуры. Дикость и абсурдность военных решений современных проблем стали очевидными, а наличие ядерного оружия и страх перед самоуничтожением человеческой цивилизации давно и настоятельно толкают мировое сообщество к выработке правового механизма предупреждения, пресечения или приостановления войн, а также наказания их организаторов и активных участников. Агрессивные войны, победными они были или нет, преступны по своей сути. Агрессия — самое тяжкое преступление против мира, и это подтверждается Уставом Нюрнбергского трибунала и проектом Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества (1991 г.).

И вот если мировому сообществу удастся как-то решить проблему предотвращения войн, то самой большой опасностью для человечества, его демократического и экономического развития останется интенсивно растущая национальная и транснациональная преступность, которая в настоящее время включает в себя и

традиционно уголовные, и военные, и экологические, и генетические, и прочие угрозы. Борьба с ней может оказаться долгой, позиционной, разрушительной и не менее кровопролитной, чем переживаемые человечеством войны.

Доминирующей криминологической тенденцией в начале нового тысячелетия останутся продолжающийся рост преступности в мире, повышение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений.

Заметного облагораживания человеческой мотивации в текущем столетии не наступило. Она стала еще более прагматичной и утилитарной. Не менялось и сущностное содержание криминальных побуждений. На основе научно-технических, гуманитарных и коммуникативных достижений мобильно совершенствовались лишь методы и способы осуществления противоправного целеполагания.

“Искоренение” преступности происходило главным образом путем декриминализации религиозных, идеологических и других надуманных форм преступного поведения, их модификации, конкретизации, дифференциации и обобщения. В основе процесса декриминализации лежат исторически обусловленная переоценка ценностей, гуманистические тенденции и повышение терпимости народов к тому или иному отклоняющемуся поведению. Но параллельно с этим шел более интенсивный процесс криминализации новых форм общественно опасной деятельности, связанных с научно-техническим развитием.

В связи со складывающимися криминологическими условиями человечество в конце XX века оказалось в сжимающемся криминальном калкане, выбраться из которого без критического пересмотра традиционных стратегий и преодоления собственной инерционности не удастся. Решение проблемы выживания потребует расширения и углубления социального контроля над многообразной и динамично меняющейся преступностью в рамках соблюдения фундаментальных прав человека. Борьба с ней в грядущем столетии призовет под свои знамена значительную часть не только социальной, но и естественной науки и практики.

Попытки осмысления преступности нашего столетия осуществляются давно. Есть многотомная популярная энциклопедия “Преступления века”, подготовленная А. Халлом, в которой описываются самые дерзкие злодеяния века. Моя книга преследует другие цели: в меру своих сил и возможностей я попытался выявить фактический уровень криминального поведения в мире, его тенденции, закономерности и перспективы. Их анализ базируется на мировой статистике ООН, статистике ведущих и иных стран Северной Америки, Западной Европы и Азии (США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Италии, Швеции, Финляндии и др.), стран Центральной и Восточной Европы, СССР, России и других государств,

образованных на его территории. При анализе мировых и региональных тенденций автора в первую очередь интересовали наши отечественные криминологические проблемы. Их собственный анализ, построенный на сопоставлении с криминальным "опытом" других стран и мира в целом, доминирует в книге. Поэтому она главным образом обращена к российскому и русскоязычному читателю, проживающему на территории бывшего СССР.

Криминологические сведения охватывают большой период: по отдельным показателям различных стран — с начала века и до настоящего времени; по данным ООН — за все время их сбора (с 1970 г.); по отечественной статистике — с начала века и до 1917 года (царская Россия), за период с 1917 по 1991 гг. (СССР) и за 1960—1996 гг. (Россия и другие постсоветские страны). Анализ завершается 1996 годом — последним годом действия УК РСФСР 1960 года, когда тенденции преступности исследовались на относительно сопоставимых данных. С января 1997 года начал действовать новый УК, более или менее адекватно отражающий новую эпоху в России на начало третьего тысячелетия. Имеющиеся данные анализируются системно на качественном и количественном уровнях и приводятся в более или менее сопоставимых таблицах и графиках. Абсолютное большинство данных либо вообще не публиковалось в нашей стране, либо публиковалось только автором.

При написании этой книги я сознавал имеющуюся неполноту и даже искаженность сведений официальной криминальной статистики, мировой и нашей отечественной, и делал попытки путем различных методов, оценок и расчетов объективировать анализируемые показатели в целях приближения своих выводов к реальной криминологической обстановке. Достижение этой цели несколько облегчалось тем, что я стремился выявить не столько фактический уровень преступности в те или иные годы, сколько ее объективные тенденции.

Работа над книгой, в которой исследуются мировые тенденции, в наше трудное время, когда библиотеки страны почти не закупают зарубежную литературу, не могла быть успешной без помощи коллег и добрых людей из разных стран. Она началась после Восьмого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 г.), участником которого был автор, а затем и с сотрудничества со Славомиром Редо, одним из руководителей отделения по предупреждению преступности и уголовной юстиции Международного центра ООН в Вене, и Матти Йотсенем — директором ассоциированного с ООН Европейского института по предупреждению преступности и борьбе с ней, откуда я получал необходимую опубликованную и неопубликованную информацию из банка данных ООН о преступности в разных странах и на разных континентах, за что я им искренне признателен.

В сборе криминологического материала других стран мне оказывали помощь профессора Хорст Шюлер-Спрингерум (Германия),

Улла Бондenson (Дания), Гер ван ден Берг (Нидерланды), Грэм Ньюмен и Рой Роджерс (США), Патрик Торнудд (Финляндия), Пер-Олоф Викстром (Швеция), Кан Уэда (Япония), Йордан Айдаров (Болгария) и другие. Я получал также статистические сборники от Харпера Уилсона, руководителя программы единого отчета о преступности Министерства юстиции США.

В России мне была предоставлена возможность пользоваться статистическими материалами многих подразделений МВД РФ (главного штаба, Главного информационного центра, Главного управления по борьбе с организованной преступностью, Главного управления исполнения наказания, Управления международных связей, Национального бюро Интерпола), и соответствующих управлений генеральной прокуратуры РФ и Министерства юстиции РФ. После распада СССР МВД Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Эстонии любезно предоставляли статистические материалы по моей просьбе.

Особую благодарность я выражаю академику В. Н. Кудрявцеву за большую помощь в работе над книгой и ее издании, а также моим коллегам по сектору уголовного права и криминологии Института государства и права РАН за постоянную поддержку и свободную творческую атмосферу.

Наглядное представление о сложных статистических тенденциях преступности и других криминологических явлениях дают около пятидесяти графиков и диаграмм, которые были разработаны и подготовлены моим сыном О. В. Луневым.

Современные издатели юридической литературы охотно издают пользующиеся большим спросом учебники для юридических вузов, но сдержанно относятся к монографиям, в которых нуждается более узкий круг читателей. Юридическое издательство "Норма", где выходит моя книга, проявляя заботу о развитии юридической науки, наряду с учебниками издает и монографическую литературу, что несомненно заслуживает большой поддержки и благодарности.

Подводя некий итог развитию преступности в мире и в нашей стране в текущем столетии, автор надеется на то, что выявленные тенденции, очищенные от прежних идеологических наслоений, могут послужить более или менее **надежной фактической базой** для более глубокого и детального исследования устрашающей нас криминальной реальности в целях разрушения как "пугательных", так и "убаюкивающих" мифов и выработки реалистичных форм социально-правового контроля над деструктивным человеческим поведением.

Введение

1. Прав ли был пессимист Лист?

Преступление так же вечно, как смерть и болезнь, наказание никогда не исчезнет, меры предупреждения никогда не победят преступности, точно так же как величайшее развитие гигиены никогда не победит смерти и болезней.

Франц фон Лист

Эта мысль, высказанная Ф. Листом в Лейпцигском докладе в 1889 году, т. е. более ста лет назад¹, до сих пор представляется мне зловещей, лишаящей человеческое общество оптимистической перспективы избавления от страшных собственных пороков. Современник Листа французский социолог Эмиль Дюркгейм пошел еще дальше, назвав преступность нормальным, необходимым и даже в определенной мере полезным явлением, без которого общество невозможно и избавиться от которого никому не удавалось и не удастся². Итальянец Гарофало, введший в научный оборот термин “криминология” и стоящий на иных позициях, чем Лист и Дюркгейм, также полагал, что преступления не исчезнут даже в том строе, где совершенно не будет бедных^{2а}.

Много лет с кафедры юридического вуза я критиковал эти идеи. Очень хотелось верить и верилось (хотя между верой и наукой дистанция огромного размера), что действительно преступность — явление классовое, исторически преходящее, обусловленное несовершенством социальных отношений, обремененных пережиточными процессами дикого эксплуататорского прошлого, и что если их последовательно устранять, то будет “отмирать” и преступность³.

Было бы неправдой, если сказать, что эта вера была замешана только на партийном конформизме и прямых “указаниях” классиков марксизма-ленинизма. Хотя и то и другое было. Однако конформизм — явление социально-психологическое и наукой преодолеваемое, а высказывания классиков по этому вопросу были не так прямолинейны, как мы пытались их истолковать. Материалистически объясняя преступность, они, несомненно, понимали ее исключительную проблемность. Об отмирании преступности с устранением эксплуатации масс, нужды и нищеты их мимоходом писал лишь Ленин⁴ накануне революции 17-го года, и к этой идее он больше никогда не возвращался. Реальный социализм требовал от него жестокости и неотвратимости наказания. Последняя, как ныне известно из засекреченной части ленинского наследия, видимо, совсем не случайно стала именоваться одним из ленинских принципов уголовного права, но она также никогда не была полностью реализована.

В годы сталинизма, когда криминологическая наука и практика были парализованы, а криминальная информация никому не доступна,

вопрос о возможности искоренения преступности вообще не ставился, поскольку “считалось”, что преимущество социализма над капитализмом и в криминологическом отношении бесспорно и доказано.

В постсталинский период криминология была “открыта”, оставаясь практически лишенной фактической информации, необходимой для объективного и широкого общественного осмысления криминальных явлений. Уголовная статистика использовалась лишь институтами прокуратуры и МВД под грифом “секретно” и “сов. секретно” при строгой и вполне определенной идеологической ориентации. Поэтому и в данный период задача о ликвидации преступности “воспринималась” основной массой неосведомленных людей более или менее реалистичной. Н. С. Хрущев убеждал, например, что он самолично пожмет руку последнему преступнику. И если принимался его основной лозунг — “нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме”, то автоматически верилось и в последнего преступника.

В этих условиях вышедшие из “подполья” криминологи, воодушевленные строительством незапятнанного будущего в течение последующих двух десятилетий, придумали немало “доказательств” о постепенном и закономерном искоренении преступности в процессе строительства бесклассового общества. Если бы криминальная статистика была доступной, а свобода слова — реальной, то сомнительность вымышленных “доказательств” стала бы очевидной еще в 60-е годы, когда преступность устойчиво стала расти. Но и статистика, и свобода слова оставались за семью замками. И это было не столько виной возрождающейся криминологии, сколько ее бедой.

Реальные тенденции преступности в стране в полном объеме и в этот период времени были известны лишь ограниченному числу людей. Самый умеренный скепсис в отношении поставленной партией задачи о ликвидации преступности, основанный на базе логических умозаключений и отрывочных данных, был бы обречен на непонимание. Даже если и становились известными некоторые закрытые отрывочные сведения о росте преступности, они вполне логично объяснялись с позиций господствующей идеологии и методологии противоречивостью динамики искоренения преступности, диалектикой борьбы нового со старым.

Выход из плена этих иллюзий и научное преодоление веры в “закономерное” избавление от преступности в нашей стране были возможны лишь на основе объективной отечественной и мировой сопоставимой криминальной информации и фактического разрыва с системой господствующих идеологических установок. А это означало уход в диссиденты, а то и в “политические преступники”. Однако и последние до конца 90-х годов не воспринимались властителями дум народных. Их понимали и чтити лишь некоторые интеллигентские слои. Даже А. Д. Сахаров, имеющий колоссальные заслуги перед Отечеством, и признанный за рубежом А. И. Солженицын большинством населения, оглуленного официальной пропагандой, расценивались как заблудшие вероотступники.

Следует иметь в виду и то, что концепция построения разумного общества социальной справедливости, свободного от преступ-

ных проявлений, разрабатывалась не только и не столько марксистской, сколько большой домарксистской литературой великих ученых, мыслителей, писателей и мечтателей. Им принадлежит доказательственный анализ преступных “наклонностей” капиталистических отношений и поиск более гуманного (беспреступного) общественного устройства. И этот поиск, видимо, никогда не иссякнет, каким бы утопичным он нам ныне ни казался. Даже у прагматичных и далеких от марксизма американцев существует склонность к наивному оптимизму в подходе к возможным методам решения проблем преступности. Многие остаются убежденными в том, что эксперты однажды все-таки пробьют “брешь” и это даст возможность освободиться от большей части преступлений⁵.

Наконец, наша отечественная вера в преодоление криминальности находила определенные подтверждения и в результатах криминологического анализа преступности в капиталистических и социалистических странах, в некоторых реальных успехах предупредительной работы, и это признавали зарубежные криминологи. Даже в настоящее время при интенсивном и очевидном росте преступности число учтенных преступлений в расчете на одно и то же количество населения на территории бывшего СССР в несколько раз ниже (при высокой и увеличивающейся латентности), чем в развитых капиталистических странах. Раньше это преподносилось как преимущество одной социальной системы над другой. В действительности все было сложнее и проще. Однако об этом речь ниже.

Можно было бы привести и другие “веские” аргументы в пользу бытовавшей веры в возможность преодоления преступности в процессе развития социалистического общества. Ныне стали очевидными и не менее вескими контраргументы, однако они в недалеком прошлом так не воспринимались.

Обращение к вышеназванным обстоятельствам обусловлено не желанием автора оправдаться (хотя в подсознании такое побуждение, видимо, существует), а стремлением показать имеющиеся трудности, которые необходимо учитывать в целях объективной оценки прежних взглядов и нынешних реальных перспектив борьбы с преступностью на территории бывшего СССР и тех независимых государств, которые образовались после его распада.

Мы можем повторить слова американки Джорджетты Беннетт: “Преступность. Мы боимся ее. Мы околдованы ею. Наши представления о преступности — сформированные главным образом на основе того, что мы читаем и слышим, — часто бывают искаженными. И все же такое восприятие определяет наше чувство безопасности дома и на улице, в магазине и учреждении; присутствует в тех капиталовложениях, которые мы делаем, и в том воздухе, которым мы дышим. Вследствие того, что мы чувствуем себя уязвимыми со всех сторон, нам необходимо понять состояние преступности сегодня и то, что оно говорит нам о наступающих временах”⁶.

“Ну и что, — спросит читатель, — пусть с трудом, но мы осознаем слова Листа и Дюркгейма о том, что преступность вечна, что ее искоренение в рамках существующей социальной панорамы не-

возможно, и слова Беннетт, что мы всюду уязвимы. Какой прок от этого человеческому обществу? Оно и так перегружено комплексами собственного бессилия”.

Да, этот вызов времени сознавать тяжело. Более того, “пропаганда объективных закономерностей “вечной” преступности для некоторых экстравертированных групп населения сама по себе может быть криминогенной. Продолжая листовскую параллель (преступность — болезнь — смерть), нельзя не вспомнить бытовые циничные, но реалистичные выражения: “Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет”, “Один раз живем”, “Все равно умрем” и т. д. Это мотивации (мотивировки) и пьянства, и курения, и наркомании, и других бесспорно вредных для здоровья человека “удовольствий”. Криминологические аналогии: “Все воруют”, “Все мы преступники, только одни попались, а другие нет” — вполне достаточны для самооправдания преступного поведения различными субъектами. Однако это крайности. Доподлинно знать нынешние объективные возможности важнее обманного идеологического и психологического миража. Осознанные трудности толкают к поиску, а идеологическая самоуверенность закономерно ведет к насильственному переустройству мира, общества и человека под флагом этого миража.

Признание преступности тем, чем она есть в действительности, т. е. непреходящим и увеличивающимся продуктом современного человеческого общества, не означает, что она не может быть подчинена (в определенной мере!) социальному контролю, что она не поддается социальным воздействиям, что ее нельзя при тех или иных условиях как-то минимизировать и гуманизировать, что бесполезны общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступлений. Так же как извечность смерти и болезни не означает, что жизнь не продлеваема, а болезни фатальны. Человечество безуспешно борется и с тем, и с другим, хотя хорошо сознает, что все люди смертны и подвержены болезням. Продлевая себе жизнь и результативно борясь с недугами, человечество не ставит своей целью искоренить смерть и сопутствующие ей болезни. Это привело бы людей к всеобщей фрустрации. Но оно добивается продления жизни и улучшения здоровья, опираясь на реальность выводов и средств. Я думаю, не случайно Э. Шур в число доказательств своего обличительного вывода — “американское общество преступно” — включал наряду с другими обстоятельствами нереалистичность мер борьбы с преступностью, под которыми он имел в виду репрессии⁷.

Идеологически-императивное требование КПСС — искоренить преступность — при невозможности это сделать подталкивало соответствующие структуры (партийные, государственные, правоохранительные) загонять криминальные болезни в глубь социальной жизни, плоды чего мы ныне пожинаем.

Идея Листа позволяет трезво смотреть на преступность как на побочный нежелательный, но закономерный продукт общества, как на его неизбежную, но в определенных пределах контролируруемую патологию. Именно к такому выводу пришли эксперты ООН в

1977 году на основе еще первого обзора тенденций преступности в мире. Он подтвердил, что общество, в котором нет каких-либо отклонений от общепринятых норм поведения, существует лишь в теории и вряд ли возможно в действительности, о чем свидетельствует историческая и сегодняшняя реальность. Степень терпимости стран к отклонению от норм поведения различна, однако, вероятно, лишь немногие государства пойдут на такую борьбу, которая потребовалась бы для общества, "полностью свободного от преступности". С другой стороны, отмечается в документе, недостаточное внимание к проблемам преступности и неумение тесно увязывать их с более широкими национальными задачами содействуют росту преступности, которая может серьезно подорвать усилия по достижению национальных целей и обеспечению благосостояния народа⁸.

Итак, общество не в силах искоренить преступность, но оно в состоянии удерживать ее на более или менее социально терпимом уровне. Общество без преступлений утопично. И было бы большой ошибкой полагать, что социальная свобода, к которой человечество неистово стремится всю свою историю, может коррелировать с полной интериоризацией уголовных законов во внутренние императивы поведения. Такое возможно лишь в антиутопии Оруэлла, где "свобода — это рабство"⁹.

Преступность можно успешно контролировать и даже предупреждать в рамках объективно и субъективно возможного. К. Маркс справедливо писал, что человечество может ставить себе только такие задачи, которые оно в состоянии разрешить¹⁰. К сожалению, эти слова классика не оказались для нас, строителей коммунизма, значимыми. За 70 лет Советской власти была выработана иная, удивительно живучая схема: выдвигание утопичной новаторской идеи — ее мифологизация вне зависимости от реальных законов развития природы и общества — партийно-волевые методы ее воплощения в жизнь — дискредитация идеи — поиск виновных (не тех, кто выдвинул объективно невыполнимую идею, а тех, кто ее не в состоянии был реализовать) — придумывание новой захватывающей волюнтаристской концепции... Все укладывается в это построение: и социализм, и коллективизация, и мелиорация, и борьба с преступностью.

Широкое осознание порочности идеологизированной задачи искоренения преступности в условиях реального социализма наступило лишь во второй половине 80-х годов, когда стала очевидной превратность других революционно-волюнтаристских начинаний, таких как борьба с пьянством, поворот северных рек на юг и т. д., когда стало приходить глубокое понимание ценности закономерностей естественного эволюционного развития социальных явлений и процессов.

Говоря об этих изъянах, было бы несправдой все разрабатываемые и принимаемые меры по предупреждению преступности в СССР оценивать как порочную установку КПСС на ее искоренение. Партийные, государственные, правоохранительные органы и общественные организации, находясь на прагматических позициях, делали большую работу по практическому предотвращению преступлений на производстве, в школе, семье, на улице¹¹. В конце 90-х

годов в СССР вплотную подошли к разработке конкретных государственных программ борьбы с преступностью, модельное содержание которых было теоретически обосновано моим коллегой С. В. Бородиным¹². И эта работа не прошла даром. Она реализуется в первой государственной программе по усилению борьбы с преступностью в России в 1994—1995 годы и в федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1996—1997 годы. Другой вопрос — как практически выполняются эти программы.

Нынешние некоторые демократические установки, направленные на огульное отрицание прежнего социалистического опыта, не менее разрушительны, чем прежние коммунистические. В стране за 60—80-е годы сформировалась более или менее работающая система профилактики, но она была разрушена под гул “очищающей” критики тоталитаризма, которая с водой не только выплеснула ребенка, но и выбросила саму ванну.

Для того чтобы осознать порочность бездумного отношения к прошлому, обратимся к зарубежным авторам. Передо мной фундаментальная книга Дж. Грэхэм и Т. Беннетта о стратегиях предупреждения преступности в Европе и Северной Америке¹³, изданная ассоциированным с ООН Европейским институтом (HEUNI) в 1995 году, в которой подробно рассматривается предупреждение преступности в шести зонах социальной политики: городская зона, здравоохранение, семья, образование, молодежь, занятость. Все эти аспекты, кроме занятости (что было не актуально), в нашей стране исследовались на самом высоком научно-практическом уровне, и некоторые из них были практически реализованы. Ныне все разрушено и остается невостребованным, как в советское время осталось невостребованным научное наследие русских правоведов, криминологов и философов. А ведь если из советских книжек выбросить тогда обязательную идеологическую шелуху, то их основные рекомендации будут не менее практичны, как и много лет назад.

Когда я анализирую эти шарахания, я вспоминаю статью Леонида Утесова «“Тургенев” и легкая музыка», опубликованную в “Литературной газете” в конце 60-х годов. Он писал, что когда-то в Одессе был небольшой прогулочный пароход “Тургенев”. Когда он стоял у причала и пассажиры толпились на борту, обращенном к городу, он накренялся на этот борт. При отправлении капитан командовал: “Всем на правый борт!” — и посудина опрокидывалась на другой борт. Потом слышалась команда: “Всем на левый борт” и т. д. Проходило много времени, пока пароход принимал устойчивое положение. Утесов сравнивал это с колеблющимися оценками легкой музыки. Но данное сравнение распространимо и на наши традиционные перебежки конъюнктурщиков в стан победивших “большевиков”.

2. Открытие данных о преступности в СССР

С середины 60-х годов, как только криминологии было позволено выйти из забвения, ученые, исследующие проблемы борьбы с преступностью, неоднократно ставили вопрос о снятии грифа секретности со

статистических сведений о преступности. Только в ЦК КПСС было направлено до десятка аргументированных обращений. Безрезультатно. Начавшаяся перестройка позволила постепенно и с большими мучениями исключить эти данные из числа государственных тайн.

В июне 1987 года были сняты ограничения на публикацию статистических сведений о количестве осужденных по семи видам опасных преступлений. В октябре Минюст СССР после шестидесятилетнего перерыва впервые опубликовал данные о судимости в первом полугодии 1987 года¹⁴. В Постановлении ЦК КПСС "О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества" от 7 июня 1988 г. было признано необходимым наладить регулярное информирование широкой общественности по вопросам моральной статистики. В Госкомстате СССР был воссоздан упраздненный в 30-е годы отдел моральной статистики, в котором постепенно стала сосредотачиваться сводная информация о преступности и судимости, административных нарушениях и иных негативных явлениях¹⁵. И наконец в январе 1989 года было принято решение о снятии ограничений с публикаций сводных данных о зарегистрированных преступлениях и общем числе осужденных. Некоторое время табу оставалось лишь на сведениях о численности осужденных, находящихся в местах лишения свободы, и о количестве казненных. Но до сих пор фактически остаются закрытыми отдельные криминологические сведения.

С 1990 года вышел первый статистический сборник о преступности и правонарушениях с моим предисловием¹⁶. В последующем они стали выходить ежегодно¹⁷. В юридических журналах начали публиковаться криминологические анализы и комментарии¹⁸. Но период пользования криминальной статистикой в объеме Союза оказался недолгим. Последний раз, да и то неполно, она была собрана в 1991 году. После разрушения СССР распалось не только политическое, экономическое, но и информационное пространство. В ныне выпускаемых российских сборниках приводятся лишь отрывочные сведения о преступности в странах СНГ. В самой же России наметившиеся тенденции к открытию криминальных реалий были продолжены. 21 июня 1993 г. принят Закон о государственной тайне, а спустя два года (?) и Перечень сведений, ее составляющих. Согласно этим нормативным актам не подлежат засекречиванию сведения о преступности, фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, фактах нарушения законности органами государственной власти и должностными лицами. Несмотря на это, данные о преступности в Вооруженных Силах и ФСБ, а также о коррупции государственных служащих до сих пор остаются формально закрытыми.

Перечень лишь некоторых этапов открытия криминальной информации в нашей стране показывает, как болезненно проходит данный процесс. И это при том условии, что человечество около двухсот лет назад стало осваивать социальную значимость криминальной статистики как наиболее показательного индикатора общественного здоровья. С того времени во многих странах она начинает регулярно публиковаться. И "как бы ни выглядели сухо эти

выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, — писал К. Маркс о показателях преступности, — они в действительности дают больше ценного материала для истории... нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни”¹⁹. И с этим трудно не согласится.

Открытие уголовной и судебной статистики и публикация ее важнейших показателей создали реальные условия для изучения преступности и иных правонарушений в СССР, России, других странах, образованных на территории Союза, в тесной связи с политическими, социальными, экономическими, организационными и социально-психологическими процессами, а также в сопоставлении с преступностью в других странах и мире в целом. Однако данная возможность пока реализуется плохо. Органы внутренних дел, прокуратура, таможенный комитет, налоговая полиция и суды собирают огромный и неплохо разработанный материал (не будем говорить пока о степени его полноты и объективности) о преступности, судимости и иных правонарушениях. В официальных сборниках публикуются лишь наиболее общие данные. Но даже и они, практически мало используются. Активными пользователями являются скорее журналисты, чем криминологи и криминалисты. Но журналисты интересуются сенсацией. Конституционное право граждан России свободно искать, получать, передавать и распространять открытую информацию учеными-юристами почти не используется. Поэтому к большинству рутинных данных никогда не прикасалась и не прикасается рука исследователя. Создалась парадоксальная ситуация. Когда криминальная статистика была закрыта, о необходимости ее включения в научный оборот говорилось на каждом научном семинаре. Сейчас эти сведения стали общедоступными, но с ними мало кто желает профессионально работать. Скрупулезный сбор многочисленных показателей о преступлениях как стихийных, но очень дорогих социальных экспериментах пока не окупается. Минюст РФ воспринял эту ситуацию буквально. Каждую непубликованную цифру он продает за большие деньги, фактически возвращая нас к прежней закрытости.

Можно предположить, что длительное замалчивание фактических данных, которые академик И. П. Павлов называл воздухом ученого, видимо, не прошло бесследно для общественных и юридических наук. Оно приучило исследователей опираться не на “фактическую”, а “писанную” (законы, иные нормативные акты, постановления, книги и т. д.) реальность и работать на уровне не эмпирического, статистического и социологического анализа, а логико-правового, догматического. Он легче и не требует большого материального и технического обеспечения. В силу этого многие юристы, разрабатывающие проблемы борьбы с преступностью, до сих пор слабо владеют современными социологическими, статистическими и математическими методами системного эмпирического анализа правовой реальности. Даже в основе разработки нового УК РФ 1996 года не было никакого криминологического анализа и прогноза. Ни разработчики (специалисты уголовного права), ни законодатели, видимо, в них не нуждались. И это будет одной из серьезных причин его ближайших изменений и дополнений. Появились даже пси-

хологозащитные утверждения, в которых в связи с неполнотой собираемых статистических сведений о преступности убежденно внушается мысль чуть ли не о бесполезности работы с фактическим материалом, презрительно именуемой “игрой в цифири”.

Да, учет преступлений и иных правонарушений в любой стране мира неполно отражает действительное положение дел в государстве, регионе, населенном пункте. Об этом известно со времен Кетле. Естественно, такое положение подрывает объективность уголовной статистики. Вопрос о ее совершенствовании имеет мировое значение. Не случайно он остро обсуждался на Шестом, Седьмом и Восьмом конгрессах ООН. Но это не должно снижать научно-практического интереса к ней. Наоборот, только на ее основе возможны глубинные сравнения преступности и связанных с ней явлений. Такие исследования немыслимы без измерений. А истинная наука начинается главным образом с измерений. Уголовная статистика — основная база для этих целей. Ее неполнота и даже искаженность улавливаются и корректируются. Поэтому, если статистика более или менее объективно отражает реалии, она ценна сама по себе. Если же она искажена, то, сопоставляя ее с другими данными, в том числе и добытыми социологическим путем, можно выявить объективные и субъективные причины статистического “мошенничества”. Но и в этом плане ценность ее неоспорима. Она является бесспорным доказательством очковтирательства, укрывательства и прочих злоупотреблений. “Игра в цифири”, как правило, является результатом либо недобросовестного статистического анализа, либо дилетантского подхода к статданным. При профессиональном, грамотном и критичном пользовании статистическими сведениями “игры в цифири” не получается.

Каждое преступление — уникальный социально-стихийный эксперимент по противоправному разрешению противоречий между человеком и обществом. Он очень дорого обходится последнему. Пренебрегать результатами таких экспериментов, исчисляемых тысячами и миллионами, значит еще более увеличивать цену преступлений. Для объективизации учета есть пускай не совсем совершенные, но более или менее надежные методы. Статистические сведения о зарегистрированной преступности, ее структуре и динамике требуют не только количественного, но и качественного анализа в соотношении с политическими, социальными, экономическими процессами, следственно-судебной практикой, объективными и субъективными возможностями правоохранительных органов. При этом всегда следует иметь в виду, что учет преступлений и связанных с ними явлений при всей своей относительности и даже искаженности является, согласно закону больших чисел, высокорепрезентативным количественным образованием, так как “производится” консервативной инерционной правоохранительной системой, работающей примерно с одинаковыми погрешностями, национальными и другими традиционными особенностями.

Статистический закон в этом случае реализуется как внутренняя тенденция, прокладывающая себе пути сквозь массу случайностей и проявляющая себя в них как средняя многочисленных

случайных отклонений. Поэтому годовые уровни учтенной преступности, неполно отражающие текущие криминологические реалии, взятые за много лет, адекватно передают основные тенденции и закономерности ее динамики и распределения, основные тенденции и закономерности нравственного здоровья общества. А это важнее сиюминутной полноты данных. Поэтому и сегодня прав Маркс: "Преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают по своему числу и своей классификации такую же закономерность, как явления природы..."²⁰. Преступность является зеркалом, в котором мы можем более или менее объективно видеть, как функционирует наше общество. Она в настоящее время становится решающим фактором при оценке качества нашей жизни.

3. Преступность и политические спекуляции

Преступность — не классовая, не идеологическая и не политическая, а общечеловеческая проблема. Тем не менее карта преступности с незапамятных времен разыгрывается в политических, партийных, идеологических, классовых целях. Мы ее разыгрывали более семи десятилетий, тщась доказать, что преступления — родимые пятна капитализма, которые становятся преходящими и искоренимыми в процессе коммунистических преобразований, хотя достаточных доказательств для таких заклинаний не было и не могло быть. Политизация преступности ведется и в других странах. Например, в США криминализация в обществе давно стала проблемой политической. И в этом своем значении она особенно интенсивно эксплуатируется в период предвыборных кампаний²¹.

Отечественная политизация преступности была всегда более скрытой, теоретически "обоснованной" и, видимо, более опасной. В целях оправдания идеологических преимуществ социализма над капитализмом правоохранительная система находилась под императивным требованием партии и государства о сокращении и искоренении "чуждых" социализму антиобщественных проявлений. В условиях насаждаемого идеологического единомыслия, закрытой уголовной статистики и строгой цензуры сведений о морально-правовом состоянии общества социалистическая мифология воспринималась относительно реалистично. Мифы о преступности в СССР были частью общественного сознания. Опубликовав однажды об этом статью²², я наряду с критикой ее получил отзывы в поддержку прежних и новых мифов.

Политизация проблемы преступности в социалистическом тоталитарном обществе серьезно извращала правоприменительную деятельность органов правоохраны, превращала их из стражей правопорядка в его лакировщиков. Не в состоянии выполнить требование партии о реальном искоренении преступности, они сокращали ее на бумаге, загоня криминальные болезни в глубь общественных отношений. Волна регистрируемой преступности в СССР и в России в годы активной кампании по деидеологизации и департизации правоохранительных органов была связана наряду с многи-

ми другими причинами и с определенной объективизацией реальной криминологической обстановки. Но эта объективизация, как любая политическая акция, была кратковременной. Фактическая же преступность росла по другим причинам.

Политизация проблемы преступности в плюралистических системах с точки зрения криминологии имеет плюсы и минусы. Открытое обсуждение преступности и путей борьбы с ней в бескомпромиссном межпартийном политическом противостоянии прямо или косвенно способствует актуализации и объективации криминологической проблематики, критической оценке достигнутого и коллективной выработке новых программ контроля над преступностью или ее отдельными видами. Однако, как во всякой политической борьбе, все это не происходит без подтасовок, искажений, разоблачений, демагогии и прямого обмана. Ближайшей целью таких действий является чаще всего не улучшение реальной борьбы с преступностью, а достижение необходимого политического эффекта. Эта же цель нередко доминирует и при непосредственном управлении страной, особенно перед грядущими выборами.

Российская Федерация, еще не полностью оторвавшись от моносоциалистической политизации проблемы борьбы с преступностью, встает на плюралистический путь политизации проблемы уголовно наказуемых деяний. Разброс мнений о растущей преступности, борьбе с ней и задачах органов правоохраны в этот переходный период огромен и непостоянен, как динамична сама политическая жизнь в неустоявшейся России.

Еще в 1989—1990 годы, когда демократическое движение формировалось и было в оппозиции к властному коммунистическому режиму, особой критике (справедливой и огульной) подвергались правоохранительные органы и действующее законодательство. Карта права и его применения откровенно разыгрывалась не в интересах правопорядка, а в политических целях: с одной стороны, в интересах демократических сил, с другой — в интересах коммунистической бюрократии. Одни инсценировали возбуждение уголовных дел о кооперативной коммерческой деятельности, другие — о злоупотреблениях КГБ и МВД. А борьба с преступностью (термин, признанный в ООН) в устах демократических критиков стала ругательной функцией не только для судов, но и для прокуратуры. Сведение борьбы с преступностью к деятельности постового милиционера (вся остальная система уголовной юстиции по идее демократических критиков должна была заниматься только правами человека) было явной политической передержкой. Они изменили свой подход, когда пришли к власти и столкнулись с оголтелой преступностью и ими же подорванными органами правоохраны.

Все эти и другие политические игры с правоохранительными органами серьезно расшатали правоохранную деятельность. Началось "бегство" от дел и "бегство" из юстиции. Десятки тысяч квалифицированных оперативников, следователей, прокуроров и судей ушли из уголовной юстиции в коммерческие и иные структуры. Министр внутренних дел России квалифицировал это на одном из

совещаний как “уход в стан врагов”. Это глубоко ошибочно. Большинство честных работников системы уголовной юстиции бежали не к большим деньгам, а от облыжных обвинений всех органов правоохраны со стороны безответственных “демократов” и рождающихся новых средств массовой информации, которые в это время любыми путями сколачивали себе политический капитал.

Политически разрушение правоохранительных органов оправдывалось боязнью их могущества и возможной реставрации тоталитаризма. Объективно такая опасность вряд ли существовала. Опереточность ГКЧП была достаточным доказательством того, что КГБ и другие органы правоохраны не в силах повторить 37-й год. У политического страха, однако, глаза велики. Результат — паралич социально-правового контроля. Утрата профессионализма. Разгул нигилизма.

Лишь в середине 1992 года российские власти стали как-то осознавать тот урон, который был нанесен уголовной юстиции и правопорядку в целом политическими манипуляциями. Кроме того, к этому времени они более двух лет находились у руководства страной. Год прошел после августовского путча 1991 года. Правовой беспредел, охвативший все сферы деятельности (особенно экономической), нельзя было списать только за счет союзной партюкратии. Надо было нести хоть какую-то ответственность самим. В связи с этим в 1993—1994 годы появляется целый ряд постановлений, указов, решений, совещаний, объявляющих войну преступности. Борьба с ней определяется (вопреки объективной причинности) более важной, чем выход страны из экономического кризиса. Но кроме некоторого кадрового и материально-технического укрепления МВД и других правоохранительных органов развернувшаяся криминологическая активность властей так и не вышла за пределы тривиальных политических акций. Их интенсивность особенно усилилась перед всенародным референдумом 1993 года, когда карта преступности стала особенно активно использоваться в политических целях рождающихся политических группировок.

Выступление перед Верховным Советом об организованной преступности и коррупции вице-президента А. Руцкого, Председателя Межведомственной комиссии по борьбе с этими явлениями, в апреле 1993 года²³ было апогеем политической демагогии на криминологическую тему. Ибо властям ничто не мешало своевременно развернуть борьбу с организованной преступностью и коррупцией, а не накапливать оперативные материалы в “одиннадцати” чемоданах, чтобы выплеснуть их содержание в подходящий политический момент. Фактически все закончилось телерадиошумами. “Обвиняемые” политические силы “своих” преступников не выдали, а “обвинители” вскоре сами стали “обвиняемыми” и даже “заключенными”, но лишь на короткое время. Политическая амнистия в феврале 1994 года, отражающая международный афоризм “живи и жить давай другим” (“vivons et laissons vivre les autres” — франц.), лишний раз продемонстрировала, что политика выше права. Таким образом, реальная борьба с преступностью и здесь была брошена в жертву политическим амбициям.

Аналогичное положение дел отмечается с пересмотром старых и принятием новых законов, необходимых для более эффективной борьбы с растущей преступностью. Их проекты годами “ходят” по рабочим группам, парламентским кабинетам и комиссиям. Основной причиной такого затягивания являются политические интересы противоборствующих фракций. Особую остроту это противоборство приобретает между прокоммунистическими и прокапиталистическими образованиями. Первые пугают народ ростом преступности, связывая ее с перестройкой и последующей капитализацией общественных отношений, хотя преступность в СССР прирастала всегда, и особенно в последние 30 лет. Вторые убаюкивают народ тем, что с осуществлением рыночных реформ преступность будет сокращаться, хотя никаких оснований, если исходить из мирового капиталистического опыта, для таких обещаний нет.

Реальный уровень преступности не дает оснований ни для паники (в переходный период всеобщей бездарной ломки общественных отношений другого ожидать трудно), ни для благодушия. И не надо его политизировать. Ибо политические спекуляции на этот счет не имеют ничего общего с прагматическим совершенствованием социально-правового контроля над преступностью.

Преступность развивается по своим очень сложным законам. Ее связи с социально-экономическими и политическими процессами достаточно сильны, но они не носят линейного характера. Многие из причинных цепочек, как справедливо замечает В. Н. Кудрявцев, досконально не изучены, а главное — на них не обращается внимание при принятии решений²⁴. Стремление связывать рост (сокращение) преступности с новыми “измами” некорректно. В демократических странах с рыночной экономикой формируются свои острые криминологические проблемы. Поэтому, похоронив маниловскую мечту об искоренении преступности в процессе коммунистического строительства, общество не должно впадать в новые идеологические и политические иллюзии. Во всех случаях, при любой политической игре оно должно быть способно к профессиональной и правовой борьбе с растущей преступностью, к систематической разработке и осуществлению реалистических программ по предупреждению преступных проявлений и контролю над ними в строгих рамках законности.

Искоренить уголовную преступность пока не удалось ни одной стране мира. Эта задача усложняется и удорожается в условиях демократического правового государства с рыночной экономикой, поскольку, с одной стороны, ослабевает тоталитарный пресс страха и расширяется свобода человеческого поведения, в том числе и преступного, с другой — борьба с преступностью в искомой социальной системе все больше и больше должна входить в строгие рамки законности, в которых доказывание вины многократно усложняется.

Строгое следование демократическим принципам и соблюдение конституционных прав и свобод граждан при осуществлении борьбы с преступностью по сравнению с прежним социалистическим произволом властей существенно “затрудняют” деятельность правоохранительных органов, которые не умеют работать в таких

условиях и всячески добиваются для себя прежних дискреционных полномочий.

Исторический Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. о борьбе с бандитизмом и организованной преступностью, который вопреки только что принятой Конституции России и иному действующему законодательству предоставил такие полномочия, является своеобразной правонигилистической результирующей рассматриваемой политизации, вытекающей из требований органов правоохраны, реальной криминологической обстановки, отсталой правовой базы борьбы с преступностью и декларируемых демократических принципов уголовного судопроизводства. Госдума, обязанная решать законодательные проблемы, впала в другую крайность — в правовой догматизм. И вместо оперативной выработки адекватных обстановке, но демократически выдержанных законодательных установлений по контролю над интенсивно растущей преступностью она ограничилась политической риторикой и критикой указа.

Преступность в условиях декларируемого демократического правового государства с рыночной экономикой является своеобразной платой общества за свою экономическую, политическую и в определенной мере нравственную свободу. Борьба с преступностью в подобном обществе, если оно намерено оставаться таковым, не может осуществляться методом “мюллеровского колпака”, но ее нельзя и превращать в политическую игру.

На этой волне в 1994 году избирался первый Президент Беларуси. Первым актом избранного в то же время Президента Украины был указ об усилении борьбы с преступностью. В правящих кругах России данный аргумент выдвигается на первый план внутренней политики, особенно в переломные моменты. Он был особенно в ходу во время выборной кампании Президента РФ в 1996 году. Умение сдерживать рост преступности становится одним из основных доказательств политической дееспособности властных структур. Они это понимают и осуществляют серьезный нажим на МВД и другие правоохранительные органы, а последние, будучи не в состоянии реально справиться с растущей преступностью, вспоминают старые и изобретают новые способы манипуляции криминальной статистикой. Все возвращается на круги своя.

Итак, с какой бы стороны ни посмотреть на политизацию проблемы преступности, она всюду, и особенно в условиях России, лишь тормозит решение этой проблемы, если не сказать, что способствует самой преступности. Деидеологизация и департизация системы уголовной юстиции не устранили политического вмешательства в ее деятельность.

Уголовная юстиция, руководимая только законом и служащая только народу, при любой политической погоде (игре) должна оставаться **стабильной, дееспособной и адекватной реальной криминологической обстановке**. Будучи подконтрольна народу, она должна быть им уважаема. Борьбу с преступностью нельзя вывести из-под критики, но ее следует оберегать от политических спекуляций, от попыток превращения правоохранительных органов как в объект,

так и в субъект политической борьбы, отчего российские власти и их оппозиция пока не отказались.

¹ Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление. СПб., 1900 (пер. с нем.).

² Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39—44.

^{2a} Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 104—105.

³ Лунеев В. В. Криминология (причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР). Учебник. М., 1986. С. 28—29; См. также: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. МГУ, 1969. С. 171—184.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91.

⁵ Шур Эдвин М. Наше преступное общество. М., 1977. С. 15.

⁶ Bennett Georgette. Crimewarps. The Future of Crime in America. Revised and Updated. Anchor Books. New York—London—Toronto—Sydney—Auckland, 1989. P. XIII.

⁷ Шур Эдвин М. Указ. соч. С. 39.

⁸ Предупреждение преступности и борьба с ней. Доклад Генерального секретаря на тридцать второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН. А/32/199. 1977. 28 окт. P. 41.

⁹ Оруэлл Дж. Избранное. М., 1989. С. 7.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

¹¹ Курс советской криминологии: Предупреждение преступности. М., 1986.

¹² Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990.

¹³ Graham J., Bennett T. Crime Prevention Strategies in Europe and North America. HEUNI, Helsinki, Finland, 1995.

¹⁴ Известия. 1987. 9 окт.

¹⁵ Правда. 1988. 12 июня.

¹⁶ Преступность и правонарушения в СССР. Статистический сборник 1989. М., 1990.

¹⁷ Преступность и правонарушения в СССР. Статистический сборник. 1990. М., 1991; Преступность и правонарушения. 1991. Статистический сборник. М., 1992; Преступность и правонарушения. 1992. Статистический сборник. М., 1993; Преступность и правонарушения. 1993. Статистический сборник. М., 1994; Преступность и правонарушения. 1994. Статистический сборник. М., 1995; Преступность и правонарушения (1991—1995). Статистический сборник. М., 1996 и др.

¹⁸ Лунеев В. В. Преступность в СССР за 1988 г. Статистика и комментарий криминолога // Советское государство и право. 1989. № 8.

^{18a} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 513.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 532.

²¹ США: преступность и политика. М., 1972. С. 9; Vetter H. G., Silverman I. G. Criminology and Crime. N. Y., USA, 1987. P. 30—35.

²² Лунеев В. В. Преступная мифология // Известия. 1991. 13 апр.

²³ Советская Россия. 1993. 4 сент.

²⁴ Кудрявцев В. Н. Социальные деформации. М., 1992. С. 31.

Часть I

Общие тенденции преступности

Глава 1

Мировые тенденции и закономерности преступности

1. История постановки вопроса

В течение последнего столетия в мире неоднократно предпринимались попытки сравнить данные уголовной статистики различных стран. В этих целях проводились многочисленные исследования, охватывающие, как правило, некоторые развитые страны по более или менее сопоставимым и выборочным формам преступного поведения. На этой основе вырабатывались некоторые обобщающие определения, позволяющие хоть в какой-то мере сопоставлять преступность разных стран с далеко не схожими уголовным и процессуальным законодательством, судебной практикой и другими статистически значимыми условиями¹.

В СССР сравнительные уголовно-статистические исследования практически не проводились. Все криминологические проблемы в стране в дореформенное время рассматривались как бы в самоизоляции от мировых тенденций. К этому было много причин.

Во-первых, предполагалось, что преступность в социалистическом обществе и связанные с ней процессы имеют принципиальное отличие от аналогичных сторон капиталистического мира, а посему паритетное сопоставление их считалось не совсем корректным; во-вторых, советские криминологи, да и криминологи других соцстран, как уже говорилось, были фактически лишены статистических сведений о преступности и это не давало им возможности открыто заниматься сравнительными исследованиями даже внутри социалистического пространства; в-третьих, несмотря на негативные тенденции преступности в Союзе в последние 30 лет, наше общественное сознание было обременено мнимой идеей об объективно заданной позитивной предрешенности этой проблемы в процессе коммунистического строительства.

Поэтому те или иные суждения о преступности в стране вне категории "сокращения" и "искоренения" вряд ли могли быть поняты официальным общественным мнением. Просачивающиеся же иногда сведения о неблагоприятной динамике преступности в СССР стереотипно воспринимались как отдельные и временные, связывались с ближайшими негативными обстоятельствами. Если некоторые авторы и изучали преступность в других странах, прибегая к сравнению с отдельными показателями преступности в нашей стране, то чаще всего лишь в плане критики буржуазного и апологии социалистического образа жизни². Иной сравнительный подход

они реализовать объективно не могли. Это, однако, не останавливало исследователей из других стран³.

В середине 60-х годов А. А. Герцензон, глубоко знавший зарубежную криминологическую литературу и преступность в различных странах мира, в том числе и в СССР, в содержательной вступительной статье к одному из наиболее обстоятельных закрытых сборников о состоянии преступности в капиталистических странах (в те годы засекречивались даже открытые статистические сведения буржуазных стран), чтобы не вводить себя в опасный соблазн сопоставлений, дал четкое индифферентное объяснение: поскольку сборник посвящен преступности в капиталистических государствах, в него не включены сведения по социалистическим странам⁴.

В открытом мире вопрос о сопоставимости уголовно-статистических данных различных стран разрабатывался не только теоретически. В практическом плане он был поставлен на 1-м Международном статистическом конгрессе в 1853 году А. Кетле. С тех пор эта проблема неоднократно обсуждалась на конгрессах по международной статистике и на сессиях Международного статистического института. В 1901 году было сделано первое сравнительное исследование преступности в Италии, Франции, Испании, Австрии, Германии, Англии, Шотландии, Ирландии, а в 1911 году предложена единая система показателей для международных сравнительных исследований, которая совершенствовалась в плане повышения сопоставимости данных главным образом путем выделения ограниченных, но представительных и сравнимых признаков.

На основе выработанных методик было проведено несколько сравнительных анализов, накоплен опыт, налажено сотрудничество Международного статистического института с Международной уголовно-правовой и пенитенциарной комиссией, которые в 30-е годы создали Смешанную комиссию для сравнительного изучения уголовной статистики в различных странах. В 1937 году эта комиссия от имени Международного статистического института разослала правительствам различных стран основанную на германской схеме сравнительной уголовной статистики программу международных уголовно-статистических исследований.

Вторая мировая война прервала осуществление этой деятельности. Но после окончания войны увеличивающаяся актуальность данной проблемы привлекла внимание только что созданной ООН. В ее резолюции от 13 августа 1948 г. впервые упоминается о необходимости сопоставительного анализа преступности в мире. В сборнике ООН "Статистический ежегодник" (1949 г.) были опубликованы по более чем двадцати странам некоторые статистические сведения о динамике преступности в предвоенные и военные годы. Вместе с тем возобновились попытки разработать методические и организационные предпосылки для создания международной уголовной статистики.

В 1950 году Генеральной Ассамблеей была принята резолюция о необходимости созыва каждые пять лет международных конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с

правонарушителями. И на Первом же конгрессе (Женева, 1955 г.) вопрос о сравнительном исследовании преступности в мире серьезно обсуждался, хотя по нему и не было принято никаких резолюций. СССР стал принимать участие в конгрессах ООН с 1960 года⁵.

Неблагоприятная ситуация борьбы с преступностью в мире вновь и вновь ставила этот вопрос на повестку дня. Во многих регионах преступность приобретала особо опасный характер, число преступлений росло, представляя собой угрозу для экономического, социального и культурного развития стран, для нормальных условий жизни людей.

Отвечая на вызов времени, Генеральная Ассамблея 18 декабря 1972 г. приняла резолюцию 3021 (XXVII), в которой государствам — членам ООН было предложено информировать Генерального секретаря о существующем в их странах положении в области предупреждения преступности и борьбы с ней и о мерах, принимаемых в этом направлении, с тем чтобы на основании такой информации представить Генеральной Ассамблее соответствующий доклад.

Исполнение этой резолюции оказалось делом сложным. Записка Генерального секретаря от 10 июля 1974 г. с предложением представить необходимую информацию о преступности оказалась практически не исполненной. 3 июня 1976 г. ООН повторила свою просьбу, направив государствам подробную анкету, в которой должны были найти отражение общее число официально зарегистрированных правонарушителей за период 1970—1975 годов и распределение их по полу и возрасту. Кроме того, государства должны были сообщить общее число официально зарегистрированных преступлений и их распределение по десяти серьезным видам деяний (умышленное убийство, опасное посягательство на здоровье или достоинство личности, половые преступления, похищение людей, грабеж, кража, мошенничество, незаконная торговля наркотиками, злоупотребление наркотиками, злоупотребление спиртными напитками).

Ответы поступили от правительств 64 государств: Австралии, Австрии, Алжира, Аргентины, Багамских Островов, Барбадоса, Бахрейна, Бельгии, Габона, Гайаны, Гватемалы, Германии (ФРГ), Германской Демократической Республики, Греции, Дании, Египта, Индонезии, Ирака, Ирана, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, Канады, Катара, Кипра, Колумбии, Коста-Рики, Кувейта, Ливии, Люксембурга, Маврикия, Малайзии, Мальдивских Островов, Марокко, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Омана, Пакистана, Перу, Польши, Сальвадора, Саудовской Аравии, Сейшельских Островов, Сингапура, Сирии, Соединенного Королевства (Англи), США, Тринидада и Тобаго, Турции, Филиппин, Финляндии, Франции, Чехословакии, Чили, Швеции, Эквадора, Эфиопии, Югославии, Ямайки и Японии. Информация также была получена от государств, не являющихся членами ООН: Сан-Марино и Швейцарии. Результаты анализа полученных ответов под названием **Первого обзора** преступности были изложены в докладе Генерального секретаря на тридцать второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН⁶.

Шестой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1980 г., Каракас) в своей резолюции по вопросу развития статистики в области преступности и правосудия обратился с просьбой к Генеральному секретарю активизировать координацию деятельности по сбору сопоставимой в международном масштабе статистической информации о преступности и правосудии в каждом государстве и рекомендовал приложить необходимые усилия по совершенствованию информации о тех преступлениях, которые вызывают наименьшее число проблем в плане сопоставимости.

Во исполнение этих решений ООН были проведены большие подготовительные работы, направленные на получение более достоверной и надежной статистической информации ко **Второму обзору ООН о тенденциях преступности, функционированию систем уголовного правосудия и стратегиях по ее предупреждению.** Подготовленный в ходе этой работы вопросник включал в себя три группы показателей: 1) статистические данные о зарегистрированной преступности; 2) статистические данные и качественная информация о функционировании систем правосудия; 3) сведения о стратегиях предупреждения преступности. Он был разослан в начале 1983 года и предполагал получение необходимой информации за 1975—1980 годы. По состоянию на 15 мая 1985 г. ответы были получены из 70 стран. Из-за задержки ответов в анализ попали сведения о 65 странах (Австрия, Алжир, Аргентина, Багамские Острова, Бангладеш, Барбадос, Бахрейн, Белиз, Бельгия, Венесуэла, Германия (ФРГ), Гондурас, Греция, Дания, Зимбабве, Израиль, Индия, Индонезия, Иордания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Катар, Кипр, Колумбия, Корея, Куба, Кувейт, Маврикий, Мадагаскар, Марокко, Непал, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Панама, Перу, Польша, Португалия, Республика Зеленого Мыса, Сент-Люсия, Сингапур, Сирия, Соединенное Королевство (Англия), США, Таиланд, Тонга, Тринидад и Тобаго, Тувалу, Уганда, Фиджи, Филиппины, Финляндия, Франция, Чад, Чехословакия, Чили, Швеция, Эквадор, Югославия, Ямайка, Япония). Результаты анализа были изложены во **Втором обзоре ООН о тенденциях преступности к Седьмому конгрессу (Милан, 1985 г.)**⁷.

Проанализировав состояние преступности, этот конгресс в своем решении, поименованном “Миланский план действий”, констатировал, что “преступность представляет собой серьезную проблему в национальном, а в ряде случаев и в международном масштабе. Некоторые формы преступности могут препятствовать политическому, экономическому, социальному и культурному развитию народов и ставить под угрозу права человека, основные свободы, а также мир, стабильность и безопасность”⁸. В резолюции 9 “Развитие информационных и статистических систем в области преступности и уголовного правосудия” конгресс рекомендует провести обстоятельное изучение результатов обзоров преступности и выявить проблемы, возникающие у государств при представлении ответов на обзоры, и предложить методы их решения⁹.

Для подготовки следующего, **Третьего обзора**, согласно усовершенствованной анкете, ответы поступили из 95 стран и территорий. Впервые скудные данные получены от СССР, а также от Белорусской и Украинской Республик как членов ООН. В связи с запаздыванием ответов анализировались данные 78 стран и территорий (Австралия, Австрия, Аргентина, Бангладеш, Бермудские Острова, Белорусская ССР, Бельгия, Болгария, Ботсвана, Бруней Даруссалам, Вануату, Венгрия, Гана, Германия (ФРГ), Германская Демократическая Республика, Гибралтар, Гондурас, Греция, Дания, Египет, Зимбабве, Индия, Индонезия, Иордания, Испания, Италия, Кабо-Верде, Каймановы Острова, Канада, Катар, Кипр, Китай, Колумбия, Корея, Коста-Рика, Кувейт, Либерия, Малави, Малайзия, Мальдивская Республика, Мальта, Непал, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Остров Святой Елены, Панама, Парагвай, Перу, Польша, Португалия, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Сингапур, Соединенное Королевство (с отдельными ответами от Англии и Уэльса, Северной Ирландии и Шотландии), СССР, США, Суринам, Тринидад и Тобаго, Турция, Украинская ССР, Уругвай, Фиджи, Филиппины, Финляндия, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Шри-Ланка, Эквадор, Югославия, Южная Африка, Ямайка, Япония).

Анализ охватывал период 1980—1986 годов. Его результаты были изложены в предварительном Третьем обзоре и последующих обобщениях, а также в региональных исследованиях, осуществленных ассоциированным с ООН Хельсинкским (ныне: Европейским) институтом по предупреждению преступности и борьбе с ней (HEUNI), Азиатским и Дальневосточным институтом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (UN-AFECI) и др.¹⁰ Большинство публикаций было представлено Восьмому конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1990 г., Гавана), который в своей резолюции 10 “Развитие статистических обзоров ООН в области уголовного правосудия” отметил существенный прогресс, достигнутый в области международных статистических сопоставлений и предложил активизировать разработку и развитие будущих статистических обзоров и усовершенствовать их методическую и техническую базу. ЭКОСОС (Экономический и Социальный Совет ООН) рекомендовал охватить **Четвертым обзором** период 1986—1990 годов, а последующие обзоры готовить с интервалом в два года, а в итоге — ежегодно.

В июне 1991 года в Риме было проведено совещание экспертов о создании информационной системы ООН по уголовному правосудию и об уточнении и расширении вопросника. Рекомендации этого совещания обсуждались на совещании министров стран-членов в Париже в ноябре 1991 года, где рассматривались вопросы по созданию эффективной программы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

В первой половине 1992 года вопросник к Четвертому обзору был разослан во все страны с просьбой заполнить его необходимыми-

ми данными за 1986—1990 годы и выслать в статистическое управление ООН к 15 октября 1992 г. Вопросник состоял из четырех разделов: полиция, прокуратура, суд и тюрьмы. Сведения касались зарегистрированной преступности, лиц, привлеченных к уголовной ответственности, осужденных, заключенных, численности персонала органов системы уголовного юстиции и их бюджета. Преступность отслеживалась по умышленным и неосторожным убийствам, нападениям, изнасилованиям, грабежам, кражам, незаконным проникновениям в жилище, мошенничеству, взяточничеству и иным видам.

Ответы стран поступали с большим опозданием в течение 1993—1994 годов. С территории бывшего СССР ответили Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Украина, Таджикистан, Эстония. Остальные страны просьбу ООН игнорировали. В России предпринимались попытки заполнить вопросник ООН. Однако различные ведомства по-разному истолковали ооновские дефиниции преступлений. ГИЦ МВД, например, к нападениям (Assault), в которые должны включаться все виды телесных повреждений, ошибочно отнес разбойные нападения, тогда как они охватываются международной дефиницией Robbery (грабеж). Путаница была допущена и другими ведомствами по иным видам преступлений¹¹. МИД РФ, на который возлагалась координация ответов, эту работу так и не довел до конца. Будучи членом группы экспертов по Четвертому обзору ООН в Хельсинкском (ныне: Европейском) институте, на который возложен анализ преступности в регионе государств Северной Америки и Европы со странами, образованными на территории бывшего СССР, я вынужден был заполнять эти вопросники в частном порядке на основе имеющихся неполных данных. Не было сведений о численности милиции и ее бюджете.

Результаты Четвертого обзора ООН основывались на ответах 100 стран и территорий: Австралии, Австрии, Аргентины, Армении, Барбадоса, Бахрейна, Беларуси, Бельгии, Бермудских Островов, Болгарии, Ботсваны, Бразилии, Вануату, Венгрии, Венесуэлы, Ганы, Германии, Гонконга, Греции, Дании, Египта, Зимбабве, Израиля, Индии, Иордании, Испании, Италии, Казахстана, Канады, Катара, Кипра, Китая, Колумбии, Коста-Рики, Кувейта, Кыргызстана, Латвии, Лесото, Ливана, Литвы, Люксембурга, Маврикия, Мадагаскара, Малайзии, Мальдивских Островов, Мальты, Маршалловых Островов, Мексики, Мьянмы, Непала, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Пакистана, Панамы, Перу, Польши, Португалии, Пуэрто-Рико, Республики Корея, Молдовы, Российской Федерации, Руанды, Румынии, Сальвадора, Свазиленда, Сейшельских Островов, Сент-Китса и Невиса, Сингапура, Сирии, Словакии, Словении, Соединенного Королевства (Англии и Уэльса, Северной Ирландии и Шотландии), Сьерра-Леоне, Таджикистана, Таиланда, Тонга, Тринидада и Тобаго, Турции, Уганды, Украины, Уругвая, Филиппин, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Швейцарии, Швеции, Шри-Ланки, Эквадора, Эстонии, Эфиопии, Югославии, Южной Африки, Ямайки, Японии. Обзор был представлен Девятому конгрессу ООН (1995 г., Каир)¹².

При всех имеющихся трудностях усилия мирового сообщества не были напрасными. Растет число ответов, расширяется и совершенствуется эмпирическая база обзоров, глубже осознается необходимость этой работы как мировым сообществом в целом, так и отдельными государствами. Одним из серьезных недостатков собираемых данных является их пятилетнее отставание. Решение Восьмого конгресса о переходе на двух-, а затем и одногодичные обзоры остается невыполненным. Прежде всего это связано с пошатнувшимся авторитетом ООН и недостатками ее финансирования. Тем не менее в ООН создана относительно надежная база данных о мировой преступности, которыми вправе воспользоваться бесплатно любые государства и частные исследователи. При использовании имеющихся сведений необходимо помнить, что многие страны игнорируют просьбы ООН о предоставлении данных, а также дают неполные или неточные сведения.

Причин для такого отношения много: политических, правовых, методических, технических. СССР и другие социалистические страны не представляли требуемых данных в силу секретности. В некоторых государствах нет должного учета преступлений. Правовые системы многих стран плохо стыкуются с вопросником ООН. Отдельные страны болезненно реагируют на международную цифровую классификацию государств по уровню и другим показателям преступности. Однако, несмотря на определенную неполноту получаемых сведений, они являются достаточно репрезентативными не только в количественном, но и в качественном отношении. Специально приводимый мною перечень стран, приславших свои ответы к тому или иному обзору преступности, свидетельствует о том, что он включает в себя большую часть населения земли, охватывает все криминологически значимые регионы, различные социально-экономические и политические системы, разные уровни социально-экономического и культурного развития государств.

Преодоление имеющихся трудностей взаимопользовано. Транснационализация и интернационализация преступности заставят (хотя непросто преодолеть национальные традиции и амбиции) универсализировать контроль над ней. Эти тенденции уже проявились и будут укрепляться. В противном случае преступники не перестанут делить мир на зоны по степени риска. И страны с неадекватным контролем превращаются в их "отстойники" и "санатории". ООН имеет возможность отслеживать глобальные тенденции преступности в мире, его отдельных регионах и группах стран, прогнозировать преступность на ближайшее и отдаленное будущее, своевременно разрабатывать рекомендации по унификации уголовного законодательства, стратегий предупреждения преступности и борьбы с ней. Государства-члены получают базу для сопоставления своей преступности с преступностью других стран и мира в целом, для стимулирования унификации системы уголовных деяний, для использования мирового опыта по контролю над преступностью. **Единый фронт против преступности — неотложная задача ближайшего будущего.**

2. Методические трудности сопоставления данных

Анализ преступности разных стран, приведение ее показателей к какому-то общему знаменателю — дело чрезвычайно трудное. Далеко не всегда удается соблюсти главное требование статистических исследований — сопоставимость показателей. Даже при анализе преступности в республиках, входящих в бывший СССР, где действовали единые основы уголовного законодательства, схожие уголовные кодексы, относительно одинаковые требования к следственной и судебной практике, единые статистические документы первичного учета преступлений, где проводилась более или менее целостная уголовная политика и было практически неразрывное пространство правовой науки и юридического обучения, где существовали одни и те же политические, экономические и социальные институты, сравнительные криминологические исследования не всегда были сопоставимы, а устанавливаемые различия даже труднообъяснимы.

Как, например, объяснить существенные различия регистрируемой преступности в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и Ленинградской области, с одной стороны, в Москве и Московской области — с другой? По многим параметрам, социально-экономическим, демографическим, культурологическим и т. д., эти регионы схожи. Есть и различия. Московский мегаполис — ведущий экономический центр, средоточие деловой активности, фокус перемещения огромных денежных и товарных масс. В Москве находится 1480 банком, 1240 страховых организаций, 50 бирж, около 400 инвестиционных и более 200 финансовых компаний, т. е. свыше половины всех кредитно-финансовых учреждений, через которые осуществляется до 80% всех финансовых операций. Это притягивает преступников всех мастей. Москва — крупнейший узел железнодорожных, воздушных и автомобильных сообщений, что превращает ее в “проходной двор”. Постоянное население Москвы на 1 января 1996 г. составляло 8572 тыс. человек, число “нелегалов” (людей, живущих без прописки и регистрации) — около 1 млн. и приезжих — до 1,5 млн., а всего более 11 млн. человек. Не случайно до трети и более преступлений в ней совершают приезжие, тогда как в Ленинграде (Санкт-Петербурге) — только десятую часть. Тем не менее на протяжении десятилетий регистрируемая преступность в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и Ленинградской области в расчете на 100 тыс. населения в 2 и более раза выше, чем в Москве и Московской области. Это было замечено и при международных исследованиях¹³. Аналогичные соотношения преступлений регистрировались в 1909—1913 годы¹⁴.

В 1988 году в Москве учтено 438,9 преступления на 100 тыс. жителей, в Санкт-Петербурге (Ленинграде) — 894,8, а в 1995 году — соответственно 1074,4 и 2110,2. Разница — в два раза. При этом надо иметь в виду, что коэффициенты преступности рассчитываются на постоянное население, т. е. без учета “нелегалов” и приезжих. Если учесть их, то разница между КП в Москве и Санкт-Петербурге уве-

личится до 2,3—2,5 раза. Рост преступности за эти годы в обеих столицах был примерно схожим — в 2—2,5 раза. В 1995 году тенденции несколько изменились. В Москве преступность увеличилась на 6,6, а в Санкт-Петербурге сократилась на 5,6%. Преступность в северной столице, может быть, уже подошла к порогу насыщаемости и терпимости народа или петербургские власти решили показать свою дееспособность, но на бумаге. Я склоняюсь к последнему.

Подняв этот вопрос в присутствии тогдашнего министра внутренних дел СССР Бакатина на одном из круглых столов в “Известиях” (1989 г., 23 мая, московский выпуск), я получил следующие ответы от находившихся там руководителей милиции указанных регионов: в Москве — сильные органы правоохраны, которые полнее контролируют преступность; в Ленинграде же честнее поставлен учет преступлений. Причины, естественно, лежат глубже. Однако нельзя исключать и различий в учете. Предположим, что это так. Значит, показатели преступности этих очень схожих регионов не могут быть вполне сопоставимыми.

Существенные различия в уровне преступности в республиках Прибалтики, Средней Азии и Закавказья в определенной мере были связаны с национально-психологическим отношением к писанному праву, к компромиссам между преступником и потерпевшим, к органам правопорядка, к регистрации преступлений. Разница между коэффициентами преступности (в расчете на 100 тыс. жителей) в Эстонии и Азербайджане, например, в бытность Союза достигала 6-, а между Азербайджаном и Тувой — 12-кратного размера. И это на протяжении длительного времени. Не изменилось положение и после приобретения республиками государственной независимости¹⁵.

Приведенные примеры свидетельствуют об одном: достичь более или менее удовлетворительной сопоставимости показателей преступности в разных странах и территориях, по сути, можно при соблюдении многих условий.

1. Одним из этих условий является обязательное дополнение количественных показателей качественным криминологическим и уголовно-правовым анализом. Высокие темпы прироста преступности в одной стране могут быть связаны с ее реальным ростом, а в другой — с совершенствованием учета преступлений, с повышением доверия граждан к правоохранительным органам, т. е. с более полным “вычерпыванием” латентных деяний. И наоборот: низкий уровень преступности в одной стране может быть обусловлен жесточайшим тотальным контролем, а в другой — уходом полиции от регистрации преступлений. В качественный криминологический анализ могут вовлекаться другие статистические (экономические, социальные, демографические, организационные) показатели, коррелируемые с преступностью.

В период перестройки в СССР (1985—1991 г.) на фоне негативных социально-экономических и организационно-управленческих процессов наблюдался, с одной стороны, закономерный рост преступности, а с другой — неоправданное ослабление борьбы с ней. В этих условиях обнаружился такой парадокс: регистрируемые пре-

ступления против личной собственности росли более интенсивно, чем экономические деяния против государственной собственности. Последние даже сокращались. Объективно такого быть не могло. В это время менялись приоритеты. Личность и ее законные интересы стали расцениваться более важными объектами уголовно-правовой охраны, тогда как выявление преступлений против государственной собственности катастрофически ухудшилось, хотя последние росли небывалыми темпами. Качественный анализ криминологической обстановки требует глубокого проникновения в правовую реальность стран.

2. Второй группой условий, помогающих повысить уровень сопоставимости статистических показателей о преступности разных стран, является сближение уголовно-правовых дефиниций и порядка регистрации преступлений, а также ограничение сравнительного анализа общепризнанными составами деяний (типа *mala in se*).

Наибольший опыт в этом отношении имеется в федеративных государствах. В СССР, например, как в формально федеративном государстве уровень унификации уголовно-правовых понятий и статистических показателей о преступности между республиками, хотя они и имели свои уголовные кодексы, был очень высоким. В США, где кроме федеральных уголовных законов в каждом штате также имеется свой уголовный кодекс с далеко не схожими диспозициями составов и перечнями преступлений, при обобщении данных в объеме федерации используются унифицированные статистические (а не уголовно-правовые) дефиниции учитываемых преступлений, а их число не превышает восьми видов серьезных деяний. Да и они представляются штатами в добровольном порядке¹⁶. Уже много лет, например, в федеральный индекс преступности введен умышленный поджог, но до сих пор не собирается полных данных об этом деянии. 21 вид преступлений, по которым найдена определенная сопоставимость для всех штатов, учитывается по арестам выявленных лиц, абсолютное число которых примерно вчетверо меньше числа реально совершаемых деяний. В уголовных же кодексах штатов насчитывается, как правило, более двухсот разновидностей преступного поведения.

Поэтому даже в США, стране с развитой системой статистического учета, в объединенных отчетах о преступности существует "двойная бухгалтерия" и нет полных обобщающих данных о всех преступлениях, известных полиции¹⁷. Не сообщается о них и в ООН. В распространенной среди делегатов Восьмого конгресса ООН разъяснительной записке с таблицами о преступности в мире по США приводились общие показатели преступности за 1975, 1980, 1986 годы — соответственно 11 292 400, 13 408 300, 13 210 800, т. е. только в объеме 7—8 видов серьезных (индексных) преступлений¹⁸. На вопросник Четвертого обзора к Девятому конгрессу ООН США не представили никакой информации. Реальная преступность в стране в 3—4 раза больше того, что отражается в единых отчетах¹⁹.

Пытаясь как-то разобраться с порядком регистрации преступлений в США, я обратился с просьбой в американское Министерст-

во юстиции. На основе публикуемых сведений о серьезных преступлениях, арестах подозреваемых и других заслуживающих доверия данных у меня получалось, что в США ежегодно совершается около 40 млн. уголовно наказуемых деяний, известных федеральной и местной полиции. Я спрашивал министерство, насколько реален мой расчет. Руководитель программы Uniform Crime Reporting Дж. Харпер Уилсон (J. Harper Wilson) выслал мне руководство о составлении единых отчетов преступлений (Uniform Crime Reporting Handbook. Washington, D. C., 1984), сам единый отчет за 1990 год, но не сообщил общего числа деяний в США, не подтвердил и не опроверг моих расчетов. Он лишь ссылаясь на множественность арестов одних и тех же лиц.

Уникальный анализ рецидива в США подтвердил эту множественность. Эксперты обработали данные о 108 тыс. преступников, вышедших из исправительных учреждений в 1983 году. В течение первых трех лет после освобождения 63% из них были вновь подвергнуты аресту за совершение серьезных преступлений, 47% — вновь предстали перед судом, 41% — оказались в тюрьме. Наблюдаемые правонарушители за три года 1,7 млн. раз арестовывались (15,7 ареста на одного человека), из них 265 тыс. — за серьезные преступления²⁰. Возвращаясь к ответу министерства, следует заметить, что высокий рецидив не может исказить учет преступности. Последний ведется не только в лицах, но и в преступлениях. И если один человек в течение года 10 раз арестовывался за совершение преступлений, то они и должны быть учтены. Существенную неполноту учета преступлений в США подтверждают Эдвин Шур и Рамсей Кларк²¹. В конце концов, это дело правительства США. Я использовал этот факт лишь как показательную иллюстрацию о недостаточной сопоставимости преступности разных стран. Следует, однако, иметь в виду и то, что подобная неполнота сведений, которой характеризуется статистика США, где преступность исчисляется десятками миллионов, существенно искажает общие показатели о преступности в мире.

ООН, решая в своем вопроснике некоторые пути повышения сопоставимости преступности в различных странах, как и администрация США, идет по пути выделения лишь опасных и распространенных насильственных и корыстных посягательств. Структура учитываемых ООН преступлений в предыдущих обзорах не была единой. Тем не менее в последних трех из них статистически выделялось двенадцать позиций: 1) общее число зарегистрированных преступлений (в вопроснике к Четвертому обзору этой позиции нет); 2) умышленное убийство; 3) неосторожное убийство; 4) нападения с применением физического насилия; 5) преступления, связанные с наркотиками; 6) изнасилования; 7) похищения людей; 8) грабежи; 9) кражи; 10) мошенничество, в том числе растрата; 11) взяточничество; 12) прочие наиболее крупные преступления.

Отсутствие в последнем вопроснике сведений об общем числе зарегистрированных преступлений (они остались лишь в таблице о преступности в большом городе) и ограничение прочих преступле-

ний пометой "крупные", которые в каждой стране понимаются по-своему, — база для преднамеренного или неосмотрительного искажения международной статистики. Мотивы этих особенностей, которые были включены в вопросник Четвертого обзора, общеизвестны: в разных странах неодинаков уровень криминализации нежелательного поведения. В некоторых арабских странах, например, адюльтер — преступление, а в европейских это не считается даже проступком. Таких расхождений великое множество. Кроме того, в одних странах все нежелательные поступки считаются преступлениями, в других в структуре уголовно наказуемых деяний выделяются правонарушения, а в третьих в дополнение к первым двум — уголовные проступки. Все это усложняет систему транснационального учета и анализа преступлений.

Тем не менее если какое-то деяние по тому или иному национальному законодательству является уголовно наказуемым, то оно должно включаться в общее число регистрируемых преступлений, хотя в других странах оно таковым не является. Общее число учтенных преступлений разных стран в этом случае будет несопадающим по числу видов деяний, но при любом их количестве оно свидетельствует об уровне криминализации в разных странах и в мире в целом. Наличие особенности национального уголовного законодательства можно учесть при качественном анализе. Выборочный метод заполнения вопросника ООН, который утвердился в последнем обзоре, чреват гораздо большими возможностями так называемых случайных ошибок, которые практически нельзя скорректировать.

3. Следующая группа условий связана с установлением ошибок в получаемых материалах и их коррекцией. Из обзоров ООН видно, что в представляемых данных о преступности от некоторых стран содержатся многочисленные ошибки, иногда значительные. Были случаи, когда данные за один и тот же период, представляемые в разное время, имели существенные расхождения. Некоторые из них были связаны с ретроспективной реклассификацией. Например, убийство было совершено в одном году, а выявлено в другом или полиция квалифицировала действие какого-то лица как грабеж, а суд прекратил дело за отсутствием события преступления. Во всех этих случаях в статистику преступности могут вноситься изменения и дополнения. Такая реклассификация ведется не во всех странах. Например, в СССР и в России в первичные учетные данные в течение отчетного года такие корректировки могут вноситься на основе следственных и судебных решений. В других странах, например в США, корректировка отчетов производится ежемесячно в рамках полицейской деятельности. Судебные изменения полицейской статистикой не учитываются. Расхождения в ответах отдельных стран бывают так значительны, что их трудно объяснить реклассификацией преступлений. Они могли быть обусловлены политическими, идеологическими причинами или существенными техническими ошибками, какие наблюдались в ответах некоторых стран, образованных на территории бывшего СССР, о чем говорилось выше.

Приведенные примеры показывают, что ошибки наблюдения преступности в разных странах могут быть тенденциозными, что дает возможность вносить систематические поправки или, по крайней мере, иметь их в виду при качественном анализе, и случайными, выявить которые бывает труднее, а исправить можно только при повторном запросе данных, да и то не всегда.

Ошибки выявляются при различных методах контроля: арифметических, логических, электронных и т. д. При массовом статистическом наблюдении, что представляют собой ответы стран на вопросник ООН, случайные и даже тенденциозные ошибки могут частично взаимопогашаться. В связи с чем результирующие данные о преступности в мире будут более или менее адекватно отражать криминологическую обстановку в мировом сообществе, его регионах, особенно ее динамическую тенденцию.

4. Последняя группа условий, соблюдение которых позволяет получить более или менее объективные результаты, связана с методами использования аналитических группировок.

Собираемые ООН данные о преступности позволяют рассчитывать не только количественные, но и качественные характеристики преступности. Первые, как правило, малозначимы. Что, например, даст полезного человеческому сообществу в своем абсолютном значении общее число учтенных в мире преступлений? Если учесть огромные различия в уголовном законодательстве разных стран и различия в учете преступлений, немного. Но на основе этих данных можно рассчитывать многие виды относительных и средних показателей, которые могут служить более надежной точкой отсчета при сравнительном анализе преступности в различных странах.

Использование абсолютных и относительных показателей позволяет осуществлять типологические, вариационные и аналитические группировки, как первичные, так и вторичные, рассчитать усредненный уровень преступности в мире на 100 тыс. населения. Еще большую ценность может представлять построение статистических рядов показателей преступности: рядов распределения, рядов динамики, параллельных рядов. Динамика общего уровня преступности и ее отдельных сопоставимых видов в глобальном масштабе, по регионам и группам стран, динамика структурных показателей, удельного веса различных видов преступного поведения, корреляционных связей позволяет выявить криминологически значимые тенденции. А за последними, как правило, скрываются глубинные национальные, региональные и мировые социально-экономические, социально-политические, культурологические и правовые процессы.

На основе статистических рядов распределения и динамики в ходе Первого и Второго обзоров были обнаружены существенные различия в тенденциях и уровне преступности и ее отдельных видов между развитыми и развивающимися странами. В результате проведения долгосрочных (10—20—50 лет) и краткосрочных (1—5 лет) анализов динамических тенденций преступности можно получить важную информацию, которой нет в моментных срезах абсолют-

ных данных. Выявленные тенденции — база для прогнозов и заблаговременного реагирования человеческого сообщества на грядущие криминальные реальности.

Обращение к международным и междустрановедческим сравнительным исследованиям преступности, для проведения которых ныне в нашей стране нет организационных и идеологических препон, поможет правильно понять и оценить преступность в современной России и реальные перспективы борьбы с ней, понять и оценить взаимосвязь российских, региональных (регион государств на территории бывшего СССР) и мировых тенденций.

Исходя из имеющихся сведений о преступности в мире, и особенно в североамериканском и европейском регионах, я и попытаюсь остановиться на главных мировых тенденциях преступности.

3. Тенденция первая — абсолютный и относительный рост преступности в мире

При всех существенных расхождениях в уровне преступности в разных странах **первой и определяющей тенденцией в мире является ее абсолютный и относительный рост** (относительно населения, экономического развития, культуры и т. д.). Это не означает, что преступность в любой стране и всегда только растет. Есть страны, где преступность в какие-то периоды их развития сокращается или ее уровень стабилизируется. Речь идет о среднестатистической тенденции преступности в мире, рассчитанной за длительный период времени. Эта тенденция была обнаружена более ста лет назад А. Кетле, К. Марксом, Ф. Листом и другими исследователями, как только они прикоснулись к уголовной статистике. Маркс, сопоставляя в параллельных рядах численность населения, родившихся, умерших, осужденных и пауперов, предположил, что, должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает богатство, но при этом не уменьшает нищету и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения²².

До сих пор преступность эволюционирует по этому закону. Ошибка Маркса заключалась в том, что преступность связана не только и не столько с нищетой и “производится” не только капитализмом. Последний действительно “беременен” высокой преступностью, но проблема эта оказалась более глубокой и всеобъемлющей. Здесь, видимо, более правым оказался Ф. Лист, который в то же время и на основе тех же данных пришел к аналогичным выводам, не связывая их с какой-то одной социальной системой²³.

Если это действительно так, то возникает один серьезный вопрос: каково будущее человечества? Оно живет надеждой, обоснованно полагая, что с развитием социума происходит его гармонизация, сопровождаемая научно-техническим, экономическим, социальным, нравственным и правовым совершенствованием. И это верно. Вряд ли у кого вызовут сомнения научно-технические, экономические и даже социальные успехи. Хотя в последних сферах остается

много труднорешаемых проблем (и не только в отсталых, но и в развитых странах). Но можно ли с той же долей оптимизма говорить о столь же позитивных тенденциях в нравственном и правовом поведении людей, в борьбе с преступностью и иными правонарушениями? Если даже на минуту принять лженаучное ломброзианское объяснение преступности хотя бы отчасти верным, то фактические тенденции преступности дают основание полагать, что значительная часть человечества, в том числе и из элитарных кругов, последовательно движется к своему исходному состоянию.

Такой вывод особенно напрашивается при анализе преступности в так называемых цивилизованных демократических и экономически развитых странах. Можно, конечно, согласиться с мнением, что научно-техническое и экономическое развитие является более динамичным, чем нравственно-правовое. Но если даже эти сферы с разной "скоростью" осваиваются человечеством, то их динамика, по крайней мере, должна положительно коррелировать. А этого-то и нет. Наоборот, бросается в глаза их отрицательная корреляция. Хотя такого вроде бы не должно было быть. В чем причина данных противоречий? Является она глубинной или поверхностной?

В своей речи в Международной академии философии (княжество Лихтенштейн) 14 сентября 1993 г. А. И. Солженицын говорил, что надежды человечества на то, что прогресс, основанный на экономическом развитии, приведет к общему смягчению нравов, не оправдались. "... Прогресс — да, идет! — полагает он. — И даже ошеломительно превосходя ожидания, — да только идет-то он в одной технологической цивилизации (с особыми успехами в устройстве быта и военных изобретений)... Нравы наши не смягчились с Прогрессом, как было обещано... От этого всего судорожного темпа технологического Прогресса и от океана поверхностной информации и низкопробных зрелищ душа человеческая не растет, только мельчает, духовная жизнь снижается; соответственно беднеет и блекнет наша культура, как ни старается перекричать свое падение опустошительными новинками. Все больше комфорта — и все ниже духовное развитие на среднем уровне. И наступает пересыщенность, и охватывает щемящая тоска, что в водовороте удовольствий нет успокоения, что надолго — такого дыхания не хватит... Все интересней, не упустить интересы, все борьба за материальные вещи, а чувство глухо подсказывает нам, что потеряно — нечто чистое, высокое — хрупкое. Мы перестали видеть цель. Давайте же признаемся, хоть шепотом и сами себе: в этой суетливой и бешеной по темпу жизни — ради чего мы живем?.. За XX век не произошло в человечестве нарастания нравственности. А вот уничтожения совершались много массовой, и культура резко упала, и духовность обеднела".

Можно не соглашаться с обобщенными пессимистическими выводами Солженицына. Ибо скорее всего человеческая цивилизация в своей непрерывной эволюции окажется мудрее наших настоящих и прежних представлений о сути нашего бытия. Она непременно найдет и медленно, но каждодневно находит определенные

нравственные выходы из самых сложных и даже тупиковых ситуаций, хотя и с определенными издержками для традиционных установлений. Однако в чем Солженицын несомненно прав: между научно-техническим развитием и нравственно-правовым состоянием общества нет прямых и “скорых” корреляций. Нет их между свободой и нравственностью. Нет их между демократией и нравственностью. Все намного сложнее и “медленнее”.

Разные скорости развития научно-технического процесса и нравственно-правового состояния общества увеличивают “ножницы” между ними. Приостановится ли их расхождение? Начнется ли процесс их какого-то сближения и когда? Может быть, для этого нужна нравственная мировая катастрофа, как это произошло с военной опасностью? А может быть, она уже началась и приближается к апогею? Преступность, особенно организованная, уже контролирует не только жизнь и деятельность отдельных стран, но и некоторые шаги мирового сообщества в целом.

Вторая мировая война не покончила с локальными войнами, но разрушение Европы, включая СССР, и атомная бомбардировка Японии убедили цивилизованную часть человечества в самоубийственности мировых войн. На Нюрнбергском процессе организаторы войны осуждены как опасные преступники. Разоружение медленно и противоречиво началось. После военной глобальной опасности над человечеством висят две другие: экологическая и криминальная. Прогноз последней — самый пессимистический, поскольку она связана не с агрессивными замыслами ограниченной кучки людей, не с технологией опасных промышленных производств, а с повседневной психологией миллионов людей из различных страт общества — от бомжей до руководителей государства. Более того, и кровавые войны, глобальные или локальные, и экологические катастрофы, и другие опасности чаще всего замешаны на криминале. В настоящее время очевидно одно: разрыв экономического и нравственно-правового развития достигает критической величины.

В складывающейся ситуации в пору, как Ю. В. Бондареву, выкрикнуть: “Кому нужен такой технический прогресс, который не делает человека добрее, сердечнее, благороднее?”²⁴ Но этот риторический вопрос непродуктивен. Технический прогресс не остановить, и он необходим как воздух. Нравственно-правовое совершенствование человеческого общества никогда “не догонит” научно-технический прогресс. Остается одно: трансформация морали и права путем приближения их к реальным возможностям человеческого общества. Она давно и повсеместно идет, в том числе и путем скачкообразного приспособления их к современному аморальному, противоправному и преступному массовому поведению. Криминологи давно пришли к мысли: бесполезно криминализировать то, что стало массовой повседневностью. Это особенно заметно, например, на крутых исторических поворотах в сегодняшней России и в других странах постсоветского пространства. Аналогичный процесс, но с другими знаками наблюдался и после октябрьского переворота 1917 года. Есть симптомы, что это приспособление чаще всего идет

по сценарию планеты Транай, написанному Робертом Шекли, где избавились от преступлений путем их легализации.

Анализ истории уголовного права и криминологии показывает, что ни одно из действий, которые когда-то и где-то были признаны преступными, не перестали существовать фактически. Их просто со временем перестали считать преступными, декриминализовали. В СССР, например, 70 лет ожесточенно боролись со спекуляцией, а она ныне является одной из торных дорог нашего экономического возрождения. В УК РСФСР 1960 года за 36-летний период его действия (1961—1996 гг.) было внесено более 700 изменений и дополнений, в том числе в Особенную часть — 120 новых статей с значками (из 204 в первоначальном варианте) и исключено 38. Из 256 статей Особенной части УК РФ 1996 года 70 — новые и абсолютно новые. В нее из старого УК не вошли 60 статей и 78 составов преступлений. Примерно такой же путь прошли уголовные кодексы Франции 1810 и 1992 годов, Германии 1871 года в редакции 1987 года и других стран. Аналогичным путем “перестало” существовать большинство преступлений эпохи средневековья, “буржуазных” преступлений в постреволюционное и “социалистических” в постреформенное время. Незыблемыми остаются “естественные” классические деяния (убийства, телесные повреждения, кражи и т. д.), хотя и их дефиниции уточняются и ограничиваются. Однако можно ли без утраты человеческой сущности трансформировать десять заповедей, притчи Соломоновы, откровения Нагорной проповеди? Трансформация “возможного” протекает неоднозначно: исключения отживших свой век составов сопровождаются введением новых, причем второй процесс интенсивнее первого.

Абсолютный и относительный рост преступности однозначно подтверждается мировыми данными, собранными ООН в процессе подготовки четырех обзоров тенденций противоправного поведения.

По очень неполным данным Первого обзора, в 1970—1975 годы преступность в мире возросла в общей сложности примерно на 15% при ежегодных темпах прироста в среднем на 2%²⁵. Общий коэффициент преступности, рассчитанный за эти годы только по десяти видам преступлений (перечень приводился выше), составил в среднем 1311 деяний на 100 тыс. населения. В развивающихся странах этот показатель равнялся 787, а в развитых — 1835, т. е. в 2—3 раза выше.

Анализ данных последующих обзоров показывает, что средние темпы прироста преступности от обзора к обзору только увеличивались. По результатам Четвертого обзора ежегодный прирост преступности составляет около 5%²⁶. Росло число стран, в которых преступность интенсивно увеличивалась, и сокращалось количество государств, где она уменьшалась или стабилизировалась. В ходе Второго обзора 63% представивших ответы стран сообщили о росте преступности. В ходе Третьего обзора таковых оказалось 81%. Что касается Четвертого обзора, то 68% из 22 стран (всего ответило 100), представивших данные по каждому году (1986—1990 гг.) и по всем запрашиваемым категориям преступлений, сообщили о росте преступности²⁷. Напоминаю: приведенные показатели по каждому

обзору отражают различные выборки, поэтому их сопоставимость невелика. Страны, которые лишь время от времени участвуют в обзорах, сводят на нет возможность непрерывного сопоставления данных за весь период проведения обзоров. Нельзя забывать и того, что в последние годы ООН не запрашивала общего числа зарегистрированных преступлений в странах.

По данным более полных ответов 22 развивающихся и развитых стран Четвертого обзора по 12 видам преступлений была составлена следующая таблица (табл. 1).

Таблица 1

Общее число преступлений, совершенных на 100 тыс. населения в 1986—1990 годы²⁸

Годы	Число преступлений	Изменения за год, %	Совокупные изменения, %
1986	2547	-	-
1987	2592	1,7	1,7
1988	2650	2,2	4,0
1989	2858	7,8	12,2
1990	3140	6,4	23,2

Таким образом, учитывая недостаточную сопоставимость данных о преступности, полученных при подготовке непрерывно совершенствующихся обзоров (каждый обзор разрабатывался на основе сведений разного числа стран и видов и перечня преступлений), нет достаточной возможности построить единый статистический динамический ряд показателей о преступности. Но исходя из некоторых усредненных и в определенной мере оценочных данных, можно утверждать, что общая преступность в мире в расчете на 100 тыс. населения за последние 20—25 лет возросла более чем в 3—4 раза. В одной из статей²⁹ я попытался эти данные представить в виде таблицы, которую привожу почти без изменений (табл. 2).

Таблица 2

Усредненные и оценочные данные о преступности в мире

Номера обзоров и годы	Число стран, приславших ответы	Число преступлений на 100 тыс. населения в странах		
		развитых	развивающихся	всех
Первый 1975		4200	800	1600
Второй 1980	64	5200	1000	3200
Третий 1985	70	6800	1300	4100
Четвертый 1990	95	8000		5500
Прогноз 1995	100	>8000	>1500	>7000

Как видно из таблицы, коэффициент преступности в расчете на 100 тыс. населения к 1985 году возрос в развивающихся странах

до 1300, в развитых — до 6800, в среднем по миру — до 4100. На основании имеющихся данных в ООН был разработан прогноз преступности до 2000 года³⁰ (рис. 1).

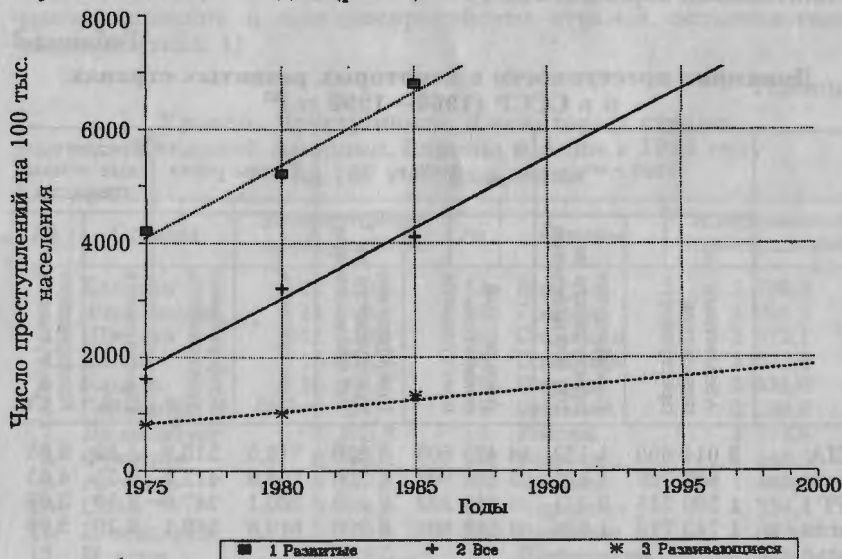

Рис. 1. Общий уровень преступности в мире. Прогноз до 2000 г.

Примечание. Данные основываются на ответах 12 развивающихся стран (Гондурас, Индия, Иордания, Катар, Корейская Республика, Кувейт, Сингапур, Суринам, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Фиджи, Шри-Ланка) и 14 развитых стран (Австрия, Германия (ФРГ), Греция, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Соединенное Королевство (Англия), Франция, Чехословакия, Швеция, Япония). Прогноз рассчитан методом регрессии наименьших квадратов.

Этот прогноз дал основание авторам Третьего обзора сказать: «Общая картина преступности далеко не обнадеживающая. Отмечается общий рост уровня преступности, а также сохраняется неразрешенная проблема взаимосвязи максимальных и минимальных показателей уровня преступности с уровнем социально-экономического развития... Учитывая, что темпы роста населения, по всей видимости, существенно не изменятся, предполагаемый уровень преступности может существенно увеличиваться. В конце века уровень преступности может в четыре раза превысить уровень преступности 1975 года... Более быстрые темпы роста населения могут привести к еще более высокому уровню преступности в 2000 году и после него. На общую картину преступности могут оказать влияние и другие демографические изменения»³¹.

Прогноз ООН практически сбывается. Сведения Четвертого обзора это подтверждают. По имеющимся в ООН данным, еще в 1990 году средний коэффициент преступности в мире составил 5500 преступлений на 100 тыс. населения, а в развитых странах превышал 8000³².

Более показательные данные о неблагоприятной динамике преступности можно привести по ряду индустриально развитых стран за длительный период (табл. 3).

Таблица 3

Динамика преступности в некоторых развитых странах и в СССР (1960—1990 гг.)³³

	1960 г.		1990 г.		Темпы роста		Среднегодовые темпы прироста	
	Абсолютный показатель преступности	Коэффициент преступности на 100 000 населения	Абсолютный показатель преступности	Коэффициент преступности на 100 000 населения	Преступность, %	Коэффициент преступности, %	Преступность, %	Коэффициент преступности, %
США	2 014 600	1 123	14 475 600	5 820	718,5	518,3	6,80	5,65
Франция	687 766	1 505	3 500 000	6 206	508,9	412,4	5,55	4,85
ФРГ	1 590 515	2 871	4 455 333	7 108	280,1	247,6	3,50	3,05
Англия и Уэльс	1 743 713	1 606	4 542 806	8 996	610,8	560,1	6,20	5,90
Япония	1 495 888	1 601	2 217 559	1 794	148,2	112,0	1,35	0,40
СССР	877 549 (1961)	306,8 (1991)	3 224 273	1115,3	367,4	363,5	4,45	4,40

Примечание. Преступность в США анализируется в пределах 7—8 видов индексных преступлений. Преступность в ФРГ приводится в пределах 24 видов и в рамках старых земель. С 1963 года из учета преступности этой страны были исключены автотранспортные преступления. Преступность в Англии и Уэльсе взята лишь в пределах деяний, подлежащих регистрации. Преступность в СССР в целях наилучшего сопоставления взята с 1961 года, т. е. с момента введения действующего законодательства, и до конца существования страны (1991 г.).

После 1990 года преступность в перечисленных странах увеличивалась: на территории бывшего СССР — на 75% (1995 г.), в ФРГ в пределах старых земель — на 20% (1993 г.), во Франции — на 11% (1993 г.), в Англии и Уэльсе — на 5% (1992 г.). За сто с лишним лет — с 1876 по 1992 год — в Англии и Уэльсе абсолютные показатели преступности возросли в 65 раз, составив 5,4 млн. деяний, или 10,6 тыс. на 100 тыс. населения³⁴. По данным Интерпола, в Великобритании в целом учтенная преступность увеличилась с 1% на 100 человек населения в 1950 году до 5% — в 1970 году и до 10,6% в 1992 году.

Анализ данных таблицы 3 и их последних изменений показывает, что во всех странах, расположенных в различных регионах и различающихся между собой по структуре учитываемой преступности, в 60—90-е годы уровень ее был высоким и она интенсивно росла. За это время преступность увеличилась в США более чем в

7, в Англии и Уэльсе — в 6, во Франции — в 5, в СССР — в 4, в ФРГ — в 3, в Японии — в 1,5 раза. В среднем это намного больше, чем в мире в целом. Общий уровень преступности, особенно в североамериканских и западноевропейских странах, остается самым высоким (табл. 4).

Таблица 4

**Уровень преступности в некоторых странах
Северной Америки, Европы и Азии в 1994 году
на 100 тыс. населения^{34а}**

№	Страны	Коэффициент преступлений	№	Страны	Коэффициент преступлений
1.	Бельгия*	58 330,9	13.	Венгрия	3 789,2
2.	Финляндия	14 798,6	14.	Греция	2 956,3
3.	Швеция	12 620,3	15.	Словения	2 572,1
4.	Дания	10 524,6	16.	Болгария	2 522,4
5.	Канада	10 351,6	17.	Польша	2 351,0
6.	Германия	8 037,7	18.	Испания	2 286,6
7.	Люксембург	7 383,8	19.	Россия	1 778,9
8.	Франция	6 782,7	20.	Гонконг	1 448,6
9.	Австрия	6 313,8	21.	Япония	1 490,3
10.	США**	5 374,4	22.	Хорватия	1 334,4
11.	Швейцария	5 168,4	23.	Румыния	1 039,0
12.	Италия	3 828,0	24.	Португалия	988,8
			25.	Китай	127,7

* Коэффициент преступности в Бельгии (58 330,9) является явно завышенным. Таковым он приводится в интерполовском сборнике "Международная статистика преступности" за 1994 год. Ошибка расчета становится очевидной в связи с тем, что на странице 14 этого сборника, где приводятся данные о преступности в Бельгии, значителен численность населения в стране в количестве 1 000 000 человек. В действительности в Бельгии проживает около 10 000 000 жителей. Если рассчитать учтенную преступность (583 309 преступлений) на реальное население, то на 100 тыс. жителей придется 5833 деяния, т. е. в 10 раз меньше.

** Коэффициент преступности в США рассчитан исходя только из восьми видов преступлений, учитываемых в федеральном масштабе. С учетом всех деяний, известных полиции США, коэффициент преступности должен быть примерно в 3 раза выше.

Есть основания считать это реальной платой народов развитых демократических стран за свою свободу, которая используется для совершения не только добра, но и зла. Исключение в этом списке составляет Япония, которая, переняв экономический и демократический опыт Запада, не утратила национальных форм традиционного социального контроля. В криминологическом отношении она остается страной уникальной. Причин к этому много³⁵. Важным фактором низкой преступности в Японии считается главенство традиционных общинных и моральных ценностей. Внутри своей социальной группы каждый японец придерживается определенного кодекса поведения и старается соответствовать ему. Другими фак-

тором являются этническая однородность страны, процветающая экономика, запрет на огнестрельное оружие, своеобразная полицейская структура³⁶. Мировое сообщество давно приглядывается к японскому феномену, но повторить его никакой другой стране не суждено, особенно России.

Западничество, появившееся еще при Петре I и оформившееся в определенное прогрессивное течение в середине XIX века, расцениваемое после революции 17-го года как космополитизм и даже наказуемое в уголовном порядке, в условиях наступившей свободы приобрело уродливые формы бездумного копирования всего и вся без разбора из так называемых цивилизованных стран, не согласуемого с нашими историческими и национальными традициями и объективными возможностями. В противоречиях данного процесса нельзя не учитывать и феномен политического времени, динамика которого зависит от динамики поколения, находящегося у власти. Сегодня, когда у власти поколение "западников", пытающихся навязать России модель модернизации-вестернизации, мы живем в ритмах всеразрушительного "ускоренного" времени. Оно не совпадает с ритмом национальной политической культуры, и возникающий диссонанс на глазах разрушает все сферы жизни общества^{36а}. Это становится очевидным даже для иностранцев, но только не для наших политических имитаторов. Американский гражданин Джон Мартин, столкнувшись с нашим слепым подражанием Западу, с нашим комплексом российской неполноценности, разразился большим письмом в прессу, в котором писал: "Пожалуйста... храните все то, что делает вас русскими"³⁷.

Может быть, и прав был Н. А. Бердяев: "Русский народ в глубинных явлениях своего духа наименее прикованный к ограниченным формам быта, наименее дорожащий установленными формами жизни. В русском человеке легко обнаруживается нигилист. Все его бытие протекало в крайних противоположностях... У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть"³⁸. Этому способствует и то, что современная "рыночная экономика, политика и идеология, породившие "массовое общество", "массовое потребление" и "массовую культуру", привели к стандартизации личности, подчинению ее диктату иррациональных дегуманизированных сил"³⁹.

При оценке небольшого роста преступности в Японии следует иметь также в виду, что он главным образом связан с увеличением населения, числа автомашин, а следовательно, и автотранспортных деяний. Без учета автотранспортных преступлений преступность в Японии за анализируемое тридцатилетие возросла по абсолютным показателям всего лишь на 18,7%. Это почти вдвое меньше прироста населения за это же время. Поэтому преступность в этой стране в расчете на 100 тыс. населения с 1960 по 1990 год без автотранспортных преступлений сократилась на 10,3%. Правда, этот процесс несколько меняется в последние годы. С 1990 по 1992 год вся преступность в Японии по абсолютным показателям возросла на 6,2%.

Общий коэффициент преступности в стране в 1992 году составил 1892,7 преступления на 100 тыс. населения, а без автотранспортных деяний — 1400; в 1994 году он составил 1490⁴⁰. Последние данные могут свидетельствовать, видимо, о постепенном “приобщении” Японии к мировым криминологическим тенденциям.

Судя по данным таблицы 4, в Китае учтенная преступность, сведения о которой имеются в Интерполе, более чем в 10 раз ниже, чем в Японии. В этом случае также нельзя исключать особых азиатских традиций. Однако основной причиной низкого уровня преступности в Китае скорее всего является наличие тотального контроля за поведением и деятельностью людей. Следует также отметить, что практически все страны (кроме Японии), перечисленные во второй колонке таблицы 4 (номера 13—25), с относительно низким уровнем преступности лишь недавно избавились от коммунистических или фашистских тоталитарных режимов.

Абсолютному же большинству стран Западной Европы и Северной Америки свойственны не просто высокий уровень преступности, но наибольший среднегодовой прирост ее. В США за последнее тридцатилетие он равнялся примерно (расчет ведется только на основе регистрируемой серьезной преступности) 7%, во Франции, Великобритании, ФРГ, Швеции — 4—6%. Аналогичная ситуация была в СССР. Если принять преступность 60-х годов за базу (100%) и, минуя годовые колебания, линейно изобразить ее в анализируемых странах до 1990 года, то мы получим следующий график (рис. 2).

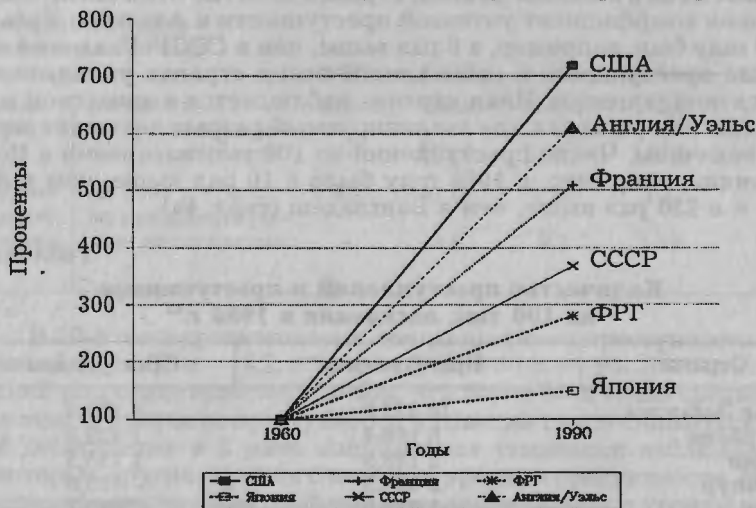

Рис. 2. Тенденции преступности в некоторых странах (1960—1990 гг.).

Высокий среднестатистический прирост преступности не исключает того, что она в некоторое время может стабилизироваться и даже снизиться. Например, в США определенное снижение ее

наблюдалось в 1982—1984 годах, во Франции — в 1985—1988 годах, в ФРГ — в 1984 и 1988 годах, в СССР — в 1986—1987 годах и т. д. Каждое снижение имеет свои причины. Снижение преступности в СССР в названные годы было связано с жесткой борьбой с пьянством и алкоголизмом. Успехи ее были недолгими и сомнительными, если рассматривать ее в более широком криминологическом и социально-экономическом контексте, но на динамику насильственной и другой “пьяной” преступности они повлияли. Такие “провалы” в кривой динамики преступности являются скорее временным исключением, чем закономерностью, ибо в итоге они не изменяют средней устойчивой тенденции абсолютного и относительного роста преступности. С официальными данными об учтенных преступлениях прямо коррелирует и виктимизация населения в анализируемых странах, данные о которой получены путем его репрезентативного опроса⁴¹.

Мы уже отмечали, что интенсивный рост преступности в мире наиболее показательным стал после второй мировой войны. Но она увеличивалась и до войны, и в прошлом веке. Поль Лафарг в обстоятельной работе проанализировал преступность во Франции за 1840—1878 годы. Если абстрагироваться от некоторых временных снижений, то преступность за эти годы увеличилась с 81 738 до 168 073 деяний, т. е. более чем в 2 раза. Аналогичные тенденции просматриваются и по отдельным группам преступлений, особенно корыстным⁴².

Анализ преступности в североамериканском и западноевропейском регионах показал, что при общей тенденции роста преступности ее уровень в разных странах заметно отличался. Самый высокий коэффициент учтенной преступности в Англии и Уэльсе в 1990 году был, например, в 8 раз выше, чем в СССР. Различия же в уровне преступности в капиталистических странах укладывались в десятки процентов. Иная картина наблюдается в азиатском и тихоокеанском регионах, где анализируемый разрыв достигает огромной величины. Число преступлений на 100 тыс. населения в Новой Зеландии, например, в 1986 году было в 10 раз выше, чем в Японии, и в 236 раз выше, чем в Бангладеш (табл. 4а).

Таблица 4а

**Количество преступлений и преступников
на 100 тыс. населения в 1986 г.⁴³**

Страны	Преступления	Преступники
Новая Зеландия	12 523,8	4 232,3
Австралия	6 168,4	1 929,8
Фиджи	2 188,5	1 245,5
Сингапур	2 067,5	738,6
Корея	1 972,8	2048,7
Япония	1 307,0	330,5
Малайзия	679,2	136,5
Шри-Ланка	627,8	336,5
Индия	581,9	713,7
Бангладеш	53,0	175,3

Для более глубокого выявления особенностей тенденции в СССР сопоставим ее с динамикой преступности в Швеции. В благополучной, демократической и практически мононациональной Швеции, где более двух веков не было войн и революций, где высок уровень экономического развития и где наиболее эффективно действует социальная защита населения и успешно разрешаются возникающие социальные конфликты, регистрируется самый высокий в Европе (в том числе и в Скандинавии) уровень уголовной преступности⁴⁴. Она выше лишь в США, если при этом учитывать в последних не только индексную, но и всю иную преступность, о которой осведомлена полиция.

С 1950 по 1991 год преступность в Швеции возросла в 5,4 раза. Среднегодовые темпы прироста — 4,2%. Однако если их рассчитывать по десятилетиям, то они заметно менялись (табл. 5).

Таблица 5

Динамика преступности в Швеции (1950—1991 гг.)⁴⁵

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1991 г.	
Общее число зарегистрированных преступлений (абс.)	195 61	297 874	657 042	928 277	1 045 306	
В %	100,0	152,5	336,5	475,4	535,3	
Коэффициент преступности на 100 тыс. населения	2 771	3 973	8 108	11 160	12 154	
Темпы роста, %	до 1991 г.	535,3	350,9	159,1	112,6	-
	за предшествующее десятилетие	-	152,6	220,2	141,5	112,6
Среднегодовой прирост, %	до 1991 г.	4,2	4,15	2,25	1,1	-
	за предшествующее десятилетие	-	3,9	8,2	3,95	1,1

В 50-е годы среднегодовые темпы прироста преступности были равны 3,9%, в 60-е — 8,2, в 70-е — 3,95, в 80-е — 2%. Этот статистический ряд свидетельствует о том, что после 60-х годов среднегодовые темпы прироста преступности в Швеции стали снижаться каждое десятилетие в 2 раза. Аналогичная тенденция наблюдается в некоторых других странах с высоким уровнем преступности. Можно предположить, что при приближении преступности к уровню терпимости населения за счет его всеобщей мобилизации и негативной реакции возможно замедление темпов ее прироста. Такой уровень условно назовем **“порогом насыщения” преступностью**, за пределами которого нельзя не ожидать качественного изменения социально-правовых, криминологических и даже политических характерис-

тик общества. “Порог насыщения” преступностью, надо полагать, свой для каждой страны в той или иной период ее эволюции. Он не является константой и может в определенных пределах “дрейфовать” к более высоким показателям по мере привыкания населения.

Если смотреть на динамику терпимости населения к противоправному поведению на территории бывшего СССР и России, то этот дрейф очевиден. Нынешнюю преступность, будь она такой, скажем, в начале 80-х годов, общество бы не выдержало. Возникает вопрос: как долго интенсивно растущая преступность в России будет испытывать и отодвигать терпимость народа? Вопрос не праздный. Можно предположить, что в условиях острого экономического и перманентного политического кризиса в России этот порог близок и он, видимо, намного ниже среднего “порога насыщения” преступностью в развитых странах. Последний превышает сегодняшнюю российскую учтенную преступность в 2—3 раза. Она по многим показателям ниже, чем, например, в США, где имеются абсолютно криминальные анклавы для определенных слоев населения и криминологически чистые оазисы для богатых. Хотя и последние не могут жить в полной безопасности. В Америке также стреляют, и даже в президентов. Другой вопрос, что развитые страны “привыкали” к растущей преступности постепенно и одновременно вырабатывали к ней соответствующие формы социального контроля, самозащиты, компенсации, терпимости.

В России преступный беспредел сочетается с потерей управляемости и с почти абсолютной бесконтрольностью: уголовной, административной, гражданской, экономической, финансовой, налоговой и т. д. Это особенно было очевидным в начале 90-х годов. Темпы прироста преступности в течение всего 1992 года, например, держались на уровне 45—35%. Это был “пиковый” прирост. В последующие годы темпы прироста преступности, как по плану, снижались, перейдя в снижение самой преступности.

При всех этих обнадеживающих данных я воздержусь от вывода о проходе “порога насыщения” преступностью, ибо реальная (регистраемая + латентная) преступность в России продолжает интенсивно расти. Есть достаточно оснований полагать (см. гл. 4), что резкое сокращение темпов прироста преступности в значительной мере носит “бумажный” характер, как результат нажима высших властей на правоохранительные органы, которые, будучи не в состоянии справиться с растущим валом преступности, пошли давно испытанным путем селекции регистрируемых преступлений. В этом случае управляемость в обществе была подменена управляемостью чиновников. Исходя из фактической криминологической обстановки, “порог насыщения” преступностью в России близок, но он, на мой взгляд, еще не пройден, хотя терпимость народа уже на исходе.

Таким образом, динамика преступности в СССР, в России и других его бывших республиках пока развивается по несколько иному сценарию, чем в Швеции (табл. 6).

Таблица 6

Динамика преступности в СССР (1956—1991 гг.)

		1956 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1991 г.
Общее число зарегистрированных преступлений (абс.)		579 116	651 260	1 046 336	1527 557 3	223 147
в %		100,0	112,5	180,7	263,8	556,6
Коэффициент преступности на 100 тыс. населения		292,6	306,8	432,9	577,6	1114,9
Темпы роста (%)	до 1991 г.	556,6	494,9	308,0	211,0	-
	за предшествующее десятилетие	-	112,4	160,7	146,0	211,0
Среднегодовой прирост (%)	до 1991 г.	5,1	5,3	5,5	7,05	-
	за предшествующее десятилетие	-	2,95	4,85	3,85	7,05

Сопоставлять абсолютные данные о преступности в Швеции и СССР не имеет никакого смысла, поскольку численность населения в первой почти в 35 раз ниже, чем в СССР. Анализ же сопоставимых коэффициентов преступности, рассчитанных на 100 тыс. населения, показывает, что за все это сорокалетие в Швеции он был выше, чем в СССР, практически на порядок (в 8—11 раз). Учетная преступность, хотя и была на более низком уровне, увеличивалась в целом за эти годы почти так же, как и в Швеции, — в 5,6 раза (интересное совпадение!). Основное отличие динамики преступности в СССР от динамики преступности в Швеции заключено в ином изменении темпов прироста: в Швеции они с 60-х годов каждое десятилетие вдвое снижались, а в СССР в такой же пропорции росли, и эта тенденция фактически (а не регистрационно) продолжается в России и других странах, образованных на бывшем советском пространстве. Для наглядности сказанного обратимся к более сопоставимым показателям — к процентному ряду с одной временной базой (50-е годы) (табл. 7).

Таблица 7

Сопоставление динамики преступности в СССР и Швеции

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1991 г.
СССР	100,0 (1956 г.)	112,5	180,7	263,8	556,6
Швеция	100,0	152,5	336,5	475,4	556,3

Эти данные на графике будут иметь следующий вид.

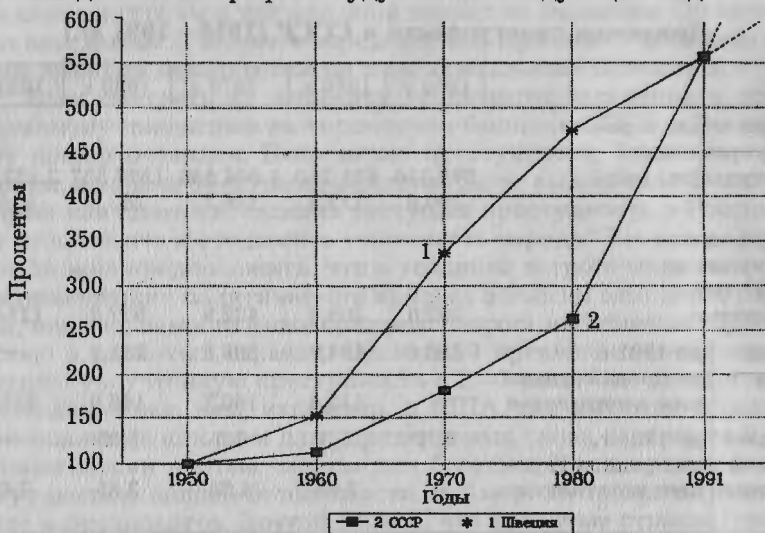

Рис. 3. Динамика преступности в СССР и Швеции.

Если экстраполировать эти кривые, то они существенно разойдутся, указывая на разную “скорость” будущего прироста преступности в Швеции и регионе государств на территории бывшего СССР.

Результаты сравнительного исследования преступности в СССР и Швеции нельзя понимать упрощенно. Например, если уровень преступности в расчете на население в Швеции был на порядок выше, чем в СССР, то это еще не означает, что правопорядок в Швеции был в 10 раз хуже, чем в СССР. Для уяснения данного вопроса необходим качественный анализ структуры преступности, содержания уголовно-правовых систем, организации учета преступлений, эффективности деятельности органов правоохраны и т. д.⁴⁶ Однако это не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что темпы прироста преступности в Швеции и других развитых демократических странах с высоким уровнем преступности тяготеют к замедлению преступности, особенно насильственной, а в регионе государств бывшего СССР, и в частности в России, — к увеличению.

Аналогичные результаты получены при сравнении преступности в Швеции и Болгарии за тот же период⁴⁷. Обе страны характеризуются почти равной численностью населения (около 9 млн.), практически мононациональным составом, но существенно различаются по своей истории, политическому режиму, праву и экономике. Болгария, в отличие от благополучной Швеции, после многовековой борьбы за свое национальное освобождение лишь около ста лет назад обрела относительную самостоятельность. Она пережила балканские войны, фашизм, вторую мировую войну на стороне Гер-

мании, социалистическую революцию, коммунистический режим и лишь в 1990 году стала переходить к демократии и рыночной экономике. В 50-е годы преступность в Швеции в расчете на население почти в 5 раз превышала преступность в Болгарии. В 90-е годы эти различия сохранились, но темпы прироста преступности в Швеции в последнее двадцатилетие снижались, а в Болгарии росли, особенно в последние годы⁴⁸.

По последнему сценарию примерно эволюционирует преступность во многих развивающихся странах, к которым при определенной оговорке можно отнести СССР, Россию и другие государства союзного региона, а также некоторые социалистические страны. В Китае, сведения о преступности в котором были и остаются практически закрытыми, также регистрируется интенсификация ее роста. В 1988 году было зарегистрировано 830 тыс. криминальных случаев, в 1989 году — 1970 тыс., в 1990 году — 2220 тыс., в 1991 году — 2370 тыс. и в 1992 году — 1580. Снижение учтенной преступности в 1992 году связано с изменением законодательства о хищениях. Кроме криминальных случаев увеличивалось и число нарушений общественного порядка — с 1410 тыс. в 1988 году до 2960 в 1992 году⁴⁹.

В развивающихся странах и государствах, расположенных на территории бывшего СССР, доля насильственных преступлений против жизни и здоровья людей намного выше, чем в развитых, в которых доминируют кражи и другие преступления против собственности. Как считают авторы Третьего обзора ООН, материальный достаток в развитых странах обуславливает большие возможности для совершения краж и большую защиту человеческой жизни. «В развивающихся странах, испытывающих дефицит потребительских товаров, конфликты между людьми со смертельным исходом могут быть чаще мотивированы намерением получить доступ к ограниченным ресурсам, чем имеет место в развитых странах»⁵⁰. На мой взгляд, такое объяснение упрощенно и недостаточно, хотя его и нельзя отбрасывать. Необходимо сопоставление культур, религий, уровней социального контроля, экономического и политического развития и других важных предпосылок. Но и на данном уровне анализа напрашивается вывод: интенсивный рост преступности в развитых странах сопровождается, как ни парадоксально это звучит, специфической гуманизацией преступности.

Корыстные преступления против собственности, составляющие в развитых странах 95% и более, несомненно гуманнее, чем насильственные. А именно она, имущественная экономическая преступность, и определяет основную тенденцию постоянного роста общего числа преступных проявлений в мире вообще и в развитых странах в особенности. Есть и еще один аспект. Американский криминолог Грэм Ньюмен, например, полагает, что развитые страны, несмотря на явно более высокое число имущественных преступлений, на практике могут чувствовать влияние этих деяний гораздо слабее. Он обратился к оригинальному сравнению: если уронить кирпич в небольшую лужу, то влияние такого броска будет значительным; но если в большой пруд бросить несколько кирпичей, то влияние та-

ких бросков едва ли будет заметно. В целях использования данного подхода для оценки преступности в развитых и развивающихся странах он вводит “стоимостный коэффициент уровня преступности” (число преступлений на 100 тыс. населения в виде процента от суммы ВВП на душу населения), в котором учитываются, как он считает, размер “пруда” (выпуск продукции) и “кирпич” (уровень преступности). По результатам такого анализа он делает интересный вывод: “Вместо обычного заключения о том, что “платой за развитие является рост преступности”, будет более правильно сказать о том, что с повышением уровня развития влияние преступлений может быть меньше, несмотря на увеличение их числа”⁵¹. Оправдания типично американские, практичные, но они не изменяют пугающей тенденции — интенсивного роста преступности, несмотря на колоссальное экономическое и техническое развитие человеческого общества.

Темпы прироста корыстной преступности, как правило, в 2—3 раза выше темпов прироста преступности насильственной. Динамика последней более консервативна. В некоторых странах насильственная преступность практически стабилизировалась и даже показывает тенденцию к снижению. Насильственное разрешение конфликтной ситуации свойственно определенной и ограниченной доле населения, которая находится в обратно пропорциональной зависимости от культуры народа и прямо пропорциональной — от его социальной напряженности. Особенно высока насильственная преступность в южном поясе нестабильности Европы и Азии. На территории бывшего СССР — это Закавказье, Средняя Азия, а также Балканы и Ближний Восток. Из этого анализа нельзя исключать определенные исторические традиции, которые могли стать своеобразными “генетическими предпосылками” возможных объяснений.

Кроме усиленного роста корыстной преступности в число составляющих первой тенденции включен более интенсивный рост детской, подростковой и молодежной деликвентности, возрастание общественной опасности деяний и причиненного ими ущерба, интеллектуализация преступной деятельности, повышение ее организованности, технической оснащенности, вооруженности и самозащиты преступников от разоблачения. Анализ этих и других особенностей преступности позволяет глубже дифференцировать тенденции интенсивного роста преступности.

4. Тенденция вторая — отставание социального контроля

Постепенное отставание социального контроля над преступностью от ее количественно-качественных изменений было бы правильнее именовать тенденцией в области преступности, так как она выходит за пределы этого явления к другим криминологическим аспектам и интегрирует в себе ряд составляющих, разных по своим социальным характеристикам, как негативных (ослабление борьбы в связи с неравенством сил преступности и правоохранительных органов), так и позитивных (ее гуманизация, демократизация и легитимизация).

Известно, что у преступности динамичный, инициативный, творческий, рыночный “характер”. Она мгновенно без всяких бюрократических проволочек и грамотно заполняет все появляющиеся и доступные ей не контролируемые или слабо контролируемые государством и обществом ниши, адекватно обстановке меняет виды, формы и способы своей “деятельности”, непрерывно изобретает новые и изощренные методы элиминации своих “следов”, не ограничивает свои действия, по сути, никакими правовыми, нравственными и даже техническими нормами и правилами. Ныне даже пресматривается невыгодная для современного беспредела мораль “воров в законе”. В отличие от неповоротливых государственных структур, преступники могут очень оперативно использовать последние достижения науки и техники.

В системе “преступность — борьба с ней” преступность первична. Самозащита общества от преступности по своему происхождению вторична. Первые ходы делает преступность. Борьба с ней является всего лишь ответом общества на ее вызов, ответом не всегда своевременным, адекватным, целенаправленным и эффективным. Правоохранительная деятельность, как правило, вырабатывается коллективно в рамках демократических и гуманистических принципов, оформляется в управленческих, оперативных или процессуальных решениях, программах действий или законодательных актах и только потом претворяется в практической деятельности работников системы уголовной юстиции. И даже тогда, когда разрабатываемые меры были адекватны текущей криминологической обстановке, ко времени их практической реализации характер преступности может существенно измениться.

Рассматриваемая тенденция в той или иной мере осознавалась давно. В целях ее изменения искались различные пути упреждающей превентивной ответственности. На этой почве появились теории опасного состояния, антропологические, клинические, генетические. Общество отвергло их как противозаконные. Права личности остаются неколебимыми. Индивидуальная превенция допустима лишь в рамках социальных, психологических и педагогических мер, но совершенно неприемлема в рамках какой-то ответственности. Последняя может быть лишь узаконенной реакцией на конкретное противоправное поведение субъекта. В силу этого контроль общества над преступностью по мере процесса демократизации постепенно как бы отстает от ее динамичной беспределности. А разрастающаяся преступность обладает свойством самодетерминации. Проследим эти исходные позиции на конкретных элементах борьбы с преступностью.

Исходным из них является **уголовное и иное законодательство**, на основе которого осуществляется рассматриваемая борьба. Данный элемент по своей природе консервативен. Преодолеть это, видимо, никогда не удастся, хотя попытки такие постоянно предпринимаются.

Первая возможность — создание обоснованного перспективно-го обобщенного законодательства с большой временной и содержательной базой прочности. Теоретически оно может быть разработа-

но на основе глубокого изучения и надежного прогноза тенденций различных форм общественно опасного поведения. Практически это сделать чрезвычайно трудно. Преступность — результирующая огромного множества переменных, которые связаны со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. В этих условиях демократическим путем найти коллективное и бесспорное правовое решение бывает непросто. Споры тянутся годами и даже десятилетиями. Например, давно известно, что федеральное уголовное законодательство США, подготовленное в 1909 году и дополненное в 1948 году и в последующие годы, бессистемно, казуистично и архаично. Ныне это выгодно разве лишь преступникам и адвокатам. Показательным примером могут служить судебные процессы по делу знаменитого футболиста Симпсона. “Черное” жюри присяжных по уголовному процессу в 1995 году, несмотря на неоспоримые доказательства, оправдало его, а “белое” жюри по гражданскому иску того же дела в 1997 году признало его “ответственным” за смерть жены и ее любовника. Общественная потребность в современном системном уголовном законодательстве велика. С 60-х годов ведется его подготовка. Оно дважды обсуждалось в конгрессе, но до сих пор не одобрено.

Не касаясь качественной стороны новелл, СССР был более скор в непрерывном приспособлении уголовного законодательства к некоторым идеологическим и криминологическим задачам. Оно менялось даже от мимолетного замечания лидера КПСС, и вопреки действующим принципам права этим изменениям могла быть придана обратная сила. Однако оно далеко не всегда отражало реальные криминологические потребности. Около десяти лет, например, в СССР, а ныне в России ведется ожесточенный спор об организованной преступности. Последняя приобрела колоссальную экономическую и даже политическую силу, вышла не только в ближайшее, но и в дальнее зарубежье. Печальный опыт борьбы с организованной преступностью во многих странах мира убеждает, что сама организация преступного сообщества и руководство им должны быть вовремя криминализованы. В мировой практике есть апробированные дефиниции. А ученые и практики в нашей стране до сих пор об этом спорят. И лишь под большим давлением представителей правоохранительных органов и криминологических реалий в УК РФ 1996 года была внесена ст. 210, предусматривающая уголовную ответственность за организационную преступную деятельность. То же можно сказать и о Законе борьбы с коррупцией, который трижды принимался законодателями, но так и не вступил в силу. Политическая и особенно правящая элита в этом совершенно не заинтересована. Не вникая в суть уголовно-правовых и политических споров, хочу сказать, что в ряде случаев они не беспредметны, но от этого уголовно-правовой контроль над новыми формами преступной деятельности не улучшается.

Создание обобщенного законодательства, способного контролировать рождающиеся формы преступного поведения, нуждается в соответствующем толковании. А это побуждает к фактической

аналогии, расширению пределов судебных властей и конкретных судей со всеми вытекающими отсюда и давно известными негативными последствиями. Еще Аристотель писал, что “хорошо составленные законы... должны... все определять сами и оставлять как можно меньше произволу судей... Решение законодателя не относится к отдельным случаям, но касается будущего и имеет характер всеобщности, между тем как присяжные и судьи изрекают приговоры относительно настоящего, относительно отдельных случаев, с которыми часто находится в связи чувство любви или ненависти и сознание собственной пользы, так как они [судьи и присяжные] не могут с достаточной ясностью видеть истину: соображения своего собственного удовольствия и неудовольствия мешают правильному решению дела⁵².”

Другой путь — непрерывное изменение и дополнение уголовного законодательства в соответствии с наличной криминологической обстановкой. Казалось бы, это правильно. Но “оперативное” законодательство в криминологической сфере не менее вредно, чем консервативное и обобщенное. Во-первых, оно все равно является ответом на уже сделанные шаги преступности. Во-вторых, в силу недостаточного обобщения оно, как правило, казуистично и ограничено. В-третьих, часто меняющееся уголовное законодательство, не имеющее в традиционном человеческом сознании и поведении необходимой опоры, малоэффективно и малоавторитетно. Примером может служить УК РСФСР 1960 года. В него было внесено более 700 изменений и дополнений, за которыми не успевали следить даже профессионалы. А ведь они адресованы всему населению.

Видимо, не случайно в Германии, пережившей за последнее столетие много исторических потрясений (фашизм, поражение в двух мировых войнах, разделение и объединение страны), до сих пор действует УК 1871 года, принятый во времена Бисмарка — в год образования Германской империи. В этой стране, несомненно, есть все для разработки и принятия нового кодекса. Однако, будучи измененным и дополненным (в редакции 1987 г.), он так и остался УК 1871 года⁵³, который вошел в сознание многих поколений немцев.

Вторая составляющая — деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью — более мобильна, чем уголовное законодательство. Но эти органы осуществляют свои функции лишь на основе законов. Иной подход, используемый тоталитарными режимами в разных странах, в том числе и в СССР, опаснее, чем сама преступность. Нормальное демократическое общество не может себе позволить бороться с преступностью ее методами, хотя это зачастую и эффективно. Хрестоматийным примером к сказанному могут служить действия работника МУРа Жеглова (артист В. Высоцкий) из кинофильма “Место встречи изменить нельзя”, подложившего украденный кошелек в карман тому самому вору, который до этого его ловко выбросил. Среди оперативных работников бытовало, да и бытует ныне, устойчивое мнение, что без нарушения законов “в интересах дела” трудно раскрыть серьезное преступление. Через корпоративную философию целесообразного на-

рушения законов в борьбе с опасными деяниями проходят органы полиции многих стран. Правовое государство, построение которого мы декларируем, такого допустить не может.

Но есть и другие крайности. Некорректен вопрос: что важнее — контроль над преступностью или судебная защита прав личности? Однако его ставит И. Л. Петрухин и сам же отвечает: приоритет первого — это полицейское государство, а второго — правовое⁵⁴. Таким образом, получается, что система уголовной юстиции существует для защиты прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Перекосяк. Она существует для борьбы с преступностью (или контроля над ней), но при строгом соблюдении законности, в том числе и прав личности. Поэтому между внешне разными аспектами вопроса должен быть не разделительный союз “или”, а соединительный “и”. Причем борьба с преступностью является целью системы, а соблюдение прав — одним из очень важных, но средств ее достижения.

Полиция (милиция) имеет свои законные возможности (организационные, технические, интеллектуальные) для эффективной работы. Однако это не означает, что подобными условиями не может воспользоваться криминальный мир, владеющий порой большими финансовыми ресурсами, чем система уголовной юстиции. И он часто опережает ее. Анализ уголовных дел разных категорий, особенно по экономическим преступлениям, показывает, что их совершают высокие профессионалы, а расследуют, как правило, дилетанты. Дилетантизм расследования связан не только и не столько с неопытностью оперативных и следственных работников, что характерно для современной России, сколько с тем, что преступники в экономической, финансовой, компьютерной или иной сложной сфере, как правило, знают свое дело досконально, а следственные и оперативные работники элементарно постигают его лишь в процессе расследования. Даже для сотрудников, специализирующихся на определенной категории дел, каждое новое дело — новая профессионализация.

Одним из важных показателей эффективности уголовной юстиции является раскрываемость преступлений. Ее средний показатель в мире колеблется около 50%. В США на протяжении последних 25—30 лет по индексным преступлениям он не превышал 21—22 % (по умышленным убийствам — свыше 60%, а по берглери — около 15%). В Англии и Уэльсе средняя раскрываемость по преступлениям, подлежащим регистрации, колеблется в пределах 35%, в ФРГ — 45, в Японии — около 60%. Соотношение долей раскрываемости насильственных и имущественных (корыстных) деяний в различных странах составляет примерно 4—3 : 1. Это связано, с одной стороны, с более ответственным отношением полиции всех стран к расследованию тяжких насильственных преступлений, а с другой — с большей трудностью раскрытия имущественных деяний, как правило совершаемых тайно, без свидетелей и следов. Есть и исключения: раскрытие преступлений против жизни в Израиле не превышает 28%⁵⁵.

В СССР раскрываемость преступлений (отношение раскрытых ко всем зарегистрированным) в 1990 году составила 58%, в России

в 1991 году — 52, в 1995 году — около 64%. В 70-е годы этот показатель в Союзе превышал 95%. Упомянутые цифры не отражали и не отражают реалий, так как органы правоохраны боролись и продолжают бороться за высокие показатели любым путем, и главным образом манипуляцией учета преступлений. Регистрируемое снижение раскрываемости в СССР и России было обусловлено не столько некоторой объективизацией учета преступлений, сколько серьезным ухудшением работы милиции. Правоохранительные органы в последние годы, оказавшись в условиях декларативной демократии и фактической охлократии, безбрежной гласности и массовых вооруженных столкновений, обоснованной и огульной критики за нарушения законности, переноса обид за сталинские репрессии на действующих в это время работников, беспомощности перед новой волной преступности, впали в коматозное состояние. В эти годы раскрываемость катастрофически снижалась.

Сказалось и бедственное положение полицейских сил, и не только в СССР (России), но и во всех постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы. Давид Фогель под эгидой Европейского института (HEUNI) в 1991 году провел обстоятельное исследование эффективности деятельности полиции (милиции) в Москве, Санкт-Петербурге, Праге, Варшаве, Софии, Будапеште и Тиране, на основании которого пришел к упомянутому печальному выводу⁵⁶. Не менее сложное положение и в полиции стран Латинской Америки⁵⁷. Однако раскрываемость преступлений, видимо, и объективно не может быть высокой при более или менее полной регистрации преступлений и строгом соблюдении органами законности и прав человека. Иначе трудно объяснить низкие показатели раскрываемости в развитых демократических странах с хорошо оснащенной, высокооплачиваемой и профессиональной полицией. Низкая раскрываемость уголовных дел лежит в основе недоверия населения к полиции. Последовательно проводимые с 1967 года обзоры Харриса в США показывают, что большинство населения (4/5) в конце 80-х годов не верило в то, что правоохранительные органы способны сдерживать преступность, а она ежегодно затрагивает 1/4 всех американских семей⁵⁸.

Реальной преградой к недопущению грубых нарушений законности в уголовной юстиции является суд. В развитых странах независимый судебный контроль доминирует в системе уголовного правосудия. В развивающихся странах доминирует полицейский контроль. Согласно Первому обзору ООН число полицейских в развитых странах на 100 тыс. населения составляло 302 человека, а в развивающихся — 394, а судей — соответственно 11,3 и 4, 1. Согласно Четвертому обзору (1990 г.) эти показатели соответственно составили 266 и 350; 11,03 и 4,72. По этим данным можно сделать вывод, что число полицейских снижается во всех странах, но оно остается более высоким в развивающихся. Число судей возрастает в развивающихся странах, но оно остается в 2 раза ниже, чем в развитых.

Несмотря на меньшие экономические возможности, развивающиеся страны в расчете на 100 тыс. населения содержат большее

число персонала системы уголовной юстиции. Точнее, они больше выделяют ресурсов для содержания полицейских сил, чем других учреждений уголовного правосудия. В последние годы это соотношение меняется. Однако ставка на полицейский надзор, а не независимый суд сохраняется. Суды в этих условиях, как правило, являются слабыми. Им практически не подконтрольна деятельность полиции. Они скорее являются регистраторами событий, а не органами третьей власти в стране.

Таким образом, одним из объяснений относительно низкого уровня преступности в развивающихся странах может быть (предположительно!) наличие жесткого дискреционного полицейского контроля за поведением и деятельностью людей. Это не бесспорно и не распространимо на все развивающиеся страны. Однако нельзя преуменьшать значимость такого контроля в определенных исторических, социальных, национальных, религиозных, идеологических и психологических условиях. Данное предположение в определенной мере подтверждается практикой тоталитарных социалистических режимов, где уголовная преступность была ниже, чем в демократических странах на один и даже на два порядка.

Можно предположить, что тотальный полицейский контроль за деятельностью и поведением людей при соответствующих исторических условиях коррелирует с относительно низкими показателями уголовной преступности. Однако мировое сообщество не считает такой социальной контроль над преступностью оптимальным. Ибо этот низкий уровень уголовной преступности обычно компенсируется злоупотреблениями властей против своего народа, квалифицируемыми чаще всего как нарушения прав человека. В итоге общий уровень общественно опасных деяний (преступления + некриминализованные злоупотребления властей), по нашему мнению, представляет собой для каждого исторического периода и государства некую величину, соотносимую с аналогичными данными других стран.

При этом надо иметь в виду, что права человека нарушают не только власти и не только в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных. Однако о правах человека применительно к правонарушителям нередко пекутся больше (видимо, эти нарушения более просты в регистрации), чем о правах законопослушных граждан и жертв преступлений⁵⁹. В докладе о соблюдении прав человека в России, одобренном на заседании соответствующей Комиссии при Президенте Российской Федерации 14 июля 1994 г., говорилось главным образом о нарушении прав "клиентов" системы уголовной юстиции. В нем констатировалось, что заболеваемость туберкулезом в пенитенциарных учреждениях в 17 раз, а смертность от него в 10 раз выше, чем на воле. Это страшные показатели. К сожалению, туберкулез сопровождает заключенных не только в нашей стране. Об этом, несомненно, надо говорить. Но общая смертность в ИТК в расчете на 1000 человек, как ни странно, в 2 раза ниже, чем в стране в целом, и она интенсивно растет, порождая депопуляцию населения. Об этом, оказывается, можно

умалчивать. Такая деформация объяснима "синдромом 1937 года", периода массовых властных злоупотреблений. Однако мы завязли на диссидентском подходе к правам человека.

Пришло время на основе всей совокупности международных документов глубокого рассмотрения проблемы прав человека в нашей стране "во всех измерениях" (международный термин), не противопоставляя, естественно, права жертв преступлений правам субъектов преступлений и наборот⁶⁰. Все они — граждане, все имеют конституционные общечеловеческие права. На основе анализа реального нарушения этих прав и властями, и преступниками (беспредель которых, в свою очередь, связан с беспомощностью или прямым попустительством властей) только и может формироваться объективное представление о криминогенности и правонарушаемости. Прав А. Кива, считающий, что наши правозащитники во главе с С. Ковалевым занимались чем угодно, только не защитой элементарных прав человека. По традиции они борются только с собственным государством и за людей, близких им по взглядам, например за дудаевцев^{61а}.

При транснациональных сравнениях различия между демократическим тоталитарным контролем прослеживаются еще и по коэффициенту убывания, или "фильтру" системы уголовной юстиции. Этот показатель, используемый в обзорах ООН, представляет собой процесс убывания (в расчете на 100 тыс. населения) числа лиц по этапам судебного разбирательства от подозрения до осуждения к реальной мере наказания. Анализ показывает, что "в восточноевропейских странах наблюдаются значительно более низкие коэффициенты убывания по сравнению с аналогичными коэффициентами других развитых стран и приблизительно такие же, которые могут быть рассчитаны для некоторых развивающихся стран"⁶¹.

Так, например, число подозреваемых на 100 тыс. населения в Польше в 1980 году составило 677, а число осужденных — 467. Сведения по ФРГ составили соответственно 2313 и 1190. Следовательно, в Польше было зарегистрировано значительно меньшее количество первоначально подозреваемых лиц, однако большинство из этих подозреваемых были осуждены. В ФРГ было значительно большее число подозреваемых (и это не расходится с данными других развитых стран), из которых около половины освобождены. Если перевести эти данные в проценты, то в Польше было освобождено от наказания 31% подозреваемых, а в ФРГ — 48,5%. При этом, конечно же, нельзя не учитывать характер оснований для подозрения в разных странах. В одной стране они могут быть очень широкими, а в других — нет. При таком качественном анализе коэффициент убывания может поменять знак демократичности правосудия.

В материалах Четвертого обзора ООН "фильтр" системы уголовной юстиции продемонстрирован на убийствах. Из 1000 человек, арестованных за убийство, 780 (78%) были подвергнуты уголовному преследованию, 220 — освобождены, 550 (55%) — осуждены, 230 — признаны невиновными, 390 (39%) — лишены свободы, а в отношении 160 человек вынесены менее строгие меры наказания⁶².

Показательность рассматриваемого коэффициента увеличивается, если анализируемых лиц дифференцировать по полу, возрасту и другим признакам. Такой анализ показывает, что в демократических странах более гуманное отношение правосудия к женщинам и несовершеннолетним, чем в тоталитарных режимах. Так, например, в 1980 году в Канаде на одну подозреваемую женщину рассматривалось 6 мужчин, 8 подвергались преследованию в судебном порядке и 12 были лишены свободы. Следовательно, коэффициент убывания для женщин-правонарушителей от подозрения до осуждения уменьшился по сравнению с мужчинами вдвое — с 1:6 до 1:12. В развивающихся странах, особенно мусульманского вероисповедания, картина иная. Число таких стран уменьшается, но они есть. Так, в 1975 году, по данным 26 стран, в 17 соотношение мужчин и женщин на поздних этапах судебного разбирательства было в “пользу” мужчин, а в 9 — в “пользу” женщин. В 1985 году из 29 опрошенных стран в 25 рассматриваемое соотношение было в “пользу” мужчин и лишь в 4 — в “пользу” женщин. Еще большие различия были получены при анализе несовершеннолетних правонарушителей в демократических и тоталитарных режимах.

Различный коэффициент убывания (фильтрации) для стран с неодинаковым уровнем экономического развития и демократических традиций уголовного правосудия просматривается также через соотношение общего числа арестованных к общему числу зарегистрированных преступлений (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение преступлений и правонарушителей⁶³

	Отношение числа арестованных к числу зарегистрированных преступлений (%)	
	1975 г.	1980 г.
Австрия	45	42
Канада	34	-
Финляндия	-	72
Франция	-	26
ФРГ	38	37
Индия	47	60
Япония	30	29
Нидерланды	32	29
Норвегия	13	11
Польша	80	78
Швеция	13	11
Соединенное Королевство	10	6
США	71	73
Югославия	74	73

Среднестатистический показатель отношения числа арестованных к числу совершенных преступлений, исчисленный на основе приведенных в таблице 8 данных, составляет около 40%. В Канаде,

Франции, ФРГ, Японии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Соединенном Королевстве этот показатель намного ниже среднего, а в Индии, Польше, США, Югославии — почти в 2 — 4 раза выше. Из прежнего объяснения выпадают лишь США, что, вероятнее всего, связано с их двойной статистикой преступности для серьезных и иных преступлений.

На одном из советско-скандинавских криминологических семинаров, проходившем в Швеции в сентябре 1990 года, известный норвежский профессор Нильс Кристи, подвергнув справедливому сомнению надежность данных об учтенных преступлениях, утверждал, что более объективным показателем правового и криминологического состояния общества являются абсолютные и относительные сведения о числе лиц, находящихся в заключении. Такая точка зрения действительно существует, но она не бесспорна. На объективность уровня заключенных в той или иной стране влияют те же обстоятельства, что и на объективность уровня регистрируемых деяний, плюс новые: колебания в следственной и судебной практике, особенности пенитенциарного законодательства и даже обеспеченность страны местами лишения свободы.

Возьмем, к примеру, СССР, где под видом условно-досрочных освобождений с обязательным привлечением осужденного к труду решался вопрос нехватки койко-мест в ИТУ и получения дармовой рабочей силы на тяжелых стройках химической промышленности, на лесоразработках и других местах. Такой вид освобождения был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г., а затем ежегодно использовался путем издания отдельных актов для разовых массовых освобождений (амнистий) заключенных и направления их на принудительный труд⁶⁴. Seriously колебалась и судебная практика. В 60—70-е годы доля лишения свободы составляла 60% и более (в 1968 г. — 65,9%), во второй половине 80-х годов и в начале 90-х — около 30%. Поэтому, несмотря на интенсивный рост преступности в эти годы, общее число лиц, находящихся в местах лишения свободы, не изменялось и составляло 1,5—2 млн.

Акцентируя внимание на факторах, влияющих на число заключенных, общее число их, особенно если оно пересчитано на 100 тыс. жителей или зарегистрированных преступлений, — один из важных показателей правового и криминологического состояния общества и гуманистических тенденций в уголовной политике (табл. 9).

Таблица 9

Сведения о заключенных⁶⁵

	Число заключенных на 100 тыс.						
	жителей				преступлений		
	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Бельгия	69	59	27	66	-	-	-
Греция	-	-	-	52	1 549	1 061	814
Италия	53	53	27	45	1 548	1 565	1 138

Кувейт	-	-	-	-	3 435	4 122	80 436
Польша	271	269	204	131	27 060	28 318	13 942
Соединенное Королевство	80	89	77	"	-	-	-
СССР*	374	405	556	-	79 265	70 125	73 727
	470	505	671	-	99 517	87 428	88 901
	500	555	747	438	105 749	96 093	98 921
США (1986 г.)	-	-	336	459	-	-	267
ФРГ	84	94	80	77	1 767	1 521	1 148
Финляндия	118	102	75	68	2 628	2 454	562
Франция	49	85	41	77	1 361	1 738	617
Шри-Ланка	-	-	-	-	13 882	17 718	22 724

* По СССР приводятся три строки: первая включает в себя число заключенных, находящихся в ИТК; вторая — число заключенных, находящихся в ИТК, ВТК, следственных изоляторах и тюрьмах; третья — число заключенных, находящихся в ИТК, ВТК, следственных изоляторах, тюрьмах, ЛТП (до 1985 г.) и ВТЦ. Воспитательно-трудовые профилактории были образованы для несовершеннолетних в 1985 году. Их численность в год образования составила 2539 человек.

Сведения таблицы 9 показательны. Между уровнями демократичности и репрессивности просматривается обратная пропорциональная зависимость. Общей тенденцией для всех стран является снижение числа заключенных в расчете на население и зарегистрированные преступления. В СССР в начале перестройки (1985 г.) число заключенных на 100 тыс. жителей при разных исчислениях было в 10—30 раз выше, чем в Бельгии, Франции, Италии, Великобритании, ФРГ. Ближе всех к нам в те же годы оказалась Польша. По числу заключенных на 100 тыс. преступлений разница достигала 80—100 раз и более. К нашим данным приближались лишь сведения по той же Польше и Кувейту. В 1990 году общее число заключенных в СССР в расчете на население составляло 438, или на 21 единицы меньше, чем в США.

Можно утверждать, что чем меньше заключенных на 100 тыс. населения, тем демократичнее система уголовного правосудия, а чем меньше число заключенных на 100 тыс. учтенных преступлений, тем шире в стране применяются альтернативные лишению свободы уголовные наказания. Эти тенденции являются ведущими. Они поддерживаются решениями трех последних конгрессов ООН.

На Шестом конгрессе (Каракас, 1980 г.) была принята специальная резолюция об альтернативах тюремному заключению. Седьмой конгресс (Милан, 1985 г.) продолжил данную работу и принял резолюцию о сокращении числа заключенных, альтернативах тюремному заключению и возвращении правонарушителей к жизни в обществе. На Восьмом конгрессе (Гавана, 1990 г.) был организован представительный семинар по проведенному Межрегиональным научно-исследовательским институтом ООН по вопросам преступности и правосудия (UNICRI, Италия), а также шестью региональными институтами (Хельсинкским, Азиатским и Дальневосточным, Латиноамериканским, Африканским, Арабским, Австралийским)

фундаментальному исследованию альтернатив тюремному заключению⁶⁶ и принята резолюция “Принципы и направление исследований, касающихся санкций, не предусматривающих тюремного заключения”. Суть: путем изучения применения и расширения более гуманных санкций, не связанных с тюремным заключением, постепенно сокращать число заключенных и возвращать правонарушителей к жизни в обществе, не изолируя их от него. А это, в свою очередь, обеспечит в ныне переполненных тюрьмах большее соблюдение стандартных минимальных правил, касающихся обращения с заключенными, принятых еще Первым конгрессом (1955 г., Женева), и стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятых Восьмым конгрессом.

Международные рекомендации отражают объективные тенденции. Во многих странах мира идет реальный процесс хотя и противоречивого, но все же сокращения числа заключенных в абсолютных и относительных (относительно населения и преступности) числах. Эти тенденции окажутся более показательными, если их рассматривать на фоне постепенного роста населения и интенсивного роста преступности. С 1900 года, например, преступность в Швеции возросла в расчете на население почти в 10 раз, тогда как число заключенных, поступающих в течение каждого года за это же время и в тех же показателях, сократилось более чем втрое. А если учитывать число заключенных на конец года, то сокращение его произошло примерно на пятую часть⁶⁷.

И последнее, о чем следует сказать, это о мировых тенденциях применения смертной казни. Стратегической задачей ООН является постепенное сокращение числа правонарушений, которые могут караться смертной казнью, с целью ее полной отмены. Идея эта давняя. Еще Маркс в работе “Смертная казнь” писал, что весьма трудно, а может быть, вообще невозможно найти принцип, посредством которого можно обосновать справедливость и целесообразность смертной казни в обществе, кичащемся своей цивилизацией. Правда, эта мысль Маркса не нашла поддержки в практическом марксизме.

Вопрос о смертной казни в ООН возник сразу после второй мировой войны. Первый мировой обзор об этом (за 1956—1960 гг.) был сделан М. Анселем (1962 г.), второй обзор (за 1961—1965 гг.) — Н. Моррисом (1967 г.). После этого ООН практиковала рассылку вопросников с целью разработки обзора тенденций применения смертной казни каждые пять лет. Передо мной последний обзор, подготовленный Роджером Худом в 1988 году и представленный Восьмому конгрессу ООН. В нем указывается, что за последние 25 лет после доклада Морриса 25 стран отменили смертную казнь полностью, а 10 — отменили ее в отношении общеуголовных преступлений. Среди государств, сохранивших институт смертной казни, в 9 странах за последние 10 лет никто не был казнен. Четыре из них отменили смертную казнь де-факто. Только две страны (Мозамбик и Непал), отменившие ранее смертную казнь, ввели ее вновь. Еще

13 стран, в которых в течение 10 лет и более не казнили ни одного человека и которые поэтому рассматривались как отменившие ее де-факто, в течение последнего двадцатипятилетия возобновили смертные казни. Из них только три страны вернулись к ее фактической отмене. В целом по состоянию на конец 1988 года насчитывается 35 стран, полностью отменивших смертную казнь, 18 отменили ее за общеуголовные преступления и 26 стран отменили ее де-факто. 101 страна сохраняла смертную казнь в качестве уголовного наказания. Ряд стран из них откликнулись на призыв ООН о сокращении перечня преступлений, за которые предусматривается эта мера наказания⁶⁸. В последующие годы число стран, отменивших смертную казнь или не применявших ее, превысило 80^{68а}.

Во многих регионах мира наблюдается сильное сопротивление призывам ООН к отмене смертной казни, так как считается, что она оказывает особое сдерживающее преступников воздействие. По данным Международной амнистии, за период 1979—1983 годов в среднем за год выносилось 1627 смертных приговоров и 1758 лиц подвергались казни. Причем она полагает, что эти данные занижены. Смертная казнь сохраняется во многих демократических странах. В США, например, под напором растущей преступности наблюдается увеличение использования этого наказания. Предпринимаются попытки делать это даже быстрее, чем раньше, путем сокращения существующего процесса апелляции. В конце 1992 года в США ожидали смертной казни 2588 человек — самое большое число узников за всю историю страны⁶⁹. Сторонники отмены смертной казни в Токио организовали в августе 1992 года митинг общественности с целью празднования 1000 дней без казней. Сотни политиков и юристов поддерживают отмену смертной казни, но японское правительство приводит результаты опросов населения, выступающего за сохранение этого вида наказания. В конце 1992 года в Японии смертной казни подлежали 55 человек⁷⁰. В Англии, отменившей смертную казнь в 1969 году, парламент 18 раз возвращался к обсуждению этого вопроса⁷¹.

Изучение тенденций преступности в связи с введением или отменой смертной казни в Австралии, Канаде, Англии и некоторых штатах США, Нигерии и других странах показывает, что достаточных доказательств, подтверждающих сдерживающий характер смертной казни, нет. В заключении своего анализа упомянутый выше Р. Худ пишет: «Основной вывод состоит в том, что в данном исследовании не удалось научно доказать наличие сдерживающего эффекта смертной казни по сравнению с пожизненным заключением. В принципе, мало вероятно, что такое доказательство можно будет найти»⁷². Обсуждение этого вопроса было организовано на одном из комитетов Восьмого конгресса ООН, а затем и на пленарном заседании. На комитет был вынесен проект резолюции о моратории на смертную казнь. Делегация СССР выступила за рассмотрение вопроса о моратории. Комитет к согласию не пришел. Государствам-членам рекомендовалось не объявлять моратория, а лишь рассмотреть вопрос об этом. При поименном голосовании за этот проект

голосовали 48 государств, включая СССР, против — 29, воздержались 16⁷³.

Россия восприняла эти идеи. В ст. 89 новой Конституции РФ говорится: “Каждый имеет право на жизнь. Никто не может быть произвольно лишен жизни. Государство стремится к полной отмене смертной казни. Смертная казнь применяется в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против личности только по приговору суда”. Эта норма реализуется в новом УК. С 1992 года в России сдерживается приведение в исполнение смертных приговоров. Комиссии по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации предписывается возможность замены смертной казни в порядке помилования лишением свободы на срок до 15 лет либо пожизненно. Россия стремится стать одной из стран, где пока смертные приговоры хотя бы не приводились в исполнение.

Принятие России в Совет Европы безапелляционно требует этого. В ст. 1 Шестого протокола 1983 года к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) говорится: “Смертная казнь отменяется. Никто не может быть ни приговорен к смертной казни, ни казнен”. Однако интенсивный рост опасных преступлений и доминирование в общественном мнении народа нетерпимости к гуманизации уголовно-правовой кары за совершение тяжких преступлений, особенно в условиях беспомощности правоохранительных органов, могут существенно повлиять на наметившуюся тенденцию, как это уже не раз бывало. Русский историк Н. М. Карамзин писал: “Нет сомнения, что жестокие судные казни означают ожесточение сердец и бывают следствием частых злодеяний. Добросердечный Мономах говорил детям: “Не убивайте виновного; жизнь христианина священна”. Не менее добросердечный победитель Мамаев, Дмитрий, установил торжественную казнь, ибо не видал иного способа устрашить преступников”⁷⁴. Противостояние мнений остается до сих пор.

Политические попытки отменить смертную казнь в текущем столетии предпринимались в марте 1917 года Керенским, а в советское время в октябре 1917 года и в январе 1920 года Лениным и в мае 1947 года Сталиным.

Подводя итоги об отмене смертной казни, можно сделать единственный вывод, что, как бы ни был сложен и противоречив этот процесс, его основная тенденция давно определилась. Реальной альтернативой смертной казни является пожизненное или долгосрочное лишение свободы. Однако решение этого вопроса связано не только с правовым, но и с экономическим развитием страны.

Анализ только некоторых составляющих борьбы с преступностью свидетельствует о том, что в силу различных объективных, негативных и позитивных причин идет реальный процесс постепенного “отставания” уголовно-правового контроля над преступностью от ее качественно-количественных изменений. Человечество никогда не откажется от уголовного наказания за совершение преступлений, но оно все больше и больше осознает его ограничен-

ные возможности и стратегическую бесперспективность жестоких наказаний и казней в цивилизованном обществе. Поэтому традиционные способы уголовно-правовой борьбы с преступностью должны дополняться методами криминологического воздействия на среду и личность делинквентов. Это единственный выход и выход справедливый. Ибо нет пока убедительных доказательств того, что преступниками рождаются или становятся сами по себе. Но есть достаточно свидетельств того, что противоправное поведение формируется общественной средой. Поэтому общество обязано не только брать на себя часть вины за совершаемые деяния, но и принимать необходимые меры по очеловечиванию социализации людей. И вот эта цель при традиционном взгляде на преступность, а также пути ее решения на столетие "обгоняют" ее развитие.

Тенденция роста преступности и тенденция "отставания" уголовно-правового контроля над ней увязываются между собой в некий порочный круг, разорвать который можно только на пути гуманистических, профилактических, криминологических стратегий борьбы с преступностью. Этот порочный круг трудно разорвать в рамках традиционной уголовной политики. Мировое сообщество озабочено решением двух главных задач: как снизить темпы прироста преступности и как обеспечить человеческое обращение с правонарушителями. Совместимы ли они? Несомненно, но с одним условием: они соединимы в цивилизованном демократическом обществе, где глубоко осознаны реальные закономерности в области преступности, ее объективные причины и научно-практическая несостоятельность неправового и жестокого обращения с правонарушителями, т. е. они совместимы в оптимальном соотношении эффективности и гуманности.

Временной анализ международных документов свидетельствует о последовательном сдвиге их направленности от традиционной уголовно-правовой проблематики, где выработаны необходимые принципы и минимальные правила, к криминологической, где много нерешенных вопросов⁷⁵.

Последние конгрессы изобилуют решением криминологических проблем. На Четвертом конгрессе (Киото, 1970 г.) была принята декларация, в которой говорилось о безотлагательной потребности всемирного сообщества наций улучшать планирование своего экономического и социального развития в целях предупреждения преступности. На Шестом конгрессе (Каракас, 1980 г.) была принята Каракасская декларация, которая провозгласила девять принципов предупреждения преступности. На Седьмом конгрессе (Милан, 1985 г.) принят целый пакет криминологических документов: Миланский план действий, Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка, где в двух разделах — "Предупреждение преступности и новый международный экономический порядок" и "Национальное развитие и предупреждение преступности" — изложены основные подходы к предупредительной работе. На этом же конгрессе была принята резо-

люция о разработке стандартов для предупреждения преступности среди несовершеннолетних. На Восьмом конгрессе (Гавана, 1990 г.) разработка документов, регламентирующих предупредительную деятельность, заметно расширилась и углубилась. В резолюциях “Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития”, “Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские принципы)”, “Предупреждение преступности в городской среде”, “Руководящие принципы для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней” и др. решаются важные вопросы криминологического контроля над преступностью. Криминологический аспект контроля над преступностью получил дальнейшее развитие на Девятом конгрессе в Каире в 1995 году.

Итак, мировые, региональные (территория бывшего СССР) и российские тенденции преступности не дают основания для ее благоприятного криминологического прогноза в мире, и особенно в России. Общее число зарегистрированных преступлений в России в 1996 году (при высокой и растущей латентности) близко к 3 млн., а коэффициент преступности — к 2 тыс. на 100 тыс. населения. При сохранении в России текущей криминологической обстановки фактическая преступность в ближайшие годы будет возрастать.

Интенсивный рост преступности — не сама болезнь общества, а лишь показательный симптом его более глубоких социальных недугов. Противоречия между ухудшением криминологической обстановки в мире и в России, увеличением “ножниц” между растущей преступностью и отстающим социальным контролем над ней традиционным усилением уголовно-правовой борьбы в условиях демократических институтов неустраимы. Решение проблемы лежит в углублении правового и криминологического контроля, в конкретно-криминологической стратегии предупреждения преступности, реализуемой и корректируемой непрерывно. Для этого нужны соответствующая экономическая, организационная, правовая аналитическая база и практическая макро- и микрокриминология.

¹ *Campion H.* International statistics // Journal of Royal Statistical Society. Series A. Part II. Vol. 112, 1949. P. 105—143; *Ansel V.* Observations on the international comparisons of criminal statistics // International Journal of Criminal Policy. 1952. Vol. 1. P. 41—48; *Wolfgang M. E.* International comparative statistics: a proposal // Journal of Criminology. Criminal Law and Police Science. 1967. Vol. 58. P. 65—69; *Adler Freda.* Nations not Obsessed with Crime. Littleton? Colorado, 1983; *Archer D. and Gardner R.* Violence and Crime in Cross-national Perspective. New Haven — Connecticut, Yale University Press, 1984; *Crime and Criminal Justice in Europe and North America.* 1986—1990. HEUNI, Helsinki, 1995 и др.

² См., например, *Герцензон А. А.* Преступность в странах империализма. М., 1951; *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. М., 1969; *Мельникова Э. Б.* Состояние, динамика и структура преступности в капиталистических странах. М., 1974; *Преступность в*

европейских социалистических странах. М., 1974; Леоненко В. В. Преступность среди молодежи в капиталистических странах. Киев, 1976; Преступность в основных капиталистических странах. М., 1981.

³ Comparative Criminology / Ed. by Israel L. Barak-Glantz and Elimer H. Johnson. Sage publications Beverly Hills (London). New Delhi, 1983. P. 39—50. Авторы этой работы сопоставляют преступность в СССР и ПНР.

⁴ Сборник статистических данных о преступности в капиталистических странах. М., 1967. С. 35.

⁵ Стручков Н. А. Введение в криминологию. Л., 1977. С. 65.

⁶ Предупреждение преступности и борьба с ней. Доклад Генерального секретаря. Тридцать вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. А/32/199, 28 oct. 1977.

⁷ Второй обзор ООН о тенденциях в области преступности, функционировании систем уголовного правосудия и стратегиях по предупреждению преступности. Доклад, подготовленный Секретариатом. А/ Conf. 121/18, 30 may 1985.

⁸ Седьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Милан, 26 августа — 6 сентября 1985 г. Доклад, подготовленный Секретариатом. ООН, Нью-Йорк, 1986. С. 3.

⁹ Там же. С. 109—111.

¹⁰ Третий обзор ООН о тенденциях в области преступности, функционировании систем уголовного правосудия и стратегиях по предупреждению преступности. Доклад, подготовленный Секретариатом. А/Conf. 144/6, 27 july 1990; Trends in Crime and Criminal Justice, 1970—1985, in the Context of Socio-Economic Change. United Nations, New York, 1992; Тенденции в области преступности и функционирование уголовного правосудия на региональном и межрегиональном уровнях. ООН, Нью-Йорк, 1993; Criminal Justice Systems in Europe and North America. No 17. Helsinki, Finland, 1990; Crime and Justice in Asia and the Pacific. Tokyo — Canberra, 1990.

¹¹ Анализ ошибок см.: Лунев В. В. Преступность и уголовная юстиция в бывшем СССР и странах, образованных на его территории (1986—1992 гг.). К Четвертому обзору ООН о тенденциях преступности и функционировании системы уголовной юстиции. М., 1994.

¹² Результаты Четвертого обзора ООН по вопросу о тенденциях в области преступности и функционирование систем уголовного правосудия. Промежуточный доклад, подготовленный Секретариатом. А/CONF. 169/15, 20 dec. 1994.

¹³ Crime and Crime Prevention in Moscow. UNICRI. ВНИИ МВД РФ. Rome — Moscow, 1994. P. 35—41.

¹⁴ Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 422, 551.

¹⁵ Лунев В. В. Преступность и уголовная юстиция в бывшем СССР и странах, образованных на его территории... С. 13—14, 122—125.

¹⁶ Uniform Crime Reporting Handbook. Washington, D. C., 1984. P. 5—32.

¹⁷ Uniform Crime Reports. 1992. Crime in the United States. Washington, D. C., 1993.

¹⁸ Решение об учете восьмого вида преступлений — поджога — в структуре индексных преступлений в США было принято в 1982 году (см.: Uniform Crime Reporting Handbook... P. 2.).

¹⁹ Газета "The New York Times" от 30 октября 1989 г., например, сообщила, что общая преступность в США в 1988 году возросла по сравнению с 1987 годам на 1,3%, с 35,3 до 35,8 млн. преступлений.

²⁰ Criminal Justice in the 1990's. 1990. Apr. P. 10—13.

²¹ Кларк Р. Преступность в США. М., 1975. С. 57—58; Шур Эдвин М. Наше преступное общество. М., 1977. С. 42—59.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 13. С. 515. 23.

²³ Цит. по: Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 192.

²⁴ Бондарев Ю. В. Собр. соч. (в 6-ти т.). Т. 6. М., 1986. С. 190.

²⁵ Здесь и далее следует иметь в виду, что среднегодовые темпы прироста преступности не являются среднеарифметическими показателями за тот или иной период, в данном случае за пять лет. В отличие от среднегодового абсолютного прироста преступности, исчисляемого по формуле среднеарифметической, среднегодовые темпы прироста, выраженные в процентах, должны рассчитываться по формуле среднегеометрической, так как базовые показатели ежегодно возрастают. Если пренебречь этим, что нередко наблюдается в криминологической литературе, то можно впасть в серьезную ошибку. Например, за 20 лет преступность возросла с 1 до 1,5 млн., т. е. на 500 тыс. преступлений, или на 50%. Ежегодный абсолютный прирост составит: $500\ 000 : 20 = 25$ тыс. преступлений, а относительный среднегодовой прирост при неправильном среднеарифметическом подсчете: $50\% : 20 = 2,5\%$. При правильном подсчете по формуле среднегеометрической среднегодовой темп прироста преступности составляет 2,05%. Для простоты расчета используются специальные таблицы (см.: Айрапетов А. М. Таблицы исчисления среднегодовых темпов роста, прироста и снижения. М., 1979).

²⁶ Результаты Четвертого обзора ООН... P. 10.

²⁷ Там же. P. 6.

²⁸ Там же. P. 10.

²⁹ Лунев В. В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993. № 5. С. 7.

³⁰ Третий обзор ООН... С. 42.

³¹ Третий обзор ООН... С. 24.

³² Trends. The Global View of Crime and Justice. A Special Issue UNCJIN Crime and Justice Letter reporting findings from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems. 1991. Nov. P. 2—3.

³³ Здесь и далее используются источники: Uniform Crime Reports 1990. Crime in the United States Release Date Sunday. Aug. 11, 1991; Uniform Crime Reports 1992. Crime in the United States. U. S., Washington, D. C., 1993; Bureau of Justice Statistics. Sourcebook of Criminal Justice Statistics 1993. Washington, D. C., 1994; Notifiable Offences Recorded by the Police in England and Wales 1990. Statistical Bulletin 1991; Digest 2. Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Home Office Research and Statistics Departa-

ment 1993; Polizeiliche Kriminalstatistik 1989. Bundesrepublik Deutschland. Bundeskriminalamt 1990; Polizeiliche Kriminalstatistik 1993. Bundesrepublik Deutschland. Bundeskriminalamt 1994; Government of Japan. Summary of the White Paper on Crime 1991. Research and Training Institute Ministry of Justice; Government of Japan. Summary of the White Paper on Crime 1993. Research and Training Institute Ministry of Justice; Violent Offenses Rose 10% in 1990, FBI Report Shows. Monday, Apr. 29, 1991; Criminalité et délinquance en France (année 1988); Crimes et délits constatés en France. 1991 année; Сборник статистических данных о преступности в капиталистических странах. М., 1967; Преступность в капиталистических странах. М., 1981, а также официальные ответы стран Северной Америки и Европы на вопросник ООН к Четвертому обзору, ксерокопии которых автор получал как эксперт группы HEUNI, материалы Российского бюро Интерпола, официальная отчетность о преступности в СССР, России и других странах, образованных на территории Союза, и иные официальные материалы.

³⁴ Digest 2. Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Home Office Research and Statistics Department 1993. P. 8.

^{34a} Statistiques criminelles internationales. Organisation internationale de police criminelle. Interpol. 1994.

³⁵ Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. С. 95—100; он же. People's Participation in Criminal Justice: Japanese Variant // Ritsumeikan Law Review. 1994. № 9. P. 11—16; Япония. Справочник. М., 1992. С. 39—42; Аргунова Ю. Н. Преступность в Японии, ее причины и профилактика. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. ю. н. М., 1984. С. 13.

³⁶ World Encyclopedia of Police and Penal Systems, Facts on File. N. Y. — Oxford, 1989. P. 211—230.

^{36a} Василенко И. А. Политическое время на рубеже культур // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1977. №1. С. 85.

³⁷ Российская газета. 1995. 16 дек.

³⁸ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и XX века. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 217.

³⁹ Соргин В. В. Новый взгляд на историю западного капитализма // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 689.

⁴⁰ Government of Japan. Summary of the White Paper on Crime 1993. Research and Training Institute Ministry of Justice.

⁴¹ Understanding Crime Experiences of Crime and Crime Control. Acts of the International Conference. Rome, 18—20 Nov. 1992. UNICRI. Publication No. 49. Rome, 1993. P. 1—131.

⁴² Проблема преступности. Сборник второй. Киев, 1924. С. 127—177.

⁴³ Crime and Justice in Asia and the Pacific. Tokyo — Canberra. UNAFEI and AIC, 1990. P. 31.

⁴⁴ При этом следует иметь в виду относительно широкую криминализацию деяний в Швеции (см., например: The Sweden Penal

Code. Ministry of Justice, Stockholm, 1990; Crime and Criminal Policy. Stockholm, 1990). Среди Скандинавских стран в Швеции наиболее высокий коэффициент преступности. Близок к нему коэффициент преступности в Дании, который в конце 70-х годов "перешагнул" уровень 10 тыс. на 100 тыс. населения в возрасте уголовной ответственности. Приближаются к этому рубежу индексы преступности в Финляндии и Норвегии. Ежегодник судебной статистики Швеции за 1989 год приводит график динамики коэффициентов преступности в Скандинавских странах за 1950—1988 годы. Существенно различаясь по уровню преступности, данный показатель в этих странах за указанные годы возрос примерно одинаково — в 5—6 раз. Их динамические кривые при сокращающемся разрыве совпадают по направленности (см.: Rattsstatistisk årsbok 1989. Sveriges officiella statistik, Stockholm, 1989. S. 146).

⁴⁵ Crime Trends in Sweden, 1988. Stockholm, 1990. P. 121, 124; Rattsstatistisk årsbok 1989. Stockholm, 1989. S. 24, 39, 219; Svensson Bo. Criminal Justice Systems in Europe: Sweden. HEUNI, 1995. P. 63.

⁴⁶ При сопоставлении уголовно-правовых систем следует обращаться и к системам административно-правовым, ибо в различных странах неодинаков уровень криминализации противоправных явлений, но он уравнивается административным законодательством. Общее число административных правонарушений в СССР в 1990 году составило 45 387 520. Административные правонарушения есть и в Швеции. Качественно-количественное сопоставление их поможет углубить сравнительные криминологические исследования.

⁴⁷ Лунеев В. В. Рыночная экономика и преступность // Общественные науки и современность. 1996. № 3.

⁴⁸ Айдаров Йордан. Престъпността в перехода към демокрация. София, 1995. С. 21—23.

⁴⁹ Zhu Hongde, Wang Lixian, Lu Jiabun, Guo Jionan and Zhou Lu. The International Crime (Victim) Survey in Beijing. Criminal Victimization in the Developing World. UNICRI, Rome, 1995. P. 68.

⁵⁰ Третий обзор ООН... P. 11.

⁵¹ Newman Graeme. Crime and the Human Condition. Essays Crime and Development. UNICRI, Rome, 1990. P. 80—82.

⁵² Аристотель. Риторика // Античные риторика. МГУ, 1978. С. 16.

⁵³ Strafgeszbuch. Vom 15. Mai 1871 in der Fassung der Bekanntmachung vom 10 März 1987 // Strafrecht Strassenverkehrrecht Arbeits- und Sozialrecht Europarecht. Baden-Baden, 1992. S. 1—135.

⁵⁴ Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7. С. 81.

⁵⁵ Annual Report, 1990. Israel National Police. Table 3,9.

⁵⁶ Fogel David. Policing in Central and Eastern Europe. Report on a Study Tour. HEUNI, Helsinki, 1994.

⁵⁷ Criminologia en America Latina. UNICRI, Roma, 1990.

⁵⁸ Bennett Georgette. Crimewerps. The Future of Crime in America. Revised and Updated. Anchor Books. New York—London—Toronto—Sydney—Auckland, 1989. P. XIX.

⁵⁹ См., например: Доклад С. А. Ковалева, уполномоченного по правам человека, на заседании Общественной палаты при Президенте РФ 30 июня 1994 г // Российская газета, 1994. 9 авг.; Доклад о соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год // Российская газета. 1994. 25 авг.

⁶⁰ Права человека. Основные международные документы. М., 1990. С. 38, 44 и др.; Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк, 1992. С. 311.

⁶¹ Третий обзор ООН... Р. 12.

^{61a} *Кива А.* Блеск и нищета движения правозащитников // Российская газета. 1997. 21 февр.

⁶² Результаты Четвертого обзора ООН... Р. 18.

⁶³ A/Conf. 144/6, 27 July 1990. P. 27.

⁶⁴ По указам от 10 марта 1971 г. из ИТК было освобождено 89,2 тыс. человек, от 17 марта 1972 — 108, 1 тыс., от 28 декабря 1972 г. — 136, 1 тыс., от 1 марта 1974 г. — 137,6 тыс., от 10 марта, 6 мая, 16 и 17 мая 1975 г. — 177,6 тыс., от 13 мая 1976 г. — 78 тыс. В последующие годы эту же функцию стали выполнять акты об амнистии. По указам от 4 ноября 1977 г. было освобождено 107 628 человек, от 19 октября 1979 г. — 92 960, от 27 июня 1980 г. — 101 690, от 14 сентября 1981 г. — 135 187.

⁶⁵ Crime and Criminal Justice in Europe and North America. 1986—1990. HEUNI, Helsinki, 1995. P. 44.

⁶⁶ Research Workshop Document. Vol. I. Prepared for Research Workshop on Alternatives to Imprisonment. UNICRI, 1990.

⁶⁷ Rattsstatistisk årsbok 1989... S. 16—23; Там X. Преступность и уровень жизни (пер. со швед.). М., 1982. С. 31—51, 194—230.

⁶⁸ Международный обзор уголовной политики. 1990. № 38. Смертная казнь. Анализ мировых тенденций. ООН, Нью-Йорк, 1990. С. 5.

^{68a} *Наумов А. В.* Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 394.

⁶⁹ Скандал в области прав человека: политика и практика в США // Международная амнистия. Бюллетень. 1992. Сент. С. 2.

⁷⁰ Международная амнистия. Бюллетень. 1992. Дек. С. 7.

⁷¹ Московские новости. 1992. № 41.

⁷² Международный обзор уголовной политики... С. 84.

⁷³ *Лунеев В. В.* VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Сов. государство и право. 1991. № 2. С. 129—130.

⁷⁴ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V—VI. М., 1993. С. 205—206.

⁷⁵ Нормы и руководящие принципы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: осуществление и приоритеты для будущей выработки стандартов. Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. A/Conf. 144/Inf. 2, 11 may 1990; Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.

Глава 2 Тенденции преступности в СССР

1. Становление учета преступности (судимости)

Начало статистического изучения преступности в царской России, как и за границей, относится к первой четверти прошлого века. В 1802 году в работе "О Законоположении" А. Н. Радищев глубоко раскрыл возможности и содержание уголовной статистики для законотворческой деятельности. Но он не был услышан. В 1823 году действительный член Российской академии наук К. Ф. Герман сделал доклад "Изыскания о числах убийств и самоубийств в России в 1819—1820 годах". В этом докладе он на несколько лет раньше, чем А. Кетле, высказал идеи о закономерном развитии преступности и ее обусловленности определенными причинами. В то время как Кетле обессмертил свое имя, имя русского ученого несправедливо забыто и осталось неизвестным. Доклад был послан Президенту Академии наук А. С. Шишкову, который признал его политически вредным¹.

Первые работы по статистике преступности в России появились в 60-е годы XIX в. Это работы Е. Анучина о ссыльных, Н. Неклюдова о возрасте и преступности. Уголовно-статистическими вопросами занимались П. Н. Ткачев, Ю. Э. Янсон, А. И. Чупров и другие². В 70-е годы стали формироваться официальные сборники "Сводь статистических сведений по делам уголовным", вступительные очерки к которым писались Е. Н. Тарновским. Сведения о преступности за 1874—1894 годы были опубликованы в сборнике "Итоги русской уголовной статистики", а за 1905—1915 годы — в "Ежегодных сборниках статистических сведений министерства юстиции".

Советская эпоха привнесла свой уникальный опыт в решение не только политических, социальных, экономических, правовых, но и криминологическо-статистических проблем³. И хотя в настоящее время становится все более и более очевидным, что значительная часть этого опыта не совсем пригодна в своем прямом предназначении для эволюционного развития демократического общества, он для нас является чрезвычайно ценным, как были бы важны положительные или отрицательные результаты дорогостоящих научных экспериментов.

Статистические данные любой страны требуют взвешенной и квалифицированной оценки, ибо не зря говорят: есть ложь, есть большая ложь и есть статистика. Особую осторожность необходимо проявлять к статистическим данным моноидеологических государств, таких как СССР, где власти и сверху, и снизу ради утверждения доминирующей идеи могут пойти на любые информационные фальсификации. Уголовная статистика в СССР, кроме того, не была сколько-нибудь устойчивой: менялись единицы измерения, уголовное законодательство, правовые дефиниции, принципы и формы учета криминальных явлений и процессов. За время существования СССР так и не было разработано единой государственной отчетности для

всех правоохранительных органов. Она носила в основе своей ведомственный характер, а следовательно, служила ведомственным, а не государственным и тем более не народным интересам.

В период революции, иностранной интервенции и гражданской войны фактическая преступность на территории бывшей царской России была чрезвычайно высокой. В один миг рухнули многовековые устои российского общественного поведения, государственные, правовые, нравственные, религиозные. Под знаменем борьбы за светлое будущее революция ввергла страну в условия генерализованной аномии и разбудила в малограмотной массе не только многовековые обиды на власть имущих, но и самые высокие и самые низменные мотивации. Вершиной права оказалось революционное самосознание, направляемое коммунистами для достижения одной цели: любой ценой взять власть и удержать ее⁴. Нравственно-правовая оценка “творимых” в то время общественно опасных действий с позиций современного отечественного и международного уголовного права дает достаточно оснований полагать, что все жители страны — и “красные”, и “белые”, и неопределившиеся — были втянуты в криминальный водоворот в качестве либо преступников (соучастников), либо жертв преступлений.

В советской литературе утвердилось мнение, что Октябрьская революция была практически бескровной. Из-за слабости Временного правительства большевики действительно захватили власть относительно бескровно, но удержание противоестественного режима было возможно лишь кроваво-насильственным путем на всем протяжении его существования. Массовые уничтожения людей в 20—50-е годы — не паранойя Сталина, а императив выживания социализма со времени его установления. В начале 1918 года Ленин писал Зиновьеву: “Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы... удержали. Протестую решительно! Это не-воз-мож-но! Надо поощрять энергию и массовидность террора...”⁵. Ослабление террора после смерти Сталина закономерно вело к краху тоталитарного режима. Я не разделяю ломброзианства, но “ограниченный наивный старичок” (так после встречи с Ломброзо в августе 1907 г. записал о нем в дневнике Л. Н. Толстой) далеким от науки своеобразным путем приблизился к некоей сути, сказав, что революционеры (бунтари) имеют мету преступников⁶. В международных документах политическое насилие приравнивается к терроризму, к преступности⁷.

Так вот, если рассматривать революцию в широком ленинском понимании (главное — удержание власти), то прямыми и косвенными ее жертвами (потерпевшими) стали от трети до половины населения страны. Это не очень точная экспертная оценка криминальных событий. Ибо какого-либо учета жертв классово-борьбы не велось ни белыми, ни красными. Не было не только учета “преступлений”, но и их законодательного определения. Революционная расправа масс и создание репрессивных органов опережали законодательную криминализацию “общественно опасного поведе-

ния". Они "наделялись" беспредельными дискреционными полномочиями и действовали на основе революционного правосознания. Первый ведомственный (НКЮ) акт "Руководящие начала по уголовному праву РСФСР" появился только в декабре 1919 года. Первые уголовные кодексы РСФСР и некоторых других союзных республик были приняты лишь в 1922 году. Уголовное законодательство обновлялось в 1926—1928 и 1958—1962 годы. В промежутках между этими датами шел непрерывный процесс изменения и дополнения уголовного законодательства.

Учет преступлений, коррелируя с уголовным законодательством и практикой его применения, имел свои идеологические задачи и статистические особенности. С 1918—1919 годов в РСФСР, а с 1922—1923 годов в СССР учитывались уголовные дела, а затем осужденные. С этого времени было издано шесть работ⁸, охватывающих 5-летний период по СССР и 8-летний — по РСФСР. Учет преступности в те годы был неполным и неточным. Он осуществлялся путем направления в ЦСУ листов на осужденных, которые не всегда заполнялись и терялись при пересылке. Многие союзные и автономные республики вообще не представляли никаких сведений о преступности и судимости. Более или менее повсеместным учет судимости стал к 1924 году. Таковым он практически оставался до 60-х годов. Необходимо при этом иметь в виду то, что фактическое отсутствие в те годы института освобождения от уголовной ответственности в определенной мере приравнивало уровень судимости к уровню учтенной преступности.

Следовательно, сведения о судимости за 1924 год можно было бы принять за начальную базу. По учетным данным, в этом году в СССР было осуждено 1 915 900 человек⁹, или около 1354 человека на 100 тыс. населения. В РСФСР, где учет судимости формально существовал с 1918 года и, есть основания полагать, был несколько полнее, в 1924 году коэффициент судимости составил 2910 человек на 100 тыс. населения¹⁰. Какой из этих показателей взять за более объективную базу? Я склоняюсь к последнему, поскольку он полнее, хотя и он не отражал реальной криминологической обстановки в СССР того времени. Она оставалась и в 1924 году критической и слабо контролируемой.

Если признать российский показатель 1924 года более объективным для всего Союза и соотнести его с уровнем судимости 1990 года, когда последний раз были собраны эти сведения в федеральном объеме¹¹, то мы увидим, что судимость в СССР в расчете на 100 тыс. населения за анализируемые 66 лет снизилась более чем в 10 раз. Успех очевидный. Однако такой оптимистический вывод лежит скорее всего в области криминологических фантазий, чем реалий. Дело в том, что использованные мной статистические данные плохо сопоставимы по уголовно-правовому, судебно-практическому и статистическому содержанию. Более того, они обходят стороной самые драматические периоды криминальной действительности в 1929—1934, 1937—1938, 1941—1945, 1956—1991 годы.

Динамика судимости, кроме того, в перестроечный и переходный периоды слабо коррелирует с динамикой регистрируемой и тем более фактической преступности. Сведения о судимости в эти годы отражали не криминологические, а новые идеологические тенденции, сообразно которым и определялась направленность судебной практики. Интенсивное увеличение “ножниц” между трендами реальной, регистрируемой и наказуемой преступности (особенно в постсталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды) было разительным и многопричинным. Его анализ важен не только для понимания демократизации общества, но и для его криминогенности с параллельным разрушением и ослаблением как тоталитарного, так и элементарного правового контроля.

Если же попытаться при анализе тенденций преступности в СССР за все время его существования скрупулезно учитывать все криминальные “выбросы”, связанные с политическими, экономическими, военными, идеологическими, уголовно-правовыми, регистрационно-статистическими и иными колебаниями, то следует вообще отказаться от построения единых временных статистических рядов преступности (судимости), так как репрессивная политика, уголовное законодательство и следственно-судебная практика развивались не по эволюционным законам рационализации, а в соответствии с меняющейся политической конъюнктурой. Поэтому борьба с преступностью, ядром которой является следственно-судебная практика по зарегистрированным деяниям, до настоящего времени слабо отражает объективные криминологические реалии. Она была и практически остается услугой политической обмана и используется либо для укрепления власти определенных кругов внутри страны, либо для приукрашивания имиджа страны на мировой арене, либо для успокоения общественного мнения, либо для достижения всех этих целей, но только не для обеспечения реальной безопасности населения.

Такой подход не является чисто советским или российским. Эксперты рабочей группы по анализу национальных ответов на вопросник Четвертого обзора ООН (в составе которой находился и автор), полученных от европейских и североамериканских государств, пришли к выводу, что каждое общество имеет три различные криминологические проблемы: 1) уровень преступности; 2) цену преступности и борьбы с ней; 3) общественное мнение о преступности. Их динамика практически является автономной, хотя они как-то взаимосвязаны. “Принятие конкретных мер по борьбе с преступностью, — говорится в рекомендациях экспертов, — часто является следствием административных и политических процессов (как и общественного мнения...), а не результатом взвешенного подхода к восприятию проблемы преступности... Соответственно риск человека стать жертвой преступления мало зависит от политики борьбы с преступностью...”¹². Имитация успешного “искоренения” преступности перед народами своей и других стран в СССР была доведена до совершенства.

Более объективно тенденции (а не уровень) преступности в СССР (России) могут быть выявлены по двум большим периодам: 1. 1917—1922 и 1956—1960; 2. 1956—1960 и 1990—1996 годы. Существенно отличаясь друг от друга по направленности уголовной политики, содержанию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, следственно-судебной практики и учету преступлений, эти периоды внутри себя имеют относительно общность, которая гарантирует некую удовлетворительную сопоставимость криминологических показателей, распределенных во времени и пространстве.

Авторы рукописи “Преступность в СССР. 1917—1970” (С. Б. Алимов, Г. В. Антонов-Романовский, М. М. Бабаев, Л. А. Волошина, В. М. Коган, А. И. Рахманов, В. А. Серебрякова, А. П. Сыров, А. С. Шляпочников, научный руководитель — А. Б. Сахаров), подготовленной в 70-е годы во Всесоюзном институте Прокуратуры СССР под грифом “Совершенно секретно”, но так и не увидевшей света, учитывая несопоставимость криминологических показателей, отказались от сквозного сопоставления преступности в СССР. Они анализировали ее по трем периодам: 1920—1930, 1937—1950, 1951—1970 годы. Преступность за 1931—1936 годы не исследовалась якобы в связи с отсутствием данных. Предложенная ими периодизация была не криминологичной. Она основывалась на идеологических установках об этапах строительства социализма, других политических предпосылках и не учитывала, например, начало разрушения тоталитаризма (1956 г.), существенные изменения уголовного законодательства (1958—1962 годы), Великую Отечественную войну и другие криминологически значимые события, а следовательно, искажала тенденции преступности.

2. Преступность в 1917—1960 годы

Рост преступности в России начался задолго до революции. Это убедительно было показано С. С. Остроумовым в работе по анализу преступности в дореволюционной России^{12а}, хотя целостных и хорошо сопоставимых данных в те годы не было. Руководитель статистического отделения Министерства юстиции Е. Н. Тарновский на основании данных об уголовных делах и осужденных в общих и мировых судах пришел к выводу, что за 1874—1894 годы рост преступности в России превышал прирост населения¹³. Аналогичные тенденции роста преступности продолжались и в последующие годы¹⁴. Только в связи с убийствами в 1909 году возникло 30 942 следствия, а в 1913 году — 34 438¹⁵, т. е. на 11,3% больше. А сами абсолютные числа свидетельствовали об очень высоком уровне насильственного лишения жизни. Общее число уголовных дел перед первой мировой войной достигало 2,5 млн.¹⁶ Это примерно 1500—2000 уголовных дел на 100 тыс. жителей. А в каждом уголовном деле могло быть по несколько обвиняемых и преступлений.

По более полным данным преступности в Москве можно судить, что тенденции ее роста усилились в смутное (предреволюци-

онное и революционное) время. За 1914—1918 годы преступность в Первопрестольной в пересчете на население возросла в 3,3 раза, в том числе убийства — в 11 раз, вооруженные грабежи — в 307, простые грабежи — в 9, кражи — в 3,4, мошенничество — в 3,9, присвоения и растраты — в 1,6 раза. А если принять всю преступность в Москве в 1918 году за 100%, то в 1919 году она составила 124%, в 1920 году — 147, в 1921 году — 153%¹⁷. Другими сведениями о преступности в РСФСР и иных республиках, которые образовывались на территории России, за 1917—1921 годы я не располагаю. Да и целостной страны-то в те годы не было. Более 2/3 ее территории находилось в огне гражданской войны.

Как уже говорилось, старые законы, если не противоречили революции (признак самый неопределенный), могли действовать, но они, по сути, не применялись, а новых не было. Революционное правосознание, как основной критерий большевистской криминализации, направлялось в основном против врагов революции, а понятие врагов определялось в каждой конкретной ситуации каждым конкретным борцом за социализм. Вспомним случай из “Оптимистической трагедии” В. Вишневского, где “правосудие”, как при перетягивании каната, переходило от комиссара к анархистам и наоборот. Победила комиссар, по обманному устному “приговору” которой и были расстреляны мешающие ей анархисты. Как оценивать ее поступок — правосудием, необходимой обороной или преступлением? С позиций классовой борьбы этот политически мотивированный расстрел неугодных был правосудием, а с позиций элементарного права — умышленным политическим убийством. Массовые идеологические расправы дополнялись еще более массовыми уголовными убийствами, ранениями, бандитскими налетами, разбоями, грабежами, кражами и т. д. Никакого учета их по России не велось.

С 1922 года имеются более или менее сопоставимые данные о числе осужденных (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика населения и судимости в СССР (РСФСР)
(1922—1960 гг.)**

Годы	Численность населения СССР	Общее число осужденных		Коэффициент судимости на 100 тыс. населения	
		СССР	РСФСР	СССР	РСФСР
1922	136 100 000	1 089 503	1 185 102	800,5	2 508,0
1923	138 700 000	1 193 135	1 121 264	860,2	2 442,0
1924	141 500 000	1 905 900	1 690 309	1 353,9	2 910,0
1925	144 200 000	1 153 600	724 205	800,0	1 725,0
1926	147 028 000	1 293 000	975 105	879,4	1 480,0
1927	149 100 000	1 507 360	1 026 084	1 011,0	1 080,0
1928	151 200 000	1 387 568	1 046 352	917,7	1 060,0

1929	153 400 000	1 705 746	1 310 965	1 111,9	1 379,8
1930	157 000 000	-	1 208 309	-	1 307, 1
1931	158 500 000	-	1 357 206	-	1 445,5
1932	159 997 000	-	1 133 511	-	1 195,7
1933	161 500 000	-	1 430 560	-	1 502,6
1934	163 000 000	-	1 108 485	-	1 168,9
1935	164 600 000	1 151 416	871 929	699,5	909,0
1936	166 160 000	915 553	-	531,0	-
1937	167 700 000	887 133	-	529,0	-
1938	169 300 000	919 299	-	543,0	-
1939	170 557 000	957 066	-	561,0	-
1940	194 077 000	1 191 084	-	613,7	-
1941	160 000 000	862 970	-	539,0	-
1942	160 000 000	837 141	-	523,0	-
1943	160 000 000	771 615	-	482,0	-
1944	160 000 000	867 465	-	542,0	-
1945	160 000 000	823 347	-	515,0	-
1946	170 400 000	1 090 627	-	640,0	-
1947	171 200 000	1 391 786	-	812,9	-
1948	172 989 000	1 059 240	-	612,3	-
1949	175 261 000	995 846	-	568,2	-
1950	178 547 000	902 256	-	505,3	-
1951	181 603 000	879 445	-	484,3	-
1952	184 778 000	969 334	-	524,6	-
1953	187 997 000	818 708	-	435,5	-
1954	191 004 000	769 679	-	403,3	-
1955	194 415 000	818 882	-	421,2	-
1956	197 902 000	938 950	-	474,4	-
1957	201 414 000	943 957	-	468,7	-
1958	204 900 000	1 078 882	-	526,5	-
1959	208 800 000	869 177	-	416,3	-
1960	212 300 000	516 091	-	443,3	-

Таблица нуждается в пояснениях. Не владея едиными статистическими рядами численности населения и осужденных за 1922—1960 годы, автор составил их на основе различных источников, а также расчетов и оценок. Общая численность населения, используемая для расчета коэффициента судимости, получена из многих источников и расчетным путем¹⁸. Сведения о судимости за 1922—1935 годы приводятся в таблице не только по СССР, но и по РСФСР. Это сделано по следующим основаниям. Судебная статистика осужденных в СССР была введена в 1922 году. Собираемые сведения были неполными. В 1922 году они собирались по 49 районам (областям и краям), в 1923 году к ним прибавилось 17, а в 1925 году — еще 5 районов. В РСФСР учет судимости начал опробоваться с 1918 года и был несколько полнее. Кроме того, отсутствие сведений о судимости в СССР за 1930—1934 годы в определенной мере восполняется данными по РСФСР. Сведения по РСФСР тоже неполны. Число осужденных в 1922—1935 годы приводится без данных в автономных республиках, а их было в те годы 8 (Башкирская, Горская, Дагестанская, Киргизская (Казахская), Крымская, Татарская, Туркестанская, Якутская)¹⁹.

Приведенные в таблице данные не включают в себя осужденных за “политические” (контрреволюционные), “трудовые” (нарушения трудовой дисциплины) деяния и преступления военнослужащих (воинские и общеуголовные). Контрреволюционная преступность всегда учитывалась

особо, была сугубо ведомственной и строго засекреченной. Более того, основную массу политических осужденных нельзя приравнивать к уголовным преступникам. Они были жертвами злоупотребления властью, а не преступниками. Поэтому "политическая преступность" рассматривается в отдельной главе. Нарушения правил трудовой дисциплины были уголовно наказуемыми в 1940—1956 годы. Их включение в общую статистику судимости нарушило бы элементарную сопоставимость данных. В силу сказанного они также анализируются отдельно. Судимость военнослужащих выходит за пределы общих судов. Военские и общеуголовные преступления военнослужащих до сих пор не включаются в общую статистику преступности и судимости. И такое положение, к сожалению, не только в нашей стране. Поэтому тенденции преступности в Вооруженных Силах рассматриваются самостоятельно. В военное и послевоенное время преступления (общеуголовные и воинские), совершенные в НКВД и на транспорте, расследовались и рассматривались соответствующими военными прокуратурами и военными трибуналами. Это также необходимо учитывать. И последнее. Преступность во время Великой Отечественной войны была специфичной и сопоставимой с преступностью и военнослужащих, и граждан в мирное время. Поэтому она исследуется еще и отдельно.

Сознавая недостатки и особенности таблицы 1, следует иметь в виду, что приведенные в ней данные о численности населения и уровне судимости в стране лишь приблизительно отражают реальные криминологические тенденции. Судя по этим данным, население в СССР за анализируемое драматическое тридцатилетие возросло более чем в 1,5 раза (156%), а общее число осужденных сократилось в 2 раза (до 47,4%). Коэффициент судимости также снизился почти в 2 раза (до 55,4%). А если взять за базу коэффициент судимости по РСФСР за 1992 год, то сокращение судимости превысит пятикратное значение (до 17,7%).

Не углубляясь в суть проблемы и условно принимая тенденции судимости за тенденции преступности, делался единственный вывод: социалистический режим за эти годы продемонстрировал свою сущностную способность успешно бороться с "пережиточной" преступностью. И этот вывод подкреплялся вроде бы статистически. Скажу больше: анализируя судимость за уголовные преступления в отрыве от "политических", "трудовых", "военных" осужденных и административно репрессированных, в отрыве от тенденций тотального контроля за поведением и деятельностью людей, можно назвать сокращение судимости по уголовным делам объективным статистическим фактом. Советский народ, жестко схваченный в "ежовые" рукавицы, посаженный в лагеря и беспощадно уничтожаемый, действительно все меньше и меньше совершал уголовных деяний.

Исходя из логически стройной теории "чистого" социализма, якобы последовательно и закономерно освобождающегося от различных форм социальной патологии, в том числе и преступности, вышеназванные тенденции рассматривались лишь в позитивном плане. Здесь очень кстати оказалось и ленинское высказывание об "отмирании" эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, с устранением коренных социальных причин, эксплуатации,

нужды и нищеты масс²⁰. А если учесть, что и “марксистско-ленинская философия”, и “политическая экономия”, и надуманный эклектичный “научный коммунизм” неустанно вещали о ликвидации в нашей стране эксплуатации, нужды и нищеты, то вопрос о социальной базе преступности, а следовательно, и о ней самой решался почти автоматически. Не случайно искоренение преступности стало программной задачей КПСС²¹.

В этих условиях основными закономерностями развития преступности в нашей стране считались (о чем, к сожалению, писал и автор) ее постепенное сокращение, снижение общественной опасности совершаемых преступлений, последовательное изжитие многих видов преступного поведения и других опасных форм преступной деятельности²². Расхождения таких выводов с криминологическими реалиями послевоенного времени объяснялись противоречивостью тенденций преступности, ее волнообразным течением, временными обострениями социальных противоречий и т. д. Тезис же о стратегически закономерном сокращении преступности оставался до последних лет власти КПСС неколебимым, хотя никаких объективных данных в постсталинский период для таких выводов, как мы увидим ниже, не было.

3. Преступность в годы Великой Отечественной войны

Любая современная война для любой страны представляет собой чрезвычайную ситуацию, способствующую более высокому уровню преступности. Кроме того, во время войны идет перераспределение преступности между тылом и фронтом. Снижение преступности в тылу сопровождается ее повышением в армии, причем рост преступности в войсках бывает более интенсивным, нежели снижение ее в тылу^{22а}. Такой вывод не является единственно верным. В истории были войны, которые побуждали к объединению нации и патриотизму, способствующие снижению преступности²³. Однако вряд ли это распространимо на современные войны, приводящие к полному разрушению жизни и бросающие людей за грань выживания. Самая разрушительная для нашей страны Великая Отечественная война продолжалась пять лет и велась главным образом на территории СССР. Миллионы погибших и искалеченных; тысячи разрушенных городов, поселков, деревень, заводов, фабрик, коммуникаций; десятки миллионов людей остались без хлеба и крова. И это не могло не повлиять на рост преступности. При всей неполноте данных она увеличилась в несколько раз, а судимость — в 2,5—3 раза.

Общее число осужденных во время войны в целях сопоставимости данных и вычленения “военных” особенностей целесообразно разделить на осужденных общими судами, военными трибуналами в Советской армии, Военно-морском флоте, НКВД, железнодорожном и водном транспорте, а также на осужденных за преступления, предусмотренные указами военного времени (табл. 2).

Таблица 2

Судимость в СССР во время Великой Отечественной войны

	1941	1942	1943	1944	1945
Осужденные общими судами	862 970	837 141	771 675	867 465	823 347
Осужденные военными трибуналами	272 070	763 125	816 987	639 865	444 658
Осужден. по указам воен. врем.	1 153 323	1 501 052	943 140	1 095 130	1 073 758
Абс. показатель	2 288 363	3 101 318	2 531 802	2 602 460	2 341 763
Всего					
На 100 тыс.	1 210	1 683	1 414	1 487	1 373

При подсчете коэффициента судимости во время войны мной использовались расчетные данные о населении. В 1940 году на территории СССР проживало 194 077 000 человек, а в 1946 году — с учетом родившихся — 170 400 000, т. е. на 23 677 000 меньше (или на 12,2%). Среднегодовой темп снижения численности населения за счет человеческих потерь составил 2,55%. Он и был положен в основу расчета возможной численности населения за годы войны в тылу и на фронте. Расчет приблизителен. Перепись населения в СССР проводилась в 1937, 1939, 1959 годы. Показатели переписи 1937 года оказались ниже, чем предполагалось “верхами” (?). Поэтому ее результаты были аннулированы, а организаторы переписи расстреляны.

Результаты переписи 1939 года, по мнению профессора Л. Л. Рыбаковского, были завышены на 1,5—2 млн. человек. В связи с этим численность населения в 1940 году — 194 077 000 — с учетом 20 120 000 жителей присоединенных западных областей является грубо оценочной. Во время войны, как полагает Рыбаковский, родилось около 18 млн. детей. Без учета естественных, военных и иных (репрессии) потеря в 1946 году численности населения могла составить 210—212 млн. человек, а она оказалась — 170,4 млн. Разница составила около 40 млн. Видимо, эта цифра и давала основание западным исследователям оценивать наши потери в 40 млн. человек. Отечественные историки и демографы оценивают эти потери в 26—28 млн.²⁴

В докладе Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне говорится: “Мы потеряли в войне 26 миллионов 549 тысяч человек: солдат и офицеров, мирных жителей — убитых, погибших от голода, умерших от ранений... Это последние уточненные данные. Мы не считаем их окончательными²⁵. Исчезнувшие 13—15 млн. составляют иные потери. Сколько среди них расстрелянных и погибших в застенках МГБ, КГБ, никто не знает. Таковые могут быть и среди 26,5 млн., оцениваемых как военные потери.

Вернемся непосредственно к данным таблицы 2. Число осужденных общими судами (первая строка таблицы) естественно со-

впадает с данными предшествующей таблицы 1 о судимости в 1922—1960 годы. Уровень этих осужденных за все годы войны почти не изменялся и без каких-либо связей с военной обстановкой колебался: около 800 тыс. + — 30—50 тыс. человек.

Число осужденных военными трибуналами в СА, ВМФ, НКВД, железнодорожном и водном транспорте было более динамичным. Оно прямо и заметно коррелировало со сложностью обстановки на фронтах. Если принять число осужденных всеми военными трибуналами в 1941 году за единицу, то в 1942 году оно возросло в 2,8, в 1943 году — в 3,3 раза. С улучшением обстановки на фронтах оно снижалось: в 1944 году превышало данные базового года только в 2,4, а в 1945 году — в 1,6 раза.

Число осужденных за преступления, предусмотренные указами военного времени, было значительным. Оно почти вдвое превышало количество осужденных общими судами, но изменялось примерно так же, как и число осужденных военными трибуналами. По данным Р. П. Соколовой, число этих осужденных было еще более высоким, чем это значится в нашей таблице²⁶.

Каково же было содержание этих указов?

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года предусматривалась ответственность рабочих и служащих за самовольный уход и за прогул без уважительных причин. В 1940 г. по нему было осуждено 2 094 000 человек, или 63,7% от числа всех осужденных, хотя указ действовал только вторую половину года. Указом от 26 декабря 1941 г. была повышена уголовная ответственность за самовольный уход с работы на военных предприятиях. За 1942—1945 годы по этому указу, а также по указам от 26 июня 1940 г. и от 28 декабря 1940 г. (за нарушение дисциплины и самовольный уход из ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО) осудили 7 758 000 человек, что составило 65, 1% от всех осужденных. Кроме того, действовали указы от 13 февраля 1942 г. (о мобилизации населения для работы на производственном строительстве, за уклонение от которой была предусмотрена уголовная ответственность) и от 15 апреля 1942 г. (за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за невыработку обязательного минимума трудодней). Всего в 1940—1956 годы по этим указам, по подсчетам Р. П. Соколовой, было осуждено 18 046 000 человек, или 53% от всех осужденных в 1940—1956 годы (кроме осужденных военными трибуналами).

Возросший уровень преступности в СССР во время войны непосредственно связан не только с экстремальной военной обстановкой, но и с более широкой криминализацией малейших отклонений от императивных требований властей, которая началась в предвоенные годы, сопровождала войну и свыше 10 лет послевоенной жизни. Такая жестокость в определенной мере была обусловлена военной и послевоенной обстановкой. Но этот путь не был единственным и сколько-нибудь человеческим. Таковым он казался лишь сталинскому режиму, поскольку закономерно вытекал из сути его насильственной природы, для которого идея построения казар-

менного общества была дороже жизни, здоровья и свободы миллионов граждан, которых он стремился облагодетельствовать. Весь предшествующий путь возникновения и существования ленинско-сталинского социализма (революция, гражданская война, индустриализация, коллективизация, уничтожение неугодных и даже десять “сталинских” ударов) был выможен жизнями, здоровьем и свободой многих миллионов советских людей, которых без всякого спроса и глубоких раздумий бросали в тот или иной волюнтаристский прорыв.

Широчайшая уголовная ответственность за малейшие нарушения трудовой дисциплины, сделавшая преступниками 18 млн. человек, вместе с беспощадной войной и беспощадными политическими репрессиями серьезно подточили силы великого и многострадального народа. 1953—1956 годы после смерти Сталина были переломными. Дальнейший пресс сорокалетнего жесточайшего насилия народ вряд ли мог выдержать. Вот те “преимущества” социализма, которые обусловили относительно низкий уровень вульгарной уголовной преступности.

4. Изменение тенденций преступности в 1960—1991 годы

С ослаблением тотального контроля за деятельностью и поведением людей во второй половине 50-х годов уголовная преступность в СССР начала изменяться не по “нашим”, а по общечеловеческим законам, открытым еще К. Марксом, т. е. стала расти быстрее, чем численность населения²⁷. Эта тенденция установилась не сразу. Первые реальные попытки разрушения тоталитаризма появились в 1956 году. Внутри СССР это произошло на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), где был подвергнут критике культ личности Сталина, а в социалистическом лагере — после польских (познанских) волнений (октябрь 1956 г.) и особенно после венгерского восстания (октябрь 1956 г.). Если принять за базу 1956 год, год первой попытки разрушения сталинизма, то в 1957 году преступность возросла на 16,9%, в 1958 году на 29,9%, или 880 332 преступлений. Закономерный в те годы рост преступности усиливался результатами широкой и недифференцированной амнистии уголовных преступников от 27 марта 1953 г., большинство из которых в последующие годы вновь оказались в местах лишения свободы.

Вспоминаю случай того времени. Я был курсантом военного училища в г. Казани. Ночью нас подняли по тревоге, выдали оружие, боеприпасы и доставили на полустанок под Казань. Там остановился грузовой поезд с более чем тысячей амнистированных уголовников. Они вырвались из товарных вагонов, разбежались по поселку, совершая массовые грабежи, разбои, изнасилования, убийства. Военнослужащие общевойсковой дивизии и двух военных училищ с работниками органов МВД окружили поселок и, сужая кольцо, загнали амнистированных в вагоны. Некоторых расстреляли при оказании сопротивления. Были жертвы и среди военнослужащих. Вагоны закрыли и под усиленной охраной отправили

обратно на восток. Для большинства из этих освобожденных, а может быть, и для всех амнистия на этом, видимо, завершилась.

Принятие Основ уголовного законодательства в 1958 году, предопределивших некоторую гуманизацию и сужение сферы действия уголовного закона, привело к сокращению учтенной преступности в 1959 году на 30,2%. Принятие же новых республиканских кодексов в 1960—1962 годы сопровождалось адапционным синдромом (отсутствие следственно-судебной практики по новому законодательству, перегибы в исполнении новых законов, недостаточная осведомленность граждан о новых запретах, так как у нас до сих пор сохраняется презумпция знания законов), который привел к росту преступности в 1960 году на 5,9, а в 1961 году — на 34,7%. В 1962 году положение не изменилось, но судебная практика стала корректироваться, на что существенно повлиял курс партии на искоренение преступности, провозглашенный в Программе 1961 года.

Руководители правоохранительных органов должны были ежедневно доказывать свою способность “управлять” процессом искоренения преступности. Декларация о гуманизации уголовного правосудия широко использовалась для подтверждения этой задачи. Крен на общественность в борьбе с преступностью привел руководство страны к мысли об отмирании уголовной юстиции, перепроизводстве юристов, сокращении их подготовки и другим ошибочным выводам, тогда как объективные тенденции преступности в условиях снижения тотального контроля в период хрущевской “оттепели” развивались по своим законам. Реальный общественный порядок ухудшался, хотя статистика свидетельствовала о другом. В 1965 году было учтено 751 801 преступление. Эти показатели были самыми низкими за время действия уголовного законодательства 60-х годов. Коэффициент преступности равнялся 328, а судимости — 249 на 100 тыс. жителей.

Расхождение провозглашенного курса на искоренение преступности с помощью общественности и реальной криминологической обстановкой в стране в 1966 году стало очевидным и для сталинизированного (в 1964 г. путем заговора к власти пришел Л. И. Брежнев) руководства страны. 23 июля 1966 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление “О мерах по усилению борьбы с преступностью”, за которым последовало изменение уголовного законодательства и внесение коррективов в уголовную политику. В 1966 году учтенная преступность возросла на 18,1%. С этого года, года первого “усиления” уголовной ответственности, преступность стала интенсивно расти. В связи с этим только одним ЦК КПСС было принято более 15 открытых и закрытых постановлений, направленных на усиление борьбы с преступностью и ее снижение, а в уголовные законы практически непрерывно вносились изменения и дополнения в тех же целях. Однако положение дел не только не улучшалось, а последовательно и закономерно ухудшалось.

Разрушение сталинского режима, который удерживал народ в страхе, глоток свободы и волюнтаризм в решении социально-

экономических и криминологических проблем во времена Хрущева и особенно генерализованное разложение общественных, в том числе и правовых, отношений в брежневский застойный период, несмотря на постоянные призывы властей к сокращению преступности и возврат к некоторым сталинским методам социального контроля, было тем фоном, на котором регистрировался интенсивный рост преступности. Короче говоря, с вынужденной либерализацией тоталитаризма иссякали и все криминологические преимущества социализма.

В итоге статистическая картина преступности оказалась следующей: если в 1956 году было зарегистрировано 579 116 преступлений, или 292,6 деяний на 100 тыс. населения, то в 1991 году, когда СССР фактически и юридически перестал существовать, учтенная преступность по абсолютным показателям возросла до 557%, впервые достигнув 3 223 147 преступлений, а по относительным — до 381%, или 1114,9 преступлений на 100 тыс. всего населения бывшего СССР²⁸. Среднегодовые темпы прироста преступности за эти 35 лет равнялись 5,03%²⁹, а населения — 1,1%, т. е. рост преступности обгонял рост населения в 4,6 раза. Темпы прироста преступности по годам в зависимости от объективных и субъективных условий существенно колебались, достигнув в 1989 году 31,8%. Аналогичные "взлеты" преступности наблюдались в 1958 (29,9%), 1961 (34,7%), 1966 (18,1%) и в 1983 (21,7%) годы (табл. 3).

Таблица 3

Динамика населения и преступности в СССР в 1956—1991 годы

Годы	Численность населения			Зарегистрированные преступления			Коэффициент преступности		
	абс. показатель	%	темп прироста	абс. показатель	%	темп прироста	100 тыс.	%	темп прироста
1956	197 902 000	100,0	-	579 116	100,0	-	292,6	100,0	-
1957	201 414 000	101,8	1,8	677 260	116,9	16,9	336,2	114,9	14,9
1958	204 900 000	103,5	1,7	880 322	152,0	29,9	429,6	146,8	27,8
1959	208 800 000	105,5	1,9	614 552	106,3	0,2	294,3	100,6	31,5
1960	212 300 000	107,3	1,7	651 260	112,4	5,9	306,8	104,8	4,2
1961	216 162 000	109,2	1,8	877 549	151,5	34,7	406,0	138,7	32,3
1962	219 817 000	111,1	1,7	881 543	152,2	0,4	401,0	137,0	1,2
1963	223 211 000	112,8	1,5	795 772	137,4	-9,8	356,5	121,8	11,1
1964	226 367 000	114,4	1,4	758 306	130,9	-4,8	335,0	114,5	6,0
1965	229 273 000	115,8	1,3	751 801	129,8	-0,9	327,9	112,1	2,1
1966	231 839 000	117,1	1,1	888 125	153,3	18,1	383,1	130,9	16,8
1967	234 401 000	118,4	1,1	871 296	150,4	-1,9	371,7	127,0	3,0
1968	236 668 000	119,6	1,0	941 078	162,5	8,0	397,6	135,9	6,9
1969	238 943 000	120,7	1,0	969 186	167,3	2,9	405,6	138,6	2,0
1970	241 720 000	122,1	1,2	1 046 336	180,6	7,9	432,9	147,9	6,7
1971	243 896 000	123,2	0,9	1 057 090	182,5	1,0	433,4	148,1	0,1
1972	246 259 000	124,4	1,0	1 064 976	183,8	0,7	432,5	147,8	-0,2
1973	248 625 000	125,6	1,0	1 049 433	181,2	-1,5	422,1	144,2	-2,4

1974	250 869 000	126,8	0,9	1 141 108	197,0	8,7	454,9	155,5	7,8
1975	253 261 000	128,0	0,9	1 197 512	206,7	4,9	472,8	161,6	3,9
1976	255 524 000	129,1	0,9	1 232 166	212,7	2,8	482,2	164,8	2,0
1977	257 824 000	130,3	0,9	1 212 022	209,2	-1,7	470,1	160,7	-2,5
1978	260 045 000	131,4	0,9	1 308 466	225,9	7,9	503,2	172,0	7,0
1979	262 442 000	132,6	0,9	1 432 689	247,3	9,4	545,9	186,6	8,5
1980	264 486 000	133,6	0,8	1 527 557	263,7	6,6	577,6	197,4	5,8
1981	266 599 000	134,7	0,8	1 609 470	277,9	5,3	603,7	206,3	4,5
1982	268 845 000	135,8	0,8	1 655 932	285,9	2,8	615,9	210,5	2,0
1983	270 887 000	136,9	0,8	2 016 514	348,2	21,7	744,4	254,4	20,9
1984	273 490 000	138,2	1,0	2 029 144	350,3	0,6	741,9	253,5	-0,3
1985	275 939 000	139,4	0,9	2 083 501	359,7	2,6	755,0	258,0	1,8
1986	278 432 000	140,7	0,9	1 987 293	343,1	-4,7	713,7	243,9	-5,5
1987	281 338 000	142,2	1,0	1 798 549	310,5	-9,5	639,3	218,5	-10,4
1988	284 159 000	143,6	1,0	1 867 223	322,4	3,8	657,1	224,6	2,8
1989	286 731 000	144,9	0,9	2 461 692	425,1	31,8	858,5	293,4	30,6
1990	287 635 000	145,3	0,3	2 786 605	481,2	13,2	968,8	331,1	12,8
1991	289 089 000	146,1	0,5	3 224 273	556,7	15,7	1115,3	381,2	15,1

Среднегодовой темп прироста	1,1	Среднегодовой темп прироста	5,03	Среднегодовой темп прироста	3,9
--------------------------------	-----	--------------------------------	------	--------------------------------	-----

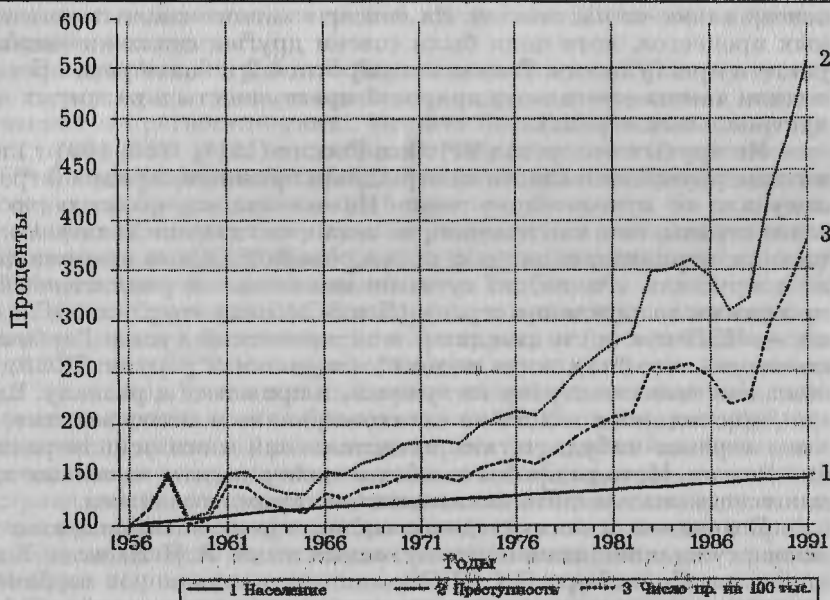

Рис. 1. Динамика населения и преступности в СССР (1956—1991 гг.)

Большинство “взлетов” преступности в те или иные годы связано с существенными изменениями уголовной политики и уголовного законодательства, судебной и регистрационной практики. Предпоследний подъем преступности в 1983 году, например, был обусловлен не столько реальным увеличением преступных проявле-

ний, сколько их большим “выявлением” на основе Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1983 г. “О деятельности Прокуратуры СССР” (эффект Андропова, пытавшегося полицейскими методами укрепить дисциплину труда и правопорядок в стране).

Рост преступности в последние годы (1988—1991) связан с проявлением общемировой тенденции в “перестроечных” условиях существенного разбалансирования и бытия, и сознания. В эти годы “началась “война законов”, в которой одержали победу... не центральные, а местные власти, распался Союз ССР. Пострадало и отношение к нормам нравственности; в средствах массовой информации, в повседневной жизни стали пропагандироваться секс, насилие, корысть, нетерпимость и вседозволенность. Все это означало разрушение нормативного порядка, которое идет в кризисных ситуациях рука об руку с деформацией социальных институтов и других компонентов социальной сферы в целом”³⁰.

Причинная база и позитивных, и негативных доминирующих процессов всегда является целокупной, генерализованной. Поэтому динамика преступности не может устойчиво ухудшаться на основе каких-то частных. На основе взаимосвязанных негативных процессов, хотя цели были совсем другие, стала интенсивно расти и преступность. Темпы ее прироста в 2 и более раза превосходили темпы ежегодного прироста преступности в развитых индустриальных странах.

На крутых поворотах истории России (1917, 1985, 1991 г.) политики, рвущиеся к власти на отрицании прежнего порядка (строя), получали ее относительно легко. Но оказавшись неожиданно во главе страны, они, как правило, не знали, что дальше делать. Большевики, отрицавшие царизм, путем революционного насилия легко сокрушили его, но, по сути, не имели ясной реалистической программы возрождения страны (Ленин осознал это слишком поздно — НЭП и т. д.) и завели ее в исторический тупик. Горбачев, понявший, что “так жить нельзя”, оказавшись у руля СССР, не знал, как вывести страну из кризиса, и привел ее к развалу. Ельцин, пришедший к власти на антикоммунизме и антисоветизме, не имел сколько-нибудь четких представлений о возможном развитии России. Методы проб и ошибок и эксперименты на живых людях всегда оказывались исключительно криминогенными.

Вглядимся в логику одного из последних экспериментов на основе суждений одного из его духовных отцов. А. Н. Яковлев, бывший член Политбюро ЦК КПСС, один из инициаторов горбачевской перестройки, приводит из своего архива “диктовку” от 3 декабря 1985 г.³¹, в которой жестко и аргументированно критикует социализм и предлагает следующие слагаемые перестройки: 1) рыночную экономику с ее оплатой по труду; 2) собственника как субъекта свободы; 3) демократию и гласность с их общедоступной информацией; 4) систему обратных связей. Примерно по такому сценарию (кроме демократии и гласности) проводились в это время реформы в Китае.

Горбачеву Яковлев, однако, представил совсем другую записку ("Императивы политического развития"), где основная идея перестройки сводилась к саморазрушающей политической свободе и гласности. Потом он напишет, что поворот к гласности не был неизбежен и что он был продиктован философией перестройки ее инициаторов, что общество поддержало бы и более спокойный, технологический вариант в противовес партийно-идеологическому. Но выбран был последний. Положительный опыт Китая ими не был принят во внимание.

Независимые западные исследователи из ежемесячного журнала Министерства обороны Франции "Дефанс националь" полагают, что "отцу китайской реформы" Дэн Сяопину удалось добиться ускорения экономических преобразований и открытия дверей в мир при сохранении прежнего политического контроля. Пекин нашел адекватную своей истории модель "азиатского развития", обеспечивающую Китаю выживание после краха мирового коммунизма. Китайцы критически оценивают перестройку в СССР, полагая, что сначала следует сделать экономический рывок при сохранении политической дисциплины, по крайней мере, лет на двадцать. Ошибка СССР заключалась в том, полагает Анри Эйро, что реформа началась с политических перемен, тогда как в Китае — с перемен в области экономики³².

В другой своей работе³³ Яковлев признается: "В перестроечные годы я сделал немало ошибок — кадровых, оценочных, аналитических и прогностических... Все это было". Но дальше этих общих признаний дело не пошло. В "Обращении к общественности"^{33а} Яковлев призывает возбудить преследование большевизма и обоснованно предъявляет ему 15 пунктов обвинения. Но он ничего не говорит об ответственности за разрушительное криминальное реформирование СССР. Наоборот, он утверждает: "моя совесть чиста". Аналогичную позицию занимает и Горбачев³⁴.

Таким образом, в СССР и России, к великому сожалению, не нашлось своих дэнсяопинов или эрхардов, отцов экономического чуда в Китае и ФРГ. Наши реформаторы начали реформы не только ни с "того конца", но и в самый критический момент исторического развития страны и ее взаимоотношений с Западом, который десятки лет просчитывал различные варианты развала "империи зла". Отечественные перестройщики, осознав необходимость изменений в стране, поставили слишком оптимистичный диагноз неизлечимо больному обществу и тут же бросились его лечить методом проб и ошибок, не обладая ни необходимыми знаниями, ни даром предвидения, ни точным расчетом возможных последствий своих действий. Запад использовал свой шанс в полную меру.

Рост преступности по видам деяний в период так называемой перестройки был неравномерен. В связи с этим происходили качественные структурные изменения преступности, приближая ее к некоторым среднестатистическим мировым распределениям преступных проявлений. Остановлюсь лишь на магистральной тенденции структурных сдвигов, связанных с более быстрым ростом корыстной, а внутри ее организованной преступности.

Удельный вес корыстных деяний в середине 60-х годов составлял 40—45%, а в 1990 году, по учетным данным, он возрос до 70%. Фактически же по корыстным мотивам в конце существования СССР совершалось более 80% только зарегистрированных деяний, латентность которых является самой высокой. В нашей стране, как, впрочем, и в других странах, нет учета преступности по мотивам ее совершения. К корыстным преступлениям в МВД и Госкомстате СССР обычно относили деяния, которые однозначно мотивируются данными побуждениями (кражи, разбой, грабежи, взяточничество и т. д.). Но в этот учет не попадали многие преступления (государственные, хозяйственные, должностные, против личности, ее прав, правосудия, порядка управления, общественной безопасности), корыстная мотивация которых может быть альтернативной. Экспертная оценка этой неучтенной части корыстных деяний составляет около 15% и более. В их число, естественно, не входят латентные корыстные преступления. В индустриально развитых странах доля зарегистрированных корыстных преступлений составляет более 90%.

Существенное увеличение удельного веса корыстных преступлений в СССР связано с рядом причин, основной из которых является их интенсивный фактический рост. Если вся преступность с 1956 года по абсолютным показателям выросла в 5,6 раза, то корыстная — в 8,2, в том числе все виды краж — примерно в 10 раз. Наряду с этим уровень регистрируемых корыстно-хозяйственных и корыстно-должностных преступлений рос в 2—3 раза медленнее, а в последние годы даже сокращался. Учет многих корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики, не отражал собой, а по некоторым видам и тысячной доли реального преступного поведения. Сложилась парадоксальная соотношения.

По данным 1991 года, в СССР удельный вес преступлений против личной собственности в 2,3 раза превышал долю преступлений против практически неохранными и слабо учитываемой государственной собственности или в 379 раз — взяточничество, которое было повсеместным; доля краж государственного имущества была в 7,2 раза выше удельного веса хищений, совершаемых путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением. Такого объективно быть не могло в условиях доминирующей государственной собственности, которая разворовывалась всюду. В связи с данными деформациями очень важно было за вспышкой насилия и посягательств на личную собственность (от которых органам правоохраны труднее отмахнуться) не проглядеть магистральную тенденцию нашей преступности, где окапывалась грандиозная теневая экономика и формировались разветвленные мафиозные преступные структуры, которые ныне в образованных на территории бывшего Союза государствах находятся у руля не только экономики, но и политики. Разрастание организованной преступности как части в основном корыстной (экономической) преступности является следующей существенной тенденцией, которая "сроднила" криминологические проблемы СССР с аналогичными тенденциями мировой преступности.

5. Преступность (судимость) в континууме: тоталитаризм — демократия

Излом криминологических тенденций на стыке сталинского и постсталинского времени вроде бы свидетельствует о существенных изменениях в природе социального контроля в СССР. Однако такой вывод, на мой взгляд, ошибочен. Советский режим за все время своего существования был по своей сути репрессивно-авторитарным. Но под давлением внешних и внутренних исторических процессов характер авторитаризма тактически менялся. Он приспособлялся к международному мнению, маскировался, латентизировался и как-то смягчался. От методов циничной, открытой, кровавой и массовой расправы над непослушными в 30-е годы он переходил к более тайным, изоциренным, менее массовым, но изуверским методам “психушек” для тех же непослушных, методам их негласного “выдавливания” из политической, общественной и даже трудовой жизни, что было равносильно той же смерти, только гражданской. Процесс этот протекал непоследовательно. Таким же путем заполнялись образовавшиеся в тотальном контроле пробелы, часто только декларативно, отдельными демократическими или псевдодемократическими вкраплениями. Тем не менее репрессивность контроля объективно уменьшалась. Снижалась и его “эффektivность”.

В период горбачевской перестройки этот процесс приобрел более интенсивный, “неплановый” характер. Он все больше и больше выходил из-под привычного контроля властей. История не знала закономерностей перехода от тоталитарного социализма к демократическому правовому государству. Их не ведали и архитекторы перестройки, жаждавшие невозможного — очеловечивания социализма. Да и люди на 1/6 части суши, никогда не знавшие демократии и уважения к личности, под появляющейся свободой, с которой началась перестройка, понимали не волю, ограниченную законом, а только одну волю, ибо уважения к закону никогда не было ни у властей, ни у народа. Поэтому сколько-нибудь последовательного перехода к декларативному правовому государству не получилось. Он искажался, деформировался, а в более слабых местах становился обвальным.

Этому способствовал паралич всей правоохранительной системы, оказавшейся в эпицентре справедливой и огульной демократической критики. Уголовная юстиция стала “козлом отпущения” за все преступления гулаговского режима. Из властного триумvirата, кому (по Яковлеву) принадлежало все в СССР (партаппарат, хозаппарат и аппарат насилия), больше всех за прошлое досталось аппарату насилия, меньше — партаппарату, который быстро сориентировался в новой обстановке и многое ухватил, и совсем не пострадал, а укрепился всемогущий хозаппарат, который акционировал, приватизировал и присвоил народную собственность. И если капиталист Людвиг Эрхард и коммунист Дэн Сяопин, несмотря на несовместимость их идеологических взглядов,

руководствовались девизом “Благосостояние для всех” (“Wohlstand für Alle” — так назвал свою программную книгу Эрхард, то же отстаивал и Дэн Сяопин), то наши отечественные радикал-реформаторы фактически следовали лозунгу “Благосостояние для воров в условиях полной безнаказанности”.

Для зрелых политиков было бы ясно, что репрессивные органы при сталинизме и брежневизме были лишь исполнительной надстройкой режима, которая подвергалась более жестоким преследованиям, чем другие его составляющие (достаточно напомнить, что из руководителей репрессивных органов умерли своей смертью лишь единицы); что сотрудники правоохранительных органов 90-х годов не ответственны за кровавые дела сталинизма; что система уголовной юстиции по сравнению с 30—50-ми годами заметно изменилась; что бездумное разрушение даже очень плохой правоохранительной системы равносильно самоуничтожению демократических ростков, что, собственно, и происходило в 1991-м и в последующие годы. Однако основной накат критики был сосредоточен на правоохранительных органах.

Получилось по А. И. Герцену, который в “Письмах в будущее” писал, что в демократии есть “страшная мощь разрушения, но как примется создавать, она теряется в ученических опытах, в политических этюдах”, что “демократы только знают (говоря словами Кромвеля), чего они не хотят, чего они хотят, они не знают”. “Распалившая себя “демшиза”, — как жестко заметил А. Кива, — поносила идеи государственности, патриотизма, народности в угоду агрессивному космополитизму, элитарности, очернительству того, что можно назвать национальным достоинством, но что не имело никакого отношения ни к коммунизму, ни к советской имперской политике”^{34а}. Разрушение прежней системы социального контроля при свободе в форме вольницы актуализировали правовой нигилизм. Апогеями его были путчи в августе 1991 года³⁵ и в сентябре 1993 года³⁶. Расстрел здания Верховного Совета Президентом страны был оправдан даже юристами. “Новая теория, — замечает В. Н. Кудрявцев, — быстро нашла выход: Конституция (прежняя. — В. Л.) — “плохой закон” “... подлинное право выше всяких законов”³⁷. Бывший Председатель Комитета конституционного контроля СССР С. С. Алексеев, который в 1995 году упрекал Президента Ельцина в антидемократизме и даже вышел в связи с этим из Президентского совета, в 1993 году писал по поводу разгона Верховного Совета, что это было шагом к праву от ситуации неправовой³⁸.

Подводя итог анализу подобных правовых “новелл”, В. Н. Кудрявцев справедливо пишет: “Ведя борьбу с правовой анархией, местничеством, нигилизмом, необходимо подчеркивать верховенство Конституции и “обычных” законов, доказывать их обязательность для всех, и в первую очередь для самих депутатов, президента, правительства, всех чиновников государства, т. е. для законодательной, исполнительной и судебной властей... Иное расшатывает правовой порядок, ведет к волюнтаризму, а затем и к про-

изволу, возвращает нас к “революционным” временам, отнюдь не способствующим стабильности в нашем беспокойном обществе”³⁹.

Свою лепту в разрушение социального контроля внесли раскрепостившиеся средства массовой информации, которые, освободившись от жесткого партийного надзора, естественно стремились быть “впереди планеты всей”. Популярный российский писатель Ю. Поляков в обстоятельных заметках о четвертой власти, которую он обвиняет, хотя и не в злонамеренном, разрушении государственности, пишет: наша пресса оказалась неподготовленной к роли политической силы, а уж тем более — “четвертой власти”. Она “как личную опасность воспринимает малейшее укрепление трех остальных... Пресса сегодня норовит занять очень комфортную позицию; по отношению в обществе вела и ведет себя как власть — навязывает жесткий тип реформ, диктует геополитические симпатии и антипатии, контролирует кадровые вопросы, определяет законы поведения и даже мышления, а когда доходит дело до ответственности, вдруг оборачивается эдакой вольной художницей, постригающей газон демократии и озадаченной исключительно процветанием свободы слова”⁴⁰.

Вторгаясь в не очень знакомую мне политологию и экономику на основе изучения криминологических тенденций, я рискую в чем-то серьезно ошибиться. Может быть, криминальные процессы, происходившие в СССР, России и других республиках, закономерны и через них тоже надо было пройти, чтобы понять ценность только той воли, которая ограничена законом? Во всяком случае, аналогичные процессы, сопровождаемые интенсивным ростом преступности, регистрируются практически во всех постсоциалистических странах Европы⁴¹.

Китай, который встал на путь рыночной экономики раньше СССР и добился многого на этом пути, до настоящего времени не отпустил вожжи коммунистического тотального контроля за поведением и деятельностью людей. У меня нет сомнения в том, что и тоталитаризм с китайской спецификой обречен на историческое вымирание. Но как? Эволюционно или революционно? Судя по тому, что китайцы начали перестройку с экономики, а не с идеологии, с дела, а не с политической демагогии, она будет относительно долгой, но более надежной и менее криминальной⁴². Конечно, нельзя не согласиться с мировой критикой Китая за нарушение прав человека. Однако нетрудно себе представить, что бы ожидало КНР и мировое сообщество, если бы она, исторически более тотализированная, чем СССР, стала перестраиваться по горбачевскому непоследовательному стихийному разрушительному криминогенному варианту.

А права и свободы человека на территории бывшего СССР до сих пор попираются в массовом порядке и не только официальными властями, но и предпринимателями, и криминальными структурами, и отдельными преступниками. Образно оценивая сложившуюся в стране ситуацию, сатирик М. Жванецкий пишет: “При диктатуре все боятся вопросов, при демократии — ответа. При

диктатуре больше балета и анекдотов, при свободе — поездок и ограблений... При диктатуре могут прибить сверху, при демократии — снизу..."⁴³. Во всяком случае, число жертв, человеческих страданий и страха в постсоветском пространстве по сравнению с 80-ми годами, как мы увидим ниже, не уменьшилось, а многократно увеличилось. И нет достаточных гарантий по преодолению этой массовой виктимизации.

Как же отразились рассмотренные выше исторические процессы на общих тенденциях уголовной преступности (судимости) в СССР за все время его существования? Я подчеркиваю: уголовной преступности. Ибо "политическая преступность", уровень которой в СССР был чрезвычайно высоким, является другой стороной "криминологической медали".

Не имея целостного статистического ряда данных о преступности в СССР за все время его существования, обратимся к сведениям о судимости. Они есть. Их надежность и сопоставимость не являются бесспорными. Но поскольку нас интересует лишь общая направленность судимости, то опереться на имеющиеся данные вполне допустимо. Для этих целей обратимся к графику (рис. 2) "Динамика судимости в СССР (1920—1991 гг.)". В нем нашли отражение не только данные, собранные мною, но и сведения нидерландского исследователя Берга, который подготовил солидный труд под названием "Советская система юстиции в цифрах и политике", изданный в Нидерландах, США и Англии в 1985 году⁴⁴, за пять лет до полного открытия и опубликования официальных статистических данных о преступности и судимости в СССР.

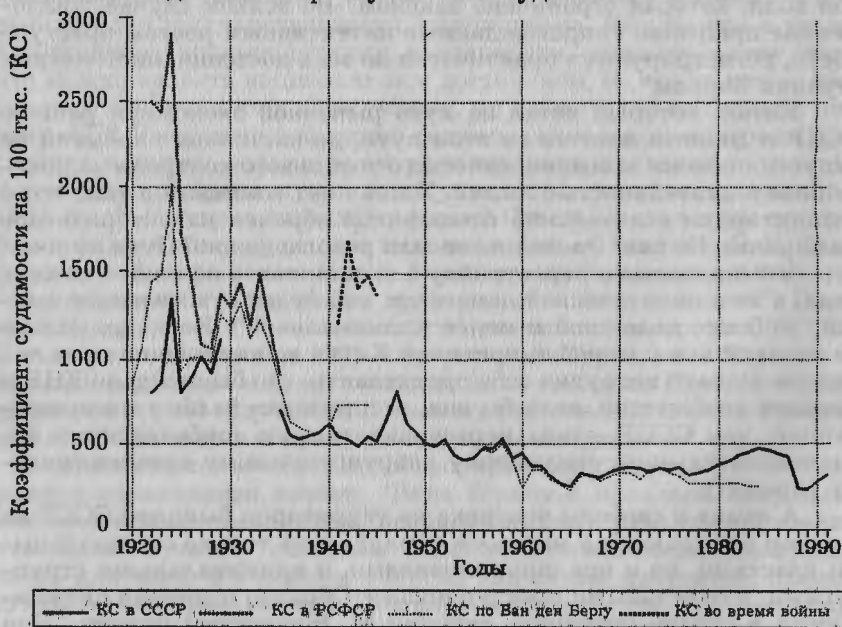

Рис. 2. Динамика судимости в СССР (1920—1990 гг.).

Не владея закрытой уголовной статистикой СССР, Берг на основе огромного числа открытых советских и иностранных источников, в которых приводились отдельные абсолютные и относительные показатели преступности и судимости в нашей стране, рассчитал единый статистический ряд данных о судимости в СССР за 1920—1982 годы. Нельзя признать, что его расчет является абсолютно точным, но его данные близки к официальной статистике и более или менее верно отражают тенденцию судимости в 30-е годы, во время войны и особенно после принятия уголовного законодательства 60-х годов.

Итак, какие же тенденции преступности (судимости) отражает приведенный сводный график?

Октябрьская революция и гражданская война, разрушившие старый правопорядок, вызвали к жизни огромный вал преступности, который по мере становления, ужесточения и расширения тотального контроля за поведением и деятельностью людей стал уменьшаться, трансформируясь, как мы увидим дальше, в некриминализованную преступность властей против своего народа. Перед войной и особенно после нее стало очевидным, что дальнейшее движение в этом направлении губительно не только для народа, но и для самого коммунистического режима. Некоторая его реальная модернизация и либерализация стали возможными после смерти Сталина. Противоречивое и непоследовательное смягчение тотального контроля в постсталинский период и допущение некоторых элементов демократии и свободы стали коррелировать с устойчивым ростом преступности, как результат закономерного перелива некриминализованных злоупотреблений властей в криминализованную деятельность. Последующее сужение сферы действия тотального контроля с одновременным ослаблением правовой борьбы с преступностью вызвали ее объективный рост.

Кривая судимости на графике в послевоенный период не отражает данной тенденции. Это связано с рядом обстоятельств.

Первое. В постсталинское время рост преступности все меньше и меньше коррелировал с динамикой судимости. Последняя и в это время снижалась, но по другим причинам, чем в 30-е годы. Хрущевская "оттепель" несколько смягчила и гуманизировала судебную ответственность. В 1965 году, например, было зарегистрировано 328 преступлений, а осуждено — 249 человек на 100 тыс. населения. В 1990 году при приросте коэффициента преступности на 195% по сравнению с 1965 годом (969 преступлений на 100 тыс. населения) коэффициент судимости увеличился только на 15% (до 287).

Второе. Особо интенсивно росла преступность в последние годы существования СССР. Исключение составляют 1986—1987 годы, когда в связи с временной кампанией борьбы с пьянством и алкоголизмом сокращалась не только судимость, но и преступность. В то же и последующее время "ножницы" между статистическими рядами преступности и судимости существенно расширились. В 1990 году на четыре зарегистрированных преступления приходился один осужденный. Такому "разрыву" способствовал ряд обстоя-

тельств. Увеличивающиеся “ножницы” между преступностью и судимостью нельзя оценивать только негативно или позитивно. В основе данной тенденции лежит много обстоятельств, в том числе и ослабление борьбы с преступностью, и снижение раскрываемости деяний. В числе позитивных обстоятельств следует упомянуть медленный и противоречивый процесс гуманизации уголовного правосудия. Он, однако, не достиг уровня западных демократических государств, да к этому и не было объективных оснований.

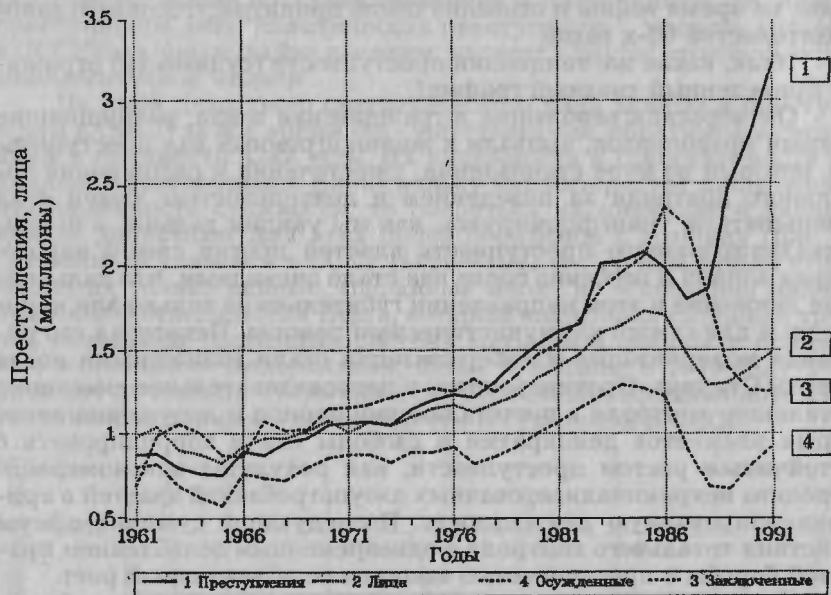

Рис. 3. Динамика основных криминологических показателей в СССР (1961—1991 гг.).

Таким образом, статистические сведения об общем уровне зарегистрированной преступности в СССР и его динамике за предыдущие годы требуют глубокого качественного анализа и весьма критической оценки. Ясно одно, что показатели преступности, будучи исторически конкретными, коррелируемыми с динамикой политических, социально-экономических процессов, с изменениями уголовной политики, уголовного законодательства и следственно-судебной практики, с объективными и субъективными возможностями правоохранительных органов, очень неполно отражают реальную криминологическую обстановку. Однако при всей своей неполноте, относительности и даже искаженности они являются более или менее репрезентативными. Поэтому годовые уровни учтенной преступности (судимости), взятые за много лет, неполно отражая криминологическую реальность, более или менее адекватно передают ее основные тенденции и закономерности. Если это так, то приведенные выше данные о динамике преступности и судимости в СССР

представляют собой реальный статистический факт. А это значит, что было бы большим упрощением полагать, что относительно невысокий уровень регистрируемой уголовной преступности в СССР (при ее интенсивном росте в последнюю четверть века) по сравнению с данными 20-х годов или других стран связан только с ущербным идеологизированным уголовным учетом.

Такая тенденция действительно существовала. Однако надо иметь в виду и следующее: абсолютные данные о преступности в 30—80-е годы представляли собой совершенно секретные сведения. Поэтому не было особой нужды их фальсифицировать, хотя и таких фактов было предостаточно^{44а}. Они были мотивированы чаще всего “карьерными” мотивами. С ними боролись. Но эта борьба, в свою очередь, была “показушной” и не менее “карьерной”. Карательные органы поощрялись за выявление преступлений и злоупотреблений, с поправкой, естественно, на их политическую мотивацию, так как укрывательство преступлений могло рассматриваться при определенных обстоятельствах как контрреволюционное деяние. С другой стороны, борьба с преступностью (учтенной) была по канонам того времени “принципиальной”. К реальному лишению свободы осуждались лица, посягнувшие на килограмм колхозной картошки⁴⁵. Все это дает основание предположить, что уголовная статистика того времени, будучи неполной и искаженной, адекватно отражала тенденции судебной практики, а латентность преступности в сталинское время была не выше, чем во времена застоя.

Рассматриваемые статистические факты нельзя объяснить преимуществами социализма, как это делалось в недалеком прошлом. Хотя нельзя отрицать, что определенное улучшение условий жизни в 30-е и особенно в послевоенные годы могло позитивно сказаться на уровне противоправного поведения. Но основные причины относительно умеренного уровня преступности в СССР и его снижения в определенные исторические периоды были связаны не с выдуманными преимуществами сталинского социализма, а с тотальным государственным и общественным, открытым и тайным контролем за поведением и деятельностью людей, с генерализованным страхом перед репрессивным режимом.

Роль любого жесткого социального контроля, а не только тотального, криминологически значима. На это обратила внимание американский криминолог Фреда Адлер, которая на основе анализа данных Первого обзора ООН выбрала 10 стран, различных по уровню развития демократии и экономики, но в которых был низкий уровень преступности: Швейцарию, Ирландию, Болгарию, ГДР, Коста-Рику, Перу, Алжир, Саудовскую Аравию, Японию, Непал. Изучая их, она пришла к важному выводу, что эти очень разные страны объединяет одно — жесткий социальный контроль за поведением и деятельностью людей: полицейский, религиозный, семейный, клановый, производственный, общинный и т. д.⁴⁶ Одной из эффективных форм контроля является контроль коммунистический, тотальный.

6. Содержание тотального контроля

Исключительная роль социального контроля над преступностью стала особо очевидной в постсоветских государствах, образованных на территории бывшего СССР, и в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, вставших на путь реформирования по схожему с СССР (Россией) сценарию. Независимо от их исторических и национальных особенностей в этих государствах в период их реформирования регистрируется интенсивный рост преступности. Вывод вроде бы очевиден: это связано с переходом к рыночной экономике, которая, по образному выражению И. И. Карпеца, изначально “беременна” высокой преступностью⁴⁷.

Анализируя ее динамику в бывшем СССР, России, Украине, Казахстане, Беларуси, Румынии, Болгарии, Польше и других постсоциалистических странах и сопоставляя ее с криминологической обстановкой в США, Великобритании, Франции, Германии, Швеции и иных “старых” рыночных государствах, оспорить этот вывод, кажется, трудно. Но действительность, на мой взгляд, оказалась сложнее и глубже.

Во-первых, у рыночной экономики нет альтернативы. Если это положение верно, то говорить об особой криминогенности рыночной экономики (по сравнению с командной) можно лишь в том же смысле, как и констатировать, что свобода более криминогенна, чем карцерная изоляция.

Во-вторых, криминогенность рыночной экономики нельзя рассматривать в отрыве от необходимой и свойственной ей социально-политической обстановки. Рынок, конечно, может и способен обойтись без широкой демократии, как в Китае, но он невозможен без определенной экономической свободы. А любая свобода более криминогенна, чем несвобода, если только не принимать во внимание накопительный криминогенный процесс последней, который в запредельных условиях может вызвать взрыв соответствующих преступлений.

В-третьих, интенсивный рост преступности в СССР, как мы видели, начался за четверть века до перестройки и за 30 лет до становления рыночных отношений в России. Поэтому на простой вопрос: связан ли процесс интенсивной криминализации общественных отношений в СССР (России) и других странах постсоциалистического мира с переходом к рыночной экономике? — можно ответить: и да, и нет.

Связан в той мере, в какой свойственная рынку нормальная экономическая свобода облегчает совершение преступлений. И это универсальное условие действует в различных странах, в том числе и в Китае. Можно согласиться в этом плане с уже цитируемой мной Ф. Адлер, которая считает, что “стоимость преступности — цена нашей свободы”⁴⁸.

Не связан в той мере, в какой рыночная экономика не предопределяет необоснованного развала социального контроля за противоправным поведением. Наоборот, рынок продуктивно развивает-

ся в условиях четкого законодательства, соблюдения необходимого порядка, дисциплины и правил игры. Но нельзя не сказать, что у российских властей в условиях системного экономического и политического кризиса после распада СССР не было возможности выбирать, что делать сначала, что потом. Переход к рынку без необходимого правового регулирования был вынужденным и, может быть, единственным выходом. У них не было ни опыта, ни достаточных знаний. Многим из них представлялось, что рынок все сам расставит по своим местам. Да, у него огромные возможности саморегулирования, но только не в контроле за преступностью. Если бы это было иначе, то в исторически рыночных странах ее давно бы не было.

Таким образом, развал социального правоохранительного контроля в СССР, России и других странах связан не столько с рыночной экономикой и соответствующей демократизацией, сколько с неадекватной политикой, с объективной (возможности были крайне ограничены) и субъективной недееспособностью новых властей к правовому управлению обществом, с их стремлением побыстрее разделаться со “стрелочниками” прежнего тоталитарного режима, с боязнью новой правящей элиты перед правоохранительными органами, которые они чаще всего идентифицировали с ГПУ 1937 года, с бедственным (финансовым, материальным, кадровым и т. д.) положением системы уголовной юстиции, со спровоцированным уходом из нее профессионалов⁴⁹.

Моя попытка включить в объяснение относительно низкого уровня уголовной преступности и даже ее сокращения в СССР и других социалистических странах тотальный контроль за поведением и деятельностью людей⁵⁰ у некоторых исследователей вызывает сомнение⁵¹. Поэтому взглянем в этот контроль глубже. В общем плане его зловещий характер очевиден, тогда как его “антикриминогенная” функция не находится на поверхности. Ведь одной из составляющих этого контроля были массовые репрессии. Поэтому резонен вопрос: как же массовые репрессии сдерживают преступность, если они сами являются ее важнейшими показателями? Существенные различия между политическими репрессиями и уголовной преступностью не выпячивались. Да и вряд ли кто посмел бы эти явления сопоставлять. Усиление, разветвление, латентизация тотального контроля в сталинский период прямо коррелировали с тенденциями снижения уголовной преступности. Оно было особенно заметным в 30—50-е годы в связи с расширением политических репрессий. Эти тенденции традиционно увязывались с упрочением нового строя. Нельзя отрицать и определенного улучшения жизни перед войной и после нее, что для измученного советского народа имело свой антикриминогенный эффект. Вылущить же “антикриминогенную” функцию тотального контроля в таких условиях непросто. Она могла более рельефно проявиться при снижении и разрушении тотального контроля, но при сохранении “поступательного” коммунистического строительства, что история и предоставила.

Если некоторые тенденции к снижению преступности действительно были причинно связаны с преимуществами социализма, то его дальнейшее развитие закономерно вело бы к последовательному сокращению преступности. Однако этого не произошло. В хрущевский период не только “шел” процесс укрепления социализма, но и “выстраивалась” его высшая стадия — коммунизм, а преступность не только не сокращалась, но и интенсивно росла. Причина стала очевидной: ослабление тотального контроля за поведением и деятельностью людей. Брежневский режим осознал это и пытался вернуть сталинский контроль в несколько либерализованном виде. Однако желаемого эффекта не было. Видимо, криминологически “эффективным” тотальный контроль мог быть лишь в беспощадно насильственном варианте, а к нему вернуть советский народ было уже невозможно. Стихийный дрейф ослабления тотального контроля с некоторыми серьезными рецидивами (например, в годы Андропова или в период ГКЧП) проходил до самого развала СССР и продолжается сейчас в России и других странах, образованных на его территории.

Попытки как-то использовать сталинский опыт для наведения порядка определенными силами предпринимаются до сих пор. В условиях нынешнего правового беспредела у некоторой части пожилых людей под известным рефреном “тогда был порядок” возникает даже ностальгия по тотальному контролю. Его нельзя упрощать и сводить только к репрессивной составляющей. Кроме нее он включал в себя экономическую, правовую, организационную, идеологическую, социально-психологическую, оперативную и только потом репрессивную составляющие.

Экономическая составляющая — это полная зависимость человека от единственного работодателя — государства, а на практике — от партгосхозноменклатуры. В его (ее) исключительной собственности находились земля, ее недра, воды, леса, основные средства производства (в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве), средства транспорта и связи, банки, имущество торговых и иных предприятий, т. е. все средства человеческого существования. Желаящий выжить в этой стране абсолютно зависел от партгосноменклатуры и вынужден был к ней приспособливаться. При любой попытке вырваться из этой зависимости человек оставался без средств к существованию, а то и без свободы.

Правовая составляющая главным образом заключалась в примате прав государства над правами личности. Не было ни одной сферы деятельности, где бы права личности хоть как-то учитывались на фоне прав государства. Везде и всюду право стояло на защите государственно-партийных интересов. Характерным примером могут служить уголовные кодексы 1922, 1926, 1960 годов, в которых на первом месте стояли именно эти интересы. Такие же приоритеты были в деятельности всех правоохранительных органов, в число которых в те годы включались и суды. Все они при борьбе с преступностью в “интересах государства” применяли любые методы, в том числе и преступные, попирали честь, достоин-

ство, права человека, причиняли вред здоровью, лишали жизни. Эта установка во властных и правоохранительных структурах пока не преодолена.

Организационная составляющая вытекала из всеохватного и жесткого централизма власти. Руководящим принципом всех советских структур был принцип демократического централизма, который практически представлял собой сочетание фасадного демократизма с жесткой централизацией власти, подчинение меньшинства большинству, нижестоящих органов вышестоящим, полувоенной дисциплиной исполнения решений. В абсолютном большинстве ведомств, предприятий и учреждений действовал принцип единоначалия с широкими дискреционными полномочиями руководителей. Аналогичные принципы действовали в союзной и республиканской федерации и автономии. Вся организационно-управленческая деятельность была конфиденциальной, а ее документация находилась под грифами "Совершенно секретно", "Секретно" или, по крайней мере, "Для служебного пользования". За разглашение этих сведений существовала уголовная и административная ответственность. На защите порядка подчиненности и конфиденциальности стояли КГБ, МВД, прокуратура, суд, народный и партийный контроль, действия которых подкреплялись политорганами, партийными, профсоюзными, комсомольскими, пионерскими и иными общественными организациями, прессой, радио, телевидением.

Идеологическая составляющая выполняла главную функцию духовного подавления инакомыслия. Единственным держателем истины была КПСС. Единомыслие обеспечивалось лишением граждан необходимой информации, которая позволяла бы им иметь собственный взгляд на жизнь; действием строжайшего режима секретности, охватывающей все сферы жизни и деятельности, реальные сведения о которых могли натолкнуть людей на размышление; существованием партийно-государственной монополии на печать, радио, телевидение, которые выражали официальную точку зрения; организацией всеобъемлющей цензуры любого печатно или устно обнародованного слова. Нежелательные сведения автоматически относились к государственной, военной или служебной тайне, разглашение которой наказывалось в уголовном, административном, дисциплинарном или партийном порядке. Для выявления фактов разглашения нежелательных сведений и инакомыслия существовали разветвленный тайный сыск и огромный репрессивный аппарат.

Социально-психологическая составляющая обеспечивала доминирование пропартийного общественного мнения. Экономические, организационные, идеологические и правовые аспекты тотального контроля за деятельностью и поведением людей через многочисленные социально-психологические механизмы (общественное мнение, межличностное общение, психологическое влияние, заражение, внушение, подражание, конформизм и страх) формировали сонмы идейных и платных стукачей, доносчиков и приспособленцев, которые бдительно следили за любыми отклонениями в поведении и деятельности ближайшего окружения. Доносы стиму-

лировались широкой уголовно-правовой ответственностью за недонесение о готовящихся или совершенных преступлениях. Доносчики считались героями (Павлик Морозов).

Оперативная составляющая включала в себя тайную и явную, государственную и общественную слежку за всеми, и особенно за теми людьми, которые по каким-то признакам выбивались из общей послушной колонны строителей коммунизма. Даже в последний год существования СССР, когда тотальный контроль, осужденный мировой и отечественной общественностью, сокращал сферу своей деятельности и практически саморазрушался, спецслужбы вели тайное наблюдение и подслушивание за высшими должностными лицами страны, в том числе и за ее Президентом. Одной из действенных форм открытой слежки была строгая система прописки, введенная Постановлением ЦИК и СНК СССР "Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов" от 27 декабря 1932 г.

Репрессивная составляющая интегрировала и венчала тотальный контроль в целом. Она была последней, но не единственной "инстанцией", удерживающей народ и каждого отдельного человека в страхе перед нарушением партийно-государственных предписаний.

Краткий анализ основных составляющих сталинского (я полагаю, Сталин являлся его главным конструктором) контроля за поведением и деятельностью людей показывает, что такой контроль действительно был всеохватывающим и всеобъемлющим, т. е. тотальным. Деление его на отдельные составляющие условно. Не случайно многие их черты трудно причислить к какой-то одной составляющей.

Если рассматривать этот контроль с позиций охраняемого им режима, то сталинский тотальный контроль можно назвать гениальным изобретением, вобравшим в себя все "лучшее" из прежних авторитарных диктаторских режимов. С криминологической точки зрения такой контроль можно признать "эффективным" и криминальным одновременно. Он лишь подтвердил давно известную мысль: эффективно бороться с преступностью можно лишь ее же методами. Удерживая на относительно низком уровне уголовную преступность простых смертных, тотальный контроль за поведением и деятельностью людей не "искоренял" ее, а "переплавлял" в преступность властей против своего народа. Поэтому общая результирующая преступности в тоталитарных режимах (коммунистических, фашистских, религиозно-фундаменталистских и др.) объективно вряд ли может быть ниже преступности в демократических странах.

Второй вывод: жесткий многоаспектный социальный контроль над преступностью — печальная необходимость нашего времени. Позитивно криминологически значимым он может быть лишь тогда, когда его удастся построить на демократической и строго правовой основе. Он также может иметь многие составляющие: и экономическую, и правовую, и организационную, и идеологическую, и социально-психологическую, и, несомненно, репрессивную, но в основе этих составляющих должны лежать не абстрактные интерре-

сы государства, которые в своем конкретном воплощении являются интересами власть имущих, а законные интересы личности и прав человека.

¹ Гернет М. Н. Изучение преступности в СССР (исторический очерк) // Проблема изучения преступности. М., 1945. С. 30.

² Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 30—357; Организация и система показателей моральной статистики (зарубежный и отечественный опыт). М., Госкомстат, 1989.

³ История статистики. Вып. 1. Моральная статистика 20-х годов. М., Госкомстат, 1991; История статистики. Вып. 2. Моральная статистика 20-х годов. М., Госкомстат, 1990; Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991. С. 101—109.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 471.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106.

⁶ Ломброзо и Ласки. Политическая преступность. СПб., 1906.

⁷ Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 70—71.

⁸ Статистика осужденных в СССР за 1923—1924 гг. М., 1927; Статистика осужденных в СССР за 1925—1927 гг. М., 1930; Статистика осужденных в РСФСР за 1926 г. М., 1927; Преступность и репрессии в РСФСР. М., 1930; Статистика осужденных в РСФСР за 1928—1934 гг. М., 1935; Сборник по судебной статистике СССР за 1935 г. М., 1937.

⁹ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927. М., ЦСУ СССР, 1928. С. 112—113; Соколова Р. П. Система показателей статистики осужденных в СССР и ее использование в криминологических исследованиях. Дисс. на соиск. уч. ст. к. ю. н. М., 1969. С. 56.

¹⁰ Статистика осужденных в РСФСР за 1926 г. М., ЦСУ РСФСР, 1928.

¹¹ Даже в 1990 году Литва и Эстония сведений о судимости уже не представили (см.: Преступность и правонарушения в СССР. 1990. Статистический сборник. М., 1991. С. 91). Они были получены автором из этих государств при работе над Четвертым обзором ООН о тенденциях преступности в СССР за 1986—1990 годы. Без данных Литвы и Эстонии в СССР в 1990 году числилось 809 120 осужденных (или 287 на 100 тыс. населения), а с данными этих стран — соответственно 820 529, или 283,8 на 100 тыс. населения.

¹² Crime and Criminal Justice in Europe and North America 1986—1990. HEUNI, Helsinki, 1995. P. XXXV.

^{12a} Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960.

¹³ Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской части России за 1874—1894 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 3. С. 128—129.

¹⁴ Журнал Министерства юстиции. 1909. № 9. С. 98; Общий обзор статистических сведений о деятельности судебных мест за 1913 год. Пг., 1915.

¹⁵ Гернет М. Н. Избранные произведения. С. 549.

¹⁶ Остроумов С. С. Указ соч. С. 68.

¹⁷ Московская общеуголовная преступность в период военного коммунизма // Преступник и преступность. М., 1928. С. 365—373.

¹⁸ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1930; Население СССР за 70 лет. М., 1988; Население СССР 1988. Статистический ежегодник. М., 1989; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 1. М., 1989. Данные за 1947—1960 годы получены в Госкомстате СССР, а за 1923—1925, 1927—1928, 1931—1938 годы рассчитаны автором по существующим в те годы темпам прироста населения. Численность населения за 1922—1939 годы взята в границах СССР до 17 сентября 1939 г., после — по территории СССР, включающей западные области Украины, Белоруссии, Молдавии, а также Литву, Латвию, Эстонию. Начальная разница между этими сведениями составляла 20 120 797 человек. По переписи на 17 декабря 1939 г. в прежних границах СССР учтено 170 557 093, а с учетом населения присоединенных территорий (по оценкам Госкомстата) — 190 677 890 человек. Учитывая, что судимость за 1941—1945 годы в целях сопоставления данных представлена лишь в объеме лиц, осужденных только общими судами и за общеуголовные преступления, численность населения, находящегося под общегражданской юрисдикцией, была оценена в объеме 160 млн. человек. Она приближительна и условна. На оккупированных немцами территориях проживало примерно 70 млн. человек, но значительная часть (около половины) находилась в действующих войсках или была эвакуирована в тыл. Поэтому расчетное число — 160 млн. — может более или менее соответствовать действительности.

¹⁹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 гг. Труды ЦСУ. Т. 18. М., 1924; Еженедельник советской юстиции. 1924. № 28; 1926. № 21, 22; Статистика осужденных в СССР 1923—1924 гг. М., 1927; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927. М., 1928; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926, 1927 гг. М., 1930; Статистика осужденных в РСФСР. М., 1928; Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931; Соколова Р. П. Указ. соч.; Преступность в СССР 1917—1970. Институт Прокуратуры СССР. М., 1975 (рукопись).

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91.

²¹ Программа КПСС. М., 1961. С. 106.

²² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 190—213; Лунеев В. В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. Учебник. М., 1986. С. 55; Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1989. С. 183—197.

^{22a} Герцензон А. А. К изучению воинской преступности и преступности военного времени в буржуазных государствах // Ученые записки ВИЮН. Вып. IV. М., 1945. С. 171; Шупленков В. П. К вопросу об изучении влияния войны на преступность // Сборник статей. Военный институт МО СССР. 1986. № 22. С. 202—203.

²³ Тарновский Е. Н. Влияние войн на движение преступности // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 6; Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1974. С. 306—310.

²⁴ Российская газета. 1992. 22 июня.

²⁵ Российская газета. 1995. 11 мая.

²⁶ Соколова Р. П. Указ. соч. С. 62—63.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 515.

²⁸ Сведения о преступности в СССР в 1991 году являются по сути своей составными. Став самостоятельными государствами, некоторые бывшие союзные республики (Латвия, Литва, Эстония, Грузия) в конце этого года перестали представлять сведения о преступности в Москву. Они были получены иными способами, а общая преступность в СССР в 1991 году стала совокупной составляющей преступности 15 самостоятельных государств.

²⁹ В некоторых прежних своих работах (во введении к первому статистическому сборнику “Преступность и правонарушения в СССР”. М., 1990. С. 5; в статье “Тенденции преступности в СССР” в сборнике “Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства”. М., 1990. С. 23; в статье “Преступная мифология” // Известия. 1991. 13 апр.) я приводил более высокие цифры среднегодового прироста преступности за эти годы. Они рассчитывались по формуле среднеарифметической, а это было неправильно. Здесь приводится среднегодовой прирост, рассчитанный по формуле среднегеометрической. Его расчет показан в сноске 25 главы 1.

³⁰ Кудрявцев В. Н. Социальные деформации. М., 1992. С. 50.

³¹ Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 17—22, 205—255.

³² Китай на современном этапе. Реферат // Россия и современный мир. 1994. № 2. С. 151.

³³ Яковлев А. Н. По мощам и елей. М., 1995. С. 7.

^{33а} Яковлев А. Если большевизм не сдается... // Российская газета. 1996. 17 окт.

³⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1995. С. 314—355.

^{34а} Кива А. Россия и Запад: партнерство или противостояние // Российская газета. 1996. 24 дек.

³⁵ Путч. Хроника тревожных дней. М., 1991.

³⁶ Осень-93. Хроника противостояния. М., 1994.

³⁷ Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 5.

³⁸ Российские вести. 1993. 1 окт.

³⁹ Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности. С. 8.

⁴⁰ Поляков Ю. Словооблуждание // Российская газета. 1996. 2 февр.

⁴¹ Crime and Criminal Justice in Europe and North America... Р. XXXIII.

⁴² Китайские уроки. Что может извлечь из них Россия // Известия, 18 и 20 янв. ; “Секретное оружие” китайских реформ // Российская газета. 1995. 7 февр.

⁴³ Жванецкий М. Авторский тост сатирика // Российская газета. 1996. 2 февр.

⁴⁴ Ger P. van den Berg. The Soviet Sistem of Justice: Figures and Policy. Dordrecht—Boston—Lancaster, 1985. P. 11. В своем фунда-

ментальном труде Берг приводит 147 статистических таблиц, значительная часть которых является расчетной, но близкой к официальным данным. Исследование Берга подтверждает то, что главным препятствием для анализа криминологических тенденций в СССР было не столько отсутствие официальной статистики, сколько идеологическое табу на подобные исследования.

^{44a} Приведу лишь первые попавшие под руку факты о сокрытии преступлений в СССР в разные годы. В приказе НКВД СССР "О результатах проверки работы РК милиции Татарской АССР" № 0113 от 2 сентября 1937 г. говорилось о том, что за восемь месяцев 1937 года в Казани было совершено 212 грабежей, а в отчетности показано 154 (укрыто 58 грабежей, в том числе 8 вооруженных). В приказе НКВД УССР "О результатах обследования работы 2-го городского отделения РК милиции г. Киева" № 00197 от 25 декабря 1940 г. отмечалось, что за десять месяцев 1940 года в отчетность не внесено краж — 63, ограблений — 11, а раскрываемость преувеличена на 110 случаев. На столе одного из оперуполномоченных обнаружено 234 заявления о кражах без всякого движения и регистрации. В приказе МВД СССР "О проверке работы управления МВД по Курской области" № 00193 от 24 октября 1947 г. указано, что при проверке 12 городских и районных отделений милиции было обнаружено 724 незарегистрированных заявления о преступлениях. В 1974 году в г. Горловка Донецкой области Прокуратурой СССР было выявлено 315 преступлений, не взятых на учет, из которых по 28 были вынесены необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и 287 вообще укрыты от учета, в числе которых было 71 разбойное нападение, 24 грабежа, 6 изнасилований. При более глубокой проверке обнаружено еще 755 заявлений и сообщений о преступлениях, которые были укрыты (приказ МВД УСССР № 062 от 6 апреля 1974 г.). Таких приказов в архиве бывшего СССР сотни.

⁴⁵ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1951 гг.). М., 1952. С. 7—79; Постатейные материалы УК РСФСР. М., 1957. С. 146—197.

⁴⁶ Adler Freda. Nations not Obsessed with Crime. Littleton. Colorado, 1983. P. 129—130.

⁴⁷ Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 152.

⁴⁸ Adler Freda. Op. cit. P. XIX.

⁴⁹ Лунеев В. В. Рыночная экономика и преступность в России // Общественные науки и современность. 1996. № 3.

⁵⁰ Лунеев В. В. Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности // Сов. государство и право. 1991. № 8; Лунеев В. В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993. № 5; Контроль над преступностью в демократическом обществе (Круглый стол) // Государство и право. 1993. № 10.

⁵¹ Криминология. Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М., 1995.

Глава 3

Сравнительные тенденции преступности в республиках (государствах) бывшего СССР

1. Исходные положения

Обращение к межреспубликанским, а ныне — к межгосударственным криминологическим различиям на территории бывшего СССР имеет особые исследовательские возможности. На территории этого региона до последнего времени вроде бы не было особых проблем с сопоставимостью исследуемых показателей, не было очевидных социальных, экономических, политических и правовых различий, тогда как разница в уровне преступности была многократной, а в структуре и динамике — существенной.

Уникальность советского опыта состоит в том, что упомянутые расхождения в уровне, структуре и динамике преступности регистрировались в республиках, которые долгое время находились в едином формально федеративном, а по сути унитарном государстве, с однотипным экономическим, политическим и социальным строем, с жестко унифицированным уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, единым централизованным учетом преступлений и осужденных, с целостной уголовной политикой и судебно-следственной практикой, которые проводились в жизнь организационно нерасчленимой системой уголовной юстиции. Указанное единообразие продолжалось более 70 лет. Оно выработало устойчивые стереотипы законодательства и правоприменения, где по требованию Ленина с первых лет Советской власти стремились преодолеть законность калужскую или казанскую и утвердить единую для всего Союза.

Фактический и юридический распад СССР на 15 новых суверенных государств (бывших союзных республик) произошел в конце 1991 года, но до настоящего времени (начало 1997 г.) в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, системе уголовной юстиции и практике ее функционирования в образованных в постсоветском пространстве государствах радикальных изменений почти не произошло, хотя прошлого единообразия уже не существует и криминологические различия существенно углубились. Однако сопоставимость исследуемых показателей остается относительно высокой¹.

Вместе с углублением некоторых криминологически значимых различий между государствами, образованными на территории бывшего СССР, в рамках СНГ идет и процесс их постепенной экономической, политической, правоохранной и иной интеграции. Применительно к нашим проблемам важное значение имеет проблема соотношения законодательства государств, входящих в СНГ². Разрабатываются модельные уголовные и уголовно-процессуальные кодексы. Существует Статистический комитет СНГ, который собирает сведения и о преступности в этих странах. Российские ежегодники о преступности и правонарушениях публикуют эти сведения о всех странах СНГ, кроме Грузии. Последняя сведений о преступности не представляет.

Латвия, Литва, Эстония, а также Грузия приостановили представление сведений о преступности в союзный МВД в середине 1991 года. Но в настоящем анализе используются криминологические данные некоторых из этих стран и за 1991—1995 годы, полученные мной по запросу непосредственно из правоохранительных органов этих государств к Четвертому обзору ООН о тенденциях преступности в Европе и Северной Америке (за 1986—1992 гг.), в котором автор готовил раздел по СССР и странам, образованным на его территории³. Аналогичные запросы для получения криминологических сведений за последующие годы были сделаны мной и в 1996 году. Министерства внутренних дел Прибалтийских стран любезно предоставили запрашиваемые данные, а из Грузии ответа не поступило.

Если абстрагироваться от схожих общих и криминогенных явлений и процессов в рассматриваемых странах, то сфера детерминантов преступного поведения, которые могут объяснить имеющиеся расхождения в преступности и судимости, очень сужается. И этим самым история СССР поставила уникальный эксперимент, изучение результатов которого может оказать некоторую помощь в поиске ответов на мировые вопросы сравнительной криминологии. Советская криминология занималась изучением межреспубликанских криминологических различий, и они в то время представляли определенный интерес⁴.

Для начального межреспубликанского криминологического анализа остановимся на общем объеме деятельности системы уголовной юстиции Союза ССР и союзных республик, базирясь на интенсивности и удельном весе преступности и судимости в республиках и Союзе в целом за 1990 год, когда фактически и юридически еще существовало (последний полный год) единое федеративное пространство (табл. 1).

Таблица 1

**Преступность и судимость в СССР
(по республикам-странам, 1990 г.)**

Республики- страны	Зарегистри- ровано прес- туплений	Удельный вес в %	Преступления на 100 тыс. населения	Осужденных на 100 тыс. населения
1. Россия	1 839 451	66,0	1 248	364
2. Украина	369 809	13,3	717	202
3. Казахстан	148 053	5,3	891	291
4. Узбекистан	88 155	3,2	436	159
5. Беларусь	75 699	2,7	741	292
6. Молдова	43 017	1,5	987	239
7. Литва	37 056	1,3	999	212
8. Латвия	34 687	1,2	1 297	268
9. Кыргызстан	29 654	1,1	684	198
10. Эстония	23 807	0,9	1 511	224
11. Грузия	19 711	0,7	364	138
12. Туркменистан	18 618	0,7	516	180

13. Таджикистан	16 887	0,6	323	110
14. Азербайджан	15 411	0,6	217	99
15. Армения	12 110	0,4	366	118
СССР*	2 786 605	100,0	969	287

* В общее число зарегистрированных преступлений в СССР включены преступления, совершенные на спецобъектах, что не отражается в преступности по республикам.

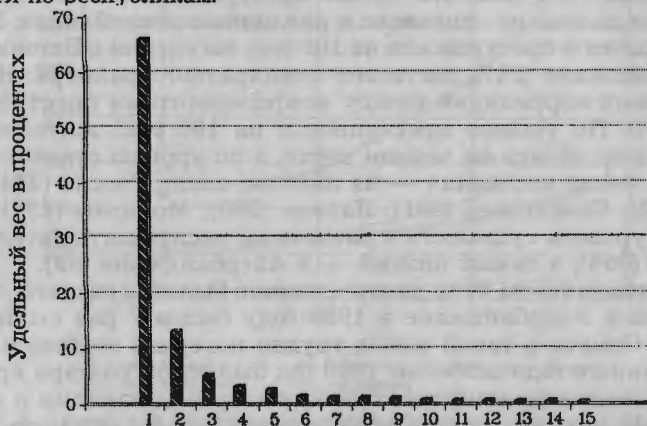

Рис. 1. Структура преступности в СССР по республикам-странам (1990 г.).
1. Россия. 2. Украина. 3. Казахстан. 4. Узбекистан. 5. Беларусь. 6. Молдова. 7. Литва. 8. Латвия. 9. Кыргызстан. 10. Эстония. 11. Грузия. 12. Туркменистан. 13. Таджикистан. 14. Азербайджан. 15. Армения.

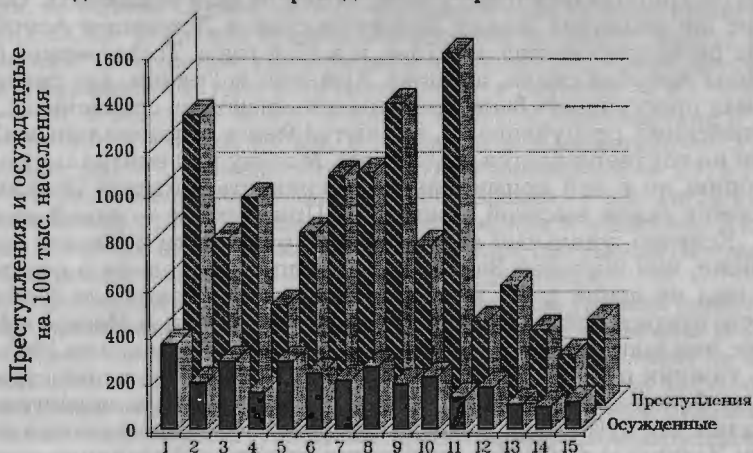

Рис. 2. Число преступлений и осужденных в СССР по республикам-странам (1990 г.).

1. Россия. 2. Украина. 3. Казахстан. 4. Узбекистан. 5. Беларусь. 6. Молдова. 7. Литва. 8. Латвия. 9. Кыргызстан. 10. Эстония. 11. Грузия. 12. Туркменистан. 13. Таджикистан. 14. Азербайджан. 15. Армения.

Приведенные данные таблицы 1 и рисунков 1 и 2 свидетельствуют о существенных различиях в уровне преступности и судимости в республиках бывшего Союза. Долевая разница достигала, например, между Россией (66%) и Арменией (0,4%) 165 раз. Она, естественно, задавалась размером территорий (в 573 раза) и численностью населения (в 45 раз) в этих республиках. Традиционны, но трудно объяснимы значительные расхождения в интенсивности преступности и судимости. Число преступлений на 100 тыс. всего населения далеко не одинаково в различных республиках. Разница коэффициентов преступности на 100 тыс. населения в Эстонии (1511) и Азербайджане (217) достигает семикратного размера. Нет полных прямых корреляций между коэффициентами преступности и судимости. По уровню преступности на 100 тыс. жителей (1511) Эстония находилась на первом месте, а по уровню судимости (224) на то же число населения — на шестом, после России (364), Беларуси (292), Казахстана (291), Латвии (268), Молдовы (239). Самый высокий уровень судимости в расчете на численность населения — в России (364), а самый низкий — в Азербайджане (99).

Основываясь на этих данных, можно было бы сказать, что правопорядок в Азербайджане в 1990 году был в 7 раз выше, чем в Эстонии. Однако в такой вывод трудно поверить вообще и в отношении данного года особенно. 1990 год был годом разгара кровавого межнационального конфликта между азербайджанцами и армянами, а также насильственной вооруженной борьбы за власть в Азербайджане. Может быть, эти конфликты сплачивали нацию и переключали ее агрессивность и другие криминальные мотивации на борьбу с армянами и прокоммунистами, которая не оценивалась и не регистрировалась преступной? Этого нельзя исключать. Однако такие же различия между преступностью в Эстонии и Азербайджане регистрировались и в 70-е, и в 80-е годы. Тогда, может быть, народы Азербайджана, а также Армении и Грузии, где регистрируемая преступность была традиционно низкой по сравнению с Прибалтийскими республиками, являются менее криминальными? Это тоже не подтверждается. Если взять Москву как нейтральную территорию, то в ней криминальная активность жителей Закавказья является самой высокой, а жителей Прибалтики — самой низкой.

Конечно, удельный вес жителей Прибалтики в Москве намного ниже, чем жителей Закавказья. Но доля последних в населении Москвы не выше доли жителей Беларуси, Украины и Молдовы, вместе взятых, однако их криминальная активность в Москве в 2 раза ниже, чем закавказцев. Аналогичные данные получены и по 1995 году: 32% тяжких преступлений в Москве были совершены иностранцами из ближнего зарубежья. Анализ совершенных преступлений показал, что 81% среди задержанных иностранцев являются жителями Закавказья⁵. Особое отношение московской милиции к жителям Кавказа и Закавказья имеет под собой определенную фактическую основу. Но оно не должно переходить в предвзятость к лицам "кавказской национальности". Высок удельный вес (до 25%) заключенных иностранцев и в тюрьмах Западной Европы⁶. Причи-

ны этого следует искать не в национальных особенностях эмигрантов, а в неблагоприятии стран, откуда они уехали, и в неустроенности их на новом месте.

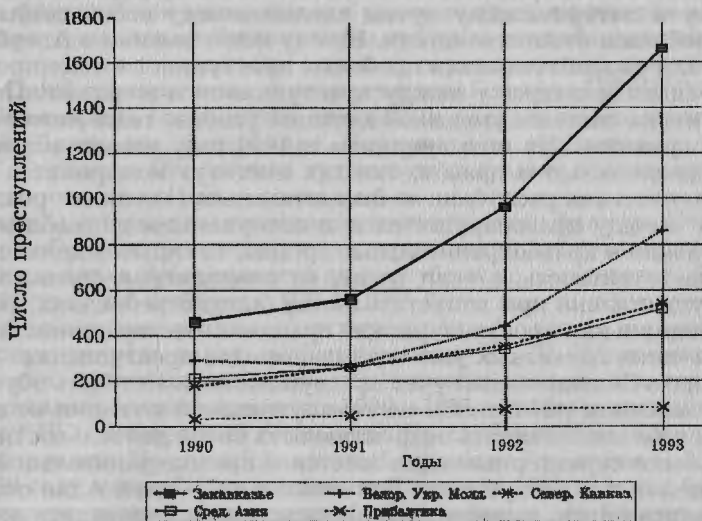

Рис. 3. Уровень и динамика криминальной активности в Москве иностранцев и приезжих (1990—1993 гг.).

Приведенные соотношения показателей о реальной уголовной политике и следственно-судебной практике скорее всего подрывают или, во всяком случае, не подтверждают наш вывод о существовании в СССР реальной криминологической схожести между республиками. Отношение коэффициентов регистрируемой преступности к судимости в 1990 году составляло: в Эстонии — 6,7, в Латвии — 4,8, в Молдове — 4,1, в Литве — 3,7, в Кыргызстане и Украине — 3,5, в России — 3,4, в Армении и Казахстане — 3,1, в Таджикистане и Туркменистане — 2,9, в Узбекистане — 2,7, в Грузии — в 2,6, в Беларуси — 2,5, в Азербайджане — 2,2. Тогда как в Союзе в целом это соотношение равнялось, как и в России, 3,4. На разных полюсах континуума снова оказались данные по Эстонии и Азербайджану. Разница — более чем трехкратная.

Общий вывод напрашивается один: чем выше уровень регистрируемой преступности, тем ниже относительная судимость. И если бы исходные данные о регистрируемой преступности были во всех случаях объективными, то можно было бы без колебаний заключить, что чем выше отношение коэффициентов преступности к судимости, тем выше коэффициент убывания (фильтрации правонарушителей через сито системы уголовной юстиции), а следовательно, демократичнее и гуманнее система правосудия. В принципе, видимо, так оно и есть, но при этом надо иметь в виду ряд обстоятельств.

Первое. В некоторых республиках с низким отношением преступности к судимости совсем не исключается устойчивая тради-

ционная селекция при регистрации преступлений, когда многие деяния отсеиваются на стадии подачи заявлений, учета и возбуждения уголовных дел, предоставляя возможность фактическому преступнику и потерпевшему путем сделки между собой самим решать проблемы ответственности. Не случайно именно в Азербайджане стала разрабатываться проблема преступности и компромисса, допускающего сделку между преступником и жертвой⁷. Подобная практика системы уголовной юстиции условно тоже может быть названа гуманной. Но этот гуманизм в 1990 году ничего общего не имел с законностью и правом, так как институт компромисса ни в одной из советских республик не был легальным. И если он "реализовывался" между правонарушителем и потерпевшим до сообщения о преступлении в правоохранительные органы, то скрытое деяние увеличивало латентность, а если после, то совершаемая сделка могла быть осуществлена при попустительстве (злоупотреблениях) работников милиции или прокуратуры, как правило небескорыстном. В этом случае в числе латентных уже оказывалось два преступления.

Второе. Селекционный учет преступлений может быть обусловлен стремлением работников системы уголовной юстиции не перегружать себя или показать эффективность своей деятельности. Эти болезни были характерными для советской правоохранительной системы в целом и в республиках Закавказья и Средней Азии особенно. Писались книги, защищались диссертации и издавались директивы об управлении эффективностью борьбы с преступностью⁸. При этом, конечно, никто не обосновывал методы укрывательства преступлений, но широкое распространение идеи об управлении преступностью таило в себе типично советский волюнтаристский подход к "бумажному" решению социальных и криминологических проблем. Он однозначно улавливался практикой.

И последнее. Немаловажной причиной селективного учета преступлений для СССР в целом и особенно для республик Закавказья и Средней Азии была широко распространенная продажность некоторых (скажем так) работников милиции, прокуратуры и суда, когда полученная от преступника взятка приостанавливала возможный уголовный процесс на стадии возбуждения уголовного дела или при рассмотрении дела в суде. Не случайно расследование особо важных дел в этих регионах, как правило, поручалось следователям, назначенным центром.

Все предыдущие суждения строились на срезе 1990 года. Однако аналогичные различия регистрировались между республиками и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы. Они традиционны, устойчивы, а следовательно, связаны не с временными динамичными, а с постоянно действующими глубинными детерминантами, которые гнездятся в психологии и культуре (в том числе правовой) народов Прибалтики, Средней Азии и Закавказья и уходят в глубь веков и на которые мало повлияло 70-летнее социалистическое единство.

Вторая половина 80-х и первая половина 90-х годов были переломными. Именно в эти годы начались заметные политические, экономические, социальные, организационные, военные, правовые, а следовательно, и некоторые криминологически значимые изменения

и межреспубликанские расхождения. Все республики-страны продекларировали практически одну и ту же цель — эволюцию к демократическому правовому государству с рыночной экономикой. Однако ее фактическое выполнение в разных странах остается далеко не однозначным. Это требует хотя бы краткого анализа каждой республики-страны в отдельности с начала перестроечных процессов.

Они были намечены на внеочередном Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г., когда после почти ежегодных похорон генеральных секретарей (Брежнев, Андропов, Черненко) на этот пост был избран М. С. Горбачев. Он, осознав тупиковую ситуацию застоя, провозгласил линию на ускорение социально-экономического развития (не получилось), призвал к активизации человеческого фактора (безрезультатно), объявил о гласности и демократизации (получил власть охлократии и парад суверенитетов от республик до сельсоветов). И только в 1987 году на пленумах ЦК КПСС были как-то сформулированы какие-то экономические задачи перестройки⁹, с которых следовало бы в первую очередь начать реформирование СССР. Утопичность политического самосовершенствования ленинско-сталинского социализма обозначилась намного позже, а в 1990—1991 годы было очевидно только одно: КПСС и советский социализм при горбачевском подходе не реформируются. Не случайно главный оппонент Горбачева Б. Н. Ельцин в 1989 году писал: "Удивительно, но с апреля 1985 г., когда была провозглашена перестройка, прошло больше четырех лет. Почему-то всюду этот период, целых четыре года, называют началом, первым этапом, первыми шагами... Ситуация за эти годы обострилась до такого состояния, что сегодня мы уже боимся за завтрашний день. Особенно катастрофично положение с экономикой"¹⁰.

Ныне (1997 г.) точно такие же слова адресуют Ельцину и другим президентам бывших союзных республик, ибо до настоящего времени ни в одной из стран, образованных на территории бывшего Союза, кроме политической и экономической разрухи и незначительных подвижек от утопического социализма к прагматическому капитализму, от тоталитаризма к демократии, ничего не достигнуто. Весь этот десятилетний период был для бывших советских республик непрерывными попытками выхода из исторического тупика методом проб и ошибок. Из-за расхождения в направлениях и темпах этих проб между республиками нарастают существенные криминологические различия.

Е. Гайдар так "попросту", как он сказал, охарактеризовал логику посткоммунистических трансформаций: "Первое: коммунистический режим разваливается в условиях кризиса, когда все, что можно было разбазарить, разбазарено. Второе: пришедшие на волне наивного антикоммунистического популизма правительства получают в наследство руины экономики. Третье: экономические преобразования в этих условиях везде и всегда оказываются тяжелыми... Четвертое: даже там, где преобразования идут успешно, они наряду с новыми возможностями выдвигают новые проблемы. Скажем, иная форма неравенства: взамен скрытых привилегий... — открытая, бьющая в глаза форма неравенства, непривычная для общества. Все это вместе взятое поднимает волну социальная про-

теста, которую активно используют посткоммунистические партии. На этой волне на вторых выборах после начала реформ они часто приходят к власти. А вот дальше — развилка. В Восточной Европе вассальные коммунистические партии действительно эволюционируют в сторону социал-демократии, а в нашей стране имперская компартия эволюционирует в сторону национал-социализма. Так что проблема общая, а степень риска — разная¹¹. Разная и степень криминальных изменений. И эти различия имеются в государствах, образованных на территории бывшего СССР.

В связи со сказанным было бы целесообразно проанализировать тенденции преступности в каждой из союзных республик, а ныне суверенных государств с 1986 года, т. е. с начала объявленной перестройки, с которой и начались реформы. Предлагаемый анализ я ограничу общими уровнями преступности и наиболее опасных и распространенных видов деяний: умышленных убийств, умышленных тяжких телесных повреждений, разбоев, грабежей и краж. Этот перечень соответствует мировой практике анализа. В вопроснике к Четвертому обзору ООН о тенденциях преступности выделялись 12 видов деяний: умышленные убийства (Intentional Homicide); нападение (Assault), включающее в себя все виды телесных повреждений; грабеж (Robbery), охватывающий все виды открытого похищения имущества, сопровождаемое насилием или угрозой его применения, в том числе и "наш" разбой; кражи (Theft), независимо от вида собственности, и другие деяния. Перечисленные виды преступлений доминируют в структуре преступности рассматриваемых стран. В 1992 году они составляли в Азербайджане 48,8, а в Эстонии — 88,2%. В остальных странах удельный вес этих деяний колебался между названными пределами.

2. Российская Федерация

Уголовный кодекс РСФСР был принят 27 октября 1960 г. и вступил в действие с 1 января 1961 г. К 1995 г. в него было внесено более 700 изменений и дополнений.

12 июня 1990 г. Верховным Советом РСФСР была принята декларация о государственном суверенитете. После августовского (1991 г.) путча, сорвавшего подписание нового союзного договора, когда республиками Беларусь, Россия и Украина (8 декабря 1991 г.) как учредителями СССР в 1922 году, а затем и другими республиками было принято решение о прекращении СССР и создании Содружества Независимых Государств (СНГ), Россия фактически и юридически становится суверенной.

На основе политических и экономических изменений РСФСР переименовывается в Российскую Федерацию и принимает на референдуме 12 декабря 1993 г. новую Конституцию. Параллельно принимались новые законы, постановления и указы, заметно меняющие функционирование системы уголовной юстиции: о милиции, о прокуратуре, о федеральной службе безопасности, о налоговой полиции, о таможенном комитете; об оперативно-розыскной деятельности; об оружии; о борьбе с организованной преступностью и

коррупцией; о поэтапном введении суда присяжных и т. д. Продолжалось дальнейшее изменение норм уголовного кодекса. Почти из 100 указов Президиума ВС РСФСР, законов РФ, федеральных законов РФ по изменению и дополнению УК 1960 года около трети были приняты после суверенизации России.

Из него были исключены такие виды наказаний, как ссылка и высылка, условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к суду, направление в воспитательно-трудовой профилакторий; ограничено применение смертной казни; введено освобождение от уголовной ответственности супругов и близких родственников виновного за укрывательство его преступлений и недонесение о них. В Особенной части УК были отменены нормы, охраняющие социалистическое плановое хозяйство, уголовная ответственность за нарушение правил административного надзора за ранее судимыми, введена ответственность за похищение людей, нарушение антимонопольного законодательства, избирательного права, за посягательство на независимость и авторитет суда, прессы и т. д.

Особенно криминологически значимыми были изменения и дополнения в УК по Закону от 1 июля 1994 г. в связи с включением кражи, вымогательства, мошенничества и других преступлений против собственности в перечень тяжких преступлений, что нарушило их сопоставимость; расширением условий применения необходимой обороны; дополнением соучастия организованной группой; объединением в одной главе преступлений против различных видов собственности; введением состава терроризма; уточнением понятия контрабанды; включением новых составов экономических преступлений. Серьезное расширение полномочий правоохранительных органов внес Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. "О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности". В соответствии с указанными изменениями и дополнениями менялось и уголовно-процессуальное законодательство.

24 мая 1996 г. Государственная Дума вторично приняла новый УК, который 5 июня был спешно одобрен Советом Федерации, а 13 июля (за два дня до президентских выборов) был подписан Президентом Российской Федерации. Принятый УК построен на новой иерархии охраняемых законом социальных ценностей (личность, общество, государство) и ориентирован на защиту демократии и рыночной экономики. Он внес значительные изменения в Особенную часть, включив более 70 новых статей и декриминализовав значительное число деяний из старого УК путем исключения около 60 статей. Имеющиеся новеллы существенны, но они не сделали новое уголовное законодательство более устойчивым, перспективным и надежным. Многие положения УК были следствием компромисса между различными ориентациями разработчиков и законодателей, поэтому он, с одной стороны, имеет существенные внутренние противоречия, а с другой — не отражает в полной мере сегодняшних и будущих криминологических реалий. Поэтому работа над его изменениями и дополнениями началась сразу же после его утверждения.

Второй путь обновления уголовного законодательства предполагал продолжение внесения необходимых изменений и дополнений в УК РСФСР 1960 года, пока не устоится политическая, экономическая и криминологическая ситуация в стране, пока не оставлены попытки влиятельных политических сил заново переkreить Конституцию РФ, пока не будет выработана, в том числе и практически (путем принимаемых изменений и дополнений), адекватная криминологической обстановке цивилизованная модель российского уголовного законодательства. Ибо принятие нового УК в условиях неопределенности сравнимо с созданием очень дорогой золотой рамы для картины, которая еще не написана и неизвестно, какого она будет размера. Но и этот путь не был абсолютно оптимальным. В нем есть свои трудности и недостатки, обусловленные социалистической "ментальностью" старого УК. Новый УК существенно нарушит сопоставимость многих криминологических показателей с 1997 года, но это выходит за рамки нашего анализа.

В 1986—1996 годы, время перестройки и рыночных реформ, Россия переживала системный экономический, социальный, организационный и перманентный политический кризисы. Упомянутые процессы усилились в связи с кровопролитной и абсурдной войной в Чечне, куда в целях разоружения вооруженных дудаевских формирований 11 декабря 1994 г. были введены российские войска. Фактическая война со специфическими криминологическими последствиями была остановлена только осенью 1996 года.

Общий уровень преступности в России за 1986—1996 годы увеличился в 2 раза. В 1992 году число зарегистрированных деяний составило 207%, в 1993 году — 209,2, а в 1995 году — 205,1% к уровню 1986 года. Среднегодовой темп прироста к 1992 году был равен 12,85, а к 1995 году — 8,05%. По отношению к предыдущему году преступность в 1992 году увеличилась на 27,3%, в 1993 году — на 1,4, в 1994 году — сократилась на 6, а в 1995 году — возросла на 4,7%. Есть достаточно оснований полагать, о чем подробно будет сказано в следующей главе, что статистические данные за 1993—1996 годы являются слишком заниженными, не отражающими реальных тенденций преступности в России.

Таблица 2

Общий уровень преступности в России (1986—1996 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.	В % к 1986 г.
1986	1 338 424	100,0	929,9	100,0
1987	1 185 914	88,6	816,9	87,8
1988	1 220 361	91,2	833,9	89,7
1989	1 619 181	121,0	1 098,5	118,1
1990	1 839 451	137,4	1 242,5	133,6
1991	2 178 040	162,8	1 470,6	158,1
1992	2 770 591	207,0	1 867,9	200,9
1993	2 799 614	209,2	1 887,8	203,0

1994	2 632 708	196,8	1 778,9	191,3
1995	2 755 669	205,1	1 862,7	200,3
1996	2 625 081	196,1	1 774,4	190,8

Примечание: Чеченская Республика, объявив о своем суверенитете, с 1991 года не представляла сведений о преступности в МВД России. На мой запрос как эксперта по анализу преступности к Четвертому обзору ООН Министерство безопасности Чечни в 1993 году выслало некоторые сведения за 1991—1992 годы. По представленным данным, в эти годы в республике было зарегистрировано соответственно 5766 и 9939 преступлений с распределениями по видам. Они были приплюсованы к имеющимся данным по России. За 1993—1994 годы автор не располагает данными о преступности в Чечне, а она была очень высокой. Некоторые показатели о ней рассматриваются в главе о преступности на межнациональной основе. С 1995 года сведения о преступности в Чечне стали поступать в МВД РФ. В этом году было учтено 5043 деяния. Эти данные даже приблизительно не отражают криминогенной обстановки в республике. Значительная часть территории находится в руках дудаевских боевиков, а в районах, освобожденных от них, только в конце 1995 года стали создаваться местные правоохранительные органы. С приходом к власти в республике дудаевцев с августа 1996 года сведения о преступности в Чечне перестали поступать совсем. Известно только одно, что преступность в республике является чрезвычайно высокой.

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1995 годы по своим абсолютным показателям возросли более чем в 3,4 раза. Среднегодовые темпы прироста были равны 14,45%. В 1992 году число этих деяний увеличилось на 42,7%, в 1993 году — на 27, в 1994 году — на 10,5, в 1995 году сократились на 1,8%. Доля умышленных убийств в структуре преступности 1992 года составила 0,8, а в 1995 году — 1,2%. На 100 тыс. жителей было соответственно совершено 15,7 и 21,4 деяния.

Умышленные тяжкие телесные повреждения к 1992 году возросли более чем в 2,5, а к 1994 году — в 2,9 раза. Среднегодовые темпы прироста соответственно составили 16,85 и 12,65%. В 1992 году они возросли на 30,3%, в 1994 году — на 2,2, а в 1995 году сократились на 8,8%. Удельный вес рассматриваемых деяний в структуре зарегистрированной преступности в 1992 году составил 1,9 и в 1995 году — 2,2%, а коэффициент — 36,4 и 41,7 преступлений на 100 тыс. населения.

Грабежи и разбои к 1992 году увеличились в 5,3 раза, а к 1994 году — в 5 раз. Среднегодовые темпы их прироста составили к 1992 году 31,9, а к 1995 году — 18,95%. Наиболее высокий прирост их был в 1992 году (62,8%). В 1994 году он уменьшился до 17%. В 1995 году эти деяния сократились на 4,4%. Удельный вес грабежей и разбоев в 1992 и 1995 годы составлял 6,5%, а коэффициент — соответственно 133,2 и 120 на 100 тыс. населения.

Все виды **краж** к 1992 году увеличились в 4,3, кражи личного имущества — в 4, а кражи государственного имущества и из квартир — в 4,9 раза. Среднегодовой темп прироста всех краж к 1992 г. составил 30,55%. За один этот год они выросли на 40,2%, в 1994 году — на 16,8%, а в 1995 году — на 4%. Среднегодовой прирост за 9 лет

составил 15,3%. Удельный вес краж в структуре преступности 1992 года равнялся 59, в 1995 году — только 49,6%, а коэффициент — соответственно 1102,3 и 924,6 преступления на 100 тыс. жителей.

Несмотря на рост преступности за последнее пятилетие, число выявленных правонарушителей до 1992 года практически не изменялось (+2,1%). За 1986—1995 годы оно возросло на 41,4%. На одного выявленного правонарушителя в 1992 году приходилось 1,5, а в 1995 году — 1,7 зарегистрированного деяния.

Краткий анализ преступности в России за последнее драматическое десятилетие свидетельствует о ее серьезных количественных и качественных изменениях. В общем плане эти тенденции как-то отражают криминологические реалии. В то же время резкое снижение темпов прироста всей преступности за последние годы с параллельным увеличением насильственных тяжких и других опасных деяний вызывает серьезные сомнения в объективности учета преступлений. Анализ этого важного вопроса рассматривается в следующей главе.

3. Украина

Уголовный кодекс Украинской ССР был принят 28 декабря 1960 г. и вступил в силу 1 апреля 1961 г. Он неоднократно изменялся и дополнялся вместе со всем советским уголовным законодательством.

16 июля 1990 г. Верховный Совет УССР принял декларацию о государственном суверенитете Украины, 24 августа 1991 г. — Акт о провозглашении независимости страны, который был подтвержден референдумом 1 декабря этого же года.

С принятием данных решений уголовное законодательство стало развиваться на самостоятельной основе. Была введена уголовная ответственность за подделку купонов (украинской валюты переходного периода), а ныне гривны, изменена глава о государственных преступлениях, сужено применение смертной казни, декриминализованы деяния, охраняющие плановое социалистическое хозяйство, внесены изменения в уголовное судопроизводство и судоустройство. Произведенные изменения существенно не нарушили сопоставимость криминологических показателей, анализируемых в данной работе.

Криминологическая обстановка на Украине, как и в других странах постсоветского пространства, остается сложной. Экономический кризис, обусловленный спадом производства, разрывом хозяйственных связей, недостатком энергетических ресурсов, инфляцией, безработицей и более серьезным падением жизненного уровня, чем в России, в последние годы продолжал нарастать. Все это прямо и непосредственно отразилось на преступности.

Общий уровень ее в 1986—1995 годы увеличился в 2,6 раза. Среднегодовой темп прироста регистрируемых преступлений составил 11,15%. В 1992 году этот показатель равнялся 18,5, а в 1995 году — 12%. Число преступлений на 100 тыс. населения, впервые преодолев тысячный рубеж (1034) в 1993 г., достигло 1245 (табл. 3).

Таблица 3

Общий уровень преступности на Украине (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	248 663	100,0	489,0
1987	237 821	95,6	465,8
1988	242 974	97,7	474,2
1989	332 340	129,6	623,4
1990	369 809	148,7	716,9
1991	405 516	163,1	784,5
1992	480 478	193,2	927,7
1993	539 300	216,9	1034,0
1994	572 147	230,1	1081,0
1995	641 860	258,1	1245,0

Умышленные убийства (с покушениями) увеличились за эти годы по абсолютным показателям в 2,7 раза. Среднегодовой темп прироста был равен 11,8%. В 1992 году они приросли на 26,8, а в 1995 году — на 4,6%. Доля их в структуре преступности этих лет составляла 0,7—0,8%, а коэффициент в 1995 году увеличился до 9 на 100 тыс. жителей.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за это же время увеличились в 2,9 раза. Их среднегодовой прирост составил к 1992 году 17,85, а к 1995 году — 12,6%, тогда как прирост только за эти годы соответственно равнялся 18,5; 7,3%; 0,3. Удельный вес их в структуре преступности колебался в пределах 1,5—1,7%, а коэффициент на 100 тыс. населения в 1995 году составил 17.

Грабежи и разбои увеличились с началом перестройки более чем в 6 раз. Среднегодовые темпы их прироста составили к 1992 году 32,45, а к 1995 году — 21,85%, тогда как в 1992 году они соответственно приросли на 38,2, а в 1995 году сократились на 0,5%. Удельный вес этих деяний в структуре учтенной преступности 1995 года составил 5,9%, а коэффициент — 73.

Все виды **краж** за 1986—1994 годы увеличились более чем в 5,7 раза. Среднегодовые темпы прироста всех краж к 1992 году составили 29,3, а к 1995 году — 21,25%. В 1992 году они увеличились на 27,2, а в 1995 году — на 8,2%. Доля краж в структуре преступности достигла 55,8%, а коэффициент — 67.

При росте зарегистрированной преступности за анализируемый период более чем в 2 раза число выявленных преступников лишь на 16,9%, а число осужденных за 1986—1990 годы сократилось на 38,8% при увеличении числа оправданных на 36,5%.

4. Республика Казахстан

Уголовный кодекс Казахской ССР утвержден 22 июня 1959 г. и введен в действие 1 января 1960 г. Последующие изменения и дополнения кодекса соответствовали общей направленности развития советского уголовного законодательства.

25 октября 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о государственном суверенитете, Казахская ССР была переименована в Республику Казахстан, а 16 декабря 1991 г. был принят Конституционный закон о государственной независимости страны.

Дальнейшие изменения и дополнения законодательства, на основе которого велась борьба с преступностью, были ориентированы на укрепление суверенитета республики, становление рыночной экономики и демократии. Каких-либо существенных изменений в вопросах уголовной ответственности, нарушающих сопоставление рассматриваемых криминологических показателей, не произошло. Новый УК Казахстана в конце 1996 года находился в стадии подготовки. Как и все республики, Казахстан переживает трудности переходного периода, сопровождаемые экономическим кризисом, инфляцией, снижением жизненного уровня народа, но без особых потрясений.

Общий уровень преступности в 1986—1995 годы увеличился более чем в 2 раза. Среднегодовые темпы прироста преступности к 1992 году составили 12,45%, а к 1995 году — 9,55%. В 1992 году уровень преступности возрос на 15,5%, и он почти не изменялся до 1995 года, затем сократился на 8,9%. Число преступлений на 100 тыс. населения в этом году составило 1108 (табл. 4).

Таблица 4

Общий уровень преступности в Казахстане (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	99 416	100,0	620,3
1987	98 023	98,6	603,4
1988	103 039	103,6	625,7
1989	135 338	136,1	818,4
1990	148 053	148,9	890,9
1991	173 858	174,9	1039,0
1992	200 873	202,1	1194,1
1993	206 000	207,2	1214,0
1994	201 796	203,0	1200,0
1995	183 913	185,0	1108,0

Умышленные убийства (с покушениями) в анализируемый период увеличились в 2,2 раза. Среднегодовой темп прироста был равен 9%. В 1992 году уровень умышленных убийств возрос на 20,2%, в 1993 году — на 24,3%, в 1994 году сократился на 1,4%, и этот процесс продолжился в 1995 году (-4,0%). Доля их в структуре преступности в 1995 году составила 1,3%, а коэффициент на 100 тыс. населения — 15.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за анализируемые годы увеличились в 2,6 раза. Среднегодовые темпы прироста равнялись к 1992 году 14,8%, а к 1995 году — 11,15%. В 1992 году их уровень увеличился только на 2,8%, в 1993 году — на 18,2%, в 1994 году сократился на 5,3%, а в 1995 году вырос на 0,7%. Удельный вес умышленных

тяжких телесных повреждений в структуре преступности 1995 году составил 2,3%, коэффициент на 100 тыс. населения — 26.

Грабежи и разбои по абсолютным показателям в 1986—1993 годы увеличились в 5,4, а только разбойные нападения — в 5,8 раза. Среднегодовой темп прироста грабежей и разбоев составил к 1992 году 31,65, к 1993 году — 27,35, а к 1995 году — 16,75%. В 1992 году эти деяния увеличились на 38,2%, в 1993 году — на 4,3, в 1994 году они сократились на 13,2 и в 1995 году — на 14,5%. Доля рассматриваемых деяний в структуре всей преступности в 1995 году равнялась 6,5%, а коэффициент — 70 на 100 тыс. населения.

Все виды **краж** увеличились в 3,5 раза. Среднегодовые темпы прироста всех краж составили в 1992 году 25,45%. За этот год их уровень поднялся в пределах общих темпов на 25,8%, в 1993 году — на 6,6, в 1994 году сократился на 2,8, а в 1995 году — на 18,2%. Доля краж в структуре зарегистрированных преступлений в 1992 году составила 55,2%, а в 1995 году — 44,8. Преступления на 100 тыс. населения соответственно составили 659,8 и 496.

Общее число зарегистрированных преступлений в Казахстане увеличилось более чем в 2 раза, а количество выявленных правонарушителей — на 26,2%. На одного выявленного правонарушителя в 1992 году приходилось 2,2, а в 1995 году — 1,7 преступления. За это же время снижалось число приговоренных (-32,5%) к смертной казни, лишению свободы и другим наказаниям, а число оправданных возросло почти в 3 раза.

5. Республика Узбекистан

Уголовный кодекс Узбекской ССР был принят 21 мая 1959 г. и вступил в действие 1 января 1960 г. Последующие изменения и дополнения кодекса находились в русле общей эволюции советского уголовного законодательства.

31 августа 1991 г. Верховный Совет республики принял Постановление о провозглашении государственной независимости, а 30 сентября того же года этому закону был придан статус конституционного. Исходя из этого акта, было принято постановление об организации пересмотра всего законодательства, в том числе и того, на основе которого осуществляется борьба с преступностью. Во исполнение этого постановления в УК были внесены важные изменения и дополнения в плане расширения форм соучастия и пределов необходимой обороны, уточнения общих начал назначения наказания, унификации ответственности за преступления против различных видов собственности, расширена уголовная ответственность за валютные операции, взяточничество, преступления против правосудия и др. 22 сентября 1994 г. был принят новый УК, который вступил в действие с 1 апреля 1995 г. Изменения и дополнения в новом УК существенны, но они не нарушили относительную сопоставимость криминологических показателей, исследуемых в работе.

Общий уровень преступности в Узбекистане в 1986—1992 годы увеличился в 28,8 раза. Среднегодовые темпы прироста преступле-

ний составили 4,3%. С 1993 года уровень преступности стал снижаться: в 1993 году — на 3,9, в 1994 году — на 18,8 и в 1995 году — на 8,9%. Число преступлений на 100 тыс. населения в 1992 году достигло 446,6 деяния, а в 1995 году сократилось до 294.

Таблица 5

Общий уровень преступности в Узбекистане (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	72 713	100,0	393,4
1987	66 307	91,2	348,5
1988	70 050	96,3	358,2
1989	84 459	116,2	424,3
1990	88 155	121,2	435,8
1991	88 630	121,9	430,0
1992	93 626	128,8	446,6
1993	90 000	123,8	410,0
1994	73 561	101,2	329,2
1995	67 026	92,2	294,0

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1994 годы увеличились в своем абсолютном значении на 104,2%. Среднегодовые темпы прироста умышленных убийств составили 8,25%. В 1995 году эти деяния сократились на 5,1%. Доля умышленных убийств в структуре преступности 1992 года была равна 1,2%, коэффициент — 5,5, а в 1994—1995 годы — соответственно 1,7% и 5 преступлений на 100 тыс. населения.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за 1986—1990 годы увеличились в 2,1 раза. Среднегодовые темпы прироста равнялись 20%. После этого уровень данных деяний сокращался: в 1991 году — на 12,7%, в 1992 году — на 13,3, в 1993 году — на 9, в 1994 году — на 7,3 и в 1995 году — на 1,6%. Доля рассматриваемых деяний в структуре преступности 1995 года составила 1,4%, а коэффициент — 4. В 1990 году он был равен 7.

Грабежи и разбои увеличились за 1986—1992 годы в 2,1, а только разбойные нападения — в 2,6 раза. Среднегодовой темп прироста составил 21,2%. В 1993 году эти деяния сократились на 17,3%, в 1994 году — на 17,4, а в 1995 году — на 18,9%. Удельный вес грабежей и разбоев в 1995 году составил 3,3%, а их число на 100 тыс. населения — 10 (в 1992 г. — 18,3).

Кражи увеличились за 1986—1992 годы более чем в 2 раза. Среднегодовой темп их прироста составил 12,5%. В 1992 году их уровень поднялся на 15,2%, в 1993 году сократился на 30,7, в 1994 году — на 21, а в 1995 году — на 10,1%. Удельный вес краж в структуре преступности в 1992 году составлял 38,4, в 1995 году — 30,3%. Уменьшился и коэффициент — с 171,4 до 89 преступлений на 100 тыс. населения.

Общее число зарегистрированных преступлений в Узбекистане, если не принимать во внимание их “всплеск” в 1989—1993 годы, к 1995 году сократилось на 7,8%, а число выявленных правонару-

шителей — на 20,5%. На одного установленного правонарушителя приходилось 1,4 учтенного преступления. За 1986—1990 годы число осужденных снизилось на 22,1%, а число оправданных возросло почти в 3 раза.

6. Республика Беларусь

Уголовный кодекс Белорусской ССР был принят 29 декабря 1960 г. и введен в действие 1 апреля 1961 г. После этого он неоднократно изменялся и дополнялся в плане общей эволюции советского уголовного законодательства.

27 июля 1990 г. Верховный Совет принял декларацию о государственном суверенитете. БССР была переименована в Республику Беларусь. На основе происходящих конституционных изменений и осуществлялось дальнейшее самостоятельное развитие уголовного законодательства. В феврале 1991 года был принят пакет нормативных актов об изменениях и дополнениях в УК, направленных на укрепление государственной власти и правопорядка. По-новому стал решаться вопрос об уголовной ответственности за сопротивление работникам милиции и другие посягательства на них, установлена уголовная ответственность за призывы к насильственному свержению или изменению существующего строя, за создание вооруженных формирований, за действия по созданию объединений граждан, имеющих цель возбудить национальную вражду. В это же время принят закон о милиции, разделивший ее на криминальную, общественной безопасности и специальную. Каких-либо существенных изменений, делающих невозможным сопоставление криминологических показателей в объеме бывшего СССР, не принималось.

Беларусь до последнего времени была одной из наиболее спокойных стран, где нет межнациональных конфликтов. В то же время она переживает серьезные экономические трудности и острые политические разногласия, ведущие к нестабильности.

Общий уровень преступности в Беларуси за 1986—1995 годы увеличился в 2,4 раза. Среднегодовые темпы прироста учтенных преступлений составили к 1995 году 10,35%. В 1992 году уровень преступности поднялся на 18,8%, в 1993 году — на 6,9, в 1994 году — на 16,4, в 1995 году — на 9,6%, а число преступлений на 100 тыс. населения в 1995 году достигло 1275.

Таблица 6

Общий уровень преступности в Беларуси (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	54 326	100,0	544,3
1987	48 457	89,2	482,2
1988	48 755	89,7	482,0
1989	66 499	122,4	652,0
1990	75 699	139,3	741,3

1991	81 346	149,7	796,5
1992	96 637	177,9	945,3
1993	103 300	190,1	998,0
1994	120 254	221,4	1161,0
1995	131 761	242,5	1275,0

Умышленные убийства (с покушениями) за 1986—1995 годы увеличились по абсолютным показателям в 3,3 раза. Среднегодовой темп прироста был равен 14,15%. В 1992 году они увеличились на 26,4%, в 1993 году — на 28,3, в 1994 году — на 7,6, а в 1995 году — на 17,3%. Доля умышленных убийств в структуре преступности 1995 года составила 0,8%, а коэффициент — 11 деяний на 100 тыс. населения.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за анализируемый период увеличились более чем в 2,7 раза. Среднегодовые темпы их прироста равнялись 11,85%. В 1992 году они увеличились на 22,4%, в 1993 году — на 14,2, в 1994 году — на 1,4, а в 1995 году — на 2,9%. Их удельный вес в этом году составил 1,4%, а коэффициент — 18 на 100 тыс. населения.

Грабежи и разбои за 1986—1995 годы увеличились в 5,7 раза. Среднегодовые темпы прироста этих деяний составили 21,35%. В 1992 году они увеличились на 39,5%, а в 1993 году — на 8,1, в 1994 году — на 12, а в 1995 году — на 4,2%. Удельный вес их в структуре преступности 1994 года составил 5,5%, а коэффициент — 71 на 100 тыс. жителей.

Все виды **краж** увеличились в 5,2 раза. Среднегодовые темпы прироста всех видов краж к 1995 году достигли 20,1%. За 1992 год их уровень поднялся на 27,4%, за 1993 год — на 2,3, за 1994 год — на 19,7, а в 1995 году — на 7,4%. Удельный вес краж в структуре преступности 1992 года составил 61,1, а в 1995 году — 59%. Число краж на 100 тыс. населения было соответственно 573 и 753.

Число выявленных правонарушителей в Беларуси за анализируемый период увеличилось в 2,3 раза. Это соответствует темпам прироста преступности. В 1995 году на одного выявленного правонарушителя приходилось 1,2 зарегистрированного деяния. Тенденции других показателей те же: снижение числа осужденных и увеличение числа оправданных. В то же время возрастало число осужденных к смертной казни, лишению свободы и другими строгим видам наказания.

7. Республика Молдова

Уголовный кодекс Молдавской ССР был принят 24 марта 1961 г. и вступил в действие 1 июля того же года. Его последующие изменения и дополнения в основе своей соответствовали эволюции всего советского уголовного законодательства.

23 июня 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о суверенитете, в мае 1991 года переименовал МССР в Республику Молдова, а затем принял Декларацию о независимости страны.

Наряду с этими важными событиями были приняты законы о полиции, прокуратуре, уточнены пределы ответственности несо-

вершеннолетних, унифицирована уголовная ответственность за посягательства на различные формы собственности, декриминализированы обман покупателей и спекуляция, введена уголовная ответственность за изготовление и сбыт билетов национального банка, внесены другие изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Сопоставимость анализируемых показателей в основе своей сохранилась.

Переходный период в Молдове, сопровождаемый острым экономическим кризисом, ухудшением жизненного уровня народа, в 1992 г. усугубился вооруженным конфликтом с ее составной частью — Приднестровьем, который принес многочисленные разрушения, гибель людей и подрыв экономики Молдовы.

Общий уровень преступности на территории республики в 1986—1992 годы увеличился в 2,3 раза. Среднегодовой прирост учтенных преступлений составил 12,75%. В 1993 году уровень преступности снизился по сравнению с предыдущим годом на 1,4%, в 1994 году — на 0,2, а в 1995 году возрос на 1,6%. При оценке преступности в Молдове следует иметь в виду, что Приднестровье с 1992 года перестало предоставлять сведения о преступности в Кишинев, в связи с чем общие сведения о преступности в стране в публикуемых сборниках “Преступность и правонарушения” являются расчетом Статкомитета СНГ.

Таблица 7

Общий уровень преступности в Молдове (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	20 856	100,0	502,7
1987	20 757	99,5	495,7
1988	32 425	155,5	767,9
1989	40 862	195,9	942,0
1990	43 017	206,3	986,8
1991	44 530	213,5	1 020,4
1992	48 276	231,5	1 113,0
1993	47 600	228,2	1 094,0
1994	47 515	227,8	1 092,0
1995	48 257	228,0	1 112,0

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1992 годы увеличились в 3,2 раза. Среднегодовой темп прироста был равен 21,5%. В 1992 году умышленные убийства возросли на 240,7%. Доля умышленных убийств в структуре преступности 1992 года составляла 1,4%, а число убийств на 100 тыс. населения — 16. В 1993 году уровень умышленных убийств снизился на 27,7%, в 1994 году — на 2,6, а в 1995 году возрос на 6,5%. Коэффициент в том же году составил 12 убийств на 100 тыс. населения.

Умышленные тяжкие телесные повреждения к 1995 году возросли в 2,5 раза. Среднегодовой темп прироста этих деяний составил 10,5%. Доля их в структуре всей преступности 1995 года была равна 1,5%, а коэффициент — 17 на 100 тыс. населения.

Грабежи и разбои за 1986—1995 годы увеличились в 5,2 раза. Среднегодовые темпы прироста составили 20,1%. Удельный вес грабежей в структуре учтенной преступности достиг 7,6%, а число преступлений на 100 тыс. жителей — 84.

Все виды **краж** увеличились за 1992 годы в 4,3 раза. Среднегодовые темпы прироста краж составили 27,65%. Их удельный вес в структуре преступности 1992 года возрос до 64,9%, а коэффициент краж — до 719. В 1993 году кражи сократились на 2,2%, в 1994 году — на 3, а в 1995 году — на 1,9%. Коэффициент составил 672.

При росте регистрируемой преступности число выявленных правонарушителей и осужденных сократилось.

8. Литовская Республика

Уголовный кодекс Литовской ССР был принят 26 июня 1961 г. и вступил в силу 1 сентября того же года. Его последующие изменения и дополнения были тесно связаны с эволюцией всего советского законодательства.

11 марта 1990 г. Верховный Совет принял Акт о восстановлении литовского государства, о наименовании его Литовской Республикой и восстановлении действия Конституции Литвы 1938 года. 25 октября 1992 г. путем референдума была принята новая Конституция. В ней определена новая судебная система. Были приняты законы о полиции и о внесении изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Сопоставимость показателей, которые отслеживаются в данной работе, в определенной мере сохранилась.

Общий уровень преступности в Литве за 1986—1995 годы увеличился в 2,9 раза. Среднегодовой прирост регистрируемых деяний составил 12,75%. В 1995 году число преступлений на 100 тыс. населения составило 1636. Рост преступности был неравномерным. Умышленные убийства, разбои и кражи росли намного интенсивнее, причем “пиковым” был 1994 год.

Таблица 8

Общий уровень преступности в Литве (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	20 628	100,0	573,5
1987	20 037	97,1	551,2
1988	21 337	103,4	580,8
1989	31 238	151,4	846,6
1990	37 056	179,6	999,3
1991	44 984	218,1	1 211,0
1992	56 615	274,5	1 522,0
1993	60 378	292,7	1 609,0
1994	58 634	284,2	1 568,0
1995	40 619	294,8	1 636,0

Умышленные убийства (с покушениями) за 1986—1995 годы увеличились более чем в 3,7 раза. Среднегодовой темп прироста равнялся 15,8%. В 1995 году умышленные убийства сократились на 4%. Доля умышленных убийств в структуре преступности 1995 года составила 0,8%, коэффициент — 13,5 на 100 тыс. населения.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за 1986—1994 годы увеличились более чем в 2 раза. Их среднегодовой темп прироста равнялся 8,45%. В 1995 году они сократились на 15,3%. Их доля в структуре преступности 1995 года составила 0,5%, а коэффициент — 8.

Грабежи и разбои за 1986—1994 годы увеличились по абсолютным показателям в 4,8 раза. Среднегодовые темпы прироста этих деяний за семилетие составили 18,95%. В 1995 году они сократились на 32,7%. Удельный вес грабежей и разбоев в структуре преступности составил 4,7%, а число преступлений на 100 тыс. населения — 76,3.

Все виды **краж** за анализируемый период увеличились больше всех — в 7,5 раза. Среднегодовые темпы прироста краж составили 25%. В 1995 году удельный вес краж составил 68,4%, а коэффициент — до 1119,5 на 100 тыс. жителей.

При росте учтенной преступности в 2,9 раза число выявленных правонарушителей возросло меньше. На одного осужденного в 1995 году приходилось 5,9 зарегистрированного деяния. Число осужденных за эти годы сокращалось, число оправданных росло, а по видам наказания сокращение шло за счет штрафа и исправительных работ, тогда как число осужденных к лишению свободы возрастало.

9. Латвийская Республика

Уголовный кодекс Латвийской ССР был принят 6 января 1961 г. и вступил в действие 1 апреля того же года. В последующем в него было внесено множество изменений, которые коррелировали с общим развитием советского уголовного законодательства.

4 мая 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о восстановлении независимости Латвии. Латвийская ССР была переименована в Латвийскую Республику и в августе 1991 года вышла из состава СССР. С этого времени идет процесс самостоятельного развития уголовного законодательства в соответствии с политическими и криминологическими реалиями. В июне 1991 года был принят закон о полиции. В марте 1992 года была изменена статья об измене родине, в июне — криминализирован неразрешенный вывоз за пределы страны государственных архивов, в августе — унифицирована ответственность за посягательства на все виды собственности. Были и другие изменения, но они позволяют сопоставлять преступность в странах, образованных на территории бывшего СССР.

Уровень преступности в Латвии традиционно был высоким. По этому показателю она, как правило, занимала второе место (после Эстонии). Переходный период в Латвии, связанный с падением про-

изводства, инфляцией и снижением уровня жизни народа, повлиял на рост преступности.

Общее число преступлений в Латвии за 1986—1992 годы увеличилось в 2,8 раза. 1992 год был “пиковым”. Среднегодовые темпы прироста учтенной преступности составили 18,55%. В 1992 году уровень преступности увеличился на 47,6%, а число преступлений на 100 тыс. населения — до 2316. После этого преступность сокращалась: в 1993 году — на 14,6%, в 1994 году — на 23,4, в 1995 году — на 4,5%. Среднегодовые темпы прироста ее в связи с этим за 1986—1995 годы сократились до 6,45%, а коэффициент — до 1546,7.

Таблица 9

**Общий уровень преступности в Латвии
(1986—1995 гг.)**

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	22 307	100,0	856,4
1987	21 502	96,4	817,8
1988	22 991	103,1	864,9
1989	29 676	133,0	1 107,3
1990	34 686	155,5	1 297,4
1991	41 929	188,0	1 571,6
1992	61 871	277,4	2 316,0
1993	52 835	236,9	2 046,3
1994	40 983	183,7	1 606,9
1995	39 141	175,5	1 546,7

Умышленные убийства (с покушениями) увеличивались примерно теми же темпами, что вся преступность. Но “пиковым” был 1993 год. В 1992 году они возросли на 37,6, а в 1993 году — на 46,4%. После этого число убийств сокращалось: в 1994 году — на 12,6 и в 1995 году — на 25,1%. Доля умышленных убийств в структуре преступности 1993 года составляла 0,8%, а число этих деяний на 100 тыс. населения — 16,5. В 1995 году эти показатели снизились соответственно до 0,7% и 11,1 деяния на 100 тыс. населения.

Умышленные тяжкие телесные повреждения к 1993 году возросли более чем в 3,8 раза. Среднегодовые темпы их прироста составили 18,9%. В 1992 году анализируемые деяния увеличились на 41,7, а в 1993 году — на 27%. Их удельный вес в структуре преступности 1993 года составил 1,4%, а коэффициент на 100 тыс. населения — 28. В 1994—1995 годы эти преступления сокращались. В 1995 году их удельный вес составил 1,5%, а коэффициент — 23,6 деяния на 100 тыс. населения.

Грабежи и разбой увеличились к 1992 году более чем в 2,6 раза. Среднегодовые темпы их прироста составили 17,3%. Удельный вес их в структуре преступности составлял 4,3%, а число деяний на

100 тыс. населения — 100,2. С 1993 года разбой (грабеж из уголовного законодательства был исключен, который в основном стал охватываться разбоем) сокращались: в 1993 году — на 56,1%, в 1994 году — на 3 и в 1995 году — на 20,8%. Удельный вес их снизился до 2,3%, а коэффициент — до 35,8.

Все виды краж за эти годы увеличились в 5,2 раза. В 1992 году уровень всех видов краж поднялся на 62,5, а в 1993 году — на 8,2%. Их удельный вес в 1993 году достиг 74,5%, а коэффициент в расчете на 100 тыс. населения — 1524,3. В 1994—1995 годы кражи сокращались. В 1995 году их удельный вес составлял 62,9%, а коэффициент — 973,2 на 100 тыс. жителей.

При росте зарегистрированной преступности число выявленных правонарушителей сокращалось. На одного выявленного правонарушителя в 1992 году приходилось 4,1 преступления. За анализируемый период снижалось число осужденных, в том числе и к лишению свободы, штрафу. Число оправданных было относительно стабильным.

10. Республика Кыргызстан

Уголовный кодекс Киргизской ССР принят 29 декабря 1960 г. и вступил в силу с мая 1961 года. Он многократно изменялся и дополнялся в направлении общего развития советского уголовного законодательства.

31 августа 1991 г. Верховный Совет принял Декларацию о государственном суверенитете Республики Кыргызстан. Согласно этой декларации и в целях приведения уголовного законодательства в соответствие с другими новыми законами о собственности, приватизации и т. д. 3 марта 1992 г. из действующего УК было исключено 17 статей, защищающих плановое социалистическое хозяйство и сдерживающих развитие рыночной экономики: нарушение правил о валютных операциях, ответственность за частнопредпринимательскую и коммерческую деятельность, спекуляцию, приписки и искажение отчетности о выполнении плана, нарушение правил паспортной системы и др. Наряду с декриминализацией была установлена ответственность за занятие запрещенными видами деятельности. Эти изменения не повлияли на сопоставимость отслеживаемых нами показателей.

Кыргызстан, как и другие бывшие советские республики, переживает те же трудности переходного периода, и это обуславливает рост преступности.

Общий уровень преступности в 1986—1992 годы увеличился в 3,2 раза. Среднегодовые темпы прироста преступности за эти годы составили 21,3%. В 1992 году уровень преступности поднялся на 37,1%, а в 1993 году сократился на 3,3, в 1994 году — на 3,2, а в 1995 году — на 0,4%. Число преступлений на 100 тыс. населения в 1992 году составило 989,2, а в 1995 году — 908.

Таблица 10

Общий уровень преступности в Кыргызстане (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	13 811	100,0	341,5
1987	14 511	105,1	350,7
1988	19 178	138,9	453,2
1989	25 539	184,9	595,3
1990	29 654	214,7	684,1
1991	32 061	232,1	730,4
1992	43 944	318,2	989,2
1993	42 500	307,7	948,0
1994	41 155	298,0	920,0
1995	41 008	296,9	908,0

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1995 годы увеличились по абсолютным показателям в 3,6 раза. Среднегодовой темп их прироста составил 15,45%. Всплеск умышленных убийств в 1990 году (+107,2%) был связан с ошскими межнациональными событиями¹², которые рассматриваются в специальной главе. Власти Киргизии, в отличие от других республик, дали им правильную правовую оценку. В 1992 году умышленные убийства возросли на 27,9%, в 1993 году — на 17,1, а в 1994 году их уровень сократился на 0,4, а в 1995 году — на 2%. Доля этих деяний в структуре преступности 1995 года составила 1,3%, а коэффициент на 100 тыс. населения — 12.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за рассматриваемые годы увеличились в 3,2 раза. Среднегодовые темпы их прироста равнялись 13,6%. Как и умышленные убийства, тяжкие телесные повреждения возросли в 1990 году (+66,1%). В 1992 году эти деяния сократились на 0,5%, а в 1993 году — возросли на 15, в 1994 году — на 9,5, а в 1995 году — на 9,1%. Удельный вес тяжких телесных повреждений в структуре преступности 1995 года составил 1,5%, а коэффициент на 100 тыс. жителей — 14.

Грабежи и разбои в 1986—1993 годы увеличились более чем в 10, а только разбойные нападения — в 12 раз. Среднегодовой темп прироста этих опасных преступлений приблизился к 50%. В 1992 году они увеличились на 55,8%, в 1993 году — на 14, в 1994 году сократились на 13,6, в 1995 году — на 7,7%. Удельный вес их в структуре преступности 1995 года был равен 5,6%, а число преступлений на 100 тыс. жителей — 50.

Все виды **краж** за 1986—1992 годы возросли в 8,4, краж личного имущества — в 8,6, а краж из квартир — в 11,3 раза. Среднегодовые темпы прироста краж составили около 40%. За 1992 год их уровень поднялся на 57,9%, в 1993 году сократился на 14, в 1994 году — на 10,9, а в 1995 году возрос на 6,8%. Удельный вес краж в структуре преступности 1992 года был равен 58,9, а в 1995 году — 53,1%. Число преступлений на 100 тыс. населения соответственно составило 593 и 483.

Общее число зарегистрированных преступлений в Кыргызстане за 1986—1992 годы увеличилось в 3 раза, число выявленных пра-

вонарушителей — на 47,6%. Число осужденных уменьшилось. Вместе с ними снизилось число осужденных к смертной казни, лишению свободы и другим уголовным наказаниям. В то же время количество оправданных судом возросло.

11. Эстонская Республика

Уголовный кодекс Эстонской ССР был принят 6 января 1961 г. и вступил в действие 1 апреля того же года. До 1990—1991 годов он практически претерпел те же изменения, что и все советское уголовное законодательство.

30 марта 1990 г. Верховный Совет принял Постановление о государственном статусе Эстонии, признал незаконной государственную власть СССР в республике с момента ее установления (17 июня 1940 г.) и провозгласил начало восстановления Эстонской Республики.

17 мая 1992 г. в Эстонии была введена новая редакция УК Эстонии 1961 года. Она вступила в действие с 1 июня 1992 г. Из прежней редакции было исключено более чем 40 статей, охраняющих советский государственный строй, социалистическую собственность и социалистический правопорядок. В новой редакции была унифицирована уголовная ответственность за преступления против всех форм собственности, сокращено число видов уголовного наказания, введена возможность замены смертной казни пожизненным заключением. Внесены были также существенные изменения в судоустройство и судопроизводство. Несмотря на эти изменения, транснациональная сопоставимость исследуемых нами показателей сохранилась.

Общий уровень преступности в Эстонии за 1986—1992 годы возрос в 3,3 раза. Среднегодовой темп прироста регистрируемых преступлений составил 22%. Затем преступность до 1995 года медленно сокращалась и лишь в 1995 году увеличилась на 10,7%, но не достигла уровня 1992 года. В 1992 году коэффициент преступности в Эстонии остался самым высоким — 2652 на 100 тыс. жителей.

Таблица 11

Общий уровень преступности в Эстонии (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	12 500	100,0	811,3
1987	11 469	91,7	737,4
1988	12 167	97,3	775,3
1989	19 141	153,1	1 216,9
1990	23 807	190,5	1 511,1
1991	37 748	302,0	2 397,5
1992	41 254	330,0	2 620,0
1993	37 163	297,3	2 434,0
1994	35 739	285,9	2 372,0
1995	39 570	316,6	2 652,0

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1994 годы возросли в 4,9 раза. Среднегодовые темпы прироста составили 21,9%. В 1995 году эти деяния уменьшились на 16,7%. Доля их в структуре преступности составила 0,8%, а число на 100 тыс. населения — 20.

Умышленные тяжкие телесные повреждения увеличились за 1986—1994 годы в 4,1 раза. Их среднегодовые темпы прироста составили 19,35%. В 1995 году они сократились на 0,7%. Удельный вес этих преступлений в том же году был равен 1%, а коэффициент — 27 на 100 тыс. населения.

Грабежи и разбои за 1986—1995 годы увеличились в 7,7 раза. Среднегодовые темпы прироста достигли 25,5%. Удельный вес грабежей и разбоев в преступности 1995 года составил 7,9%, а число их на 100 тыс. населения — 209.

Все виды **краж** в Эстонии за десятилетие увеличились более чем в 5 раз. Среднегодовые темпы прироста составили 19,7%. Большой всплеск краж наблюдался в 1989 году (+77,5%). В 1992 году они возросли на 34%. Удельный вес краж в 1995 году составил 71,1%, а число преступлений на 100 тыс. населения — 1887.

При росте зарегистрированной преступности за 10 лет в 3,2 раза число выявленных правонарушителей увеличилось лишь на 11,8%. На одного выявленного правонарушителя в 1995 году приходилось 3,8 зарегистрированных преступлений. Число осужденных за 1986—1995 годы сокращалось, а число оправданных росло.

12. Республика Грузия

Уголовный кодекс Грузинской ССР был утвержден 30 декабря 1960 г. и вступил в силу 1 марта 1961 г. Он многократно изменялся и дополнялся в русле общего развития федерального законодательства.

9 апреля 1991 г. Верховный Совет и Правительство республики, опираясь на результаты референдума, приняли Акт о восстановлении государственной независимости и выходе ее из СССР. Становление независимой республики под влиянием националистических тенденций осложнилось межнациональными вооруженными конфликтами с осетинами и абхазами. Грузию, кроме того, сотрясали вооруженные столкновения между различными политическими группировками. Все это привело страну к полной экономической разрухе, энергетическому голоду, безработице, катастрофическому снижению жизненного уровня населения.

Защита суверенитета, территориальной целостности Грузии, развитие разных форм собственности и некоторая демократизация уголовного процесса определили дальнейшую эволюцию уголовного законодательства, которая, однако, не повлияла на сопоставимость рассматриваемых нами криминологических показателей.

Общий уровень преступности в 1986—1992 годы увеличился на 31,4%. Среднегодовые темпы прироста преступности за семилетие составили 4,65%. В 1992 году уровень преступности увеличился на 10%, а число преступлений на 100 тыс. населения достигло 445,2. Относительно низкий уровень преступности не согласуется с тяжелой соци-

ально-экономической обстановкой в стране. Есть основания думать о слабом правовом контроле над преступностью. Это подтверждается высокими показателями о тяжких преступлениях, скрыть которые намного труднее. Нельзя не учитывать и того факта, что вооруженные конфликты в Грузии приостановили представление сведений о преступности из Южной Осетии и особенно из Абхазии. Поэтому реальный уровень преступности в стране намного выше регистрируемого.

Таблица 12

Общий уровень преступности в Грузии (1986—1992 гг.)*

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	18 395	100,0	352,9
1987	17 180	93,4	327,6
1988	16 582	90,1	314,5
1989	17 646	95,9	324,2
1990	19 711	107,2	364,1
1991	21 982	119,5	405,4
1992	24 172	131,4	445,2

* Сведений о преступности в Грузии за 1993—1995 годы получить не удалось даже при непосредственном обращении к министру внутренних дел.

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1992 годы увеличились по абсолютным показателям в 3,7 раза. Среднегодовой прирост этих деяний был равен 24,4%, что в 5,2 раза выше, чем вся преступность. Их доля в структуре преступности 1992 года была относительно высокой и составила 3,9%. На 100 тыс. населения в Грузии в этом году совершалось 17,3 убийства, куда, естественно, не включались убийства в вооруженных межнациональных конфликтах.

Тяжкие телесные повреждения за семилетие увеличились более чем в 2 раза. Их среднегодовые темпы прироста равнялись 13,15%. Доля этих деяний в структуре преступности 1992 года составила 1,5%, что, судя по доле умышленных убийств, является явно заниженной цифрой. Число тяжких телесных повреждений на 100 тыс. населения было 6,8.

Грабежи в 1986—1992 годы увеличились в 14, разбой — в 25 раз. Среднегодовой темп прироста грабежей и разбоев составил более 70%. Только в 1992 году эти деяния увеличились более чем в 2 раза. Удельный вес рассматриваемых преступлений в структуре 1992 года составил 14,6%, а коэффициент — 65,1 на 100 тыс. населения. Рост этих деяний в Грузии для анализируемых стран является рекордным. Он также не согласуется с незначительным ростом всей преступности.

Все виды **краж** за 1986—1992 годы увеличились в 4, кражи государственного имущества — в 7,3 раза. Среднегодовые темпы прироста всех видов краж составили 25,75%. За 1992 год уровень всех краж поднялся на 26, а краж государственного имущества — на 74,5%. Коэффициент краж на 100 тыс. населения в этом году был равен 184,4.

Число зарегистрированных деяний в Грузии за семилетие увеличилось на 31,4%, а число выявленных правонарушителей сократилось более чем вдвое. На одного выявленного правонарушителя в 1992 году приходилось 3,1 учтенного преступления. Аналогичным образом сократилось и число осужденных, а вместе с ними и осужденных к смертной казни и лишению свободы.

13. Туркменистан

Уголовный кодекс Туркменской ССР был утвержден 22 декабря 1961 г. и вступил в силу 1 мая 1962 г. Он многократно изменялся и дополнялся вместе с УК других республик.

22 августа 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о государственном суверенитете республики. В соответствии с этой декларацией и результатами референдума от 26 октября 1991 г. Верховный Совет в Конституционном законе о независимости и основах государственного устройства провозгласил независимое демократическое государство — Туркменистан. 18 мая 1992 г. была принята новая конституция, в которой провозглашен принцип разделения властей.

Изменения и дополнения законодательства, на основе которого ныне осуществляется борьба с преступностью, развивались в плане защиты суверенитета страны. Каких-либо существенных изменений и дополнений уголовного и процессуального законодательства, которые бы затруднили сравнение преступности в Туркменистане и других республиках, не принималось.

Общий уровень преступности в 1986—1991 годы увеличился на 55,5%. Среднегодовые темпы прироста преступлений за этот период составили 9,2%. В 1992 году уровень преступности снизился на 7,6%, в 1993 году — на 8,2, в 1994 году — на 5,6, а в 1995 году — на 0,1%. Число преступлений на 100 тыс. населения с 1991 года постепенно снижалось: 520,3; 473,3; 364; 336; 330.

Таблица 13

Общий уровень преступности в Туркменистане (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	12 432	100,0	379,5
1987	12 313	99,0	365,7
1988	12 975	104,4	375,5
1989	17 266	138,9	488,6
1990	18 618	149,8	515,6
1991	19 268	155,0	520,3
1992	17 911	144,1	473,3
1993	15 700	126,3	364,0
1994	14 824	119,2	336,0
1995	14 818	119,2	330,0

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1995 годы увеличились на 96,1%. Среднегодовой темп прироста умышленных убийств составил 5,3%. В 1990 году был зарегистрирован самый высокий уровень умышленных убийств. В 1991 году эти деяния сократились на 7,8, в 1992 году возросли на 6,8%, в 1993 году их уровень сравнялся с 1990 годом, в 1994 году вновь сократился на 7,2, а в 1995 году — на 12,7%. Удельный вес этих деяний в 1995 году составил 1,8%, а коэффициент на 100 тыс. жителей составил в 1990 году 9,2, а в 1995 году — 6.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за 1986—1990 годы увеличились в 1,8 раза. Среднегодовые темпы прироста составили 16,2%. С 1991 года их уровень ежегодно снижался на 12; 17; 4,8; 6,5; 10,7%. Число преступлений в 1990 году составило 10,4, а в 1995 году — 5 на 100 тыс. населения. Удельный вес в 1995 году составил 1,5%.

Грабежи и разбои за 1986—1990 годы увеличились в 2,9, а только разбойные нападения — в 5,8 раза. Среднегодовые темпы прироста грабежей и разбоев составили за эти годы 30,50%. В 1991 году их уровень сократился (-7,6), в 1992 году возрос на 3,1%, в 1993 году — на 28,9, в 1994 году вновь снизился на 6,5, а в 1995 году — увеличился на 10,5%. Их удельный вес в структуре преступности 1995 года равнялся 3,9%, а коэффициент — 13 на 100 тыс. населения, тогда как в 1990 году он был вдвое больше.

Все виды краж за 1986—1991 годы возросли в 2,6, только кражи государственного имущества — в 3,2 раза. Среднегодовой темп прироста краж составил 21,25%. С 1992 года кражи ежегодно сокращаются на 8,6; 42,5; 14,3%, а в 1995 году они возросли на 3,4%. Удельный вес краж в 1991 году достиг 44,7, а в 1995 году сократился до 27,1%. Число их на 100 тыс. населения соответственно было равно 228,7 и 89.

Общее число зарегистрированных преступлений в Туркменистане за 1986—1995 годы увеличилось в целом на 19,2%, а число выявленных правонарушителей, в отличие от других стран, увеличилось на 21,3%. Один выявленный правонарушитель приходился на 1,3 учтенного деяния.

Краткий анализ преступности в Туркменистане и в Узбекистане показал, что они являются теми постсоветскими странами, где преступность в 1991—1995 годы не только не увеличилась, но и сократилась. Есть основания полагать, что с приобретением независимости в этих странах последовательно восстанавливался прежний жесткий контроль за деятельностью и поведением людей, который был ослаблен в 1985—1990 годы. В настоящее время в Туркменистане фактически существует “социалистическая монархия” во главе с туркменбаши (вождем всех туркмен), который возглавляет единственную бывшую коммунистическую партию, переименованную в демократическую. Руководство страны полагает, что туркменский народ не готов к широким быстрым демократическим преобразованиям. Страна идет в этом направлении эволюционным регулируемым путем¹³. Не будем оспаривать такой подход. Может быть, он и является для Туркменистана оптимальным путем, типа китайского. Нам важнее другое: криминологическая ситуация в Туркменистане

лишний раз подтверждает прямую корреляцию низкой преступности с жестким социальным, а практически тотальным контролем

14. Республика Таджикистан

Уголовный кодекс Таджикской ССР утвержден 17 августа 1961 г. и введен в действие 1 ноября того же года. Он многократно изменялся и дополнялся вместе со всем советским уголовным законодательством.

24 августа 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о суверенитете республики. Через год Таджикская ССР была переименована в Республику Таджикистан, а 9 сентября 1991 г. было принято Заявление о государственной независимости республики. Дальнейшее изменение и дополнение уголовного законодательства было ориентировано на укрепление суверенитета республики, сохранение ее целостности в связи с развернувшейся в стране ожесточенной вооруженной борьбой за власть различных политических группировок и территориальных кланов. Все это существенно подорвало экономику и правопорядок в стране.

Общий уровень преступности в 1986—1992 годы увеличился на 82,2%. Среднегодовые темпы прироста составили 10,3%. В 1992 году преступность возросла на 36,9%, в следующем году сократилась на 2,4, в 1994 году — на 42, а в 1995 году возросла на 1,8%. Коэффициенты преступности в эти годы составили 454,2; 436; 249 и 249 на 100 тыс. населения.

Таблица 14

Общий уровень преступности в Таджикистане (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	13 880	100,0	298,3
1987	12 798	92,2	266,0
1988	13 735	99,0	276,2
1989	16 399	118,1	321,0
1990	16 287	121,7	322,8
1991	18 477	133,1	345,9
1992	25 296	182,2	454,2
1993	24 700	177,9	436,0
1994	14 279	102,9	249,0
1995	14 530	104,7	249,0

Умышленные убийства (с покушениями) к 1993 году увеличились в 14,7 раза. Среднегодовой темп прироста составил более 50%. В 1992 году эти опасные деяния возросли на 308,8, а в 1993 году — на 215,7%. Доля умышленных убийств в структуре преступности 1993 года составила 5,3%, а число преступлений на 100 тыс. жителей — 23,3. Это был самый высокий уровень умышленных убийств на территории бывшего СССР. В 1994 году умышленные убийства сократились на 51,3, а в 1995 году — 32,6%. Удельный вес снизился до 3%, а коэффициент — до 7 преступлений на 100 тыс. жителей.

Умышленные тяжкие телесные повреждения за 1986—1993 годы возросли более чем в 2,1 раза. Среднегодовой темп прироста равнялся 11,45%. В 1991 году они сократились на 10, в 1992 году увеличились на 12,7, в 1993 году — на 3,4, а в 1994 и 1995 годы вновь снизились на 22,4 и на 0,4%. Удельный вес тяжких телесных повреждений составил в 1995 году 1,6%, а коэффициент — 4.

Грабежи и разбои за 1986—1993 годы увеличились в 7,7 раза. Среднегодовой прирост был равен 33,65%. В 1991 году они уменьшились на 21,5%, в 1992 году возросли на 147,9, в 1993 году — на 28,6, в 1994 сократились на 63,96 а в 1995 году увеличились на 2,8%. Их удельный вес в структуре преступности 1995 года составил 4,8%, а коэффициент — 12.

Кражи всех видов за 1986—1992 годы увеличились в 4, а только государственного имущества — в 7,8 раза. Среднегодовые темпы прироста всех видов краж составили 25,8%. За 1992 год их уровень поднялся на 59,1%, в 1993 году сократился на 6,1, в 1994 году — на 52,2, а в 1995 году возрос на 3,7%. Удельный вес краж в 1992 году равнялся 64,9, в 1995 году — 46,1%, а коэффициент — соответственно 283 и 115.

Серьезные структурные изменения учтенной преступности в связи с разными темпами роста ее различных видов (умышленные убийства — в 14,7, грабежи и разбои — в 7,7, а общая преступность — в 1,8 раза) до 1992—1993 годов, а затем резкое сокращение их (более чем в 2 раза) противоречат нормальным тенденциям преступности. Эти “перекосы” скорее всего результат вооруженной борьбы в Таджикистане, выборочного учета и расследования преступлений в связи с перегрузкой правоохранительных органов. Более того, некоторые районы Таджикистана, находящиеся под властью вооруженной оппозиции, не представляют сведений в центральные органы.

15. Азербайджанская Республика

Уголовный кодекс Азербайджанской ССР был утвержден 8 декабря 1960 г. и вступил в силу 1 марта 1961 г. Его изменения и дополнения были многочисленными, но не выходящими за пределы общего развития советского уголовного законодательства.

30 августа 1991 г. Верховный Совет принял Декларацию о восстановлении государственной независимости республики. Азербайджанская ССР была переименована в Азербайджанскую Республику. Во второй половине 80-х годов в Азербайджане обострился давний межнациональный конфликт между азербайджанцами и армянами Нагорно-Карабахской автономной области, который перерос в настоящую войну, продолжавшуюся до 1994 года. Он оказал существенное влияние на криминологическую обстановку в стране. Все последующие изменения и дополнения уголовного законодательства отражали становление самостоятельности Азербайджана, сохранение его территориальной целостности и постепенный переход к рыночным отношениям.

По закону от 9 декабря 1991 г. в УК республики были внесены изменения, связанные с новой трактовкой контрабанды, уклонений

от призыва на военную службу и по мобилизации, нарушений правил международных полетов. Закон от 18 августа 1992 г. расширил применение штрафных санкций, установил уголовную ответственность за уклонение от подачи декларации о доходах, сокрытие прибыли, нарушения государственной дисциплины цен и т. д. Кроме того, была расширена подследственность органов внутренних дел, а милиция преобразована в полицию. Криминологическая обстановка осложнилась военными поражениями в Карабахе, экономической разрухой, политической нестабильностью, борьбой за власть (нередко вооруженной) различных политических группировок и кланов.

Несмотря на ухудшение криминологической ситуации, **уровень преступности** в Азербайджане традиционно оставался наиболее низким среди бывших союзных республик. Временный прирост ее был незначительным. За 1986—1992 годы он составил 47%. В 1993 году преступность сократилась на 19,4%, в 1994 возросла на 2,5, а в 1995 году — на 7,6%. В целом темп прироста учтенных преступлений составил 7,3%. Число преступлений на 100 тыс. населения в 1992 году было 315,1; в 1993 году — 245, в 1994 году — 249, а в 1995 году — 266. Даже в 1992 году общий уровень преступности в Азербайджане оставался самым низким на территории бывшего СССР. Это обусловлено, как полагает Т. Е. Караев, “расширенным производством латентности”, связанной с широко распространенными в республике торгом между преступником и жертвой, пассивностью потерпевших, боящихся мести преступников, замалчиванием работниками злоупотреблений из-за боязни быть уволенными (в республике большой избыток рабочей силы), терпимостью азербайджанцев к противоправному поведению других, слабостью правоохранительных органов, попустительством их работников, руководствующихся принципами национальной психологии и другими обстоятельствами¹⁴. При оценке преступности в Азербайджане следует учитывать и то, что с 1990 года Нагорный Карабах не представляет сведений о преступности в МВД Азербайджана.

Таблица 15

Общий уровень преступности в Азербайджане (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	15 267	100,0	227,7
1987	13 985	91,6	205,4
1988	14 006	91,7	202,5
1989	14 979	98,1	212,8
1990	15 411	100,9	216,6
1991	15 617	102,3	219,3
1992	22 450	147,0	315,1
1993	18 100	118,6	245,0
1994	18 553	121,5	249,0
1995	19 958	188,7	266,0

Умышленные убийства (с покушениями) за 1986—1992 годы увеличились в 2,4 раза. Среднегодовой темп прироста был равен 15,8%. В 1992 году умышленные убийства возросли на 44%. Доля их в структуре преступности 1992 года составила 3,1, а в 1995 году — 3%. На фоне низкого и снижающегося уровня регистрируемой преступности в Азербайджане уровень и доля умышленных убийств являются по сравнению с аналогичными показателями других стран относительно высокими. Коэффициент этих деяний в 1992 году составил 9,9, в 1993—1995 годы — 8 на 100 тыс. жителей.

Тяжкие телесные повреждения за 1986—1992 годы возросли в 2,6 раза. Среднегодовые темпы их прироста составили 15,7%. В 1992 году они увеличились на 23,7%, в 1993 году снизились на 37,3, а в 1994 году возросли на 5,9 и в 1995 году — на 0,7%. Число преступлений в расчете на население соответственно составило 7; 4,2; 6; 6.

Грабежи и разбои за 1986—1992 годы увеличились в 5,4 раза. Среднегодовой их прирост составил 32,45%. В 1992 году эти деяния подскочили на 158,5%, в 1993 году снизились на 35,2, в 1994 году — на 16,2, а в 1995 году возросли на 51%. Их доля в структуре преступности за эти годы равнялась 5,8; 4,7; 3,8 и 3,8%, а коэффициент — 18,4; 11,5; 10 и 10 на 100 тыс. населения. В большинстве рассматриваемых стран соотношение разбоев и грабежей составляет соответственно 1 : 2—5, а в Азербайджане 1 : 1 и даже меньше, что является еще одним доказательством существования в данной стране специфических подходов к учету и расследованию преступлений.

Все виды **краж** за 1986—1992 годы возросли в 4,4 раза. Их среднегодовые темпы прироста составили 28%. За 1992 год уровень краж поднялся на 110%, в 1993 году сократился на 41,3, в 1994 году — на 2,3, в 1995 году возрос на 4,8%. Доля их в структуре преступности соответственно была 37,7; 27,5; 26,2 и 25,5%, а коэффициент — 118,9; 67,2; 65 и 68 на 100 тыс. населения.

Двукратные скачки в “поведении” преступности в течение нескольких лет можно объяснить главным образом “управленческим” фактором. На фоне этих перепадов учитываемой преступности относительное число выявленных правонарушителей постоянно снижалось. В 1994 году один выявленный нарушитель приходился на 1,3 зарегистрированного деяния. В эти же годы снижалось число осужденных и росло число оправданных.

16. Республика Армения

Уголовный кодекс Армянской ССР был принят 7 марта 1961 г. и введен в действие 1 июня того же года. Как и кодексы других республик, он изменялся и дополнялся в рамках общих новелл.

23 августа 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о независимости, а после проведения референдума Армянская ССР была переименована в Республику Армения. Она вышла из состава СССР и провозгласила себя независимым государством. Эти решения предопределили содержание рассмотренных 6 мая 1992 г. изменений и

дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В объеме нашего анализа оно осталось практически неизменным.

Криминологическая обстановка в стране является тяжелой. Первое ее осложнение наступило после массовых межнациональных конфликтов в Азербайджане, Нагорном Карабахе и Армении. В Армению прибыло более 300 тыс. беженцев, а из Армении в Азербайджан — около 157 тыс.¹⁵ Межнациональная война и неустрашенность беженцев наложились на бедственное положение жителей спитакской зоны 10-балльного землетрясения (7 декабря 1988 г.), в результате которого было разрушено четыре города, сотни населенных пунктов и осталось без крова около 700 тыс. жителей, погибло 23,7 тыс., госпитализировано 10 380 пострадавших¹⁶. Положение республики усугублялось блокадой со стороны Азербайджана, экономической разрухой, энергетическим голодом, недостатком продовольствия, безработицей.

Общий уровень преступности в Армении в 1986—1992 годы увеличился более чем в 2,1 раза. Среднегодовые темпы прироста преступлений составили 13,55%, а коэффициент преступности в 1992 году возрос до 473,4 на 100 тыс. населения. В 1993 году преступность снизилась на 19,9%, в 1994 году — на 24,3, а в 1995 году возросла, на 2,2%. Коэффициент в 1993—1995 годы соответственно составил 351; 265 и 270.

Таблица 16

Общий уровень преступности в Армении (1986—1995 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	В % к 1986 г.	Коэффициент на 100 тыс.
1986	7 569	100,0	224,7
1987	7 213	95,3	211,0
1988	6 324	83,6	182,6
1989	8 415	111,2	256,0
1990	12 110	160,0	365,8
1991	13 109	173,2	386,3
1992	16 222	214,3	473,4
1993	13 100	173,1	351,0
1994	9 923	131,1	265,0
1995	10 140	134,0	270,0

Умышленные убийства (с покушениями) в 1986—1992 годы увеличились более чем в 6 раз. Среднегодовые темпы прироста были равны 35%. В 1993 году уровень умышленных убийств сократился на 13,3%, в 1994 году — на 35,8 а в 1995 году — на 20,9%. Доля этих деяний в 1992 году равнялась 2,8, в 1995 году — 1,6%; коэффициент в расчете на население — соответственно 10,6 и 4.

Тяжкие телесные повреждения к 1991 году возросли более чем в 4,2 раза. Среднегодовые темпы прироста их равнялись 33,5%. Удельный вес их в структуре преступности 1991 года составил 1,9%, а коэффициент — 7. В 1992 году уровень этих деяний снизился на

11,9, в 1993 году — на 58,8, в 1994 году — на 23,9, а в 1995 году возрос на 4,7%. Коэффициент рассматриваемых деяний снизился с 7 (1991 г.) до 4 в 1995 году. Удельный вес тяжких телесных повреждений в структуре всей преступности составил 1,3%.

Грабежи и разбои за 1986—1992 годы увеличились более чем в 10 раз. Большой взлет их наблюдался в 1990 году после спитакского землетрясения. Среднегодовые темпы прироста этих деяний составили более 50%. В 1992 году они возросли на 37,3%, в 1993 году снизились на 14,6, в 1994 году — на 66,7, в 1995 году — еще на 22,3%. Удельный вес грабежей и разбоев в преступности 1992 года был равен 6,2%, а коэффициент — 29,9. В 1995 году эти показатели составили соответственно 2% и 5 на 100 тыс. населения. Соотношение разбоев и грабежей такое же, как и в Азербайджане, — 1 : 1.

Все виды краж за 1986—1992 годы увеличились в 5,8, а кражи государственного имущества — в 12,4 раза. Среднегодовые темпы прироста краж составили за эти годы 34,15%. Их коэффициент в 1992 году равнялся 192 на 100 тыс. населения, а удельный вес — 40,9%. В 1993 году кражи сократились на 15,3%, в 1994 году — на 51,9, а в 1995 году — на 15%; коэффициент сократился с 237 (1992 г.) до 62 в 1995 году.

При оценке преступности в Армении после 1991 года, когда прекратился централизованный сбор данных в объеме СССР, следует учитывать то, что Армения представляла противоречивые сведения: по запросу автора МВД страны дало одни данные, а в Статкомитет СНГ — меньшие. Разница достигала значительного размера: по умышленным убийствам в 1992 году — 363 и 337, по тяжким телесным повреждениям в 1991 году — 467 и 253, а в 1992 году — 407 и 246. Автор исходил в основе своей из данных, полученных им из МВД республики.

Число выявленных правонарушителей в Армении, как и в других странах, в эти годы сокращалось. Еще более быстрыми темпами снижалась судимость и росло число оправданных.

17. Общие результаты сравнительного исследования

Криминологический анализ 15 стран по определенному шаблону имеет и плюсы, и минусы. Читать такой текст нудно. Но есть возможность сравнивать каждую страну с любой другой страной по единым и сопоставимым показателям, что позволяет читателю углубить анализ и выйти за рамки предлагаемых автором выводов.

1. Еще в период проходившей в СССР перестройки непрерывно возникала необходимость в уголовно-правовой охране новых объектов общественных отношений (элементов рыночной экономики, кооперативной и частной собственности), в криминализации новых форм и способов общественно опасного поведения (организация преступного сообщества, рэкет, уклонение от налогов). Вместе с тем отпадала необходимость в уголовно-правовой защите социалисти-

ческой идеологии, планового хозяйства и т. д. В связи с этим в действующее законодательство всех республик вносились многочисленные изменения и дополнения, готовились проекты новых уголовных кодексов. Обретение независимости способствовало этому процессу с большей поправкой на национальные особенности. Однако по состоянию на конец 1996 года дальше внесения более или менее соотносимых изменений и дополнений, новой редакции старого УК в Эстонии и принятия новых кодексов в Узбекистане и России дело не пошло. Случайно ли это?

В переходной и неустоявшейся политической, экономической, правовой, а для некоторых стран и военной обстановки трудно не только разработать адекватное и перспективное уголовное законодательство (в России конкурировали пять проектов УК), но и провести его через законодательные органы, раздираемые непримиримыми противоречиями многочисленных просоциалистических и прокапиталистических и иных партий и группировок. Есть и аргументы из области здравого смысла. Проекты новых уголовных кодексов, как правило, готовились на логико-догматической основе при использовании новых или прежних политических и идеологических установок. Социологические и криминологические подходы к криминализации и декриминализации деяний практически не использовались¹⁷. Принимать уголовный кодекс в непрогнозируемой социальной и политической стихии, в условиях возможного компромисса антагонистически настроенных друг против друга думских (парламентских) фракций непросто.

2. С началом перестройки, суверенизации и самостоятельного перехода, а точнее подхода, к демократии, политическому плюрализму и рыночной экономике во всех республиках-странах бывшего СССР наблюдался интенсивный рост преступности в связи с разрушением и ослаблением прежнего контроля над ней и некоторой демократизацией уголовного судопроизводства. Эти неоднозначные процессы протекали неравномерно, коррелируя с общесоюзными и республиканскими негативными и позитивными особенностями. В 1987—1988 годы во всех республиках (за исключением Киргизской) под влиянием активной борьбы с пьянством и алкоголизмом произошел спад преступности на 10—15%, которая затем стала интенсивно расти. Пиком ее практически для всех республик был 1992 год — первый год их фактической и юридической суверенности. В некоторых странах (Россия, Беларусь, Украина, Казахстан) рост преступности продолжился и в 1993 году, после которого началось ее регистрационное снижение. Нет сомнения в том, что после обретения независимости во всех странах протекал процесс некоторого, хотя и не всегда последовательного, укрепления государственности и активизации правоохранительных органов, что могло несколько сбить волну растущей преступности. Однако продолжающийся рост тяжких и трудно скрываемых преступлений свидетельствует о выборочном подходе к учету и расследованию заявленных преступлений. Этому способствует недостаток сил и средств

органов правоохраны. Особую тревогу вызывает заниженный учет преступлений в некоторых странах Закавказья и Средней Азии, где, исходя из очень тяжелой экономической, политической, военной (для отдельных стран), а следовательно, и криминологической обстановки, не могло быть большого реального снижения преступности. Учитывая, однако, что процесс снижения преступности в 1993—1995 годы наблюдался во многих постсоветских республиках-странах, нельзя исключить и того, что ее волна после неорганизованной суверенизации, массовых межнациональных конфликтов, шоковых рыночных реформ и разрушения прежнего социального контроля снижается.

3. Если ранжировать основные показатели преступности и ее общераспространенных видов (умышленного убийства, тяжких телесных повреждений, разбоев, грабежей, краж) в рассматриваемых странах по числу всех преступлений на 100 тыс. населения в 1992 году (после этого года, как уже говорилось, нам не удалось получить данные о преступности из Грузии), то станет очевидным, что их иерархия по уровню преступности не изменилась после приобретения ими независимости: на первом месте находится Эстония, потом — Латвия и Россия, а на последнем — Азербайджан.

Таблица 17

Основные показатели преступности в странах, образованных на территории бывшего СССР (1992 г.)

Страны	Вся преступность		Насильственная преступность					
	КП на 100 тыс.	прирост в %	умышл. убийства			умышл. т. т. п.		
			КП	прир.	доля	КП	прир.	доля
Эстония	2 620	22,00	15,2	21,30	0,6	14,1	14,30	0,5
Латвия	2 316	18,55	11	18,85	0,5	21,4	20,45	0,9
Россия	1 867,9	12,85	15,7	16,25	0,8	36,4	16,85	1,9
Литва	1 522	18,30	8,1	13,75	0,5	9,3	12,50	0,6
Казахстан	1 194,1	12,45	12,4	10,75	1,0	22,4	14,80	1,9
Молдова	1 113	12,75	16	21,50	1,4	13,0	11,40	1,2
Кыргызстан	989,2	21,30	10,5	21,30	1,1	12,7	19,00	1,3
Беларусь	945,3	10,10	6,7	12,60	0,7	15,1	14,85	1,6
Украина	927,7	11,65	7,1	13,10	0,8	15,7	17,85	1,7
Армения	473,4	13,55	16,0	21,50	1,4	13,0	11,40	1,2
Туркменистан	473,3	9,20	7,8	18,40	1,7	7,2	16,20	1,5
Таджикистан	464,2	10,30	11,1	40,20	2,4	5,4	12,85	2,5
Узбекистан	446,6	4,30	5,5	11,45	1,2	5,5	19,95	1,2
Грузия	445,2	4,65	17,3	24,40	3,9	6,8	13,15	1,5
Азербайджан	315,1	6,65	9,9	15,80	3,1	6,9	15,70	2,2

Страны	Корыстная преступность					
	грабежи и разбои			кражи		
	КП	прирост	доля	КП	прирост	доля
Эстония	167,6	50,40	6,4	2107,5	34,70	80,7
Латвия	100,2	17,30	4,3	1800,7	31,55	77,7
Россия	133,2	31,85	7,1	1102,3	27,55	59
Литва	92,9	25,40	6,1	1148,5	33,40	75,4
Казахстан	92,4	31,65	7,7	659,8	25,45	55,2
Молдова	72	28,30	6,5	719	275	69,9
Кыргызстан	56,4	450	5,7	582,5	380	58,9
Беларусь	55,9	28,30	5,9	577,9	25,55	61,1
Украина	66,3	32,45	6,3	552,5	29,30	59,6
Армения	29,9	650	6,2	192	34,15	40,9
Туркменистан	22,6	23,80	4,8	207,9	21,25	43,9
Таджикистан	26,7	34,50	5,8	283	25,80	64,9
Узбекистан	18,3	21,20	4,1	171,4	12,50	38,4
Грузия	65,1	66,30	14,6	184,4	25,75	41,4
Азербайджан	18,4	32,45	5,8	118,9	280	37,7

Обозначения: Коэффициент преступности (КП) — на 100 тыс. населения, темп прироста (прирост) — в %, удельный вес (доля) в структуре всей преступности — в %.

Несмотря на большое число серьезных и неоднозначных изменений, которые произошли в каждой из анализируемых стран в 1992 году, традиционная разница между высоким и низким коэффициентом преступности одних и тех же республик-стран не только не осталась, но и увеличилась. Если в 1990 году она была семикратной, то в 1992—1995 годы стала восьмикратной. В 70—80-е годы она была шестикратной.

4. Привычное объяснение высокой учтенной преступности только неблагоприятными условиями жизни в данном случае не работает. При многочисленных блужданиях и трудностях переходного периода от тоталитаризма к демократии, от распределительной системы к рыночной, от политической зависимости к суверенности, которые в той или иной мере свойственны всем странам, Прибалтийские государства находятся в более благоприятном политическом, социально-экономическом и военном положении, чем страны Закавказья и Средней Азии, где реформирование идет противоречиво, усугубляясь вооруженной борьбой за власть различных политических группировок и незатухающими межнациональными войнами. Их экономическая и социальная сферы находятся в стадии полного развала, тогда как регистрируемая преступность в них многократно ниже, чем в Прибалтике. Таким образом, и в данном случае остается неразрешенной «проблема взаимосвязи максимальных и минимальных показателей уровня преступности с уровнем социально-экономического развития»¹⁸.

5. Динамика коэффициента преступности от большего к меньшему значению прямо коррелирует с темпом прироста преступнос-

ти: высокая преступность, как правило, связана с большими среднегодовыми темпами ее прироста. По этому показателю разница достигает 3—5-кратного размера (22 — в Эстонии, 6,65 — в Азербайджане и 4,3 — в Узбекистане).

6. Интенсивный рост преступности во всех странах обусловлен главным образом за счет роста корыстных и корыстно-насильственных деяний (краж, грабежей, разбоев). Удельный вес краж в странах с высокой преступностью доходит до 80% и более (с грабежами и разбоями — до 90%), а в странах с низкой преступностью — около 40—45%. Корыстная преступность, если допустимо так оценивать, является более гуманной, чем корыстно-насильственная и насильственная. Разница между коэффициентами краж стран с минимальной и максимальной преступностью достигает 18-кратного размера. А коэффициент корреляции (по странам) между общим числом преступности на 100 тыс. населения и таким же показателем по кражам близок к +0,9, т. е. к сильной прямой взаимосвязи. Зависимость между всей преступностью и грабежами-разбоями ниже, но тоже является прямой и заметной. Сравнительный анализ также свидетельствует о том, что наиболее низкий уровень преступности в некоторых странах скорее всего говорит о сохранении или восстановлении прежнего социального контроля, который существовал в советское время.

7. Насильственная преступность (умышленные убийства и умышленные тяжкие телесные повреждения) коррелирует с общим уровнем преступности намного слабее. В странах Закавказья и Средней Азии с низким общим уровнем преступности наиболее высок удельный вес именно насильственных деяний, а чаще всего выше и число этих преступлений на 100 тыс. населения, чем в Прибалтийских странах с высоким уровнем преступности. В этом случае структура преступности как бы сдвинута в сторону насильственного неправомерного поведения. Такое положение может быть связано с тем, как сказано в уже цитированном Третьем обзоре ООН, что конфликты между людьми со смертельным исходом могут быть чаще мотивированы намерением получить доступ к ограниченным ресурсам, чем это имеет место в развитых странах. Но это может быть и результатом традиционной селекции в учете преступлений.

8. Сравнительный криминологический анализ преступности в странах, образованных на территории бывшего СССР, позволяет предположить, что заметную антикриминогенную роль играют жесткость и тотальность социально-правового контроля за поведением людей, сплоченность нации вокруг общей цели (может быть, ложной и даже обманной, но реально воспринимаемой основной частью населения), историческая память жизни прежних поколений. Общество потребления, живущее одним днем, сиюминутной перспективой и озабоченное одним заработком, общество со слабым социально-правовым контролем обречено на высокую и интенсивно растущую преступность. Поэтому задача сплочения общества вокруг перспективной реальной цели (что характерно для менталитета большинства народов на территории бывшего СССР), разработки эффек-

тивного правового контроля над преступностью является **первостепенной** для удержания преступности на социально терпимом уровне.

9. Страны постсоветского пространства, имевшие после приобретения государственной независимости по многим параметрам схожие стартовые условия, политические, идеологические, экономические, социальные и правовые, в своем переходе от тоталитаризма к демократии, от насаждаемого единомыслия к плюрализму мнений, от распределительной системы к рыночной, от равенства в бедности к интенсивному социальному расслоению ставят не только социальный, но и естественный **криминологический эксперимент**, результатами которого не следует пренебрегать в сравнительных транснациональных криминологических исследованиях.

¹ *Лунев В. В.* Преступность и уголовная юстиция в бывшем СССР и странах, образованных на его территории (1986—1992 гг.). К Четвертому обзору ООН о тенденциях преступности и функционирования системы уголовной юстиции. М., 1994. С. 29—125.

² *Королев Ю. А.* Проблемы соотношения законодательства государств — участников СНГ и актов органов содружества // Государство и право. 1995. № 2. С. 3—9.

³ *Luneev Viktor.* Union of Soviet Socialist Republics and Former Republics: Republic of Armenia, Azerbaijan Republic, Republic of Belarus, Estonian Republic, Republic of Georgia, Republic of Kazakhstan, Republic Kyrgyzstan, Latvian Republic, Lituianian Republic, Republic of Moldova, Russian Federation, Republic of Tadjikistan, Turmenistan, Ukraine, Republic of Uzbekistan. — Profiles of Criminal Justice Systems in Europe and North America. HEUNI, Helsinki, 1995. P. 234—323.

⁴ Влияние социальных условий на территориальные различия в преступности. М., 1977; Территориальные различия преступности и их причины. Сборник научных трудов. М., 1987; Проблемы изучения территориальных различий. Труды по криминологии. Тарту, 1985.

⁵ Российская газета. 1996. 9 февр.

⁶ *Tomasevski Katarina.* Foreigners in Prison. HEUNI, Helsinki, 1994. P. 8, 85.

⁷ *Аликперов Х. Д.* Преступность и компромисс. Баку, 1992.

⁸ *Аванесов Г. А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 495—517.

⁹ *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 31.

¹⁰ *Ельцин Борис.* Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 63—64; см. также: *Яковлев Александр.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальность. М., 1991.

¹¹ Известия. 1995. 26 дек.

¹² Предсказанный взрыв. Хроника горячего лета в Киргизии // Известия. 1990. 25 июля.

¹³ Российская газета. 1993. 16 сент.

¹⁴ *Караев Т. Е.* Проблемы формирования современной концепции борьбы с преступностью в Азербайджанской Республике. Автореферат дисс. докт. юр. наук. М., 1993. С. 18—20.

¹⁵ Материалы Пленума ЦК КПСС. 5—7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 210; Злоказов И. А. Беженцы // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 81.

¹⁶ Рыжков Николай. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 180; Правда. 1988. 21 дек.

¹⁷ Лунеев В. В. Реальность и уголовное право // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 15—17.

¹⁸ Третий обзор ООН о тенденциях преступности, функционирования систем уголовного правосудия и стратегиям по предупреждению преступности. Доклад, подготовленный Секретариатом. А/Conf. 121/18. 30 may 1985. P. 24.

Глава 4

Тенденции надежности криминологических показателей

1. Латентизация преступности

Проблема объективности показателей состояния преступности и реального контроля над ней является сложной не только для России, но и для других стран мира¹. Всюду фактическая преступность многократно превышает преступность, о которой осведомлены органы правосудия, а известная им преступность — ту ее часть, которая ими официально регистрируется. В свою очередь, учтенная преступность намного превышает ее раскрываемую часть, а количество раскрытых деяний — число преступлений, за совершение которых виновные привлекаются к уголовной ответственности. Еще меньше деяний становится предметом судебного разбирательства. И еще меньше — за совершение которых суды выносят обвинительные приговоры с назначением наказания. Так было в прошлом веке, так остается и в конце нынешнего. Поль Лафарг, более ста лет назад на статистическом уровне исследовавший преступность во Франции за 1840—1886 годы, пишет: судная кара постигает лишь незначительную часть тех преступлений и проступков, которые в действительности совершаются². Американский статистик Р. Майо-Смит за те же годы (1884—1885) приводит аналогичные данные по Англии. Число лиц, подлежащих судебному преследованию, составило 43 962 человека; из них было арестовано 43,7%; из числа арестованных было предано суду 32,1%; из числа преданных суду было осуждено 24,2%^{2а}. Если проценты перевести в абсолютные показатели, то мы получим следующий статистический ряд: 43 462—19211—6167—1492. Таким образом, из 43 962 человек, подлежащих суду, было осуждено только 1492 человека, или 3,4%. В западных странах данный факт получил название “эффект воронки”.

Поскольку латентизация преступности является общей проблемой для разных стран и мира в целом и в то же время конкрет-

ной для каждой отдельной страны, то было бы целесообразно раскрыть ее главным образом на советском и российском опыте в сопоставлении с мировой практикой. Говоря о России последних лет, мы можем сказать, что реальной мерой наказания (лишение свободы) виновных в России завершается лишь незначительная часть — 4—5% от фактически совершенных преступлений и 10% от зарегистрированных. В европейских странах эта доля может быть еще меньше. В ФРГ, например, в 1982 году полиции стали известны 4,3 млн. преступлений (без дорожно-транспортных). Из них 2 млн. случаев было расследовано. Задержано было 1,6 млн. подозреваемых, из них осуждено к различным мерам наказания 459 689 человек, а к лишению свободы — на порядок меньше. Число заключенных в 1982 году составляло 45 394, или 1% от числа учтенных в этом году преступлений³. В России, по данным 90-х годов, на одного осужденного приходилось 3—4 зарегистрированных преступления и около 10—20 фактически совершенных деяний.

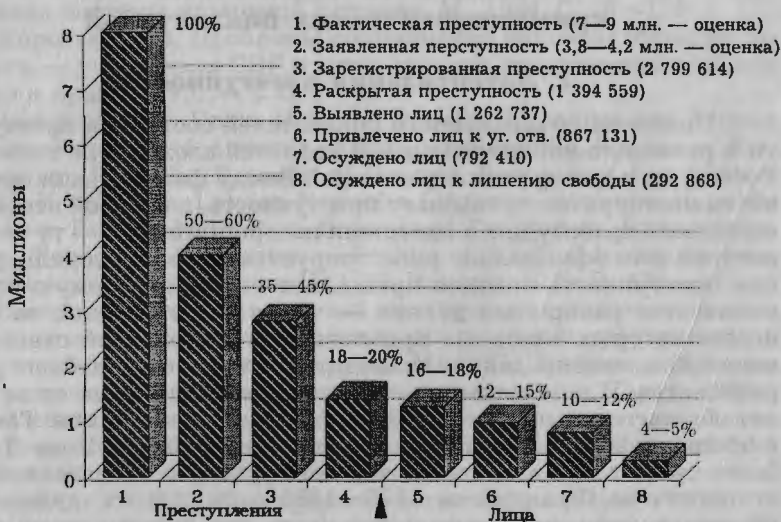

Рис. 1. Уголовно-правовой контроль преступности в России (по данным 1993 г.).

Для разных стран постсоветского пространства это соотношение далеко не одинаково. Предшествующий анализ преступности в этих государствах показал, например, что в Азербайджане, Узбекистане, Беларуси на одно учтенное деяние приходилось 1,1—1,4 выявленных правонарушителей, а в Эстонии, Латвии, России — 4—6. Эти существенные различия в первую очередь связаны с уровнем учета преступлений и демократичностью правосудия.

Уровни показателей о состоянии преступности и контроле над ней определенным образом взаимосвязаны. Неполнота и необъективность одних данных искажают все последующие. Между сведениями

о регистрируемой преступности и контроле над ней при определенных условиях может возникнуть сильная обратная корреляционная зависимость. Например, порочной практикой регистрации преступлений можно “замедлить” или “снизить” темпы прироста преступности, а если выборочным учетом еще и управлять (скажем, прежде всего уходить от регистрации заведомо “глухих” преступлений), то можно добиться заметного роста раскрываемости учтенных деяний и т. д. Такие манипуляции в учете преступлений еще больше подорвут доверие населения к правоохранительным органам, что снизит заявляемость о преступлениях, а это приведет к “улучшению” показателей результативности борьбы с преступностью.

Оригинальное объяснение применительно к Германии, где учет преступности, может быть, один из лучших, дает Ганс Шнайдер: “...официальная уголовная статистика есть модель, которая служит инстанциям формального социального контроля в качестве средства самооправдания перед общественностью и влияния на нее. Так, например, с одной стороны, полиция хочет доказать, насколько хороша проделанная ею работа... и это ее полное право; с другой — она должна еще и убедить общественность, что она остается достаточно острой и что преступность угрожает обществу. Ведь иначе ей начнут сокращать штаты сотрудников и урезать средства”⁴. К этим словам можно сделать единственное замечание: преступность в Германии объективно высока. И она не является результатом манипуляции полиции.

В СССР, России и других странах постсоветского пространства, к сожалению, никогда не было надежных показателей состояния преступности и борьбе с ней. Нынешнее положение дел в этой области стало угрожающим.

Будучи неполным и идеологически искаженным, официальный уголовный учет по средним статистическим показателям за последние четыре десятилетия свидетельствовал о том, что с постепенным ослаблением тотального контроля над поведением и деятельностью людей в постсталинский период снижался уровень “политической” и увеличивался уровень уголовной преступности⁵. Особенно высокие темпы прироста преступности стали регистрироваться в годы перестройки и реформирования общества, когда эти процессы усилились и когда высшие должностные лица страны временно (отвлекали проблемы собственного выживания) не предъявляли волюнтаристских требований к правоохранительным органам об “искоренении” преступности. МВД и прокуратура в эти годы более или менее удовлетворительно и без оглядки на высшее начальство регистрировали то, что без особых хлопот становилось им известно. Обратимся к “пиковому” 1992 году.

В первые месяцы (февраль—март) его темпы прироста регистрируемой преступности возросли до 35—45%. Российские власти в этот период, осознав общенациональную опасность преступности, прямо поставили ее рост в вину МВД и другим правоохранительным органам, хотя резкое ухудшение криминологической обстановки в стране лишь отчасти было связано с ослаблением их

деятельности, да и само это ослабление явилось следствием системного кризиса в стране.

МВД и другие правоохранительные органы отреагировали на жесткие требования властей своеобразно, но традиционно: не имея реальных возможностей более или менее полного контроля над преступностью, они существенно расширили “управляемую” регистрацию преступлений. За первое полугодие 1992 года темпы прироста преступности снизились до 30,9, а за год — до 27,3%. Судя по темпам прироста отдельных видов преступлений, за этим снижением скрывалась направленно-выборочная регистрация преступлений. Поэтому темпы прироста тяжких, политически актуальных, трудно скрываемых и легко раскрываемых деяний оказались очень высокими. Разбойные нападения увеличились на 66,1%, грабежи — на 61,7, умышленные убийства — на 42,7, кражи государственного и общественного имущества — на 38,2, взяточничество — на 31,5, тяжкие телесные повреждения — на 30,6, хулиганство — на 13,4, а хищения государственного и общественного имущества путем присвоения, растрат и злоупотреблений (что было повсеместным явлением) сократились на 1,3, а изнасилования — на 2,9%.

Аналогичный подход к учету преступлений сохранился и усовершенствовался в 1993 году. В связи с этим общие темпы прироста регистрируемой преступности составили 1,4, а тяжкие увеличились на 23,6%. Существенное уменьшение общих темпов прироста учтенной преступности произошло за счет регистрационного сокращения наиболее распространенных и трудно раскрываемых деяний [краж государственного и общественного имущества (—6,9%), краж личного имущества (—3%), хищений путем присвоения, растраты и злоупотреблений (—6,2%)], составляющих более 60% всей регистрируемой преступности.

За 1994 год апробированная методика “снижения” преступности еще более усовершенствовалась. В связи с этим регистрируемая преступность в целом даже сократилась по сравнению с предыдущим годом на 6%. Тяжкие преступления за первое полугодие возросли лишь на 2,3%. В июле их прирост составил 3,9%, в августе — 30,2, а за весь 1994 год — 91,1%. Небывалый скачок тяжких преступлений в значительной мере связан с существенным расширением их перечня (по Закону от 1 июля 1994 г.) за счет включения в ст. 7-1 УК терроризма, краж, мошенничества, вымогательства и других посягательств на чужую собственность при отягчающих обстоятельствах.

На фоне общего снижения преступности и в 1994 году продолжали расти не только “новые”, но и “старые” преступления: контрабанда (+1208,3%), изготовление и сбыт поддельных денег (+110,8), незаконные сделки с валютными ценностями (+59,8), разбои при отягчающих обстоятельствах (+12,7), умышленные убийства (+10,5), взяточничество (+9,4), умышленные тяжкие телесные повреждения (+1,2) и др.

Сомнения в объективности учета преступлений укрепляются при региональном анализе. Из 80 субъектов федерального учета

преступлений в 63 в 1994 году было снижение регистрируемой преступности, а в 17 — рост.

Таблица 1

Динамика преступности в России по регионам

1. Регионы с наибольшими темпами прироста преступлений

Регионы	Прирост в %			Число преступлений на 100 тыс. (1993 г.)
	преступность за 1994 г.	преступность за 1989—1993 г.	лиц* за 1989—1993 г.	
Курская область	13,2	131,4	83,3	1493,6
Оренбургская область	11,6	39,0	41,1	1270,6
Еврейская область	10,8	-	-	2286,0
Тамбовская область	10,7	46,4	44,2	1423,4
Воронежская область	7,8	38,3	21,6	1110,4
Архангельская область	7,1	74,1	54,8	2172,2
г. Москва	5,3	51,6	30,7	939,2
Орловская область	4,9	59,0	37,1	1249,5
Тюменская область	3,7	50,3	82,7	2274,4
Брянская область	2,7	118,7	79,7	1823,0
Средний показатель	7,8	67,6	52,8	1504,3

2. Регионы с наибольшими темпами снижения числа преступлений

Мурманская область	-20,6	65,6	32,1	1658,7
Псковская область	-18,3	92,5	60,0	2661,5
Ленинградская область	-17,2	99,3	54,2	2967,1
Новосибирская область	-16,5	161,0	54,7	3097,2
Карачаево-Черкесская республика	-16,5	-	-	1098,0
Дагестан	-15,4	49,9	32,7	874,6
Карелия	-15,2	115,2	54,8	2678,2
Томская область	-14,8	110,3	66,5	3185,8
Санкт-Петербург	-14,1	130,5	21,8	2542,5
Тува	-12,7	28,0	36,5	3237,2
Средний показатель	-16,1	94,7	45,9	2400,1

* В данной графе под лицами понимаются выявленные правонарушители.

Максимальное снижение преступности в 1984 году произошло в регионах с наиболее высокими темпами прироста преступлений, низким уровнем выявления правонарушителей, низкой раскрываемостью деяний и высоким уровнем преступности в расчете на население за предыдущее пятилетие. Это можно расценивать как некое "насыщение" преступностью данных регионов, при котором органы правоохраны, не справляясь с ее валом, вынуждены более активно "управлять" регистрацией преступлений. Данное предположение подтверждается косвенно тем, что половина регионов с наибольшими темпами снижения преступности в 1994 году числились в 1993 году в группе с наибольшими темпами прироста преступности. Руководители регионов учли критику скорее всего "по-

советски". Нельзя исключить также и снижение заявляемости со стороны населения, потерявшего веру в правоохранительные органы и усиление борьбы с преступностью.

Подобная практика связана также со структурными деформациями между регистрацией более опасных преступлений, предварительное следствие по которым обязательно (компетенция криминальной милиции), и менее опасных преступлений, предварительное следствие по которым необязательно (компетенция милиции общественной безопасности). В 1994 году было зарегистрировано 2 105 508 деяний первой группы, которые при раскрываемости в 51,9% сократились на 11,5% по сравнению с 1993 годом, и 527 200 — второй, которые при раскрываемости в 91,3% (?) возросли на 25,1%. Эта статистическая несообразность противоречит криминологическим закономерностям динамики и распределения преступлений.

Стихийно не может быть такого положения, чтобы опасные преступления, по которым проводится следствие, сокращались, а менее опасные, по которым следствие не обязательно, интенсивно росли. Причем первая группа деяний сокращалась странным образом: тяжкие и трудно скрываемые преступления, такие как умышленное убийство (+10,5), разбой при отягчающих обстоятельствах (+12,7) и др. росли, а остальные обвально сокращались. Криминальная милиция учитывает то, что в состоянии расследовать, а расследует то, от чего "уйти" нельзя; милиция общественной безопасности принимает к своему производству главным образом дела о преступлениях, совершенных в условиях очевидности. Такой подход резко повышает раскрываемость этих деяний, а значит, и общую раскрываемость по органам внутренних дел.

"Бумажное" сокращение учтенной преступности не может быть надежным и длительным. Чтобы оно было таковым при объективно растущей преступности, надо ежемесячно и ежегодно увеличивать долю сокрытия. В 1995 году регистрируемая преступность вырвалась из-под контроля и увеличилась на 4,7%. Причем до ноября прирост ее держался на уровне 5—6, а в декабре, т. е. перед отчетом за год, вдруг снизился до 4,7%.

"Ошибки" 1995 года были учтены в 1996 году, в течение которого осуществлялся плавный процесс "планового" снижения уровня учитываемой преступности. В течение всего года не было ни одного стихийного "выброса" преступности, хотя страна содрогалась от падения производства, сплошных неплатежей, "бегства" капиталов за рубеж, неуплаты налогов, невыплаты пенсий и зарплаты, забастовок, демонстраций и почти криминальной политической борьбы. Каждый новый месяц приносил "новые победы" МВД над преступностью. За январь—ноябрь темпы накопительного (т. е. за январь, январь—февраль, январь—март и т. д. с нарастающим итогом) прироста преступности изменялись следующим образом: +6,9; +3,2; -0,1; -0,8; -1,8; -3,1; -3,2; -4,1; -4,5; -4,4; -4,8, а за год — на 4,7%. По делам, следствие по которым обязательно

(криминальная милиция), преступность по учету снизилась еще больше — на 8,1%, а по делам, следствие по которым не обязательно (милиция общественной безопасности), наоборот, возросла на 6,2%. Раскрываемость по первой группе дел составила 60,8%, по второй — 96,9, а в целом — 70,1%. По кражам, мошенничеству и другим трудно раскрываемым делам милиция общественной безопасности достигла 100-процентной раскрываемости, что является бесспорным доказательством массовых должностных злоупотреблений. Генеральный прокурор Ю. Скуратов признает, что в России реально совершается примерно 10 млн. преступлений (против зарегистрированных в 1996 г. 2,6 млн.). Тем не менее при оценке “успехов” правоохранительных органов он исходит из формальных данных и с удовлетворением говорит о 70-процентной (?) раскрываемости преступлений (Российская газета. 1997. 18 февр.).

Таким образом, за последние три с половиной — четыре года, несмотря на углубляющийся в это время социально-экономический кризис, обнищание народа, рост инфляции и безработицы, при практически открытых границах, обременительной, особенно для МВД, войне в Чечне, очевидном преступном беспределе во всех сферах деятельности, криминализации всех общественных, экономических и даже политических отношений, устаревшем уголовном законодательстве, крупных организационных, кадровых, профессиональных, материально-технических и финансовых недостатках в самих правоохранительных органах темпы прироста учтенной преступности сократились к 1995—1997 годам более чем в 50 раз, с +35—45 до -6%. Наряду с этим “естественно” увеличивалась раскрываемость преступлений (с 46,9% в 1992 г. до 50,6% в 1993 г., 59,6 — в 1994 г., 59,6 — в 1995 г. и 70,1 — в 1996 г.).

Есть определенные основания полагать, что за анализируемые годы органы правоохраны вышли из коматозного состояния, в котором они находились в 1991 году, и активизировали свою деятельность. Несколько стабилизировалась и социально-экономическая ситуация в стране. Но нет никаких объективных доказательств, подтверждающих пятидесятикратное снижение темпов прироста преступности, увеличение раскрываемости фактически совершенных деяний и сколько-нибудь заметного улучшения контроля правоохранительными органами криминологической обстановки в стране. Анализируемые данные подтверждают крепнущее в обществе убеждение, что МВД и другие правоохранительные органы контролируют преступность в значительной мере лишь на бумаге, чем вводят население, общество и федеральные власти в опасное заблуждение. Аналогичные выводы напрашивались и при анализе преступности в странах постсоветского пространства, особенно в регионах Закавказья и Средней Азии.

2. Уровень и структура неучтенной преступности

В структуре скрытой преступности по механизму ее образования выделяется несколько частей:

— незаявленные преступления, когда потерпевшие, свидетели, должностные лица и другие граждане, осведомленные о совершенном преступлении, не сообщают об этом в правоохранительные органы;

— неучтенные преступления, когда правоохранительные органы, получившие заявление (сообщение) о совершенном преступлении, не регистрируют и не расследуют его;

— неустановленные преступления, когда правоохранительные органы были осведомлены о реально совершенном преступлении, осуществили его первичную регистрацию, формально принимали какие-то меры к его расследованию, но в силу недостаточного желания, слабой профессиональной подготовки или ошибочной уголовно-правовой квалификации не установили в содеянном событии или состава преступления и ререгистрировали его.

Масштабы скрытой преступности, как правило, в точности неизвестны. По некоторым международным оценкам, незаявленные преступления составляют около 60% и более от фактически совершенных. По определенным видам преступлений этот показатель колеблется в больших пределах. Считается, что чем серьезнее категория преступлений, тем ниже для нее коэффициент скрытности⁶.

Действительно, доля незаявленных тяжких преступлений может быть ниже, а малозначительных — выше. Однако эта зависимость не является абсолютной и бесспорной. Например, наиболее тяжким преступлением является умышленное убийство, и нередко утверждения, что это — самое низкокотентное деяние. Так ли это на самом деле? Умышленное убийство чаще всего продумывается до мельчайших деталей, включая сокрытие трупа и других следов преступления. Нет трупа, нет регистрации убийства, а есть только без вести пропавший человек. Заявление об этом не является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела об убийстве.

В России в 1993 году без вести пропали 83 956 человек. Это в 1,5 раза больше, чем в 1989 году. 20 035 не были найдены. Кроме того, 151 497 человек скрылись от следствия, дознания и суда, 48 005 из которых также не установлены. Всего же разыскивались 313 063 человека, из которых остались неразысканными 92 696 (29,6%). Одновременно в производстве правоохранительных органов в этом году находилось 31 844 дела по установлению личности по неопознанным трупам. Личность установлена по 5424 делам (17%), включая без вести пропавших 546 человек. 26 420 трупов остались неопознанными. В 1995 году число дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам составило 44 649, личность установлена по 13 343 делам (29,9%). По 1855 случаям возбуждены уголовные дела. 30 044 трупа остались неопознанными. За 1990—1995 годы число старых дел (переходящих от прошлых лет) возросло в 3,8, а число новых (открытых в текущем году) — в 7,7 раза.

Таблица 2

Количество дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
На начало года (из остатков прежних лет)						
Абс. пок.	5 979	6 627	7 807	10 088	14 102	22 764
%	100,0	110,8	130,6	168,7	235,8	380,7
Открытие новых дел в течение года						
Абс. пок.	2 837	3 229	5 261	10 718	17 742	21 885
%	100,0	113,8	185,4	377,7	625,2	771,4
Всего дел						
Абс. пок.	8 813	9 856	13 068	20 806	31 844	44 649
%	100,0	111,8	148,3	236,1	361,3	506,6

В это время росло и число обнаруженных трупов с неустановленной причиной смерти, особенно в Москве и Московской области⁷. Квалификация деяния при неопознанных трупах и при неустановленной причине смерти может быть затруднена. Поэтому они чаще всего не включаются в статистику преступлений вообще и умышленных убийств в частности. А сколько убитых среди без вести пропавших, трупы которых надежно спрятаны? Никто не знает. Следует также иметь в виду, что значительное число "умерших" не подвергается какому-либо патологоанатомическому исследованию и даже серьезному медицинскому осмотру. Акты о патологоанатомическом вскрытии или врачебные свидетельства о смерти умершего ныне легко покупаются без производства самого вскрытия. Более того, по данным Генеральной прокуратуры, только в Москве и только в мае 1994 года из бюро судебно-медицинских экспертиз было изъято оптом 4 тыс. актов о вскрытии тел, направленных туда правоохранительными органами, однако последние результатами вскрытия совсем не интересовались.

Есть и другие пути искажения сведений об умышленных убийствах. Как одно умышленное убийство, например, регистрируется убийство нескольких человек, квалифицированное по п. "з" ст. 102, тогда как в других странах (например, в США) регистрация убийства производится не по фактам, а по жертвам. Не включаются в число умышленных убийств посягательства на жизнь работника милиции (ст. 191²) и тяжкие телесные повреждения (ч. 2 ст. 108), повлекшие смерть потерпевших. Можно привести аналогичные аргументы и по другим тяжким преступлениям. Поэтому есть основания считать, что удельный вес незаявленных тяжких преступлений также высок.

Проведенное в 1991—1992 годы НИИ МВД РФ при содействии Межрегионального института ООН по проблемам преступности и правосудия (UNICRI) выборочное изучение латентности отдельных видов преступлений (нанесение телесных повреждений,

угроза или покушение на убийство, сексуальные инциденты, грабежи, разбой, различные виды краж, угоны автотранспорта) путем опроса граждан, специалистов и осужденных в шести областях Европейской части России показало, что в год, предшествующий опросу, они не сообщали об этих опасных преступлениях в 40% случаев⁸.

Сравнительные исследования незаявленных преступлений в ФРГ в 1975 и 1986 годы показали, что соотношение заявленных и незаявленных преступлений было 1:7 для простых краж и 1:6 для преступлений против личности. Опросом подписчиков журнала "Security" в США в 1987 году было установлено, что более 30% менеджеров корпораций не заявляют в полицию о кражах товаров и грузов, взяточничестве и мошенничестве; 40% — не заявляют о подделках кредитных карточек и страховых полисов; 50% — не заявляют о кражах, совершенных работниками фирм, о компьютерных преступлениях, о работниках, принимающих наркотики. Лишь 1% опрошенных сказали, что они заявляют о каждом нарушении в полицию⁹.

Неучтенные преступления. Соккрытие преступлений от учета правоохранительными органами наличествует во многих странах, но в силу определенных причин оно было широко распространено в СССР, а ныне в России.

Некоторым ориентиром в этом отношении может быть разница между количеством поступивших в правоохранительные органы заявлений и сообщений о совершенных преступлениях и числом зарегистрированных деяний. В 1992 году в органы правоохраны поступило 36 17 250 заявлений и сообщений о преступлениях. По ним было зарегистрировано 2 760 652 деяния. По 856 598 только учтенным заявлениям и сообщениям (23,7%) отказано в возбуждении уголовного дела и регистрации преступлений. В 1995 году это число составило до 971 991, или 26,1% от всех поступивших и учтенных заявлений и сообщений. Значительное число отказов, следует полагать, было обоснованным. Но эти предположения нельзя распространять на все отказные материалы. Кроме того, большое число заявлений и сообщений вообще не принималось во внимание, что, естественно, не нашло никакого отражения не только в учете преступлений, но и в учете заявлений и сообщений.

Опрошенные при упомянутом выше изучении граждане показали, что каждое пятое-шестое сообщение о преступлении осталось без какого-либо реагирования. Конечно, не все сообщения содержали реальные признаки какого-то преступления. Но результаты опроса самих работников органов внутренних дел показали, что более чем десятая часть сообщений никак не учитывается. По отдельным преступлениям эта доля многократно выше. Число случаев официального установления укрывательства преступлений работниками внутренних дел невелико. В 1993 году их было 488, или 0,02% от общего числа зарегистрированных преступлений. Прокуроры вскрывают больше.

Таблица 3

Результаты прокурорского надзора за законностью следствия и дознания в органах внутренних дел (1991—1994 гг.)

	1991	1992	1993	1994
Выявлено и поставлено на учет ранее неучтенных преступлений	36 362	38 638	40 422	45 357
По направленным в суд делам привлечено к уголовной ответственности работников МВД	504	742	974	1 444
Отменено постановлений о прекращении уголовных дел	35 956	33 456	40 141	41 533
Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел с одновременным их возбуждением	31 009	32 735	34 412	36 538

Изучение отказных материалов показало, что по каждому четвертому материалу отказ был недостаточно обоснован, не установлен виновный (что дает возможность на бумаге повышать раскрываемость), не выяснены в полном объеме необходимые обстоятельства. Это коррелирует и с результатами рассмотрения жалоб граждан. Каждая третья жалоба, проверенная МВД России, в которой сообщалось о сокрытии милицией преступлений, подтверждается. Общий уровень скрываемых органами правоохраны преступлений от регистраций находится в пределах 30% от заявленных деяний. По отдельным видам преступлений эти показатели колеблются в широких пределах¹⁰.

Укрываемая часть латентных преступлений хотя и не является доминирующей, но должна оцениваться наиболее опасной манипуляцией, так как совершается из карьеристских, корыстных и иных лжеслужебных мотиваций и серьезным образом подрывает доверие граждан к правоохранительным органам и государству в целом. Минимизация этой части латентной преступности будет способствовать и уменьшению незаявленной ее части.

Уровень зарегистрированных, но **неустановленных преступлений** по вине дознавателей и следователей колеблется в пределах 1—5% от числа зарегистрированных деяний. Они растворены в отказных материалах, в прекращенных уголовных делах за отсутствием события или состава преступления и даже в делах с оправдательными приговорами. С уголовно-правовой точки зрения эта часть латентной преступности в значительной мере является формально законной. С сущностной криминологической же точки зрения реально совершенные, но не доказанные деяния не перестают быть латентными преступлениями.

Неполнота государственной статистики о регистрируемой преступности обусловлена также **разобщенностью криминологических показателей**, собираемых различными ведомствами, которые обладают правом возбуждения уголовных дел, ведения дознания и следствия. В настоящее время более или менее полные сведения в едином статистическом массиве собираются милицией и прокура-

турой, включая в определенной мере спецмилицию и спецпрокуратуру. Отдельно учитываются преступления военными прокуратурами, а это около 30—40 тыс. преступлений. Никогда не представляли сведений в общую статистику КГБ, МБ, ФСК и ныне ФСБ. Неполные данные о регистрируемой преступности представляют в ГИЦ МВД налоговая полиция и таможенная служба.

Есть и другие причины существенной неполноты сведений о регистрируемой преступности. Четыре года, например, не представляла данных о преступности Чечня, где только регистрировалось до 10 тыс. преступлений, а совершалось многократно больше. В общую статистику преступности не попадают преступления по делам частного обвинения, возбуждаемые судами.

По некоторым небезосновательным подсчетам, латентность различных преступлений является чрезвычайно высокой. Если принять зарегистрированные деяния по видам за единицу, то латентность по убийствам может составить 2, изнасилованиям — 6, тяжким телесным повреждениям — 4,9, хулиганству — 27,9, разбойным нападениям — 33,8, грабежам — 57,7, кражам личной собственности — 151,7, кражам государственной собственности — 73,2, мошенничеству — 65,6, обману покупателей — 1625, должностным хищениям государственного имущества — 925,8, взяточничеству — 2935, вымогательству — 17 500¹¹.

Таким образом, нынешнее состояние государственной статистики о зарегистрированной преступности нельзя признать удовлетворительным¹². Народ, общество, государство не знают действительной криминологической обстановки в стране и в связи с этим не могут принять адекватных мер по контролю над ней. А выборочная (по усмотрению милиции) уголовная ответственность может быть не только разрушительной для права, но и общественно опасной. “Лотерейная” ответственность — неконституционна (все равны перед законом и судом) и несправедлива. Приведу трагический пример. Безногий калека, загнанный в угол жизнью, среди множества торговцев с рук в неустановленном месте был задержан один, так как не мог, как другие, быстро “свернуться” перед приходом милицейского наряда. Он был задержан, административно осужден к штрафу и конфискации товара (всего своего богатства). Он оценил это как крах, выход из которого он нашел страшный — убил судью (Известия. 1996. 20 сент.). В статье справедливо говорится: “Иванков убивал не Одыгу Лаврентьеву. Нож предназначался закону, который в глазах убийцы олицетворял судью...”

Установление ответственности за социально обусловленные (в данном случае большой нуждой) массовые формы нежелательного поведения, когда привлечь всех виновных не представляется возможным, фактически разрушает законность и расширяет дискреционные возможности милиции, которая, “убегая” от опасных и трудных дел, компенсирует свою беспомощность на задержании мелких, очевидных и беззащитных нарушителей.

3. Практическая потребность в объективных криминологических показателях

Негативное влияние растущей преступности на решение социальных, экономических и даже политических задач страны, на проведение рыночных реформ и демократизацию в обществе выдвигает проблему борьбы с преступностью на одно из первых мест. При этом, однако, следует иметь в виду, что преступность как социальное явление вторично и производно от целостного состояния общества.

Эффективность контроля над преступностью зависит от реалистичности предпринимаемых усилий. А это возможно на основе объективного знания фактического состояния преступности и реальных достижений правоохранительных органов.

Совокупность постоянно отслеживаемых реалистических показателей о состоянии преступности и борьбе с ней должна составить минимально необходимую фактическую базу для решения двух групп задач.

Первая группа:

— реальная оценка криминологической обстановки, текущей, годовой, многолетней, и причиняемого преступностью физического, морального и материального ущерба людям, обществу, государству;

— определение основных тенденций преступности и ее различных видов;

— установление взаимосвязей между криминологическими показателями и сведениями о социальных, экономических, демографических, политических, правовых процессах в стране;

— составление многовариантных краткосрочных и долгосрочных прогнозов преступности и возможных результатов борьбы с ней;

— оптимизация расчета сил, средств и бюджета, необходимых для удержания прогнозируемой преступности на социально терпимом уровне.

Вторая группа:

— реальная оценка деятельности правоохранительных органов;

— определение и корректировка главных направлений правоохранительной деятельности;

— разработка и уточнение федеральных и региональных программ борьбы с преступностью и ее отдельными видами;

— планирование правотворческой деятельности по совершенствованию законодательства, на основе которого осуществляются контроль над преступностью, борьба с ней и ее предупреждение.

4. Обстоятельства, способствующие искажению криминологических показателей

Неполнота, искажение и даже фальсификация криминологических показателей в России не случайны. Они обусловлены взаимосвязанным комплексом серьезных объективных и субъективных причин, условий и предпосылок: исторических, идеологических (по-

литических), организационных, кадровых, материальных, психологических и технических.

Исторические предпосылки связаны в первую очередь с традиционным приспособлением уровня регистрируемых преступлений к ложно понятым интересам правоохранительных органов, а не к задачам реального контроля общества и государства над преступностью. Разумеется, эти важные задачи тоже ставились и хорошо или плохо реализовывались, но при их оценке на первый план, как правило, выходили не реальный контроль над преступностью, а показатели о достижениях правоохранительных органов по "снижению" преступности. Приобретая самодовлеющий характер, эти показатели определенным образом "руководили" деятельностью всей системы уголовной юстиции сверху донизу и снизу доверху.

Такая порочная практика утвердилась во времена, когда преступность на высоком партийном и государственном уровнях понималась лишь как временное пережиточное явление, не имеющее под собой в социалистическом обществе социальной базы и закономерно "отмирающее" по мере движения к светлому будущему. При таком подходе на правоохранительные органы прямо или косвенно взваливалась задача по постепенному "искоренению" преступности. Не имея объективной возможности реальной ликвидации преступности, особенно в условиях постепенной либерализации режима в постсталинский период, они приучились всеми возможными способами приукрашивать криминологическую реальность, показывая себя в формируемых ими же сведениях в как можно лучшем свете. Нельзя сказать, что с этим не боролись. Анализ приказов по МВД СССР за много лет показал, что издавалось множество приказов (некоторые из них приводились в сноске 44а к главе 2) о наказании работников, нередко высокопоставленных, за выявленные злоупотребления, нерегистрацию преступлений, отказ в возбуждении уголовных дел, их незаконное прекращение и т. д. Но от этой предпосылки мы до сих пор не избавились.

Исторические "гири" тесно связаны с идеологическими (политическими) предпосылками, до сих пор подкрепляемыми субъективистскими требованиями высоких должностных лиц о снижении преступности, не обеспеченными объективными условиями и возможностями правоохранительных органов.

Ныне очевидно, что преступность — неотъемлемая часть социальной жизни и деятельности. Она не связана с "измами", хотя и неодинакова в различных странах и существующих в них режимах. Относительно низкие регистрируемые уровни преступности отмечаются в странах с полицейским тотальным контролем за повседневной жизнью, деятельностью и поведением людей, т. е. когда с преступностью борются ее же методами. Политическая, экономическая и личная свобода в демократических странах, обеспечивая достойную жизнь и саморазвитие народа, успешно используется и преступниками.

Демократический контроль над преступностью не сводится к ужесточению деятельности правоохранительных органов. Он на-

много сложнее, многообразнее и экономически дороже. Развитое общество имеет возможность определенным образом защищаться от преступников, а там, где государство не справляется со своими обязанностями, оно, как правило, компенсирует причиняемый преступностью вред. В России разрушен тотальный контроль над отклоняющимся поведением, но не создано широкого, жесткого, демократического контроля над преступностью. Его формирование идет намного медленнее, чем криминализируется общество. Политические же призывы мало изменились.

Организационные причины неполноты и искаженности уголовного учета в основном обусловлены ведомственной статистической разобщенностью органов прокуратуры, внутренних дел, безопасности, налоговой полиции, таможенного комитета, военной юстиции и др. Большинство из названных служб являются самостоятельными ведомствами, претендующими на собственный автономный и своеобразный учет преступлений. Особое место в этой системе занимает суд. В действующей инструкции о едином учете преступлений прямо сказано, что преступления, дела о которых возбуждаются судом в порядке частного обвинения, учитываются только судами. ФСБ, военная прокуратура, отчасти налоговая полиция и таможенный комитет также не представляют полных сведений в ГИЦ МВД, где практически концентрируется криминальный учет.

Генеральная прокуратура, на которую ранее возлагалась координирующая функция не только в борьбе с преступностью, но и по ее учету, после принятия Верховным Советом РСФСР Закона о прокуратуре РФ в январе 1992 года выполняла ее лишь номинально, поскольку не имела для этого необходимой правовой базы. Кому-то эта координирующая функция мешала, что привело к разрушению более или менее отлаженной системы прокурорского надзора. Новая редакция закона о прокуратуре, который (под давлением реалий) не только восстановил, но и расширил ее координирующую функцию, была принята только в ноябре 1995 года.

Кадровые причины связаны с физической и профессиональной невозможностью переработать реальный уровень уголовных дел. Кадровая ситуация в органах внутренних дел, на плечах которых лежит основная работа по борьбе с преступностью и другими правонарушениями, остается наиболее напряженной. Увеличивающиеся "ножницы" между нарастающим профессионализмом и организованностью преступного мира, с одной стороны, и недостаточным уровнем подготовки, опыта и неуккомплектованностью противостоящих ему органов внутренних дел — с другой, существенным образом сдерживают выход из критической криминальной ситуации, что прямо и непосредственно отражается на учете преступлений. Даже в московском ГУВД 64% следователей являются студентами-заочниками.

В 1993 году на службу в МВД было принято 224,5 тыс. новых сотрудников. Неуккомплектованными остались 78,2 тыс. должностей рядового и начальствующего состава. В погоне за снижением некомплекта на службу принимается значительное число лиц, не

отвечающих предъявляемым требованиям. В том же году по отрицательным мотивам уволена треть всех работников, оставивших службу, а в некоторых краях, областях и республиках — более половины. Не приостановлен отток квалифицированных кадров из ведущих служб в коммерческие и иные структуры. В 1993 году за нарушение законности привлечено к ответственности 4,3 тыс. (5,8%) сотрудников. Более трети из них наказано за укрытие преступлений от учета, фальсификацию доказательств, необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, а более 500 оперативных работников — за сотрудничество с преступными группировками. Самими работниками внутренних дел совершено 2,2 тыс. преступных посягательств. Число тяжких преступлений среди них возросло. Регистрируемые тенденции в последние годы усилились. В 1995 году 611 сотрудников органов внутренних дел были преданы суду по обвинению в коррупции. МВД РФ вынуждено было создать управление собственной безопасности, одна из задач которого — выявление фактов злоупотреблений среди сотрудников¹³.

Аналогичные недостатки существуют и в других правоохранительных органах. Растущий поток реально совершаемых преступлений, заявлений и сообщений о них и недостаток кадров органов правоохраны, их высокая перегруженность работой, низкая квалификация и противоправное поведение значительной части сотрудников объективно определяют “уход” правоохранительных органов от регистрации менее опасных деяний, от возбуждения трудно раскрываемых или иных “невыгодных” и трудоемких дел.

Материальные причины связаны с недостаточным финансированием и слабой материально-технической базой правоохранительных органов. Хотя в этом деле есть и определенные сдвиги. В 1993 году только МВД на эти цели выделено 174,6 млрд. рублей против 14,5 млрд. в 1992 году (при росте цен в среднем в 10 раз). С учетом увеличения норм положенности уровень обеспеченности легковым автотранспортом в органах внутренних дел составляет лишь 47,7%, автомобилями оперативно-служебного назначения — 44,9, передвижными криминалистическими лабораториями — 21,5, радиостанциями — 78%. Подразделения по организованной преступности оснащены транспортными средствами менее чем наполовину, вычислительной, видео-, кино- и фототехникой — на 40%. Между тем преступные сообщества, не испытывающие затруднений в средствах, пополняют свои арсеналы самым современным оружием и средствами личной безопасности, приборами электронного наблюдения и контроля связи, лучшими образцами транспорта импортного производства¹⁴.

Таким образом, растущая и профессионализирующаяся преступность и жесткие субъективистские требования властей по ее снижению, накладываясь на ограниченные возможности МВД и других правоохранительных органов и их разобщенность в регистрации преступлений, определяют неполный, искаженный и “управляемый” учет преступлений.

Социально-психологические и психологические причины неполного учета преступлений связаны в основном с общественным и личным недоверием населения вообще и пострадавших от преступлений в частности к органам правоохраны. Это недоверие обусловлено различными мотивами и мотивировками: неверием в способности правоохранительных органов, нежеланием связываться с ними (затаскают), опасением мести преступников, нежеланием огласки факта, компромиссом с преступником, незнанием, что является жертвой преступления, и др. Эти причины глубоко изучены в мировой литературе¹⁵.

Технические причины обусловлены почти ежегодной сменой форм учета и отчетности, что не дает возможности получать надежные и сопоставимые статистические ряды по многим важным параметрам. В значительной мере это связано с постоянно меняющимся уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, другими нормативными актами и организационными преобразованиями. Но нельзя исключить и конъюнктурные изменения учета и отчетности по вполне определенным целям.

Вступление в силу нового УК с января 1997 года, который существенно отличается от УК 1960 года, нарушит статистическую сопоставимость. Надо будет искать пути объективного соотношения "старых" и "новых" тенденций преступности.

5. Способы объективизации показателей преступности

Первой группой общих и, можно сказать, радикальных мер объективизации показателей преступности является устранение причин, условий и предпосылок, которые реально определяют неполноту, искажение и фальсификацию уголовного учета. На этом пути много трудностей. Но реальными целями могут быть следующие.

1. Последовательно избавляться от исторического и идеологического (политического) наследия статистических фальсификаций. Необходимо, во-первых, воздерживаться от прямого или косвенного вовлечения правоохранительных органов в политическую борьбу, оградив их от необходимости "демонстрировать" свою политическую лояльность, и предоставить им в жестких рамках действующего законодательства полные права в борьбе с преступлениями, кем бы они ни совершались; во-вторых, не на словах, а на деле осознать социальную предопределенность преступных проявлений, которая не только имеет объективную основу, но и формируется криминологически не просчитанными и не подконтрольными правоохранительным органам действиями законодательных, исполнительных и судебных властей; в-третьих, предъявлять органам правоохраны жесткие, но реалистические требования, обеспеченные правовыми, организационными, кадровыми, финансовыми и материально-техническими возможностями.

2. Преодолевать организационно ведомственную разобщенность по учету преступлений, осуществляемому различными органами,

которые обязаны при наличии соответствующих оснований регистрировать заявления (сообщения) о преступлениях, возбуждать уголовные дела, проводить дознание и предварительное следствие. Учет должен быть единым, сопоставимым, открытым и формируемым в одном учетном учреждении.

3. По возможности уменьшать "ножницы" между реально растущей преступностью и объективно отстающим социально-правовым контролем над ней, его правовыми, кадровыми, профессиональными, финансовыми и материально-техническими возможностями. Только на этом пути возможно достижение более или менее оптимальной нагрузки правоохранительных органов. Ныне же они работают на износ в опасных для жизни и здоровья условиях. "Уход" от регистрации преступлений с их стороны в значительной мере является средством выживания, так как на них возлагаются и выявление, и регистрация, и расследование, и раскрытие преступлений, а также ответственность за их рост, который им мало подконтролен.

4. Следующая совокупность причин, элиминация которых может заметно снизить незаявленную часть латентной преступности, это повышение доверия населения к органам правоохраны. Естественно, что это в первую очередь связано с минимизацией предыдущих причин, с улучшением работы милиции, прокуратуры и всего уголовного правосудия. В то же время относительно оперативным и менее затратным средством является достижение хотя бы регистрационного реагирования на заявления и сообщения граждан о преступлениях. Это существенно снизит документальную раскрываемость преступлений, что нежелательно для органов правоохраны, хотя по существу раскрываемость не изменится. Серьезную помощь в повышении доверия населения к правоохранительным органам могут оказать средства массовой информации, с которыми милиция, прокуратуре и другим правоохранительным органам желательно сотрудничать не только по сенсационным уголовным делам, раздуваемые сведения о которых лишь повышают страх населения перед преступностью.

Вторая группа способов объективизации показателей о преступности связана с содержательным, организационным и техническим совершенствованием единого учета преступлений и разработки единой и объединенной отчетности по всем органам правоохраны.

Система единого учета преступлений и лиц, их совершивших, существует с 1961 года и основывается на регистрации преступлений по месту возбуждения уголовного дела и лиц, совершивших преступления, по моменту утверждения прокурором обвинительного заключения при последующей корректировке этих данных в пределах отчетного года в зависимости от результатов расследования и судебного рассмотрения дела.

Инструкция о едином учете преступлений, утвержденная Генеральным прокурором СССР в 1961 году, неоднократно изменялась и дополнялась. 4 декабря 1994 г. было принято ее 3-е издание. По ныне действующей инструкции правила единого учета распространяются не только на прокуратуру и органы внутренних дел,

как было во 2-й редакции, но и на налоговую полицию и таможенную службу. За пределами ее остаются ФСБ и военная прокуратура. Но и они в своем ведомственном учете должны руководствоваться ее принципами.

Учет преступлений, лиц, их совершивших, и жертв (потерпевших) преступных посягательств должен быть оптимизирован и соотнесен с государственной статистикой. Ныне действующая отчетность является чрезвычайно раздутой, смещенной к формальным показателям и далеко не всегда сопоставимой с другими блоками социальной статистики. При разработке новой системы учета и отчетности в связи с принятием нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства необходимо добиваться главного объективного отражения криминологических реалий. В этих же целях при анализе преступности следует использовать вторичные комплексные группировки и обобщающие показатели, полученные расчетным путем.

Существуют, например, более или менее устойчивые структурные распределения удельных весов различных видов преступлений, насильственных, корыстных, тяжких и т. д. Если резко меняются удельные веса насильственных или иных преступлений, то эти структурные сдвиги требуют специального анализа, так как могут свидетельствовать об искажении учета. Например, не может быть такого положения, когда более опасные и открытые преступления, как грабеж или разбой, были предпочтительнее для преступников, чем тайные кражи, которые практически не раскрываются. Однако первые растут, а вторые сокращаются. Реально же растут все преступления, кражи даже интенсивнее, так как "безопаснее", но в силу именно невысокой раскрываемости их регистрация невыгодна.

Третьей группой способов объективизации показателей преступности является применение социологических методов установления и отслеживания уровня и тенденций латентной (незаявленной и скрытой) преступности и ее отдельных видов. Одним из них, используемым во многих странах, является систематический (один-два раза в год) опрос граждан о совершенных против них и их близких преступлениях, о заявлении или незаявлении об этом в правоохранительные органы, о реагировании последних на сообщение о преступлении и т. д. В США, например, с 1972 года дважды в год выборочно опрашивают граждан и семьи по аналогичным вопросам. Аналитики приходят к выводу, что фактическая преступность на 50—75% выше зарегистрированной¹⁶. Подобные опросы проводятся в Австралии, Канаде, Великобритании, Ирландии, Израиле, Нидерландах, Швеции и других странах. Дважды такие исследования проводились Межрегиональным институтом ООН (UNICRI) в международном масштабе¹⁷. В нашей стране такое изучение, о котором говорилось выше, проводилось лишь один раз.

Опросы граждан могут дополняться мнениями специалистов, работников правоохранительных органов, осужденных. Опрос осужденных профессиональных воров, например, показал, что они отбывают наказание, как правило, за одну — три последние кражи, которые были раскрыты, тогда как, находясь на свободе по несколько лет,

они совершали по 20—25 краж в месяц¹⁸. По данным НИИ МВД России, потерпевший обнаруживает карманника в 5 случаях из 100. По установлению уровня скрытых насильственных преступлений, например, могут быть использованы сведения о без вести пропавших, неопознанных трупах, самоубийствах, патологоанатомических исследованиях умерших, лечившихся по поводу травм, отравлений и т. д.¹⁹

Изучать латентную преступность во всей полноте трудно, дорого и вряд ли целесообразно. Особое внимание должно обращать на скрытые преступления против жизни, здоровья, прав, чести, достоинства и имущества граждан, которые непосредственно затрагивают интересы всего населения, сказываются на доверии к властям, формируют страх граждан перед преступностью. Латентность этих преступлений должна отслеживаться регулярно и доводиться до общественного мнения.

Россия переживает переходный период. Изживаются некоторые формы преступлений и появляются новые виды общественно опасного, но не криминализованного поведения. По мере созревания общественного и правового мнения, по мере осознания новых общественно опасных деяний законодателями в действующие законы иногда с большим опозданием вносятся соответствующие изменения и дополнения, а иногда и нет. Этот процесс до сих пор не упорядочен, стихийен и фрагментарен. Жизнь требует системного мониторинга новых общественно опасных, но не криминализованных действий, анализа и прогноза их и их причин, изучения вопросов возможной борьбы с ними. Отсутствие системного мониторинга и криминологического анализа таких явлений затрудняет процесс своевременного на них реагирования.

6. Способы объективизации показателей о контроле над преступностью

Правоохранительные органы собирают огромное количество информации о своей деятельности, которая не всегда бывает востребованной. В большинстве своем она расширяется в узковедомственных интересах. Широкого общественного внимания заслуживают показатели об установлении фактов совершения преступлений, раскрываемости учтенных деяний, законности деятельности системы уголовной юстиции, демократичности ее функционирования, зависимости бюджета (штатов) правоохранительных органов от их реальной нагрузки.

Показатели об установлении фактов совершения преступлений изначальны. От их неточности и неполноты искажаются и все другие сведения о преступности и контроле над ней. Главной мерой установления этих фактов являются нормы УК и УПК. Но они, как известно, общи, а жизнь конкретна, где много оценочных категорий. Различные аспекты квалификационных оценок устанавливаемых фактов — процесс творческий, значительная часть которого находится в сфере дискреционных полномочий и ведомственных указаний. В Вооруженных Силах, например, во всех слу-

чаях самоубийства возбуждается уголовное дело, изучаются причины самоубийства и другие важные обстоятельства. Это не означает, что там в этом вопросе всегда торжествует истина. Но в гражданских условиях уголовные дела по "очевидным" случаям самоубийства вообще не возбуждаются, хотя есть ст. 107 УК о доведении до самоубийства, и существует давняя практика обставлять убийства под самоубийства. Таких форм дискреционного оценочного поведения и ведомственных особенностей очень много.

Показатели о **раскрываемости преступлений** являются самыми болезненными для российских правоохранительных органов. В советское время официальная раскрываемость преступлений у нас достигала 95—98%. Это было очевидной фальсификацией. В настоящее время она колеблется около 60% (по отдельным регионам до 80% и более), что вызывает не меньше сомнений. Как уже говорилось, в США при их профессиональной, мобильной и технически оснащенной полиции раскрываемость только восьми видов серьезных преступлений не превышала за последние 30 лет 21—22%, а краж — вдвое ниже. В Англии этот показатель колеблется в пределах 32—40%, в Германии — 45—46, в Японии — около 60%. Российские условия несопоставимы с правовыми и организационными обстоятельствами названных стран. Рост раскрываемости в нашей стране в последние годы обусловлен увеличением скрытой преступности.

Понятие раскрываемости существенно и, видимо, не без умысла неоднократно менялось. До 1988 года нераскрытым считалось преступление, дело о котором приостановлено за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а процент нераскрытых деяний исчислялся к общему числу расследованных преступлений. С 1988 года к числу нераскрытых стали относить преступления, дела о которых приостановлены за нерозыском лица, а процент нераскрытых деяний рассчитывался по отношению к числу расследованных преступлений, совершенных в условиях неочевидности, т. е. когда в момент возбуждения уголовного дела было неизвестно лицо, его совершившее. Процент раскрываемости, естественно, резко упал, с чем не могли согласиться органы внутренних дел. В настоящее время от этого отказались.

Раскрываемость ныне рассматривается как отношение всех раскрытых преступлений ко всем расследуемым. Этот показатель тоже необъективен. В 1995 году, например, было зарегистрировано 2 755 669 преступлений, тогда как количество преступлений, дела и материалы по которым находились в производстве в связи с остатком от прошлого года, составило 3 130 749. Таким образом, и в число раскрытых преступлений, и в число расследуемых входят дела прошлых лет. Более объективным показателем является отношение числа раскрытых (этот термин требует четкой правовой оценки на основе этапов уголовного процесса) преступлений к числу зарегистрированных деяний в одном и том же году, поскольку именно год считается законченным отчетным периодом. И это является мировой практикой²⁰. Раскрытые дела прошлых лет можно учитывать отдельно.

Вопрос о законности деятельности правоохранительных органов на практике трактуется очень широко — от нарушений законодательства их сотрудниками в процессе уголовного судопроизводства до совершения ими преступлений, не связанных со служебной деятельностью. Эти данные собираются по всем органам, но их нет в обобщенном виде. Они разрозненны и несопоставимы. В плане рассматриваемого вопроса особое значение имеют сведения о таких нарушениях, как непринятие заявления (сообщения) о преступлении, сокрытие преступления от учета, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, необоснованное прекращение уголовного дела за отсутствием события или состава преступления, незаконное привлечение невиновного к уголовной ответственности, фальсификация доказательств виновности или невиновности.

Сведения о демократичности (репрессивности) функционирования системы уголовной юстиции в нашей стране практически не собираются. Одним из таких показателей, используемых в обзорах ООН, является коэффициент убывания (фильтрации виновных через систему уголовной юстиции). Он раскрывает в комплексном виде процесс убывания числа лиц (в расчете на 100 тыс. населения) по этапам уголовного процесса от подозреваемого до заключенного²¹. Чем больше коэффициент убывания, тем демократичнее система уголовной юстиции, тем шире она применяет альтернативные лишению свободы меры уголовного наказания. Данный показатель в российской криминальной статистике не употребляется, и этому есть свои причины. Расчет его показывает, что демократичность нашего правосудия по этому параметру является невысокой.

И последний показатель деятельности правоохранительных органов, который бы следовало ввести в официальную статистику: **уровень оптимальной нагрузки на одного оперативного работника**, превышение которой влечет увеличение бюджета и штатной численности сотрудников. В настоящее время в целях показа проделанной работы реальная средняя нагрузка на одного работника иногда подсчитывается. Однако это редко и медленно отражается на бюджете и штатной численности органа. Установление такого показателя может серьезно стимулировать работу правоохранительных органов и способствовать объективизации криминологических сведений. Такая практика есть во многих странах. Правда, этим стимулируется другая крайность — приписки. Однако данный недостаток менее опасен, чем укрывательство преступлений, тем более что он подконтролен суду.

Таким образом, одной из негативных тенденций мировой и особенно отечественной преступности являются устойчивые и даже растущие неполнота и ненадежность криминологических показателей. Объективизация криминологических показателей является первым шагом к реалистической борьбе с преступностью. Попытка привлечь внимание правоохранительных органов²² к этой острой проблеме, с которой начинается борьба с преступностью, не находит какого-либо отклика у них и тем более реальных действий по объективизации криминологических показателей.

¹ Criminal Justice Systems in Europe and North America. HEUNI, Helsinki, 1990. P. 44—54; Crime and Criminal Justice in Europe and North America. HEUNI, Helsinki, 1995. P. 16—22; Crime and Justice in Asia and the Pacific. UNAFEL. Tokio — Canberra, 1990. P. 23—33; Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 112—146 (пер. с нем.); Шур Эдвин М. Наше преступное общество (пер. с англ.). М., 1997. С. 42—47.

² Проблема преступности. Сборник второй. Киев. 1924. С. 127.

^{2a} Майо-Смит Р. Статистика и социология. СПб., 1900. С. 301.

³ Шнайдер Ганс Йоахим. Указ. соч. С. 111.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Лунеев В. В. "Политическая преступность" // Государство и право. 1994. № 7.

⁶ Understanding Crime xperiences of Crime and Crime Control. Acts of the International Conferece. Rome, 18—20 Nov. 1992. UNICRI. Publication No 49. Rome, Aug. 1993. P 1—77; Звеквич У. Сравнение с обзорами виктимизации в странах Восточной и Центральной Европы // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. Сборник материалов международного семинара. М., 1993. С. 57.

⁷ Изменения преступности в России. М., 1994. С. 67.

⁸ Горяинов К. К. Латентная преступность: результаты исследования и меры борьбы // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. Сборник материалов международного семинара. С. 24.

⁹ Criminal Justice Systems in Europe and North America. HEUNI, 1990. P. 44—45.

¹⁰ Горяинов К. К. Указ. соч. С. 24. См. также: Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.

¹¹ Конев А. А. Преступность в России и ее реальное состояние. Н. Новгород, 1993. С. 235.

¹² Лунеев В. В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 89—102.

¹³ Война на два фронта. Милиции приходится бороться с преступниками и предателями. Интервью министра внутренних дел А. С. Куликова // Российская газета. 1995. 10 нояб.; Гончаров С. Тайная инспекция — против коррупции // Российская газета. 1995. 15 дек.

¹⁴ Сведения о кадровых и материальных проблемах в органах внутренних дел взяты из обзора "Состояние правопорядка в России и результаты работы органов внутренних дел в 1993 году". М., МВД РФ, 1994. С. 32—35.

¹⁵ Criminal Justice Systems in Europe and Nort America. HEUNI, Helsinki, 1990. P. 31—94.

¹⁶ Block C. R. and Block R. L. Crime Definition, Crime Measurement, and Victim Surveys // Journal of Social Issues. New York, 1984. Vol. 40. No 1. P. 137—160; Criminal Victimization in the United States, 1992. U. S. Departament of Jstice. Washington, DC, 1994.

¹⁷ Understanding Crime Experiences of Crime and Crime Control. UNICRI, Rome, 1993; Criminal Victimization in the Developing World. UNICRI, Rome, 1995.

¹⁸ Конев А. А. Указ. соч. С. 206.

¹⁹ В 70—80-е годы, в период разгула “дедовщины” в Вооруженных Силах (а она разрослась в первую очередь за счет ее укрывательства командованием), хирургические отделения военных госпиталей были переполнены солдатами и сержантами с переломами челюстей, ребер, разрывами печени и селезенки, другими травмами. Командование, как правило, скрывало преступное происхождение этих повреждений, а сами потерпевшие, боясь расправы и со стороны преступников, и со стороны командиров, объясняли причинение повреждений случайными падениями и другими бытовыми причинами. Предложения об изучении травмированных в госпиталях не получило тогда поддержки Министерства обороны и Главного политического управления.

²⁰ См., например: Uniform Crime Reporting Handbook. Washington, D. S., 1984. P. 41—44, 86.

²¹ Тенденции в области преступности и функционирование уголовного правосудия на региональном и межрегиональном уровнях. ООН, Нью-Йорк, 1993. С. 18; Trends in Crime and Criminal Justice, 1970—1985 // The Context of Socio-Economic Change. United Nations, New York, 1992. P. 25—66.

²² Лунев В. В. Объективизация криминологических показателей в системе контроля над преступностью // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. М., ИГПРАН, 1996; он же: Калькулятор для правоохранителей — предмет первой необходимости // Общая газета. 1996. 14—20 марта.

Глава 5

Взаимосвязи преступлений и иных правонарушений

1. Преступления и правонарушения

Два первых и, как оказалось, последних статистических сборника о криминологической обстановке в СССР за 1989 и 1990 годы, в подготовке которых пришлось участвовать автору, и последующие сборники по России называются “Преступность и правонарушения”. Название это родилось в ЦК КПСС в 1988 году при принятии окончательного решения об открытии и опубликовании данных о преступности и иных правонарушениях. В других странах эти противоправные посягательства, как правило, не объединяются, если сами уголовные деяния не делятся на преступления, правонарушения и проступки. Например, во французском уголовном законодательстве 1810 и 1992 годов прямо предусматриваются преступления, проступки и нарушения, а в четвертой части УК штата Нью-Йорк определены административные взыскания.

В законодательстве СССР, ныне в России и других странах, образованных на его территории, ответственность за совершение преступлений и иных правонарушений в одном правовом акте (кроме некоторых изменений и дополнений к законам, регулирующим ту или иную сферу) никогда не устанавливалась. В последние годы появилось несколько проектов законов прямого действия (о борьбе

с организованной преступностью, коррупцией, отмыванием грязных денег), в которых предусматриваются составы преступлений и правонарушений. Сторонники тотальной кодификации их не поддерживают, и законы пока не приняты.

Традиционно наряду с уголовными кодексами республик существовало множество нормативных актов (нередко закрытых) об административных правонарушениях, которые в 80-е годы были объединены в республиканских кодексах (КоАП). Однако, при всей их объемности, и они не охватывали все юридически закрепленные виды правонарушений. Поэтому и после кодификации многие административные правонарушения предусматриваются в отдельных актах.

В СССР, в России и других постсоветских странах не было и нет единой статистики всех видов административных правонарушений, хотя попытки выйти на всю сферу моральной статистики предпринимались еще в 20-е годы¹. Но в последующие годы не было даже единого учета административных правонарушений. Он был закрытым и существовал в некоторых ведомствах и на местах. Наиболее налаженная регистрация административных правонарушений была в ГАИ, пожарном надзоре и других подразделениях МВД. Общее число ведомств, которые реализовывали административную ответственность, было более 35, хотя в КоАП РСФСР, например, их числилось 25.

В 1988 году после Постановления ЦК КПСС о повышении роли социологии в решении узловых социальных проблем и создания в Госкомстате СССР, как и в 20-е годы, отдела моральной статистики, была разработана форма единого отчета (1-АП) о выявленных административных правонарушениях и о лицах, привлеченных к административной ответственности, который должны были представлять все органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях. В 1990 году в СССР в первый и последний раз были собраны более или менее полные сведения о них. В этом же году Госкомстат СССР начинает издавать несколько серий экспресс-информаций о моральной статистике в царской России, СССР, зарубежных странах, о системе ее показателей и других материалах².

После распада СССР эти издания прекратили свое существование. В Госкомстате России отдела моральной статистики не было и нет. Управлением социальной статистики какое-то время собирались прежние сведения об административных правонарушениях, но в 1993 году сбор этих данных фактически прекратился. Они имеются лишь в МВД (милиция, ГАИ, пожарный надзор) и Минюсте в объеме административной юрисдикции судов. Поэтому в статистических сборниках, хотя они и продолжают называться "Преступления и правонарушения", отражаются сведения о преступности и ее некоторых видах, а также данные об административных правонарушениях в сферах дорожного движения и пожарной безопасности.

Все эти предварительные замечания раскрывают ограниченные возможности взаимосвязанного анализа преступлений и правонарушений в СССР, России и других странах постсоветского пространства. А анализ этот важен и продуктивен. Границы между преступлениями

и иными правонарушениями очень подвижны, нередко формальны и даже условны. Достаточно вспомнить институт административной преюдиции в уголовном праве. В последние годы многие составы преступлений были декриминализированы в административные правонарушения. Есть примеры и обратного движения. По сути своей преступления и иные правонарушения являются родственными асоциальными явлениями, которые полезно анализировать в рамках всей моральной статистики³. Основные различия заключены лишь в степени проявления асоциальности вовне, т. е. в степени социальной вредности (опасности). В связи с этим они обособованно изучаются единой научной дисциплиной — общей деликтологией, которая, в свою очередь, является составной частью теории социальных отклонений, разработка которой начата под руководством В. Н. Кудрявцева⁴.

В плане настоящей работы особый интерес представляют соотношение статистических характеристик правонарушений различных видов во времени (по годам) и пространстве (по территориям), закономерности динамики и распределения правонарушений, корреляционные связи и ковариационные зависимости между показателями различных видов преступлений и иных правонарушений. Изучение этих проблем поможет установлению единства и особенностей причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений, их криминологических взаимосвязей и зависимостей, недостатков юридической ответственности за преступления и иные правонарушения, тенденций “скатывания” субъектов от менее вредных правонарушений к более опасным, процесса генерализации асоциальной направленности личности правонарушителей различных видов. Значимость этих вопросов очевидна, однако до сих пор они никем систематически не изучаются, хотя попытки такие в Институте государства и права предпринимались, но в силу различных трудностей они оказались тщетными. Есть единственная работа В. П. Лозбякова, в которой исследуются взаимосвязи преступности и административных правонарушений^{4а}.

Неблагоприятное в криминологическом отношении будущее скорее всего заставит более рационально использовать имеющийся фактический материал о массовом противоправном поведении для конкретного совершенствования правовых отношений. Ныне же затраты общества по скрупулезному сбору упомянутых сведений и их системному анализу вряд ли окупятся, так как в оценке правопорядка продолжают доминировать те же идеологемы, которые существовали в СССР, только иной направленности, и умозрительные конструкции в законотворческой деятельности.

2. Характер и структура административных правонарушений

Кодификация административных правонарушений была осуществлена в СССР в конце его существования. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях был принят только в 1984 году. Параллельно принимались аналогичные законодательные акты в других союзных республиках. Во второй половине 80-х годов, осо-

бенно после начала перестройки и открытия сведений о преступности и правонарушаемости в СССР, впервые появилась возможность собрать сведения об административных правонарушениях в масштабе Союза в 1990 году.

Таблица 1

**Деятельность органов,
реализующих административную ответственность**

№ п.	Перечень органов, ранжированных по удельному весу выявленных в СССР правонарушений	Удельный вес правонарушений	
		в СССР в 1990 г.	в России в 1991 г.
1.	Внутренних дел	76,0	81,0
2.	Пассажирского автоэлектротранспорта	10,9	6,8
3.	Железнодорожного транспорта	4,2	5,7
4.	Госсаннадзора	2,1	1,4
5.	Пожарного надзора	1,8	1,5
6.	Административные комиссии при исполкомах райгорсоветов	1,3	0,5
7.	Рыбоохраны	0,6	0,6
8.	Госгортехнадзора	0,5	0,3
9.	Военкоматы	0,5	0,5
10.	Административные комиссии при исполкомах поселсоветов	0,4	0,2
11.	Комиссии по делам несовершеннолетних	0,2	0,09
12.	Госветнадзора	0,2	0,2
13.	Исполкомы поселсоветов	0,1	0,09
14.	Комиссии по борьбе с пьянством	0,1	0,01
15.	Правовые и технические инспектора труда	0,1	0,1
16.	Госохотнадзора	0,1	0,1
17.	Охраны водных ресурсов	0,09	0,04
18.	Госсельтехнадзора	0,08	0,04
19.	Лесного хозяйства	0,05	0,04
20.	Таможенного контроля по гражданам СССР	0,05	0,01
21.	Таможенного контроля по иностранцам	0,04	0,006
22.	Морского транспорта	0,01	0,009
23.	Госинспекции по маломерным судам	0,01	0,01
24.	Воздушного транспорта	0,01	0,01
25.	Речного транспорта	0,01	0,04
26.	Госатомэнергонадзора	0,01	0,006
27.	Медслужбы МО, МВД, КГБ	0,01	0,01
28.	Народные суды (судьи)	0,007	0,01
29.	Инспекции Минмаш и Минсредмаш	0,006	0,004
30.	Госинспекции электросвязи	0,004	0,005
31.	Госинспекции по качеству сельхозпродукции	0,003	-
32.	Госкомитета по охране природы	0,003	-
33.	Госпробирного надзора	0,0009	0,0007
34.	Прочие	0,2	0,5
		100%	100%
	Всего выявлено правонарушений	45 387 520	28 185 936

Приведенный в таблице перечень органов, реализующих административную ответственность и расположенных в порядке убывания удельного веса выявляемых ими правонарушений, дает возможность судить о том, насколько полно они отслеживали нарушения установленного правопорядка и насколько объективно отражали реальную правовую действительность. Органы комитета по охране природы, например, при нашем варварском отношении к этому народному достоянию занимали лишь 32-е место. В 1991 году в СССР они выявили всего 1505 нарушений, удельный вес которых в структуре всех учтенных деликтов составил 0,003%, и привлекли к ответственности 138 человек, т. е. 0,0003% от всех административно наказанных. А в России не было сделано и этого. Второй пример. Роль народного суда как одного из относительно беспристрастных и квалифицированных надведомственных органов в административной практике тех лет крайне ничтожна. Суд занимал 28-е место и рассматривал всего лишь 0,007% административных правонарушений.

Основную массу правонарушений в СССР и России (соответственно 76 и 81%) выявляли и рассматривали органы внутренних дел. На втором месте — органы пассажирского городского и междугородного авто- и электротранспорта (10,9 и 6,8%). Далее идут органы железнодорожного транспорта (4,2 и 5,7%), госсаннадзора (2,1 и 1,4%), пожарного контроля (1,8 и 1,5%). На остальные три десятка различных органов остается 4—5%.

У каждого органа своя сфера деятельности, свои задачи, своя административная практика, свои критерии оценок и свое понимание правомочий. В стране не было даже намека на какую-либо правовую унификацию их административной практики. Не было и объединения учета правонарушений и наказаний. Если в уголовном судопроизводстве при относительно хорошо разработанной теории, детально описанных составах преступлений в уголовном законе, применяемой единой системе уголовного правосудия в четких процессуальных рамках и при участии квалифицированных юристов (судей, прокуроров, следователей и адвокатов) допускается очень много следственных и судебных ошибок, то можно лишь предполагать, как далека была от законности, объективности и справедливости административная практика в СССР в условиях фактических и нормативных дискреционных полномочий и продажности работников административного надзора. И если в преступности велика латентность, то какова она в административной правонарушаемости, даже трудно предположить. Сказанное дает определенные основания для осторожной критической оценки уровня регистрируемых административных правонарушений. Однако если учесть, что в течение одного года четвертая часть правосубъектного населения страны привлекалась к административной ответственности, то это является достаточно представительной статистической базой для изучения тенденций и закономерностей правонарушаемости и ее связей с преступностью.

Россия отказалась от обобщенного учета административных правонарушений. Он остался в органах МВД (милиция, ГАИ, по-

жарный надзор) и в Минюсте как результат административного судопроизводства, которое в настоящее время расширяется.

Административные нарушения, выявляемые милицией, учитываются на региональном и ведомственном уровнях. Нарушения правил дорожного движения учитываются в ГАИ. Согласно правилам учета ДТП (1995 г.) в государственную отчетность включаются лишь те, которые привели к гибели и ранению людей. А это может быть результатом преступлений, административных правонарушений и невиновного причинения. Аналогичная ситуация складывается и с показателями пожарной безопасности.

Суды учитывают не выявленные правонарушения, так как это не их функция, а лиц, привлеченных к административной ответственности. В 1994 году они в административном порядке наказали 1,8 млн. человек, из них за правонарушения, предусмотренные в КоАП, 96%, за правонарушения, предусмотренные тем же кодексом, но не подведомственные судам, — 0,07, за правонарушения, предусмотренные Таможенным кодексом, — 0,001, за правонарушения, предусмотренные отдельными федеральными актами, — 0,01 и за правонарушения, предусмотренные местными нормативными актами, — 3,9%.

Как видим, основная масса правонарушений, рассмотренных судами, предусмотрена в КоАП, в том числе за мелкое хулиганство — 67,3%, за злостное неповиновение милиции — 11,5, за распитие спиртных напитков и появление в пьяном виде в общественных местах — 9,4, за мелкое хищение — 3,5, за торговлю с рук в неустановленных местах — 2,3, за нарушение правил торговли — 1,1, за нарушение правил административного надзора — 1,1, за неуважение к суду — 1% и т. д. Удельный вес перечисленных правонарушений составляет 98%. На остальные тридцать составов, подведомственных судам, остается всего 2%. В 1991 году суды рассмотрели административные правонарушения 1 079 675 человек, в 1993 году — 1 473 507, а в 1994 году — 1 800 000. Идет медленный сдвиг административной юрисдикции от должностных лиц с дискреционными полномочиями к административному судопроизводству.

3. Корреляция преступлений и иных правонарушений

В связи с основной тенденцией преступности — ее интенсивного роста, обгоняющего прирост населения, — особое значение приобретает изучение тенденций административной правонарушаемости как некоего репрезентативного предвестника преступности. По своей общественной опасности правонарушение является серьезным шагом в направлении к преступному поведению. И эти связи не ограничиваются причинностью единичных преступлений конкретных субъектов, которые, совершив то или иное правонарушение, приближают себя по принципу связи состояний к возможным более опасным нарушениям закона. Рост правонарушаемости в обществе приводит к существенным негативным сдвигам в правосознании населения в целом, приближая и подталкивая к преступному пове-

дению не только тех, кто уже переступил ту или иную норму закона, но и всех других, поскольку планка правового поведения в массовом осознании реалий снижается практически для большинства граждан, что, например, наблюдается сегодня в России и других постсоветских государствах. В жизни не бывает существенной и устойчивой криминализации какой-то одной из социальных сфер или какого-то одного слоя населения. Процесс этот, как правило, носит генерализованный характер.

Если ориентироваться на выявленные административные нарушения в Союзе в 1990 году, то их уровень свидетельствует о том, что ежегодно каждый четвертый гражданин социально активного возраста с 16 до 60 лет совершает обнаруженный властями один административный деликт. Если прибавим к этому преступления и иные социальные отклонения, то можно говорить о каждом третьем. А если учесть латентность всех видов противоправного поведения, то общее число реально совершаемых правонарушений намного превысит общее число граждан вместе со стариками и детьми. И это только в течение одного года. Такой вывод — не преувеличение. Но это среднестатистическая оценка. Она совсем не означает, что автор склонен всех граждан считать правонарушителями. Повторность правонарушений, их идеальная и реальная совокупность вносят здесь свою поправку. Однако не следует и идеализировать наш суций правопорядок, особенно в настоящий период очевидного правового нигилизма, корыстолюбия, цинизма и беспредела, открыто демонстрируемых в поведении значительного числа граждан, в том числе и высокопоставленных, включая политическую и правящую элиту, с одной стороны, и бездействие властей по отношению к преступности — с другой.

Роль статистических предпосылок важна при изучении не только причинности преступности, но и любого более или менее массового явления. Обратимся к бытовому примеру. Футбольными (хоккейными) болельщиками замечена такая среднестатистическая закономерность: чем больше та или иная команда создает голевых моментов, тем у нее больше шансов забить реальный гол. Поэтому о спортивных возможностях команды нередко судят не только по забитым голам, но и по созданным голевым моментам. На основе массового учета того и другого можно, например, рассчитать, какое количество голевых моментов несет в себе среднестатистический гол. Аналогичный расчет возможен также на основе соотношения правонарушений и преступлений.

Определенный интерес в этом отношении может представлять исследование, проведенное с участием автора Главной военной прокуратурой в Вооруженных Силах в 1974 году, когда криминологические изучения в стране были в большой моде и окрашивались оптимистическими прогнозами об искоренении преступности. Изучению подлежали грубые нарушения требований общевоинских уставов. Оно показало, что только с прямыми нарушениями уставов связано 37,8% преступлений. Произведенный статистический анализ полученных данных показал: коэффициент корреляции меж-

ду грубыми нарушениями уставов и преступлениями военнослужащих составляет $+0,725$. Аналитическое выравнивание ряда преступлений в зависимости от нарушений уставов по формуле прямолинейного корреляционного уравнения показало, что прирост каждых 100 грубых нарушений влек за собой 20—25 преступлений. Этот статистический вывод подтверждался по данным 25 округов, флотов и групп войск, в которых проводилось изучение⁵.

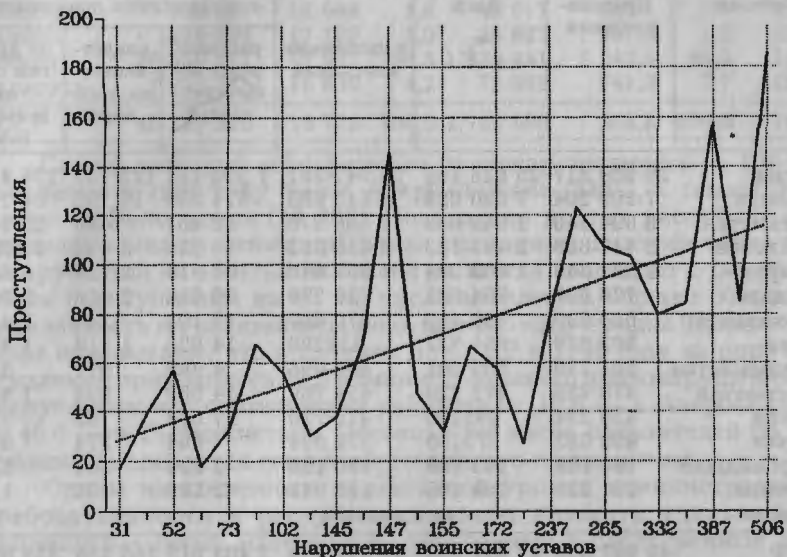

Рис. 1. Взаимосвязь между нарушениями воинских уставов и преступлений в ВС СССР (1974 г.),

Реальные связи между преступлениями и грубыми нарушениями воинской дисциплины намного сложнее. Более того, учет и тех и других был в те годы чрезвычайно селективным. На фоне партийных предписаний об искоренении преступности командиры всех степеней «соревновались» в достижении этой задачи главным образом путем очковитательства. Осознавая эти недостатки, мы не можем подвергать сомнению основной вывод исследования о существовании значимой прямой корреляционной связи между преступлениями и иными правонарушениями.

Возможности установления этой связи в бывшем СССР, России и других странах постсоветского пространства ограничены, так как не было долговременного централизованного учета административных правонарушений. Приходится это делать на основе данных 1990 года, сопоставляя их не по годам, а как и при исследовании в Вооруженных Силах, по территориям (союзным республикам). Общий уровень административных правонарушений и административной ответственности в СССР и союзных республиках в 1990 году представлен в таблице 2.

Таблица 2

Количество выявленных правонарушений и лиц, привлеченных к административной ответственности в СССР и союзных республиках (1990 г.)

Регионы	Правонарушения	Лица	Вынесены постановления			
			о наложении взысканий	о прекращении производства		
				рассмотрены общественностью	следственными органами	по другим обстоятельствам
Россия	26 559 817	25 628 106	23 747 351	1 532 181	122 132	226 442
Украина	7 309 204	7 620 028	6 515 885	574 289	17 738	54 116
Узбекистан	3 024 148	2 640 033	2 586 978	28 401	1456	23 198
Казахстан	2 447 888	2 493 123	2 410 733	58 136	8 692	15 562
Беларусь	1 902 346	1 803 324	1 687 040	106 915	2 718	6 651
Молдова	726 607	754 882	716 779	30 658	2 418	5 027
Таджикистан	686 035	689 450	670 607	17 102	244	1 497
Литва	503 679	551 737	534 296	14 928	1 110	1 403
Туркменистан	501 750	500 001	494 096	4 089	977	843
Кыргызстан	478 738	472 220	454 769	14 588	996	1 867
Латвия	459 294	495 106	475 726	17 613	785	982
Грузия	402 683	375 195	373 904	404	374	513
Азербайджан	164 108	163 928	160 198	2 326	564	840
Армения	161 223	168 405	165 947	2 189	151	118
Эстония			нет данных			
СССР	45 387 520	43 897 538	40 994 309	2 403 815	160 355	339 059

Таблица далека от полноты и точности. Она воспроизводится в таком виде, в каком была разослана Госкомстатом СССР в некоторые ведомства. За неимением другой ее можно считать базовой. Если исходить из ее данных и рассчитать число правонарушений на 100 тыс. населения, ранжировать его по республикам (от меньшего к большему) и соотнести с аналогичным показателем зарегистрированных преступлений, то мы получим параллельные статистические ряды, позволяющие выявить соотношение административных правонарушений и преступлений (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение правонарушений и преступлений (1990 г.)

Регионы	Правонарушения			Преступления			Правонарушений на 1 преступление
	абс. показатель (ранжир)	на 100 тыс. населения	доля в %	абс. показатель	на 100 тыс. населения	доля в %	
Азербайджан	164 108	2 307	0,4	15 411	216,6	0,5	10,6
Армения	161 223	4 870	0,3	12 110	365,8	0,4	13,3

Грузия	402 683	7 438	0,9	19 711	364,1	0,7	20,4
Кыргызстан	438 738	11 045	1,1	29 654	684,1	1,1	16,1
Таджикистан	686 035	13 112	1,5	16 887	322,8	0,6	40,6
Литва	503 679	13582	1,1	37056	999,3	1,3	13,6
Туркменистан	501 750	13 895	1,1	1 8618	515,6	0,7	26,9
Украина	7 309 204	14 170	16,1	369 809	716,9	13,3	19,8
Казахстан	2 447 888	14 730	5,4	148 053	890,9	5,3	16,5
Узбекистан	3 024 148	14 951	6,7	88 155	435,8	3,2	34,3
Молдова	726 607	16 668	1,6	43 017	986,8	1,5	16,9
Латвия	459 294	17 179	1,0	34 687	1 297,4	1,2	13,2
Россия	26 559 817	17 987	58,5	1 839 451	1 242,5	66,0	14,5
Беларусь	1 902 346	18 630	4,2	75 699	741,3	2,7	25,1
СССР	45 387 520	15 779	100,0	2 786 605	968,8	100,0	16,3

Самый меньший коэффициент правонарушаемости на 100 тыс. населения в 1990 году был в Азербайджане (2307), а самый больший — в Белоруссии (18 630). Показатели других республик распределены между этими крайними позициями. Ранжир числа правонарушений на 100 тыс. жителей не всегда совпадает с ранжиром числа преступлений на то же число населения. Однако общая направленность их взаимосвязанных изменений очевидна. Данные таблицы показывают, что в среднем по СССР в 1990 году на одно преступление приходилось 16,3 административного правонарушения. По республикам эти соотношения разнятся от 10,6 — в Азербайджане до 40,6 — в Таджикистане. Основная же масса показателей по республикам колеблется вокруг общесоюзного соотношения.

Одним из косвенных показателей уровня административной требовательности в республиках может служить удельный вес административных материалов, переданных в следственные органы. Чем он меньше, тем шире деятельность органов, реализующих административную ответственность. И наоборот: чем он выше, тем более избирательно действуют эти органы, сосредоточивая свое внимание на наиболее серьезных правонарушениях. Причин для такого подхода может быть много: большая нагрузка, халатность, продажность и другие обстоятельства. В 1992 году, например, в Московской области существенно возросла общая сумма штрафов за нарушение правил дорожного движения, значительная часть которых по решению области стала отчисляться непосредственно в областное ГАИ. Ее работники внутренне были ориентированы не на поддержание должного порядка на дорогах, а на количество оштрафованных (т. е. на “собственный” заработок). Аналогичный “порядок” действует в налоговой инспекции. Это недопустимо. Не случайно, я думаю, в Конституции штата Иллинойс (США) говорится: “Оплата жалования должностным лицам и служащим и финансовое обеспечение деятельности органов территориальных единиц местного самоуправления не должны производиться из взимаемых средств”^{5а}.

Несмотря на пороки административной практики, которые, конечно же, следует учитывать при качественном анализе, параллельные статистические ряды учтенных преступлений и админи-

стративных правонарушений указывают на тесную взаимосвязь прироста правонарушений с приростом преступлений. Увеличение выявленных правонарушений на одну тысячу статистически влечет за собой 40—50 преступлений. Между этими процессами существует прямая и значимая корреляционная взаимосвязь.

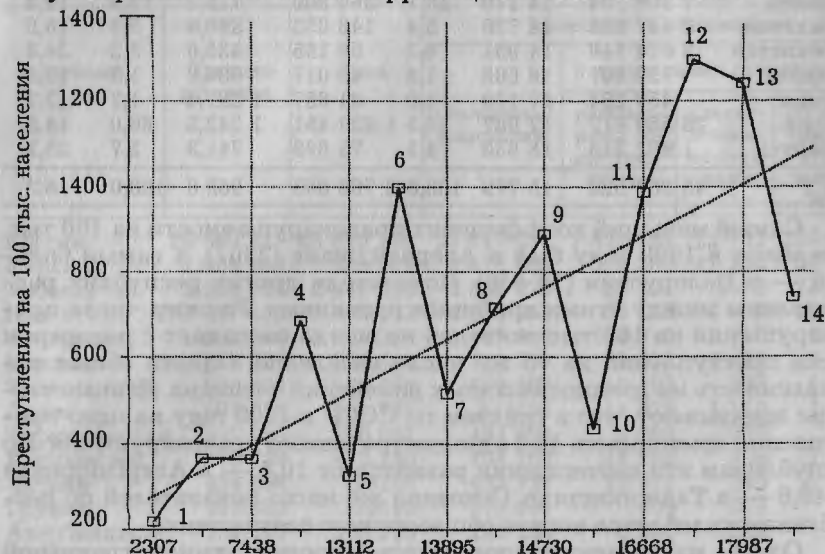

Рис. 2. Взаимосвязь преступлений и правонарушений в СССР (1990 г.).

Обозначения: Азербайджан — 1, Армения — 2, Грузия — 3, Кыргызстан — 4, Таджикистан — 5, Литва — 6, Туркменистан — 7, Украина — 8, Казахстан — 9, Узбекистан — 10, Молдова — 11, Латвия — 12, Россия — 13, Беларусь — 14.

Исследуя эти взаимосвязи, надо иметь в виду, что объекты посягательства правонарушений и преступлений далеки от совпадения. Есть объекты, которые преимущественно находятся под охраной уголовного закона, например жизнь и здоровье человека, его имущество, конституционный строй, некоторые интересы государства. Есть объекты, которые главным образом охраняются административным правом, например порядок, установленный в жилищно-коммунальной сфере, в области охраны окружающей среды, памятников истории и культуры и др. Однако значительная часть объектов и административной, и уголовно-правовой охраны практически совпадает. Вспомним вышеприведенные сведения 1994 года об административном правосудии в России. 70—80% правонарушений (мелкие кражи, мелкое хулиганство, сопротивление милиции и др.) являются лишь начальным этапом в совершении аналогичных преступлений.

Тем не менее структура административных правонарушений в конце существования СССР была своеобразной.

Таблица 4

**Структура административных правонарушений
в СССР (1990 г.) и в России (1991 г.)**

№ п.	Обобщенные объекты правонарушений (число видов правонарушений)	СССР		Россия	
		абс. число	доля в %	абс. число	доля в %
1.	Транспорт, дорожное хозяйство и связь (51 вид)	30 835 118	67,9	19424 263	68,9
2.	Общественный порядок (23 вида)	9 131 217	20,1	4 103 400	14,6
3.	Порядок управления (54 вида)	2 432 407	5,3	1 516 723	5,4
4.	Права граждан и здоровье населения (14 видов)	1 034 099	2,3	452 077	1,6
5.	Окружающая среда, памятники истории и культуры (50 видов)	523 748	1,1	301 544	1,1
6.	Торговля и финансы (18 видов)	416 644	0,9	266 754	0,9
7.	Государственная собственность (9 видов)	351 726	0,8	147 993	0,5
8.	Сельскохозяйств. и ветеринарно-санитарные правила (14 видов)	243 285	0,5	92 632	0,3
9.	Промышленность, тепловая и электроэнергия (12 видов)	229 866	0,5	95 064	0,3
10.	Жилищно-коммунальное хозяйство и благоустройство (11 видов)	189 410	0,4	85 278	0,3
11.	Достоинство личности, право на неприкосновенность жилища и тайну переписки (1 вид)	6 205	0,01	-	-
12.	Иные	-	-	1 700 088	6,4
Всего		45 387 520	100	28 185 756	100

Судя по данным таблицы, в те годы доминировали три группы административных правонарушений, посягающих на установленный порядок на транспорте, в дорожном хозяйстве и связи, на общественный порядок и на порядок управления. В общей сложности они составляли 93,3% по СССР и 88,9% по России. При оценке этих данных надо иметь в виду то, что в 1990 году уровень административной требовательности был намного ниже, чем это было в середине 80-х годов. Однако и эти данные свидетельствуют о широком всеохватном контроле за поведением и деятельностью людей. Административный контроль был важной составной частью тотального контроля, который жестко удерживал людей от девиантного поведения.

4. Корреляция нарушений правил дорожного движения и автотранспортных преступлений

Между разнообразными формами противоправного поведения существует статистическая зависимость, отражающая связи состояния общего правопорядка (правосознания) с правонарушаемостью

и преступностью. Но более тесная связь существует между однородными правонарушениями и преступлениями, например между нарушениями правил дорожного движения и автотранспортными преступлениями (табл. 5).

Таблица 5

**Динамика нарушений правил дорожного движения,
дорожно-транспортных происшествий (ДТП)
и автотранспортных преступлений в СССР за 1971—1990 годы⁶**

Годы	Нарушения правил		ДТП		Автотранспортные преступ.				
	абс. число	в % к 1971 г.	абс. число	в % к 1971 г.	повлек- шие смерть	повлек- шие ранения	всего	в % к 1971 г.	
СССР									
1971	18 156 616	100,0	211 383	100,0	20 068	47 710	67 778	100,0	
1972	19 945 536	109,8	206 090	97,5	18 903	47 578	66 481	98,1	
1973	21 143 909	116,4	207 511	98,1	19 560	47 829	67 389	99,4	
1974	22 029 281	121,3	233 419	110,4	21 661	56 592	78 253	115,4	
1975	26 079 794	143,6	247 505	117,1	3 375	62 922	86 292	127,3	
1976	27 383 275	150,8	248 114	117,4	3 359	63 890	87 249	128,7	
1977	28 871 471	159,0	251 432	118,9	25 516	69 521	95 037	140,2	
1978	31 344 502	172,6	254 878	120,6	26 211	74 896	101 107	149,2	
1879	34 420 481	189,6	257 296	121,7	27 006	81 204	108 210	159,6	
1980	37 102 533	204,3	258 867	122,5	27 130	85 114	112 244	165,6	
1981	39 752 876	218,9	-	-	28 004	89 259	117 263	173,0	
1982	41 584 721	229,0	-	-	27 381	89 303	116 684	172,2	
1983	42 287 532	232,9	-	-	27 458	102 070	129 528	191,1	
1984	45 976 008	253,2	-	-	26 540	99 335	125 875	185,7	
1985	-	-	240 370	113,7	22 783	98 441	121 224	178,8	
1986	42 846 737	236,0	241 068	114,0	21 120	101 840	122 960	181,4	
1987	36 879 388	203,1	246 708	116,7	18 469	97 920	116 389	171,7	
1988	33 340 702	183,6	273 268	129,3	22 492	106 530	129 022	190,3	
1989	31 123 877	171,4	319 557	151,2	28 362	123 219	151 581	223,6	
1990	34 209 777	188,4	322 195	157,1	30 201	125 533	155 734	229,8	
Россия									
1991	17 559 877	100,0	197 629	100,0	-	-	-	-	
1992	19 580 189	111,5	184 975	93,6	-	-	-	-	
1993	26 485 673	150,8	178 651	90,4	16 734	6 466	23 200	-	
1994	37 272 271	212,3	174 908	88,5	15 781	4 895	20 676	-	
1995	-	-	-	-	14 371	3 729	18 100	-	

Примечание. Порядок учета нарушений правил дорожного движения, ДТП и автотранспортных преступлений в России отличается от союзного. В российских ежегодниках о преступности и правонарушениях нет данных о транспортных преступлениях, а приводятся сведения о ДТП. Их намного больше, чем преступлений. В 1991 году их было соответственно 37 510 и 214 409, в 1992 году — 36 471 и 200 026, в 1993 году — 37 120 и 192 802, в 1994 году — 35 599 и 189 877. Разница — на порядок.

Если основные данные таблицы 5 изобразить графически, то мы получим противоречивые кривые (см. рис. 3).

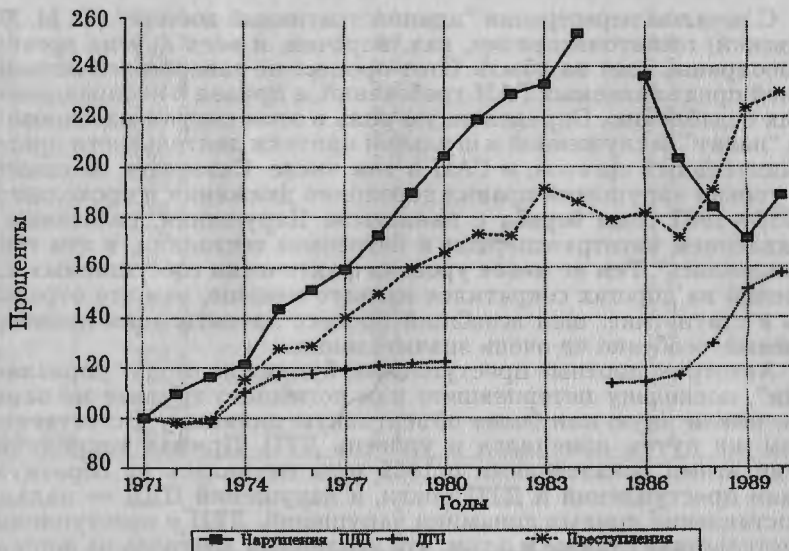

Рис. 3. Динамика автотранспортных преступлений и дорожных правонарушений в СССР в 1971—1989 гг.

Судя по графику, нарушения правил дорожного движения интенсивно росли до 1985 года. Их абсолютное число в этом году достигло рекордной величины — 46 млн. Среднегодовой темп прироста за 1971—1985 годы составил 7,45%. После этого число выявленных нарушений систематически снижалось. За пять лет они сократились на 15 млн., и лишь с 1990 года обозначился рост. При оценке этих данных необходимо (в меру возможного) учесть элементы волюнтаризма в выявлении и учете нарушений, изменения в административном законодательстве и практике его применения.

С 1 марта 1981 г. в законодательство об административной ответственности за нарушения правил дорожного движения были внесены существенные изменения, обусловленные принятием Основ законодательства Союза СССР и союзных республик об административных правонарушениях. На основании решения ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС и последовавшего за ним постановления ЦК КПСС и СМ СССР была усилена борьба за безопасность дорожного движения. С 1 сентября 1983 г. вступил в силу Указ Президиума ВС СССР “Об административной ответственности за нарушения правил дорожного движения”, направленный на усиление борьбы с наиболее опасными нарушениями на дорогах. Правда, в это же время из официального учета ГАИ были исключены нарушения велосипедистов, но это мало отразилось на статистике, так как удельный вес данных нарушений составлял 0,4—0,5%, а абсолютные показатели не превышали 160 тыс. 1983 год, о котором говорилось при анализе преступности, был характерен стремлением властей к более полному учету всего негативного (“эффект Андропова”). Эта тенденция практически продолжалась до 1985 года.

С началом перестройки “административный восторг” (Ф. М. Достоевский) госавтоинспекции, как, впрочем, и всех других органов правоохраны, идет на убыль. Этот процесс не завершился оптимизацией предъявляемых ГАИ требований, а привел к неоправданному их ослаблению. Определенную роль в этом сыграл массированный “накат” заслуженной и огульной критики деятельности правоохранительных органов, и ГАИ в том числе. Сказалась на снижении уровня нарушений правил дорожного движения и проходящая в 1986—1987 годы борьба с пьянством. Нарушения, связанные с управлением автотранспортом в нетрезвом состоянии, в эти годы уменьшились⁷. Тем не менее уровень фактически совершаемых нарушений на дорогах сократился намного меньше, чем это отражалось в статистике: шел всеобщий процесс латентизации правонарушений, особенно не очень значительных.

Автотранспортные преступления, будучи не столь “управляемыми”, поскольку потерпевшего или погибшего труднее не заметить, имели иную или более объективную динамику. Естественно, таким же путем изменялся и уровень ДТП. Прямая корреляция между этими показателями с 1985 года сменилась на обратную: уровни преступлений и ДТП росли, а нарушений ПДД — падали. Сопоставление кривых динамики нарушений, ДТП и преступлений свидетельствует также и о том, что усиленный контроль на дорогах в 1983—1984 годы несомненно способствовал снижению уровня ДТП и автотранспортных преступлений. Последующее ухудшение контроля ГАИ на дорогах не замедлило сказаться на интенсивном росте автотранспортных преступлений.

Зависимость между нарушениями правил дорожного движения и автотранспортными преступлениями существует объективно. Чем выше показатели работы по выявлению нарушений на дорогах, тем ниже аварийность и автотранспортная преступность. И наоборот: сокращение или стабилизация числа выявленных нарушений в процессе интенсивной автомобилизации при росте показателей аварийности и преступности, как, например, в 1986—1989 годы, свидетельствуют о серьезных недостатках в работе ГАИ⁸.

Среднее соотношение нарушений правил дорожного движения и автотранспортных преступлений за 20 лет (1971—1990 годы) составило 302 : 1. Оно не было постоянным. За 1971—1984 годы оно возросло на 100 единиц — с 267 : 1 до 365 : 1, в 1989 упало до 205 : 1, а в 1990 году несколько возросло. В России этот показатель увеличился в 8 раз — до 1803 : 1.

Таблица 6

Соотношение нарушений правил дорожного движения, ДТП и автотранспортных преступлений (в число раз)

Годы	Нарушения к преступлениям	ДТП к преступлениям	Преступления без смертельного исхода к преступленным со смертельным исходом
------	------------------------------	------------------------	---

В СССР

1971	267,9	3,1	2,4
1972	300,0	3,1	2,5
1973	313,7	3,1	2,4

1974	281,5	3,0	2,6
1975	302,2	2,9	2,7
1976	313,8	2,8	2,7
1977	303,8	2,6	2,7
1978	310,0	2,5	2,9
1979	318,0	2,4	3,0
1980	330,5	2,3	3,1
1981	339,0	-	3,2
1982	356,4	-	3,3
1983	326,5	-	3,7
1984	365,2	-	3,7
1985	-	2,0	3,8
1986	348,5	2,0	4,8
1987	316,9	2,1	5,3
1988	258,4	2,1	4,7
1989	205,3	2,1	4,3
1990	219,8	2,1	4,1
Сред. пок.	301,9	2,4	3,4

В России

1991	-	-	-
1992	-	-	-
1993	1 141,6	7,7	0,4
1994	1 802,7	8,5	0,3
1995	2 003,5	9,2	0,26

Статистическое отношение нарушений к преступлениям в СССР (если оно существенно не искажалось какими-то компаниями), видимо, отражало уровень реальной требовательности ГАИ к участникам дорожного движения. Чем она выше, тем должен бы быть больше этот коэффициент. Более полное выявление нарушений несомненно дисциплинирует участников дорожного движения и снижает уровень автотранспортных преступлений. Исходя из среднестатистических союзных данных, видимо, можно предположить, что оптимальное соотношение находилось в пределах 300:1.

Российский опыт, однако, серьезно поколебал эти предположения. Число выявленных нарушений правил дорожного движения в 1994 году в стране превысило союзные показатели 1990 года, и это действительно "повлекло" снижение автотранспортных преступлений в 7,5 раза. Количественный анализ подтвердил данные предположения, а качественный — нет. Рост выявленных нарушений — не результат повышения требовательности ГАИ, а следствие дорожного беспредела, сочетаемого со снижением планки уголовной ответственности. Она снизилась по двум обстоятельствам.

Во-первых, в связи с юридической декриминализацией управления транспортом в состоянии опьянения (ст. 211—1 УК). В 1994 году, например, было задержано 1,5 млн. водителей за управление транспортом в нетрезвом состоянии. Частью из них было совершено еще и 32 625 ДТП, в которых погибло 7394 и ранено 38 997 человек. Но даже и в этих случаях многие из них избежали уголовной ответственности, так как всего в этом году было зарегистрировано лишь 20 676 транспортных преступлений.

Во-вторых, в связи с фактической декриминализацией нарушений правил безопасности движения, повлекших менее тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 211), так как к уголовной ответственности, как правило, привлекаются лишь водители, причинившие смерть и (частично) тяжкие телесные повреждения. За причинение последних виновные привлекаются к уголовной ответственности все меньше и меньше. В 1993 году доля учтенных автотранспортных преступлений со смертельным исходом в структуре автотранспортных преступлений составляла 72,1, а уже в 1995 году — 79,4%, тогда как в СССР она равнялась 20—25%.

Сдвиг ответственности за нетяжкие неосторожные преступления от уголовной к административной можно было бы признать гуманной и позитивной тенденцией, если бы она не была результатом “нехватки” сил и так называемой следственной (а не нормативной) декриминализации преступлений, которая вершится по усмотрению работников ГАИ.

В СССР среднее соотношение между автотранспортными преступлениями без смертельного исхода и со смертельным исходом для потерпевших за анализируемые годы составило 3,4 : 1. В 1971 году оно равнялось 2,4 : 1, в 1987 году — 5,3 : 1 (пик, обусловленный активной борьбой с пьянством), в 1990 году — 4,1 : 1, а в России в 1995 году — 0,26 : 1, т. е. более чем на порядок ниже того, что было в Союзе.

В СССР рост этого соотношения был устойчивым и последовательным. Он свидетельствовал о том, что с увеличением автотранспортных преступлений удельный вес смертельных исходов несколько снижался. Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах, например во Франции в последние 20 лет⁹. И это скорее всего связано не с “заслугами” нарушителей-водителей, а с более эффективной медицинской помощью. В России данные позитивные тенденции были перечеркнуты. Принятые в декабре 1995 года Закон “О безопасности дорожного движения” и в июне 1996 года Федеральная целевая программа “Повышение безопасности дорожного движения в России на 1996—1998 годы” направлены на восстановление хотя бы прежней защищенности на дорогах. Но ее сегодня уже нельзя вернуть только повышением требовательности. Она требует больших капиталовложений.

Если ранжировать союзные статистические показатели о нарушениях правил дорожного движения от меньшего к большему (независимо от хронологии лет) и соотнести с этим ранжиром числа автотранспортных преступлений, то мы получим такой параллельный ряд (табл. 7).

Таблица 7

Параллельный ряд нарушений и преступлений

Годы	Нарушения	Преступления
1971	18 156 616	67 778
1972	19 945 536	66 481
1973	21 143 909	67 389

1974	22 029 281	78 253
1975	26 079 794	86 297
1976	27 383 275	87 249
1977	28 871 471	95 037
1989	31 123 877	151 581
1978	31 344 502	101 107
1988	33 340 702	129 022
1990	34 209 777	155 734
1979	34 420 481	108 210
1987	36 879 388	116 389
1980	37 102 533	112 244
1981	39 752 876	117 263
1982	41 584 721	116 684
1983	42 287 532	129 528
1986	42 846 737	122 960
1984	45 976 008	125 876
1985	45 017 000	121 224

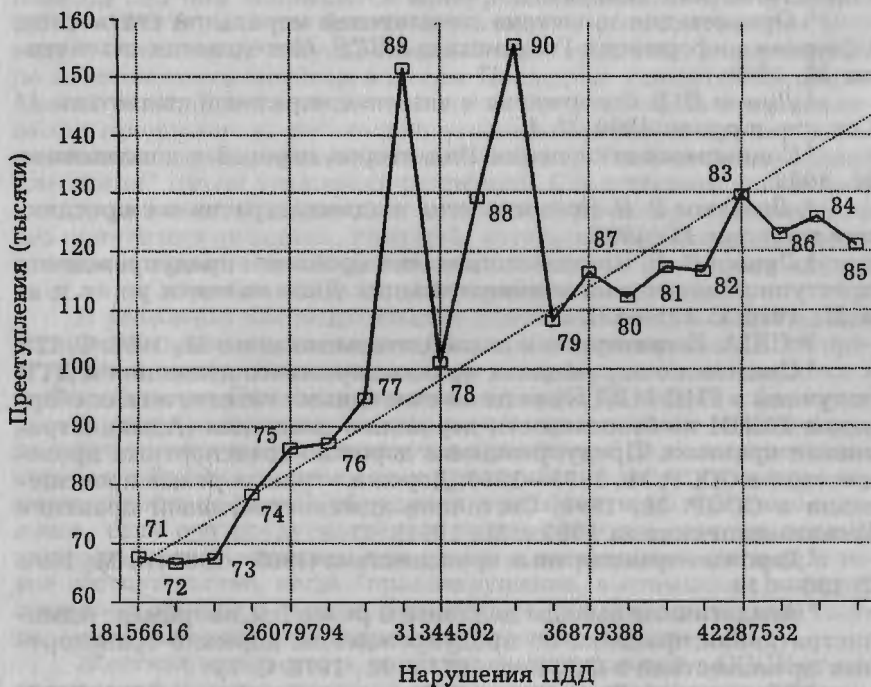

Рис. 4. Соотношение автодорожных преступлений и нарушений правил движения в СССР (1971—1990 гг.; на схеме 71—90).

Выравненный теоретический ряд преступлений на упомянутом графике дает возможность прийти к вероятностному выводу: с возрастанием выявленных правонарушений правил дорожного движения на 1 млн. число преступлений увеличивается на 5 тыс., или

одно преступление статистически соотносится с 200 нарушениями. В России данный показатель может быть на порядок больше.

В качестве итогового вывода можно сказать, что соотношение административных правонарушений и преступлений свидетельствует о том, что между ними существует **относительно сильная корреляционная зависимость**. Поэтому анализ преступности должен сочетаться с анализом правонарушаемости. Только на этой основе можно более адекватно отслеживать тенденции преступности и ее отдельные группы, изучать ее связи с другими социальными явлениями и процессами, прогнозировать криминологическую обстановку в стране и ее регионах, разрабатывать взаимосвязанную стратегию и тактику борьбы с преступностью и правонарушаемостью.

¹ См.: Моральная статистика 20-х годов // История статистики. Вып. 2. М., 1990; Моральная статистика 20-х годов (преступность, самоубийства, алкоголизм, наркомания и др.) // История статистики. Вып. 1. М., 1991.

² Организация и система показателей моральной статистики. Обзорная информация Госкомстата СССР. Методология статистики. М., 1989.

³ Лунев В. В. Содержание и значение моральной статистики // Сов. гос. и право. 1990. № 4.

⁴ Социальные отклонения. Изд. второе, перераб. и дополненное. М., 1989.

^{4а} Лозбяков В. П. Криминология и административная юрисдикция милиции. М., 1996.

⁵ Лунев В. В. Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих. Дисс. на соиск. уч. ст. д. ю. н. М., 1979. С. 131—132.

^{5а} США. Конституции и законодательные акты. М., 1993. С. 125.

⁶ Сведения о нарушениях правил дорожного движения и ДТП получены в ГИЦ МВД и взяты из ежегодных статистических сборников ВНИИ по безопасности дорожного движения (Административная практика. Предупреждение дорожно-транспортных происшествий в СССР. М., 1978—1986; Дорожно-транспортные происшествия в СССР. М., 1990; Состояние административной практики Госавтоинспекции за 1990 г. М., 1991).

⁷ Дорожно-транспортные происшествия (1985—1989 гг.). М., 1990. С. 106—114.

⁸ Аналогичные выводы делались и ранее (см., например: Административная практика по предупреждению дорожно-транспортных происшествий в СССР за 1977 г. М., 1978. С. 7).

⁹ Bilan annuel. Statistiques et Commentaires Année. 1991. P. 17.

Часть II

Тенденции отдельных видов и групп преступности

Глава 6

“Политическая преступность”

1. Понимание “политической преступности”

В уголовном законодательстве нашего прошлого и настоящего нет понятия “политическая преступность”. Его правовое закрепление равносильно политическому самобразованию. В гулаговском обиходе под ним понимаются контрреволюционные преступления (1918—1958 гг.), а после принятия уголовного законодательства 1958 года — некоторые государственные преступления, совершенные по антисоветским мотивам и целям. Последние являются специфической разновидностью политической мотивации. Их криминализация предполагала не столько уголовно-правовую охрану установленного правопорядка, сколько защиту “единственно верной идеологии” путем уголовных репрессий. Следственное и судебное доказывание антисоветской политической мотивации невозможно без политических оценок, критерии которых неопределенны, ситуативны и зависят не от действующего закона (он в этом случае дает лишь карт-бланш), а от действующих политиков.

В уголовном законодательстве демократического общества политическая мотивация не может быть криминализована. Хотя преступления по политическим мотивам совершались и совершаются в любом обществе. Они были известны еще в XVIII веке. Но сформулировать универсальное для всех времен и стран понятие политического преступления не представляется возможным¹. В демократических странах субъекты политических преступлений несут уголовную ответственность не за свои убеждения, а за объективно и виновно содеянное, если оно предусмотрено в законе. Именно поэтому первым императивным основанием для отказа в экстрадиции считается такое обстоятельство, когда “правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче, рассматривается запрашиваемым государством как правонарушение политического характера”².

Жесткая зависимость политических репрессий в СССР от политической и идеологической конъюнктуры подтверждается почти семидесятилетней динамикой “политической преступности”. Их антисоветская мотивация, как правило, устанавливалась исходя из политических соображений, путем объективного вменения. Лишь в единичных случаях вменяемая мотивация отражала реальные побуждения лица, фактически совершившего то или иное деяние. Значительная часть репрессированных не совершала никаких контрреволюционных действий, а лишь в той или иной мере обна-

руживала какое-то несогласие с властями (например, отказ от подписки на заем по мотивам бедности). Основная же масса репрессированных не только не совершала никаких уголовно наказуемых действий, но и не обнаруживала своего негативного отношения к властям. Они попадали под каток политических репрессий по плану перманентных политических конвульсий.

Таким образом, в своем прямом понимании в советской “политической преступности” нет предмета для криминологического или уголовно-правового анализа. Поэтому предлагаемое понятие взято в кавычки. Криминологу, социологу и политологу “политическая преступность” важна в эмблематическом смысле, как некриминализованный преступность властей против своего народа. С этой точки зрения репрессированные лица рассматриваются не субъектами преступлений, а жертвами политического произвола. По международным документам они приравниваются к жертвам обычных преступлений³. А под политическим произволом по Закону РФ “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 г. понимаются “различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направление в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществляющиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами”.

Наш криминологический интерес к этой стороне “политической преступности” связан также с изучением влияния тотального контроля, составной частью которого были политические репрессии, на уровень уголовной преступности. Сталинский всеохватный контроль, как я пытался показать в главе 2, выходил за пределы репрессий и включал в себя экономическую (полная зависимость человека от единственного работодателя — государства), правовую (примат прав государства над правами личности), организационную (полный и жесткий централизм власти), идеологическую (подавление инакомыслия), социально-психологическую (бескомпромиссное навязывание пропартийного общественного мнения), оперативную (тайная и явная, государственная и общественная слежка) и репрессивную⁴ (массовая расправа над неугодными) составляющие. Все они были политически обусловлены. Репрессивная составляющая интегрировала и венчала тотальный контроль в целом и была наиболее показательной. Она хотя и неполно, но регистрировалась статистически. Поэтому динамика “политической преступности” может рассматриваться одним из важных индикаторов тенденций тотальности контроля на всем протяжении

советской власти. Политические репрессии вкуче со всеми другими составляющими тотального контроля, с одной стороны, сдерживали реализацию криминальных мотиваций, а с другой — с избытком компенсировали низкий уровень уголовной преступности массовой преступностью властей против своего народа.

2. Идеологическая и правовая база политических репрессий

Политические репрессии обычно связывают со Сталиным. Ныне достаточно неопровержимых доказательств того, что они предполагались Марксом и Энгельсом, а начались при "злодейски гениальном Ленине" (А. Н. Потресов). "Красный террор" в 1917—1923 годы поглотил 1,7 млн. жертв⁴. При Сталине репрессии достигли апогея, но они продолжались, хотя и в меньшей и видоизмененной форме, во времена Хрущева, Брежнева, Андропова и даже Горбачева. Знающий политическую "кухню" советской власти изнутри бывший член Политбюро А. Н. Яковлев пишет: "За 70 лет большевистского режима менялись формы репрессий, но причины и суть произвола оставались неизменными. Режим, лидеры господствующей верхушки шли на любые преступления против человечности во имя укрепления моновласти, моноидеологии и монособственности"⁵. Репрессии связаны не столько с именами генеральных секретарей руководящей партии, сколько с самой изначально насильственной природой социализма.

К. Маркс и Ф. Энгельс, провозгласив в "Манифесте Коммунистической партии" достижение своих целей путем "насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя", предвидели возможность чудовищного насилия. "Мне думается, — писал Ф. Энгельс И. Вейдемейеру, — что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет встать у власти... Мы будем вынуждены проводить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы... наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу..."⁶.

Насильственная природа социализма закономерно вела руководителей партии к массовым политическим репрессиям в любой стране мира, где ему удавалось закрепиться. Ибо социализм (коммунизм), как искусственно насаждаемая система, мог выжить только в таком беспощадном варианте. "Катехизис революционера", написанный М. А. Бакуниным, изначально содержал правила насилия: "1. В революционере все поглощено "единственной страстью — революцией". 2. Он разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, приличием, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. 3. Он знает одну науку — науку разрушения. 4. Нравственно для него все то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему"⁷.

Исторически “выдавливаемые” отступления от этих “правил” в постсталинский период также закономерно вели к саморазрушению системы в целом. Жизнь показала правоту русского философа С. А. Левицкого, считавшего задолго до крушения социализма в нашей стране, что “коммунизм не способен к подлинной эволюции, он не может разрешить подлинные свободы. Ибо коммунизм и свобода вещи... несовместимые”⁸. Даже М. Горький, несмотря на многолетнюю личную дружбу с В. И. Лениным, после победы революции предупреждал: “Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия”⁹.

Политическое насилие в революционной России с самого начала направлялось из центра через призывы, указания, декреты и директивы. Большинство их никогда не публиковалось. Они стали доступными после Указа Президента РФ от 23 июня 1992 г. о снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий, уголовного и административного порядка их осуществления, организации репрессивных органов, порядка исполнения и мест отбывания наказания, применения принудительного труда, ограничения прав, помещения в психиатрические учреждения и многих других вопросов¹⁰.

Коротко проследим отдельные тенденции репрессивного правотворчества.

Было принято считать, что первым документом, учреждающим революционные трибуналы для борьбы с контрреволюцией, был Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. На самом деле это не так. 19 ноября 1917 г. НКЮ была уже издана подробная инструкция “О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения их заседаний”. Но и эта инструкция лишь констатировала то, что рождалось из стихии революционной справедливости. В инструкции предписывалось при назначении наказания руководствоваться не законами, а “обстоятельствами дела и велениями революционной совести”. Это и положило начало практике подмены репрессивными органами законодательных учреждений и издания важнейших правовых норм в виде закрытых ведомственных актов.

28 ноября 1917 г. по декрету СНК члены партии кадетов “как партии врагов народа” подлежали аресту и суду революционных трибуналов, а 5 сентября 1918 г. этот же исполнительный орган, отменив решение Всероссийского съезда Советов, ввел смертную казнь и объявил о красном терроре. В эти годы создается самый страшный репрессивный орган — ВЧК, — которому было предоставлено “право непосредственной расправы для пресечения преступлений”, изоляции классовых врагов в концентрационные лагеря, расстрела всех лиц, причастных к вражеским организациям.

Выступая перед сотрудниками ВЧК, Ленин говорил: “Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к

освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, нет"¹¹. В 1922 году ВЧК была упразднена, а ее функции переданы НКВД, а затем ГПУ, в декрете о котором от 16 октября 1922 г. ему предоставлялось "право внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении всех лиц, взятых с поличным"(?). Правовую логику документа понять трудно: если "виновные" взяты, зачем их без суда расстреливать?

23 мая 1922 г. ведомственные (НКЮ) Руководящие начала по уголовному праву были заменены первым УК РСФСР, в главе первой Особенной части которого было впервые даны понятие контрреволюционных преступлений и их перечень (ст. 57—73). Близко к ним примыкала глава III УК, в семи статьях которой предусматривались мыслимые и немыслимые преступления "церковников" (так они именовались в статистике ГПУ). Под контрреволюционным преступлением понималось всякое действие, направленное на свержение завоеваний пролетарской революции. Такой широкий и неопределенный подход дополнялся возможностью объективного вменения (ст. 58, 66, 68, 69, 73), приданием некоторым нормам обратной силы (ст. 67), применением уголовно-правовых санкций при недоказанности контрреволюционных действий (ст. 73), расплывчатостью диспозиций конкретных составов, что позволяло репрессировать любого неугодного человека.

В анализируемом кодексе впервые были сформулированы четыре статьи по антисоветской пропаганде и агитации, распространению ложных слухов, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее. Санкции — до высшей меры наказания. При недоказанности контрреволюционности означенных действий уголовное наказание не исключалось, только снижалось. С введением данных норм началась организованная и массовая расправа за инакомыслие. Как бы потом ни менялось уголовная ответственность за него, все основные положения УК 1922 года оставались до сентября 1989 года, когда из действующего УК 1960 года были исключены ст. 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190-1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Последняя статья в переводе на УК 1922 года означала: при недоказанности контрреволюционности наказание не исключается, а понижается.

Принятие уголовного кодекса не устранило применения уголовных наказаний в административном порядке. Через два месяца после его введения ВЦИК издал Декрет об административной высылке. В это время под непосредственным руководством Ленина была осуществлена насильственная административная высылка за границу и в северные губернии цвета российской и мировой науки: Н. Бердяева, С. Франка, Н. Лосского, С. Булгакова, Ф. Степуна, Б. Вышеславцева, И. Лапшина, И. Ильина, С. Трубецкого, Питири-ма Сорокина, А. Флоровского, В. Мякотина, ректора Московского университета Новикова, ректора Петербургского университета Карсавина и многих других. Список философов был почти целиком

составлен лично Лениным¹². Точных данных о числе депортированных нет. Предполагается, что оно приближается к 300¹³. Причина одна — нежелание слышать оппонентов. Троцкий в одном из интервью так и сказал: “Мы выслали этих людей потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно”¹⁴.

Спустя еще два месяца институт высылки расширяется и ужесточается. Комиссии при НКВД было предоставлено право в административном порядке не только высылать, но и заключать социально опасных лиц в лагерь принудительных работ. После образования СССР в 1922 году и принятия Конституции 1924 года этот институт в соответствии с Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик распространялся на всю территорию Союза. Формально он просуществовал до 1946 года, когда после принятия новых положений о судопроизводстве Пленум Верховного Суда СССР постановил, что ссылка и высылка могут применяться только при осуждении виновного по приговору суда. Фактически он действовал до 1989 года. Вспомним хотя бы ссылку академика Сахарова.

Самыми массовыми были административные ссылки и высылки на поселение кулаков и членов их семей, неудобных народов, военнопленных и перемещенных лиц.

Активная борьба с кулачеством началась в 1929 году. 2 февраля 1930 г. в приказе ОГПУ № 44/21 говорилось: в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как врага сплошной коллективизации по нему должен быть нанесен сокрушительный удар. Истребление и выселение кулаков были проведены оперативно и с перевыполнением: число жертв превысило 20 млн. человек¹⁵. ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своей инструкции от 8 мая 1933 г. № II—6028 цинично констатировали: “Мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников”. Ограничения с выселенных кулаков были сняты лишь в 1954 году постановлением СМ СССР № 1738—789 сс. Обосновывая насилие над кулаком и середняком, Сталин еще в 1928 году говорил: “Средняк как думает? Он думает: хорошо, если бы заплатили больше, но тут дело темное. Петруху посадили, Ванюшку посадили, — могут и меня посадить. Нет уж, лучше я продам хлеб. С советской властью нельзя не считаться”¹⁶.

Вторым массовым выселением было изгнание со своих земель немцев, чеченцев, калмыков, ингушей, балкар, карачаевцев, греков, крымских татар, турок-месхетинцев и др. По признакам национальной принадлежности политическим репрессиям подверглись целиком около 15 народов и этнических групп. Частично же подверглись еще около 55 народов и народностей. Общее число репрессированных составляет 5,2—5,5 млн. человек¹⁷. Все они были выселены на 6 лет: по указам Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. (немцы), от 27 декабря 1943 г. (калмыки), от 30 июня 1945 г. (крымские татары), по постановлениям ГКО от 18 августа 1945 г., СМ СССР от 29 мая 1949 г. и другим нормативным актам. В соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 9 октября 1951 г. министр госбезопасности в своем приказе № 00776 от 24 октября 1951 г. по-

требовал объявить под расписку немцам, чеченцам, калмыкам, ингушам, балкарам, карачаевцам, грекам и крымским татарам, что они оставлены на спецпоселении навечно. Исправление этих злоупотреблений растянулось с 1954 года до настоящего времени.

Третьей волной административных спецпоселенцев были репатриированные военнослужащие и гражданские лица, попавшие в плен или окружение или находившиеся на временно оккупированной территории. По политическим мотивам их необоснованно осуждали за государственные, воинские и иные преступления, без суда направляли в "штурмовые батальоны", в ссылку, высылку, подвергали проверке в сборно-пересыльных, специальных и проверочно-фильтрационных лагерях, в специальных запасных частях, "рабочих батальонах", привлекали к принудительному труду, прикрепляли к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергали иным лишениям и ограничениям прав и свобод. Все они, как правило, направлялись на те или иные спецпоселения на основе постановлений ГКО от 25 февраля 1945 г. № 7590 сс, от 21 марта № 7897 с, от 18 августа № 9871 с, СНК СССР от 21 декабря 1945 г. № 3241—950 сс, СМ СССР от 29 марта 1946 г. № 691—271 сс практически без всякого доказывания их вины.

Согласно официальным сводкам Уполномоченного СНК (СМ) СССР по делам репатриации¹⁸ от 10 апреля 1945 г. количество советских граждан, насильственно увезенных фашистами, составляло 4 109 304 человека, а по состоянию на 1 октября 1951 г. за границей на положении перемещенных лиц оставалось свыше 450 тыс. человек, которые боялись своей страны. Реабилитация плененных произошла лишь в 1995 году, накануне пятидесятилетия Великой Отечественной войны. Абсолютное большинство жертв не дожили до этих дней. Они ушли из жизни "предателями".

Вновь вернемся к правовым актам 20-х годов. Конституция 1924 года на основе ГПУ РСФСР образовала ОГПУ СССР. В этом же году ЦИК СССР расширил его полномочия. Наряду с коллегией ОГПУ, имеющей судебные функции, образовывалось Особое совещание, которому предоставлялось право административных высылки, ссылки, заключения в концлагерь. Шло расширение и уголовно-правовой базы репрессивной деятельности. В 1926 году был принят новый УК РСФСР, а затем и уголовные кодексы других союзных республик. Особенная часть УК РСФСР открывалась, как и в прежнем кодексе, главой о контрреволюционных преступлениях (ст. 58 со значками от 1 до 18). Понятие этих деяний было расширено, допускалось прямое объективное вменение. Существенно расширялась уголовная ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду, добавлялись составы: призывы к неповиновению требований властей, использование религиозных предрассудков в контрреволюционных целях и др. Криминализировались последние островки свободы слова и мнений.

27 февраля 1927 г. ЦИК СССР утвердил общесоюзное Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка уп-

равления). Оно было включено в УК РСФСР под ст. 58 и 59 с соответствующими значками. Это же было сделано и в других союзных республиках. Борьба с контрреволюционными деяниями в стране унифицировалась. 8 июня 1934 г. ЦИК СССР дополнил упомянутое Положение статьями 58-1а — 58-1г. В них впервые была установлена уголовная ответственность для членов семей изменников Родины в виде лишения избирательных прав и ссылки в отдаленные местности на 5 лет. В 1942 году ГКО в своих совершенно секретных постановлениях от 24 июня и 11 октября расширил применение данного института. Начальник Главного управления военных трибуналов в своей верноподданнической директиве № 00486 от 26 октября 1942 г. требовал от военных трибуналов “в целях ускорения репрессирования членов семей” немедленно направлять необходимые документы по месту нахождения родственников осужденного.

1 декабря 1934 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР были внесены существенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. По делам о террористических организациях и терактах следствие должно заканчиваться до 10 дней, обвинительное заключение вручать обвиняемому за сутки до суда, дела слушать без участия сторон, кассационное обжалование и помилование не допускать, приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно. Таким образом, время разбирательства от подозрения, ложного доноса или прямого указания начальства до расстрела нежелательного лица сжималось в несколько суток.

10 июля 1934 г. был образован общесоюзный НКВД, в который вошло ОГПУ. При НКВД учреждались прежние внесудебные органы. По его приказу 25 мая 1935 г. в республиках, краях и областях были организованы новые “тройки”, позднее (надо было успевать!) и “двойки”, которые рассматривали судьбы репрессированных по спискам. Повышенный в должности с заместителя до Генерального прокурора, А. Я. Вышинский издал в 1935 году директиву, расширяющую уголовную ответственность. Он предписывал: выступления, одобряющие теракты, квалифицировать в зависимости от обстоятельств как антисоветскую агитацию и пропаганду, как организационную контрреволюционную деятельность, как покушение на теракт. Он потребовал, чтобы подсудность дел о контрреволюционных преступлениях в отношении группы лиц относилась к спецколлегиям, а в отношении одиночных и групповых дел, “по которым нет достаточных доказательств” (?) — Особому совещанию.

14 сентября 1937 г. ЦИК СССР распространил упрощенный порядок рассмотрения дел о терактах практически на все контрреволюционные преступления. За отступление от этого порядка работники репрессивных органов жестоко наказывались, в том числе и по статьям о контрреволюционных преступлениях. Расследовать дела об этих деяниях за 10 дней было невозможно. Они “шили белыми ниткам” с применением пыток, насилия, подлога, обмана и других злоупотреблений. Действующий в то время институт аналогии позволял репрессивным органам того времени (НКВД, Прокуратуре, НКЮ, Верховному Суду), учитывая политический “ве-

тер", по своему усмотрению (примером может служить упомянутая выше директива Вышинского) толковать как контрреволюционные любые умышленные или неосторожные действия и бездействия. Я оставляю за рамками главы многочисленные акты репрессивных ведомств, которые, соревнуясь между собой в преданности режиму, детально нормировали расправу над собственным народом.

Исследуя тенденции репрессивного нормотворчества, невольно приходишь к выводу о том, что к 1937 году был создан хорошо отлаженный, оперативно и "эффективно" действующий репрессивный механизм, который позволял "законно" расправляться с любым нежелательным лицом и превращать любое явление или событие, бросающие малейшую тень на власть, в контрреволюционное преступление, подлежащее беспощадному подавлению.

Политические колебания в стране так или иначе отражались на "головном" репрессивном органе ВЧК — ОГПУ — НКВД и т. д. 18 марта 1946 г. с преобразованием СНК в Совет Министров НКВД был разделен на МВД и МГБ, которое вскоре было преобразовано в еще более мощную самостоятельную структуру политического сыска и расправы — КГБ, ставшего государством в государстве, обладавшего неограниченными полномочиями и возможностями. Серьезные попытки реформировать его, оставив за ним действительную "государственную безопасность", стали предприниматься лишь после августовского путча 1991 года. Однако первые решения по его дезинтеграции и деидеологизации показались властям недостаточными.

В связи с этим Президент РФ в Указе от 21 декабря 1993 г. "Об упразднении Министерства безопасности РФ и создании Федеральной службы контрразведки РФ" констатировал, что "система ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ — МБ оказалась нереструктурируемой", что структуры политического сыска лишь консервированы и легко могут быть воссозданы, что на фоне происходящих в России демократических преобразований существующая система безопасности изжила себя и является сдерживающим фактором проведения политических и экономических реформ¹⁹. Приведенные обвинения серьезны, но они скорее всего справедливы лишь частично. Основными мотивами были синдром преувеличенного страха новых российских властей перед полуразрушенным КГБ, чувство мести за прежние ущемления и наказание за непослушание.

Здесь не обойтись без отступления, которое, может быть, поможет более правильно оценить одну из причин ослабления социального контроля за коррупцией, организованной преступностью и за преступлениями против безопасности государства в России не только по объективным, но и субъективным обстоятельствам.

Вряд ли наши реформы зависели от вывесок службы безопасности, которые существуют и укрепляются во всех государствах мира. И это не прихоть властей, а жестокая необходимость нашего времени. Переименование МБ в ФСК с лишением последней необходимой дееспособности было проведено совсем не по соображениям национальной безопасности, а после вооруженных "разборок" между Президентом и Верховным Советом, в которых некоторые

спецслужбы, наученные горьким опытом прежней политизации, не проявили особой готовности с оружием в руках участвовать в политической борьбе двух ветвей власти, а значит, и не продемонстрировали солдатской преданности Президенту.

С 1991 года служба безопасности не по профессиональным, а по политическим мотивам преобразовывалась (разваливалась) пятьюкратно. В. Бакатин, назначенный Председателем КГБ еще в дни августовского путча 1991 года, так и пишет: "Организация, которую мне предстало возглавить, чтобы разрушить..."²⁰. Ее обвиняли во всех грехах ВЧК — КГБ, хотя абсолютное большинство сотрудников службы безопасности 90-х годов не были причастны к репрессиям 20—50-х годов, а также к путчам 1991 и 1993 годов. Политические перетряски не могли не нанести ущерба профессиональному уровню службы. Всякий раз с водой выплескивался и ребенок.

При преобразовании МБ в ФСК в 1993 году, например, были ликвидированы следственный аппарат службы безопасности и другие необходимые структуры, хотя измена Родине (государственная измена — по новому УК), шпионаж и другие преступления против государства не только не исчезли, но и увеличились в эти годы. Не прошло и года, как жизнь заставила создавать их заново с соответствующим бременем расходов при нашем нищенском бюджете и поиском ушедших профессионалов. А еще через полгода (3 апреля 1995 г.) Россия вынуждена была принять новый закон "Об органах федеральной службы безопасности РФ", который восстановил многие прежние направления ее деятельности, в том числе и адекватное название — ФСБ. Но квалифицированные кадры ушли. Их знания, опыт и информированность были высоко оценены, но уже не государством.

Служение спецслужб политической ориентации высших должностных лиц или избранных партий представляет опасность не только при коммунистическом режиме. Там, где в деятельность спецслужб вмешивается политика, целью которой является не организация и защита общества, а борьба за власть или ее удержание любым путем, там трудно избавиться от злоупотреблений спецслужб по политическим мотивам. Проблема заключена не столько в спецслужбах, сколько в самом политическом руководстве.

3. Реабилитация жертв политических репрессий

Реабилитация была медленной, противоречивой и мучительной. Она не завершена. Ее проведение проходило и проходит в ожесточенной борьбе между демократическими и прокоммунистическими силами. Она началась вскоре после смерти Сталина. 1 сентября 1953 г. Указом ПВ Совета СССР было упразднено Особое совещание. Жалобы и заявления осужденных Коллегией ОГПУ, "тройками" ("двойками") и Особым совещанием стали рассматриваться Прокуратурой СССР, но с предварительным заключением МВД. Верховному Суду СССР было предоставлено право пересматривать решения спецколлегий, "троек" и Особого совещания. До 1954 года реабилитировано 827 692 человека, осужденных в 1917—

1953 годы. Реабилитация почти не касалась тяжких обвинений. Из всех реабилитированных к смертной казни были приговорены лишь 1128 человек, или 0,14% (здесь и далее используются статистические данные, взятые из официальных материалов Центрального архива КГБ — МБ — ФСК — ФСБ России).

Карательные органы всячески препятствовали объективной реабилитации и держали ее под своим контролем. В этих целях Генеральный прокурор, министр юстиции, министр внутренних дел и Председатель КГБ 19 мая 1954 г. издали совместный совершенно секретный приказ № 96 сс/0016/00397/002252, который фактически изменял порядок пересмотра уголовных дел, установленный указом в отношении осужденных, еще отбывающих наказание, т. е. тех, которые были в основе своей репрессированы в бытность находящихся у власти должностных лиц. Пересмотр дел предполагался свой, ведомственный. Для этого создавалась Центральная комиссия из Генерального прокурора, Председателя КГБ, министра внутренних дел, министра юстиции, начальника "СМЕРШ", начальника Главного управления военных трибуналов. Ей предписывалось пересматривать дела на лиц, осужденных центральными органами. Дела репрессированных на местах предполагалось пересматривать республиканскими, краевыми и областными комиссиями, состоящими из руководителей тех же карательных органов. По мысли сочинителей приказа, решение названных комиссий должно быть окончательным. Однако этого не получилось.

19 августа 1955 г. Президиум ВС СССР своим неопубликованным указом допустил к пересмотру решений Центральной комиссии Верховный Суд (который, может быть, немного меньше был в крови невиновных лиц, чем КГБ), а 24 марта Президиум образовал свои собственные комиссии для проверки на местах обоснованности содержания осужденных лиц, обвиняемых в совершении "политических преступлений". Этим комиссиям также предоставлялось право принятия окончательных решений. Из содержания анализируемых нормативных актов о порядке реабилитации видно, что все причастные к репрессиям органы не желали выпускать из своих рук контроль над реабилитацией.

25 февраля 1956 г., в последний день работы XX съезда КПСС, на закрытом заседании вне повестки дня состоялся доклад Н. С. Хрущева "О культе личности и его последствиях". Это было первое официальное признание сталинских репрессий²¹. 7 августа 1957 г. закрытым Указом Президиума ВС СССР верховным судам союзных республик и военным трибуналам округов (флотов) по протестам соответствующих прокуроров также предоставлялось право пересматривать все дела, в том числе и решения Центральной и местных комиссий при карательных органах, а несколькими днями позже и решения комиссий Президиума Верховного Совета СССР. В течение 1954—1961 годов было реабилитировано еще 737 182 человека (в это число входят и осужденные после 1953 г.), в том числе 353 231 человек (47,9%), приговоренных к смертной казни.

В начале 60-х годов процесс реабилитации стал открыто тормозиться, были сокращены штаты отделов прокуратур, занимающихся подготовкой материалов для внесения протестов. А со снятием Хрущева в октябре 1964 года массовая реабилитация практически приостановилась. За 25 лет (1962—1987 г.) было реабилитировано только 157 055 человек. Этот процесс возобновился лишь в 1988 году. До 1993 года было оправдано еще 1 264 750 человек (с 1992 г. в число реабилитированных входят лишь лица, осужденные на территории России). Всего персонально реабилитировано 2 986 679 репрессированных. Однако это далеко не полный счет незаконных. Вскрыть их при индивидуальном пересмотре наличных уголовных дел после многократных стараний КГБ²² было практически невозможно. Поэтому стал разрабатываться путь групповой реабилитации.

16 января 1989 г. Указом Президиума ВС СССР “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов” были отменены все вынесенные “тройками”, спецколлегиями и Особыми совещаниями внесудебные решения. Это, однако, оказалось недостаточным. 14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию “О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав”. И это не решало всех вопросов. Президент СССР своим указом от 13 августа 1990 г. признал незаконными репрессии в отношении крестьян в период насильственной коллективизации и других граждан, репрессированных по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20—50-е годы.

Указ не распространялся на лиц, обоснованно осужденных за совершение преступлений против Родины и народа. Но как их выявить? Только путем проверки каждого дела. Следовательно, групповой реабилитации все равно не получилось. Более того, обоснованно или необоснованно репрессирован осужденный, решалось не судом, а келейно чиновниками прокуратур. Вот и получалось: тайная реабилитация тайных осуждений. Обнаружились и другие трудности²³. Они преодолевались в законах РСФСР “О реабилитации репрессированных народов” от 26 апреля и “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 г. Осужденные реабилитировались по декриминализованным деяниям. Однако не все составы, считавшиеся в 20—50-е годы государственными преступлениями, были декриминализованы и не все репрессированные были осуждены незаконно. Таким образом, и по этим актам реабилитация требовала индивидуального подхода. В 1993 году дополнением к закону от 18 октября 1991 г. лицам, которым отказано в реабилитации, было предоставлено право обращаться в суд.

Одним из последних актов реабилитации был Указ Президента Российской Федерации “О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период” от 24 января 1995 г. В Указе призна-

ны противоречащими основным правам человека и гражданина, а также политическими репрессиями действия партийного и государственного руководства бывшего СССР и меры принуждения со стороны госорганов, принятые в отношении российских граждан — бывших советских военнослужащих, попавших в плен и окружение в боях при защите Отечества, и гражданских лиц, репатриированных во время войны и послевоенный период. Этим лицам, которых мало осталось в живых, выдаются удостоверения участников войны, и на них распространяются условия, предусмотренные для граждан, подвергшихся нацистским преследованиям. Естественно, все это не касается тех лиц, которые служили в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск и в полиции.

И последнее. В законе о реабилитации репрессированных народов говорится о территориальной, политической, материальной, социальной и культурной реабилитации. Наиболее трудными оказались материальная и особенно территориальная реабилитация для немцев, турок-месхетинцев, крымских татар и некоторых народов Северного Кавказа. До последнего времени, например, ищутся пути погашения межнационального конфликта между ингушами и осетинами в связи с территориальной реабилитацией ингушей²⁴.

Не только в России, но и в других государствах, образованных на территории бывшего СССР, было принято множество нормативных актов, определяющих порядок реабилитации незаконно репрессированных граждан, восстановления их прав и законных интересов, предоставление льгот и выплат денежных компенсаций^{24а}.

4. Статистика политических репрессий

Она ведется с 1918 года, но является неполной, противоречивой и неоднородной. В нее включены как злоупотребления режима, ныне расцениваемые как политические репрессии, так и виновно совершенные преступления, субъекты которых до сих пор остаются не реабилитированными. Доля последних невелика. Есть определенные основания полагать, что удельный вес названных лиц в 1918—1928 годы составлял в среднем не более 10—15%, в 1929—1938 годы — около 1—2, в годы войны и сразу после нее — в пределах 5—10%. Даже после разоблачения сталинского режима и принятия нового законодательства о государственных преступлениях (1958 г.) доля реально виновных в их совершении (т. е. тех, которые не реабилитируются) не превышает 25—50% в структуре зарегистрированных деяний. Более того, речь ведется лишь о статистике "преступлений", квалифицированных судом или внесудебным органом и отраженных в материалах уголовных дел, тогда как основная масса репрессий осуществлялась в административном порядке, по спискам, планам, по наитию больших и малых вождей. Сознывая имеющиеся недостатки учета, тем не менее можно полагать, что динамика зарегистрированных "политических преступлений" более или менее адекватно отражает основные тенденции реальных репрессий за 1918—1958 годы (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о контрреволюционной преступности (1918—1958 гг.)

Годы	Привлечено к угол. ответств.			Осуждено	
	всего	в том числе арестовано	всего	в том числе	
				к лишению свободы	к ВМН
1918	58 762	58 762	20 689	14 504	6 185
1919	69 238	69 238	25 478	22 022	3 456
1920	65 751	65 751	16 064	-	16 068
1921	96 584	96 584	35 829	21 724	9 701
1922	62 887	62 887	6 003	2 656	1 962
1923	104 520	104 520	4 794	2 336	414
1924	92 849	92 849	12 425	4 15	2 550
1925	72 658	72 658	16 481	6 851	2 433
1926	69 479	69 479	17 804	7 547	990
1927	84 615	84 615	26 036	12 266	2 363
1928	98 263	98 263	33 757	16 211	869
1929	219 862	162 726	56 220	28 460	2 109
1930	378 539	331 544	208 069	114 443	20 201
1931	479 065	363 945	33 539	14 915	1 481
1932	499 249	410 433	141 919	73 946	2 728
1933	634 429	505 256	239 664	138 903	2 154
1934	336 003	205 173	78 999	59 451	2 056
1935	293 681	193 083	267 076	185 846	1 229
1936	175 752	131 168	114 383	86 976	1 118
1937	945 268	936 750	790 665	412 392	353 074
1938	641 762	638 509	554 258	205 509	328 618
1939	47 422	44 731	66 627	56 806	2 601
1940	137 019	132 958	75 126	68 316	1 863
1941	209 015	209 015	111 384	87 598	23 726
1942	197 329	191 045	119 445	78 463	20 193/26 510
1943	143 578/263 837	141 253/261 513	96 809	78 315	3 877/12 569
1944	104 271	103 532	82 425	75 417	3 110
1945	121 674	121 122	91 526	86 861	2 308
1946	91 385	91 008	105 251	100 282	2 273
1947	77 212	76 803	73 714	71 400	898
1948	74 619	74 273	72 017	70 993	отм.
1949	73 359	73 103	74 778	63 980	отм.
1950	59 790	59 630	60 908	53 197	468
1951	47 735	47 621	55 738	50 061	1 602
1952	18 143	17 747	30 307	27 157	1 611
1953	12 675	12 448	12 807	11 998	300
1954	1 616	1 495	3 077	2 779	79
1955	1 455	1 369	1 739	1 218	40
1956	1 130	1 026	1 010	781	31
1957	3 536	3 318	2 879	2 488	50
1958	2 498	2 325	2 233	1 857	83

Источник: отчеты ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ СССР. В некоторые годы имеются разные данные.

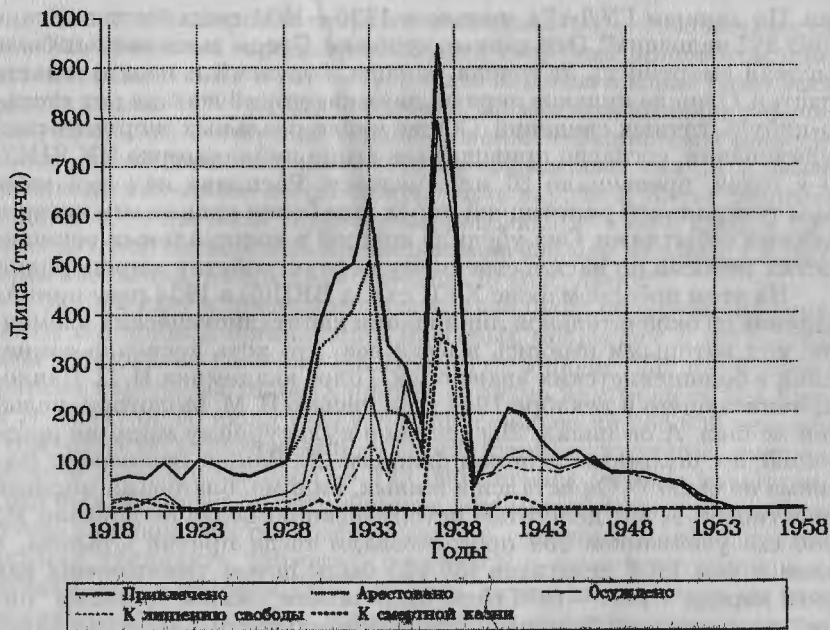

Рис. 1. Динамика контрреволюционной преступности (1918—1958 гг.).

Рост "политических преступлений" обозначился уже в 1918—1922 годы. Выше приводились данные, что только "красный террор" стоил более 1,5 млн. человеческих жизней. Это период ожесточенной гражданской войны, где кроме регистрируемых репрессий кровь миллионов россиян лилась с обеих сторон без всякого учета. В 1925—1926 годы после победы коммунистического режима в гражданской войне наблюдался некоторый спад в проведении политических репрессий. Однако это оказалось делом недолгим. Режим не мог существовать без насилия. После празднеств "великого десятилетия" XV съезд ВКП(б) принял курс на коллективизацию сельского хозяйства. В 1929—1933 годы насильственная коллективизация, борьба с троцкистами и правыми уклонистами, развернутое наступление социализма по всему фронту увеличили репрессивную деятельность режима в 6—8 раз. Особенно велика была доля кулаков в структуре репрессированных лиц, которые в большинстве своем не отражались в статистике ОГПУ.

Кулаки делились на три категории: первая — контрреволюционный актив — подлежала уничтожению по решению "троек", вторая — богатые кулаки и семьи кулаков первой категории — высылалась в отдаленные районы с конфискацией имущества, третья — остальные кулаки, а также середняки, бедняки и даже батраки с прокулацкими настроениями — выселялась внутри республик, краев и областей. Самой многочисленной была вторая катего-

рия. По данным ГУЛАГа, только в 1930—1931 годы было выслано 1 803 392 человека²⁵. Эти данные неполны. Среди высылаемых была высокая смертность от голода, холода, болезней и издевательств властей. О числе кулаков первых двух категорий вообще нет сколько-нибудь точных сведений. Общее число реальных жертв от раскулачивания, согласно приводимым выше публикациям ЦК КПСС 90-х годов, превышало 20 млн. человек. Расправа над кулаками была генеральной репетицией перед еще более кровавыми историческими событиями. Она убедила вождей в колоссальных возможностях режима по насильственному переустройству миропорядка.

На этом победном фоне XVII съезд ВКП(б) в 1934 году принял решение об окончательной ликвидации капиталистических элементов, под которыми имелись в виду все, кто хоть косвенно сомневался в большевистских авантюрах. Голос академика И. П. Павлова, написавшего в декабре 1934 года письмо В. М. Молотову, услышан не был. А он писал: "Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было"²⁶. Он остался в живых, видимо, благодаря мировой известности. А вот делегатам исторического съезда не повезло. Из 1966 его участников 289 проголосовали тогда против Сталина, в связи с чем 1108 делегатов (56,4%) были потом уничтожены как враги народа²⁷. 1937—1938 годы были новым, самым большим "пиком" репрессивной большевистской деятельности. Смертная казнь доминировала (табл. 2).

Таблица 2

Число осужденных в 1937 году по видам наказания за контрреволюционные преступления

Виды наказаний	Осуждено					
	всего	в том числе:				
		военной колдегией	военным трибуналом	специальной коллегией	особым совещанием	"тройками"
ВМН	353 074	13 896	1 701	1 297	-	250 322
ВМН на ИТЛ	194	11	67	111	-	-
ИТЛ 25 лет	192	9	28	149	-	-
ИТЛ 20 лет	337	59	89	183	-	-
ИТЛ 15 лет	1 825	229	144	1 437	-	-
ИТЛ 10 лет	379 039	1 992	4 438	15 602	7 952	333 715
ИТЛ 5 лет	31 706	64	3 294	15 275	6 767	3 340
ИТЛ 3 гда	16 018	6	1 876	8 560	1 592	473
Высылка из страны	645	-	-	-	260	379
Ссыл. и высылка	1 366	2	7	198	1 080	40
Иные меры	6 269	1	785	2 248	260	256
Освобождение от наказания	5 948	10	684	2 058	247	316
Итого	796 613	16 279	13 113	47 118	18 158	588 462

Число приговоров со смертной казнью за 1937—1938 годы составило 82,4% от всех зарегистрированных смертных приговоров, официально вынесенных в 1918—1958 годы. Молотов в конце своей жизни утверждал: 1937 год был необходим. Логика элементарна: революция произошла в отсталой стране, опасность фашистской агрессии велика, необходимо устранить остатки враждебных сил²⁸, т. е. самим уничтожить наиболее дееспособную часть народа. В Китае подобием нашего 1937 года была "культурная революция" в 60-е годы, в процессе которой подверглись преследованию 200 млн. человек, т. е. четверть населения, из которых около 8—10 млн. убито²⁹.

В 1992 году в президентском архиве были обнаружены документы о плановой организации массовых репрессий в 1937—1938 годы³⁰. На основе решения ЦК ВКП(б) от 2 июня 1937 г. о борьбе с врагами народа последовал приказ наркома внутренних дел Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. о репрессировании 268 950 человек, в том числе об уничтожении — 75 950 (первая категория), направлении в лагеря и тюрьмы — 193 000 человек (вторая категория). План был расписан по республикам, краям и областям. И это было только началом. Местные руководители, соревнуясь друг с другом, просили увеличить "лимиты" по первой и второй категориям на десятки тысяч человек. Они, конечно, лучше знали, с кем им надо рассчитаться или от кого избавиться. Из многочисленных просьб приведу одну, самую небольшую. "Для очистки Армении просим разрешить дополнительно расстрелять 700 человек из дашнаков и прочих антисоветских элементов. Разрешение, данное на 500 человек первой категории, уже исчерпывается. Микоян, Маленков, Литвин". Участвовал в этом и лично Сталин. Привожу его резолюцию: "Дать дополнительно Красноярскому краю 6600 лимита по первой категории. И. Сталин". Кроме первичного плана, встречных планов с мест ЦК ВКП(б) принял дополнительный план на 57 200 человек второй категории и 48 000 — первой. И это не все. Инициатива местных партийных и советских лидеров была беспредельной.

Деятельность "троек" первоначально предполагалось приостановить 10 декабря 1937 г. Но этот срок неоднократно продлевался. Приведу по этому поводу циничное выступление начальника УНКВД Мальцева в Томске: "Партия и правительство продлили срок работы троек до 1 января 1938 г. За два-три дня, что остались до выборов в Верховный Совет (первые выборы по Сталинской конституции 12 декабря 1937 г. — В. Л.), вы должны начать "заготовку", а затем вы должны "нажать" и быстро закончить дела... Возрастным составом я вас не ограничиваю: давайте стариков. Нам нужно нажимать, так как наши уральские соседи нас сильно "прижимают"... Вы должны дать до 1.01.38 не менее 1100 человек, по полякам, латышам и другим не менее 600 человек в день, но в общей сложности я уверен, что за три дня вы "догоните" до 2000 человек. Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7—10 дел в день"³¹.

Расправа была приостановлена лишь 17 ноября 1938 г. с ликвидацией “троек” и обвинениями НКВД и Прокуратуры в злоупотреблениях и в попытке выйти из-под партийного контроля. Путем очередных политических злоупотреблений они получили свое. Центральные власти избавились от многих свидетелей-соучастников и обелили себя.

В 1939 году число регистрируемых репрессий снизилось в 20 раз. Однако отдых палачей снова был недолгим. В 1940 году репрессии увеличились, а в последующем году — возросли по сравнению с 1939 годом в 4,4 раза. Последний всплеск учтенных репрессий был в 1946—1947 годы, когда они обрушились на репатрированных граждан³². В эти годы продолжались массовые репрессии против неугодных народов, но сведения о них находились вне официальной статистики. По состоянию на октябрь 1946 года на спецпоселении находилось 2 463 940 человек, главным образом из числа выселенных народов³³. Эти данные неполны. Тысячи людей уничтожались и гибли при переселении³⁴, совершали побеги и самоубийства. По приводимым выше исследованиям, общее число выселенных народов приближается к 6 млн. человек.

Зловещий 1937 год со временем приобрел вторую жизнь в качестве серьезного политического пугала. По сути же своей он мало возможен был уже после 1956 года, хотя усеченные политические репрессии при Хрущеве продолжались. Он стал практически неосуществимым во времена Брежнева, хотя именно в его годы сталинизм амнистировался и реализовывался в новой форме репрессивной психиатрии. При Горбачеве и эти возможности сократились, хотя были Вильнюс, Тбилиси, Баку и т. д. Реальные, но кратковременные рецидивы 1937 года обозначились в “путчах” 1991 и 1993 годов. Но это было тщетное отчаяние власть теряющих. Вряд ли наш нынешний народ позволит возвращение кровавых репрессий. Тем не менее синдром 1937 года жив как пугало. Любое движение властей, нацеленное на цивилизованный социально-правовой контроль над криминальной приватизацией, организованной преступностью, коррупцией и т. д., отвергается под предлогом этого пугала. Эксплуатируется людской страх перед сталинизмом в корыстных или политических целях.

5. Репрессии за инакомыслие и уголовная преступность

Особый интерес могут представлять регистрируемые политические репрессии за антисоветскую пропаганду и агитацию. Их доля в структуре контрреволюционных преступлений в различные годы колебалась в пределах 30—50%. Все они без исключения относятся к преступлениям властей против своего народа, который пытался мыслить и говорить не по коммунистическим пропагандистским трафаретам. Сведения об анализируемых преступлениях имеются с 1923 года. Они, естественно, неполны, и их нельзя

построить в виде единого статистического ряда до 1958 года, так как в одни годы учитывались только привлеченные к уголовной ответственности за инакомыслие, в другие — арестованные, а в третьи — осужденные. Измерялись они сотнями тысяч. В 1936 году, например, только официально было арестовано 234 301 человек.

В 1958 году был принят новый закон о государственных преступлениях, учет которых был налажен лучше, чем в предыдущие годы. Однако полного доступа к данным последних лет я не получил, хотя работал с архивными документами после принятия и опубликования Закона "О государственной тайне" от 21 июля 1993 г., согласно которому не подлежат засекречиванию сведения о преступности, фактах нарушения законности органами государственной власти, т. е. как раз те данные, которые содержатся в учете сведений о государственных преступлениях. Мне были даны лишь обобщенные данные за 1959—1991 годы в целом. Согласно им за совершение особо опасных государственных преступлений в эти годы было осуждено 5483 человека, в том числе 2781 — за антисоветскую агитацию и пропаганду (эти данные я получил по годам), а за иные государственные преступления — 9206 человек. Из приведенных сведений видно, что судимость за инакомыслие доминировала в структуре особо опасных государственных преступлений, составляя в среднем за 32 года 50,7%. И это при условии, что с 1988 года за него к уголовной ответственности никого не привлекали, а в 1989 году рассматриваемое деяние было декриминализировано.

Большой удельный вес осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в структуре особо опасных государственных преступлений свидетельствует о том, что и после хрущевского потепления репрессивная деятельность КГБ структурно не изменилась. Как и его предшественники, он более половины своих усилий направлял на борьбу с инакомыслием. Относительно либеральный брежневский режим вырабатывал новые методы "затыкания ртов" своим согражданам. Фактическая борьба с инакомыслием была многократно шире, чем это регистрировалось в приговорах. Сколько человек находилось "под колпаком" спецслужб, привлекалось к уголовной ответственности, арестовывалось, направлялось в психбольницы, выгонялось с работы и всячески ущемлялось, нам не известно. Более того, в 1966—1989 годы существовала уголовная ответственность за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский и государственный строй (ст. 190¹ УК РСФСР и соответствующие статьи УК других республик), сведений о которых тоже нет. Они учитывались вместе с другими в графе "Иные преступления".

При всей своей неполноте судимость за антисоветскую агитацию и пропаганду как политическая репрессия чистой воды является важным индикатором многих составляющих (особенно идеологической, социально-психологической, оперативной и репрессив-

ной) тотального контроля за мыслями и поведением людей, о котором говорилось в начале главы. Высказанное там предположение о том, что основной причиной относительно низкой уголовной преступности в СССР, особенно в сталинский период, был упомянутый контроль, косвенно подтверждается сильной корреляционной зависимостью (около — 0,8) между статистическими рядами уровня идеологической репрессии и уровня уголовной преступности (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение уровня судимости за антисоветскую агитацию и пропаганду и уровня уголовной преступности

Годы	Число уголовных преступлений	В % к 1959 г.	Число осужденных за инакомыслие	В % к 1959 г.
1959	614 552	100,0	750	100,0
1960	651 260	106,0	162	21,6
1961	877 549	142,8	207	27,6
1962	881 543	143,4	323	43,1
1963	795 772	129,5	341	45,5
1964	758 306	123,4	181	24,1
1965	751 801	122,3	20	2,7
1966	888 125	144,5	48	6,4
1967	871 296	141,8	38	5,1
1968	941 078	153,1	54	7,2
1969	969 186	157,7	72	9,6
1970	1 046 336	170,3	83	11,1
1971	1 057 090	171,8	66	8,8
1972	1 064 976	173,3	68	9,1
1973	1 049 433	170,8	73	9,7
1974	1 141 108	185,7	47	6,3
1975	1 197 512	194,9	22	2,9
1976	1 232 166	200,5	5	0,6
1977	1 212 022	197,2	6	0,8
1978	1 308 466	219,9	12	1,6
1979	1 432 689	233,1	4	0,5
1980	1 527 557	248,6	35	4,7
1981	1 609 470	261,9	39	5,2
1982	1 655 932	269,5	26	3,5
1983	2 016 514	328,1	44	5,9
1984	2 029 144	330,2	25	3,3
1985	2 083 501	339,0	16	2,1
1986	1 987 293	323,4	11	1,5
1987	1 798 549	292,7	3	0,4
1988	1 867 223	303,8	0	0,0
1989	2 461 692	400,6	0	0,0
1990	2 786 605	453,4	0	0,0
1991	3 224 273	524,7	0	0,0

Рис. 2. Соотношение показателей о судимости за политическую и уголовную преступность.

Данные таблицы и графика показывают, что снижение уровня идеологических репрессий сопровождалось соизмеримым ростом уголовной преступности. Идеологические репрессии в этом случае выступают как показательный индикатор тотальности контроля за поведением и деятельностью людей.

6. Об общем числе пострадавших от режима

Завершая краткий анализ "политической преступности", остается без ответа один болезненный вопрос: во что же обошлась власть Советов нашему многострадальному народу с ноября 1917 года по октябрь 1993 года?

Глубоко занимавшийся этой проблемой русский писатель А. И. Солженицын считает, что жертвами государственных репрессий и терроризма с 1917 по 1959 год стали 66 700 000 человек³⁵. Аналогичную цифру — более 60 млн. человек — называет А. Н. Яковлев, бывший председатель Комиссии по реабилитации репрессированных лиц^{35а}. Как бы ни ошеломляла эта цифра, она не так далека от реалий, если учесть всех пострадавших от советского режима, убитых, искалеченных, посаженных, ссыльных, находившихся в "рабочих батальонах", умерших под пытками, от голода и холода

по вине властей, страдавших в психушках, мучившихся без родителей сирот и т. д. и т. п.

Согласно постановлению правительства от 3 мая 1994 г. "Об утверждении Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий" к ним относятся не только реабилитированные, но и пострадавшие от этих репрессий: репрессированные народы; дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, ссылке, высылке, на спецпоселении; дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения репрессированных родителей; дети, супруга (супруг) и родители лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно.

Только уничтожено было несколько миллионов. И это не противоречит демографическим тенденциям, если учитывать естественный и искусственный (присоединение Прибалтики и других западных областей в 1939 г. с населением более 20 млн. человек и людские потери в Великой Отечественной войне) прирост — снижение численности населения, опираясь на переписи 1926, 1937, 1959 годов³⁶. Не случайно перепись 1937 года была признана дефектной. По сравнению с ранее объявленными подсчетами не хватало 18 млн. человек³⁷.

Если во время "красного террора" было уничтожено около 2 млн., раскулачивание коснулось свыше 20 млн., изгнано со своих земель около 6 млн., наказано за пленение и проживание на оккупированной территории не менее 5 млн. человек, то уже при этом грубом подсчете (нигде не учтенных репрессий) число пострадавших выходит за пределы 30 млн. Есть сведения, что с января 1935 года по июнь 1941 года было репрессировано 19 840 000 человек, причем в первый же год после ареста были казнены, погибли под пытками и умерли около 7 млн. человек³⁸. А. Антонов-Овсеенко полагает, что жертвами повальной коллективизации были 22 млн. человек. Он прибавляет к ним 20 млн. репрессированных в 1935—1941 годы. В вину сталинскому режиму он ставит также гибель 30 млн. человек на фронте и в тылу во время войны (в связи с обезглавливанием армии перед войной) и 9 млн. репрессированных в период войны и послевоенные годы. Всего, по его подсчетам, режим сократил народ на 80 млн. лучших его сыновей³⁹. В дневнике академика В. И. Вернадского, который в январе 1939 года оценивал события только второй половины 30-х годов, приводится цифра 14—17 млн. ссыльных и в тюрьмах⁴⁰. Есть и другие сведения о жертвах коммунистического режима, именуемого "террориадой"⁴¹. Историкам предстоит серьезная работа по уточнению этих данных.

Официальные сведения многократно занижены. В феврале 1954 года впервые объявлено, что с 1921 по 1953 год за контрреволюционные преступления было арестовано 3,8 млн. человек. В последующих многократных высказываниях официальных лиц, независимо от охватываемого периода, звучала примерно одна и та же цифра. И это настораживает. Последнее заявление было сделано начальником Центрального архива МБ РФ А. А. Краюшкиным. И

вновь та же цифра, хотя взят период намного больший. В своем интервью в 1993 году он сказал, что, если исходить из наличных уголовных дел (?), за контрреволюционные преступления с 1917 по 1990 год было осуждено 3 853 900 человек, из них 827 955 расстреляно. Краюшкин оговаривается, что реальное число людей, чьи судьбы были исковерканы репрессивной машиной, было во много раз большим⁴². По нашим примерным и осторожным подсчетам, официально объявленное число незаконно репрессированных и пострадавших вместе с ними их близких следует увеличить по меньшей мере на порядок⁴³.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что политические репрессии в СССР были, с одной стороны, следствием социально-экономической и политической отсталости значительной части бывшего российского народа, поверившего в лозунги авантюристов и допустившего кровавые надругательства над собой, с другой — результатом слабости противоестественного коммунистического режима, не способного в демократических условиях выдержать политическую конкуренцию.

Тоталитарный режим в СССР, провозгласивший своей философией диалектический и исторический материализм, в реальной практике никогда не опирался на объективные законы экономического, социального и политического развития. Наоборот, под "крышей" этого учения он всячески протаскивал апологетику своей волюнтаристско-насильственной практики.

Человечество, видимо, никогда не откажется от поиска более совершенного и справедливого общества, но последнее, каким бы светлым оно ни представлялось, не может быть организовано путем попрания законов социально-экономической и политической эволюции, путем кровавого насилия над инакомыслием. Это положение, несмотря на тяжкие последствия коммунистического режима в нашей стране, не может пока считаться достаточно интeриоризированным, если сохраняется слабая социальная и правовая защищенность народа в сочетании с привычным доверительным отношением миллионов людей к демагогии о принудительно скорых решениях сложнейших национальных и мировых проблем.

¹ Szabo D. The political criminal: a special case // The review of comparative Law. Vol. 5—6. Lublin, 1990. P. 58—101.

² Типовой договор о выдаче // Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г. ООН, Нью-Йорк, 1991. С. 76.

³ Декларация основных принципов правосудия в отношении жертв преступлений и злоупотреблений властью // Седьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Милан, 26 августа — 6 сентября 1985 г. ООН, Нью-Йорк, 1986. С. 71.

⁴ Мельгунов В. П. Красный террор в России. 1917—1923 гг. М., 1990. С. 46.

⁵ Яковлев А. Н. По мощам елей. М., 1995. С. 6.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 490—491.

⁷ Лосский Н. О. Характер русского народа. Книга вторая. Посев, 1957. С. 72.

⁸ Левицкий С. А. Трагедия свободы. Франкфурт-на-Майне, 1958. С. 304.

⁹ Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1917. 7(20) нояб.

¹⁰ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Е. А. Зайцев. М., 1993.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 174.

¹² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Изд. 2-е. Лондон, 1986. С. 150.

¹³ Сапов В. В. Высылка 1922 года: попытка осмысления. Социологические исследования, 1990, № 3; Корнешов Л. Август, 70 лет назад. Изгнание мудрецов // Российская газета. 1992. 9 сент.

¹⁴ Цит. по: Осоргин М. Как нас уехали (юбилейное) // Социологические исследования. 1990. № 3. С. 121.

¹⁵ Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 9.

¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 211.

¹⁷ Цой Б. С. Социальные и экономические аспекты реабилитации народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Государство и право. 1994. № 12. С. 12.

¹⁸ Книшневский П. Прощай, Германия, здравствуй, Колыма. Российская газета. 1995. 2 февр.

¹⁹ Российская газета. 1993. 24 дек.

²⁰ Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992.

²¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128—170.

²² Коваленко Ю. Костры на Лубянке // Известия. 1993. 19 нояб.

²³ Безлепкин Б. Т. Реабилитация необоснованно репрессированных граждан по делам прошлых лет // Сов. гос. и право. 1990. № 3.

²⁴ Указ Президента РФ от 13 декабря 1993 г. "О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Республики Северная Осетия и Ингушской Республики // Российская газета. 1993. 16 дек.; Указ Президента РФ от 19 октября 1996 г. "Об организации деятельности полномочного представителя Президента РФ в Республике Северная Осетия — Алания и Республике Ингушетия" // Российская газета. 1996. 24 окт.

^{24а} Сборник законодательных и нормативных актов стран СНГ и Балтии по вопросам реабилитации жертв политических репрессий. М., 1996.

²⁵ Земсков В. Н. "Кулацкая ссылка" в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3.

²⁶ Российская газета. 1995. 25 февр.

²⁷ Российская газета. 1995. 22 апр.

- ²⁸ Лельчук В. "37-й год был необходим" // Московские новости. 1991. 5 мая.
- ²⁹ Иمامов Э. З. Уголовное право КНР. М., 1990. С. 18.
- ³⁰ Геворкян Н. Встречные планы по уничтожению собственного народа // Московские новости. 1992. 21 июня.
- ³¹ История 58-й статьи // Российская газета. 1993. 19 окт.
- ³² Шевяков А. А. "Тайны" последней репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 10.
- ³³ Известия. 1992. 29 дек.
- ³⁴ Преловская И. Преступления войск НКВД при изгнании чеченцев и ингушей зимой 44-го // Известия. 1992. 12 марта.
- ³⁵ Книга рекордов Гиннеса. М., 1989. С. 215.
- ^{35а} Яковлев А. Если большевизм не сдастся... // Российская газета. 1996. 17 окт.
- ³⁶ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 17; Население СССР. 1988. Статистический ежегодник. М., 1989. С. 8.
- ³⁷ Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 3—25.
- ³⁸ Антонов-Овсенко А. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апр.
- ³⁹ Антонов-Овсенко А. Сталин без маски. М., 1990. С. 506.
- ⁴⁰ Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль. 1994. С. 165.
- ⁴¹ Капустин М. Конец утопии — Прошлое и будущее социализма. М., 1990. С. 113—149.
- ⁴² Лубянка открывает свои архивы // Российская газета. 1993. 17 апр.
- ⁴³ Лунеев В. В. "Политическая преступность" // Государство и право. 1994. С. 121.

Глава 7

Насильственная преступность

1. Насилие как международная проблема

Международное сообщество, начиная со Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), провозгласившей право человека на жизнь, личную неприкосновенность, запрет на насилие, пытки и жестокое обращение, во многих последующих решениях и резолюциях Генеральной Ассамблеи, ЭКОСОС, Конгрессов ООН неотступно развивало и отстаивало эти фундаментальные установления¹. Последний, Девятый конгресс в Каире (1995 г.) посвятил этой острой проблеме семинар-практикум "Предупреждение преступности с применением насилия", подготовив к его проведению "Международный обзор о причинах насилия". В подготовительных материалах пяти региональных совещаний (европейских, латиноамериканских, азиатских, арабских, африканских стран) к Девятому конгрессу ООН выразилась большая озабоченность всех регионов в

мире ростом преступного насилия, особенно в городах, школах, а также в семьях против детей и женщин.

В международных документах указывается, что насилие, будучи преступным деянием; представляет собой взаимосвязанный процесс, который протекает на индивидуальном уровне, на уровне общества и весьма распространен на мировой арене. Насильственные конфликты на индивидуальном уровне готовят почву для конфликтов на национальном и международном уровнях, включая транснациональную террористическую деятельность: макросом, отражающий микросом.

Наиболее сложные проблемы с насильственной преступностью в большинстве стран мира связаны с крупными городами, где люди, и преступники в том числе, могут затеряться. Эти проблемы непрерывно обостряются в результате роста городов, мобильности населения, увеличения различий между городами. Бесплановая нелегальная урбанизация, сопровождающаяся быстрыми социальными изменениями и миграционными процессами, ведет к перенаселенности городов и пригородных районов, способствует росту насилия. У селян, прибывших в город в поисках счастливой жизни, ослабляются семейные связи, утрачиваются традиционные формы контроля и самоконтроля. Они сталкиваются с чуждой им культурой, с отчужденностью, присущей городской жизни, с неустроенностью жизни и быта. В условиях, позволяющих обеспечить анонимность существования, которые характерны для крупных городских агломераций, насилие имеет особую распространенность. Оно, в свою очередь, ведет к возникновению страха, изоляции, отсутствию чувства безопасности, жестокости и виктимизации, включая нарушение прав человека в значительных масштабах.

В последние годы на международном и национальном уровнях серьезно рассматривается проблема насилия в отношении женщин и детей. Во многих частях мира жестокое обращение с ними по-прежнему скрывается, отрицается, сводится к минимуму по своей значимости. К нему проявляется терпимость, и оно толкуется как приемлемые культурные нормы и традиции. Насильственные действия, которые в других условиях считались бы преступными, узакониваются, когда они совершаются в отношении женщин и детей в частной семейной сфере.

Насилие в отношении женщин относится к трудно разрешимой проблеме неравенства полов. "Воспитательное" насилие в отношении детей носит особо массовый характер. По некоторым подсчетам, в России ежегодно подвергаются насилию около 2 млн. детей. Насилие в отношении детей трансформируется в насилие среди несовершеннолетних и молодежи, которые несут эту "эстафету" в будущее. "Насилие — это своего рода заколдованный круг. Имеются веские основания полагать, что насилие повторяется из поколения в поколение"². Этот вывод почти экспериментально подтверждается в таком преступлении, как нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими разного призыва (на воинском жаргоне — "дедовщина") в Советской, а ныне в Рос-

сийской армии. Молодой солдат, пройдя на первом году службы через насильственное унижение со стороны старослужащих, становясь им, "вымещает" свои прежние обиды на вновь прибывших молодых солдатах. И так из года в год.

2. Понимание насильственной преступности

В принципиальном плане понимание насильственной преступности особой трудности не представляет. Основным отличительным признаком этой категории самых опасных преступлений является физическое (психическое) насилие над потерпевшим (жертвой) или угроза его применения. Результатом насильственных деяний может быть смерть, причинение телесных повреждений или психического вреда, которые в силу различных правовых признаков могут квалифицироваться по-разному.

Сфера насилия в современном мире остается чрезвычайно широкой и многоликой. Она распространяется от банального бытового насилия в семье до изоциренного научно и технически обеспеченного вооруженного насилия в межгосударственных отношениях. Названные крайности, как правило, не являются преступными. В первой из них насилие в основе своей осуждается лишь морально, а во второй — оправдывается политически. В теоретическом плане криминологически значимым является любое насилие, криминализованное или некриминализованное, а в практическом — лишь то, которое по национальному или международному уголовному праву квалифицируется как уголовно наказуемое деяние. В этой-то уголовно-правовой материи и сосредоточены основные понятийные трудности.

В международном уголовном праве некоторые виды транснациональной общественно опасной деятельности не имеют четких и бесспорных определений. Например, давно занимаясь международным терроризмом, ООН до сих пор не выработала для него приемлемого определения³. В национальном уголовном законодательстве различных стран при более или менее удовлетворительном решении проблемы конкретных дефиниций наличествует трудно сопоставимое разнообразие.

Вопросники ООН относят к насильственным преступлениям умышленные и неумышленные (неосторожные) убийства, нападения с применением физического насилия, изнасилования и другие деяния. И это не бесспорно. Вряд ли следует относить к насильственным преступлениям неосторожное убийство, хотя оно и совершается путем физического воздействия на человеческий организм. По своей криминологической сути оно не отличается от многочисленных нарушений правил безопасности, в результате которых причиняется непредумышленный физический вред человеку, включая и его смерть.

При межстрановедческих сравнениях эти трудности умножаются. Статистические ежегодники о преступности в США (Crime in the United States) открываются традиционной схемой частоты

совершения преступлений во времени, которая включает в группу насильственных преступлений умышленное убийство, изнасилование, грабеж (Robberi, охватывающий и наше понимание разбоя) и нападение при отягчающих обстоятельствах. Насильственные преступления в США не исчерпываются этими составами, но в федеральный учет включены только они. Кроме того, отнесение грабежа к насильственным преступлениям не совсем корректно.

Сборники криминальной статистики ФРГ (Polizeiliche kriminalstatistik) имеют специальный раздел "насильственные преступления", в котором перечисляются все виды предусмотренных в УК умышленных убийств, изнасилование, разбой, телесные повреждения, опасные увечья, отравления, захват заложников и вымогательство путем похищения людей.

Более сложный подход к насильственным преступлениям имеется в статистических бюллетенях Англии и Уэльса (Notifiable offences Recorded by the Police in England and Wales), где сохраняется казуистическое уголовное право. Обобщающая таблица о подлежащих регистрации преступлениях, зафиксированных полицией, открывается насильственными посягательствами. В эту группу включаются подгруппы: "насилие против личности", "сексуальные преступления", "грабежи" с распределением по отдельным составам.

В подгруппе "насилие против личности" значатся тяжкие преступления (убийство, непредумышленное убийство, детоубийство, покушение на убийство, угроза или тайный стговор для совершения убийства, уничтожение ребенка, опасное и безрассудное вождение автомашины, сопровождающееся смертью, натравливание собаки или другое опасное для жизни действие) и менее тяжкие преступления (подвергание опасности жизни на море, оскорбления, нападения, оставление ребенка в возрасте до двух лет, похищение ребенка, совершение незаконного аборта, сокрытие рождения ребенка).

В подгруппу насильственных сексуальных преступлений включаются: педерастия, непристойные действия к лицу мужского пола, непристойное поведение между людьми мужского пола, изнасилование, непристойное действие по отношению к лицу женского пола, незаконные половые сношения с девочкой в возрасте до 13 лет, незаконные половые связи с девочкой в возрасте до 16 лет, кровосмешение, сводничество, похищение женщины, двоеженство и др. Грабежи также значатся в группе насильственных преступлений и расшифровываются по конкретным составам в структуре имущественных деяний.

В шведской криминальной статистике (Rattsstatistik arsbok) с 1950 года группа насильственных преступлений отдельно не выделяется, хотя учитываются все виды умышленных и непредумышленных убийств, различные нападения с телесными повреждениями и побоями, изнасилование и другие виды сексуальных преступлений (сексуальное принуждение, половая эксплуатация, сексуальные контакты детей со своими родителями и т. д.), грабеж и другие опасные деяния. В научной литературе под рассматриваемой группой деяний подразумеваются умышленные и неумышлен-

ные убийства и различные нападения (включая разбойные), перечисленные в третьей главе УК Швеции. Сексуальные преступления в эту группу не включаются. Отдельно от насильственных преступлений рассматриваются насильственные посягательства на должностных лиц⁴.

Французские статистические сборники о преступности и правонарушениях (*Crimes et delits Constates en France*) также не пользуются понятием "насильственные преступления". В них выделяется раздел преступлений против личности, в котором перечисляется около 20 составов (убийство, покушение на убийство, умышленное нанесение телесных повреждений и побоев, захват заложников, нарушение неприкосновенности жилища и иные умышленные преступления против личности), преступления против нравственности, куда кроме изнасилования входят развратные действия, сводничество и иные деяния, а также преступления против семьи и ребенка, где наряду с насилием над ребенком есть плохое обращение с ним и другие деяния, не связанные с насилием.

В японской Белой книге о преступности (*Summary of the white Paper on Crime*) ее структура также привязана к статьям и главам уголовного кодекса.

В публикуемых статистических сборниках о преступности и правонарушениях в СССР, а ныне в России группа насильственных преступлений тоже не выделяется. В УК РСФСР 1960 года есть глава о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, где сгруппирована основная часть опасных насильственных преступлений (13 статей). Но она не идентична рассматриваемой группе преступлений, поскольку преступления, совершаемые преимущественно путем насилия, имеются и в других главах УК: государственные преступления (террористический акт, бандитизм, действия, дезорганизирующие работу ИТУ); против порядка управления (сопротивление представителю власти, работнику милиции или народному дружиннику, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг); преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (хулиганство, угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений); воинские преступления (сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей, угроза начальнику, насильственные действия в отношении начальника, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, злоупотребление властью и превышение власти — рукоприкладство). Наряду с этими посягательствами в главе о преступлениях против личности есть более 20 статей, в которых предусматриваются деяния, совершаемые без насилия.

Исходя из объективного группировочного признака (насилия) рассматриваемых деяний и из практики других стран и ООН, нельзя полностью исключить из насильственных преступлений разбой и

грабеж, связанные с насильственным завладением чужой собственности, хотя это не бесспорно, о чем пойдет речь ниже.

В УК РФ 1996 года при существенных структурных изменениях Особенной части сохраняются примерно аналогичный разброс насильственных преступлений, хотя и по-иному названных, и более дробные главы по сравнению с УК 1960 года. В новом кодексе насчитывается более 55 статей, предусматривающих преступления, совершаемые путем насилия, которые распределены в 6 разделах и 13 главах.

В оперативной криминологической информации МВД СССР и России насильственные преступления, как правило, также "рас-таскиваются" по разным группам деяний: тяжкие, уличные, групповые, с применением оружия и т. д.

Распределяясь по разнородным составам (их около 50), видам и группам преступлений действующего УК, в выпускаемых статистических сборниках насилие не улавливается в полном объеме, что существенно ограничивает возможности общества по постижению социальной сути криминологической обстановки.

Лишь изучение преступлений против личности может дать некоторое целостное криминологическое представление о насильственных деяниях. Но и оно размывается за счет включения в эту главу значительного числа ненасильственных преступлений. Изучение же других групп преступлений — против порядка управления, собственности, общественного порядка и т. д., — часть которых совершается с применением насилия, может вообще отодвинуть криминологическую суть насилия на второй, третий планы.

Наиболее адекватно криминологическая суть деяния отражается в содержании мотивации преступного поведения: насильственной, корыстной, анархической, политической и т. д. Группировку преступлений по содержанию мотивации можно условно называть первичной, а по объекту посягательства — вторичной. Для ориентированного на насильственное решение проблем субъекта наименование состава преступления, через которое он реализует свои агрессивные установки, играет второстепенную роль. При наличии тех или иных условий его установочная мотивация может реализовываться в любых насильственных преступлениях, государственных, против личности, собственности, порядка управления и т. д.

Поэтому для полноты картины целесообразно изучать преступления хотя и разные по объекту посягательства, но связанные единой мотивацией. Последняя, как правило, коррелирует с соответствующим типом личности и взаимосвязанным комплексом объективных предпосылок, т. е. со всей совокупностью объективных и субъективных причин. На основе изучения этой совокупности открываются более широкие возможности по анализу, прогнозу и предупреждению насильственного, корыстного и других видов преступного поведения.

Доминирующей мотивацией рассматриваемой группы преступлений является осознанное или подсознательное стремление субъек-

та к насильственно-эгоистическому самоутверждению. Значительная доля деяний, совершаемых путем насилия (терроризм, бандитизм, разбой, грабеж и др.), которая в последние годы интенсивно растет, совершается из корыстных и даже политических побуждений. Эти преступления хотя и реализуются путем насилия, но по своей криминологической характеристике тяготеют к корыстным (корыстно-насильственным) или политическим деяниям.

Анализ тенденций преступности по мотивации криминологически перспективен⁵, но он пока слабо обеспечен статистически. Учета преступлений по мотивации в нашей стране и в других странах практически нет. Хотя и непреодолимых препятствий для этого тоже нет. В соответствии с действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством России и многих других стран мотив преступления включен в предмет доказывания по уголовным делам. Глубоко или поверхностно, но мотивация преступного поведения по большинству уголовных дел устанавливается. Но она не включается в первичные и иные документы учета преступлений и лиц, их совершивших, за исключением сведений о некоторых мотивах совершения умышленных убийств.

Таким образом, уголовное законодательство и официальная криминальная статистика в России и других странах не дают достаточных оснований для более или менее полного анализа насильственных преступлений. В то же время в большинстве стран и в мировом сообществе в целом эти деяния обособленно рассматриваются в качестве самых опасных и тяжких.

Непревзойденной и непреходящей социальной ценностью являются жизнь человека, его здоровье и свобода. Поэтому целостный анализ криминализованного насилия, его тенденций и закономерностей имеет исключительное криминологическое, социальное и даже политическое значение. Последний аспект в России четко прослеживается по убийству депутатов, политических деятелей, предпринимателей, журналистов, работников судов и правоохранительных органов.

Насилие межвидовое и внутривидовое свойственно всему живому. Но лишь человеку присуще внутривидовое физическое уничтожение. Оно уходит в глубину веков и сопровождает становление и развитие человечества на протяжении всей его истории. Судя по дошедшим до нас древним источникам, огромный вред насилия стал осознаваться давно. Приметы такого осмысления мы находим в законах Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), Ману (II—I в. до н. э.), XII таблицах (I в. до н. э.). Правда, это осмысление касалось охраны жизни и здоровья главным образом имущих (власть имущих). И только к началу текущего столетия уголовно-правовая охрана жизни и здоровья всех граждан как бы формально уравнивается.

В настоящее время равенство всех перед законом и судом, право на жизнь, достоинство, свободу и личную неприкосновенность стали международными и национальными конституционными нормами, в том числе и в России⁶. Однако между этими общепризнанными нормами и криминологической реальностью находится

огромная пропасть, которая углубляется и расширяется. Научно-технический прогресс, рост культуры и образования народов, утверждение цивилизованных прав человека не устранили насильственных посягательств на жизнь и здоровье людей. Наоборот, большинство научно-технических достижений человечества были поставлены на "службу" взаимоуничтожения. Насилие, его жестокость и изощренность не уменьшаются, а возрастают.

3. Криминологическая характеристика насильственной преступности

В силу трудностей суммирования всех видов насильственных преступлений и анализа их в целостной характеристике я остановлюсь лишь на наиболее опасных посягательствах, главным образом умышленных убийствах, тяжких телесных повреждениях, изнасилованиях, хулиганских действиях и некоторых других деяниях. Они не исчерпывают всей полноты криминологической характеристики данной группы преступлений, но количественно и особенно качественно определяют ее.

Умышленные убийства — самые опасные деяния. Это — древнее, а по бейлигиозной мифологии (убийство Каином Авеля) и первое преступление на земле, существующее во всех прежних и настоящих правовых системах, хотя юридические и статистические дефиниции его в различных странах не всегда совпадают.

Не утомляя читателя пересказом особенностей разных стран, обратимся к уголовному законодательству и учету преступности в СССР (России) и США.

В СССР (России) в графу "умышленные убийства" (если исходить из уголовного законодательства 1960—1996 гг.) попадают преступления, квалифицируемые в качестве умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, умышленного убийства без отягчающих обстоятельств, умышленного убийства, совершенного в состоянии сильного душевного волнения. В нее не включаются случаи убийства при превышении пределов необходимой обороны (оцениваемые как неосторожные), смерти потерпевших от умышленных тяжких телесных повреждений, посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника со смертельным исходом, теракты и другие случаи насильственного лишения жизни людей. В общее число умышленных убийств входят и покушения. Умышленное убийство двух и более человек регистрируется как одно преступление при отягчающих обстоятельствах.

В США умышленные убийства регистрируются по жертвам (одна жертва — одно убийство, несколько жертв — несколько убийств). Например, при умышленном поджоге дома сгорело 6 человек. Регистрируется один поджог и 6 умышленных убийств. При таком подходе в СССР в 1990 году, например, к общему числу умышленных убийств необходимо было бы прибавить еще около тысячи деяний, так как в этом году было совершено свыше 700 умышленных убийств двух и более человек.

Под умышленным убийством в США понимается "любая смерть, наступившая из-за повреждений, полученных в драке, ссоре, борьбе, нападении или предотвращении преступления". При этом не имеет значения, когда (в момент нападения или позже) наступила смерть от полученных повреждений, тогда как в СССР (России) такие деяния квалифицируются как тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего. Смерть потерпевшего, наступившая от самоубийства, несчастного случая, дорожного происшествия в США, как и у нас, не считается убийством. В отличие от нас, американцы покушение на убийство квалифицируют как нападение при отягчающих обстоятельствах и в убийства не включают. Есть и другие существенные различия.

Имеющиеся разночтения нельзя не учитывать при качественном и особенно при количественном анализе. Но при изучении динамических тенденций этих деяний в сравнительных межстрановедческих исследованиях этими различиями можно пренебречь.

Умышленные убийства (с покушениями) в СССР с 1956 по 1991 год возросли более чем в 2,6 раза при увеличении всей преступности в 5,6 раза. В расчете на 100 тыс. всего населения умышленные убийства увеличились за эти годы лишь в 1,8 раза (с 4,9 до 8,8). Средний коэффициент умышленных убийств за эти годы составил 6,6 на 100 тыс. населения (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика умышленных убийств в СССР (России)
(1956—1996 годы)**

Годы	Умышленные убийства с покушениями				Покушения		Посагательства на работников милиции	
	абс. показатель	к 1956 г.	доля в %	коэффициент преступности	абс. показатель	доля в %	абс. показатель	доля в %

СССР

1956	9 649	100,0	1,7	4,9	-	-	-	-
1957	11 939	123,7	1,8	5,9	-	-	-	-
1958	11 864	122,9	1,3	5,8	-	-	-	-
1959	11 157	115,6	1,8	5,3	-	-	-	-
1960	14 258	147,8	2,3	6,7	-	-	-	-
1961	14 802	153,4	1,7	6,8	-	-	-	-
1962	14 371	148,9	1,6	6,5	6 373	44,3	-	-
1963	13 277	137,6	1,7	5,9	5 405	40,7	-	-
1964	12 936	134,1	1,7	5,7	4 555	35,2	-	-
1965	13 768	142,7	1,8	6,0	4 601	33,4	-	-
1966	14 258	147,8	1,6	6,1	5 208	36,5	-	-
1967	13 465	139,5	1,6	5,7	4 715	35,0	487	100,0
1968	14 557	150,9	1,6	6,2	4 713	32,4	389	79,9
1969	14 715	152,5	1,5	6,2	4 677	31,8	368	75,6
1970	15 265	158,2	1,5	6,3	4 707	30,8	421	86,4
1971	15 526	160,9	1,5	6,4	4 475	28,8	385	79,0

1972	15 129	156,8	1,4	6,1	4 255	28,1	341	70,0
1973	15 733	163,1	1,5	6,3	4 260	27,1	328	67,3
1974	16 850	174,6	1,5	6,7	4 348	25,8	343	70,4
1975	17 569	182,1	1,5	6,9	4 276	24,3	351	72,1
1976	17 842	184,2	1,4	7,0	4 002	22,4	369	75,8
1977	18 930	196,2	1,6	7,3	3 960	20,9	336	69,0
1978	20 385	211,3	1,6	7,8	4 145	20,3	368	75,6
1979	20 862	216,2	1,5	7,9	4 272	20,5	351	72,1
1980	21 430	222,1	1,4	8,1	4 316	20,1	376	77,2
1981	21 271	220,4	1,3	8,0	4 481	21,1	297	61,0
1982	21 239	220,1	1,3	7,9	4 559	21,5	336	69,0
1983	21 273	220,5	1,1	7,9	4 730	22,2	318	65,3
1984	20 501	212,5	1,0	7,5	4 437	21,6	279	57,3
1985	18 718	194,0	0,9	6,8	4 167	22,3	316	64,9
1986	14 848	153,9	0,8	5,3	3 433	23,1	240	49,3
1987	14 656	151,9	0,8	5,2	2 823	19,3	172	35,3
1988	16 702	173,3	0,9	5,9	2 421	14,5	194	39,8
1989	21 467	222,5	0,9	7,5	2 741	12,8	290	59,4
1990	24 875	257,8	0,9	8,6	3 039	12,2	381	78,2
1991	25 437	263,6	0,8	8,8	-	-	-	-

Среднегодовой
прирост

2,8%

Средняя доля 1,4%

Средний коэффициент
преступности

6,6

в структуре всей преступности
на 100 тыс. жителей

Россия								
1992	23 006	-	0,8	15,5	-	-	-	-
1993	29 213	-	1,0	19,6	-	-	-	-
1994	32 286	-	1,2	21,8	-	-	-	-
1995	31 703	-	1,2	21,4	-	-	-	-
1996	29 406	-	1,1	19,9	-	-	-	-

Среднегодовые темпы прироста умышленных убийств за 1956—1991 годы составили 2,8%, тогда как вся преступность ежегодно прирастала на 5,03, а население — на 1,1%. Более интенсивно умышленные убийства росли в конце существования СССР. Среднегодовые темпы прироста рассматриваемых деяний в 1988—1991 годы были в 5,5 раза выше и равнялись 15,05%. Вся преступность ежегодно прирастала в среднем на 19,95, а население — на 0,55%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что даже в эти неблагоприятные годы сохранялись мировые закономерности распределения: темпы прироста умышленных убийств отставали от аналогичных показателей по преступности в целом. В последующие годы положение изменилось. В 1988—1994 годы умышленные убийства в России возросли более чем в 3 раза. Среднегодовые темпы их прироста составили 20,45% (в 1992 г. — 42,7%). Вся преступность увеличилась в 2 с лишним раза при среднегодовых темпах прироста в 13,65% (населения — в 0,35%). Среднегодовой прирост умышленных убийств в 1,5 раза стал превышать аналогичный показатель по всей преступности и в 58 раз — по населению. В 1995 году число умышленных убийств сократилось на 1,8%. Но это не меняет общей негативной тенденции.

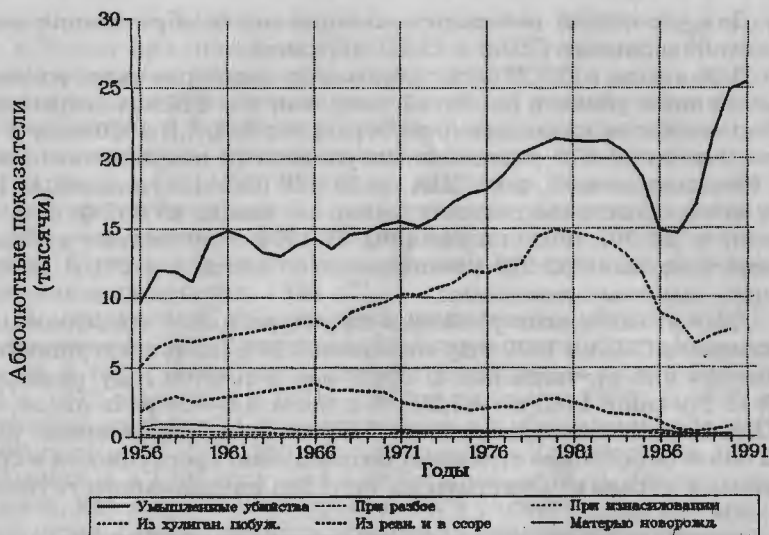

Рис. 1. Динамика умышленных убийств в СССР (1956—1991 гг.).

Аналогичным образом росли умышленные убийства на всем постсоветском пространстве. Распределение их по экономическим регионам Союза было неодинаковым. Число умышленных убийств в расчете на население существенно увеличивалось по территории с запада на восток⁸.

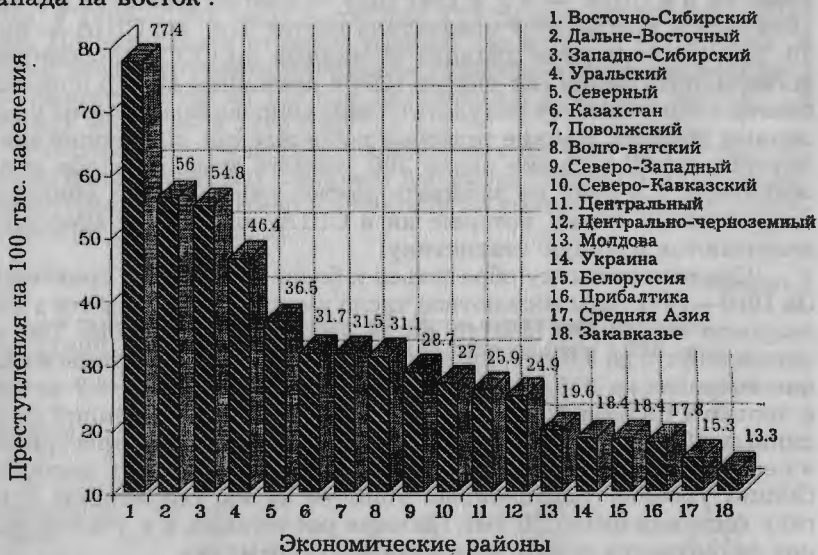

Рис. 2. Число убийств и тяжких телесных повреждений на 100 тыс. населения по экономическим районам СССР (1990 г.).

Для уточнения некоторых позиций вновь обратимся к сопоставлениям данных США и СССР (России).

В 80-е годы в СССР регистрировалось примерно такое же число умышленных убийств (около 21 тыс.), как и в США, которые считались наиболее криминогенной страной в мире. В 1990 году у нас было учтено 24 875 умышленных убийств (с покушениями) и 21 836 (без покушений), а в США — 23 438 (без покушений). В 1991 году это соотношение соответственно составило 25 437 (с покушениями) и 24 703 (без покушений). В 1994 году только в России зарегистрировано 32 286 умышленных убийств, а в США не произошло заметных изменений.

Доля умышленных убийств в структуре только серьезных преступлений в США в 1990 году составила 0,16% (всей преступности — примерно 0,05%), тогда как в СССР она в том же году равнялась 0,9% (в России в 1995 г. — 1,2%) т. е. была в 6—24 раза выше, чем в США. Невольно возникает вопрос: может быть, умышленные убийства более объективно отражают соотношение преступности в сравниваемых странах? Ответить на него без специального глубокого анализа трудно.

Ясно лишь одно, что данные об умышленных убийствах в обеих странах надо оценивать критически с учетом законодательных особенностей, порядка регистрации и численности населения (в СССР оно было больше, чем в США, на 40 млн., а в России — меньше почти на 100 млн. человек). В расчете на 100 тыс. населения в 1990 году в СССР было зарегистрировано 8,6 умышленных убийств, а в США — 9,5; в 1991 году — соответственно 8,8 и 9,8. В 1994 году в России этот показатель достиг 21,8, а в США — около 10. При качественном анализе из данных по СССР (России) надо вычесть покушения (их доля в 1990 г. составила 12,2%) и приплюсовать к полученному результату завуалированные формы умышленных убийств: тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, а также около 300 убийств милиционеров и дружинников. Следует не забывать также умышленные убийства в вооруженных силах, которые ни в США, ни в СССР (России) не включаются в общую статистику.

Сделаем попытку обратиться к более “длинным” сравнениям. За 1960—1991 годы абсолютное число умышленных убийств в США возросло на 270,3% (с 9140 до 24 703), а в расчете на 100 тыс. населения с 5 до 9,8, т. е. примерно в 2 раза. За эти же годы в СССР они возросли на 278,4% (с 14 258 до 25 437), а КП — с 6,7 до 8,8, т. е. только в 1,3 раза. Следовательно, аномальность тенденций умышленных убийств стала проявляться в постсоветском пространстве в период становления независимости бывших союзных республик. Общий уровень умышленных убийств на их территории в 1994 году составил около 50 тыс. (данные расчетные), а с учетом высокой латентности превысил 60-тысячную отметку.

В последние годы аномальность тенденций умышленных убийств выражается в интенсивном росте их уровня на фоне со-

кращения числа всей учтенной преступности. В 1994 году, например, в России при снижении уровня всей преступности на 6% умышленные убийства возросли на 10,5%. В 1995 году знаки прироста поменялись: преступность выросла на 4,7, а умышленные убийства снизились на 1,8%. Если российский парадокс скорее всего объясним селективным учетом, то как объяснить примерно аналогичную картину в США? В 1993 году, например, при сокращении серьезной преступности на 3,1, умышленные убийства увеличились на 3,2%, что вызвало к жизни принятие нового, более жесткого закона "О контроле над насильственной преступностью и правоприменяющих органах, 1994 г."⁹

По-иному "вел" себя уровень умышленных убийств в ФРГ (до объединения с ГДР). С середины 50-х годов он колебался в пределах от 1 до 3 тыс. "Пики" этих деяний регистрировались в 1973 году (3935), 1977 году (3611), 1981—1982 годы (около 2800). В 1990 году их уровень составил 2419 посягательств, а в объединенной Германии в 1994 году — 3751. В 1960 году приходилось 2 убийства на 100 тыс. населения, а в 1994 году — 4,6 (в Берлине — 14,4). Увеличение — в 2 раза, как и в США, но уровень их в расчете на население был вдвое ниже. Темпы прироста убийств за тридцатилетие были ниже темпов прироста всей преступности.

Аналогичные тенденции отмечаются и в других европейских странах. За 1986—1990 годы уровень убийств увеличился в Италии на 49%, в Греции — на 33,3, в Великобритании — на 19,1, во Франции — на 12,8, в Испании — на 10,7%. По данным Четвертого обзора ООН, средний уровень умышленных убийств (с покушениями) в 1986—1990 годы составлял 6,74 деяния на 100 тыс. населения. По отдельным странам разброс оказался от 0,7 до 69,2. В течение анализируемого пятилетия убийства в мире увеличились с 6,1 посягательства на 100 тыс. населения в 1986 году до 7,49 — в 1989 году и 7,03 — в 1990 году¹⁰.

Коэффициент умышленных убийств в расчете на 100 тыс. населения в регионе стран Северной Америки, Европы и Азии (включая постсоветские страны) в 1990 году по своему развитию различается в 19 раз¹¹ (табл. 2).

Таблица 2

**Уровень умышленных убийств в разных странах
(1990, 1994 гг.). Ранжир по коэффициенту 1990 года**

Страны	Коэффициент на 100 тыс.		Абс. показатель	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Сев. Ирландия	19	-	307	-
Украина	6	~~9~~	2 823	4 571
Кыргызстан	14	~~12~~	603	546
Узбекистан	6	5	1 125	1 219
Румыния	11	3	2 489	749

Бельгия	5	3	463	315
Россия	11	22	15 566	32 286
Дания	5	5	242	25
Казахстан	10	15	1 704	2 549
ФРГ (Германия)	5	5	2 995	3 751
Шотландия	10	-	505	-
Словения	5	-	94	-
Эстония	9	24	137	365
Болгария	4	6	368	499
Финляндия	9	1	429	32
Франция	4	5	2 526	2 696
Туркменистан	9	7	332	308
Израиль	4	-	208	-
Швеция	8	10	676	837
Австрия	3	3	236	198
США	8	9	20 045	23 310
Венгрия	3	4	347	439
Азербайджан	7	8	482	605
Швейцария	3	2	214	161
Италия	7	5	4 179	2 691
Таджикистан	3	11	168	636
Люксембург	7	2	29	6
Кипр	2	-	17	-
Молдова	7	11	290	496
Чехия	2	-	212	-
Португалия	7	4	663	415
Греция	2	3	260	264
Армения	6	5	203	201
Нидерланды	2	-	228	-
Беларусь	6	9	612	952
Польша	2	3	780	1 212
Канада	6	5	1 496	1 514
Словакия	2	2	93	129
Грузия	6	-	309	-
Испания	2	3	589	1 015
Латвия	6	15	165	375
Турция	2	4	961	1 794
Литва	6	14	224	353
Англия/Уэльс	1	-	669	-
Сербия	6	-	559	-
Мальта	1	-	4	-
Япония	-	1	-	1 279
Китай	-	0,2	-	2 553

Примечание: Характер учета умышленных убийств в разных странах неодинаков: в одних они учитываются без покушений, в других — вместе с ними, в третьих — вместе с неосторожными убийствами.

В структуре умышленных убийств 48 стран в 1990 году на первом месте оказались Северная Ирландия (19), Кыргызстан (14), Румыния (11), Россия (11). В 1994 году на первые места по уровню убийств вышли Эстония (24), Россия (22), Латвия (15), Литва (14).

Удельный вес умышленных убийств в структуре всей учтенной преступности был равен: в Италии — 0,15%, в Испании — 0,09, во Франции и Бельгии — 0,07, в Греции — 0,06, в ФРГ и Дании — 0,05, в Великобритании — 0,04%. В России в 1994 году данный показатель возрос до 1,2%. Это в 3000 раз больше, чем, например, в Великобритании.

Причины интенсификации роста умышленных убийств в СССР (России) в последние годы, кажется, лежат на поверхности: все более и более углубляющийся системный кризис на территории постсоветского пространства. И с этим трудно спорить. Однако ограничиваться такой констатацией было бы большим упрощением. Дело в том, что число умышленных убийств в СССР перешагнуло 21 тыс. посягательств в более или менее спокойные времена (1980—1983 гг.). Вторично этого уровня умышленные убийства достигли лишь в 1989 году. Между этими “пиками” был большой провал в их динамике, низшая точка которого (14 656) была в 1987 году. Он объясняется начавшейся в 1985 году перестройкой, вселившей в народ надежду на долгожданные перемены к лучшему, и тотальной борьбой с пьянством в 1986—1987 годы.

Ситуативные позитивные результаты борьбы с пьянством во второй половине 80-х годов выразились в снижении “пьяной” преступности, насильственной, корыстно-насильственной, корыстной и неосторожной. После провала этой борьбы насильственная преступность вспыхнула с новой силой. Рост умышленных убийств носил “компенсационный” характер по восстановлению объективно заданной среднестатистической тенденции. Если экстраполировать динамический ряд умышленных убийств за 60—70-е годы на 90-е, то мы увидим, что кривая их динамики в 1991—1992 годы не вышла за пределы линии экстраполяции.

В СССР (России) наряду с регистрацией оконченных умышленных убийств учитываются и покушения на них. Самостоятельное отражение их в статистике началось с 1962 года. С этого времени абсолютные числа покушений на фоне роста оконченных деяний сократились более чем вдвое (с 6373 до 3039 в 1991 г.), а их удельный вес сократился в 4 раза (с 44,3 до 12,2%). Устойчивое снижение абсолютных и относительных показателей о покушениях при интенсивном росте оконченных убийств свидетельствует о растущей решительности убийц доводить свой умысел до конца и об использовании ими все более опасных и безотказных орудий и способов убийств. В 1988 году в России с применением огнестрельного оружия было совершено 619, а в 1994 году — 3282 убийства. Рост — в 5,3 раза. Этот год был “пиковым”. В последующие годы число убийств с применением огнестрельного оружия сокращалось.

В течение 1956—1990 годов при совершении умышленных убийств произошли важные мотивационные сдвиги. Анализ их, естественно, возможен на основе установленных убийц, а не зарегистрированных деяний (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение умышленных убийств в СССР
по обстоятельствам их совершения (1956—1990 гг.)**

Годы	Совершение умышленных убийств, связанных с:									
	разбоем		изнасилованием		хулиганством		ревностью и ссорой		матерью новорожденного	
	абс.	доля	абс.	доля	абс.	доля	абс.	доля	абс.	доля
1956	612	6,3	132	1,4	1 879	19,5	5 098	52,8	724	7,5
1957	527	4,4	102	0,8	2 617	21,9	6 442	53,9	927	7,8
1958	470	4,0	96	0,8	2 932	24,7	6 950	58,6	-	-
1959	375	3,4	126	1,1	2 590	23,2	6 862	61,5	887	7,9
1960	355	2,5	132	0,9	2 763	19,4	7 073	49,6	835	5,9
1961	335	2,3	138	0,9	2 936	19,8	7 284	49,2	783	5,3
1962	315	2,2	145	1,0	3 109	21,6	7 495	52,2	731	5,1
1963	295	2,2	151	1,1	3 282	24,7	7 706	58,0	679	5,1
1964	275	2,1	158	1,2	3 455	26,7	7 917	61,0	627	4,8
1965	265	1,9	164	1,2	3 628	26,4	8 128	59,0	575	4,2
1966	254	1,8	170	1,2	3 803	26,7	8 340	58,5	523	3,7
1967	205	1,5	193	1,4	3 428	25,5	7 801	57,9	497	3,7
1968	260	1,8	173	1,2	3 412	23,4	8 931	61,3	490	3,4
1969	257	1,7	196	1,3	3 279	22,3	9 348	63,5	494	3,4
1970	263	1,7	203	1,3	3 240	21,2	9 633	63,1	489	3,2
1971	296	1,9	231	1,5	2 510	16,2	10 247	66,0	514	3,3
1972	247	1,6	249	1,6	2 314	15,3	10 155	67,1	438	2,9
1973	262	1,7	239	1,5	2 196	14,0	10 631	67,6	454	2,9
1974	253	1,5	257	1,5	2 226	13,2	10 981	65,2	438	2,6
1975	306	1,7	266	1,5	1 951	11,1	11 856	67,5	432	2,5
1976	284	1,6	290	1,6	2 056	11,5	11 732	65,8	400	2,2
1977	288	1,5	304	1,6	2 188	11,6	12 161	64,2	381	2,0
1978	323	1,6	345	1,7	2 114	10,4	12 400	60,8	328	1,6
1979	375	1,8	318	1,5	2 660	12,7	14 409	69,1	416	2,0
1980	414	1,9	360	1,7	2 750	12,8	14 896	69,5	397	1,8
1981	389	1,8	318	1,5	2 463	11,6	14 683	69,0	376	1,8
1982	360	1,7	316	1,5	2 158	10,2	14 422	67,9	341	1,6
1983	313	1,5	293	1,4	1 734	8,2	13 929	65,5	366	1,7
1984	303	1,5	261	1,3	1 625	7,9	13 098	63,9	355	1,7
1985	293	1,6	234	1,3	1 489	7,9	11 570	61,8	376	2,0
1986	237	1,6	154	1,1	1 048	7,0	8 877	59,8	412	2,8
1987	94	0,6	80	0,5	495	3,4	8 346	56,9	283	1,9
1988	135	0,8	95	0,6	378	2,3	6 676	40,0	231	1,4
1989	150	0,7	85	0,4	491	2,3	7 266	33,8	221	1,0
1990	174	0,7	83	0,3	700	2,8	7 668	30,8	191	0,8
1991	Данные не собирались									

В 1956 году 87,5% этих деяний (с покушениями) совершались по следующим мотивам (обстоятельствам): на почве ревности, ссоры и других бытовых причин (52,8%), из хулиганских побуждений (19,5%), матерью новорожденного (7,5%), при разбойном нападении (6,3%), при изнасиловании (1,4%). В 1966 году, когда на основе нового уголовного законодательства был взят курс на усиление борь-

бы с растущей преступностью, и особенно с хулиганством, эти показатели соответственно составили $58,5 + 26,7 + 3,7 + 1,8 + 1,2 = 91,9\%$. Заметно увеличились умышленные убийства по бытовому и хулиганским мотивам (почти 9 деяний из 10). К 1991 году их криминологическая значимость ослабла в 2,6 раза (с 91,9 до 35,7%), в том числе мотивация ревности и других бытовых причин — почти в 2 раза, хулиганские побуждения — в 10, детоубийство — в 9, корыстная мотивация при разбоях — в 9, сексуальная мотивация при изнасиловании — в 5 раз (см. рис. 3).

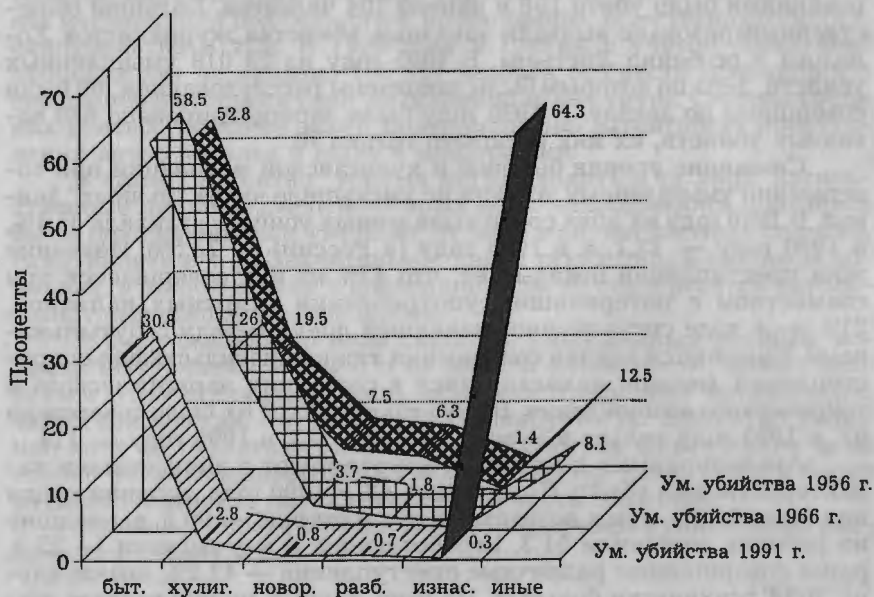

Рис. 3. Структура мотивов умышленных убийств в 1956, 1966, 1991 годы.

В результате наступивших изменений два умышленных убийства из трех стали мотивироваться иными побуждениями. Их учет пока не поставлен. Выборочное изучение показывает, что на первый план выходит более рациональная "отодвинутая" корысть, реализуемая при вымогательстве, конфликте теневиков и бандформирований, при переделе сфер влияния и устранении конкурентов. Особую значимость стали приобретать месть, национальная и иная (в том числе политическая) нетерпимость, убийства по заказу, устранение свидетелей, насильственное избежание задержания органами правоохраны.

Законные убийства совершаются наиболее изоциренно. И если в недалеком прошлом они совершались редко и, как правило, на почве бытовой или иной неприязни, то в настоящее время они направлены против должностных лиц, предпринимателей, банкиров, сотрудников правоохранительных органов, корреспондентов, свидетелей, лиц, занимающих активную позицию в борьбе с организованной преступностью.

К началу 1995 года на контроле в МВД РФ находилось 562 заказных убийства. Раскрыто 132. В числе "контролируемых" — убийства депутата Госдумы Айздердзиса, председателя Верховного совета Республики Башкортостан Мусина, председателя комитета по собственности Республики Карелия Михайленко, первого заместителя министра внутренних дел Республики Удмуртия Перевощикова, убийства более 30 лиц, занимающихся предпринимательской и банковской деятельностью. При переделе сфер влияния в 183 вооруженных разборках между преступными формированиями было убито 156 и ранено 104 человека. Большой общественный резонанс вызвали заказные убийства журналистов Холодова и особенно Листьева. В 1995 году из 23 018 умышленных убийств, дела по которым были закончены расследованием, 60 были совершены по заказу. В 1996 году было зарегистрировано 580 заказных убийств, их них раскрыто только 70.

Снижение уровня бытовой и хулиганской мотивации при совершении умышленных убийств не уменьшило числа "пьяных" деяний. В 1986 году их доля среди выявленных убийц составляла 65,4%, в 1990 году — 72,1, а в 1995 году (в России) — 73,5%. Изучение этих преступлений показывает, что 43% из них совершается при совместном с потерпевшим употреблении спиртных напитков, 21% — в ходе ситуационно возникшей драки между собутыльниками. Учащаются случаи совершения тяжких насильственных преступлений лицами, находящимися в состоянии наркотического и токсического возбуждения. В 1990 году в СССР их было совершено 93, в 1993 году только в России их было 123, в 1995 году — 114.

Анализируемые показатели коррелируют с личностными характеристиками убийц. По данным СССР 1990 года, мужчин среди них было 90,9%, лиц в возрасте 18 лет и старше — 95,6, вышедшие из рабочих составили 51,3, неработающие и неучащиеся — 25,3, ранее совершавшие различные преступления — 42,2%, значительна доля психически больных. Из этих данных можно сделать вывод, что убийцы в значительной мере рекрутировались из маргинальных слоев общества. В 1991 году данные по России были аналогичными. Среди убийц доля мужчин составляла 89,4%, лиц от 18 лет и старше — 95,9, из рабочих — 51,2, без постоянного дохода — 25,5, ранее совершавших преступления — 44,5%. В 1995 году характеристика убийц изменилась. Рассматриваемые показатели стали соответственно таковыми: 86,7; 94; 26,4; 54,3; 36,4%. Сопоставление их с данными 1991 года свидетельствует о снижении доли мужчин, лиц от 30 лет и старше, вышедших из рабочих, лиц, ранее совершавших преступления, и росте доли женщин, несовершеннолетних, студентов, учащихся, служащих, лиц без постоянного дохода, лиц, ранее не совершавших преступлений. В убийцы "пошла" более или менее "здоровая" часть населения.

Приведенные данные при более глубоком анализе могут оказаться не вполне корректными. Дело в том, что даже при относительно высокой раскрываемости учтенных умышленных убийств (в 1990 г. в СССР она составляла 77,8, а в 1995 году в России 73,5%)

больше всего шансов быть раскрытыми — у ситуативных преступлений, совершенных неопытными людьми, лицами в нетрезвом состоянии, по бытовым и хулиганским побуждениям, без продуманной системы элиминации следов преступных посягательств.

Предумышленные убийства, совершенные опытными преступниками в состоянии холодного рассудка и по заранее разработанному плану, чаще всего остаются нераскрытыми. В этих случаях о субъектах преступлений нет никаких сведений. Более того, значительная часть предумышленных убийств остаются латентными, так как маскируются под безвестное исчезновение, естественную смерть, самоубийство и т. д. В 1995 году в России с учетом “остатков” прошлых лет не найдено 168 907 человек без вести пропавших и скрывшихся от правосудия, не опознано 30 044 трупов. Сколько среди них убитых, никто не знает. Более подробно латентности преступлений автор касался в главе 4 монографии.

В число “латентно” убитых могут входить и те лица, насильственные причины смерти которых не устанавливались и которые были похоронены как умершие от болезней, несчастных случаев, самоубийств и т. д. Значительное число таких лиц, в основном пожилых, в нашей стране в последние годы не подвергается патологоанатомическому исследованию.

В силу сказанного доля скрытых умышленных убийств, вопреки бытующему мнению о их низкой латентности, может оказаться относительно высокой, особенно в крупных мегаполисах, таких как Москва, Петербург, Екатеринбург и др. Если эти суждения хотя бы отчасти верны, то характеристика фактических (а не только установленных) убийц может заметно сдвинуться к более респектабельной и интеллектуальной части общества.

Уровень убийств в различных городах мира существенно различается¹² (табл. 4).

Таблица 4

**Общее число убийств на 100 тыс. населения
в городах мира (1990 г.)**

Город	Число убийств	Город	Число убийств
1. Амстердам	37,98	16. Люблина	5,25
2. Аддис-Абеба	29,16	17. Вена	5,04
3. Кигали	26,28	18. Киев	4,02
4. Манила	21,52	19. Сантьяго	3,90
5. Габороне	18,68	20. Глазго	3,19
6. Стокгольм	15,89	21. Иерусалим	3,05
7. Хельсинки	15,29	22. Будапешт	2,73
8. Рига	12,09	23. Лондон	2,53
9. Каир	11,03	24. Дамаск	1,65
10. Копенгаген	10,52	25. Токио	1,56
11. Осло	9,31	26. Порт-Луи	1,51
12. Буэнос-Айрес	8,44	27. Сеул	1,06
13. Бомбей	6,85		
14. Рангун	6,13		
15. Торонто	6,09	Медиана	6,13

В этом же году в Нью-Йорке коэффициент умышленных убийств составил 30,7, в Лос-Анджелесе — 28,2, Вашингтоне — 4,6, Москве — 4,9 (в 1995 г. — 19,7), Санкт-Петербурге — 5,8 (в 1995 г. — 19,5).

Тенденции иных насильственных преступлений в СССР (России), умышленных тяжких телесных повреждений, изнасилований, умышленных менее тяжких телесных повреждений и хулиганства в принципиальном плане не так уж существенно отличаются от тенденций умышленных убийств.

По характеру насильственных действий и их мотивации наиболее близко к умышленному убийству подходят умышленные тяжкие телесные повреждения. Их соотношение в СССР (России) за последнюю четверть века колебалось в пределах 1 (умышленное убийство):2 (ТТП) с тенденцией к 1:3. Если же взять все виды телесных повреждений, то их соотношение с умышленными убийствами за это же время дрейфовало от 1:3 к 1:4.

В правовых системах других стран обычно нет составов тяжких телесных повреждений или хулиганства. В ооновской статистике (см. главу 3) все виды телесных повреждений охватываются составом “нападение” (“Assault”). Соотношение уровней умышленных убийств и нападений по данным Второго и Четвертого обзоров было 1:12, а третьего — 1:18.

При существенных различиях в уровне и квалификации телесных повреждений (нападений) они растут намного быстрее, чем умышленные убийства. Причем динамика умышленных убийств более “спокойна”, чем динамика телесных повреждений (нападений). Последние более “чувствительны” к меняющимся социальным, экономическим и психологическим условиям.

С 1956 года абсолютное число умышленных убийств возросло к 1991 году в 2,6 раза, а в расчете на все население — в 2, умышленных тяжких телесных повреждений — соответственно в 4 и 3, изнасилований — в 3 и 2 раза. Умышленные менее тяжкие телесные повреждения и хулиганства в силу высокой “регулируемости” имеют особые тенденции. Первые за все это время в абсолютном исчислении возросли незначительно, а в расчете на население даже сократились, а вторые сократились в абсолютных показателях на четверть, а в относительных — вдвое (табл. 5).

Удельный вес рассматриваемых деяний в структуре преступности невелик. Доля умышленных тяжких телесных повреждений за последние 40 лет колебалась в пределах 1,5—3%, изнасилований — 0,5—1,5, менее тяжких телесных повреждений — 1,5—6,5%. У двух последних высока латентность, особенно у изнасилований. По данным московского независимого центра помощи пережившим сексуальное насилие “Сестры”, лишь 2% жертв сексуальной агрессии обращаются в милицию. В самом широком диапазоне изменялась доля хулиганства (от 4,5 до 34,5%). И это не случайно. Если проанализировать таблицу 3 и график 5, то станет очевидным, что динамика телесных повреждений и изнасилований выглядит как вяло текущий процесс медленного роста, а динамика хулиганств — как резко скачущий процесс и роста, и снижения.

Динамика некоторых видов насильственных преступлений в СССР и России (1956 — 1996 гг.)

Год	Умышленные тяжкие телесные повреждения				Изнасилования				Хулиганство			
	абс.	% к 1956 г.	доля	коэффициент преступности	абс.	% к 1956 г.	доля	коэффициент преступности	абс.	% к 1956 г.	доля	коэффициент преступности
СССР												
1956	-	-	-	-	6 967	100,0	1,2	3,5	197 868	100,0	34,2	100,0
1957	-	-	-	-	10 309	147,9	1,5	5,1	175 492	88,7	25,9	87,1
1958	13 853	100,0	1,6	6,8	11 135	159,8	1,3	5,4	194 145	98,1	22,0	94,7
1959	12 890	93,0	2,1	6,2	9 748	139,9	1,6	4,7	132 106	66,8	18,8	63,3
1960	18 761	135,4	2,9	8,3	11 523	165,4	1,8	5,4	115 502	58,4	17,7	54,4
1961	17 552	126,7	2,0	8,1	14 075	202,0	1,6	6,5	198 016	100,0	22,6	91,6
1962	14 446	104,3	1,6	6,6	14 291	205,1	1,6	6,5	181 788	91,9	20,6	82,7
1963	14 360	103,6	2,0	6,4	12 277	176,2	1,5	5,5	130 953	66,2	16,5	58,7
1964	16 337	117,9	2,2	7,2	11 531	165,5	1,5	5,1	116 968	59,1	15,4	51,7
1965	20 017	144,5	2,7	8,7	12 032	172,7	1,6	5,2	130 422	56,9	17,3	56,9
1966	18 062	130,4	2,0	7,8	12 698	182,2	1,4	5,5	257 015	129,9	28,9	110,8
1967	17 195	124,1	2,0	7,3	12 059	173,0	1,4	5,1	248 188	125,4	28,5	105,9
1968	19 596	141,5	2,1	8,3	12 579	180,5	1,3	5,3	236 842	119,7	25,2	100,1
1969	20 100	145,1	2,1	8,4	12 943	185,8	1,3	5,4	234 052	118,3	24,1	97,9
1970	21 803	157,4	2,1	9,0	13 859	198,9	1,3	5,7	240 939	121,8	23,0	99,7
1971	23 453	169,3	2,2	9,6	13 870	199,0	1,3	5,7	225 451	113,9	21,3	92,4
1972	23 933	172,8	2,2	9,7	13 368	191,9	1,3	5,4	213 464	107,9	20,0	86,7
1973	26 033	187,9	2,3	10,5	14 010	201,1	1,3	5,6	185 634	93,8	17,7	74,7
1974	30 655	221,3	2,7	12,2	15 304	219,7	1,3	6,1	199 820	60,6	17,5	79,6
1975	34 163	246,6	2,8	13,5	16 139	231,6	1,3	6,4	206 624	104,4	17,3	81,6
1976	35 686	257,6	2,9	14,0	16 575	237,9	1,3	6,5	199 049	100,6	16,2	77,9
1977	40 041	289,0	3,3	15,5	16 971	243,6	1,4	6,6	147 024	74,3	12,1	57,0
1978	45 015	324,9	3,4	17,3	18 495	265,5	1,4	7,1	159 424	80,6	12,2	61,3

Год	Умышленные тяжкие телесные повреждения				Изнасилования				Хулиганство			
	абс.	% к 1958 г.	доля	коэффициент преступности	абс.	% к 1956 г.	доля	коэффициент преступности	абс.	% к 1956 г.	доля	коэффициент преступности
СССР												
1979	45 896	331,3	3,2	17,5	18 965	272,2	1,3	7,2	178 554	90,2	12,5	68,0
1980	44 332	320,0	2,9	16,8	20 225	290,3	1,3	7,6	182 201	92,1	11,9	68,9
1981	43 372	313,1	2,7	16,3	20 165	289,4	1,3	7,6	184 139	93,1	11,4	69,1
1982	42 537	307,0	2,6	15,8	19 902	285,7	1,2	7,4	185 869	93,9	11,2	69,1
1983	45 360	327,4	2,2	16,7	21 801	312,9	1,1	8,0	208 904	105,6	10,4	77,1
1984	44 437	320,8	2,2	16,2	21 590	309,9	1,1	7,9	205 227	103,7	10,1	75,0
1985	38 423	277,4	1,8	13,9	19 438	279,0	0,9	7,0	193 865	98,0	9,3	70,3
1986	29 096	210,0	1,5	10,4	18 522	265,8	0,9	6,7	165 383	83,6	8,3	59,4
1987	28 250	203,9	1,6	10,0	16 765	240,6	0,9	6,0	133 050	67,2	7,4	47,3
1988	37 191	268,5	2,0	13,0	17 658	253,5	0,9	6,2	115 979	58,6	6,2	40,8
1989	51 485	371,7	2,1	17,9	21 873	313,9	0,9	7,6	142 008	71,8	5,8	49,5
1990	57 754	416,9	2,1	20,0	22 472	325,5	0,8	7,8	152 419	77,0	5,5	53,0
1991	57 273	413,4	1,8	19,8	20 624	296,0	0,6	7,1	147 158	74,4	4,6	50,9
Россия												
1992	53 873	-	1,7	36,2	13 663	-	0,5	9,2	120 889	-	4,4	81,3
1993	66 902	-	2,4	45,1	14 440	-	0,5	9,7	158 413	-	5,7	106,8
1994	67 706	-	2,6	45,7	13 956	-	0,5	9,4	190 550	-	7,2	128,7
1995	61 734	-	2,2	41,7	12 515	-	0,5	8,5	191 001	-	6,9	129,1
1996	53 417	-	2,0	36,1	10 888	-	0,4	7,4	181 284	-	6,9	122,5

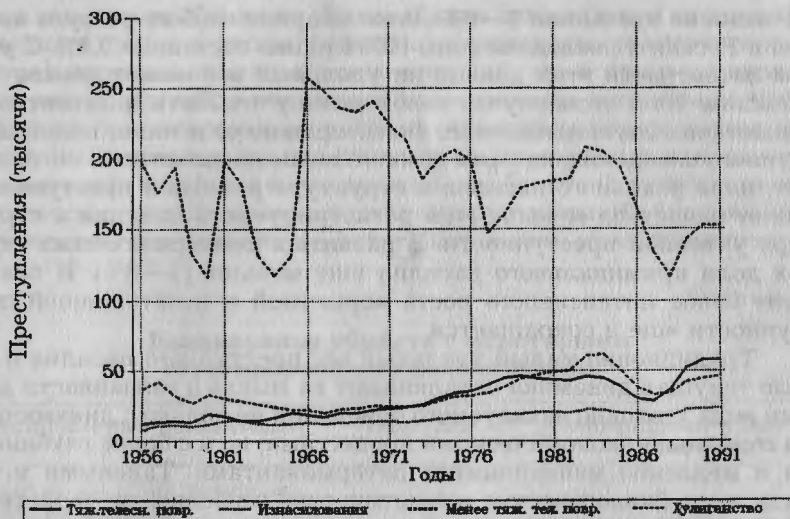

Рис. 4. Динамика насильственных преступлений (1956—1991 гг.).

Статистика хулиганства легко «регулируема». Расплывчатость дефиниции, частые изменения ее содержания, неустойчивость следственно-судебной практики, волюнтаристские веления властей, неполнота учета серьезно сказываются на его динамике. В законодательное понятие хулиганства вносились изменения в 1956, 1960, 1966, 1977, 1982, 1993 годы. Они его сужали и расширяли в зависимости от конъюнктуры. Самые большие колебания уровня хулиганства были в 1958—1959 годы после принятия новых Основ уголовного законодательства, в 1961 году при вступлении в силу новых уголовных кодексов, в 1966 году в связи с усилением борьбы с хулиганством, в 1983 году от повышения требовательности к учету преступлений, в 1986—1987 годы при тотальной борьбе с пьянством, в 1993—1994 годы при реализации требований требований Федеральной программы борьбы с преступностью.

За этой сильно колеблющейся кривой динамики хулиганства стоят судьбы тысяч людей, которые несли на себе бремя волюнтаристской судебной практики. Может быть, поэтому в абсолютном большинстве других стран нет такого состава преступления. Нашему законодательству трудно отказаться от английского *hooligan*, которое стало исключительно советским и российским понятием. Оно неопределенно и эклектично.

Удельный вес регистрируемого «классического» преступного насилия (умышленного убийства, изнасилования и различных видов телесных повреждений) в структуре всей преступности СССР

и России не превышал 4—6%. Даже во время особого разгула насилия в России в последние годы (1994 г.) оно составило 5,8%. С учетом латентности этих деяний их удельный вес может показаться большим. Но в этом случае необходимо учитывать и латентность корыстного, легкомысленного (неосторожного) и иных видов преступного поведения, которая намного выше насильственного. А значит, доля реального насилия в структуре реальной преступности может оказаться меньше, чем регистрируемого насилия в структуре учтенной преступности. В развитых демократических странах доля криминального насилия еще меньше (1—3%). И она на фоне более интенсивного роста корыстной и неосторожной преступности еще и сокращается.

Традиционно малый удельный вес преступного насилия и его вяло текущая динамика наталкивают на мысль о связанности данного вида уголовно наказуемого поведения не только с динамичными социально-экономическими процессами, но и с более глубинными и медленно меняющимися детерминантами. Таковыми могут быть лишь биологические и генетические особенности, свойственные относительно небольшой части человеческой популяции — предрасположенных к решению личностных проблем насильственным путем граждан. Однако если отойти от “классического” насилия, совершаемого по эгоистическим мотивам самоутверждения, к его более рациональным, политически, экономически и социально обусловленным формам (корыстным убийствам, грабёжам, разбоям, вымогательству, киднепину, терроризму, геноциду и т. д.), то предположенный вывод может показаться сомнительным.

Биологическая предрасположенность к насилию неразрешима в рамках традиционной отечественной криминологической теории как социологии преступности. Но опираясь на мировые, региональные и национальные тенденции насилия, она может засвидетельствовать то, что, несмотря на свою распространенность в мире, насильственная преступность свойственна относительно небольшой и медленно меняющейся части человеческой популяции. Динамика преступного насилия несомненно коррелирует с социально-экономическими процессами (примером может служить насильственная преступность в кризисной России), но эти взаимосвязи заметно слабее, чем между корыстной (имущественной) преступностью и объективными условиями жизни.

Любопытные данные были получены в Четвертом обзоре ООН по данным 1990 года при изучении взаимосвязей убийств с агрегированными показателями развития людских ресурсов, уровня доходов и уровня развития страны (табл. 6).

Данные таблицы подтверждают высказанную в главе 1 мысль о том, что уровень убийств значительно выше в бедных и развивающихся странах, чем в более обеспеченных и развитых.

В 1986 году ученые разных стран подписали в Севилье Заявление о насилии, в котором они опровергают существующее мне-

ние о том, что якобы люди унаследовали тенденцию к насилию от животных предков, что насильственное поведение генетически запрограммировано в человеческой природе, что в процессе эволюции происходил отбор индивидов с агрессивным поведением, что у людей ум ориентирован на насилие, что войны порождаются инстинктом. Они полагают, что биология не приговорила человечество к насилию и войнам и оно должно освободиться от биологического пессимизма. Данные выводы конструктивны. Но биокримнологические исследования не могут быть в этом деле лишними.

Таблица 6

Взаимосвязи убийств с некоторыми агрегированными показателями¹³

Агрегированные показатели	Число дел	Коэффициент убийств на 100 тыс.
Развитие людских ресурсов:		
низкий уровень	8	20,59
средний уровень	12	8,89
высокий уровень	30	4,58
Доходы:		
низкий уровень	7	11,79
средний уровень	22	10,78
высокий уровень	21	4,24
Развитие стран:		
развивающиеся	28	9,94
развитые	19	4,52

Примечание. В агрегированные показатели развития людских ресурсов включались уровень национального дохода, продолжительность жизни и уровень образования.

4. Насилие на улицах

Самый большой страх населения перед преступностью возникает от криминальных посягательств на улицах. Они, с одной стороны, демонстрируют открытый вызов преступников обществу и государству, а с другой — ставят жертвы преступлений в наиболее незащищенное положение. В этом сочетании обстоятельств — основной источник страха. Боязнь выходить на улицы в дневное и особенно в вечернее и ночное время — один из характерных признаков криминальности стран, городов, населенных пунктов. Международной статистики об этой группе преступлений, к сожалению, нет.

На улицах, площадях, скверах и парках, как принято в России расшифровывать преступность за пределами жилищ, совершаются самые различные деяния: терроризм, бандитские нападения, массовые беспорядки, умышленные убийства, телесные по-

вреждения, изнасилования, захват заложников, похищения людей, разбойные нападения, грабежи, вымогательства, хулиганские действия, побои, истязания, оскорбления, кражи, мошенничество, а также транспортные и другие неосторожные преступления. Одни из них тяготеют к плохо охраняемым, безлюдным и малоосвещенным районам, другие, наоборот, — к местам массового скопления людей на рынках, привокзальных площадях, у питейных и увеселительных заведений и на транспортных маршрутах.

В России на улицах совершается каждое третье — восьмое преступление с противоречивой тенденцией их снижения в последние два года. В 1994 году удельный вес уличных преступлений в структуре всей преступности составил 10,8%. В Москве он был в 2,6 раза выше, составив 28,4%, в Санкт-Петербурге — 23,2, Свердловской области — 16,2, Бурятии — 15,9, Туве — 14,3, Удмуртии — 13,9, Карелии — 13,6, Краснодарском крае — 13,4%. В переходный 1991 год доля уличной преступности в Москве составляла 35,6%. В 1995 году доля ее в стране уменьшилась до 9,8%, в Москве — до 25,7, Санкт-Петербурге — до 17,2, Свердловской области — до 13,3, Туве — до 14; в Бурятии она увеличилась до 16,2, в Удмуртии — до 16%. Тем не менее перечисленные регионы и в 1995 году остались с наибольшим удельным весом уличной преступности.

В структуре рассматриваемой группы опережающими темпами росли тяжкие насильственные посяательства: умышленные убийства, тяжкие телесные повреждения, изнасилования, разбои, грабежи, хулиганские действия. Именно они в сочетании с кражами придают уличной преступности массовый характер и формируют основной страх населения перед преступностью.

Вглядимся в динамику рассматриваемых деяний, приняв за базу 1986 год, когда после шокового снижения “пьяной” преступности не только “пьяная”, но и вся иная преступность стала интенсивно расти (табл. 7).

Таблица 7

Уличная преступность в СССР (1986—1990 гг.)

Виды преступлений	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Всего	121 846	134 415	189 764	314 675	333 247
Динамика в %	100,0	110,3	155,7	258,3	273,5
в том числе:					
Умышленные убийства с покушениями	1 098	1 277	1 745	2 593	2 918
Умышленные тяжкие телесные повреждения	4 261	4 839	8 122	13 033	14 194
Изнасилования с покушениями	1 534	1 518	1 803	2 525	2 499
Хулиганство	39 105	35 600	37 413	53 450	57 407
Разбои	2 456	2 627	3 919	7 105	7 784
Грабежи	17 627	20 110	32 627	57 637	66 101
Кражи личного имущества	29 021	39 869	65 121	11 5486	11 5843

В 1986 году удельный вес уличной преступности в СССР составлял 15,4, а в 1990 году — 19,8%. За эти годы при росте всей преступности в 1,4 раза уличная преступность в абсолютных показателях увеличилась в 2,7 раза. Росли уличные умышленные убийства (в 2,7 раза), умышленные тяжкие телесные повреждения (в 3,3), изнасилования (в 1,6), хулиганство (в 1,5), разбои (в 3,2), грабежи (в 3,8) и кражи личного имущества (в 3,8). Как видим, особо интенсивно увеличивались корыстно-насильственные и корыстные уличные деяния. Заметный рост тяжких телесных повреждений скорее всего связан с межнациональными конфликтами, которые в 1988—1990 годы прокатились по Союзу. Обозначившиеся в СССР тенденции роста уличной преступности получили дальнейшее продолжение в суверенных государствах, образованных на его территории. Особо показательными они стали в России (табл. 8).

Уровень уличной преступности в России был “пиковым” в 1993 году. В 1994 году произошел спад уличной преступности в целом на 15,1%. В 1995 году уличная преступность сократилась еще на 4,8% (269 510), а ее удельный вес — до 9,8%. В 1996 году рассматриваемая преступность сократилась на 18,7% (219 211) при удельном весе 8,4%.

Тенденции уличной преступности прямо коррелируют с тенденциями городской преступности и преступности, совершаемой в общественных местах. Городская преступность всегда доминировала в структуре преступных проявлений, а ее прирост обычно опережал прирост сельской преступности. И это мировая закономерность. Пер-Олоф Викстром, например, проанализировав шведскую городскую преступность в англо-американской сравнительной перспективе, показал ее преобладающий характер¹⁴. В 1986 году городская преступность в СССР составляла 66,7% от всей зарегистрированной, в 1990 году — 74,1%, при этом число преступлений на 100 тыс. населения было на 13% выше, чем у селян. В 1993 году городская преступность в России составляла уже 77,4% от всей учтенной преступности, хотя интенсивность сельской преступности и приближалась к городской. Урбанизация населения давно и обоснованно рассматривается криминологами всего мира в числе значимых криминогенных факторов¹⁵. В России проявляется иная тенденция. В 1994—1996 годы темпы прироста сельской преступности стали выше, чем городской. В 1995 году, например, городская преступность увеличилась на 1,7, а сельская — на 13,2%. Эти “ножницы” сохранились и в 1996 году. Интенсификация криминальности села опаснее урбанизированной преступности. Данная тенденция свидетельствует о разрушении последних островков давних народных нравственных традиций, которые в большей мере сохранялись в селе.

Интенсивный прирост уличной преступности в 1987—1993 годы (357%), в 1,6 раза превышающий данный показатель по всей преступности, складывается из беспрецедентного для нашей страны

Уличная преступность в России (1987—1996 гг.)

Виды преступлений	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Всего	93 441	130 506	217 546	226 250	245 532	303 642	333 682	283 139	296 510	219 211
в %	100,0	139,7	232,8	242,1	262,8	325,0	357,1	303,0	288,4	234,6
Уд. вес	7,9	10,7	13,4	12,3	11,3	11,0	11,9	10,8	9,8	8,4
В том числе:										
Умышленные										
убийства	810	1 159	1 573	1 856	1 899	2 644	3 528	3 707	3 963	3 022
Умышленные ТТП	3 457	5 875	9 484	10 094	9 910	12 677	14 893	12 929	11 899	8 799
Изнасилование	1 106	1 328	1 790	1 755	1 694	1 520	1 627	1 452	1 480	965
Хулиганство	25 809	26 719	39 036	41 570	40 203	42 800	48 580	49 009	47 594	39 013
Разбои	1 806	2 615	4 982	5 296	5 779	9 570	11 682	9 476	9 024	7 276
Грабежи	13 390	21 737	39 755	44 405	54 764	87 505	94 153	68 048	63 690	50 125
Кражи	26 890	43 314	76 798	75 916	83 952	91 378	82 121	80 764	76 251	66 156

прироста уличных умышленных убийств (489,5% к 1995 г.), умышленных тяжких телесных повреждений (430,9), разбоев (646,8), грабежей (703,2%). Это привело к заметным структурным сдвигам: росту удельного веса уличной преступности в общем числе регистрируемых деяний и изменению соотношения уличных преступлений между собой. Доля умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, разбоев и грабежей, т. е. наиболее опасных открытых насильственных и корыстно-насильственных преступлений, стала значительной.

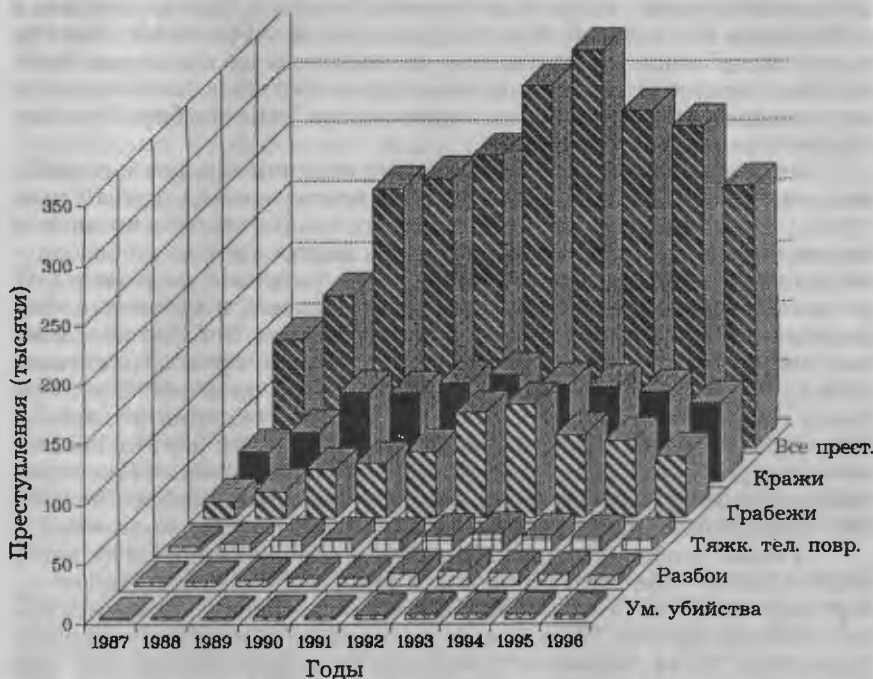

Рис. 5. Динамика уличных преступлений в России в 1987—1996 гг.

На фоне неблагоприятных тенденций уличной преступности в Союзе и России ее некоторое снижение в 1994—1995 годы с одновременным ростом умышленных убийств (кроме 1996 г.) представляется аномальным. Оно, несомненно, связано с селекцией учета и расследования преступлений, нехваткой сил и средств борьбы с преступностью и привычным желанием руководителей органов внутренних дел продемонстрировать населению и властям свою способность “сбить” волну всей, и особенно уличной, преступности. Но имеются и более серьезные причины ее спада.

Разгул уличной преступности, как правило, связан с реальной безнаказанностью преступников, с серьезными пробелами в

охране общественного порядка и патрульно-постовой службы. Увеличение плотности милиции в криминогенных городских зонах сдерживает, а скорее всего загоняет в подполье открытую уличную преступность. И в этом плане уровень уличной преступности является более "управляемым". На принятие таких экстенсивных мер и были в первую очередь направлены указы Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. "О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности" и от 10 июля 1996 г. "О неотложных мерах по укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью в г. Москве и Московской области" (идеи которого были восприняты в других субъектах Федерации), позволившие до принятия необходимых законодательных актов, которые обсуждаются более пяти лет в недрах прежнего и нового парламента, усилить борьбу с преступностью, особенно уличной.

Эти меры включают: определение перечня городов и отдельных местностей, которые необходимо поставить под особый контроль; увеличение численности правоохранительных органов и судов; перевод личного состава органов внутренних дел и безопасности городов на усиленный вариант оперативной деятельности; разработку дополнительных правовых решений в субъектах Федерации по усилению борьбы с преступностью. В число неотложных мер вошли также расширение полномочий правоохранительных органов по проведению предварительных проверок и экспертиз в отношении подозреваемых лиц до возбуждения уголовных дел, использование данных оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в суде, возможность задержания подозреваемых до 30 суток и др. К охране общественного порядка во многих городах были подключены воинские части и подразделения.

Указы, особенно первый, противоречат действующему законодательству. Конституционность и демократичность предложенных мер также не безупречны. Они не могут быть долговременными и радикальными. Их можно было бы назвать мерами пожарного характера. Но на снижение преступности, и особенно уличной, они явно повлияли.

Результаты принятых мер в определенной мере подтвердили эффективность усиленного контроля за поведением и деятельностью людей в борьбе с преступными проявлениями, особенно открытыми, уличными. Из прошлого известно, что такие меры чреваты злоупотреблениями милиции, которые могут свести на нет кажущиеся успехи. Такие факты имеются, хотя Указ 1994 года и рекомендовал Генеральной прокуратуре установить за соблюдением законодательства при исполнении Указа постоянный прокурорский надзор.

С другой стороны, вал интенсивно растущей преступности, и особенно насильственной, в условиях правового беспредела во всех сферах трудно обуздать в рамках либеральных установлений. Конечно, неотложные меры должны быть приняты не исполнитель-

ной, а законодательной властью и обеспечены необходимыми гарантиями строгого соблюдения конституционных прав, а также финансами.

К слову сказать, закон США "О контроле над насильственной преступностью и правоприменяющих органах, 1994 г.", ужесточающий борьбу с насильственными преступлениями, запрещающий продажу и хранение 19 видов наступательного оружия, также носит полицейско-репрессивный характер. Репрессивная направленность американского закона многопланова. В числе таких мер значится и такая несовместимая с современными демократическими тенденциями мера, как распространение назначения смертной казни более чем на 50 составов федеральных преступлений, особенно если они совершены фанатиками-террористами, патологически агрессивными людьми и сексуальными маньяками, ситуативными корыстно-агрессивными, профессиональными и организованными преступниками. На церемонии подписания закона Б. Клинтон сказал: "Законопослушные граждане заставили услышать их голос. Никогда впредь Вашингтон не поставит интересы политики и партий над порядком"¹⁶.

Из сказанного видно, что закон, предложенный Президентом Б. Клинтонем, был обусловлен аналогичными причинами и преследовал те же цели, что и Указ Президента Б. Ельцина, — поставить под больший контроль насильственную преступность, и особенно уличную. Отличие американского акта от российского (они вступили в действие практически одновременно — 14 июня и 13 сентября 1994 г.) заключается в том, что в США он по инициативе Президента принят Конгрессом и на его реализацию было выделено 30,2 млрд. долл., законодательно распределенных на 6 лет на нужды правоприменяющих органов (13,5), тюрьмы (9,8) и программы превенции (6,9). Указ Президента Российской Федерации обеспечен лишь властно и идеологически.

Количественные и качественные изменения насильственной уличной преступности до издания Указа симптоматичны. С одной стороны, в правосознании преступников появилась большая и обоснованная уверенность в своей безнаказанности, с другой — насилие вообще и на улицах в частности достигло предела терпения населения, особенно в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах. Поэтому не совсем легитимные меры, установленные Президентом Российской Федерации, в частности в Указе от 14 июня 1994 г., были встречены населением с определенной долей понимания. В связи с этим можно сказать, что Россия переживает приближение порога насыщенности насильственной преступностью, за которым кончается терпение народа и власти вынуждены принимать неординарные меры борьбы с преступностью, поскольку критика слева за неспособность бороться с ней им представляется более неприемлемой, чем критика справа за жесткий характер принимаемых мер.

Демократия и свобода сочетаемы с жестким правовым контролем. В марте 1995 года семь стран Западной Европы, например,

отменили паспортный контроль на шенгенском пространстве (свобода), но это стало возможно после многолетней колоссальной работы по унификации национальных законов, согласованию действий правоохранительных органов, образованию единой информационно-аналитической системы и ужесточению паспортного режима на внешних границах безвизового пространства (контроль). Демократия и свобода деградируют в условиях российской бесконтрольности, но они остаются также пустой декларацией и в условиях дискреционного полицейского контроля. В России наблюдается и то и другое. Беспрецедентный рост уличной насильственной преступности является представительным индикатором упомянутых процессов.

5. Вооруженное насилие

Самым опасным и широко распространенным насилием в современном мире является совершение преступлений против жизни и здоровья людей с применением холодного и огнестрельного оружия, гранат, мин и других взрывных устройств, в том числе электрорадиоуправляемых, с часовыми механизмами, вмонтированных в бытовые приборы, игрушки и другие предметы. По своим убийственным возможностям и скрытым способам применения огнестрельное оружие и взрывные устройства могут уступать лишь химическому, бактериологическому и радиационному воздействию на людей. Но эти вещества меньше доступны, более охраняемы и их распространение преследуется не только по национальным законам, но и по международному праву. Поэтому насилие с применением упомянутых средств является пока относительно редким явлением даже в мировой практике в целом. Последние случаи применения химических веществ ("химический" терроризм с помощью газов зарин и фосген) были в марте и апреле 1995 года в Японии. Незаконное распространение химических и особенно радиационных веществ приобретает большую актуальность.

Холодное и огнестрельное оружие, а также взрывные устройства практически доступны каждому, и их применение может быть исключительно оперативным. Взрывные устройства обладают большой разрушительной силой, от которой не только гибнут люди, чаще всего случайные, но и уничтожаются здания, сооружения, коммуникации, машины и другие материальные ценности. Современные преступники используют новейшее оружие и взрывные устройства направленного действия (далее для краткости — оружие). С его применением совершаются убийства, телесные повреждения, террористические акты, бандитские налеты, межнациональные столкновения, массовые беспорядки. Вооруженность — один из основных признаков организованной преступности. Угроза применения оружия становится неотъемлемой характеристикой совершения разбоев, грабежей, вымогательства, захвата заложников и других тяжких и распространенных преступлений.

Использование преступниками современного боевого оружия, широкое и слабо контролируемое его распространение среди насе-

ления, особенно криминального, интенсивный рост вооруженного насилия на земле ставят мировое сообщество и отдельные государства перед необходимостью принятия согласованных и жестких мер по контролю за оружием.

На последних конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями неоднократно обсуждались проблемы насилия, в том числе и вооруженного. В настоящее время назрела необходимость самостоятельного рассмотрения этого вопроса. Особенно остро он был поставлен странами Западно-азиатского (арабского) и Азиатско-Тихоокеанского регионов при подготовке к Девятому конгрессу. Они констатировали увеличение производства и незаконного распространения огнестрельного оружия транснациональными преступными синдикатами, а также числа преступлений, совершаемых с применением этого оружия.

Во исполнение данного требования правительство Японии подготовило к Девятому конгрессу ООН проекты резолюции и декларации о контроле за огнестрельным оружием¹⁷, которые после обсуждения на конгрессе могут быть утверждены Генеральной Ассамблеей как акты международного права. В документах говорится, что преступная деятельность с использованием огнестрельного оружия приобретает все более широкие масштабы, так как растет незаконная торговля огнестрельным оружием как на национальном, так и на транснациональном уровнях. Учитывая рост объемов международных перевозок и возросшую изощренность незаконной транснациональной торговли огнестрельным оружием, ни одно государство не застраховано от последствий отсутствия или недостаточно строгого законодательства по контролю за огнестрельным оружием в других странах. Поэтому выработка и принятие общей стратегии эффективного контроля за огнестрельным оружием на глобальном уровне являются настоятельной необходимостью.

Осознание этой опасности есть и в России, что было отражено в Федеральной программе по усилению борьбы с преступностью на 1994—1995 годы. В ней были предусмотрены меры по выявлению и пресечению незаконной продажи оружия, боеприпасов, ядерных расщепляющих материалов и сильно действующих веществ предприятиями ВПК; хищений оружия и других опасных веществ; их транзита через Россию и т. д. Аналогичные меры предусматриваются и в новой программе на 1996—1997 годы. Но практическая реализация их далека от программных требований.

Мировой ооновской статистики о незаконном распространении огнестрельного оружия и о совершении преступлений с его использованием не существует, хотя нужда в такой информации велика. Не располагаем мы более или менее полными сведениями и по отдельным странам.

В США, где практически только по учету на каждого жителя всех возрастов приходится в среднем один ствол и где велико число преступлений, совершаемых с применением оружия, "Руководство по составлению единой формы отчетности о преступлениях"¹⁸ не предусматривает сбора сведений о всех серьезных преступле-

ниях, совершаемых с применением оружия. Оно предусматривает учет применения огнестрельного оружия лишь при совершении ограблений и нападений. В ежемесячной форме дополнительного отчета об умышленных и неосторожных убийствах также есть данные о применении огнестрельного оружия. При учете остальных видов серьезных и иных деяний сбор сведений об оружии не предусматривается. Но и по этим ограниченным данным можно судить о динамике преступлений с применением огнестрельного оружия.

Долгое время в США совершалось около 60% убийств с использованием огнестрельного оружия: по данным 1986 года, 44% — с помощью пистолетов, 7 — с помощью охотничьих ружей, 4 — с помощью винтовок и 4% — с помощью других видов оружия¹⁹. В последние годы абсолютные и относительные показатели свидетельствуют о медленной, но устойчивой тенденции к росту. В 1993 году доля насилия с применением оружия составила 95, в том числе огнестрельного — 68% (табл. 9).

Таблица 9

**Динамика умышленных убийств в США,
совершенных с применением огнестрельного оружия
(1985—1995 гг.)**

Годы	Всего убийств	С применением оружия	В % к 1985 г.	Удельный вес	С применением огнестрельного оружия	В % к 1985 г.	Удельный вес
1985	18 976	17 545	100,0	92,5	10 296	100,0	54,3
1986	20 613	19 257	109,8	93,4	11 381	110,5	55,2
1987	20 200	17 963	102,4	88,9	10 612	103,1	52,5
1988	20 675	17 971	102,4	86,9	10 895	105,8	52,7
1989	21 500	18 954	108,0	88,2	11 832	114,9	55,0
1990	23 438	20 045	114,2	85,5	12 847	124,8	54,8
1991	24 703	21 676	123,6	87,7	14 373	139,6	58,2
1992	23 760	22 716	129,5	95,6	15 489	150,4	65,2
1993	24 530	23 271	132,6	94,9	16 189	157,2	66,0
1994	23 326	22 084	125,9	94,7	15 463	150,2	66,3
1995	21 596	20 047	114,3	92,8	13 673	132,8	63,3

Тенденции вооруженного насилия, видимо, напугали американское общество и послужили основанием для принятия закона 1994 года, о котором говорилось выше, с запретом производства, продажи и хранения 19 видов автоматического оружия. Американские законодатели были оперативны. Как видно из таблицы 9, в 1991—1993 годы наметился заметный рост убийств с помощью огнестрельного оружия. На слушаниях в Сенате Конгресса в мае 1992 года свободная продажа огнестрельного оружия рассматривалась в качестве одной из причин роста насильственной преступности. А уже в 1994 году был принят упомянутый закон. Вряд ли он надолго снизит утвердившееся вооруженное насилие. Хотя некоторое снижение обозначилось, но сама оперативность показательна.

В других странах доля преступлений, совершаемых с огнестрельным оружием, намного ниже.

В объединенной Германии, по данным полиции, у населения на руках находится около 30 млн. пистолетов, револьверов и вин-

товок (на 2—3 человека — ствол), из которых лишь треть приобретена легально и официально зарегистрирована²⁰. На начало 90-х годов в ФРГ с применением огнестрельного оружия совершалось 15% умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, 10,4 — разбойных нападений, 7,5 — убийств без отягчающих обстоятельств, 2,4 — телесных повреждений со смертельным исходом, 1,9% — изнасилований и др. Если суммировать общее число учтенных преступлений, которые могут совершаться с применением оружия, то удельный вес преступлений, фактически совершенных с оружием, в структуре всей преступности не превысит 1,6%.

Угроза оружием используется в 1,5 раза чаще, чем само его применение, особенно при совершении разбойных нападений. На 30 152 учтенных нападения в 2964 случаях (9,8%) оружие было использовано для угрозы и только в 178 случаях (0,6%) реально пущено в ход. При совершении разбойных нападений на кредитные и почтовые учреждения эти показатели были в 5 раз выше. При совершении умышленных убийств с отягчающими обстоятельствами это соотношение иное: 16 применений (1,9%) и 109 угроз (13,1%). То же самое наблюдается и при совершении простых убийств: 11 (0,7%) и 105 (6,8%). Вывод очевиден: оружие в Германии по своему прямому назначению применяется лишь в соответствии с целеполаганием совершаемого преступления, что свидетельствует о некотором рационализме насильственных преступников и о их способности осознавать пределы возможной уголовной ответственности²¹.

В краткой Белой книге о преступности в Японии²² также имеются некоторые сведения о преступлениях, совершенных с оружием. В ней приводятся данные о незаконных сборищах с оружием и количестве огнестрельного оружия, изъятого у организованных преступников — бореокудан (Boryocudan). Состав преступления — сборище вооруженных лиц — специфичен. В УК Японии он был введен с целью предотвращения разборок организованных преступных групп на стадии приготовления. Эффективность состава налицо. Число незаконных — сборищ с оружием сократилось со 112 (100%) в 1985 году до 40 (36%) в 1991 году. Аналогичным образом сократилось и число лиц, участвующих в этих сборищах, — с 862 до 402. Та же тенденция просматривается и в количестве изъятого оружия у членов бореокудан: 1767 единиц в 1985 году и 954 — в 1991 году. Других сведений о преступлениях, совершенных с оружием, в сборнике нет.

В СССР и в России никогда не было легальным владение огнестрельным оружием, кроме охотничьего гладкоствольного, а при соответствующих условиях и нарезного. С принятием Закона “Об оружии” 1993 года россияне при наличии необходимых оснований могли получить лицензию на право владения газовым оружием, а лица, занятые частной охранной деятельностью, — боевым. В этих условиях динамика утрат и хищений оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, а также случаев их незаконного ношения, хранения и изготовления может косвенно свидетельствовать о тенденциях противоправной вооруженности населения, которая исполь-

зуется не только и не столько для обеспечения личной безопасности, сколько для совершения насильственных преступлений. Новый Федеральный закон "Об оружии" 1996 года ужесточил контроль над оружием, особенно за его оборотом. Оружие нормативно классифицируется на гражданское, служебное и боевое, каждое из которых имеет свои законодательные правила приобретения, хранения, ношения, производства, продажи, применения и изъятия.

Случаи хищения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в сталинский период были явлением редким. Причины общеизвестны — тотальный контроль. Такие случаи квалифицировались по ст. 59-3а УК РСФСР 1926 года как особо опасное преступление против порядка управления, а то и как государственное контрреволюционное деяние. В обоих случаях могла быть применена высшая мера "социальной защиты" — расстрел.

С принятием нового, более демократичного уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1958—1962 годы состав хищения оружия был вообще исключен из уголовных кодексов. Оно расценивалось как хищение обычного государственного имущества. Сказалась традиционная эйфория, которую в нашем отечественном законодательстве можно наблюдать при любых демократических преобразованиях. В 1967 году реальная жизнь, однако, заставила вернуться к этому составу (ст. 218¹ УК РСФСР). В 1968 году уже было зарегистрировано 464 хищения, а в 1990 году их число возросло до 1412, т. е. в 3 с лишним раза. С ростом хищений еще большими темпами увеличивалось число единиц украденного оружия. В 1988 году в розыске находилось 279 стволов нарезного оружия, в 1989 году — 777, в 1990 году — 4234, а на 1 июля 1991 г. — 14 659. Рост — в 52 раза. Похищенное и утраченное оружие значилось за органами МВД (4619 единиц), Министерством обороны (2688), учебными заведениями (2410), военизированной охраной (946), ДОСААФ (898), предприятиями связи (174), музеями (154), отделениями Госбанка (124), органами прокуратуры²², прочими организациями (2502).

Большой перечень этих ведомств и организаций свидетельствует о том, что правонарушители для своей вооруженности использовали все имеющиеся возможности захвата оружия не только тайным, но и открытым насильственным путем. С этой же целью организовывались прямые нападения на сотрудников милиции. В 1990 году было зарегистрировано 320 случаев, а в первой половине 1991 года (до распада СССР) — 165.

В числе находившихся на 1 июля 1991 г. в розыске 14,7 тыс. единиц огнестрельного оружия значилось 157 пулеметов, свыше 2 тыс. автоматов, около 5 тыс. винтовок и карабинов, более 7,2 тыс. пистолетов, 152 огнемета, а также ракетные установки, гранатометы и другое боевое оружие²³.

За вторую половину 1991 года число утраченного, похищенного и захваченного оружия на территории бывшего СССР увеличилось, по примерным подсчетам, втрое. Вооруженность населения

стала расти лавинообразно. В связи с этим за два года количество похищенного и утраченного оружия возросло в 100—150 раз. В эти данные не входит гладкоствольное охотничье оружие, 3,8 млн. которого числилось по состоянию на 1 января 1991 г. в индивидуальном пользовании охотников: в России — 2472 тыс., на Украине — 547,2, в Казахстане — 183,8, в Белоруссии — 122,2, в Грузии — 77,8, в Узбекистане — 47,7, в Латвии — 45,7, в Азербайджане — 45, в Литве — 31,8, в Эстонии — 28,4, в Туркмении — 24,9, в Молдове — 22,6, в Киргизии — 22,3, в Армении — 12,1 тыс.

Значительная часть охотничьего оружия находилась на руках у населения нелегально. Уголовной ответственности за его незаконное ношение, хранение, изготовление или сбыт не было. Не было и единого учета похищенных ружей. В начале 80-х годов учитывалось количество изъятого и добровольно сданного незарегистрированного оружия. По учету проходило в среднем около 250—300 тыс. единиц в год. С началом перестройки этот учет был отменен. Следовательно, нет возможности установить общее количество незарегистрированного охотничьего оружия.

В 1989 году — первой половине 1991 года в некоторых регионах страны хищения оружия приняли катастрофический характер. В Армении они возросли в 438 раз, в Грузии — в 234, в Азербайджане, где к регистрации преступлений всегда относились “творчески”, — в 31 раз. Основная масса похищенного оружия для международных سراжений на Кавказе поступила из России и Украины, где хищения оружия возросли за этот же период соответственно в 40 и 50 раз. С ростом хищения оружия коррелирует и число выявленных случаев его незаконного ношения, хранения, изготовления и сбыта. В 1967—1989 годы число этих деяний увеличилось почти в 5 раз — с 6222 до 27 879. Их латентность огромна.

Итак, общее число всех видов огнестрельного оружия, оказавшегося у населения СССР в момент его распада, составляло не менее 8—10 млн. единиц, или 1800—3600 единиц на 100 тыс. населения. По учету МВД СССР эта цифра составляла 1412. В те же годы в США она составляла 82 044 (т. е. в 58 раз больше), во Франции — 53 927, в Великобритании — 5298, в Нидерландах — 1364, в Польше — 725²⁴. Сравнительные данные вроде бы не давали оснований для сильного беспокойства о распространенности оружия в постсоветском пространстве. Но при их криминологической оценке следует иметь в виду, что эти горы оружия на руках нашего всегда безоружного населения оказались в момент распада огромной страны и ее Вооруженных Сил, “пика” суверенизации, крупнейших вооруженных международных конфликтов, беспрецедентного разворовывания и раздела необъятной государственной собственности, разрушения прежнего контроля за оружием, системного кризиса, роста безработицы и нищеты в стране, роста недовольства и озлобления. Все это и предопределило рост вооруженного насилия в СССР, а после его распада — и во всех бывших союзных республиках (табл. 10).

Таблица 10

**Преступления, совершенные с применением
огнестрельного оружия в СССР (1986—1990 гг.)**

Виды преступлений	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Всего	3901	2958	3609	5400	7254
В % к 1986 г.	100,0	75,8	92,5	138,4	186,0
в том числе:					
Умышленные убийства	951	806	920	1326	1780
Умышленные тяжкие телесные преступления	203	137	206	337	532
Изнасилования	18	5	11	18	11
Хулиганство	1288	803	888	1378	1857
Разбой	230	193	327	643	1072

С 1986 по 1990 год, а фактически за два последних года, вооруженное насилие в СССР увеличилось в 1,9 раза, умышленные убийства с применением огнестрельного оружия — тоже в 1,9 раза, умышленные тяжкие телесные повреждения — в 2,6, хулиганство — в 1,4, разбой — в 4,7 раза. И если темпы прироста всех умышленных убийств и тяжких телесных повреждений и тех же деяний, совершенных с оружием, были практически одинаковыми, то темпы прироста разбоев и хулиганств с оружием в 1,7—1,6 раза превышали прирост этих деяний в целом.

Число хищений оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в 1971—1989 годы держалось примерно на одном уровне (435—594 деяния в год). В 1990—1994 годы оно возросло в 2,4, а количество похищенных стволов — в 4 раза. В эти сведения не входит захват оружия в Чечне в 1991—1992 годы. По неполным данным, дудаевцы фактически завладели (где насильственно, где путем вынужденной передачи) 50 танками, 80 единицами бронетехники, 2 тыс. орудий и минометов, до 50 тыс. единиц стрелкового вооружения и около 200 самолетами²⁵, которые были поставлены на службу преступному режиму. Он нелегально покупал его во многих странах, в том числе и в России. Примером может служить криминальная деятельность зарегистрированной российскими гражданами на Кипре коммерческой фирмы, которая заключила договор с ижевским заводом, где на чеченские (точнее: на российские) деньги закупила оружие и воздушным путем поставляла его в Чечню.

С ростом хищений огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в России интенсивно увеличивалось и число его незаконного ношения, хранения, изготовления и сбыта. Если принять за базу данные 1971 года (6183), то в 1992 году этих деяний было в 6,5 раза больше (39 910). Большая часть их не выявляется и остается латентной. В 70-е годы разыскивались десятки единиц огнестрельного оружия, в 80-е годы — сотни, в 90-е годы — тысячи. В 1988 году, например, в розыске находилось 153 ствола, а в 1995 году — 28 792. Рост — в 188 раз. Наиболее высокую насыщенность огнестрельным оружием имеет Северокавказский реги-

он, где, по оперативным данным МВД, только в 1995 году было изъято 5635 единиц нарезного оружия, 2881,2 тыс. боеприпасов и 4905,4 кг взрывчатых веществ. В связи с вооруженным конфликтом в Чечне оружие в регионе свободно продавалось, но сколько-нибудь надежного учета его не существует.

По данным МВД, в России на начало 1995 года только в правомочном владении граждан находилось 3,2 млн. стволов огнестрельного оружия. Фактический уровень вооруженности населения в России может быть выше регистрируемого по меньшей мере в 2 раза. Эта проблема в январе 1995 года стала предметом обсуждения расширенного координационного совещания в Генеральной прокуратуре РФ с участием руководителей всех заинтересованных ведомств и государственных учреждений (МВД, ФСБ, Минобороны, Главного управления охраны, Государственного таможенного комитета, Верховного Суда, Совета Безопасности, Государственной Думы, Совета Федерации и руководства оборонной промышленности)²⁶.

На этом совещании было установлено, что в связи с ухудшением хранения оружия, слабой его охраной, неадекватным законодательством, нарушением правил лицензирования и слабым контролем за оружием оно потоком идет из Вооруженных Сил, органов внутренних дел, оборонных обществ, подразделений военизированной охраны, службы инкассации, оборонных заводов, окопов второй мировой войны, подпольных цехов, охранных коммерческих структур, а также из-за рубежа в связи с контрабандными поставками через "прозрачные" границы с Прибалтикой, Закавказьем и Средней Азией, куда оно свободно доставляется со всего мира. По неполным данным МВД РФ, в нелегальном обороте в 1995 году находилось не менее 150 тыс. единиц огнестрельного оружия. Только в органах, на которые возложен тот или иной контроль за оружием, в 1994 году потеряны десятки тысяч стволов оружия, в том числе в Прокуратуре — 37, в ФСБ — 102, в МВД — 1700, в Вооруженных Силах — свыше 30 тыс.

На координационном совещании руководителей правоохранительных органов в августе 1996 года констатировалось, что за предыдущий и текущий годы из мест хранения похищено 34 тонны взрывчатых веществ. За то же время от террористических актов с применением взрывчатки пострадало около тысячи человек. По состоянию на сентябрь 1996 года на федеральном учете значилось 31 265 единиц утраченного и находящегося в розыске огнестрельного оружия, что на 9,6% больше, чем в сентябре 1995 года²⁷.

В России есть силы, которые активно добиваются свободной продажи огнестрельного оружия. В это же время США и другие страны, познавшие всю опасность "вооруженной" свободы, принимают решительные меры по ее ограничению. Президент США добивается устранения оружия и преступников с улиц американских городов. В России предпринимаются попытки иной направленности. Принятие закона о свободной продаже оружия поставит народ и государственную власть в России в полную зависимость от криминальных структур, ибо уже в настоящее время преступный

мир способен решать с помощью оружия не только свои задачи, но и вопросы большой политики (табл. 11).

Насыщенность страны оружием предопределяет его неправомерное применение.

Таблица 11

**Преступления, совершенные с применением
огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ
в России в 1987—1996 годы**

Годы	Всего	В % к 1987 г.	В том числе:			
			умышленные убийства	умышлен- ные ТТП	хули- ганство	разбои
1987	2 164	100,0	534	98	642	119
1988	2 588	119,6	619	141	680	197
1989	3 550	164,0	808	225	1 003	397
1990	4 463	206,2	1 008	314	1 305	562
1991	4 481	207,1	970	294	1 285	586
1992	8 873	241,0	1 667	625	1 857	2 095
1993	22 116*	1 027,0	2 957	1173	3 345	5 234
1994	16 780*	775,4	3 282	1004	3 330	5 125
1995	12 160*	561,9	1 875	509	1 811	3 418
1996	9 549*	441,3	-	-	-	-

* Преступления, совершенные с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ.

Судя по таблице, вооруженное насилие в России за 1987—1993 годы возросло более чем в 10 раз, в том числе умышленные убийства — в 5,5, умышленные тяжкие телесные повреждения — в 12, хулиганство — в 5, разбойные нападения — в 4,4 раза.

Регионами с наибольшим количеством преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, за последние годы были Москва, Санкт-Петербург, Сибирь, Дальний Восток и Северный Кавказ. На них приходится более половины вооруженного насилия.

В 1994 году его регистрируемый уровень снизился на 24,1, в 1995 году — на 27,5, а в 1996 году — на 21,5%. Эти данные вызывают большие сомнения, поскольку объективных предпосылок для такого снижения, как показал детальный анализ “феномена снижения” в предыдущих разделах, не было. Растет число утраченного и похищенного оружия. Предполагаемая латентизация вооруженного насилия в России является еще более опасной тенденцией. Она может окончательно подорвать веру населения в уголовную юстицию и в государство в целом.

¹ Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных обращении или унижающих достоинство видов обращения или наказания, 1975; Конвенция о правах ребенка, 1989; Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, 1990 // Сборник стандартов и норм

ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк, 1992. С. 108, 220, 259, 326; Насилие в семье. Седьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. ООН, Нью-Йорк, 1986. С. 75—78; Насилие в семье. Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. ООН, Нью-Йорк, 1990. С. 68—70; Искоренение насилия в отношении женщин. Девятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. А/CONF. 169/16. 12 мая 1995. Р. 32—36.

² Доклад Европейского регионального подготовительного совещания к Девятому конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 28 февраля — 4 марта 1994 г. А/Conf. 169/RPM. 3. 10 March 1994. Р. 27.

³ Меры борьбы с международным терроризмом // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк, 1992. С. 50.

⁴ Crime Trends in Sweden, 1988. S. 37—46; *Wikstrom Per-Olof H.* Everydey Violnce in Contemporary Sweden. Stockholm, 1985. P. 36—41.

⁵ *Лучеев В. В.* Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 179—286.

⁶ Права человека. Основные международные документы. М., 1990; Конституция Российской Федерации 1993 г.

⁷ Uniform Crime Reporting Handbook. Washington, D. C., 1984. Р. 6.

⁸ Актуальные проблемы борьбы с тяжкими насильственными преступлениями. М., МВД СССР, 1991. С. 1.

⁹ *Никифоров А. С.* США: новый закон о контроле над насильственной преступностью // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. М., ИГПРАН, 1996.

¹⁰ Results of the Fourth United Nations Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems. Interim report prepared by the Secretariat. А/CONF. 169/15. 20 December 1994. P. 12.

¹¹ Crime and Criminal Justice in Europe and North America. 1986—1990. HEUNI. Helsinki, 1995. P. 22.

¹² Results of the Fourth United Nations Survey... P. 14.

¹³ Idid. P. 15.

¹⁴ *Wikstrom Per-Olof H.* Urban Crime, Criminals, and Victims. The Swedish Experience in an Anglo-American Comparative Perspective. Springer-Verlag. New York — Berlin — Heidelberg — London — Paris — Tokyo — Hong Kong — Barselona, 1991.

¹⁵ Crime and Measures against Crime in the City. National Council for Crime Prevention Sweden. Stockholm, 1990.

¹⁶ *Шаповалов А. В.* Конгрессе США рассматривается законопроект, ужесточающий борьбу с международным терроризмом. Российская газета, 1995, 28 марта.

¹⁷ Доклад Девятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. А/CONF. 169/16 12 мая 1995. Р. 37—40.

¹⁸ Uniform Crime Reporting Handbook...

¹⁹ U. S. Department of Justice. Federal Bureau of Investigation. Uniform Crime Reports. Washington. D. C., 1986.

²⁰ Российская газета. 1995. 15 нояб.

²¹ Polizeiliche Kriminalstatistik 1989. Bundesrepublik Detschland. S. 31.

²² Government of Japan. Summari of the White Paper on Crime 1992. Research and training Institute Ministry of Justice. P. 66—67.

²³ Проблемы, связанные с распространённостью оружия среди населения. М.; МВД СССР, 1991. С. 2.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Российская газета. 1994. 17 дек.; 1995. 10 янв. и 15 марта.

²⁶ Яшманов Б. Железный поток. Сегодня в России три с лишним миллиона человек законно владеют огнестрельным оружием. А сколько незаконно? // Российская газета. 1995. 7 февр.

²⁷ Российская газета. 1996. 8 авг.

Глава 8 Корыстная преступность

1. Понимание корыстной преступности

Обыденное понимание корыстной преступности, так же как и насильственной, на первый взгляд вроде бы не представляет особой трудности. Основным группировочным признаком рассматриваемых деяний является своеобразный характер мотивации — **корысть**.

В советском уголовном законодательстве 60-х годов эта мотивация формулировалась в виде “корыстных побуждений”, “корыстной цели”, “цели обогащения”, “цели наживы” и других понятий¹. В УК РФ 1996 года рассматриваемая мотивация обозначена терминами “корыстные побуждения”, “корыстная заинтересованность”, “извлечение дохода”, “извлечение имущественной выгоды”, “по найму”, а также “кража”, “хищение”, “мошеничество” и другие названия преступлений, которые совершаются только по корыстным мотивам.

Утрата идеологической оценки побуждений не меняет сути корыстной мотивации — стремления получить материальную выгоду преступным путем. Универсальным корыстным мотивом являются деньги. Они всегда “светят” многопотребностным отраженным смыслом. “Все то, что не можешь ты, — писал Маркс, — могут твои деньги. Они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть — все это они могут себе присвоить; все это они могут купить; они настоящая сила”².

В статистике разных стран, как правило, нет выделения группы корыстных преступлений. Нет этого и в ооновских вопросах. Реально по корыстным побуждениям могут совершаться преступления, посягающие на самые разные объекты: против собственности, личности, государства, правосудия, здоровья населения, эколо-

гии, управления и т. д. Причем эта мотивация в ряде случаев не является единственной при одной и той же уголовно-правовой квалификации. Государственная измена, например, совершаемая по материальным, идеологическим или иным мотивам, остается все той же государственной изменой. Статистически она будет учтена в группе преступлений против государства. А криминологически в первом случае ее следует отнести к корыстным, во втором — к “политическим”, в третьем — к каким-то иным. Однако, как уже говорилось, ни в одной стране мира нет учета преступлений по мотивации.

Выделение корыстных преступлений в виде отдельной главы или раздела в уголовных кодексах практически невозможно, поскольку классификация преступлений обычно строится по объектам охраны (посягательства), а не по содержанию мотивации. И это оправданно. В то же время в процессуальном законодательстве некоторых стран излагаются требования обязательности доказывания мотивов и целей по уголовному делу.

Без изучения мотивации трудно постигать криминологическую суть преступлений, распределенных по объектам уголовно-правовой охраны, и выработать стратегию их предупреждения и контроля. Но если мотивы и цели преступлений более или менее адекватно устанавливаются в процессе уголовного судопроизводства, то было бы крупным упущением не учитывать их статистически. И в некоторых странах они учитываются, хотя и неполно.

В СССР и в России, например, после введения единого учета преступлений в 1961 году корыстные и некоторые другие мотивы находили определенное отражение в документах первичного учета. В третьем издании “Инструкции о едином учете преступлений” (от 14 декабря 1994 г.) перечень мотивов существенно расширен. В статкарточках о результатах расследования преступления и на лицо, совершившее преступление, дан большой перечень (21 наименование) мотивов и целей преступлений. Как и прежде, он начинается с корыстных побуждений. И хотя формулировка многих мотивов и целей вызывает большие сомнения³, попытка более полного учета криминальной мотивации заслуживает всяческой поддержки.

В мировой уголовной статистике преобладает другой подход: наряду с насильственной преступностью выделяется группа имущественных деяний, в которую включаются преступления против собственности. Другие преступления с корыстной целью, направленные на иные объекты (личность, порядок управления, правосудие и т. д.), в эту группу не попадают.

Преступления против собственности (имущественные деяния) преобладают в структуре учтенных корыстных преступлений, достигая 70—80—90%, но сведения о них нельзя признать репрезентативными по отношению ко всей группе корыстных преступлений, так как из учета выпадают качественно особые деяния (коррупция, наркобизнес, проституция, незаконная торговля оружием, налоговые, компьютерные и др.), доходы от которых превышают “доходы” от имущественных преступлений. В последние обычно не включаются грабежи, разбои, вымогательство, бандитизм и другие

прямые корыстные посягательства на чужую собственность, но совершенные с помощью насилия. Во многих странах они учитываются в группе насильственных деяний.

Если исходить из приоритета личности над собственностью, то данный подход покажется обоснованным. А если иметь в виду мотивационно-криминологическую суть преступлений, то он не выдерживает критики. Не случайно в стандартных таблицах Интерпола рассматриваемые посягательства значатся в общей графе "Кражи", которая потом расшифровывается по видам. Грабежи и разбой — один из них. Ибо насилие в них выступает лишь в форме способа завладения чужим имуществом, причем наиболее примитивного. При совершении корыстных преступлений существует множество других способов⁴. Несомненно, насилие — наиболее опасный способ, который сам по себе наказуем. Однако это не должно служить основанием для исключения рассматриваемых деяний из группы корыстных. Для криминологической полноты их можно учитывать и в структуре насильственных, и в структуре корыстных посягательств, выделяя в подгруппу корыстно-насильственных.

В четырех обзорах ООН о тенденциях преступности (1970—1990 г.) из всех корыстных преступлений отслеживались грабежи, кражи, мошенничество (со Второго обзора с включением растрат), незаконная торговля наркотиками (преступления, связанные с наркотиками) и со Второго обзора — взяточничество, подкуп, коррупция. Во Втором и Третьем обзорах значились похищение людей, похищение детей, в том числе и с целью выкупа. Удельный вес этих корыстных преступлений в структуре всех отслеживаемых ООН деяний находился в пределах 96—97% с тенденцией повышения данной доли от обзора к обзору. В развитых странах она превышала 90%, а в развивающихся колебалась от 60 до 70%. Наибольший удельный вес в структуре учитываемой ООН преступности составляли кражи (около 70, в развитых странах — около 80%). На втором месте — преступления, связанные с наркотиками (до 6%), на третьем — ограбления (до 6%), на четвертом — мошенничество с включением растрат (до 4%). Доли остальных деяний колебались в пределах 1%. Кражи не только доминировали в структуре преступности, но и интенсивнее всех росли, особенно в развитых странах. В 1975 году их уровень на 100 тыс. населения составил около 2100, в 1980 году — 2500, а в 1985 году — 4100⁵.

В США по единым отчетам о серьезной преступности (Crime in the United States) в последние годы каждые 2—3 секунды совершалось одно преступление против собственности (кража, кража автомашины, кража с проникновением в помещение) и каждые 47—50 секунд регистрировалось одно ограбление, которое по американской статистике числится в насильственных преступлениях. По данным 1993 года, из 14 141 000 учтенных серьезных преступлений 91,1% (12 876 460), а вместе с грабежами — 95,7% составили имущественные преступления. Серьезная преступность в США отслеживается еще и по опросам населения о его личной и семейной виктимизации. По этим материалам в стране в том же году было

совершено 33 649 340 серьезных преступлений, из них 22 270 760, или 66,2%, а вместе с грабежами 69,8% — имущественных⁶.

Как мы видим, удельный вес корыстных преступлений по материалам изучения виктимизации населения на 15% ниже доли рассматриваемых деяний в структуре зарегистрированной серьезной преступности. Эта деформация может свидетельствовать о более высокой латентности насильственных преступлений, чем имущественных, которая выявляется лишь при опросах населения. Однако и социологические данные неполны. Для объективной оценки всех корыстных преступлений в США необходимо знать, сколько их совершается за рамками серьезной преступности, например похищения человека с целью получения выкупа, наркобизнеса, коррупции, мошенничества и других корыстных посягательств.

Начальник полиции из Хьюстона, например, признает: «Полиция не тратит своих усилий на изобличение беловоротничковых преступников. Преступления, которые вызывают у населения большую озабоченность, — это преступления на улицах. И я не предвижу изменений в этом положении»⁷. Кроме того, многие насильственные деяния (убийства, нападения) также совершаются по корыстным мотивам, но все это не находит отражения в неплохо разработанной американской криминальной статистике.

Из 24 групп преступлений, охватываемых более чем 250 статьями УК, по полицейской статистике ФРГ (Polizeiliche kriminalstatistik) 14 групп, как правило, совершаются по корыстным мотивам: кражи, мошенничество, наркодеяния, присвоение имущества, подделка документов, укрывательство краденого, преступления в хозяйственном секторе, нарушения алиментных обязательств, злоупотребление доверием, должностные преступления и др. Они составляют 75—80% от всех зарегистрированных преступлений. Естественно, в это число не входят насильственные преступления, совершаемые по корыстным мотивам. Как и в других странах, в объединенной Германии доминируют кражи. На втором месте — мошенничество, на третьем — преступления, связанные с наркотиками. В 1994 году кражи составляли 60% (3 924 088 деяний) в общем числе зарегистрированных преступлений.

В Англии и Уэльсе (Notifiable Offences Recorded by the Police in England and Wales) в числе примерно 70 видов преступлений, подлежащих регистрации и учтенных полицией в 1990 году, было зафиксировано 4 297 900, или 94,6%, деяний, совершаемых по корыстным мотивам (грабежи, кражи 11 видов, мошенничество, подлог, уголовный ущерб и т. д.). По данным Интерпола, в Великобритании в целом в 1992 году было зарегистрировано 5,4 млн. преступлений (исключая причинившие ущерб на сумму 20 фунтов стерлингов), среди которых было 5,13 млн. (95%) против собственности. На первом месте — кражи (78%). Их абсолютные и относительные показатели из года в год увеличиваются.

Во французской криминальной статистике (Crime et delits Constates en France), построенной до недавнего времени на УК 1810 года с изменениями и дополнениями, значились три большие группы пре-

ступлений, которые охватывают более 60 конкретных составов, совершаемых по корыстным мотивам. Группа "А" — хищения — включала в себя разбойные нападения (8 видов), кражи из помещений (4 вида), кражи, связанные с автотранспортом (5 видов), простые кражи (7 видов) и др. Группа "В" — мошенничество, финансовые и экономические преступления — включала в себя мошенничество (11 видов), экономические и финансовые преступления (9 видов), нарушения законодательства о чеках (3 вида). Группа "D" — наркотические вещества, общественный порядок и правовое регулирование — содержала в себе незаконный оборот наркотиков (3 вида), распространение незаконно произведенных напитков, алкоголя, табачных изделий, фальсификацию продовольственных товаров (3 вида), нарушения норм правовой регламентации на скачках, в казино, игорных домах, незаконную охоту и рыбную ловлю (6 видов) и др.

Новый УК Франции 1992 года унифицировал составы корыстных преступлений, но не декриминализировал их, сохранив многие черты прежнего законодательства. Корыстные преступления в основе своей предусматриваются в книге III УК "О преступлениях и проступках против собственности", но они значительное место занимают в книге IV "О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного порядка" и в книге II "О преступлениях и проступках против человека". А из этих книг и состоит вся Особенная часть УК Франции.

По данным 1991 года, хищения во Франции составили 65,6% от общего числа зарегистрированных преступлений (2 456 871 от 3 744 112), мошенничество и другие экономические преступления — 15,1, корыстные нарушения законов о наркотиках и другие преступления третьей группы — около 10%. Общая доля корыстных преступлений превысила 90%. По неполным данным Интерпола, в 1992 году во Франции их было зарегистрировано 3 830 996, из них 3 061 547, или 79,9%, можно отнести к корыстным. Фактический уровень их намного больше.

По ежегодно меняющемуся содержанию краткого изложения Белой книги (Summary of the white Paper on Crime) в Японии трудно вычислить уровень корыстных преступлений. Но если ограничить анализ нарушениями уголовного кодекса, зарегистрированными полицией, и включить в число корыстных преступлений кражи, разбой, мошенничество и преступления, связанные с наркотиками, то их доля в 1993 году составила около 88%.

По неполным, но сопоставимым данным Интерпола последних лет (1993—1994 гг.), и в других странах подтверждается общая закономерность высокого уровня корыстных преступлений, например в европейских развитых демократических странах, и менее высокого в иных: в Дании — 87,6%, Чехии — 81,3, Венгрии — 64,1, Италии — 63,9, Австрии — 54,4, Азербайджане — 46,3, Румынии — 44,8, Турции (1990 г.) — 37,4%. Разница — более чем в 2 раза.

В публикуемых статистических сборниках о преступности в СССР, а ныне в России группа корыстных преступлений тоже не выделяется. В УК РСФСР 1960 года было две главы о преступле-

ниях против государственной (общественной) и личной собственности, которые по закону от 1 июля 1994 г. объединены в одну (кража, грабеж, разбой, мошенничество, вымогательство, присвоение вверенного имущества, хищение предметов, имеющих особую ценность, неправомерное завладение транспортным средством, неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом, причинение имущественного вреда путем обмана и злоупотребления доверием, присвоение найденного и др.). В этой главе предусмотрены и неосторожные посягательства на чужую собственность, которые нельзя отнести к корыстным. По данным 1993—1995 годов, перечисленные преступления статистически хотя и составляли более 60% от всех зарегистрированных и около 80% от корыстных, но не отражали их качественного разнообразия.

Статистические сборники **России** обычно выделяют еще одну группу корыстных преступлений, которые совершаются в сфере экономики: должностные преступления, контрабанду, валютные нарушения, фальшивомонетничество, незаконное повышение цен, сокрытие доходов, незаконное предпринимательство, обман потребителей, приватизационные преступления и др. В 1995 году они составили около 8% от всех зарегистрированных деяний и 9—10% от учтенных корыстных. Но, как мы уже говорили, по корыстным мотивам могут совершаться и другие преступления, предусмотренные во всех главах УК.

В более стабильное время (1990 г.) в УК РСФСР насчитывалось около 60 статей, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые по корыстным мотивам. Существенные изменения и дополнения этого кодекса за последние четыре года, несмотря на объединение преступлений против собственности в одну главу, прибавили число корыстных составов, особенно в сфере экономики. В новом УК РФ 1996 года уже содержится около 100 статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, совершаемые по корыстным мотивам. Ядром их являются преступления в сфере экономики (раздел VIII), куда включаются преступления против собственности (11 статей), в сфере экономической деятельности (32 статьи) и против интересов службы в коммерческих и иных организациях (4 статьи). Остальные составы распределены в других разделах и главах УК. Из 19 глав Особенной части в 17 предусматриваются анализируемые нами деяния.

В 60-е годы доля корыстных преступлений в СССР оценивалась в 40—45%, в конце 80-х годов — в 75, а в настоящее время — более 80%. Вступление нового УК в действие увеличит их долю. И это при условии исключительно высокой латентности корыстных, и особенно экономических, деяний. Если учесть, что удельный вес насильственных посягательств в России составляет около 6, неосторожных — не более 5%, то оставшаяся часть в основе своей тяготеет к корыстным преступлениям. Можно сказать, что по этому показателю Россия сравнялась с экономически развитыми европейскими странами. В российских условиях неправового накопления первичного капитала он свидетельствует не об экономическом

и демократическом развитии, а о криминальном “окорыстовании” (неблагозвучный термин) всех общественных отношений, экономических, политических и даже этических.

Значительное число людей в наше переходное правовое безвременье озабочено мотивацией стать собственником, урвать свое или чужое, создать или войти в доходную коммерческую структуру, обворовывающую государство, общество, а то и непосредственно население. Разрыв в доходах самых бедных и самых богатых в России угрожающе растет. По данным “Финансовых известий”, в 1991 году он составлял 1 : 4,5, в 1992 году — 1 : 8, в 1993 году — 1 : 10, в 1994 году — 1 : 15⁸.

По данным Министерства экономики (июнь 1995 г.), в России 10% населения имеют третью часть денежных доходов, в то время как 60% — лишь около 30%. У 45,1 млн. человек среднегодовые доходы ниже прожиточного минимума. Только по официальным учтенным данным, разрыв в уровне доходов 10% населения с самыми низкими доходами и 10% населения с самыми высокими доходами в январе 1995 года составлял 12,4 раза, а в мае — 14,7⁹. А по данным правительственной программы социальных реформ на 1996—2000 годы, этот разрыв был двадцатичетырехкратным¹⁰. Данные, полученные из разных источников, схожи. Скрытый реальный разрыв намного больше. Он в значительной мере обусловлен непроизводительным трудом. Как образно об этом сказал Е. Гайдар, “наш капитализм вороватый и коррумпированный”^{10а}. В целях предупреждения преступлений Платон предлагал установить пределы разрыва между бедностью и богатством в 4 раза^{10б}. И это предположение не беспочвенно. В европейских странах он близок к пятикратному, в США — к восьмикратному, а в Японии — к четырехкратному. Социально опасным и наиболее криминогенным считается 1:10 и больше. К самой высокодоходной части населения, как правило, относятся бывшие или настоящие высокие должностные лица, успевшие ухватить номенклатурный бизнес, прямо или косвенно позволяющий использовать бюджетные деньги и государственную собственность в личных корыстных интересах.

Складывающемуся колоссальному социально-экономическому неравенству предшествовали беспрецедентный ваучерный обман всего населения страны при разделе общенародной собственности, массовый обман государством около 100 млн. вкладчиков Сбербанка в 1991—1992 годы и не менее массовый обман коммерческими кредитными учреждениями-пирамидами более 30 млн. вкладчиков и акционеров, а также криминальная и полукриминальная приватизация. Неправомерное обогащение номенклатуры и организованных преступников в эти годы привело к утечке капиталов из России в другие страны на общую сумму более 100 млрд. долл. И эта утечка продолжается по разным оценкам от 1 до 1,5—2 млрд. долл. ежемесячно¹¹. Большая озабоченность научной юридической общественности, средств массовой информации и правоохранительных органов об интенсивной криминализации наличного и безналичного денежного обращения и многочисленные предложения, направ-

ленные на четкое законодательное регулирование кредитно-финансовой деятельности, не были услышаны законодательной и исполнительной властями, которые были озабочены другим: борьбой между собой и собственным выживанием.

За все эти экономические махинации практически мало кто понес законную ответственность. А если к этому прибавить повсеместную коррупцию государственных служащих, постоянное снижение жизненного уровня народа, рост скрытой и зарегистрированной безработицы, то станет понятным абсолютное доминирование материальных интересов в российской действительности. Их трансформации в корыстные побуждения преступного поведения способствовали правовой вакуум, правовой нигилизм и беспрецедентная государственная бесконтрольность. В одном из официальных обращений к Президенту Ельцину министр финансов в начале 1995 года писал: "... такого слабого контроля со стороны государства за своими собственными финансами в истории России еще не было"¹².

Кратко проследим попытки властей изменить сложившееся положение. В феврале 1996 года был создан Межведомственный совет по государственному финансовому контролю, обеспечению своевременности и полноты сбора налогов и других платежей в федеральный бюджет. Реальных результатов не достигнуто. В июле 1996 года был издан Указ Президента Российской Федерации "О мерах по обеспечению государственного финансового контроля", который возлагался на Счетную палату, Центральный банк, Минфин, Госналогслужбу, Государственный таможенный комитет, Федеральную службу по валютному и экспортному контролю, контрольно-ревизионные органы исполнительной власти. Результаты те же. Крупные неплательщики налога оказались недосягаемыми. Тогда пошли по испытанному пути — под видом "упрощения" переложить бремя государственной беспомощности и бездействия на граждан, увеличив и даже умножив налоги на физических лиц (Указ Президента от 18 августа 1996 г. "Об упрощении сбора подоходного налога и страховых сборов с физических лиц"). Возмущение общественности и специалистов заставило Президента в сентябре 1996 года отменить новый грабительский указ. После этих неудач Указом Президента Российской Федерации "О временной чрезвычайной комиссии при Президенте РФ по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины" создана ВЧК из высших лиц государства с широкими дискреционными полномочиями. Однако и она не могла справиться с крупными неплательщиками налогов. В данном случае не выполняются не только административные или финансовые нормы, но и законы уголовные, тем более что проблема неплатежей и неуплаты налогов "на 90% проблема воровства"^{12а}.

Особое место в реальной (а не регистрируемой) экономической преступности занимает уникальный по своим криминальным возможностям механизм приватизации. Она началась еще в СССР и достигла апогея в России¹³. Программа цивилизованного и более или менее правового перехода к рынку, разработанная специалистами, осталась не востребовавшей¹⁴.

По закону "О собственности в СССР" 1990 года распоряжаться и управлять государственным имуществом "от имени народа" стали соответствующие Советы народных депутатов, а фактически директора предприятий на основе полного хозяйственного ведения. Российские власти в законе "О предприятиях и предпринимательской деятельности" 1990 года пошли дальше и вопрос о хозяине решили однозначно: и директор государственного завода, и президент акционерного общества, и владелец частной фирмы стали предпринимателями, получившими право формировать производственную программу, выбирать поставщиков и потребителей, устанавливать цены, заниматься внешнеэкономической деятельностью, управлять предприятием, нанимать и увольнять работников, назначать самим себе зарплату и т. д. Правительство осознавало, что директора будут богатеть, а предприятия — беднеть^{14а}.

Оказавшись фактическими владельцами предприятий, бывшие красные директора не были заинтересованы в развитии и поддержании производства, так как оно им юридически не принадлежало. Но, имея право создавать при госпредприятиях частные и получастные фирмы, они "перекачивали" туда львиную долю доходов предприятия, его недвижимое и другое имущество. Разрушенное производство с устаревшим оборудованием уже ничего не стоило, и Госкомимущество продавало предприятия по "бросовым" ценам тем же директорам, другим нуворишам и организованным преступникам, получая за это 4% от сделки.

Закон "О несостоятельности (банкротстве)" 1993 года позволял ускорить приватизацию. Госкомимущество в его развитие создало Федеральное управление по делам о несостоятельности (ФУДН), которое стало заниматься не предотвращением банкротств предприятий, как предписывалось в правительственном положении о нем, а их разорением. Введя подзаконный и широко толкуемый критерий "неплатежеспособное предприятие" и руководствуясь революционным принципом "как можно скорее ликвидировать или приватизировать государственные предприятия", ФУДН в условиях массовых неплатежей объявлял перспективные и конкурентоспособные предприятия неплатежеспособными, в связи с чем поставщики и должники прекращали с ними отношения, чем делали их действительными банкротами и подталкивали к самоликвидации, которая проводилась келейно без судебного разбирательства.

Перевод командной экономики в рыночную в тяжелых бюджетных условиях путем ускоренной продажи нерентабельных предприятий был необходим, но, как показала проверка Счетной палаты РФ, неплатежеспособными были объявлены, например, более 40 заводов авиапромышленности, авиационных, моторостроительных, агрегатных, приборостроительных предприятий с уникальными передовыми технологиями. 70% предприятий, признанных неплатежеспособными, относились к пяти стратегическим областям промышленности, в том числе 261 предприятие Госкомоборонпрома. Ущерб от такой приватизации огромен. По мнению американских экспертов, при применении фудновского критерия к

предприятиям США 80% из них могли быть признаны банкротами. За свою работу ФУДН получал 20% от проданных банкротов, и его сотрудники были кровно заинтересованы в этом¹⁵.

Выживание государства в условиях массового казнокрадства толкало его руководство на систематическое придумывание новых правил игры, позволяющих обирать собственный народ и дееспособные предприятия. Обесценивание вкладов населения в Сбербанке, замораживание валютных средств предприятий, которые фактически были растрачены государственным Внешэкономбанком, введение налога на положительную курсовую валютную разницу, когда курс рубля катастрофически падал по отношению к доллару, установление более трех десятков других налогов и предоставление налоговых льгот "своим" предприятиям делают невыгодным производство и честное предпринимательство. Предоставление предприятиям различных льгот является обстоятельством особо криминогенным. Во-первых, решения о льготах принимались келейно и, как правило, сопровождалась коррупцией. Во-вторых, предоставление льгот одним предприятиям возможно лишь за счет других и за счет снижения доходной части бюджета. В-третьих, "льготники" получают непомерные доходы, из-за которых ведутся кровавые разборки. Вспомним хотя бы взрыв на Котляковском кладбище в Москве как результат дележа льгот "афганских" фондов.

По мнению главы налоговой полиции С. Алмазова, действующие налоговые ставки, доходящие до 95 копеек с рубля, провоцируют налоговые правонарушения, ставя многие компании перед выбором: уклониться от налогов или пожертвовать бизнесом¹⁶. Поэтому уже в 1994 году ими было изобретено более 150 способов уклонения от уплаты налогов. Решение проблемы главным образом лежит не в репрессивной сфере, а в регулятивной. Но государственных должностных лиц, видимо, устраивает непрерывная ведомственная смена "правил игры", позволяющая дискреционным путем решать актуальные для себя проблемы. И в этом плане Российское государство по сути своей является самым главным корыстным преступником, с которого берут пример индивидуальные и коллективные грабители. В силу сказанного экономическая криминогенность в стране развивается, как столетие назад, по Марксу: нужда и нищета в обществе толкают к преступлениям обездоленных, а жажда наживы, обусловленная растущим социально-экономическим неравенством, побуждает к ним обеспеченных¹⁷.

Итак, корыстная преступность в мире и России фактически и учетно является доминирующей. Ее динамика определяет основные тенденции и проблемы преступности в целом. Корысть в конечном счете лежит в основе большинства насильственных преступлений. Она является стеновым хребтом организованной преступности. Российские корыстные мотивации, отражающие шопенгауэровское: "Иные люди были бы в состоянии убить своего ближнего просто для того, чтобы его жиром смазать себе сапоги"¹⁸, оказались не просто устойчивыми, но и репродуктивными.

Борьба с корыстной преступностью и в мире, и в России пред-
решает главные криминологические стратегии. Тем не менее ко-
рыстная преступность в полном объеме и разнообразии никогда и
нигде не отслеживалась, не анализировалась и не прогнозировала-
лась. Во всем этом деле, к сожалению, преобладает традиционный
уголовно-правовой формальный, а не сущностный криминологи-
ческий мотивационный подход.

2. Криминологическая характеристика некоторых корыстных преступлений

Мир и отдельные страны располагают неполными данными об
общем уровне корыстных преступлений и правонарушений, хотя
есть основания полагать, что среднестатистически в течение года
их число может превышать даже самую численность населения. Ма-
териальная выгода, полученная в различных формах (от мелкого
противоправного меркантилизма до крупнейших корыстных пося-
гательств), является одним из повседневных мотивов значитель-
ной части населения. Об этом, однако, можно лишь догадываться.
Социология и криминология владеют лишь отрывочными и недо-
статочно репрезентативными данными. Опросы граждан и долж-
ностных лиц о противоправном корыстолюбии не проводятся. Не
этично и мало надежно. А официальная статистика корыстных пре-
ступлений направленно выборочна. Закон защищает имуществен-
ные права всех, но главным образом от прямолинейных и прими-
тивных посягательств, которыми отягощен простой люд: краж, гра-
бежей, разбоев и т. д. Эта выборка является ориентированной на
наиболее тяжкие и широко распространенные преступления, не-
посредственно затрагивающие личные интересы граждан.

Должностные корыстные злоупотребления и хищения, опос-
редованно затрагивающие интересы общества, совершаемые эли-
той, близкими к ней кругами и другими должностными лицами,
всегда были сенсационными для СМИ и не более того. Единичные
случаи, а иногда и специально организуемые разоблачения при-
званы демонстрировать народу приверженность власти к декла-
рируемому правопорядку. Большая же часть подобных деяний в
авторитарных, переходных, развивающихся и даже демократичес-
ких странах не становятся предметом уголовного судопроизводст-
ва. При самых явных формах противоправного корыстолюбия
господствуют копромисс, негласный договор и даже сговор. Дейст-
вует известное правило: если ты украл булку хлеба — пойдешь в
тюрьму, а если железную дорогу — будешь сенатором. Но желе-
зную дорогу не может украсть маргинал, примитивный вор или гра-
битель. Это под силу высокопоставленным и образованным субъ-
ектам. "Так уж устроен мир, — писал Вольтер, — *Ille crusem sce-
leris pretium tulit, hic diadema*" ("тому возмездием был за преступ-
ление крест, а этому — диадема")¹⁹.

Есть и другие основания ориентированной криминализации,
учета и расследования корыстной преступности. Последняя слиш-

ком велика для любого общества, чтобы не отсекал более или менее терпимые или “выгодные” некоторым кругам формы криминального обогащения.

Вряд ли, например, целесообразно привлекать к уголовной ответственности за мелкие корыстные нарушения. Слишком много будет виновных. А расходы на отслеживание этих деликтов будут во много раз большими, чем ущерб от них. Примером может служить криминализация мелких поборов (ст. 156—2 УК РСФСР 1960 г.). У общества есть другие формы контроля над мелким противоправным корыстолюбием. “Нецелесообразной” может оказаться и борьба с особо крупными корыстными захватами.

В порядке иллюстрации вернемся к утечке капиталов из России, оцениваемой более чем в 100 и даже 300 млрд. долл. Если даже не вникать в криминальные способы их получения, а исходить только из бесспорной неуплаты налогов, то по одному этому признаку они являются противоправными. Ущерб для страны огромен и сопоставим лишь с многолетним внешним долгом России (СССР), уровень которого (в 120 млрд. долларов) близок к платежеспособности страны. Вернуть капитал правовым или уголовно-правовым путем не удастся. И возможностей мало, и правовая база слаба, и политической воли нет, так как “бегство” капитала организовывалось не только и не столько кровавыми преступниками, а главным образом правящей, политической и хозяйственной элитой. Новой экспроприации никто из серьезных политиков не хочет. Да она и не конструктивна, чревата дестабилизацией, а то и гражданской войной. Поэтому обсуждается вопрос о фактической валютной амнистии: государство не будет спрашивать, откуда деньги (к слову сказать, оно и без амнистии многих не спрашивает), лишь бы они были вложены в отечественную экономику. Этот метод с положительным эффектом применялся в Аргентине, Бразилии, Индии и некоторых других странах.

Исходя из имеющихся реалий, мы вынуждены анализировать криминологическую характеристику корыстной преступности на основе ее отдельных тяжких, широко распространенных и примитивных видов: разбоев, грабежей, краж, мошенничества, взяточничества и некоторых других.

Грабежи и разбои. Оба эти вида представляют собой открытые насильственные формы завладения чужим имуществом. Если исходить из российской правовой действительности, они главным образом различаются по степени реального и угрожаемого насилия: не опасного (грабеж) и опасного (разбой) для жизни и здоровья потерпевшего. Подобная дифференциация корыстно-насильственных деяний свойственна далеко не всем странам. В статистике ООН, Интерпола, США, Великобритании, Германии, Франции, Японии и многих других государств принято единое понимание насильственного завладения имуществом — Robbery (англ.), Raub (нем.), Les vols violents (фр.), которые можно перевести как грабеж, разбой или насильственную кражу. Больше всего в ходу грабеж. Он может различаться по тяжести: простой, отягченный, вооруженный и т. д.

По данным Первого обзора ООН (1970—1975 гг.), в мире регистрировалось 46,1 грабежей на 100 тыс. населения, в развивающихся странах — 58,8, а в развитых — 33,3. Причем в первых он возрос за эти годы на 42%, во вторых — на 322, а в целом — на 179%. По регионам различия коэффициента грабежей еще больше: в Азиатском — 100,2 деяния на 100 тыс. населения, в Латиноамериканском — 89,4, Карибском — 82,8, Западноевропейском и Североамериканском — 26,9, Североафриканском и Ближневосточном — 13, Восточноевропейском — 7,3. Разница четырнадцатикратная. СССР и Россия не представляли в ООН каких-либо сведений, хотя уровень этих деяний в эти годы составлял 17,2 на 100 тыс. населения.

По данным Второго обзора (1975—1980 гг.), число грабежей возросло в 30 и сократилось в 18 странах. В некоторых странах они увеличились так резко, что это отразилось на общемировом показателе. С 1970 до 1980 год они возросли в 3 раза. Число ограблений в развитых странах возросло до 68, а в развивающихся — до 80 на 100 тыс. населения. Особенно интенсивный рост отмечался в Латиноамериканском регионе (до 200). Средний показатель по СССР в это время составлял 21,7.

Согласно данным Третьего обзора (1980—1985 гг.), рост грабежей продолжался. Их доля в структуре учтенной преступности увеличилась с 5 до 6%, а коэффициент превысил 120. В обзоре нет данных по регионам, так как многие государства, признавая важность сравнительного анализа, возражали против каких-либо “цифровых классификаций”. В СССР в эти годы среднее число грабежей и разбоев возросло в расчете на население до 34,6.

Четвертый обзор (1986—1990 гг.) подтвердил прежние тенденции грабежей. В мире в целом по ответам ста стран грабежи за эти годы возросли на 63%. В 1990 году их уровень по североамериканским, европейским и азиатским странам различался в 1500 раз²⁰. В 1994 году этот разрыв не уменьшился, но уровень грабежей в большинстве стран заметно увеличился (табл. 1).

Таблица 1

**Уровень грабежей в разных странах (1990, 1994 гг.).
Ранжир по коэффициенту 1990 года**

Страны	Абс. показател		Коэффициент на 100 тыс.		Страны	Абс. показател		Коэффициент на 100 тыс.	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.		1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Испания	586 366	91 963	1 500	233	Беларусь	3 747	7 013	37	68
США	608 464	618 820	244	238	Кыргызстан	1 501	2 469	35	55
Канада	28 111	28 888	106	99	Венгрия	2 864	2 570	28	25
Франция	60 189	73 310	104	127	Словакия	1 412	-	27	-
Северная Ирландия	1 630	-	103	-	Швейцария	1 821	1 954	26	28
Шотландия	4 651	-	94	-	Туркмения	987	526	25	12
Эстония	1 328	786	84	52	Австрия	1 884	4 615	24	58
Нидерланды	11 946	-	79	-	Армения	719	256	22	7
Латвия	2 076	1 142	78	45	Узбекистан	4 029	2 708	20	12
Англия/Уэльс	36 195	-	74	-	Грузия	840	-	16	-

Швеция	5 967	5 331	70	61	Болгария	1 220	6 640	14	79
Россия	99 820	186 450	68	126	Израиль	716	-	14	-
Италия	36 830	29 981	64	53	Мальта	54	-	14	-
Литва	2 385	4 217	64	76	Таджикистан	738	679	14	12
ФРГ (Германия)	35 111	57 752	58	71	Вельгия	1 008	5 659	10	57
Казахстан	9 668	14 065	58	84	Румыния	1 788	4 161	8	18
Финляндия	2 627	2 254	53	44	Словения	150	-	8	-
Молдова	2 067	3 649	49	84	Азербайджан	476	713	7	10
Португалия	4 709	7 996	48	81	Люксембург	23	291	6	74
Польша	16 217	23 574	42	61	Сербия	509	-	5	-
Дания	2 127	4 086	41	79	Греция	406	1 257	4	12
Чехия	3 855	-	39	-	Кипр	12	-	2	-
Украина	17 781	37 995	38	72	Турция	816	-	1	-
Япония	-	2 684	-	2					

Уровень грабежей в США примерно вдвое выше среднего общемирового. Тенденции их за последние 20 лет (1973—1992 гг.) были противоречивыми. Абсолютные показатели увеличились с 384 220 до 672 480 (+75%), а в расчете на 100 тыс. населения — со 183,1 до 263,6 (+53,1%), тогда как удельный вес их в структуре серьезных преступлений сократился с 4,8 до 3,6%. Это результат более интенсивного роста других серьезных преступлений, особенно краж.

По сопоставимым показателям за 1953—1990 годы число грабежей в ФРГ увеличилось в 10 раз, а после воссоединения с ГДР в 1991—1993 годах — на 26,8%. Доля грабежей в структуре учтенной преступности составляет 0,9%. В 1993 году было зарегистрировано 61 757 деяний, или 76 грабежей на 100 тыс. населения. Это в 3,5 раза ниже, чем в США.

Во Франции по старому уголовному законодательству до 1994 года отслеживались два вида грабежа: кражи с применением оружия, доля которых не превышает 14—15%, и кражи с насилием, составляющие 85—86%. В 1990 году в стране в общей сложности зарегистрировано 60 189 грабежей, а в 1992 году — 70061 (+16,4%). Доля рассматриваемых деяний в структуре преступности составляет 1,8%, а коэффициент — 121,8.

В Англии и Уэльсе в 1986 году в числе преступлений, подлежащих регистрации, было зафиксировано 30 тыс., а в 1990 году — 36,2 грабежа. Прирост составил 20,7%. Удельный вес грабежей в структуре зарегистрированной преступности равняется 0,8%. По Великобритании в целом в 1992 году было учтено 53 тыс. грабежей, что составило 1% в структуре преступности. Коэффициент грабежей равнялся 95.

В Японии доля грабежей в совокупности учтенных полицией нарушений уголовного кодекса в 1993 году является небольшой (0,1%), а коэффициент — самый малый: 2 на 100 тыс. населения. Всего же в этом году было зарегистрировано 2466 деяний, что на 35,9% больше, чем в 1985 году.

Итак, при всей несхожести уголовно-правовых, статистических и организационных условий в разных странах есть основания для общего вывода: примитивные насильственные формы изъятия чужого имущества растут во всем мире, включая индустриально развитые демократические страны, в списке которых США, как обычно, занимают одно из первых мест.

В СССР и России общее число грабежей и разбоев изменялось по тем же общемировым законам. С 1956 года и до конца существования Союза количество грабежей увеличилось в 14 раз, в России в 1992 году — на 62,3%, в 1993 году — на 15, а в 1994 году сократилось на 17, в 1995 году — на 4,4%. Соотношение разбоев и собственно грабежей составляет 1:4. До 1961 года доминировали разбои (80%), что определялось действующим в то время законодательством. Отчасти поэтому число разбоев в 1990 году ненамного превысило уровень 1956 года, тогда как общее число грабежей и разбоев увеличилось за эти годы лишь в 5,3 раза. В расчете на население в 1956 году коэффициент составлял 17,4, а в 1991 году — 62,5. Удельный вес грабежей и разбоев в союзной преступности в 1956 году равнялся 5,9, а в 1991 году — 5,6%. В России в 1994 году их доля составила 7,1%, а коэффициент — 126 на 100 тыс. населения (табл. 2).

Таблица 2

Динамика насильственных преступлений против собственности в СССР и России в 1956—1996 годы

Годы	Грабежи			Разбои			Грабежи и разбои			
	личного имущества	все	динамика	личного имущества	все	динамика	все	динамика	доля	коэффициент
1956	-	9 024	100,0	24 332	25 365	100,0	34 389	100,0	5,9	17,4
1957	-	10 184	112,8	25 202	26 403	104,1	36 587	106,4	5,4	18,2
1958	-	9 381	104,0	22 166	22 097	91,1	32 478	94,4	3,7	16,9
1959	-	3 586	39,7	13 645	14 413	56,8	17 999	52,3	2,9	8,6
1960	-	3 138	34,8	1 898	3 552	14,0	6 690	19,5	1,0	3,2
1961	-	23 181	256,9	-	4 089	16,1	27 270	73,9	3,1	12,6
1962	-	14 291	158,4	-	4 627	18,2	18 918	55,0	2,1	8,6
1963	-	16 460	182,4	-	4 512	17,8	20 972	61,0	2,6	9,4
1964	-	20 724	229,7	-	5 749	22,7	26 023	75,7	3,4	11,5
1965	-	23 579	261,3	-	6 261	24,7	29 840	86,8	4,0	13,0
1966	21 237	23 294	258,1	5 850	6 449	25,4	29 743	86,5	3,3	12,8
1967	21 191	23 211	257,2	5 332	5 892	23,2	29 103	84,6	3,3	12,4
1968	27 258	29 615	328,2	6 114	6 730	26,5	36 345	105,7	3,9	15,4
1969	28 401	31 188	345,6	6 118	6 698	26,4	37 886	110,2	3,9	15,9
1970	30 084	32 871	364,3	6 347	6 898	27,2	39 769	115,6	3,8	16,5
1971	29 408	33 015	365,9	6 418	7 050	27,8	40 065	116,5	3,8	16,4
1972	26 641	30 253	335,2	6 005	6 635	26,2	36 888	107,3	3,5	15,0
1973	28 371	31 808	352,5	6 600	7 275	28,7	39 083	113,6	3,7	15,6
1974	34 797	38 590	427,6	8 604	9 454	37,3	48 044	139,7	4,2	19,2
1975	37 270	41 325	457,9	8 971	9 766	38,5	51 091	148,6	4,3	20,2
1976	35 601	39 686	438,8	8 960	9 727	38,3	49 413	143,7	4,0	19,3
1977	37 517	41 615	461,2	9 937	10 748	42,4	52 363	152,3	4,3	20,3
1978	40 584	44 878	497,3	11 707	12 698	50,1	57 576	167,4	4,4	22,1
1979	45 459	50 050	554,6	12 450	13 455	53,0	63 505	184,7	4,4	24,2
1980	45 399	50 146	555,7	12 628	13 663	53,9	63 809	185,6	4,2	24,1
1981	44 391	49 374	547,1	11 623	12 593	49,6	61 967	180,2	3,8	23,2
1982	43 173	48 611	538,7	11 162	12 042	47,5	60 653	176,4	3,7	22,6
1983	61 613	67 819	751,5	13 197	14 106	55,6	81 925	238,2	4,1	30,2
1984	63 228	69 339	768,4	12 323	13 211	52,1	82 550	240,0	4,1	30,2
1985	55 813	61 195	678,1	11 379	12 152	47,9	73 347	213,3	3,5	26,6
1986	42 085	45 510	504,3	8 458	9 073	35,8	54 583	158,7	2,7	19,6
1987	43 714	46 485	515,1	8 449	9 047	35,7	55 532	161,5	3,1	19,7
1988	64 223	67 114	743,7	12 179	12 916	50,9	80 030	232,7	4,3	28,1
1989	107 001	111 601	1 237,0	20 825	22 174	87,4	133 775	389,0	5,4	46,6
1990	120 611	126 106	1 398,0	24 179	25 844	101,9	151 950	441,9	5,6	52,8
1991	-	151 884	1 683,0	-	28 707	113,2	180 591	525,1	5,6	62,5

Среднегодовой прирост 4,7 %
Средняя доля 3,9%

Средний коэффициент преступности на 100 тыс. населения 20,8

Россия										
1992	-	164 895	-	-	30 407	-	195 302	-	7,1	131
1993	-	184 410	-	-	40 180	-	224 590	-	8,0	151
1994	-	148 546	-	-	37 904	-	186 450	-	7,1	126
1995	-	140 597	-	-	37 651	-	178 248	-	6,5	121
1996	-	121 356	-	-	34 584	-	155 940	-	5,9	106

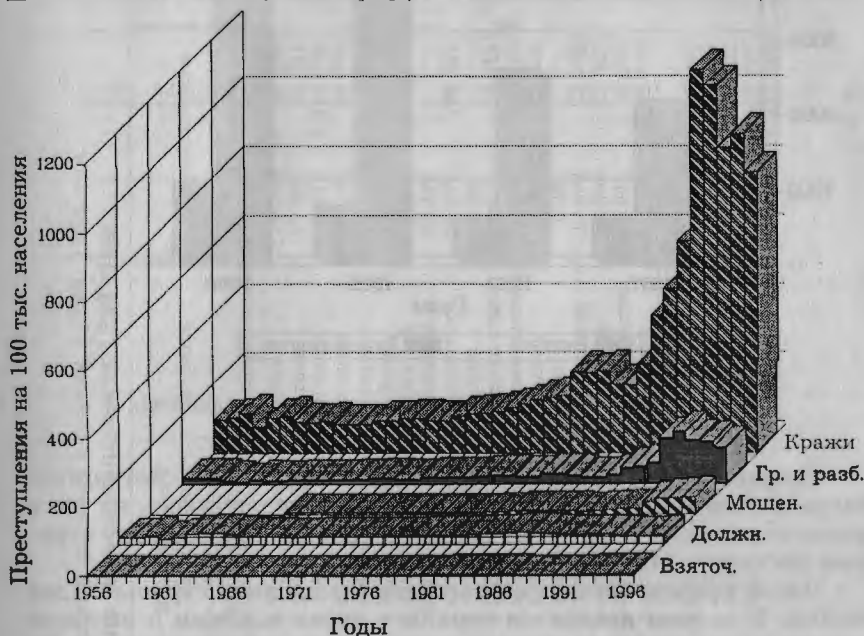

Рис. 1. Динамика корыстных преступлений в СССР и России в расчете на 100 тыс. населения (1956—1996 гг.).

Кражи. Кражи являются самым массовым и самым интенсивно растущим преступлением. Общие тенденции преступности в мире и в каждой отдельной стране предопределяются динамикой краж.

По материалам Первого обзора ООН (1970—1975 гг.), среднее число зарегистрированных краж в мире составило 862,4 деяния на 100 тыс. населения, в развивающихся странах — 354,3, а в развитых — 1370,5, или в 3,9 раза выше. По регионам эти различия превышают шестнадцатикратный размер. В Западной Европе и Северной Америке он, например, составлял 1580,3, в странах Восточной Европы — 121,5 и Латинской Америки — 95,6. За период обзора кражи возросли на 46%.

Количество краж по ответам стран на вопросник ООН Второго обзора в 1976—1980 годы возросло на 22%. Наибольший прирост наблюдался в развитых странах. Усредненный коэффициент приблизился к 2 тыс. на 100 тыс. населения²¹.

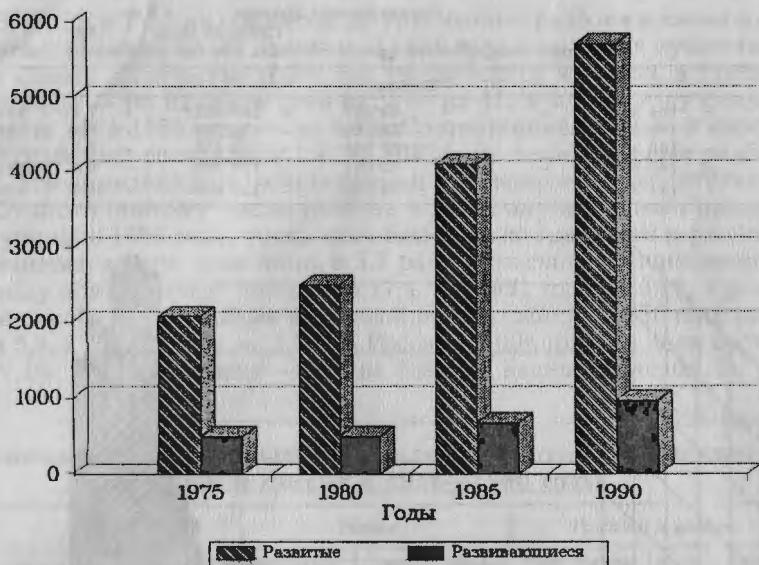

Рис. 2. Уровень краж на 100 тыс. населения в развитых и развивающихся странах.

Тенденции роста краж сохранились и на период Четвертого обзора в 1986—1990 годы. Обычные кражи увеличились на 39, а кражи со взломом — на 27%. Разница в уровнях краж между странами достигает 242 раза²² (табл. 3).

Число краж в расчете на население разделило страны на два столбца. В первом находятся страны с очень высоким и высоким уровнем краж, главным образом развитые, капиталистические. Во втором — с низким и очень низким уровнем краж, главным образом социалистические (1990 г.), и с жестким социальным контролем. Но в абсолютном большинстве стран наблюдается общая тенденция роста в 1990—1994 годы.

В федеральном индексе преступности в США отслеживается два вида краж: похищение имущества — кража (Larceny-Theft) и кража автомашины (Motor vehicle Theft). В 1992 году было зарегистрировано 9 526 000 таких краж, или 66,1 от всей учтенной индексной преступности. За последние 20 лет (с 1973 г.) число обычных краж увеличилось на 82, а краж автомашин — на 73%. В 1993 году их уровень несколько снизился. Если исходить из интерполовского подхода, включавшего в число краж и проникновение в помещение (Burglery), которое чаще переводится как кража со взломом и по американской статистике включается в преступления против собственности, то удельный вес всех краж в США, по данным 1992 года, составлял 91,3%. Уровень берглэри относительно высок. В 1992 году

**Уровень краж в разных странах (1990, 1994 гг.).
Ранжир по коэффициенту 1990 года**

Страны	Абс. показатель		Коэффициент на 100 тыс.		Страны	Абс. показатель		Коэффициент на 100 тыс.	
	1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.		1990 г.	1994 г.	1990 г.	1994 г.
Швеция	580 379	647 920	6 775	7 350	Литва	23 572	40 252	632	1 120
Дания	307 525	446 586	5 914	8 594	Латвия	17 308	27 211	626	1 067
Шотландия	285 389	-	5 757	-	Россия	913 076	1 314 788	618	888
Англия/Уэльс	2 327 587	-	4 754	-	Молдова	25 761	29 698	613	683
ФРГ (Германия)	2 692 246	3866 336	4 413	4 753	Беларусь	38 014	72 372	572	699
Канада	1 014 574	1 391 199	3 809	4 757	Польша	216 626	541 309	563	1 404
Франция	1 811 468	2 461 899	3 139	4 261	Болгария	45 595	155 767	507	1 841
Нидерланды	463 648	-	3050	-	Словакия	22 198	-	419	-
США	7 286 075	12 127 600	2 926	4 658	Казахстан	67 979	100 727	409	599
Италия	1 605 329	1 303 137	2 777	2 295	Сербия	29 867	-	305	-
Израиль	120 845	-	2 280	-	Кыргызстан	10 835	20 414	252	456
Финляндия	110 467	145 607	2 209	2 856	Туркменистан	8 260	3 875	229	89
Швейцария	135 649	288 515	1 938	4 109	Украина	88 209	319 246	187	603
Северная Ирландия	29 267	-	1 849	-	Кипр	1 293	-	184	-
Австрия	140 597	217 238	1 780	2 718	Узбекистан	30 002	22 551	148	101
Венгрия	154 369	219 749	1 499	2 138	Румыния	29 900	89 067	129	391
Испания	574 017	607 741	1 468	1 541	Таджикистан	6 645	6 368	127	111
Португалия	110 103	52 337	1 124	529	Армения	4 172	2 724	126	73
Эстония	17 28	24 719	1 097	1 640	Грузия	5 797	-	107	-
Люксембург	4 151	15 560	1 038	3 939	Турция	38 411	64 245	63	-
Мальта	3 835	-	959	-	Азербайджан	3 379	4 859	47	65
Чехия	86 540	-	865	-	Греция	4 268	60 322	41	588
Словения	16 992	-	850	-	Бельгия	2 806	269 825	28	2698
Япония	-	1 557 738	-	1 246	Китай	-	1 133 682	-	87

он равнялся 2 929 900 деяниям, а в 1993 году — 2 834 800. Это более 20% от общего числа регистрируемой серьезной преступности. За 20 последних лет он почти не изменился и колебался вокруг 3 млн. Коэффициент двух видов краж в 1992 году в расчете на 100 тыс. населения составил 3734,5, а вместе с берглэри — около 5 тыс. Это один из высоких коэффициентов краж в мире.

В ФРГ учитываются кражи при отягчающих (57%) и без отягчающих (43%) обстоятельств. По сопоставимым показателям с 1953 по 1990 год (до воссоединения ФРГ и ГДР) кражи в ФРГ увеличились с 576 619 до 2 692 246 деяний, или в 4,7 раза. Число краж в расчете на 100 тыс. населения в 1990 году было равно 4295,3. В объединенной Германии общее число краж, естественно, увеличилось. В 1991 году было зарегистрировано 3 247 668 краж, в 1992 году — 3 938 479, а в 1993 году — 4 151 097. Рост за три года на 27,8%. Удельный же вес краж в структуре преступности практически не изменился: в 1990 году он составлял 60,4, а в 1993 году — 61,5%.

В кратком изложении Белой книги о преступности в Японии приводится до десятка видов краж, объединенных термином "Larceny". Их число за 1985—1993 годы возросло с 1 381 237 до 1 583 993 деяний, или на 14,7%. По данным 1993 года, удельный вес краж составил 84,1%, а их количество в расчете на 100 тыс. населения равнялось 1769,8. Это один из низких коэффициентов краж среди индустриально развитых стран.

Доминирующий удельный вес и устойчивый рост краж различных видов наблюдается практически во всех европейских странах, включая СССР и Россию. Но различия существенны.

В учете СССР отслеживались кражи личного имущества, в том числе кражи из квартир и автотранспорта, и кражи государственного и общественного имущества, выделяя кражи из помещений, магазинов, складов и т. д.

За последние 36 лет, и особенно с середины 60-х годов, кражи в СССР интенсивно росли. К 1991 году их абсолютное число увеличилось в 9,5 раза (кражи личного имущества — в 9,2 и государственного — в 10,2 раза), тогда как вся преступность за это время увеличилась в 5,6 раза. Доля краж в структуре преступности 1956—1987 годов колебалась в пределах одной трети. Это означает, что они росли пропорционально росту всей преступности. За три года до распада СССР, когда процесс "окорыствования" общественных отношений стал набирать силу, удельный вес краж подскочил до 55,2%. Особенно интенсивно росли кражи автомобилей. С 1967 по 1990 год они увеличились в 27,4 раза. И в этом случае основной рост приходится на последние три года. Коэффициент краж в СССР в 1991 году составил 615,5 посягательства на 100 тыс. населения, что в 6,6 раза ниже уровня развитых стран в 1985 году и в 8 раз, чем в США в 1992 году. В России уровень краж был выше. В 1992 году он составил 1110,2 на то же количество жителей. В 1995 году он снизился до 924,6. Снизилась и доля краж в структуре учтенной преступности — с 59,8 до 49,6% (табл. 4).

Таблица 4

Динамика краж в СССР и России (1956—1996 гг.)

Годы	Личного имущества			Государственного и общественного имущества		Все виды			
	абс. показатель	динамика	доля	абс. показатель	динамика	абс. показатель	динамика	доля	коэффициент преступности
В СССР									
1956	134 485	100,0	71,5	53 686	100,0	188 171	100,0	32,5	95,1
1957	139 326	103,6	68,4	64 351	119,9	203 677	108,2	30,1	101,1
1958	150 470	111,9	65,3	79 873	148,8	230 343	122,4	26,2	112,4
1959	100 745	74,9	65,3	53 518	99,7	154 263	82,0	25,1	73,9
1960	130 592	97,1	62,0	79 913	148,9	210 505	111,9	32,3	99,2
1961	129 269	96,1	57,6	95 105	177,2	224 374	119,2	25,6	103,8
1962	111 287	82,7	58,5	78 972	147,1	190 259	101,1	21,6	86,5
1963	113 597	84,5	59,9	76 113	141,8	189 710	100,8	23,8	85,0
1964	119 665	89,0	59,4	81 839	152,4	201 504	107,1	26,6	89,0
1965	116 305	86,5	61,7	72 115	134,3	188 420	100,1	25,1	82,2
1966	121 286	90,2	62,4	73 235	136,4	194 521	103,4	21,9	82,4
1967	121 332	90,2	63,5	69 646	129,7	190 978	101,5	21,9	81,5
1968	140 294	104,3	63,8	79 514	148,1	219 808	116,8	23,4	92,9
1969	141 033	104,9	63,5	81 178	151,2	222 211	118,1	22,9	93,0
1970	149 072	110,8	62,7	88 862	165,5	237 934	126,4	22,7	98,4
1971	144 724	107,6	60,8	93 404	174,0	238 128	126,5	22,5	97,6
1972	136 001	101,1	59,7	91 689	170,8	227 690	121,0	21,4	92,5
1973	133 438	99,2	58,3	95 467	177,8	228 905	121,6	21,8	92,1
1974	153 818	114,4	59,1	106 499	198,4	260 317	138,3	22,8	103,8
1975	163 985	121,9	59,1	113 336	211,1	277 321	147,4	23,2	109,5
1976	172 819	128,5	59,1	119 607	222,8	292 426	155,4	23,7	114,4
1977	181 641	135,1	59,5	123 505	230,1	305 146	162,2	25,2	118,4
1978	200 140	148,8	60,1	133 016	247,8	333 156	177,0	25,5	128,1
1979	221 004	164,3	59,9	147 582	274,9	368 586	195,9	25,7	140,4
1980	243 447	181,0	59,7	164 056	305,6	407 503	216,6	26,7	154,1
1981	255 530	190,0	59,6	173 376	322,9	428 906	227,9	26,6	160,9
1982	259 572	193,0	59,2	178 650	332,8	438 222	232,9	26,5	163,0
1983	417 278	310,3	65,5	219 353	408,6	636 631	338,3	31,6	235,0
1984	421 396	313,3	66,7	210 462	392,0	631 858	335,8	31,1	231,0
1985	453 921	337,5	68,2	211 600	394,1	665 521	353,7	31,9	237,6
1986	394 272	293,2	71,0	161 104	300,1	555 376	295,1	27,9	199,5
1987	401 599	298,6	73,0	148 069	275,8	549 668	292,1	30,6	195,4
1988	548 525	407,9	74,9	183 971	342,7	732 496	389,3	39,2	257,8
1989	845 157	628,4	74,0	296 985	533,2	1 149 142	607,0	46,4	397,1
1990	979 068	728,0	71,4	392 262	730,7	1 371 330	728,8	49,2	476,8
1991	1 229 810	914,5	69,1	549 613	1023,8	1 779 423	945,6	55,2	615,5

Среднегодовой прирост

6,65%

Средняя доля в структуре преступности

28,2%

Средний коэффициент преступности

158,2

В России

1992	1 096 882	-	66,4	553 970	-	1 650 852	-	59,8	1110,2
1993	1 063 829	-	67,3	515 771	-	1 579 600	-	56,4	1062,8
1994	-	-	-	-	-	1 314 788	-	49,9	888,4
1995	-	-	-	-	-	1 367 866	-	49,6	924,6
1996	-	-	-	-	-	1 207 478	-	46,0	816,2

Позитивные статистические сдвиги в России в последние годы не должны обнадеживать: до распада Союза в стране действовали системы защиты объектов хранения материальных ценностей от преступных посягательств⁴³. После распада СССР они были парализованы и разрушены. Снижение числа краж в расчете на 100 тыс. населения в России — результат направленной регистрации. Учет краж в Союзе никогда не был сколько-нибудь полным. Они “портили” показатели раскрываемости, которая во всем мире является самой низкой. Отказаться же в возбуждении уголовного дела по заявлению о краже не требует особой изобретательности.

Мошенничество. Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана — относительно распространенное преступление, где финансовые и имущественные сделки представляют собой повседневное явление.

ООН отслеживает мошенничество с Первого обзора. В 1970—1975 годы в мире регистрировалось 83,3 деяния на 100 тыс. жителей, в развивающихся странах — 30,1 и в развитых — 136,4. В 1975—1980 годы среднемировой показатель возрос на 40%. Тенденции роста мошенничества сохранились и в последующие годы. Если доля мошенничества в годы Первого обзора составляла 3, то во время Третьего и Четвертого — 4%.

В США мошенничество регистрируется лишь по арестам. Аресты же даже по серьезным преступлениям отражают не более четвертой части зарегистрированных деяний. По мошенничеству эта доля может быть намного меньше. По данным 7568 агентств, общее число арестов за мошенничество с 1981 по 1990 год возросло на 31,9%. По сообщениям 10 962 агентств, число этих арестов с 1990 по 1992 год возросло на 45,5% и достигло 424 200, или 162,3 случая на 100 тыс. населения.

В ФРГ число мошеннических действий также растет. С 1953 по 1990 год они увеличились в 1,8 раза. В 1990 году было зарегистрировано 363 888 случаев мошенничества. После объединения ФРГ с ГДР их число росло более интенсивно: в 1991 году было учтено 456 000, в 1992 году — 525 056, а в 1993 году — 605 608. Рост на 32,8%. Доля учтенного мошенничества составила в 1992 году около 9%, а коэффициент — 748 на 100 тыс. населения.

В Японии мошенничество сокращается. В 1985 году там было зарегистрировано 74 424, а в 1993 году — 47 341 деяние. Снижение на 36,4%. При этом коэффициент мошенничества составил 38 деяний на 100 тыс. населения, что в 20 раз ниже, чем в Германии.

В СССР мошенничество было относительно редким явлением. Более или менее полный учет его был налажен лишь с 1966 года. В этом же году было зарегистрировано 10 тыс. случаев, из них 75% связаны с завладением личного имущества граждан. К 1990 году общее число мошеннических действий возросло в 3,3, а связанных с завладением личного имущества — в 3,7 раза. Коэффициент невелик. В 1990 году он составлял 11,3, или в 60 раз ниже, чем в Германии, и в 3 раза — чем в Японии.

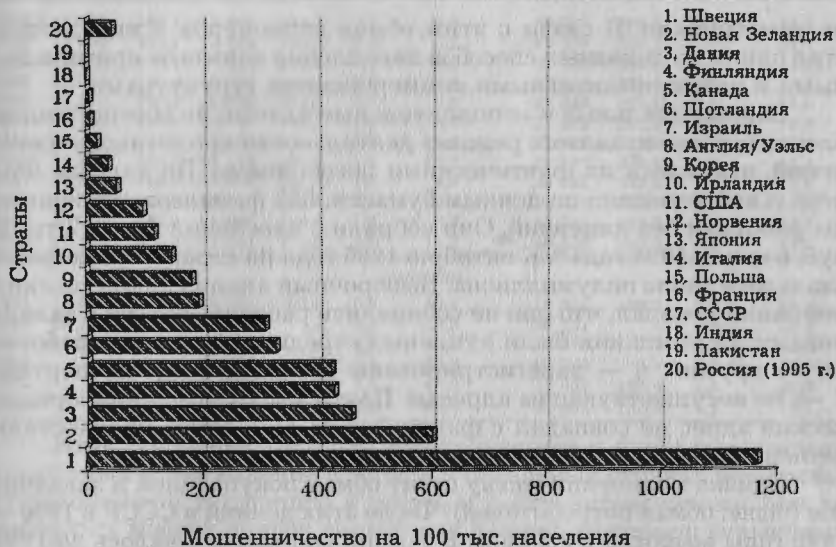

Рис. 3. Уровень мошенничества в некоторых странах (1980 г.).

В **России** с переходом к рыночной экономике и в условиях правового вакуума хищения имущества путем обмана интенсивно росли. Только за четыре года (1991—1995) число учтенных мошеннических актов увеличилось в 3,4 раза и в расчете на 100 тыс. населения достигло 45,5. Вначале обман всеобщего масштаба был организован правительством Павлова в 1991 году путем обесценивания вкладов населения. Ныне значатся 196 млн. счетов, которые подлежат компенсации на общую сумму около 300 трлн. руб. Далее последовал ваучерный обман, обман с чеками “Урожай—90”, банкротство Внешэкономбанка, растратившего огромные валютные средства предприятий и граждан и т. д. И лишь после этого массовым обманом населения занялись коммерческие структуры. Особый размах обмана в условиях полной безнаказанности и финансовой малограмотности населения наблюдался в 1992—1994 годы в акционерных обществах, коммерческих банках и других кредитных учреждениях, которые аккумулировали ваучеры и денежные средства населения.

Как уже говорилось, обманутыми оказались около 30 млн. человек. Львиная доля этих обманов не вошла в статистику, поскольку уголовные дела в силу правовых и организационных прорех по этим фактам практически не возбуждались, а возбужденные дела прекращались за отсутствием состава преступления (фактически за недоказанностью). Следственно-судебная практика стала таковой: если руководство банка не “сбежало” и обещало когда-нибудь рассчитаться с вкладчиками, хотя все активы банка были неведомо куда растрочены, правоохранительные органы мошенничества

не усматривали. В связи с этим обман акционеров и вкладчиков стал одним из доходных способов накопления капитала криминальными и полукриминальными коммерческими структурами.

Законодательные и исполнительные власти, не обеспечившие элементарного правового режима деятельности кредитных учреждений, оказались их фактическими пособниками. По данным Федеральной комиссии по ценным бумагам, 883 финансовых пирамиды работали без лицензий. Они собрали с населения около 2 трлн. руб. в ценах 1994 года²⁴. К октябрю 1995 года по стране таких фирм оказалось около полумиллиона. Выборочный анализ 92 московских компаний показал, что они не собирались рассчитываться с вкладчиками. 21 компания были куплены (учредители — одни, работали — другие), 6 — зарегистрированы по подложным паспортам, 7 — по несуществующим адресам. Почти у всех компаний юридический адрес не совпадал с фактическим. 55% фирм проработали меньше 6 месяцев, 30% — от полугода до года²⁵.

Близко к мошенничеству стоит обман покупателей и заказчиков (ныне: обман потребителей). Число этих деяний в СССР в 1966—1990 годы возросло в 3,8 раза. В России оно увеличивалось до 1992 года, а затем, по статистике, стало сокращаться, хотя фактический обман потребителей стал повседневным и повсеместным явлением. Борьба с ним оказалась ныне заботой самого потребителя, поскольку у правоохранительных и контрольных органов не доходят руки даже до более опасных обманов. Тем не менее тенденции интенсивного роста мошенничества просматриваются и по официальным данным (табл. 5).

Таблица 5

Динамика криминального обмана в СССР и России (1956—1996 гг.)

Годы	Мошенничество						Обман потребителей			
	лично-го имуществва	динамика	все виды	динамика	доля	коэффициент преступности	абс. показатель	динамика	доля	коэффициент преступности

В СССР

1966	7 335	100,0	9 729	100,0	1,1	4,2	10 541	100,0	1,2	4,5
1967	7 829	106,7	10 225	105,1	1,2	4,4	12 324	116,9	1,4	5,2
1968	8 828	120,3	11 226	115,4	1,2	4,7	15 308	145,2	1,6	6,5
1969	8 920	121,6	11 460	117,8	1,2	4,8	17 483	165,8	1,8	7,3
1970	9 853	134,3	12 498	128,5	1,2	5,2	18 869	179,0	1,8	7,8
1971	9 737	132,7	12 656	130,1	1,2	5,2	21 436	203,3	2,0	8,8
1972	9 977	136,0	12 517	128,6	1,2	5,1	23 549	223,4	2,2	9,6
1973	8 728	119,0	11 373	116,9	1,1	4,6	25 037	237,5	2,4	10,1
1974	9 011	122,8	11 711	120,4	1,0	4,7	26 341	249,9	2,3	10,5
1975	8 034	109,5	10 790	110,9	0,9	4,3	27 833	264,0	2,3	11,0
1976	8 927	121,7	11 642	119,7	0,9	4,6	28 963	274,8	2,3	11,3
1977	9 119	124,3	11 699	120,2	1,0	4,5	28 760	272,8	2,4	11,2
1978	9 590	130,7	11 969	123,0	0,9	4,6	30 464	289,0	2,3	11,7

1979	10 280	140,1	12 966	133,3	0,9	4,9	29 987	284,5	2,1	11,4
1980	11 009	150,1	13 584	139,6	0,9	5,1	29 539	280,2	1,9	11,2
1981	12 627	172,1	15 670	161,1	1,0	5,9	31 736	301,1	2,0	11,9
1982	12 713	173,3	15 998	164,4	1,0	5,9	29 026	275,4	1,7	10,8
1983	17 376	236,9	21 739	223,4	1,1	8,0	29 848	283,2	1,5	11,0
1984	18 702	255,0	23 765	244,3	1,2	8,7	27 275	258,7	1,3	10,0
1985	20 428	278,5	25 958	266,8	1,2	9,4	27 620	262,0	1,3	10,0
1986	21 458	292,5	28 158	289,4	1,4	10,1	35 507	336,8	1,8	12,7
1987	18 332	249,9	23 897	245,6	1,3	8,5	38 182	362,2	2,1	13,6
1988	16 997	231,7	21 543	221,4	1,1	7,6	39 022	370,2	2,1	13,7
1989	20 650	181,5	24 966	256,6	1,0	8,7	42 349	401,7	1,7	14,8
1990	27 199	370,8	32 401	333,0	1,2	11,3	40 120	380,6	1,4	13,9

В России

1991	16 623	-	19 925	100,0	0,9	13,4	18 934	100,0	0,8	12,8
1992	19 701	-	23 473	-	0,8	15,8	23 131	-	0,8	15,6
1993	47 981	-	54 042	-	1,9	36,5	19 846	-	0,7	13,4
1994	-	-	66 687	-	2,5	45,0	17 213	-	0,6	11,6
1995	-	-	67 301	337,8	2,4	45,5	31 308	165,4	1,1	21,2
1996	-	-	74 624	374,5	2,8	50,4	29 098	153,7	1,1	19,7

Итак, уровень самых распространенных и наиболее опасных корыстных преступлений в мире и в отдельных странах показывает устойчивую тенденцию к росту, и росту интенсивному. Мы не коснулись многих других корыстных деяний, например корыстных преступлений, связанных с наркотиками. О них частично пойдет речь при анализе организованной преступности. Экономические преступления будут рассмотрены в следующем параграфе. Прогноз всех корыстных преступлений неблагоприятный. Традиционные меры уголовно-правовой борьбы с ними малозффективны. Дальнейший рост этих деяний предопределяет более результативные формы их предупреждения, защиты от них и более жесткие формы социально-правового контроля.

3. Экономическая преступность

Экономические преступления являются частью корыстной преступности, непосредственно связанной с экономическими отношениями в стране и в мире. Понимание этой группы деяний еще более неопределенно, чем сама корыстная преступность. Тем не менее эти преступления во многих странах рассматриваются в виде относительно самостоятельной группы. И к этому есть много оснований — экономических, социальных, криминологических и даже политических.

Криминологическая значимость и объемы экономической преступности не совпадают в странах с командной и рыночной экономикой, но в любом обществе ее нельзя игнорировать.

Начало разработки представления об экономической преступности в рыночной экономике, можно сказать, было положено в 1945 году сатерлендовским понятием беловоротничковой преступности в США как преступности, совершаемой высокопоставленными лицами в сфере бизнеса²⁶. Позже к этим преступлениям стали относить уклонение от налогов, компьютерные и другие преступления,

причиняющие вред экономике государства, ее отдельным секторам, предпринимательской деятельности, а также экономическим интересам отдельных групп граждан. Перечень этих преступлений расширился до 20—30 составов.

Одну из первых классификаций экономических преступлений в мире предложил в конце 70-х годов Институт ООН Азии и Дальнего Востока по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (UNAFEI), который включил в нее нарушения законов, направленных на совершенствование рыночной экономики и регулирующих рыночную экономику, нарушения финансово-го и налогового законодательства, коррупцию²⁷.

Обращался к экономическим преступлениям и Шестой конгресс ООН в плане анализа злоупотреблений экономической властью при совершении экономических преступлений и захвата политической власти²⁸. А Седьмой конгресс в одной из резолюций отнес экономические преступления к особо опасным и потребовал ужесточения борьбы с ними²⁹.

На основе широкого анализа иностранной криминологической литературы Е. Е. Дементьева, подготовившая серьезное исследование по экономической преступности в зарубежных странах, выделяет шесть признаков экономической преступности. По ее мнению, эти деяния: 1) совершаются в процессе профессиональной деятельности; 2) в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности; 3) носят корыстный характер; 4) имеют длящейся систематическое развитие; 5) наносят ущерб экономическим интересам государства, частного предпринимательства и граждан; 6) совершаются юридическими и физическими лицами, действующими от имени и в интересах предприятия^{29а}. Большинство этих признаков можно безоговорочно принять. Но экономические преступления совершаются не только от имени и в интересах предприятия. У нас нет уголовной ответственности юридических лиц. Ее нет и в других странах, например в Германии. Новый УК РФ использует термин “преступления в сфере экономики” в самом широком понимании этого слова.

При всем разнообразии подходов, имеющих в мировой литературе, суть экономической преступности в странах с рыночной экономикой составляют преступления, совершаемые корпорациями против государственной экономики, против других корпораций, служащими корпораций против самой корпорации, корпорациями против потребителей.

В советской действительности эта группа деяний в основном была связана с теневой экономикой и предопределялась доминированием социалистической (государственной и общественной) собственности, которая, с одной стороны, институционально более строго охранялась государством, а с другой — с самого начала своего существования оказалась в дискреционном владении партгосхозноменклатуры и фактически стала бесхозной. Ее растаскивали все, кто имел к ней хоть какое-либо отношение. С. М. Шнейдер в работе “Растратчики” 1925 года имел все основания написать, что обще-

ственную собственность “нельзя было не брать” и ее “только ленивые не брали”³⁰. Процесс разворовывания социалистической собственности не могли остановить ни драконовские законы³¹, ни жесточайшая судебная практика, когда за кошелку картошки, охапку сена или горсть колосков с колхозного поля назначалось наказание в виде нескольких лет лишения свободы.

К **экономической** преступности в СССР и до последнего времени в России обычно относили: некоторые виды государственных преступлений (нарушения правил о валютных операциях, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг), преступления против социалистической собственности (хищения, совершенные путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением, мошенничество и др.), хозяйственные преступления (спекуляцию, приписки, частнопредпринимательскую деятельность, коммерческое посредничество), должностные преступления (взяточничество, злоупотребления властью или служебным положением, подлог и др.).

К 1995 году уголовное законодательство существенно изменилось: декриминализовано нарушение правил о валютных операциях (ст. 88) с одновременным введением новых составов (незаконные сделки с валютными ценностями и сокрытие средств в иностранной валюте); унифицирована уголовная ответственность за преступления против собственности с исключением главы о посягательствах на социалистическую собственность; декриминализованы многие хозяйственные деяния (спекуляция, частнопредпринимательская деятельность, коммерческое посредничество, приписки и др.) с введением новых составов о незаконном повышении и поддержании цен, нарушении правил государственной дисциплины цен, уклонении от уплаты налогов, таможенных пошлин и т. д.

В новом УК имеется целый раздел, поименованный “Преступления в сфере экономики”, в который вошли три главы с 47 статьями о преступлениях против собственности, о преступлениях в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих организациях. Это очень широко. Тем не менее в разделе нет должностных преступлений (злоупотреблений, взяточничества и др.), компьютерных и др., традиционно относящихся к экономическим.

Учет экономических преступлений в России также не устоялся. До 1997 года ГИЦ МВД в виде отдельной группы отслеживал посягательства, поименованные преступлениями экономической направленности: присвоение вверенного имущества; незаконные сделки с валютными ценностями; изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг; обман потребителей; выпуск или продажа товаров, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности; сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения; сокрытие средств в иностранной валюте; незаконное предпринимательство в сфере торговли; должностные преступления; контрабанда и нарушения таможенного законодательства; преступления, связанные с приватизацией, и др. В 1996 году они составляли в структуре учтенной преступности 8,6%.

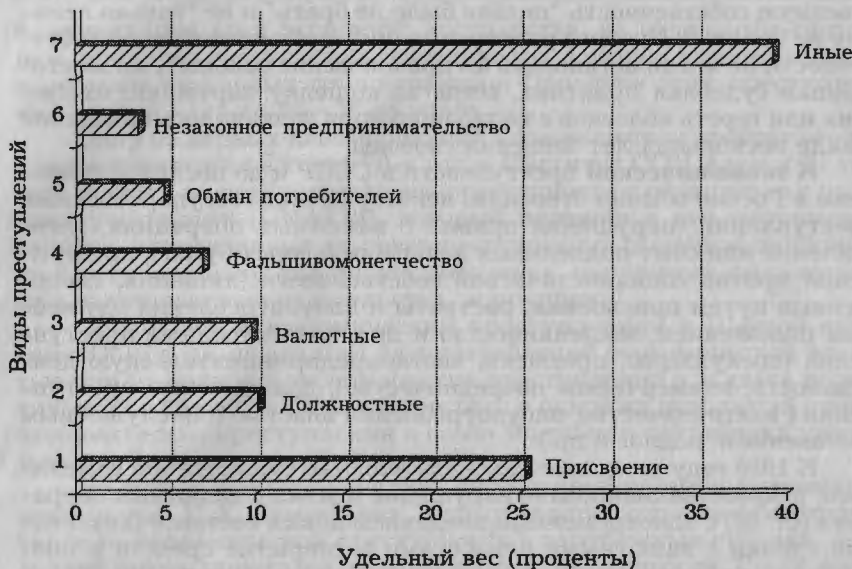

Рис. 4. Структура экономической преступности (1995 г.).

При любом уголовно-правовом и статистическом подходе экономическая преступность в СССР и России по сути своей была и останется ядром корыстной преступности. Имущественные преступления против собственности, при всей их исключительной опасности, в значительной мере являются лишь пеной на фактически безбрежной теневой экономической преступности и правонарушаемости. В мире признано, что «преступность как форма бизнеса» представляет собой более серьезную угрозу для общества, национальной и транснациональной экономики, чем традиционные формы преступности³². Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин в своем Послании Федеральному Собранию в 1996 году также вынужден был назвать борьбу с экономической преступностью и коррупцией одним из самых ключевых фронтов, так как она, по его мнению, способствует созданию многочисленных мафиозных группировок, наносит ущерб государственной казне и тем самым грабит граждан страны.

Экономическая преступность, возникшая в недрах теневой экономики советского социализма, была действительной базой становления организованной преступности. С одной стороны, сама экономическая преступность еще со времен «деховиков» была невозможна без отлаженных организационных структур, нити которых нередко доходили до ЦК КПСС и СМ СССР, с другой — наличие мафиозных подпольных миллионеров способствовало формированию адекватных организаций бандитов, разбойников, грабителей, вымогателей и воров, паразитирующих на теневой экономике и

осуществляющих третичное (первичное — государственное, вторичное — экономическими преступниками) перераспределение материальных ценностей.

Следующей особенностью отечественной экономической преступности является ее **исключительная латентность**. Регистрируемая величина ее порой не превышала пятой, десятой, а по некоторым деяниям и сотой ее части³³. К 1990 году эти показатели снизились в 3—7 раз³⁴. С распадом Союза, социально-правового контроля и переходом к рыночной экономике многие экономические преступления выявляются не более чем в тысячной своей части. Основная причина высокой латентности — отсутствие потерпевших и других лиц, заинтересованных в выявлении экономических преступлений. Прямой и косвенный ущерб терпит государство. Интересы граждан затрагиваются прямо и косвенно. Последние не склонны к осуждению экономических правонарушителей. При совершении взяточничества и спекуляции фактические жертвы не считают себя таковыми, ибо они от них имели свою выгоду. Государство пока беспомощно проконтролировать всю гамму экономических посягательств. Поэтому данные, которые будут анализироваться ниже, следует воспринимать максимально критически. Они лишь в самой малой мере отражают уровень экономических деяний и чуть больше — их общие тенденции.

Наиболее серьезные преступления совершались в кредитно-банковских отношениях. В советское время вскрывались единичные случаи этих деяний, в 1992 году их было 1100, а в 1993 году — 5593, в 1994 году — 11 274, в 1995 году — 14 600. Были совершены крупномасштабные мошенничества с подложными авизо и чеками “Россия”. Большинство хищений совершены преступными сообществами. Широкое распространение получили хищения и незаконный вывоз за рубеж сырья и готовой продукции, цветных и редкоземельных металлов, энергоносителей и других стратегически важных ресурсов.

Большую угрозу представляет фальшивомонетничество российских и иностранных купюр. В 1989 году было выявлено 52 случая изготовления и сбыта поддельных денег и ценных бумаг, а в 1994 году — 14 884. Рост в 286 раз. В 1995 году их уровень снизился на 33,6%. Росли незаконные сделки с валютными ценностями и преступления, связанные с приватизацией. Миллионы граждан стали жертвами крупномасштабных афер по присвоению ваучеров. В ходе приватизации активно “отмываются” теневые капиталы и организованные преступники завладевают контрольными пакетами акций предприятий.

Особое распространение приобретают налоговые правонарушения — преступления, уголовная ответственность за совершение которых введена и уточнена в 1992—1994 годы (ст. 162-1—162-7 УК 1960 г.). В 1993 году было зарегистрировано 544 налоговых преступления, в 1994 году — 1054, а в 1995 году — 4229. Рост за два года в 7,8 раза. И это при условии, что 9 из 10 налоговых преступников уходили от ответственности. Департамент налоговой поли-

ции преобразован в Федеральную службу налоговой полиции, которая была наделена правом ведения предварительного следствия по своим делам. Активизация налоговой полиции приведет к интенсивному росту учтенных налоговых преступлений.

Руководители территориальных органов государственного управления используют государственные средства для ростовщической деятельности и финансирования собственных коммерческих структур, увеличивая неплатежи, задерживая выплату заработной платы и финансирование государственных программ. По признанию помощника Президента Российской Федерации по экономическим вопросам, только до мая 1996 года 45 трлн. руб. из 116 трлн., выделенных государством для погашения задолженности предприятиям, украдены³⁵. Борьба с задержками выплаты зарплаты и "прокручиванием" бюджетных денег в коммерческих структурах стала в предвыборной президентской кампании проблемой политической. За нецелевое использование средств федерального бюджета и невыплаты зарплаты за 1996 год было возбуждено более 200 уголовных дел (в 1995 г. их было 10), около 6000 руководителей разных уровней наказаны в дисциплинарном порядке, а некоторые уволены с работы³⁶.

Широкое распространение получили незаконное предпринимательство, мошенничество, торговля фальсифицированными товарами, дробноправное повышение цен, обман потребителей и нарушения правил торговли. При каждой второй проверке торговых предприятий выявляются грубейшие нарушения. Обсчет покупателей достигает трети стоимости покупки. За рамками финансового контроля и налогообложения находится до 20% общего розничного товарооборота. Созданы целые цеха по изготовлению фальсифицированных винно-водочных изделий, до 70% которых не отвечают требованиям безопасности.

Около десяти лет в СССР и России вырабатывается оптимальный механизм правового регулирования изготовления, ввоза и продажи спиртных напитков. Метания государства на этом особо прибыльном и криминогенном поле, выразившиеся в отказе от государственной монополии в 1992 году (не без помощи корыстно заинтересованных лиц), во введении непомерных налогов и акцизов для собственных правопослушных производителей, в квотировании ввоза алкоголя из-за рубежа с одновременным предоставлением неоправданных таможенных льгот для приближенных организаций (типа Национального фонда спорта, Фонда помощи афганцам и т. д.), привели к удушению легального и расширению подпольного производства и импорта алкогольных суррогатов, к огромным экономическим, физическим и нравственным потерям. В 1996 году подпольное производство водки превысило легальное, а контрабандный ввоз в полтора раза превзошел законопослушный импорт. На каждого жителя России (независимо от возраста и пола) приходится по 20 литров абсолютного алкоголя в год, что более чем в 2 раза превышает порог душевого потребления алкоголя, с которого начинается деградация народа. На этом фоне особо ин-

тенсивно растет экономическая и насильственная преступность. Указанные последствия и отсутствие денег в казне вынудили федеральные власти к активным действиям. В дополнение Федерального закона 1995 года "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции", в котором поверхностно решается эта сложная проблема, во второй половине 1996 года были изданы Указ Президента РФ "Об усилении государственного контроля за оборотом алкогольной продукции" и шесть постановлений Правительства с четырьмя приложениями соответствующих положений и правил лицензирования, маркировки, налоговых постах на спиртзаводах, ужесточении порядка торговли и создании Федеральной службы по обеспечению государственной монополии на алкогольную продукцию"³⁷.

Вне поля зрения государства остаются многочисленные стихийные рынки, товарный оборот которых превысил 2,5 трлн. руб. Эти рынки, как правило, контролируются преступными группировками, где процветают вымогательство, грабежи, формируются каналы сбыта похищенного имущества^{37а}. Приведенные данные лишь частично отражают криминальные экономические реалии сегодняшнего времени.

В связи с отсутствием сопоставимых данных по большинству экономических преступлений ограничим долговременный анализ тремя видами деяний: должностными хищениями, взяточничеством и мелкими хищениями (табл. 6).

Таблица 6

Динамика некоторых экономических преступлений в СССР и России в 1956—1996 годы

Годы	Должностные хищения				Взяточничество				Мелкие хищения		
	абс. показатель	динамика	доля	коэф-фициент преступности	абс. показатель	динамика	доля	коэф-фициент преступности	абс. показатель	доля	коэф-фициент преступности

В СССР

1956	39 393	100,0	6,8	19,9	465	-	0,1	0,2	40 841	7,0	20,6
1957	38 098	96,7	5,6	18,9	686	-	0,1	0,3	40 840	6,0	20,3
1958	52 826	134,1	5,0	25,8	1 241	-	0,1	0,6	49 261	5,6	24,0
1959	27 891	70,8	4,5	13,4	787	-	0,1	0,4	22 436	3,6	10,7
1960	40 210	102,1	6,2	18,9	1 235	-	0,2	0,6	19 609	3,0	9,2
1961	63 437	161,0	7,2	29,3	-	-	-	-	-	-	-
1962	73 358	186,2	8,3	33,4	-	-	-	-	-	-	-
1963	71 741	182,1	9,0	32,1	-	-	-	-	-	-	-
1964	63 235	160,5	8,3	27,9	-	-	-	-	-	-	-
1965	53 461	135,7	7,1	23,3	-	-	-	-	-	-	-
1966	52 791	134,0	5,9	22,8	2 339	100,0	0,3	1,0	12 150	1,4	5,2
1967	49 827	126,5	5,7	21,3	2 245	96,0	0,3	1,0	16 312	1,9	6,9
1968	50 239	127,5	5,3	21,2	2 359	100,9	0,2	1,0	21 574	2,3	9,1
1969	49 648	126,0	5,1	20,8	2 407	102,9	0,2	1,0	26 018	2,7	10,9
1970	52 005	132,0	5,0	21,5	2 954	126,3	0,3	1,2	28 327	2,7	11,7
1971	52 711	133,8	5,0	21,8	3 077	131,6	0,3	1,3	28 673	2,7	11,8
1972	53 989	137,0	5,1	21,9	3 245	138,6	0,3	1,3	29 884	2,8	12,1
1973	55 786	141,6	5,3	22,4	3 505	149,9	0,3	1,4	28 059	2,7	11,3
1974	56 870	144,4	5,0	22,7	3 802	162,5	0,3	1,5	26 954	2,4	10,7

1975	58 821	149,3	4,9	23,2	4 039	172,7	0,3	1,6	28 027	2,3	11,1
1976	59 946	152,2	4,9	23,5	4 311	184,3	0,3	1,7	28 174	2,3	11,0
1977	61 029	154,9	5,0	23,7	4 162	177,9	0,3	1,6	24 898	2,0	9,6
1978	62 425	158,5	4,8	24,0	4 501	192,4	0,3	1,7	12 688	1,0	4,9
1979	64 751	164,4	4,5	24,7	5 291	226,2	0,4	2,0	11 554	0,8	4,4
1980	67 410	171,1	4,4	25,5	6 024	257,5	0,4	2,3	12 351	0,8	4,7
1981	71 048	180,3	4,4	26,6	6 829	292,0	0,4	2,6	14 722	0,9	5,5
1982	74 207	188,4	4,5	27,6	7 756	331,6	0,5	2,9	17 359	1,0	6,4
1983	79 594	201,9	3,9	29,4	8 568	336,3	0,4	3,2	16 954	0,8	6,2
1984	85 067	215,9	4,2	31,1	9 616	411,1	0,5	3,5	16 913	0,8	6,2
1985	92 986	236,0	4,5	33,7	10 561	451,5	0,5	3,8	17 704	0,8	6,4
1986	97 638	247,8	4,9	35,1	11 408	487,7	0,6	4,1	14 842	0,7	5,3
1987	96 986	246,2	5,4	34,5	7 848	335,5	0,4	2,8	16 554	0,9	5,9
1988	87 445	222,0	4,7	30,8	4 927	210,6	0,3	1,7	14 397	0,8	5,1
1989	81 228	206,2	3,3	28,3	4 292	183,5	0,2	1,5	13 150	0,5	4,6
1990	76 443	194,1	2,7	26,6	4 664	199,4	0,2	1,6	12 973	0,5	4,5

В России

1991	40 364	-	1,9	27,2	2 534	-	0,1	1,7	-	-	-
1992	39 851	-	1,4	26,9	3 331	-	0,1	2,2	-	-	-
1993	37 307	-	1,3	25,2	4 497	-	0,1	3,0	-	-	-
1994	34 904	-	1,3	23,5	4 919	-	0,2	3,3	-	-	-
1995	35 460	-	1,3	23,9	4 889	-	0,2	3,3	-	-	-
1996	38 255	-	1,5	23,9	5 453	-	0,2	3,7	-	-	-

Оценка тенденций преступлений, указанных в таблице, на первый взгляд может быть вполне удовлетворительной.

Должностные хищения с 1956 года и до распада СССР увеличивались в 2—3 раза медленнее, чем вся преступность, и в 5 раз медленнее, чем кражи. Но если проанализировать динамику должностных хищений в крупных и особо крупных размерах, то предполагаемая удовлетворенность пропадает. Они по сопоставимым показателям с 1967 по 1986 год увеличились с 484 до 12 614, или в 26 раз. Это свидетельствует о росте корыстных appetитов партгоссовноменклатуры и иных должностных лиц и о сдвиге деятельности правоохранительных органов к крупным и особо крупным хищениям, от которых нельзя было отмахнуться, хотя темпы роста иных присвоений и растрат по законам распределения должны были быть не меньше крупных и особо крупных, а больше.

Массовая криминализация каких-либо отношений без их фактического оздоровления не разрешима путем поголовного привлечения всех виновных к уголовной ответственности. Вначале ответственность становится лотерейной, а затем ищется легальный выход — амнистия или декриминализация. В СССР и России были использованы разные подходы. Все кончилось частичной декриминализацией, о которой говорилось выше, и полной экономической амнистией.

Последняя, объявленная в 1994 году³⁸, имела особое значение в отношении осужденных за нарушение правил о валютных операциях, хищение государственного и общественного имущества, совершенного путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, а также за хищение государственного и общественного имущества в крупных и особо крупных размерах, если они были совершены до ликвидации СССР, т. е. до декабря 1991 года включительно. Лица, осужденные за хищения социалистической собственности, совершенные путем примитивных краж, грабежей, разбоев и мошенничества, естественно, под амнистию не попали.

Этот акт амнистии подтвердил уже приводимое мной выражение: “Тому возмездием был за преступление крест, а этому диадема”. И это, надо полагать, было одной из скорых форм “создания” в России крупных и даже монопольных собственников.

Вопрос о “прощении грехов” был инициирован еще в СССР в 1991 году. Вначале предполагалось освобождение от уголовной ответственности так называемых бескорыстных и предприимчивых хозяйственников, осужденных за абсурдные хозяйственные преступления, которые потом обоснованно были декриминализованы. В 1994 году в России она была распространена на реальных и крупных расхитителей. Последние приобрели к этому времени большое экономическое и политическое влияние, чтобы навязывать властям свои решения и не допускать исполнения нежелательных установлений. Дважды, например, Съезд народных депутатов (1992 г.) и Президент (1994 г.) пытались реализовать идею перерегистрации негосударственных хозяйственных структур, созданных с использованием государственной собственности, в целях проверки источников первоначального капитала и обоснованной оценки предприятий, переданных в собственность³⁹. И оба эти решения были заблокированы.

Создание собственников путем открытого и санкционированного Госкомимуществом разворовывания несметного народного достояния бывшими красными директорами, вышестоящими чиновниками и мафиозными структурами, может быть, и имело какой-то тактический политический смысл для революционных демократов-рыночников (чем скорее и больше появится собственников, неважно каких, тем необратимее будет движение к рынку), но в стратегическом криминологическом плане это было не чем иным, как “революционным” пособничеством в долгосрочной криминализации российской экономики. Ведь основные вопросы приватизации были решены в 1992 году. Такого не было ни в одной стране мира. Указом Президента Российской Федерации № 721 1992 года, подготовленным в Госкомимуществе, было строго предписано, чтобы каждое крупное предприятие было приватизировано до конца года. И это требование Госкомимущества было практически реализовано, но с беспрецедентными криминальными последствиями. Бурно развивающиеся криминальные интересы деформировали всю систему общественных отношений, тормозили развитие институтов гражданского общества, подрывали веру людей в правильность и справедливость проводимых в стране реформ. Экономическая преступность в сфере приватизации подорвала обороноспособность страны, вторглась в сферу политики, нарушила баланс между субъектами Федерации, деформировала их отношения с федеральным центром. И более того, эта “демократическая” мотивация по методам реализации мало чем отличалась от большевистской установки на насильственную коллективизацию и индустриализацию, которые тоже проводились с целью скорейшего утверждения нового строя и создания необратимости его существования.

В цитированных уже нами материалах ООН о борьбе с экономической и организованной преступностью людьми со стороны недвусмысленно говорится, что в странах с переходной экономикой усилия в области приватизации следует предпринимать с определенной осторожностью при соблюдении баланса между мерами борьбы с экономическими преступлениями, которые могут нарушать процесс приватизации, и опасностью чрезмерного регулирования, что может сдерживать экономическую активность⁴⁰. Но это никем не было услышано.

В 1995 году стало ясно: ваучерный этап приватизации в России (1992—1994 гг.) завершился грабежом века. Разгосударствление 135,6 тыс. предприятий казне и народу ничего не дало. Изменение собственности не сдвинуло производство, поскольку предприятия за бесценок приобретались не для производственных целей. Новые хозяева их просто перепродают, но уже в сотни, тысячи раз дороже. И они этого стоят. Таким образом, коррумпированная криминальная приватизация завершается беспрецедентной спекуляцией⁴¹. Должностные лица, пытавшиеся поставить приватизацию под контроль, незамедлительно изгонялись со своих постов. Проверка проведенной приватизации Счетной палатой, вскрывшая грубые нарушения⁴², является запоздалым и скорее тактическим ходом властей в сложившейся предвыборной ситуации.

Говоря о тенденциях отечественной экономической преступности, нельзя обойти стороной прорыночные преступления.

Известно, что командная экономика в СССР находилась под строгой уголовно-правовой защитой. Государство активно боролось со спекуляцией, частнопредпринимательской деятельностью, коммерческим посредничеством, нарушением правил о валютных операциях и другими предпосылками рыночных отношений (табл. 7).

Таблица 7

Динамика некоторых прорыночных экономических преступлений в СССР в 1956—1990 годы

Годы	Спекуляция	Частнопредпринимательское и коммерческое посредничество	Нарушение правил о валютных операциях	Занятие запрещенной трудовой деятельностью	Самогонование	Все виды	
						абс.	доля
1966	14 336	555	263	1076	38 470	54 700	6,1
1967	16 689	568	263	1084	32 373	50 977	5,8
1968	17 541	589	405	929	33 963	53 427	5,7
1969	18 429	617	490	871	30 087	50 494	5,2
1970	19 280	700	573	984	33 089	54 626	5,2
1971	20 283	701	786	910	31 193	53 873	5,1
1972	24 101	871	890	806	40 589	67 257	6,3
1973	20 743	945	847	850	34 781	58 166	5,5

1974	20 016	822	911	847	22 070	44 666	3,9
1975	20 955	765	971	858	18 443	41 992	3,5
1976	22 082	761	984	718	18 122	42 667	3,5
1977	22 665	830	603	603	15 467	40 168	3,3
1978	24 348	809	702	678	17 036	43 573	3,3
1979	26 639	1033	786	706	17 439	46 603	3,2
1980	29 524	1033	907	712	20 173	52 349	3,4
1981	32 276	1134	1 042	812	22 394	57 658	3,6
1982	33 655	1031	1 166	771	24 166	60 789	3,7
1983	32 692	993	1 202	841	28 890	64 618	3,2
1984	34 268	964	1 218	891	29 733	67 074	3,3
1985	38 179	1017	1 288	895	78 313	119 692	5,7
1986	41 036	1241	1 337	1 077	175 965	220 656	11,1
1987	43 372	867	1 212	543	117 334	163 328	9,1
1988	45 235	635	1 089	234	15 449	62 642	3,3
1989	45 140	483	1 214	191	8 498	55 526	2,2
1990	51 726	485	1 478	125	6 630	60 444	2,2
	+260,8	-12,4	+462,0	-88,4	-82,8	+10,5	

Наличие этих составов в уголовном кодексе тормозило развитие рыночных реформ. Они были декриминализованы в 1991—1994 годы, и это, пожалуй, единственная возможность на сегодняшний день “искоренить” какие-то виды преступлений. Динамика их с момента начала учета была неодинаковой. Спекуляция и нарушения правил о валютных операциях были декриминализованы при их относительно интенсивном росте, т. е., несмотря на активную борьбу с ними, они умножались, стихийно прокладывая дорогу хотя и к черному, но рынку. Учет не отражал реального уровня этих деяний, а указывал лишь на ее тенденцию. Поэтому, несмотря на призывы к активизации борьбы, шел закономерный процесс ее фактического ослабления, ибо многие товары только и можно было купить у спекулянтов. При росте регистрируемой спекуляции снижалось число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и росло количество виновных, освобождаемых от нее⁴³. Значительная часть первичного капитала начинающих предпринимателей в это время наряду с воровским имела спекулятивный характер. На рынке до сих пор господствует криминальный черный “нал”. Он, в свою очередь, стимулировал вымогательство, разбой и грабежи.

Борьба с частнопредпринимательской деятельностью, коммерческим посредничеством, занятием запрещенными видами деятельности и самогонварением была “успешней”. Они статистически сокращались. Руки не доходили. Искусственная вспышка самогонварения (в 4—5 раз) была зарегистрирована в 1986—1987 годы, когда ЦК КПСС в последний раз предпринял неуклюжую атаку на пьянство и алкоголизм.

Как уже говорилось, в других странах, особенно там, где давно утвердилось рыночная экономика, структура экономических преступлений иная. Упрощенная схема их, одобренная экспертами Совета Европы, включает в себя следующие составы: монопольные преступления; мошенничество (подкуп, злоупотребление довери-

ем, обман покупателей); цифровые махинации; фиктивные организации; фальсификации бухгалтерских документов; нарушения эргономических требований и стандартов; умышленная неточность в описании товаров; нечестная конкуренция; финансовые нарушения и уклонения от уплаты налогов; таможенные нарушения; валютные махинации; биржевые и банковские нарушения; нарушения, наносящие вред окружающей среде; "отмывание" преступно нажитых денег и собственности⁴⁴.

Несмотря на более или менее удовлетворительную разработку структуры экономических преступлений, статистических данных о них в мире собрать не удастся. ООН предпринимала такие попытки сбора данных о присвоении имущества, взяточничестве и мошенничестве, но они оказались очень неполными. Единственный вывод, который можно по ним сделать, это сказать, что эти преступления в мире тоже растут.

В США по арестам отслеживается подделка документов, фальшивомонетничество, мошенничество, присвоение и растрата имущества, покупка и управление имуществом, добытого преступным путем, которые можно отнести к экономическим. По данным неполного числа агентств, с 1983 по 1992 год эти деяния увеличились на 25, в том числе присвоение и растрата — на 51,8%. Общая доля арестов за эти деяния составляет 4,7% в структуре всех арестованных.

В Германии учитываются мошенничество, злоупотребление доверием, присвоение имущества, подделка документов и должностные преступления. Их доля в 1990 года достигла 10,6% от всех зарегистрированных деяний. Тенденции их разные. Подделка документов, например, с 1953 года увеличилась в 3 раза, а присвоение имущества сократилось на 30,6%. Очень низок уровень должностных преступлений, а их удельный вес не превышает 0,05%.

В Японии в рамках нарушений уголовного кодекса учитываются растраты и взяточничество. Их удельный вес невелик. За пределами уголовного кодекса учитываются нарушители специальных законов, касающихся финансов и экономики (налоговых, таможенных, инвестиционных, земельных, строительных, недобросовестной конкуренции и др.). Их динамика неустойчива. В 1992 году в ведение государственного обвинителя было передано 1286 нарушителей, что в 2 с лишним раза больше, чем в 1991 году, и на 30% меньше, чем в 1985 году. Величина причиняемого ущерба этими нарушениями во много раз превосходит ущерб от краж.

Наиболее полные данные об экономических преступлениях можно получить во французских статистических сборниках. По старому законодательству, действующему до 1994 года, в них был целый раздел: "Мошенничество. Финансовые и экономические преступления". Он подразделялся на три подраздела: мошенничество, подделка и подлог (11 составов), экономические и финансовые преступления (9 составов) и нарушения законодательства о чеках (3 состава). В 1991 году было зарегистрировано 551 810 этих деяний. Их доля в структуре преступности составила 15,1%. По сравнению с 1990 годом они увеличились на 2,7%.

Приведенные данные об экономических преступлениях в России и других странах свидетельствуют о том, что статистика их неполна и несопоставима. Но общий уровень их фактически велик, а динамика не так уж благоприятна, как может показаться на первый взгляд. По оценкам специалистов, в США ежегодно потери от преступности корпораций превышают 200 млрд., а от компьютерных преступлений — 6 млрд. долл. В Великобритании компьютерные преступления обходятся в 2 млн. фунтов стерлингов в день⁴⁵. Во Франции общий ущерб от экономических преступлений вдвое превышает совокупный бюджет МВД, юстиции и здравоохранения, ежегодные потери от неуплаты налогов составляют 60 млрд. франков, а в ФРГ — 16 млрд. марок⁴⁶. Кроме материального ущерба рассматриваемые преступления причиняют большой физический вред, связанный с нарушением техники безопасности и законов об охране здоровья, а также с выпуском недоброкачественных продуктов питания и медикаментов. Сотни тысяч людей гибнут, получают увечья, травмы, отравления, становятся нетрудоспособными. В России, например, в 1994 году от травм на производстве потеряли трудоспособность 300 тыс. и погибли 6770 человек, а в 1996 году — соответственно 360 тыс. и 7600. Этот ущерб в криминальной статистике обычно не отражается. Нет по этому вопросу системных данных по отдельным странам и миру в целом.

4. Коррупция

Экономические преступления являются исключительно значимой частью корыстной преступности. Аналогично положение коррупции и в структуре самих экономических деяний. Причем те особенности, которые характерны для экономической преступности (высокое общественное положение субъектов ее совершения; изощренно-интеллектуальные способы их действий; огромный материальный, физический и моральный ущерб, ими причиняемый; исключительная латентность экономических посягательств и снисходительное отношение властей к этой группе преступников), в коррупции доведены до своего апогея.

Коррупция имеет не только скрытый, но и согласительный характер совершения. Она, как правило, не влечет за собой жалоб, так как виновные стороны получают выгоду от незаконной сделки. Даже вымогательство взятки не всегда будет обжаловано, поскольку люди в различных странах не питают доверия к процессу борьбы с коррупцией. И к этому есть достаточно оснований, объективных и субъективных, отечественных и международных. Коррупционные действия обычно совершаются в очень сложных специфических и конфиденциальных видах государственной деятельности, где непрофессионалу разобраться трудно. Коррупция имеет высочайшую приспособительную способность. Она непрерывно мимикрирует, видоизменяется и совершенствуется. Латентность — ее основная осо-

бенность. Поэтому нигде нет сколько-нибудь полных или хотя бы репрезентативных данных об этом явлении, еще меньше виновных лиц, предстающих перед уголовным судом, и лишь единицам из них, причём самой низшей категории, назначается реальное уголовное наказание.

Ядром коррупции можно назвать взяточничество. Однако даже это деяние, кроме как в Белой книге о преступности в Японии, не значится ни в одном из ежегодников криминальной статистики ведущих стран мира. В США взяточничество учитывается по арестам подозреваемых и обнаружится лишь в общей графе "Все другие преступления"⁴⁷. Выделить арестованных взяточников невозможно. В то же время в главах федерального законодательства страны "Дача взятки, подкуп и конфликты интересов" и "Публичные должностные лица и служащие" имеется более десятка норм, предусматривающих уголовную ответственность за различные формы взяточничества, а в 1989 году был принят дополнительный закон о борьбе с коррупцией. Каждый штат имеет собственные законы, направленные на борьбу с коррупцией.

Во Франции взяточничество "запрятано" в графе "Другие экономические и финансовые преступления", в Германии — в графе "Должностные преступления", в Англии и Уэльсе в числе подлежащих регистрации преступлений также нет сведений о коррупции чиновников, ответственность за которую может наступать по общему и статусному праву. В Японии эти сведения публикуются отдельной строкой, но не в числе учтенных преступлений, а в общем количестве подозреваемых лиц, чьи дела были рассмотрены государственным обвинителем. В 1989 году, например, было выявлено 426 лиц, или 0,02% от всех подозреваемых, а в 1992 году — соответственно 392 и 0,01%.

В России общие сведения о коррупционных преступлениях публикуются. ГИЦ МВД РФ в 1993—1996 годы отслеживал отдельно также коррупцию государственных служащих по их должностному положению. Однако эти данные вопреки требованиям закона "О государственной тайне" (1993 г.) имеют гриф "секретно". Власти не только с большой неохотой отдают "своих" коррупционеров правосудию, но и не желают обнародования статистических показателей. Аналогичная практика была еще в СССР.

По данным всех обзоров ООН, удельный вес взяточничества в 1970—1990 годы не превышал 1% в структуре 10—12 видов преступлений, отслеживаемых международным сообществом. За 1986—1990 годы оно увеличилось в мире на 8%. Иных данных в обзорах нет. Непосредственное обращение к ответам стран Северной Америки и Европы на вопросник ООН к Четвертому обзору, которые я получал как эксперт этого обзора, не изменили наших предположений. Некоторые страны (Канада, США, ФРГ и др.) вообще не заполнили графу о взяточничестве и коррупции (Bribery and/or corruption).

Большинство стран (Англия и Уэльс, Франция, Италия, Швеция, Греция, Швейцария, Испания, Финляндия и др.) привели сведе-

ния о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за взяточничество или осужденных. И лишь некоторые государства (Болгария, Турция, Румыния, Польша, Норвегия, Израиль, Чехия, Австрия) сообщили о зарегистрированных полицией случаях коррупции. По этим данным, наиболее высокий ее уровень наблюдается в Румынии, Турции, Испании, Польше, Чехии, а самый низкий — в Англии и Уэльсе, где в 1986 году не было привлечено ни одного человека, а в 1990 году — один, но и тот не был осужден. В 9 странах из 18, представивших необходимые сведения, взяточничество в 1986—1990 годы увеличивалось, а в остальных — уменьшалось. Удельный вес привлеченных за взяточничество в 1990 году колебался от 0,002% (Англия и Уэльс) до 1,1 (Румыния), а осужденных — от 0,006 (Финляндия) до 0,07% (Португалия). Число осужденных за взяточничество по большинству стран составляло не более половины от числа подозреваемых. Но были и иные данные. В Израиле, например, в 1990 году было зарегистрировано 165 случаев взяточничества, по которым числилось 183 подозреваемых, а было осуждено 212 человек. В Румынии в 1986 году учтено 18 649 случаев взяточничества, по которым проходило лишь 2665 обвиняемых и 36 осужденных (3,4% от регистрации). В 1990 году это соотношение составило 8,6%.

Коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т. д. являются завуалированными формами коррупции.

“Уже в годы реформы, при участии или непростительном бездействии органов государственной власти, — говорится в Послании Президента Российской Федерации 1996 года, — появились новые способы перетекания богатства к избранным — перепродажа бюджетных ресурсов и льготных централизованных кредитов,клонение от уплаты налогов и таможенных пошлин, присвоение чужих денег через механизм неплатежей, фактический захват паков акций, находящихся в федеральной собственности, и т. п.”⁴⁸ Однако все это, кроме элементарных случаев, как правило, не находит какого-либо отражения в криминальной статистике.

Если бы реальная коррупция в мире соответствовала статистическому отражению взяточничества, то не было бы той международной озабоченности, которая проявилась в последнее время. А она огромна. Перечислим лишь некоторые мероприятия.

В 1989 году по эгидой ООН был проведен международный семинар по проблеме коррупции в сфере государственного управления в Гааге (Нидерланды), результаты которого послужили серьезной предпосылкой рассмотрения этой проблемы на Восьмом

конгрессе ООН. Препровождая проект резолюции этому конгрессу, ЭКОСОС высказал следующую рекомендацию: "Поскольку коррупция среди государственных должностных лиц может свести на нет потенциальную эффективность всех видов правительственных программ, затруднить развитие и создать угрозу для отдельных лиц и группы лиц, в высшей степени важно, чтобы все государства: а) рассмотрели адекватность своего уголовного законодательства, включая процессуальные нормы, чтобы реагировать на все виды коррупции, и соответствующие санкции, которые обеспечат надлежащее сдерживание; б) разработали административные механизмы и механизмы регулирования для предупреждения коррупции и злоупотребления властью; в) установили процедуры выявления, расследования и осуждения коррумпированных должностных лиц; г) разработали правовые положения для конфискации средств и имущества, приобретенных в результате коррупции, и е) применили экономические санкции к предприятиям, причастным к коррупции"⁴⁹.

Конгресс рассмотрел подготовленное Секретариатом ООН руководство "Практические меры борьбы с коррупцией", доработанный вариант которого был опубликован⁵⁰, и принял резолюцию "Коррупция в сфере государственного управления"⁵¹. В ней обоснованно отмечалось, что проблемы коррупции носят всеобщий характер и оказывают пагубное влияние на экономику стран, подрывая эффективность правительственных решений, наносят ущерб состоянию морали, расшатывают доверие граждан к правительству и разрушают принцип справедливого и беспристрастного правосудия. Конгресс рекомендовал разработать проект международного кодекса поведения для государственных служащих, с тем чтобы представить его Девятому конгрессу. Все эти вопросы потом были рассмотрены Генеральной Ассамблеей (Резолюция 45/107 от 14 декабря 1990 г.), ЭКОСОС и другими ооновскими организациями. К ним обращались Совет Организации экономического сотрудничества и развития (ОСЭР), Программа ООН по международному контролю над наркотиками, организовавшая Форум по борьбе с коррупцией в Претории (Южная Африка), и Семинар стран Восточной и Центральной Африки в Энтеббе (Уганда), где серьезно был поставлен вопрос о коррупции в международных сделках.

В феврале 1995 года Совет Европы, куда мы в настоящее время также входим, созвал междисциплинарную группу по проблеме коррупции. Эта проблема также рассматривалась Организацией американских государств, Европейским Союзом, Европейской комиссией и другими международными объединениями. Коррупция была одной из важных тем специальных заданий Девятого конгресса ООН (Каир, 1995 г.), где при обсуждении всего комплекса вопросов был обсужден и одобрен проект международного кодекса поведения государственных должностных лиц⁵². На заседании отмечалось, что коррупция проникла в экономику, политику, во все сферы общественных отношений, что она вышла за рамки национальных границ и приобрела глобальные масштабы, что дела о

коррупции, поступающие в суды, представляют собой верхушку **Айсберга**. Для борьбы с коррупцией предлагалось расширение гласности, свободы для СМИ, независимости уголовного правосудия, а также ужесточения контроля за деятельностью чиновников. Было высказано аргументированное мнение о том, что на пороге XXI века человеческое общество вынуждено будет придерживаться принципа “демократия в интересах ответственности” взамен бытующего “демократия в интересах богатства”.

Один лишь неполный перечень проведенных мероприятий заставляет серьезно сомневаться в объективной регистрации коррупции, ибо если бы она была действительно такой, какой мы ее видим в сборниках криминальной статистики, то не было бы особой нужды проявлять такое беспокойство международному сообществу. Учет коррупции является тем классическим случаем, когда известная сентенция (“Есть ложь, есть большая ложь и есть статистика”) применима здесь как нельзя кстати.

Что же понимает международное сообщество под коррупцией? Существует множество определений, но полной ясности и правовой точности нет. Конечно, коррупция — скорее синтетическое социальное или криминологическое понятие, чем правовое, поэтому ее надо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний.

Давнее краткое и емкое определение, которое используется в **Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией**, таково: “Коррупция — это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях”. Из него видно, что коррупция выходит за пределы взяточничества. Дж. Най, например, полагает, что коррупция включает в себя взяточничество (дачу вознаграждения для соращения лица с позиций долга), nepotизм (покровительство на основе личных связей) и незаконное присвоение публичных средств для частного использования⁵³. Это же подтверждается и рабочим определением междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы: коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений, и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других.

Аналогичная идея заложена в Руководстве, подготовленном Секретариатом ООН на основе опыта разных стран. Оно включает в коррупцию: 1) кражу, хищение и присвоение государственной собственности должностными лицами, 2) злоупотребление служебным положением для получения неоправданных личных выгод (льгот, преимуществ) в результате неофициального использования официального статуса, 3) конфликт интересов между общественным долгом и личной корыстью. Критерием установления уголов-

ной ответственности в этом случае предлагается не оценка общественной пользы принятого решения, что очень трудно сделать, а открытость процесса принятия решения: должностное лицо не вправе принимать решение без представления всей информации. Если это условие нарушено, оно может быть признано виновным. К этим видам присоединяется непредоставление информации о всех своих финансовых активах, обязательствах, связях при занятии должности и ежегодной отчетности. Причем санкции за них предлагаются не меньше санкций, чем за другие виды коррупции, чтобы нарушение было невыгодным. Особое внимание уделяется предоставлению информации о финансовой поддержке партий.

Международное сообщество, озабоченное транснациональной коррупцией, рекомендует ввести в национальное законодательство также уголовную ответственность за подкуп за рубежом. Первой страной, которая ввела ее, были США. После разоблачения случаев взяток в 1977 году, которые выплачивались крупными корпорациями США за получение иностранных заказов, был принят Закон об иностранной коррумпирующей практике (ФКПА). Санкции — штраф до 2 млн. долл. для корпораций и до 5 лет тюремного заключения для физических лиц. Особое распространение это деяние имеет в международной торговле самолетами, кораблями, вооружением, боевой техникой, нефтепродуктами, а также при заключении контрактов на военное и гражданское строительство, где нет стандартных цен, но давно существуют таксы комиссионных для должностных лиц разных уровней.

По данным неправительственной организации “Трансперенси интернэшнл”, 5% от 100 тыс. долл. могут заинтересовать старшее должностное лицо, а от 100 млн. долл. — главу государства, тогда как для корпорации 5% от суммы сделки считаются смехотворно низкой ценой комиссионного вознаграждения⁵⁴. Естественный монополист — российская компания “Росвооружение”, например, берет по 10 и даже по 20% комиссионных^{54а}. Специальная комиссия Организации экономического сотрудничества и развития разработала рекомендации, касающиеся борьбы с международной коррупцией⁵⁵. И это соответствует усилиям Совета Европы и Международной торговой палаты, которые рекомендовали принять меры международного характера в качестве решающих средств борьбы с коррупцией⁵⁶.

В международных документах есть множество других важнейших положений и рекомендаций, не только уголовно-правовых, но процессуальных, административных, гражданско-правовых, организационных, которые актуальны для России, где нет необходимых законодательных норм, а у государственных должностных лиц есть огромные дискреционные полномочия. В силу этого они действуют практически в абсолютно неправовом пространстве. В России нет необходимых норм в законе о государственной службе, нет закона о борьбе с коррупцией, нет закона о легализации неправоммерно нажитых средств, нет независимых структур борьбы с коррупцией, а самое главное, нет политической воли в различных вет-

вах власти для организации этой борьбы на уровне мировых стандартов. Только через эти "нет" и можно уяснить реальный уровень и тенденции коррумпирования российской бюрократии, которая разрастается со скоростью злокачественной опухоли, инфильтрируя здоровые островки государственной службы.

Обратимся к Федеральному закону "Об основах государственной службы РФ" 1995 года, который с большими трудностями разрабатывался и принимался около 5 лет. В его ст. 11 и 12 определены важные ограничения для чиновников, связанные с государственной службой, и обязанности ежегодного представления ими сведений об имуществе. Из 12 пунктов ограничений в 10 предусматриваются меры, предупреждающие коррупцию. Но этот закон, как и ранее действующее Положение о федеральной госслужбе, утвержденное Президентом, распространяется только на обслуживающий персонал (государственные должности категорий "Б" и "В"). Вне его юрисдикции остаются государственные должностные лица категории "А", руководители законодательной и исполнительной власти, депутаты, министры, судьи и многие другие высокие чиновники различных уровней. А предусматриваемый контроль за имущественным положением касается только самих должностных лиц и не распространяется на его близких родственников, тогда как хорошо известно, что приобретаемую собственность коррупционеры оформляют не на себя.

Классификация и объем коррупционных действий, предлагаемых в международных документах, не совсем согласуются с традиционным пониманием этого явления в российском уголовном праве, но они, к большому сожалению, не расходятся с современной коррупционной практикой государственных должностных лиц в России. Отечественная коррупция интенсивно срастается с другими экономическими преступлениями и организованной преступностью. Рыночная экономика, разгосударствление собственности, прямые международные торговые, промышленные и иные связи открыли неограниченные возможности для коррупционеров. Как совокупный результат монополии власти государственных должностных лиц, их широких дискреционных полномочий при отсутствии открытости, подотчетности и подконтрольности коррупция закономерно ведет к олигархии и авторитаризму. Это вызывает тревогу даже за рубежом³⁷.

Некоторые специалисты уголовного права, выросшие на идеях социалистического кодифицированного законодательства 60-х годов, не желают вникать в современные коррупционные реалии, когда многие формы продажности должностных лиц при использовании рыночных отношений вышли за пределы устоявшихся представлений, когда должностные лица "волей" переходного периода освободились не только от общественного, партийного, но правового государственного контроля, когда их изощренное мздоимство и казнокрадство стали основной и перспективной статьей дохода на временных и неустойчивых государственных должностях, институированного порочным российским деловым обычаем. Рассматривая коррупцию в виде традиционной взятки (пакета с деньгами),

они полагают, что борьба с ней вполне достаточна на основе норм УК 1960 года⁵⁸. Опыт принятия специальных комплексных законов прямого действия о борьбе с коррупцией в других странах игнорируется. Такой подход, естественно, находит поддержку у коррумпированных чиновников.

Приведу лишь один пример. В мире общепризнанно, что государственное должностное лицо после увольнения со службы в течение установленного периода должно получить разрешение правительства, прежде чем принять приглашение на работу в частном секторе или начать заниматься коммерческой деятельностью, имеющей отношение к его прежней должности^{58a}. В России только за последние два года сменилось более 15 министров экономики, финансов и заместителей председателя правительства по экономическим проблемам, большинство из которых буквально на следующий день после увольнения с государственной должности занимали руководящие посты в крупных коммерческих банках, компаниях и концернах. За какие заслуги их принимали на столь почетные и денежные должности? — вопрос риторический. Можно ли их привлечь к ответственности за взяточничество? Нет. Но в демократических странах такое поведение рассматривается по самому факту как коррупционное.

Нынешние проблемы борьбы с коррупцией были более или менее очевидны уже в начале 90-х годов. К этому времени был проведен ряд научных конференций⁵⁹ и подготовлено несколько проектов о борьбе с надвигающейся коррупцией, представленных в Верховный Совет СССР. С распадом Союза все они почили в бозе. Острота проблемы от этого не уменьшилась, поэтому работа над ней была продолжена в России. До принятия законов Президент Российской Федерации издал Указ “О борьбе с коррупцией в системе государственной службе” от 4 апреля 1992 г., где были предписаны некоторые запреты для служащих аппарата (они не касались государственных должностных лиц), провозглашено предоставление деклараций о доходах. Указ был шагом в правильном направлении, но он мало что решал и слабо исполнялся. В это же время продолжалась работа над проектами закона о борьбе с коррупцией. Было подготовлено до десятка вариантов. Один из них был официально опубликован и принят Верховным Советом РФ в 1993 году. Президенту, а скорее его окружению, закон показался слишком строгим, и он вернул его на доработку. Последняя не состоялась, так как Верховный Совет был разогнан.

Нижняя палата нового парламента — Государственная Дума — продолжила работу над проектом. Он прошел международную экспертизу. 12 декабря 1994 г. Закон “О борьбе с коррупцией” был принят. Но верхняя палата — Совет Федерации — закон отвергла. Судя по заключению, членам Совета Федерации, являющимся руководителями (хозяевами) республик, краев, областей, особенно не понравились публичное декларирование доходов государственными должностными лицами и финансовый контроль над доходами не

только их самих, но и членов семей. Путем превратного толкования Конституции они сочли это нарушением своих прав и свобод.

Финансовый контроль за доходами должностных лиц и их семей существует во всех цивилизованных странах. Это нашло отражение и в ст. 8 упоминавшего нами Международного кодекса поведения государственных должностных лиц. В ней говорится: "Государственные должностные лица... сообщают сведения обо всем имеющемся у них личном имуществе, активах и обязательствах, а также сведения об имуществе, активах и обязательствах супруга (супруги) и/или других иждивенцев"^{59а}. Государственные должностные лица в России, легко воспринимая западные свободы для себя, оценивают правовой демократический контроль за своей деятельностью и поведением как возвращение к тоталитаризму.

После доработки Закон "О борьбе с коррупцией" был принят Государственной Думой 22 ноября и одобрен Советом Федерации 9 декабря 1995 г. Но Президент вновь вернул его. В своем письме от 22 декабря 1995 г. он высказался против включения в субъекты коррупционных правонарушений помощников должностных лиц категории "А" и категорически возражает против того, чтобы меры финансового контроля распространялись не только на государственных служащих, но и на их супругов, чем, как он полагает, нарушается ч. 1 ст. 23 Конституции РФ и ст. 12 закона об основах государственной службы, где, как уже говорилось, обязанность представления сведений о доходах возлагается только на самого служащего. Круг замкнулся.

Апелляция к ч. 1 ст. 23 Конституции РФ не корректна. В ней говорится: "Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени". Оправдывая неадекватное российской криминологической ситуации и международной практике решение, помощник Президента по правовым вопросам М. Краснов приводит "самый сильный научный аргумент": имеющиеся положения в законе способны породить рецидивы тридцать седьмого года⁶⁰. Несостоятельными предполагаются и другие возражения Президента Российской Федерации, изложенные в письме о наложении вето на рассматриваемый закон^{60а}.

Обратимся к фактам. В п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 4 апреля 1992 г. "О борьбе с коррупцией в системе государственной службы" и в ст. 11 Федерального закона "Об основах государственной службы РФ" 1995 года государственным служащим запрещено заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме творческой, лично или через доверенных лиц заниматься предпринимательской деятельностью, участвовать в управлении акционерными обществами и т. д. 16 ноября, однако, был издан Указ Президента РФ "О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий", в котором дан список десяти важнейших отраслей промышленности, где разрешается поручать на контрактной основе представлять

интересы государства в совете директоров должностным лицам органов государственного управления за соответствующее вознаграждение. В связи с этим в совет директоров АО "Восточная нефтяная компания", например, вошли заместитель министра финансов Самусев, начальник главного управления Госкомимущества Белоусов, первый заместитель министра топлива и энергетики Филин и другие. Аналогичная картина в АОО "Оренбургская нефтяная акционерная компания", в нефтяной компании "Роснефть", в "Российской угольной компании", в Тюменском нефтяном научно-технологическом центре и т. д.^{60б}. И это не единичные случаи. Во всех акционерных обществах, образованных с участием государства, его представляют госслужащие. В 93% — это служащие министерств и ведомств. К примеру, в Миноборонпроме из 389 представителей государства 333 работают в самом министерстве, занимая посты от главного специалиста до заместителя министра^{60в}. Сращивание государственных служащих с предпринимательством в цивилизованных странах расценивается прямой коррупцией. Это запрещение есть и в российском законодательстве, но на вершинах власти оно бездействует.

К настоящему времени сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, о массовой коррупции государственных должностных лиц в России говорится на каждом шагу, в том числе и в коридорах власти, а в президентском Послании Федеральному Собранию в 1996 году даже жестко осуждаются промедление и нерешительность в борьбе с ней⁶¹, а с другой — пятый год откровенно тормозится, главным образом федеральными властями, принятие основополагающих антикоррупционных законов.

Объяснить указанный парадокс можно словами другого президента — Президента Уганды Мусевени, которые он произнес на открытии Конференции Африканского руководящего форума по проблемам коррупции, состоявшейся в Энтеббе в декабре 1994 года: "Реальная проблема заключается в том, что в Африке лица, призванные обеспечивать соблюдение законности, сами нуждаются в надзоре, и это явно представляет собой порочный круг. Если наше высшее руководство не имеет морального авторитета, весьма трудно искоренить коррупцию, а, к сожалению, именно наверху воровство происходит в подлинно крупных масштабах. Для борьбы с коррупцией на таком уровне морального воздействия недостаточно. Нам необходимы юридические санкции и обеспечение соблюдения законов о коррупции. Если такие санкции в отношении коррупции не существуют, они должны быть введены. Проблема... состоит в том, что коррумпированные руководители, являющиеся также законодателями, не принимают законы для борьбы с коррупцией, поскольку тем самым они создавали бы проблемы для самих себя"⁶². Аналогичные слова были сказаны Генеральным прокурором РФ Ю. Скуратовым: "Не исключено, что принятию закона о борьбе с коррупцией противодействовали именно те, кто мог стать первыми объектами его применения"^{62а} (табл. 8).

Таблица 8

Динамика некоторых коррупционных действий, совершенных всеми должностными лицами в России (1986—1996 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	Доля лиц	Динамика	Осуждено	Доля	Динамика
Должностные хищения (ст. 92 УК)						
1986	57 472	4,3	100,0	26 507	3,4	100,0
1987	57 662	4,9	100,3	15 593	2,7	58,8
1988	52 042	4,3	90,6	8 239	1,9	31,1
1989	47 623	2,9	82,9	6 902	1,6	26,0
1990	44 359	2,4	77,2	8 648	1,6	32,6
1991	40 364	1,9	70,2	9 749	1,6	36,8
1992	39 851	1,4	69,3	7 222	1,1	27,2
1993	37 306	1,3	64,9	8 070	1,0	30,4
1994	34 904	1,3	60,7	2 747	0,3	10,4
1995	35 460	1,3	61,7	-	-	-
1996	38 255	1,5	66,6	-	-	-
Взяточничество						
1986	6 562	0,5	100,0	3 454	0,4	100,0
1987	4 155	0,4	63,3	2 008	0,3	58,1
1988	2 464	0,2	37,5	812	0,2	23,5
1989	2 195	0,1	33,4	451	0,1	13,1
1990	2 691	0,1	41,0	649	0,1	18,8
1991	2 534	0,1	38,6	612	0,1	17,7
1992	3 331	0,1	50,8	686	0,1	19,9
1993	4 497	0,2	68,5	843	0,1	24,4
1994	4 919	0,2	75,0	1114	0,1	32,3
1995	4 889	0,2	74,5	-	-	-
1996	5 453	0,2	83,1	-	-	-
Злоупотребление служебным положением						
1986	4 830	0,4	100,0	-	-	-
1987	3 753	0,3	77,7	-	-	-
1988	2 801	0,2	58,0	-	-	-
1989	2 436	0,2	50,4	-	-	-
1990	2 505	0,1	51,9	-	-	-
1991	2 451	0,1	50,7	-	-	-
1992	2 662	0,1	55,1	-	-	-
1993	2 794	0,1	57,8	-	-	-
1994	3 240	0,1	67,1	225	0,02	-

Какой вывод можно сделать из анализа данной таблицы? Однозначный. Вся регистрируемая преступность за эти годы, несмотря на рост ее латентности, увеличилась в 2 раза. Мздоимство и казнокрадство стали в эти годы массовыми, а их учитываемая и осуждаемая части снижались. Должностные хищения, присвоения и растраты сократились практически вдвое, а судимость за них — почти в 10 раз. Аналогичные тенденции демонстрируют сведения о взяточничестве и должностных злоупотреблениях. По всем трем

видам деяний на одного осужденного приходится 11 зарегистрированных коррупционных преступлений, 15 злоупотреблений, 13 хищений, 5 взяточничеств.

Сведения о коррупции в системе государственной службы иные. Именно в этой сфере коррупция приобрела огромные размеры. И это не могло не отразиться на ее учете, хотя он и не отражает действительного положения дел в государстве (табл. 9).

Таблица 9

Борьба с коррупцией в системе госслужбы в 1993—1995 годы

Годы	Виды учета на лиц	Всего лиц	в том числе в органах:			
			госуправления	правоохранительных	госвласти	судебных
1993	Возбуждено дел	2469	1483	639	92	8
	Подлежат суду	2198	1356	566	69	3
	Направлено в суд	1191	754	293	23	2
	Связаны с организованной преступностью	772	466	112	23	-
	Нарушение указов Президента	1453	814	359	138	8
1994	Возбуждено дел	2678	1673	807	57	8
	Подлежат суду	2227	1367	730	48	3
	Направлено в суд	1319	842	397	27	-
	Связаны с организованной преступностью	595	370	184	17	-
	Нарушение указов Президента	944	486	374	53	7
1995	Возбуждено дел	3504	2323	960	120	4
	Подлежат суду	4893	3646	969	125	6
	Направлено в суд	1949	1257	576	72	2
	Связаны с организованной преступностью	1083	849	205	26	1
	Нарушение указов Президента	1093	652	385	14	3
1996	Возбуждено дел	3688	2625	857	117	8
	Подлежат суду	3017	2041	798	74	2
	Направлено в суд	2099	1457	522	46	-
	Связаны с организованной преступностью	828	528	259	11	-
	Нарушение указов Президента	903	469	286	77	1

Судя по приведенным данным, число возбужденных уголовных дел в отношении государственных должностных лиц за два последних года увеличилось на 42%, а лиц, подлежащих преданию

суду, — в 2,2 раза. Тогда как число лиц, уголовные дела на которых были направлены в суд, возросли лишь на 63,6%. В 1995 году, например, было возбуждено уголовных дел на 3504 человека, подлежало направлению в суд (с учетом дел за прошлые годы) — на 4893, а реально направлено в суд — на 1949 человек (39,8%). Число лиц, реально осужденных, исчисляется десятками, если не единицами. Их нельзя выделить из общего числа осужденных за должностные преступления, так как в судебной статистике государственные служащие отдельно не учитываются. Выявленный ущерб от коррумпирования государственных чиновников составил в 1993 году 65,5 млрд, в 1994 году — 71,7 млрд, а в 1995 году — 913,1 млрд. руб.

В числе коррупционеров из правоохранительных органов до 95% и более составляют работники органов внутренних дел. Это заставило МВД в конце 1995 года создать службу собственной безопасности в виде внутренней инспекции.

Таким образом, “ножницы” между тенденциями коррупционных действий и контролем за ними со стороны государства, по официальной статистике, особенно между фактической и реально осуждаемой коррупцией, составляют один-два порядка. Противники закона прямого действия о борьбе с коррупцией приводят подобные факты как аргумент: дело не в законе, а в бездействии органов правоохраны. В этом есть доля истины. Но это, однако, не означает, что способы современной коррупции охватываются традиционными формами взяточничества. Кроме того, сам факт торпедирования закона властями не может не сказаться на отношении правоохранительных органов к борьбе с коррупцией, которую они бессильны контролировать по отжившим канонам. Законы о государственной службе, борьбе с коррупцией и легализацией неправомерно нажитых средств существенно помогли бы борьбе за “чистые руки” государственных должностных лиц, как это делается в США, Франции, Японии, Италии, Великобритании и других странах, где руководствуются принципом: “основанием власти является ее авторитет”, тогда как в России власть считается основанием авторитета. Должностным лицам России можно было бы вспомнить известные слова: “...если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя”⁶³.

¹ Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М., Наука, 1991. С. 191—224.

² Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 131.

³ Организация деятельности информационных работников горрайорганов внутренних дел. М., ГИЦ МВД РФ, 1995. С. 88—119.

⁴ См., например: Филчев Н. Способ на извършване на престъплението. София, 1990.

⁵ Crime Trends and Criminal Justice Operations at the Regional and Interregional Levels. Results of the Third United Nations Survey of Crime Trends, Operations of Criminal Justice Systems and Crime Prevention Strategies. United Nations. New York, 1993. P. 11; Результаты Четвертого обзора ООН по вопросу о тенденциях в об-

ласти преступности и функционирования систем уголовного правосудия. Промежуточный доклад, подготовленный Секретариатом. А/CONF. 169/15. 20 Dec. 1994.

⁶ Sourcebook of Criminal Justice Statistics 1993. U. S. Department of Justice, Bureau of Justice Statistics. Washington, DS: USGPO, 1994. P. 246.

⁷ Цит. по: *Bennett G. Crimewerps. The Future of Crime in America.* Anchor Books. New York — London — Toronto — Sydney — Auckland, 1989. P. 136.

⁸ Финансовые известия. 1995. 21 февр.

⁹ Экономика: от спада к стабилизации. Доклад Министерства экономики Правительству РФ об итогах социально-экономического развития за пять месяцев // Российская газета. 1995. 6 июня.

¹⁰ Российская газета. 1995. 12 марта.

^{10a} Аргументы и факты. 1996. № 42.

^{10b} *Платон. Законы.* Сочинения в 3-х томах. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 219.

¹¹ *Ковалев В. Тернистый путь к правовому государству* // Российская газета. 1995. 31 мая.

¹² Российская газета. 1995. 14 апр. См. также: О состоянии финансового контроля в стране. По материалам заседания Правительства 25 мая 1995 г. и выступления на нем министра финансов В. Г. Панскова // Российская газета. 1995. 26 мая.

^{12a} Аргументы и факты. 1996. № 42.

¹³ *Буртин Ю. Две приватизации* // Новое время. 1994. № 20. С. 16—19.

¹⁴ *Переход к рынку. Концепция и программа.* М., 1990.

^{14a} *Элиты России о настоящем и будущем страны* М., 1996. С. 65.

¹⁵ За что Президент снял с работы А. Чубайса. Итоги проверки Счетной палаты // Российская газета. 1996. 21 февр.

¹⁶ *Коммерсант-Daily.* 1995. 24 марта.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 446; т. 27. С. 438—439.

¹⁸ *Шопенгауэр А. Свобода воли и основа морали.* СПб., 1896. С. 252.

¹⁹ *Вольтер.* Рассказ о смерти де Лабарра // Боги и люди. Т. 2. М., 1961. С. 4.

²⁰ *Profiles of Criminal Justice Systems in Europe and North America.* HEUNI, Helsinki, 1995. P. 22; *Organisation Internationale de police criminelle. Interpol. Statistiques criminelles internationales.* 1994.

²¹ *Crime Trends and Criminal Justice Operations at the Regional and Interregional Levels. Results of the Third United Nations Survey of Crime Trends, Operations of Criminal Justice Systems and Crime Prevention Strategies.* United Nations. New York, 1993. P. 11.

²² *Profiles of Criminal Justice...* P. 22; *Organisation Internationale de police criminelle. Interpol. Statistiques criminelles internationales.* 1994.

²³ Состояние и проблемы повышения надежности защиты объектов хранения материальных ценностей от преступных посягательств. М., МВД СССР, 1991.

²⁴ Российская газета. 1995. 4 нояб.

²⁵ Российская газета. 1995. 14 окт.

²⁶ *Сатерленд Эдвин Х.* Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. М., 1966. С. 45—59.

²⁷ Анализ изменений преступности в развитых капиталистических странах. 70—80-е годы. Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. № 134. М., 1991. С. 100.

²⁸ Sixth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. New York, 1981. P. 68—69.

²⁹ Седьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1986. С. 13.

^{29a} *Дементьева Е. Е.* Проблемы борьбы с экономической преступностью в зарубежных странах. Дисс. на соиск. уч. ст. к. ю. н. М., 1996. С. 30.

³⁰ Преступник и преступность. М., 1928. С. 76.

³¹ Закон ЦИК и СНК СССР “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности” от 7 августа 1932 г. // Советское законодательство. № 62. Ст. 360; Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества” от 4 июня 1947 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

³² Меры по борьбе с национальной и транснациональной экономической и организованной преступностью и роль уголовного права в охране окружающей среды: национальный и международный опыт. Рабочий документ, подготовленный секретариатом к Девятому конгрессу ООН. A/CONF. 165/5 30 March 1995. P. 4.

³³ Криминологические и правовые проблемы защиты экономической системы: тезисы выступлений на расширенном заседании координационного бюро по криминологии. Горький, 1989. С. 19.

³⁴ *Ларьков А. Н.* Проблемы предупреждения и расследования должностных преступлений в сфере экономики. Дисс. на соиск. уч. ст. д. ю. н. М., 1990. С. 21.

³⁵ Труд. 1995. 5 мая.

³⁶ *Скуратов Ю.* Диктатура закона не допустит к власти диктатора // Российская газета. 1966. 17 окт.

³⁷ Российская газета. 1996. 30 июля; 3, 20 и 28 авг.; 13 и 3 окт.

^{37a} Состояние правопорядка в России и результаты работы органов внутренних дел в 1993 году. М., МВД, 1994. С. 15—19.

³⁸ Постановление Госдумы “Об объявлении политической и экономической амнистии” от 23 февраля 1994 // Советская Россия. 1994. 26 февр.

³⁹ Постановление Съезда народных депутатов РФ “О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией” от 14 декабря 1992 г. // Российская газета. 1992. 17 дек.; Федеральная программа по усилению борьбы с преступностью на 1994—1995 годы, утвержденная Указом Президента РФ 24 мая 1994 г.

⁴⁰ Меры по борьбе с национальной и транснациональной экономической и организованной преступностью... Р. 11.

⁴¹ Итоги приватизации 1992—1994 гг. // Российская газета. 1994. 7 дек.; Блеск и нищета приватизации // Российская газета. 1994. 29 дек.; Краткая история приватизации в России // Столица. 1995. № 6; Уроки Гермеса // Российская газета. 1994. 22 окт.

⁴² Российская газета. 1996. 21 февр.

⁴³ Социально-правовые и криминологические проблемы борьбы со спекуляцией. М., МВД СССР, 1990. С. 5.

⁴⁴ Нильсон Ханс Дж. Уголовное право в условиях рыночной экономики // Сборник тезисов выступлений. Международная конференция "Право и европейское сотрудничество". Лондон, 1991.

⁴⁵ Matti Youtsen. Research on European Juvenile Delinquency // HEUNI Publication Series. 1987. № 7.

⁴⁶ Анализ изменений преступности в развитых капиталистических странах... С. 105.

⁴⁷ Uniform Crime Reporting Handbook. U. S. Department of Justice. Washington, D. C., 1984. P. 81.

⁴⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1996. 27 февр.

⁴⁹ Практические меры борьбы с коррупцией. Руководство, подготовленное Секретариатом ООН. A/CONF. 144/8. 29 May 1990. P. 4.

⁵⁰ International Review of Criminal Policy. No 41 and 42.

⁵¹ Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. New York, 1990. P. 150—153.

⁵² Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН. A/CONF. 169/14. 13 Apr. 1995; Опыт осуществления практических мер, направленных на борьбу с коррупцией государственных должностных лиц. A/CONF. 169/L. 20/Add. 3. 6 May 1995. Девятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Каир, Египет, 29 апреля — 8 мая 1995 года. A/CONF. 169/16. P. 78—83.

⁵³ Political corruption: A hand book / Ed. by Heldenheimer A. J. et. al. Oxford, 1989. P. 22.

⁵⁴ Справочный документ о международной борьбе с коррупцией... Р. 8.

^{54a} Фельгенгауер П. Торговля оружием в России // Сегодня. 1996. 27 сент.

⁵⁵ Recommendations on Bribery in International Business Transactions, adopted by the Organisation for Economic Co-operation and Development on 27 May 1994.

⁵⁶ Resolution No. 1 on civil, administrative and criminal aspects of corruption, adopted by the Council of Europe 19th Conference of European Ministers of Justice, held at Valletta in 1994.

⁵⁷ Crime and Corruption in Russia Briefing of Commission on Security and Co-operation in Europe. Washington, D. C., 1994; Corruption and Democracy. Political Institutions, Process and Corruption in Transition States in East-Central Europe and in the former Soviet Union. Budapest, Hungary, 1994.

⁵⁸ См., например: *Гальперин И.* Коррупция и юридическая ма-ниловщина // Известия. 1933. 25 мая.

^{58a} Проект Международного кодекса поведения государственных должностных лиц // Государство и право. 1996. № 8. С. 90.

⁵⁹ Состояние законности, борьбы с преступностью и коррупцией. Материалы научно-практической конференции. М., Академия МВД РФ, 1993; Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. Материалы научно-практической конференции. М., Академия МВД РФ, 1993; Обсуждение проблем коррупции // Государство и право. 1993. № 2.

^{59a} *Лунеев В. В.* Коррупция учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 90—91.

⁶⁰ Российская газета. 1966. 16 янв.

^{61a} Справка по результатам анализа оснований к отклонению Президентом РФ Федеральных законов “О борьбе с коррупцией” и «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР в связи с принятием Федерального закона “О борьбе с коррупцией”» // Организованная преступность—3. М., 1996. С. 338—347.

^{61b} *Макловский Я.* Особый список // Новая газета. 1996. 5—11 авг.

^{61b} Российская газета. 1997. 19 февр.

⁶¹ См.: Борьба с коррупцией не только по пятницам // Московские новости. 1992. 29 марта; Бригада быстрого реагирования на проявления коррупции // Известия. 1992. 24 марта; Коррупция // Советская Россия. 1993. 4 сент.; Коррупция — болезнь государственная // Известия. 1994. 5 февр.; Информация о работе Контрольного управления Администрации Президента РФ // Российская газета. 1994. 12 февр.; Выступление Президента РФ Б. Ельцина перед Федеральным Собранием // Российская газета. 1996. 24 февр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 1996. 27 февр.

⁶² Цит. по: Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН. A/CONF. 169/14. 13 Apr. 1995. P. 12.

^{62a} *Скуратов Ю.* Диктатура закона не допустит к власти диктатора // Российская газета. 1996. 17 окт.

⁶³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 63.

Глава 9

Организованная преступность

1. К пониманию организованной преступности

Понимание организованной преступности еще менее определено, чем насильственной, корыстной или экономической. В основе выделения организованной преступности из общего противоправного поведения лежат характер и степень организованного взаимодействия нескольких преступников между собой при осуществлении своей пролонгированной криминальной деятельности. Имен-

но деятельности, осуществляемой группой лиц в течение более или менее длительного времени, а не единичного группового деяния, хотя последнее нередко бывает началом сколачивания организованной преступной группы.

Феномен организованности касается не только и не столько совершения конкретных деяний, сколько становления самого преступного формирования, его существования и его криминальной деятельности. Совершение одинаковых или разных преступлений является относительно постоянным общим делом организованных между собой субъектов (групп), каждый из которых имеет свои функциональные обязанности, "права и полномочия". "Коза ностра" (итал. — "Наше дело") более или менее точно отражает суть организованной преступности.

Преступное дело представляет собой специфическую систему "производственных" отношений, и, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, оно требует адекватной организации. В связи с этим законодательство США даже рассматривает эти структуры в качестве незаконных деловых предприятий. Они создаются, как правило, по образцу соответствующих государственных и коммерческих структур, существующих в той или иной стране. И это делает организованную преступность производной от конкретного общества и государства, где она действует.

Социальная база организованной преступности и спектр ее возможностей в командной экономике социалистического общества в СССР были одни, в переходной экономике России и иных постсоветских государствах — другие, в странах старого капитализма — третьи. В "социалистическом" варианте организованная преступность, паразитировавшая главным образом на плановой экономике, была упрощенной и подчиненной бюрократии; в "переходном" — усложнилась, стала более разветвленной и автономной; в "капиталистическом" — фигурирует как сложная система самостоятельных специфических субъектов особых рыночных отношений. В строении организованной преступности находят также отражение сфера преступной деятельности, этнические, религиозные, национальные и иные традиционные особенности ее основного места пребывания.

Организованную преступность давно сравнивают со злокачественной опухолью. И это сравнение верно. Например, рак легкого, желудка, молочной железы, кожи, сохраняя свою "убийственную" суть, специфичен в каждом органе. И эта специфика предопределена строением клеток органа, так как злокачественная опухоль состоит не из абсолютно новых собственно раковых клеток, а из патологически измененных клеток заболевшего органа. Переносясь по лимфатическим путям, они обуславливают новые раковые образования (метастазы) в других органах, но уже со свойственным им морфологическим своеобразием. Аналогична этиология и организованной преступности.

Сказанного может быть вполне достаточно для уяснения социальной (антисоциальной) сути организованной преступности. Но

в этих суждениях нет никаких криминологических или уголовно-правовых критериев рассматриваемого вида преступного поведения.

Его необходимо как-то выделить и обозначить. Начнем с простого, с примерного перечня преступлений, которые бы следовало отнести к организованным. И. И. Карпец, например, так и считал, что нужно «прямо перечислить статьи закона, наиболее характерные для организованной преступности (хищения, кражи, злоупотребление наркотиками, контрабанда, бандитизм, разбой, вымогательство и др.), и тем самым исключить расширительное толкование понятия «организационная деятельность»¹. Такой казуистический подход использовался в уголовном законодательстве при определении тяжких преступлений, особо опасного рецидивиста и т. д. Но он, к сожалению, мало пригоден при определении организованной преступности, ибо такого перечня нет. А если его изобрести, то его придется непрерывно дополнять. Организованная преступность постоянно и целенаправленно ищет высокодоходные и малорискованные преступные деяния. Поэтому можно перечислить почти все преступления, предусмотренные в уголовных кодексах различных стран, совершение которых может стать «делом» организованных преступников: одни (торговля наркотиками, оружием...) как основная целевая деятельность, другие (убийства, террор...) как способ устранения конкурентов, третьи (подкуп, коррупция...) как форма самозащиты от разоблачения, четвертые (неуплата налогов, отмывание денег...) как спасение преступного капитала, пятые (создание фиктивных предприятий...) как метод легализации своей деятельности и т. д. и т. п.

Определив совершение каких-либо преступлений своим основным делом, организованные преступники не могут объективно и субъективно остановиться перед любым другим деянием, дающим им шанс процветания, выживания или спасения. В связи с этим их криминальная деятельность со временем генерализуется. Поэтому перечислить все совершаемые ими преступления априори невозможно. Их относительно полный перечень можно составить лишь постфактум, как результат учета за определенный период и на определенной территории.

Обратимся к регистрации преступлений. Организованная преступность в «социалистической» форме в СССР существовала давно², но она могла проходить по учету лишь как групповая преступность. Впервые о специальном учете организованной преступности заговорили в конце 80-х годов. Первые данные были получены в 1989 году. Этот учет включал в себя перечень общеуголовных преступлений, которые совершались организованными группами: умышленное убийство, изнасилование, умышленное тяжкое телесное повреждение, кражу, грабеж, разбой, мошенничество, вымогательство, преступления, связанные с оружием, взрывчатыми и наркотическими веществами, похищение детей, нарушение правил о валютных операциях, должностные хищения, взяточничество, контрабанда и др. Такие сведения важны и продолжают собирать-

ся в России, но они тоже не приближают нас к криминологическому и уголовно-правовому пониманию организованной преступности, ибо все эти деяния совершаются как организованными, так и неорганизованными преступниками.

Одним из важных, но также статистически относительных признаков организованной преступности может быть характер повторно или продолжительно совершаемых преступлений, являющихся основной целевой деятельностью организованных преступников. Известно, например, что главной задачей их является извлечение прибыли и сверхприбыли. В некоторых международных документах она даже называется "преступностью в форме бизнеса". Поэтому корыстные преступления могут быть главными, а все остальные, какими бы опасными они не были, — побочными, направленными лишь на обеспечение решения основной задачи. Даже проникновение во власть, тайный или открытый захват ее в государстве или регионе чаще всего подчинены той самой главной задаче.

Корыстные криминальные формы целевой организованно-преступной деятельности также множественны и разнообразны. Они меняются в связи с открывающимися и закрывающимися возможностями в той или иной стране, регионе, мире. Например, в 1993—1994 годы в России организованная преступность широко использовала фальшивые авизо, обман вкладчиков, ваучерную приватизацию госсобственности и другие, как будто бы специально для нее открытые каналы обогащения. В 1995—1996 годы эти пути стали как-то перекрываться и она переходит на биржевые спекуляции, наркобизнес, денежную приватизацию, уничтожение конкурентов и т. д. Но и в том и в другом случае ведущей остается жажда прибыли.

Используя доминирующую мотивацию организованной преступности, ООН в 1992 году в дополнение к вопроснику Четвертого обзора о тенденциях преступности запросила сведения о 14 видах транснациональных организованных преступлений: отмывание денег, террористическая деятельность, кража произведений искусства и культуры, кража интеллектуальной собственности, незаконная торговля оружием, захват воздушных судов, морское пиратство, захват наземных транспортных средств, мошенничество, компьютерные преступления, экологические преступления, торговля людьми, торговля человеческими органами, незаконный оборот наркотиков. Этот перечень был дополнен в Неаполе на Всемирной конференции по организованной преступности в ноябре 1994 года незаконными азартными играми, тайным провозом незаконных мигрантов, вымогательством, незаконной торговлей радиоактивными материалами, незаконной торговлей вымирающими видами, транснациональной кражей автомобилей и др.³

Приведенный список превалирующих криминальных форм дает некоторые представления о примерной совокупности традиционных составов преступлений, совершаемых организованной преступностью, и тех из них, которые могут составлять ее основное прибыльное национальное и транснациональное дело. **Корысть прак-**

тически оказалась их **общим родовым признаком и стновым хребтом** организованной преступности в целом. Не случайно считается, что мафия ничего не делает бескорыстно. Но это тоже не является только ее особенностью.

Основным и практически единственным группировочным признаком рассматриваемых деяний является **криминальная организованность**. И было бы очень важно найти ее более или менее точные критерии, позволяющие квалифицировать организованную преступность и дифференцировать ее образования от случайных ситуативных групп, совершающих отдельные преступления по предварительному сговору.

Исходя из этой посылки, есть основания в данном виде преступности отметить самый или наиболее высокий уровень криминального формирования, напоминающего традиционные корпоративные объединения. И это, как правило, так. Но из правила есть исключения. Будучи сложным, разноплановым и нередко стихийно складывающимся образованием, организованная преступность может иметь разные уровни структурирования и организации, если рассматривать ее в процессе становления, идущего от случайной группы до четкой преступной организации, или, если исследовать ее структуру по функционированию группировки, в которой могут быть сплоченное ядро высокоорганизованных преступников и обслуживающие его аморфные образования, находящиеся на различных стадиях организованности.

Есть даже мнение, что "в основном организованные преступные группировки не имеют строго определенной структуры, отличаются гибкостью и быстрой адаптируемостью. Фактически... подлинная сила и эффективность организованной преступности обусловлены именно их аморфностью. В отличие от оформленных корпоративных структур, организованная преступность скорее напоминает сеть социальных связей в обществе"⁴. Этот взгляд разделяют и составители справочного документа ООН. Они полагают, что для лучшего понимания криминальных структур их следует рассматривать не с точки зрения их законченного организационного оформления, а с точки зрения непрерывного превращения малых групп в крупные и гибких организаций одной сети в бюрократические образования⁵. Таким образом, и этот важнейший признак не абсолютен.

Целесообразнее всего рассматривать организованную преступность как совокупность хотя и относительных, но взаимосвязанных характеристик, в структуре которых организованность, естественно, является главной. С этой точки зрения под организованными преступными формированиями можно понимать устойчивое объединение лиц, в котором имеются (или формируются):

- организатор (руководитель, главарь, пахан, крестный отец) или руководящее ядро;
- определенная иерархическая структура, отделяющая руководство от непосредственных исполнителей;

— более или менее четкое распределение ролей (функций), которые реализуются при выполнении конкретных заданий, обязанностей или в ролевом “должностном” поведении;

— жесткая дисциплина с беспрекословным подчинением по вертикали, основанная на собственных законах и нормах, в том числе и на законе молчания;

— система жестких наказаний, вплоть до физического устранения “вероотступников”;

— финансовая база (общак) для решения “общих” задач;

— сбор информации о выгодных и безопасных направлениях преступной деятельности;

— нейтрализация и возможное коррумпирование правоохранительных и иных государственных органов для получения необходимой информации, помощи и защиты;

— профессиональное использование основных государственных и социально-экономических институтов, действующих в стране и мире в целях создания внешней законности своей преступной деятельности;

— распространение устрашающих слухов о своем могуществе, которое приносит преступным организациям больше пользы, чем вреда, так как они деморализуют свидетелей, потерпевших, сотрудников СМИ, правоохранительных органов и поддерживают преступный дух рядовых исполнителей;

— создание такой структуры управления, которая избавляет руководителей от необходимости непосредственной организации или совершения конкретных преступлений. И это всем выгодно: руководители избегают ответственности, а привлечение к ней рядовых исполнителей не разрушает организацию и дает ей возможность оказать “потерпевшим” необходимую помощь;

— совершение любых преступлений при доминирующей мотивации достижения корыстной цели и контроля в какой-то сфере или на какой-то территории для той же наживы и безопасности.

Перечисленные признаки могут проявляться в разной степени, а в некоторых образованиях отдельные из них могут отсутствовать совсем, но собирательно они отражают реальную характеристику организованной преступности. Они были предложены мной еще в конце 80-х годов⁶, и нет оснований от них отказываться.

Статистически многие из этих признаков могут вполне улавливаться, если учитывать преступления, совершенные организованными преступниками. На этой базе можно отслеживать общее количество выявленных организованных групп, их криминальную направленность, длительность существования, уровень сплоченности, характер управления, географию преступной деятельности, наличие коррумпированных связей и др.

При оценке получаемых данных надо иметь в виду, что их установление возможно лишь по раскрытым преступлениям. Большая же часть преступлений, совершенных организованными преступниками, не только не раскрывается, но и не устанавливается и не регистрируется. Можно, например, полагать, что убийства Хо-

лодова, Листьева, Поляничко, Кевелиди и многих других известных лиц в России совершены организованными преступниками, но это не более как следственная версия. При всей опасности названных убийств они могут быть лишь пеной на беспрецедентной экономической и корыстной преступности. Но это только догадки. Поэтому статистика организованной преступности в России не только неполна, но и искажена, так как наиболее умная, организованная, законспирированная, коррумпированная, а следовательно, и более опасная часть мафиозных структур “уходит” из-под контроля правоохранительных органов. Попадаются примитивно организованные группы, совершающие элементарные деяния: кражи, грабежи, разбои, вымогательство, убийства и т. д. Статистический сдвиг к этой части организованной преступности упрощает и деформирует представление о ней в целом и затрудняет осознание обществом реальных вызовов организованной преступности.

Самый большой недостаток получаемых сведений заключался в отсутствии четкого правового критерия организованных формирований. Для внутреннего пользования его некоторые признаки были разработаны органами внутренних дел в аналитических целях, а затем на основе законодательного термина “организованная преступная группа”, введенного в 1994 году в ряд статей УК 1960 года в качестве квалифицирующего признака иотягчающего обстоятельства. Законодательной расшифровки этого термина не было, а организованная преступность не сводилась к такой группе иотягчающему обстоятельству. Сложился заколдованный круг: для законодательного определения организованной преступности были бы желательны статистические и иные фактические подтверждения, а для получения последних нужны строгие правовые критерии их отбора.

Милиция на местах, не дотягиваясь до настоящей организованной преступности, в целях показа своей значимости может относиться к ней любые групповые деяния. Показуха не только наша болезнь. Р. Кларк, бывший министр юстиции США, задает риторический вопрос: “Сколько усилий сотрудников правоприменительных органов потрачено на преследование мелких громил, для того чтобы какой-нибудь районный атторней, или начальник полиции, или федеральный орган мог создать себе соответствующую репутацию”⁷. В нашей стране показушный подход был государственной политикой, и мы от него пока до конца не избавились. В силу сказанного истинная организованная преступность и в этом плане “вырывается” из-под контроля общества, чем не без успеха пользуется: организованных групп вскрываются тысячи, а борьбы с реальной организованной преступностью нет.

Таким образом, понятие организованной преступности до сих пор остается источником споров и разногласий в мировой и особенно в отечественной криминологической и уголовно-правовой литературе⁸. С этим можно было бы смириться, если бы научно-правовая неопределенность не отражалась на борьбе с этим страшным явлением современности, особенно в нашей стране и особенно в последние годы.

2. Проблемы криминализации организационной деятельности

В условиях тотального контроля с мафиозными предприятиями (если они не были учреждены самой КПСС или ее вельможными представителями) как-то справлялись. Во время перестройки они стали заполнять новые экономические и политические ниши. В июле 1988 года в "Литературной газете" был опубликован диалог А. Гурова и Ю. Щекотихина "Лев прыгнул!"⁹, громко известивший о "прыжке" организованной преступности в СССР. Два месяца спустя в подборке откликов на него один из знающих дело заключенных писал: "Лев действительно прыгнул, но обойма вашего (читай: государственного) пистолета на этот раз оказалась пуста"¹⁰. И это было и остается горькой правдой.

В Государственной Думе в 1995 году находились три проекта Федерального закона "О борьбе с организованной преступностью", два из которых были опубликованы¹¹. Не вникая в их различия, все они, в том числе и обобщенный вариант, принятый Думой в июле и отклоненный в октябре 1995 года Советом Федерации "ввиду неприемлемости отдельных положений"¹², определяют организованную преступность как создание организованных преступных формирований трех уровней (преступных групп, преступных организаций и преступных сообществ) и их преступную деятельность. В проекте предусматривается уголовная ответственность за создание преступной организации и преступного сообщества, руководство ими и участие в них, другие специальные составы преступлений, связанные с организованной преступностью, особенности некоторых уголовно-правовых институтов, а также система органов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью, их особая компетенция, оперативно-розыскные меры и другие важные вопросы, которые принципиально не расходятся с международными рекомендациями.

22 ноября 1995 г. Федеральный закон "О борьбе с организованной преступностью" был вновь принят Государственной Думой и 9 декабря одобрен Советом Федерации, но 22 декабря вновь отклонен Президентом Российской Федерации по мотивам возможного нарушения прав человека при его применении.

В том же июле 1995 года Государственной Думой был принят новый уголовный кодекс. Судя по опубликованному проекту УК¹³, составители кодекса вначале не разделяли предложений о криминализации организационной деятельности в целях борьбы с организованной преступностью, но под давлением реалий и общественного мнения вынуждены были их учесть, хотя и в усеченно-фрагментарном виде. Однако и этот проект стал законом после повторного прохождения в Федеральном Собрании лишь в июне 1996 года.

Итак, почти после десятилетних споров ученых, практиков и законодателей в Общей части УК (ст. 35) были впервые сформулированы понятия организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), а в Особенной части (ст. 210) кримина-

лизированы создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Уголовная ответственность также предусмотрена за участие в преступном сообществе (преступной организации) либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп. Квалифицирующим составом является совершение тех же деяний лицом с использованием своего служебного положения.

Кроме этого, в 64 статьях Особенной части совершение преступления организованной группой предусмотрено в качестве квалифицирующих составов, а при привлечении к уголовной ответственности по другим статьям, согласно ст. 63, п. "в", — в качестве отягчающего обстоятельства. Еще в пяти статьях (ст. 208 — организация незаконного вооруженного формирования и участие в ней; ст. 209 — банда; ст. 232 — организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ; ст. 239 — организация объединения, посягающего на личность и права граждан; ст. 241 — организация или содержание притонов для занятия проституцией) предусмотрена уголовная ответственность за специфическую организационную деятельность.

Сопоставление "замороженного" проекта закона "О борьбе с организованной преступностью" и норм УК 1996 года об ответственности за организационную деятельность свидетельствует о существенных различиях, но их анализ не входит в нашу задачу. Важно отметить другое: факт выхода законодателя на нормы о борьбе с организованной преступностью, что является движением в реалистическом направлении, позволяет рассматривать организованную преступность на основе права. Только в этом случае можно бороться с ней, только в этом случае возможно ее более или менее адекватное статистическое отслеживание, только в этом случае можно приблизиться к ее реальному пониманию, осознанию и дальнейшему совершенствованию этой борьбы.

Непростительно медленное осознание опасностей организованной преступности в России является одним из доказательств хронического отставания уголовно-правового контроля от криминальных реалий. Аналогичные процессы происходили и в других странах, но их законодатели и разработчики были более реалистичными и мобильными. В Италии, где опасность организованной преступности давно адекватно осознана, среди криминологов бытует выражение: "Подобно тому как мафия или является ассоциацией, или ее нет вообще, так и борьба с мафией — это или борьба с ее ассоциативной структурой, или борьбы нет"¹⁴. Но эта простая истина оказалась трудной для многих отечественных криминалистов.

С момента открытого объявления о "прыжке" организованной преступности прошло восемь лет. Отечественная мафия "блестя-

ще" использовала правовой вакуум, укрепилась внутри страны и за ее пределами. А российские специалисты уголовного права, процесса и криминологии вместе с законодателями и политиками только что пришли к соглашению о борьбе с ней. Разноречий было много, но я остановлюсь лишь на одном, как мне кажется, главном: можно или нет было бороться с организованной преступностью на основе уголовного и процессуального законодательства 60-х годов.

Одни считали, можно. Опираясь на теорию классической школы уголовного права XVIII века, симпатии к романтической демократии и антипатии к низким социологическим и статистическим реалиям, они полагали, что организованная преступность в значительной мере является выдумкой беспомощных правоохранительных органов, которые, не умея ловить преступников, требуют для себя специальных законов и особых полномочий, что все преступления, совершаемые организованной преступностью, были предусмотрены в действующем уголовном законодательстве, что институт соучастия позволял привлечь к уголовной ответственности и организаторов, что криминализация организационной деятельности является ненужной и опасной.

Другие доказывали, что нельзя, так как при любой работе правоохранительных органов от уголовной ответственности уходят организаторы и руководители преступных сообществ, которые, "чтя уголовный кодекс", стремятся непосредственно не совершать и не организовывать конкретных преступлений, предусмотренных в действующем законодательстве. Правоохранительные органы о многих из них знают, но привлечь их к уголовной ответственности не могут, так как составов преступлений за создание преступных группировок и руководство ими не было. Крестные отцы таким образом выпадали из института соучастия, в связи с чем преступные сообщества не теряли управляемости, обладали исключительной жизнеспособностью и свойством быстрого восстановления потерь "шестерок". Число квалифицированных маргиналов из Вооруженных Сил, правоохранительных органов и спортивных обществ растет, и некоторые из них вынуждены идти на работу к мафии.

Глубокого аналитического обсуждения противоположных позиций так и не получилось, хотя было много "круглых столов", семинаров, публикаций и исследований¹⁵. Криминологическая ассоциация предпринимала серьезные попытки открыто обсудить эту проблему¹⁶. Их оппоненты чаще всего уходили от ее серьезного обсуждения, ссылаясь на то, что организованная преступность — проблема якобы криминологическая, а не уголовно-правовая. И это, пожалуй, был самый мягкий и дипломатичный аргумент. В устных выступлениях звучало и другое. Криминологов упрекали в недемократичности и незнании элементарных канонов уголовного права, которые преподносились как незыблемые и богом данные заповеди.

И. М. Гальперин назвал мифом "недостаточность" действующего законодательства в борьбе с организованной преступностью и не допускал возможности отделения организационной деятель-

ности руководителей преступного формирования от совершения конкретных преступлений конкретными организаторами и исполнителями¹⁷.

А. В. Наумов, рецензируя материалы одного из “круглых столов” по организованной преступности, в которых были и сомнительные предложения, отстаивал примерно ту же позицию, дополнив ее аргументацию печальным опытом прошлого, в частности высказываниями А. Я. Вышинского об общей преступной деятельности и соучастии в широком смысле слова: “Участие в группе, осуществляющей преступное действие, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если сам он к этим преступным действиям непосредственного отношения не имел и согласия на их совершение не давал... Участник преступной группы должен быть признан ответственным за всякое конкретное преступление, если оно вытекает из общей преступной деятельности”. Приведя эту цитату, Наумов пишет: “Вот он — ключ к решению проблемы — “общая преступная деятельность”. Преступлений как таковых может и не быть, а “деятельность” будет”¹⁸. И этот аргумент автор использует для критики предложений о криминализации организационной деятельности. Аналогичные доказательства приводились и при отклонении закона о борьбе с организованной преступностью.

К этому нельзя не прислушаться, но взгляды поглубже в аргументацию. Во-первых, наивно полагать, что сталинские репрессии определялись уголовным законом или речами Вышинского. Все было наоборот. Во-вторых, высказывания Вышинского не имеют прямого отношения к сути предложений криминологов. Введение конкретной уголовной ответственности за создание преступной организации, руководство ею и участие в ней не имеют ничего схожего с “общей преступной деятельностью” или с ответственностью за “чужую вину”, как говорили другие оппоненты. Каждый организатор, руководитель или участник преступного формирования и конкретные организаторы и исполнители других преступлений несут ответственность за свои действия в рамках субъективного вменения и действующего института соучастия.

Сказанное, однако, не принималось во внимание. Поэтому вот уже десять лет одни пугают общество наглежащей мафией, а другие — возможным возвращением 1937 года. Ни то, ни другое к пониманию реальной организованной преступности, к криминологической и уголовно-правовой науке не имеет серьезного отношения.

Противников криминализации организационной преступной деятельности оказалось больше, чем публикаций об этом. Многие из них являются видными учеными. Письменно или устно они демонстрировали приверженность и лояльность к новой демократической идеологии и боязнь возврата к прошлому. На памяти некоторых из них результаты применения ст. 58-11 УК РСФСР 1926 года и ныне бездействующей, но не исключенной ст. 72 УК РСФСР 1960 года об уголовной ответственности за организационную деятельность, направленную на совершение особо опасных преступ-

лений, а равно участие в антисоветской организации. Хотя в принципе криминализация организационной деятельности не является новшеством и для общеуголовных деяний.

Кроме ст. 72 в УК 1960 года были еще семь статей, предусматривающих уголовную ответственность за организацию преступных образований и участие в них: банд (ст. 77), преступных группировок в ИТУ (77¹), незаконных вооруженных формирований (77²), массовых беспорядков (79), объединений, посягающих на личность и права граждан (143¹), азартных игр (208¹), притонов (226¹). Президент Российской Федерации вносил проект об уголовной ответственности за организацию фашистских объединений и групп (74²). Попутно заметим, что абсолютное большинство перечисленных статей имеют значки, свидетельствующие о том, что эти нормы были внесены позже принятия УК. И, как правило, не случайно. Жизнь заставила.

Ученые западных стран, объективно, а не мифологически представляющие демократию и не по газетам знающие организованную преступность в своих странах, не разделяют позицию либерального отношения к организованной преступности и прямо писали, что в России нет необходимого законодательства для борьбы с этим явлением. Американец С. Хендельман, например, полагал, что теневая экономика и всепроникающая коррупция в СССР создавали благоприятную почву для организованной преступности, но ее развитие сдерживалось партийным и государственным контролем. Крах КПСС и Советского государства разрушил систему социального контроля и систему уголовного правосудия. Новые условия, для которых характерны практически полное отсутствие законов о борьбе с организованной преступностью и низкая эффективность экономической системы, стали благоприятной средой для развития организованной преступности. Для перехода к рыночной экономике не было также разработано четкой системы регулирования. Российская Федерация приступила к созданию рынка свободной торговли, не имея законодательных норм и положений, необходимых для обеспечения его целостности, действенности и эффективности¹⁹.

Уголовное законодательство, на мой взгляд, должно быть прагматичным. Оно не выполнит своего назначения в современном динамично меняющемся мире, если его догматизировать или политизировать. Прагматизм и здравый смысл трудно приживаются в российской социальной и юридической науке и практике. Поверхностное представление о действительном социально-правовом контроле, на котором держится демократия развитых стран, неспособность законодательных, исполнительных и судебных властей в России учредить и поддерживать правовой порядок способствовали образованию в нашей действительности беспрецедентной "предпринимательской" ниши, где интенсивно формируется новая криминальная элита, для которой руководство и управление преступной средой стали высокоприбыльной и абсолютно безопасной (если не считать внутренних разборок) сферой приложения своих интеллектуальных и профессиональных способностей.

Между социологическими и криминологическими данными, с одной стороны, и уголовным правом (законодательством) — с другой, если они не идеологизированы, не политизированы и не догматизированы, не может быть непримиримых противоречий. Когда социология и криминология, объективно (!) отражая реальность, свидетельствуют о каком-то новом общественно опасном явлении, которое не контролируется действующим законодательством и не вписывается в привычные уголовно-правовые схемы, то прагматическая уголовно-правовая наука и законодатель, если они действительно озабочены общественной безопасностью, на вызовы криминальной реальности должны адекватно, своевременно и цивилизованно реагировать. Давно известно, что правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа. Они коренятся в материальных жизненных отношениях²⁰. Уголовно-правовой догматизм и консерватизм полезны лишь в рамках объективно отражаемой ими общественно опасной реальности.

Но если наука, в данном случае уголовно-правовая, отдалается от эмпирически установленных фактов и начинает “развиваться” в автономном режиме, апеллируя не к действительной, а только к писаной реальности (законам, комментариям, сочинениям), то она с неизбежностью попадает в мир абстрактных понятий и представлений, которые могут быть изящны и притягательны (как коммунизм в XIX в.), но утопичны, непрактичны и даже вредны. В этом вопросе, видимо, можно вспомнить слова А. С. Пушкина: “Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман”²¹.

Директор ФБР США Луис Дж. Фри, побывавший в Москве в июле 1994 года, сказал, что Россия очень быстро осознала опасность организованной преступности, на что Америке понадобилось 50 лет. Так ли это?

Организованная преступность в США в 20—60-е годы развивалась и приобретала опыт намного медленнее, чем это делается сейчас. Но в это время в стране уже действовали законы о борьбе с racketeering (1946 г.), о контроле над наркотиками (1956 г.), о контроле над преступностью и безопасности на улицах (1968 г.), ответственность за неуплату налогов, которые прямо или косвенно были направлены на борьбу с организованной преступностью. Шло относительно быстрое осознание новых опасностей американцами. В 1970 году это осознание генерализировалось. Был создан Национальный совет по организованной преступности и принят закон о контроле над ней. Цель закона, сформулированная в его введении, состояла “в попытке искоренения организованной преступности в Соединенных Штатах путем усиления правовых средств в процессе сбора доказательств, путем установления новых уголовных запретов и применения усиленных санкций и новых мер правовой защиты для борьбы с незаконными действиями тех, кто занимается организованной преступностью”.

Тогдашний Президент США Р. Никсон определил: “Организованная преступность в США имеет три цели: эксплуатацию, кор-

рупцию и уничтожение. То, что она не может эксплуатировать непосредственно, подвергается коррупции; то, что непосредственно не поддается коррупции, подвергается уничтожению»²². Он призывал ликвидировать ее, как злокачественную опухоль. Не получилось. Следующим шагом было принятие закона о постоянно действующем преступном предприятии (ССЕ), который был направлен против лиц, участвующих в крупномасштабной торговле наркотиками (1970 г.).

Судебное толкование Конституции США не разрешало законодательному органу запрещать само членство в какой-либо организационной структуре. Криминальная реальность заставила искать адекватные меры на вызовы времени в рамках Конституции. И они были найдены в законе 1978 года о рзкетированных и коррумпируемых организациях (RICO), где в качестве преступления рассматривается участие какого-либо лица в делах предприятия в форме рзкетирской деятельности, а сама она в упомянутом законе охватывает практически все виды серьезной преступной деятельности, запрещенной федеральными законами и законами штатов. В той или иной мере борьбы с организованной преступностью касаются законы о всестороннем контроле над преступностью (1984 г.), об ответственности об отмывании денег (1986 г.), о борьбе со злоупотреблением наркотиками и контроле над ними (1987 г.), о контроле над насильственной преступностью (1994 г.) и др.

В дополнение к этим законам в уголовном законодательстве США с 1909 года (с уточнением в 1948 г.) действуют нормы об общем преступном сговоре и о сговоре с целью занятия торговлей наркотиками. Американская концепция сговора преступной организации была положена, например, в основу Нюрнбергского процесса. Ее автор Меррей С. Бернэйс писал, что, если руководствоваться «ранее действовавшими понятиями и процессуальными нормами, мы никогда не сможем арестовать и осудить не только всех важных преступников стран оси, но даже сколько-нибудь значительное их количество»²³. Беспрецедентная концепция сговора преступной организации, обставленная юридическими гарантиями, после продолжительных споров союзников была принята. И это послужило правовым выходом из очень сложной международной ситуации.

Итальянские законодатели вынуждены были с еще большей жесткостью реагировать на распространение организованной преступности. С 1956 по 1990 год ими было принято 16 законодательных актов по контролю над мафией, в том числе и криминализирующие сговор с намерением заниматься незаконной торговлей наркотиками. Однако вследствие некоторых особенностей, присущих обычаям и традициям итальянской мафии (закон умолчания и др.), стало практически невозможно доказывать факт сговора. Тогда Италия вынуждена была принять в 1982 году закон, предусматривающий, кроме ранее действующей ст. 416 (группировка для совершения преступления), новый состав преступления (ст. 416 bis — группировка мафиозного типа). По этим статьям само участие в

преступной группировке в количестве трех и более человек является криминальным.

Уголовная ответственность по ст. 416 bis несут те, кто предлагает, учреждает или организует группировку.

Группировка является объединением мафиозного типа, когда те, кто в ней участвует, насильно используют требования группового обязательства, условия подчинения и круговой поруки для совершения преступлений, для захвата прямым или косвенным путем руководства или, во всяком случае, контроля над экономической деятельностью, над концессиями, полномочиями, подрядами и общественными службами и для получения незаконных доходов или выгод для себя и других. В статье также решены вопросы вооруженности группировки, ее криминальной экономической деятельности и др.

Эти нормы УК были ужесточены Указом от 13 ноября 1990 г. № 324 "О срочных мероприятиях по борьбе с организованной преступностью и об улучшении деятельности администрации", а 20 января 1992 г. Закон № 8 внес ряд серьезных изменений в уголовно-процессуальное законодательство в целях более эффективной борьбы с организованной преступностью.

В 1982 году был принят также Закон Ла Торре, предусматривающий административные преграды для контролируемых мафией фирм и разрешающий арест всего их имущества, если контрольный пакет акций принадлежит лицу, входившему в преступную организацию. Конфискация незаконно приобретенного имущества при помощи мер, выходящих за рамки уголовного процесса, есть в США и даже в Англии, где соблюдение и охрана прав человека традиционно находятся на высоком уровне²⁴.

В УК Германии 1871 года в редакции 1987 года значатся четыре параграфа, предусматривающих уголовную ответственность за организационную деятельность: за нарушение запрета на объединение (§ 85), создание вооруженных групп (§ 128), создание преступных сообществ (§ 129), создание террористических сообществ (§ 129а). Аналогичные нормы имеются в УК Франции 1992 года: образование боевых групп, объединений и участие в них (ст. 431¹³—431¹⁵), образование объединений преступников и участие в них (ст. 450¹—450³) и др.

Анализируемые нормы в разных странах по своему содержанию примерно схожи — наказывается организационная деятельность, направленная на совершение преступлений. Вместе с тем имеется множество национальных особенностей. УК Германии, например, не допускает распространения § 129 на политические партии, если они не были признаны федеральным законом антиконституционными. Во французском и итальянском уголовном законодательстве таких прямых запретов нет, хотя судебная практика аналогична. Во Франции для привлечения к уголовной ответственности за организацию объединений преступников необходимы один или несколько фактов, одно или несколько преступлений (проступков), наказуемых десятью годами тюремного

заклучения. Тогда как в итальянском и немецком УК таких условий нет. Некоторые особенности можно рассматривать как плюсы или минусы законодательной технологии. Идеальных законов, к сожалению, нет. Еще до нашей эры было сказано: "Nulla lex satis commoda omnibus est" ("Нет такого закона, который был бы удобен для всех"). А раз неудобен, значит не идеален. В нашей еще далекой от демократии стране предложение таких норм в начале 90-х годов вызвало бурю демократической критики. И к ней есть основания. Один из "убийственных" и часто употребляемых ныне аргументов был таков: мы возвращаемся к тоталитаризму. Но эти нормы, как мы убедились, действуют в странах с давней развитой демократией и являются реальным компромиссом между свободой и необходимостью в критических криминальных условиях.

Можно не сомневаться, что итальянские законодатели хорошо знают классическую теорию уголовного права, разработанную их соотечественником Ч. Беккариа, но они перед лицом тяжелых криминологических реалий не стали возводить ее в ранг незыблемых заповедей. Они ищут и принимают адекватные цивилизованные меры в рамках выработанных историей важнейших принципов уголовного права и правосудия. А мы, как и в советское время, руководствовались не здравым смыслом, опытом других стран и международными рекомендациями, а новой идеальной идеологией.

На международной конференции "Mafia che fare?" ("Мафия, что делать?"), проходившей в Палермо (Сицилия) 10—12 декабря 1992 г., итальянские законодатели передали нашим участникам полную подшивку законов, декретов и ордонансов Президента, направленных на борьбу с мафией²⁵, которые были переведены на русский язык еще Верховным Советом РСФСР, но они остались невостребованными.

Мировое сообщество, однако, более практично. В справочном документе ООН к Всемирной конференции по организованной преступности говорится: "Правоохранительные органы, прокуроры и судьи полагают, что с признанием участия в деятельности какой-либо преступной организации конкретным преступлением они получили мощное средство для борьбы с преступными организациями. Многочисленные обвинительные акты, вынесенные в США на основе закона RICO, и положительные результаты применения ст. 416 bis УК Италии позволяют предположить, что распространение этих категорий на другое внутригосударственное законодательство может принести определенные преимущества"²⁶.

В выводах упомянутой конференции (п. 96) указывается: "В области материального права усилия по борьбе с организованной транснациональной преступностью можно было бы существенно подкрепить реформами законодательства при уделении особого внимания следующим вопросам: а) введение уголовных наказаний за участие в преступной организации; б) введение уголовных наказаний за сговор или аналогичные формы несостоявшихся преступлений; в) введение запрета на отмывание доходов от преступной деятельности; д) принятие санкций и других мер конфискации то-

варов и мер, препятствующих сокрытию незаконных доходов, с целью подрыва экономического могущества преступных организаций²⁷.

В связи с ростом организованной преступности в последнюю четверть века в мире складывается устойчивая тенденция формирования нового адекватного уголовного законодательства, отвечающего на вызовы времени, согласно которому само участие (создание, управление, руководство) в организованном преступном сообществе стало считаться преступлением²⁸.

Обо всем этом на основе отечественных исследований и мировых сопоставлений российские криминологи начали говорить практически около десяти лет назад. Но, видимо, прав был Гегель, когда сделал свой грустный вывод: история учит, что народы и правительства ничему не учатся из истории²⁹. России, ошибочно принявшей обретение свободы за саморегулирующий процесс, нужно, видимо, было пройти через собственную большую кровь и собственный общенациональный страх, чтобы начать осознавать организованную преступность так, как ее давно poznали другие страны.

3. Криминологическая характеристика отечественной организованной преступности

“Коза nostra” в США возникла во время действия “сухого закона” Волстэда (28-я поправка к Конституции), принятого в 1919 году и отмененного в 1933 году, во время мирового экономического кризиса. Этот преступный синдикат до сих пор представляет собой противоправную деятельность членов преступных ассоциаций, занимающихся добыванием денег посредством обеспечения населения незаконными товарами и услугами. Способом добывания денег или ценностей являются также насилие, вымогательство, мошенничество и т. д. Наряду с этим идет инфильтрация организованной преступности в легальный бизнес, в профсоюзы, в политические организации. Основной социальной базой организованной преступности в США является наличие общественных потребностей в зашпеченных товарах и услугах³⁰.

Политические, социально-экономические и организационно-правовые условия в СССР в 70—80-е годы, когда складывалась и разрасталась отечественная организованная преступность, были иными, чем в США в 30-е годы. В период застоя росли неудовлетворенные государством обычные потребности народа в питании, одежде, других товарах, жилье; росло количество неотоваренных денег. В это время слово “достать” вытеснило слово “купить”, а слово “купить” вытеснило слово “заслужить”. “Ты — мне, я — тебе” стало одним из основных принципов поведения должностных лиц и граждан. В это время дремлющая организованная преступность и взяла на себя обязанность обеспечивать неудовлетворенные потребности преступными путями с большой выгодой для себя. И в этом плане она является плотью от плоти наших социалистических распределительных отношений.

Как все мафии в мире, советская организованная преступность жаждала **прибыли и сверхприбыли** и не гнушалась хищениями, злоупотреблениями, шантажом, подкупом, насилием. Как вынужден был констатировать журнал "Коммунист", в то время формировались "не просто гнездовья, а целая система раскитительства, взяточничества по горизонтали и вертикали во многих отраслях производства, снабжения, сбыта и торговли"³¹. Особенно широкое распространение организованная преступность получила в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, Казахстане, Киргизии, Азербайджане, Армении, Грузии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Хабаровском и Краснодарском краях, Ростовской, Одесской, Иркутской областях, в Москве.

Разрастание теневой экономики представляло собой магистральную тенденцию становления советской номенклатурной коррумпированной организованной преступности. Рэкет, грабеж, разбой, кража и другие преступления против личной собственности при любой степени организованности их совершения были очень опасными, но скорее всего вторичными. Возникновение и становление отечественной мафии кроется в недрах теневой экономики, распределительных отношений, неповоротливой государственной "ничейной" собственности.

По характеру, формам и причинам преступной деятельности отечественную организованную преступность можно условно разделить на уголовную, или гангстерскую, которая промышленляет главным образом путем совершения краж, грабежей, разбоев, вымогательства, мошенничества, бандитизма, убийств и других аналогичных деяний, и экономическую, или беловоротничковую, паразитировавшую на хищениях государственной и общественной собственности, злоупотреблениях служебным положением, коррупции и других корыстно-хозяйственных и корыстно-должностных преступлениях. С переходом России к рыночным отношениям, приватизации государственной и общественной собственности и мошенническому капиталу криминальные возможности экономической организованной преступности умножились.

Экономическая форма организованной преступности была в СССР главной. Она существовала внутри государственных образований или параллельно с ними и использовала в своих целях государственные фонды, государственные каналы сбыта, государственную финансовую систему, государственный аппарат, хозяйственный, контролирующий, административный, правоохранительный. Именно она торმოзила перестроечные процессы и безнаказанно перекачивала государственные ресурсы в теневую экономику. Именно она является камнем преткновения на пути развития цивилизованных рыночных отношений сегодня.

Уголовная организованная преступность была в нашей стране с первых лет Советской власти, а экономическая стала формироваться по мере отчуждения собственности от производителей, бюрократизации распределительных отношений, роста бесхозяйственности в государственном секторе экономики. Экономическая

организованная преступность стимулировала уголовную, когда “воры в законе” стали “трясти” “цеховиков”, а в ряде случаев и консолидироваться с ними.

В капиталистическом мире деньги дают реальную власть. В СССР реальная власть, особенно по распределению оптового и розничного дефицита, принадлежала партийной и государственной бюрократии, которая к тому же не располагала большими официальными доходами. Именно поэтому продажная часть бюрократии стала придатком организованных преступных групп. “Воры в законе”, “цеховики” и продажная бюрократия нашли друг друга в организованной преступности.

Экономическую организованную преступность в СССР и в какой-то мере в нынешней России можно условно разделить на бюрократическую, связанную с распределением кредитов, государственных протекции фондов, товаров, сырья, оборудования, услуг, должностей, наград, лицензий, привилегий, льгот и т. д., и рыночную (черный рынок, черный “нал”). Последняя удовлетворяет как рациональные повседневные потребности граждан, обеспечивая их необходимыми товарами и услугами, так и иррациональные потребности (наркотики, оружие, алкоголь, азартные игры, проститутки и т. д.).

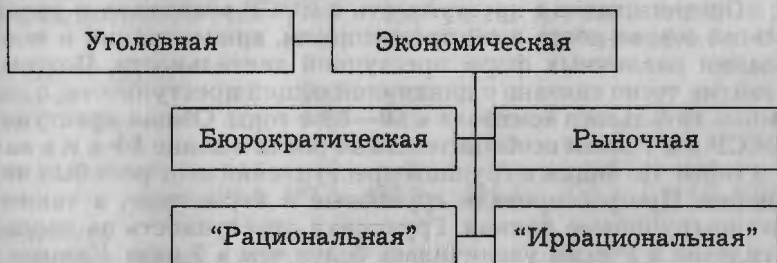

Рис. 1. Структура организованной преступности.

В каждой разновидности организованной преступности (уголовной, экономической, бюрократической, рыночной, “рациональной”, “иррациональной”) есть своя совокупность причин и условий. Однако в главном суть их схожа. Организованная преступность во всех своих проявлениях (в одних больше, в других меньше) прежде всего явление экономическое. В основе его лежат главным образом, экономические причины.

В самом общем виде эти причины сводились к противоречиям между законами экономики и волюнтаристскими административными методами хозяйствования в социалистическом обществе. Организованная преступность была криминальным средством разрешения этих противоречий, без которого тотальная бюрократическая система уже не могла существовать. У бюрократии нет собственно экономических интересов. Ее мотивацией является удержание власти. Поэтому бюрократическое руководство экономикой неминуемо вело к доминированию вне экономических интересов принуждения и распределения. Растущий дефицит, в свою очередь,

требовал увеличения штата контролирующих и распределяющих, что еще больше блокировало экономические механизмы. Теневая экономика и подпольный рынок взяли на себя функцию обмена, которую практически не в состоянии была выполнить одна бюрократия. Поэтому появление в СССР бюрократической, рыночной и "рациональной" организованной преступности было закономерным следствием только командной экономики. На эту особенность российской организованной преступности обращают внимание и зарубежные исследователи⁵².

Как всякое предпринимательство, организованная преступность мобильна и экономически грамотна. Появление политической и некоторой экономической свободы во время перестройки она немедленно использовала в своих интересах. Показательным примером ее приспособительных способностей было "творческое" использование кооперативного движения (чиновничий и уголовный рэкет, отмывание "грязных" денег, превращение кооперативных структур в "крышу" преступной деятельности и т. д.), и в этом не вина, а беда кооперативов, которые были брошены государством на съедение организованной преступности (уголовной, экономической, бюрократической, рыночной).

Организованная преступность в СССР возникала и укреплялась на основе роста всей преступности, концентрации и монополизации различных форм преступной деятельности. Поэтому ее развитие тесно связано с динамикой общей преступности, с ослаблением тотального контроля в 60—80-е годы. Общая преступность в СССР и в России особо интенсивно росла в конце 80-х и в начале 90-х годов. По видам и группам преступлений этот рост был неравномерен. Прогрессировали групповые и корыстные, а также корыстно-групповые деяния. Групповая преступность за последнее пятилетие в России увеличилась более чем в 3 раза. Каждое четвертое раскрытое преступление совершалось в группе. Еще интенсивнее росла корыстная преступность. Если вся преступность с середины 50-х годов увеличилась в 7—8 раз, то корыстная — в 12—15. И это на фоне более медленного роста выявленных корыстно-хозяйственных и корыстно-должностных преступлений, которые в последние годы даже снижались. Латентизация этих деяний серьезно укрепила бюрократическую организованную преступность.

Разрастанию экономической организованной преступности в 1990—1991 годы способствовали резкое снижение контрольно-ревизионной деятельности, постоянное сокращение аппарата контроля. Административный контроль "вымирал", а экономический, финансовый, валютный, налоговый, таможенный, пограничный контроль, построенный на законах экономики, стал появляться лишь в 1995 году. До последнего времени не было сколько-нибудь адекватного и уголовно-правового контроля. Правоохранительная система, ослабленная, парализованная и разрушенная непрерывными "политическими" реорганизациями, непрофессиональным руководством, нищенским обеспечением, "бегством" квалифицированных кадров, новой политической ангажированностью и боязнью упреков в не-

гуманном отношении к преступникам ("синдром 1937 года"), оказалась неспособной противостоять не только организованной, но и элементарной преступности. Тогда как организованная преступность постоянно укреплялась. Один только КГБ в Москве потерял 50% кадрового состава, разбежавшегося в коммерческие, а иногда и в криминальные структуры³³.

Некоторые сведения о числе преступных групп, имеющих признаки организованности, по СССР стали собираться с 1986 года. За 1986—1988 годы было выявлено 2607 таких групп, которые совершили около 20 тыс. преступлений, в том числе 218 убийств и 285 разбойных нападений. Около 50 групп были глубоко законспирированы и действовали в течение трех лет и более.

Системные сведения об организованной преступности в России имеются с 1989 года (табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика выявленных групп
организованных преступников (1989—1995 гг.)**

	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.*	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Общее число групп	485	785	952	4 352	5 691	8 059	8 222
%	100,0	161,9	196,3	897,3	1173,4	1661,6	1695,3
Численность групп							
3 человека	301	359	475	-	-	-	-
от 4 до 10 человек	170	365	415	850	1 361	1 642	1 641
%	100,0	214,7	244,1	500,0	800,6	965,9	965,3
свыше 10 человек	14	55	62	79	105	156	151
%	100,0	392,8	442,9	564,3	750,0	1 114,3	1 078,6
Длительность существования групп							
до 1 года	213	510	684	-	-	-	-
от 1 до 5 лет	80	214	261	868	1 155	1 598	1 628
%	100,0	267,5	326,3	1 085,0	1 443,8	1 997,5	2 035
свыше 5 лет	-	8	7	5	11	24	11
Наличие связей							
международных	-	-	-	254	307	461	363
межрегиональных	39	81	91	1 388	1 011	1 258	1 065,0
%	100,0	207,7	233,3	3 559,0	2 592,3	3 225,6	2 730,8
коррупцированных	6	38	65	721	801	1034	857
%	100,0	633,3	1 083,3	13 350,0	14 283,3	12 016,7	17 233,3

* В 1992 году объем собираемых сведений и их характер изменились. Знак "-" означает отсутствие сведений.

По сообщению Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ, сбор показателей, приведенных в таблице 1, в 1996 году якобы был прекращен по причине того, что их получение в результате оперативно-розыскной деятельности не является достаточно надежным. Судя по данным серьезного роста (+34,8%) числа преступлений, совершенных организованными групп-

пами в 1996 году по сравнению с предыдущим годом (см. табл. 2 и 3), можно предположить, что общее число выявленных организованных групп также росло и в 1996 году.

Таблица 2

Характер и динамика преступлений, совершенных организованными группами (1989—1996 гг.)

	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Совершено преступлений	2 924	3 515	5 119	10 707	13 640	18 619	19 604	26 433
%	100,0	120,2	175,1	366,2	466,5	636,8	670,5	904,0
в том числе:								
Умышленные убийства	33	50	56	-	117	203	370	451
Умышленные тяжкие телесные повреждения	8	6	39	-	58	73	72	68
Изнасилований	12	11	8	-	70	68	108	111
Бандитизм	-	-	-	106	43	122	239	262
Нарушение валютных операций	-	11	20	-	142	175	317	-
Контрабанда	-	-	-	-	24	65	201	-
Вымогательство	165	313	306	727	753	1 239	1 695	1 784
Разбой	139	236	226	-	775	1 192	526	2 177
Грабёж	111	214	199	-	754	862	175	937
Кража	1 932	1 321	2 642	-	7 139	8 823	1 373	10 107
Мошенничество	45	396	161	-	-	-	827	3 576
Должностные преступления	2	72	144	-	409	415	451	-
Взяточничество	1	44	164	-	114	166	155	-
Спекуляция	5	110	37	-	15	Декрим.	-	-
Хищение, ношение оружия	65	168	219	-	-	-	-	581
Преступления с оружием	-	121	110	-	779	875	908	-
Преступления, связанные с наркотиками	20	53	139	216	280	768	657	625
Хищения в крупных размерах	-	-	-	-	-	-	2 854	-

Знак “-” означает отсутствие сведений.

Таблица 3

Изъято у организованных преступников в 1989—1996 годы

	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Оружия (штуки)	111	295	-	4 518	11 737	13 808	6 357	6 401
Наркотических веществ (кг)	26	46	-	3 297	4 360	3 695	5841	-
Денег и ценностей	3 868	5 650	-	3 218	72	171,4	182,5	1 280,7
	тыс.	тыс.		тыс.	млн.	млрд.	млрд.	млрд.
Автомашин	-	-	-	648	1 118	1 525	1 364	-

Знак “-” означает отсутствие сведений.

Прежде чем анализировать содержание таблиц, следует напомнить, что приведенные в них сведения по годам отражают лишь выявленную часть организованной преступности. Она неполно и даже искаженно отражает фактическую деятельность мафиозных структур в России. Обратимся к динамике общего числа выявленных организованных групп (табл. 1). За пять лет оно увеличилось с 485 до 8222, или в 17 раз. Это, однако, не означает, что фактическое число их росло такими же темпами. Более того, выявление организованных групп в процессе расследования уголовных дел не всегда приводит к прекращению деятельности преступных организаций или сообществ. Привлеченная к уголовной ответственности группа может оказаться одним из низших звеньев преступного формирования, которое продолжает свою деятельность.

Динамика чисел создания преступных образований и их выявления не совпадают, так как эти события сдвинуты и растянуты во времени. Организованная группа, если она выявлена, чаще всего разоблачается спустя 1—5 и более лет после начала своего образования. Преступления, которые ею были совершены в прошлом, обычно так и остаются латентными. А значит, и реальное число преступлений, совершенных организованными группами, не отражается в статистике, несмотря на привлечение их к уголовной ответственности за какие-то известные деяния. Тенденции общего числа выявленных групп прежде всего следует рассматривать как динамику активности органов по борьбе с организованной преступностью. Но и здесь могут быть подводные камни.

В отсутствие законодательного определения организованной преступности и при традиционном стремлении советских и российских правоохранительных органов преувеличивать свои достижения нельзя исключить того, что в графу "Совершено организованной преступной группой" могли включаться обычные групповые деяния. А если учесть, что до 80% и более преступлений, учтенных за организованными преступными группами, составляют кражи, грабежи, разбои, вымогательства и другие общеуголовные деяния (см. табл. 2), то напрашивается единственный вывод: наиболее опасная законспирированная экономическая организованная преступность, причиняющая огромный вред обществу и государству, практически не выявляется, а значит, и статистика об организованной преступности является сдвинутой к ее примитивно уголовным формам.

Как бы критически не оценивать имеющиеся данные, они показательны. Остается бесспорным **интенсивный рост организованной преступности и ее криминальной активности в России.** Даже на фоне усиленного роста всей преступности в стране разрастание организованной преступности представляется беспрецедентным. В статистических сборниках других стран, в том числе США, Италии, Колумбии, где мафия имеет широкое распространение, к сожалению, нет никаких сведений об организованной преступности и нет возможности сопоставить ее с тенденциями в нашей стране и в других странах. Тем не менее можно уверенно предположить,

что темпы прироста организованной преступности в России являются наиболее высокими.

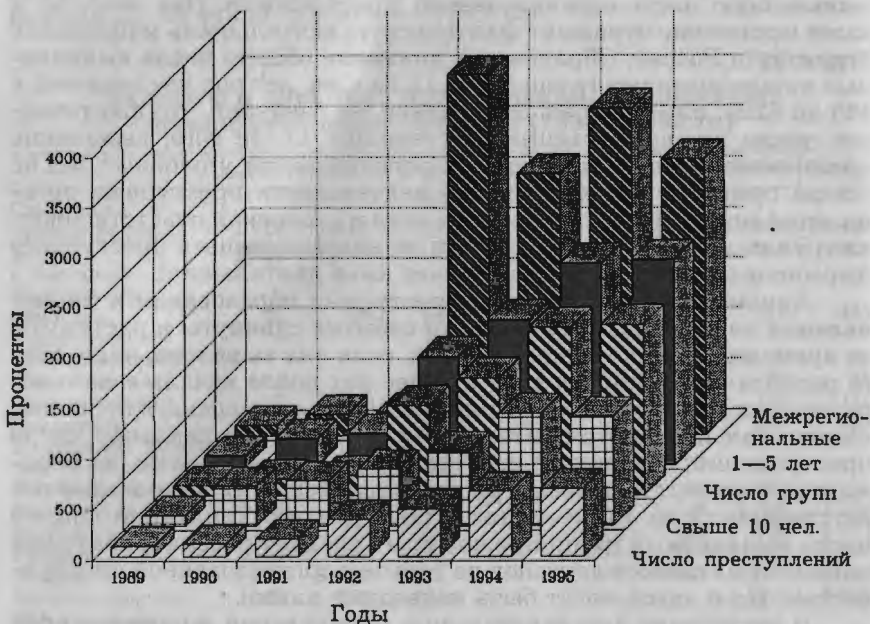

Рис. 2. Динамика некоторых показателей организованной преступности в России в 1989—1995 гг.

Практически нет ни одного криминологически значимого показателя, абсолютное значение которого не увеличилось бы за последние шесть лет в несколько раз: общее число групп возросло в 17 раз, численность групп от 4 до 10 человек и выше — более чем в 10, длительность преступной деятельности от 1 до 5 лет — в 20, наличие межрегиональных связей — в 32 (1994 г.), коррумпированных — в 172 раза (1994 г.). В 1995 году два последних показателя несколько снизились. Меньше увеличилось число преступлений, совершенных организованными преступниками (с 1989 по 1996 г. в 6 раз), но это вполне объяснимо их умением не оставлять следов своей преступной деятельности. Хотя и в этом случае темпы прироста преступлений, совершенных организованными группировками, были в 9 раз выше, чем вся преступность.

Опираясь на приведенную статистику, а также на оперативную и журналистскую информацию, можно сказать, что опасность организованной преступности в России усилилась повсеместно. Ныне преступные сообщества действуют практически во всех субъектах Федерации. Около половины из них имеют общеуголовную направленность. Продолжается процесс их консолидации и расширения сферы влияния. В ее криминальные отношения в 1993—1994 годы

вовлечены 40% предпринимателей и 66% всех коммерческих структур. Мафией установлен контроль над 35 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1,5 тыс. предприятий государственного сектора³⁴. Пособами мафии обложено 70—80% приватизированных предприятий и коммерческих банков. Размер дани составляет 10—20% от оборота, а нередко превышает половину балансовой прибыли предприятия. Экономические структуры, скрывающие свои доходы от налогообложения и допускающие другие противоправные действия, особо подконтрольны ей³⁵.

Серьезно осложняют оперативную обстановку до 150 преступных объединений, сформировавшихся на этнической основе. Наибольшую опасность среди них представляют чеченские, азербайджанские, армянские, грузинские группировки. Языковые и другие национальные барьеры представляют собой специфические механизмы самозащиты.

Продолжается сращивание группировок, действующих в сфере теневой экономики, с преступными структурами традиционной уголовной направленности, тон в которых задают несколько тысяч авторитетов преступного мира и около 260 так называемых “воров в законе”. На территории СССР их насчитывалось до 710 человек³⁶. Именно они формировали криминальную идеологию в среде преступных сообществ.

Ядро будущих группировок зачастую зарождается в местах лишения свободы, где производятся вербовка новых членов, подбор исполнителей для готовящихся преступных акций. Подбор боевиков облегчается тем, что после освобождения из мест лишения свободы они оказываются неприкаемыми и, кроме мафии, никому не нужны. К 1993 году в местах лишения свободы сформировалось около 2,5 тыс. группировок такой направленности.

Процесс становления организованной преступности достиг такого качественного и количественного уровня, при котором группировки вынуждены отстаивать свои интересы перед конкурентами. Ожесточенная борьба между преступными кланами, вплоть до вооруженных столкновений и физического уничтожения соперников, приводит к появлению мощных криминальных синдикатов. Действующие в стране группировки давно объединились в 150 ассоциаций и фактически поделили страну на сферы влияния³⁷. Упрощенно-примитивные преступления типа рэкета в их деятельности уступают место навязанной охране, крупномасштабным акциям, глубокому проникновению через коррумпированные связи в экономику, попыткам оказывать прямое влияние на политику государства в этой сфере.

Выраженный организованный межрегиональный и транснациональный характер носит преступность в области добычи и переработки драгоценных металлов и камней, в разграблении культурных ценностей, в наркобизнесе. Ныне российская наркомафия успешно может конкурировать с международными картелями поставщиков наркотических веществ. В связи с отсутствием у нас уголовной ответственности за отмывание “грязных” денег (подоб-

ный состав появился лишь в ст. 174 УК РФ 1996 г.) процесс легализации преступно нажитых средств имеет не только внутренние источники, но и зарубежные, в том числе и от наркобизнеса, “своего” и “чужого”.

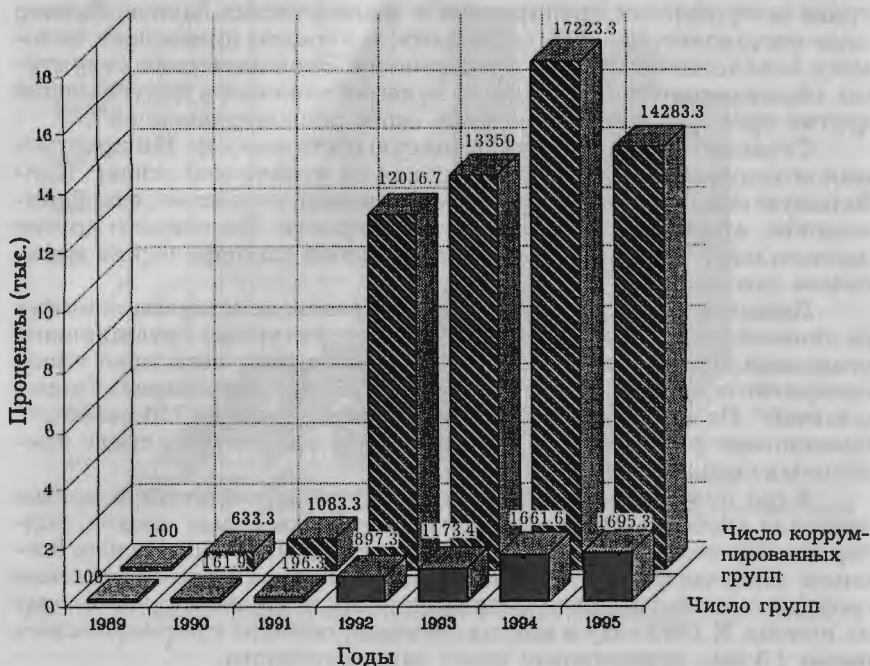

Рис. 3. Динамика коррумпированной организованной преступности.

Особенностью организованной преступности в России является ее коррумпированность, охватившая практически все государственные структуры. На территории России было выявлено в 1989 году 6, а в 1994 году — 1034 преступных группировок, имеющих коррумпированные связи в органах власти и управления. Рост почти в 180 раз. В 1995 году число выявленных коррумпированных связей снизилось. И это является не результатом их реального снижения, а следствием изолирующей латентизации деяний. Ежегодно значительная часть установленных взяточников, в том числе и среди государственных служащих, уличается в тесных связях с организованными преступниками. При расследовании 110 уголовных дел о хищениях более 100 млрд. руб. (по ценам 1992—1993 гг.) путем фальшивых авизо установлено, что в большинстве случаев это было связано с продажностью работников банков.

Организованные группы нелегально вывозят из страны топливно-энергетические ресурсы, сырье, готовую продукцию. Под особым вниманием мафии находится приватизация. По расчетам Аналитического центра РАН, 35% капитала 80% “голосующих” акций

перешло в руки криминального капитала³⁸. Большой интерес проявляют организованные преступники к коррумпированию правоохранительных органов. Ежегодно растет число уголовных дел по обвинению работников милиции, в том числе и руководителей, в сотрудничестве с преступными группировками³⁹.

В начале 1994 года в средствах массовой информации была распространена записка Аналитического центра по социально-экономической политике при Администрации Президента Российской Федерации "Организованная преступность и перспективы прихода к власти в России национал-социалистов", в которой не бездоказательно утверждается, что рост организованной преступности, сросшейся с органами МВД и местной исполнительной властью, ставит под угрозу политическое и экономическое развитие в России, создает условия для прихода к власти национал-социалистов⁴⁰. В общественное сознание внедряется идея, что мафия выполняет позитивную функцию в российском обществе, так как она является механизмом регуляции взаимоотношений в преступном мире. И действительно, в условиях кризиса гражданского и арбитражного судопроизводства третейское судейство "воров в законе" оперативно и эффективно. Очень многие бизнесмены Москвы и Московской области не видели для себя другого спасителя, кроме "вора в законе" Савоськи. Он правил суд скорый и справедливый⁴¹.

Краткая криминологическая характеристика организованной преступности в России при всей неполноте собранных данных приводит нас к следующему выводу: организованная преступность не является вымыслом правоохранительных органов. Она интенсивно растет, видоизменяется, активно приспособляется к неустоявшимся социально-экономическим и политическим условиям, захватывает наиболее прибыльные сферы криминальной деятельности, мимикрирует в респектабельные сферы экономики, проникая в легальный бизнес, во властные структуры и политику. Уникальный пример. Руководство г. Ачинска (Красноярский край) передало векселя городской администрации на 180 млрд. руб. (при доходной части бюджета около 200 млрд.) криминальной группировке, которая стала фактическим хозяином города^{41а}. Организованная преступность распространяет свою деятельность на различные регионы России, страны СНГ и Балтии, Восточной и Западной Европы, Северной и Южной Америки, объединяется с другими транснациональными преступными организациями.

4. Транснациональная организованная преступность

Учреждение Международной организации уголовной полиции (МОУП/Интерпол) в 1923 году было перспективным международным решением, констатирующим выход преступности за национальные границы и прогнозирующим появление более опасной международной преступности. Оно опережало появление массовой транснациональной преступности, но не предотвратило ее. История практического осознания транснациональной организованной

преступности была медленной. ООН впервые обратилась к этой проблеме на Пятом конгрессе (Женева, 1975 г.), где было признано, что преступность в форме международного бизнеса представляет собой более серьезную угрозу, чем традиционные формы преступного поведения. Впоследствии к этой проблеме обращался Шестой конгресс (Каракас, 1980 г.) при рассмотрении вопроса о правонарушениях и правонарушителях, оказывающихся вне досягаемости закона, и Седьмой конгресс (Милан, 1985 г.), на котором подчеркивалось, что организованная преступность, используя лазейки в законодательстве различных стран, в значительной мере остается безнаказанной и ее дестабилизирующее воздействие будет усиливаться, если не будут приняты конкретные и конструктивные меры.

На Восьмом конгрессе (Гавана, 1990 г.) отмечалось: "Организованная преступность создает прямую угрозу национальной и международной безопасности и стабильности и представляет собой фронтальную атаку на политические и экономические власти, а также создает угрозу самой государственности. Она нарушает нормальное функционирование социальных и экономических институтов и компрометирует их, что приводит к утрате доверия к демократическим процессам. Она подрывает процесс развития и сводит на нет достигнутые успехи. Она ставит в положение жертвы население целых стран и эксплуатирует человеческую уязвимость, извлекая при этом доходы. Она охватывает, опутывает и даже закабаляет целые слои общества... и вовлекает их в различные и взаимосвязанные преступные предприятия"⁴².

Конгресс принял резолюцию "Предупреждение организованной преступности и борьба с ней" и приложение к ней "Руководящие принципы для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней"⁴³. Эти документы были поддержаны Генеральной Ассамблеей в резолюции 45/123 о международном сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, их положения развивались и уточнялись на совещании экспертов ООН и Интерпола о стратегиях борьбы с транснациональной преступностью (Чехословакия, Смоленич, май 1991 г.), на международном семинаре о характере, масштабах и последствиях организованной преступности (Россия, Суздаль, октябрь 1991 г.) и на международной конференции "Мафия, что делать?" (Италия, Палермо, декабрь 1992 г.).

Особое значение имела Всемирная конференция на уровне министров по организованной транснациональной преступности (Италия, Неаполь, 21—23 ноября 1994 г.), где был обсужден следующий комплекс вопросов:

— Проблемы и опасности, которые создает организованная транснациональная преступность в различных регионах мира.

— Национальное законодательство и его соответствие требованиям борьбы с различными формами организованной транснациональной преступности; надлежащие руководящие принципы для принятия законодательных и иных мер на национальном уровне.

— Наиболее эффективные формы международного сотрудничества в целях предупреждения организованной транснациональ-

ной преступности и борьбы с ней на уровне расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства.

— Соответствующие методы и руководящие принципы предупреждения организованной транснациональной преступности и борьбы с ней на региональном и международном уровнях.

— Целесообразность разработки международных документов, включая конвенции о борьбе против организованной транснациональной преступности.

— Выводы и рекомендации Международной конференции по предупреждению отмывания денег и использования доходов от преступной деятельности и борьбе с ними: глобальный подход.

Конференция стала важной вехой в деятельности ООН, направленной на укрепление международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью. В работе конференции приняли участие представители 142 стран в лице глав государств, их заместителей, премьер-министров и их заместителей. Конференция отметила и обосновала десять угроз, которые несет транснациональная организованная преступность: суверенитету государств, обществу, отдельным лицам, национальной стабильности и государственному контролю, демократическим ценностям и общественным институтам, национальной экономике, финансовым учреждениям, демократизации и приватизации, развитию, глобальным режимам и кодексам поведения.

На конференции были единодушно приняты Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности, одобренные Генеральной Ассамблеей в резолюции 49/159, которая призвала государства в безотлагательном порядке претворять их в жизнь.

В Политической декларации была выражена решимость защищать страны от организованной преступности во всех ее формах путем строгих и эффективных законодательных мер и оперативных средств. В Глобальном плане действий участники определили меры, которые должны приниматься государствами с целью противодействия организованной транснациональной преступности.

Последним международным мероприятием был Девятый конгресс ООН (Каир, 1995 г.), где были обсуждены важнейшие вопросы борьбы с организованной преступностью и приняты практически значимые резолюции.

Краткий и неполный экскурс в историю возникновения и обсуждения вопроса о транснациональной преступности свидетельствует о давней и все усиливающейся тревоге международного сообщества, связанной с угрозами рассматриваемого вида преступной деятельности.

Формы ее могут быть самыми разными.

Незаконный оборот наркотиков, являющийся одним из основных источников доходов большинства транснациональных преступных организаций. Эта деятельность как своеобразная индустрия с отдельными стадиями производства и распределения лучше всего поддается осмыслению. Общий стоимостный объем опе-

раций в наркобизнесе достигает 500 млрд. долл. США⁴⁴. Целевая группа по финансовым мероприятиям, созданная главами государств Группы семи крупнейших развитых стран и Комиссией европейских сообществ, пришла к выводу, что из денежных средств, поступающих от продажи героина, кокаина и кеннабиса в США и страны Европы, почти 85 млрд. долл. США отмывается или используется в качестве инвестиций⁴⁵.

Денежные средства, получаемые от наркотиков, нередко поступают в организации, занимающиеся другими видами незаконного оборота. Это стало мощным стимулом для развития многопрофильных транснациональных преступных организаций и привело к массовым операциям по отмыванию денег. Связи наркобизнеса наиболее четко прослеживаются с незаконной торговлей оружием. Деньги от наркотиков и других видов незаконной торговли являются одним из основных источников подкупа крупных государственных служащих с целью обеспечения безопасных условий преступной деятельности.

Грань между незаконными и законными поставками оружия не всегда определяется точно. Ее установление чаще всего связано не с самим товаром, а с его конечными потребителями и их целями. Потребителями могут выступать какое-либо агрессивное государство, изолированное международным сообществом, этническая сепаратистская или террористическая группа, пытающиеся обойти эмбарго на поставки оружия. Поставки оружия на черный рынок всегда осуществляются скрытно, расходы на него являются тайными, а доходы — «грязными», нуждающимися в отмывании.

Незаконные поставки оружия и боеприпасов оказывали существенное влияние на местные и региональные конфликты (Абхазия, Чечня, Хорватия, Босния и Герцеговина и др.), а также на возможности террористических групп, добивающихся своих целей и угрожающих миру. Организованная преступность, участвуя в незаконной торговле оружием и подрывной деятельности, вносит свою лепту в политические беспорядки и перевороты в различных странах мира. Поставщики оружия могут специально подстрекать и организовывать беспорядки в целях отвлечения правоохранительных органов от своей преступной деятельности. Незаконные поставки оружия стимулируют рост общей преступности с применением оружия и насилия.

Незаконный оборот химических и ядерных материалов является следующей крупной проблемой, связанной с существованием организованной преступности. Возможность того, что ядерные и химические материалы могут быть переданы террористическим группам или государствам-париям, которые могут применить его или шантажировать им мировое сообщество, является реальностью наших дней. Вспомним хотя бы террористическую деятельность с помощью химических веществ японской секты Аум-Сенрике.

Согласно обнародованным показаниям начальника федерального управления немецкой уголовной полиции в Сенате США в Германии в 1990 году было зафиксировано 4 случая задержания с

радиоактивными материалами. В 1992 году их было 59, а в 1993 году — 241 случай, включая 118 случаев незаконного предложения радиоактивных материалов и 123 случая незаконного оборота ими, а также 21 случай их конфискации (часть которых была связана с ядерными материалами, произведенными в самой Германии). В этом же году было выявлено 545 лиц, подозреваемых в данной незаконной деятельности, 47% которых были подданными Чехословакии, Польши и России. В августе 1994 года немецкая полиция конфисковала 350 г оружейных ядерных материалов у граждан Колумбии и Испании⁴⁶. За 1995 год в мире было 169 случаев задержания ядерных контрабандистов, почти на 40% больше, чем в 1994 году. Как правило, контрабанда ядерных материалов начинается в одной из стран, образованных на территории бывшего СССР, перевалочными базами являются Словакия, Чехия, Германия, Литва, а местом назначения — чаще всего Ближний Восток^{46а}.

В декабре 1992 году в Удмуртии была арестована преступная группировка из 13 человек (5 граждан Беларуси и Литвы), длительное время похищавших уран с режимного предприятия России. Деятельность группы была пресечена при попытке переправить через польскую границу 80 кг урана. Тот факт, что ядерные материалы поступают из находящихся под государственным контролем предприятий Российской Федерации, свидетельствует о причастности российских преступных организаций, ищущих пути получения высоких прибылей. По мере разоружения ядерные материалы могут стать более доступными. В связи с чем 7 октября 1996 г. постановлением Правительства РФ было утверждено Положение о порядке контроля за вывозом из Российской Федерации товаров и технологий двойного назначения, экспорт которых контролируется. А другим постановлением, от 14 октября 1996 г., принята концепция системы государственного учета и контроля ядерных материалов^{46б}.

Особую тревогу вызывает **внутренний и международный терроризм**, ставший частью современной жизни⁴⁷. Только в 1994—1996 годы были совершены жесточайшие террористические акты в США, Японии, Франции, Германии, Великобритании, России, Израиле, Индии и многих других странах. Разновидностей терроризма много. Особо распространены “коммерческий” и “идеологический”. Первый организуется в корыстных целях для создания благоприятных условий своей преступной деятельности, если это не удастся достичь методами подкупа, шантажа и угроз. К нему прибегает общеуголовная и экономическая организованная преступность. Примером такого терроризма могут служить многочисленные убийства в России банкиров, предпринимателей, политических и общественных деятелей, журналистов и работников правоохранительных органов. Второй вид терроризма — идейный — совершается в политических, идеологических, националистических, сепаратистских целях.

Различия между упомянутыми видами условны. Террористические организации разной направленности нередко заключают между собой взаимовыгодные сделки. В Перу, например, предста-

вители наркобизнеса вынуждены были иметь дело с повстанцами из группы "Светлый путь". В связи с чем первые получали возможность затруднить действия против себя правительства, а вторые — средства для финансирования кампании по его свержению⁴⁸. Международные террористические организации обращаются за поддержкой к транснациональной организованной преступности и тогда, когда они теряют финансовую опору "террористических" стран, которые отказываются от услуг террористов под давлением мирового сообщества. Мафия использует террористов в своих целях. Наиболее опасным может быть ядерный терроризм. Первый случай ядерного запугивания был отмечен в России, когда боевики террориста Басаева пригрозили нанести удар радиоактивными материалами по российским городам.

Одним из серьезных преступлений транснациональной мафии стала торговля людьми, женщинами, детьми, человеческими органами.

Элементарной формой такой деятельности является вывоз нелегальных мигрантов из бедных стран в более богатые. Ежегодно вывозится, по некоторым оценкам, до 1 млн. человек. Эмигранты из Китая составляют около 20% от общего потока, который захлестнул Индию, Ирак, Иран, Пакистан, Афганистан, Румынию, Шри-Ланку, Бангладеш, Судан и другие страны. В связи с "прозрачными" границами и неразвитым законодательством Россия стала одной из стран, куда направляются потоки нелегальных эмигрантов. По данным департамента миграционной службы России, только в Москве находится свыше 270 тыс. выходцев из Азии, которые ожидают, когда их за большие деньги переправят в США и Европу. В Подмоскowie живут десятки тысяч нелегальных эмигрантов из разных стран, особенно из ближнего зарубежья. А сколько их на Дальнем Востоке России, никто точно не знает. В 1993 году было предпринято 1,2 млн. попыток незаконного проникновения эмигрантов в США. Доходы организованных преступников от этой деятельности оцениваются в 3,5 млрд. долл. США⁴⁹.

Нелегальная эмиграция сочетается с сексуальной эксплуатацией женщин и детей. Проституция давно стала одним из основных элементов деятельности преступных организаций не только на национальном, но и на международном уровне. Особую активность в этом проявляют китайские "триады" и японская "якүдза", которые содержат женщин в положении рабынь в заведениях секс-туризма на Филиппинах, в Южной Корее и Таиланде. В ходе такой торговли с женщинами обращаются как с живым товаром, где не только женщины, но и дети рассматриваются как источники удовольствия и "запасных частей" для развитого мира⁵⁰. Этот вид преступного "дела" стал широко распространяться в России, на Украине и в Белоруссии, откуда русские, украинские и белорусские женщины вывозятся в Западную Европу и США. Одним из вариантов рассматриваемого "бизнеса" является продажа девушек в качестве невест состоятельным мужчинам других стран, а также детей в целях их усыновления. Правительство России вынуждено

было в 1995 году утвердить Положение о порядке передачи детей на усыновление россиянам и иностранцам.

Новый вид транснациональной преступной деятельности — похищение детей и торговли ими с целью использования их органов. По данным справочных документов ООН, в Аргентине известны случаи серьезного злоупотребления процедурой трансплантации, когда у пациентов на основании сфабрикованных сканограмм мозга удаляли роговицу глаз. Отмечены случаи экспорта человеческих органов с использованием подложных документов из Аргентины, Бразилии, Гондураса, Мексики и Перу покупателям из Германии, Италии и Швейцарии.

Очень много пишется об остроте этой проблемы в России, особенно после того, когда в 1993 году в московских моргах прокуратурой было обнаружено 4 тыс. направленных на экспертизу и не потребованных трупов. Газета "Таймс" от 18 ноября 1993 г. сообщила, что якобы в ходе одного расследования в России была установлена компания, которая организовала изъятие 700 крупных органов (почек, сердец, легких), свыше 1400 срезов печени, 18 тыс. вилочковых желез, 2 тыс. глаз и свыше 3 тыс. мужских яичек. Правоохранительные органы России факт существования преступной компании, организовавшей массовое изъятие человеческих органов, не подтвердили, хотя наличие такой проблемы не отрицали. Тем не менее обнародованные "Таймс" сведения нашли отражение во многих справочных документах ООН, подготовленных к Всемирной конференции об организованной преступности (Неаполь, 1994 г.) и к Девятому конгрессу (Каир, 1995 г.), и они не вызвали протеста у российских делегаций, возглавляемых в первом случае бывшим в то время министром внутренних дел В. Ериным, а во втором — тоже уже бывшим его первым заместителем Е. Абрамовым.

Остановимся еще на одном виде преступной деятельности криминальных организаций — **краже и контрабанде автомобилей**. Они похищаются из промышленно развитых стран и поставляются в развивающиеся страны и страны, находящиеся на так называемом переходном этапе. К последней группе относят Россию. В нее действительно ввозится много автомобилей, похищенных в Западной Европе. Но и в самой стране в настоящее время совершается в среднем 350 краж автомашин ежедневно, или около 130 тыс. в год, значительная часть которых продается в страны Закавказья, Казахстан и Среднюю Азию.

Особое распространение получила эта проблема в Европе, где за 1989—1993 годы число краж автомобилей утроилось. По данным Интерпола, только в 1991 году в Европе было украдено 1,6 млн. автомобилей, из которых 633 тыс. не было найдено⁵¹. Восточная Европа стала основным районом, куда угоняются похищенные автомобили из Западной Европы. Центральным перевалочным пунктом чаще всего является Польша, откуда они переправляются в страны Балтии, на Украину, в Белоруссию, Россию и Казахстан. Преступники точно улавливают и используют разницу в уголовной ответственности за кражу автомашины. В США, где низкий

показатель уголовного преследования и осуждения угонщиков, этот вид преступной деятельности превращен в процветающее дело при минимальном риске. Примерно такие же условия существуют и в России. В 1994 году, например, было задержано 23 тыс. угонщиков машин, из которых 18 тыс. остались на свободе, а из 5 тыс. осужденных к лишению свободы лишь 68 человек (0,3%) получили срок более пяти лет. Преступников в данном случае плодит быстрая нажива при минимальном риске.

Рассмотренные виды транснациональной преступной деятельности не исчерпывают всего их перечня. За пределами анализа остались преступления, связанные с произведениями искусства и культурного наследия, которые широко распространены в России (за последние 10 лет число зарегистрированных хищений культурных ценностей возросло в 80 раз), а также кража интеллектуальной собственности, пиратство, компьютерные преступления, подделка денег, ценных бумаг и другие виды. А если говорить о рассмотренных преступлениях, то нельзя не увидеть того, что фактические сведения о них отрывочны и несопоставимы. И здесь тоже мы сталкиваемся с известным нам по России феноменом: опасность транснациональной организованной преступности растет, а более или менее точных сведений о ней нет.

Попытки собрать мировую статистику об организованной преступности предпринимают Интерпол, ООН и другие международные организации. Интерпол кроме преступлений, совершаемых организованными преступниками и проходящих по его учету, пытается выделять организованные, устойчивые и иерархизированные сообщества с многопрофильной деятельностью, менее организованные группировки, действующие в одной или нескольких узких сферах, группировки, формируемые по этническому признаку, и террористические организации, преследующие политические цели⁵².

Другую попытку сбора сведений о 19 видах транснациональной преступной деятельности (их перечень дается ниже) предприняла ООН. Она разослала дополнительный вопросник к Четвертому обзору общей преступности 193 государствам. Сведения запрашивались за 1988—1990 годы. Как и первые общие обзоры преступности, эта попытка не увенчалась успехом. Причин много: нет сколько-нибудь приемлемого определения транснациональной организованной преступности, разноликость уголовного законодательства различных стран, трудности дифференциации международных и внутригосударственных деяний и др. А самое главное, нет осознания реальной угрозы этой преступности во многих странах. Но при всей неполноте и плохой сопоставимости полученных данных проблема транснациональной организованной преступности получила в них первое статистическое подтверждение⁵³.

На вопросник ответили 50 стран из 193 и 10 международных и неправительственных организаций из 88. Ответили Австралия, Австрия, Аргентина, Венгрия, Германия, Греция, Испания, Китай, Мексика, Перу, Польша, Финляндия, Франция, Япония и другие страны. Россия никакой информации не представила. Не дали от-

ветов также Италия, США, Канада, Великобритания и многие другие государства, где транснациональная организованная преступность имеет широкое распространение.

Опросом установлено, что не во всех странах существует уголовная ответственность за совершение тех 19 видов преступлений, сведения о которых запрашивались. И еще меньше государств располагают о них системной статистической информацией. Даже по самому опасному преступлению — терроризму — из 50 ответивших стран только 35 указали, что он имеется в их законодательстве, и лишь 16 государств представили некоторую статистическую информацию об этом деянии. По отмыванию денег полученные показатели соответственно составили 25 и 5, по краже произведений искусства и культуры — 25 и 11, по краже интеллектуальной собственности — 24 и 5, по незаконной торговле оружием — 36 и 18, по незаконному захвату воздушных судов — 30 и 8, по морскому пиратству — 26 и 2, по незаконному захвату наземных транспортных средств — 22 и 4, по связанному со страхованием мошенничеству — 30 и 10, по компьютерным преступлениям — 15 и 5, по экологическим преступлениям — 28 и 11, по торговле людьми — 30 и 12, по торговле человеческими органами — 16 и 1, по незаконному обороту наркотиков — 46 и 38, по злостному банкротству — 26 и 12, по проникновению в сферу законной коммерческой деятельности — 5 и 0, по коррупции и подкупу государственных должностных лиц — 34 и 18, по прочим преступлениям, совершаемым транснациональными организованными группами, — 9 и 3.

Приведенные данные являются достаточным доказательством, свидетельствующим об очень слабом национальном и международном контроле за деятельностью транснациональной организованной преступности. Его отставание от реального интенсивного роста преступности — результат инерции осознания новых общественно опасных явлений, что в полную меру используют мобильные преступные организации. Судя по этим данным, у организованной преступности еще много неосвоенных территорий. Можно прогнозировать, что в ближайшие годы они будут ею заселяться. Такой вывод напрашивается и при анализе ответов государств. Многие отметили рост отмывания денег, мошенничества при кредитовании капиталовложений, нарушений коммерческих правил, компьютерных преступлений, контрабандного провоза иностранцев, работоторговли в сексуальных целях, торговли человеческими органами, пиратства, захватов судов и самолетов и других транснациональных преступлений.

Мировая унификация законодательства, на основе которого осуществляется борьба с организованной преступностью, является острой необходимостью. Те государства, в которых организация преступных объединений и их деятельность криминализированы, оказываются более защищенными. Другие государства вынуждены будут дополнять свое законодательство уголовно-правовыми нормами, ставящими под государственный контроль организованную преступность. В противном случае они будут использоваться организованными преступными группировками в качестве убежищ и "отстойников".

Транснациональная организованная преступность — наиболее рациональная и профессиональная часть криминального поведения. Ее организации способны учиться на своем и чужом опыте, обладать стратегическим видением ситуации и ее возможным развитием. Они часто прибегают к помощи высококлассных специалистов, используют самые современные технологии и изощренные методы. Организованные преступники, действующие в той или иной стране, никогда не перешагнули бы за ее национальные границы, если бы не видели выгоды, не получали бы серьезных преимуществ и возможностей.

Многие “возможности” представляют собой следствия прогрессивного развития человеческого сообщества. Организованная преступность использует все, что ей помогает. А общество в борьбе с ней имеет ограниченный набор мер. И уж тем более оно не может приостановить собственное развитие. Назовем лишь некоторые из тех позитивных мировых достижений, которые умело эксплуатируются транснациональной мафией.

1. Улучшение межгосударственных и международных отношений, расширение экономических и социальных связей, повышение “прозрачности” границ, упрощение международных поездок, развитие международной торговли, появление новых рынков сбыта, увеличение международных перевозок не только облегчают жизнь людей в международном сообществе, но и создают комплекс возможностей для активной деятельности транснациональной организованной преступности.

2. Развитие международных финансовых сетей, позволяющих быстрый перевод денег электронным путем в нужное место и нужным людям, с одной стороны, серьезно затрудняет процесс регулирования и контроля денежных потоков государством, а с другой — облегчает сокрытие денег, полученных преступным путем, и их отмывание в тех странах, где это возможно.

3. Усиливающийся процесс миграции населения в мире и образование в различных странах этнических диаспор успешно используются организованными преступниками из других стран для создания национальных группировок, которые отличаются большей сплоченностью и защищенностью от правоохранительных органов. Национальная солидарность, а иногда и родственные связи, языковой и культурный барьеры надежно защищают такие группировки от проникновения в них посторонних лиц, в том числе и агентов спецслужб.

4. Существенные расхождения в уголовном законодательстве и правосудии различных стран умело используются преступными сообществами для более безопасного совершения тех или иных операций: отмывания денег в странах, где нет ответственности за эти действия (например, в России до 1997 г.), уход от налогов в так называемых налоговых убежищах (свободная зона Ингушетии) и в странах с низким налоговым бременем, занятие поставками незаконных товаров и услуг в регионы со слабым правовым регулированием данной коммерческой деятельности, выбор места пребыва-

ния базовой организации на территориях с неразвитым уголовным законодательством в отношении организованной преступности и т. д.

5. Окончание холодной войны, ликвидация железного занавеса и разрушение тотального контроля за людьми в постсоциалистических странах открыли возможности не только для честного, но и для преступного предпринимательства. Эти страны широко используются в качестве транзитных территорий и новых рынков сбыта незаконных товаров и услуг, а также как источники поставок различных контрабандных товаров, особенно химических и радиоактивных веществ.

6. Образование многонациональных мегаполисов, таких, например, как Москва, являющихся центрами деловой активности и узловыми элементами мировой экономической системы и выполняющих важную роль в перемещении денежных средств и законных товаров, умело используется в качестве перевалочных баз для запрещенных товаров и финансовых расчетов организованных преступников, проследить деятельность которых на фоне огромных товарных и денежных потоков практически невозможно.

7. Демократические преобразования, происходящие во многих странах и часто связанные с разрушением прежних систем контроля и медленным становлением адекватного демократического регулирования, с суверенизацией и автономизацией регионов, политической и экономической нестабильностью, как правило, коррелируют со значительным ослаблением борьбы с преступностью и уж тем более с транснациональной, что также учитывается и используется организованными преступниками.

8. Расширение международных контактов, торговли, коммуникаций, телерадиосообщения, приобщающих людей к культуре других народов, способствует распространению "чужих", в том числе и криминальных, стандартов жизни, порочных потребностей, разрушению самобытных многовековых национальных традиций, а затем и созданию новых рынков сбыта незаконных товаров и услуг (наркотики, оружие, азартные игры, секс-бизнес и т. д.), входящих в сферу деятельности преступных организаций.

9. Неимоверно быстрый рост новых потребительских товаров и услуг, распространение психологии общества потребления и философии жизни одним днем, коммерциализация жизни и "окорыствование" общественных отношений способствуют в странах с низким уровнем жизни распространению продажности государственных служащих, что является одним из условий выживания организованной транснациональной преступности, особенно там, где от чиновников зависит очень многое.

Итак, опасности, которые несет транснациональная организованная преступность, постепенно и медленно осознаются ООН и другими международными организациями, в той или иной мере отслеживающими этот феномен, чего, к сожалению, нельзя сказать об отдельных странах, в том числе и о России. ООН и Интерпол предпринимают серьезные усилия по объективации данного явления, по выявлению тенденций его развития, по разработке наи-

более эффективных, опробированных и унифицированных методов его контроля. Организованная транснациональная преступность используя любое насилие, тем не менее, базируется на интеллектных методах реализации ею открывающихся международных возможностей, которые были перечислены выше, напоминают одну из восточных форм борьбы, основанной на использовании движения противника, путем перехватывания, продолжения и постепенного изменения его направленности с выгодой для себя. Она творчески использует любые позитивные или негативные, постоянные и временные, глобальные и региональные процессы, которые помогают ей, а также создает их сама, воздействуя на политические, экономические и правовые процессы той или иной страны.

5. Некоторые транснациональные преступные организации

Структурные схемы национальных и транснациональных преступных организаций зависят от конкретных условий их базирования, международных и отечественных возможностей, "квалификации" и "специализации" их организаторов и руководителей, общего числа задействованных преступников, уровня конспирации, коррумпированной защиты и других обстоятельств. Определяющим моментом являются характер, территория и размах преступной деятельности. Поэтому преступные организации не имеют какой-то единой модели построения. В одном случае они формируются в виде жесткой иерархизированной "корпорации", в другом — в форме сетевой структуры, меняющей свой облик в зависимости от условий, в третьем — в виде каких-то промежуточных и разнородных образований. Сфера их действий бывает относительно постоянной, меняющейся от ситуации или демонстрирующей "всеядность" организованных преступников, готовых на любые преступления ради сверхприбыли. Такой всеядностью, по мнению западных исследователей, отличаются российские преступники, а также японская "якудза" и китайские "триады", которые имеют в своем арсенале, как правило, полный набор противоправной деятельности.

Есть достаточно оснований полагать, что организованная преступность существует во всех странах. Особое распространение в мире получили американская "Коза ностра", итальянская мафия, китайские "триады", японская "якудза", колумбийские картель, нигерийские преступные формирования и российская организованная преступность⁵⁴.

Об американской мафии — преступном синдикате "Коза ностра" — написаны горы научных, публицистических и художественных книг и статей, в том числе и в нашей стране⁵⁵. Структура американской преступной "конфедерации", как ее еще называют, является сложной. Официально в докладе Президентской комиссии 1967 года она оценивалась ассоциацией, которая стремится действовать вне контроля американского народа и его правительства. Она включает в себя тысячи преступников, действующих

рамкаж таких же сложных структур, как образования крупных корпораций, и подчиняющихся своим законам, которые применяются с большей жесткостью, чем законы правительства.

США — страна многонациональная и иммигрантская, поэтому мафия в ней чаще всего формируется по национальным этническим признакам: итальянская, мексиканская, кубинская, китайская, японская и т. д. В последнее время там много говорится о русской мафии, под которой понимается любая (еврейская, чеченская, армянская, грузинская и т. д.) этническая группа, организованная эмигрантами, прибывшими с территории бывшего СССР. Этничность американской мафии предопределяет ее транснациональный характер, так как сговор ее национальных «семей» с организованными преступниками «своих» стран практически запрограммирован. Примером может служить связь преступной деятельности группировки российского «вора в законе» В. Иванькова («Япончика») в США и России или одного из крестных отцов солнцевской группировки С. Михайлова (Михася) в США, Израиле, Бельгии, Швейцарии и России. Один из них был осужден в США, а другой арестован в Швейцарии.

Транснациональность ее увеличивается в связи с огромным спросом в США на наркотики, другие незаконные товары и услуги и не менее огромными возможностями американских преступных сообществ на незаконные поставки оружия, боевой техники, взрывчатых, химических и радиоактивных веществ в другие страны. Промышленные и финансовые компании США давно практикуют подкуп высоких государственных лиц из других стран для получения выгодных контрактов. Как богатейшая страна мира, США привлекают организованных преступников, занимающихся финансовыми махинациями, компьютерными преступлениями, кражей автомобилей и другими деяниями. Поэтому крупные транснациональные преступные организации других стран, как правило, имеют связи с американской международной мафией.

Итальянская мафия обладает одной из самых сложных тайных структур. Под ней обычно понимается «Коза ностра», сицилийская мафия, неополитанская каморра, калабрийская ндрагета и другие преступные объединения. В основе итальянской мафии лежат закон умолчания и тесные связи, основанные на страхе, личных, семейных отношениях и функциональной зависимости. Возникнув в период слабого государства как структура самозащиты и самоуправления, «Коза ностра» переместилась из сельской местности в городские районы, а затем и в транснациональный преступный бизнес. Расширение миграционных потоков позволило итальянской мафии наладить сбыт наркотиков в США, Германии и других странах, а также установить широкие связи с другими транснациональными преступными организациями⁵⁶.

Ориентируясь на страх народа и властей — свой основной метод выживания, мафия пыталась запугать должностных лиц, начавших в 80-е годы активную борьбу с ней. Она организовала серию убийств парламентариев, журналистов, судей и полицей-

ских. В мае — июне 1992 года были убиты наиболее мужественные и известные борцы с мафией судьи Джовани Фальконе и Паоло Барселлино⁵⁷. Но, к чести итальянского общества, это не привело к желаемым для мафии результатам: были приняты более строгие законы, пробудилось национальное самосознание, активизировались правоохранительные органы, начата операция “Чистые руки” и мафии был нанесен ощутимый урон. В стране все острее ставится вопрос о сращивании мафии с государственными и политическими структурами, идет череда разоблачений высших государственных лиц в коррупции и связях с мафией. За это привлечен к уголовной ответственности неоднократно бывший премьер-министром Италии известный политический деятель Андреотти. Были подорваны и транснациональные связи мафии. Однако мафия вряд ли победима, особенно в Италии, где она, собственно, и зародилась.

Китайские “триады” представляют собой гибкую сетевую систему, структура которой может меняться в зависимости от той или иной преступной деятельности или операции. “Триады” — традиционная форма преступного сообщества в Китае II века до н. э. — XX века. Слово “триады” заимствовано из священного символа китайского общества — небо, земля, человек (треугольник)⁵⁸. Этнические китайские преступные организации являются очень сплоченными, не допускающими постороннего внедрения. Они базируются в самом Китае, Гонконге, Тайване и других местах Юго-Восточной Азии⁵⁹. “Триады” имеют разветвленную систему в Западной Европе, в китайских общинах Северной Америки, на Дальнем Востоке России. Значительную опору они находят среди китайских нелегальных эмигрантов, которых эксплуатируют. Как уже говорилось, “триады” всеядны. Они занимаются многими видами преступной деятельности, включая вымогательство, проституцию, азартные игры, незаконный оборот наркотиков, являясь крупными поставщиками героина в США и Западную Европу.

Организованная преступность в Японии получила распространение в середине 50-х годов. Ее пик пришелся на 1963 год, когда в стране насчитывалось 5216 преступных организаций, объединивших 18,5 тыс. человек. Затем число преступных группировок сокращалось. Японская “якудза” является одной из распространенных японских преступных организаций. В нее входят несколько крупных группировок, насчитывающих десятки тысяч человек⁶⁰. В Белой книге о преступности в Японии мафиозные группировки именуются “бориокудан”. К слову сказать, Япония — одна из немногих стран, в статистических сборниках которых как-то отражается деятельность организованных преступников. Группировки бореокудан дислоцируются на территории Японии и занимаются контрабандным ввозом наркотиков на Гавайские острова, в Калифорнию, где находятся крупные японские общины, и незаконным ввозом оружия в Японию. “Якудза” присутствует практически во многих странах. В Юго-Восточной Азии она занимается секс-бизнесом, азартными играми, мошенничеством, отмыванием “грязных” денег, внедряется в сферу законного предпринимательства.

Колумбийские картели являются уникальными преступными организациями, способными вести боевые действия с правительственными войсками. Они занимаются исключительно наркобизнесом, базируются в Колумбии и распространяют свою деятельность на территорию США, а в последние годы — в Западную и Восточную Европу, Россию, Украину и другие государства, образованные на территории бывшего СССР. Широкоизвестными стали медельинский и калийский картели. Структура картелей носит узкоспециализированную ячеистую структуру. Каждая ячейка выполняет свою ограниченную функцию: разработку наркотика, сбыт, разведку, охрану и т. д. Это помогает выжить картелю даже в условиях внедрения агентов в одну из ячеек и привлечения ее членов к уголовной ответственности.

Российская транснациональная организованная преступность не имеет специфического названия, как в США, Италии, Японии. Она является относительно молодой, но уже хорошо известна в мире. “Слава” к ней пришла не только из-за ее реальной преступной деятельности, но и благодаря множеству громких публикаций о ней в Европе и Америке. Стало очень модным пугать Запад российской (русской) мафией. Тема о русской мафии раздувается искусственно. Как уже говорилось, к ней причисляют всех выходцев из стран, образованных на территории СССР. О выходе бывшей советской и российской мафии на транснациональные формы преступной деятельности есть много журналистских доказательств⁶¹. Но научный анализ не может базироваться на газетных сенсациях. Они не всегда объективны. Многие западные исследования этого феномена⁶², к сожалению, базируются на газетных статьях зарубежных авторов, которые не владеют объективной информацией об организованной преступности в России и даже приводят сенсационные, но ложные факты, как это было в “Таймс” от 18 ноября 1993 г. и в справочных документах ООН (о чем упоминалось выше).

Российская транснациональная преступность зарождалась в недрах той же теневой экономики СССР и в кругах партгосхозноменклатуры, которая только одна и имела возможность выхода за рубеж. Ныне становится известно, что криминальный номенклатурный транснациональный бизнес существовал с середины 70-х годов под прикрытием КПСС и КГБ. Классическое же становление транснациональной организованной преступности в России приходится на конец 80-х и начало 90-х годов, когда окончательно открылся железный занавес, когда стал зарождаться частный капитал с зарубежными контактами, когда разрушились экономические связи различных регионов бывшего Союза, когда Россия оказалась без охраняемых границ, когда федеральные власти были серьезно ослаблены и региональная элита стала искать способы самостоятельного выживания, когда в обществе доминировала политическая нестабильность, прерывавшаяся путчами 1991 и 1993 годов, когда возникла потребность в незаконных поставках оружия в зоны межнациональных конфликтов, когда коррупция чиновников,

могущих любые транснациональные аферы “превратить” в легальный бизнес, достигла апогея. В 1992 году, например, в России возникло более десятка организаций, бесконтрольно торгующих оружием. После проверки их контрольными органами они были ликвидированы и на их базе была создана государственная компания “Росвооружение” с монопольным правом торговать оружием. Ее проверка правоохранительными и контрольными органами тоже выявила злоупотребления, повлекшие возбуждение уголовного дела⁶³.

Во время перестройки и стихийного перехода к рынку партгосхозноменклатура первой использовала открывающиеся транснациональные возможности для контрабандного вывоза нефтепродуктов, золота, металлов, сырья, вооружения, валюты, антиквариата и произведений искусства в другие страны, контрабандного и беспошлинного ввоза товаров в Россию. Номенклатурные транснациональные преступные организации оказались вне конкуренции и за рубежом, и в своей стране. За рубежом потому, что они фактически создавались еще при бывшем СССР и располагали огромными, ни с чем не сопоставимыми ресурсами, которые они распродавали по бросовым ценам. А в своей стране потому, что в ней не было нормальных рыночных отношений и с ними никто не мог конкурировать, так как за ними непосредственно стояли партийные, государственные, хозяйственные структуры, а нередко КГБ и МВД.

За номенклатурными преступниками на международный уровень стали выходить полукриминальные и криминальные коммерческие предприятия, чаще всего возглавляемые ставленниками той же номенклатуры, и только потом — “воры в законе” типа “Япончика” (В. Иванькова) и другие уголовные группировки, о которых больше всего сейчас и пишут на Западе.

Объективная оценка опасности российской транснациональной организованной преступности показывает, что наибольшую угрозу она представляет не столько западным странам, сколько своему родному отечеству. Более того, Россия оказалась недостаточно подготовленной для борьбы с организованной преступностью других стран. В одном из подготовительных документов к Всемирной конференции по организованной преступности не без основания отмечалось: “Преступные группы стремятся проникнуть в экономику стран, находящихся на переходном этапе, не только вследствие ее потенциала, но и из-за того, что это сопряжено с меньшим риском для них”⁶⁴. В следственном управлении ФСБ в 1995 году, например, расследовалось крупное дело о контрабанде наркотиков, которой занимались жители России, Украины, Беларуси, Нидерландов и ряда африканских стран. Преступники, используя слабый контроль в нашей стране, пытались провезти из Нигерии в Нидерланды через Россию 4 тонны наркотиков^{64а}. Преступление было пресечено, и ясно, что оно было не первой попыткой транснациональной преступной организации.

Россия открыла уникальные возможности для транснациональной организованной преступности. Они укладываются в несколько “нет” и несколько “есть”.

В России до последнего времени не было необходимых законов о борьбе с организованной преступностью вообще, а с транснациональной в особенности; законов, преследующих за отмывание "грязных" денег; надежно работающей правоохранительной системы; жесткого валютного, финансового, банковского, налогового и иного экономического контроля, хорошо обустроенных границ и четко налаженной таможенной и миграционных служб; государственного осознания опасности "своей" и "чужой" транснациональной организованной преступности; политической воли для борьбы с ней.

В России есть: огромные природные и иные ресурсы; не поделенная государственная собственность; высокие технологии вооружений и средств массового уничтожения, включая химические и ядерные материалы; незаполненный рынок для незаконных товаров и услуг; беспрецедентная продажность должностных лиц и других государственных чиновников, в том числе и в системе уголовной юстиции; нищенское положение значительной части населения; масса выброшенных государством людей, в том числе и высококлассных специалистов, желающих выжить любым путем; боязнь властей, некоторых политических и общественных деятелей прослыть "авторитарными" и установить жесткий социально-правовой контроль над криминальной экономической деятельностью. Как справедливо отмечалось в международных документах Всемирной конференции по организованной преступности, "в странах, в которых ранее существовали тоталитарные системы, отмечается большое нежелание принимать какие-либо меры, которые... связаны с новым введением контроля над обществом"⁶⁵.

Все сказанное давно оценили американская и итальянская мафия, колумбийские картели, японская "якудза", китайские "триады", азербайджанские, армянские, грузинские, прибалтийские, турецкие, вьетнамские, корейские преступные организации, а также многие западные коммерческие фирмы, не блещущие хорошей репутацией, которые "бросились ловить рыбу в мутной экономической и юридической воде" России.

Осознание реальных масштабов и общественной опасности, создаваемой организованной преступностью в России и других странах, остается актуальной задачей властей и народа⁶⁶. Как бы трудно оно ни проходило, однозначность решения этого вопроса очевидна. Суть его можно свести к трем важнейшим установлениям: к адекватной криминализации организационной деятельности, к перекрытию каналов легализации преступно нажитых средств, к законообусловленному подрыву экономического могущества организованной преступности. Вступление России в Совет Европы облегчает принятие таких решений, так как мы обязаны привести наше законодательство в соответствие с европейскими установлениями. Одним из них является Конвенция "Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности" 1990 года, принятие или ратификация которой поможет в борьбе с организованной преступностью.

- ¹ Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 267.
- ² Организованная преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. Круглый стол издательства "Юридическая литература". М., 1989. С. 104—131.
- ³ Целесообразность разработки международных документов, включая конвенции, о борьбе против организованной транснациональной преступности. Справочный документ. Всемирная конференция на уровне министров по организованной транснациональной преступности. Неаполь, 21—23 ноября 1994. E/CONF. 88/6 29 Sept. 1994. P. 13.
- ⁴ Gary W. Potter. Criminal Organisations: Vice, Racketeering Politics in an American City. Prospect Heights, Illinois, Waverland Press, 1994. P. 117.
- ⁵ Проблемы и опасности, которые создает организованная транснациональная преступность в различных регионах мира. Справочный документ. Всемирная конференция на уровне министров по организованной транснациональной преступности. Неаполь, 21—23 ноября 1994 г. E/CONF. 88/2. 18 Aug. 1994. P. 5.
- ⁶ Организованная преступность. Проблемы, дискуссии, предложения... С. 25—27.
- ⁷ Кларк Р. Преступность в США. М., 1975. С. 106.
- ⁸ См., например: Проблемы и опасности, которые создает организованная транснациональная преступность в различных регионах мира... P. 4; Ryan P. J. "RICO, OCCA, and Defining Organized Crime. Organized Crime Is What Organized Crime Does". Criminal Organizations 5. 2 (1990): 18—26; Овчинский В. С. Стратегия борьбы с мафией. М., 1993. С. 9—15.
- ⁹ Литературная газета. 1988. 20 июля.
- ¹⁰ Литературная газета. 1988. 29 сент.
- ¹¹ Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью. Проект федерального закона и комментарий. М., 1994; Щит и меч. 1994. 27 окт.
- ¹² Российская газета. 1995. 25 окт.
- ¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации. Проект // Российская газета. 1995. 25 янв.
- ¹⁴ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. М., 1995. С. 61.
- ¹⁵ См.: Что такое организованная преступность? Круглый стол журнала "Социалистическая законность". 1988. № 9; Организованная преступность и переход к рыночным отношениям. Круглый стол журнала "Советское государство и право". 1992. № 2—3; Овчинский В. С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в РФ. Дисс. на соиск. уч. ст. д. ю. н. М., 1994; Корчагин А. Г., Номоконов В. А., Шульга В. И. Организованная преступность и борьба с ней. Владивосток, 1995 и многие другие.

¹⁶ Организованная преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. Круглый стол издательства "Юридическая литература". М., 1989; Организованная преступность — 2. Проблемы, дискуссии, предложения. Круглый стол Криминологической ассоциации. М., 1993 и др.

¹⁷ Гальперин И. Организованная преступность, коррупция и уголовный закон // Социалистическая законность. 1989. № 4.

¹⁸ Наумов А. В. Организованная преступность. Проблемы, дискуссии, предложения // Круглый стол. М., Юрид. лит., 1989. Советское государство и право. 1991. № 7. С. 142; Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 305—306.

¹⁹ Handelman Stephen, quoted in Seymour M. Hersh, "The wild East" // The Atlantic Monthly. Vol. 273. No 6 (June 1994). P. 79; Serio Joseph. "Organized Crime in the former Soviet Union: only the name is new" // CJ International. Vol. 9. No 4 (July—Aug. 1993). P. 11.

²⁰ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 6.

²¹ Пушкин А. С. Герой // Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. Л., 1961. С. 251.

²² Цит. по: Пипия А. Организованная преступность в США // Социалистическая законность. 1988. № 8. С. 65.

²³ Цит. по: Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. М., ИГПРАН, 1995. С. 186.

²⁴ Mafia, ndragheta e cammora dopo la legge la torre: Atti della Commiss, parlamentare / A cura di Fanto E. Roma, 1989.

²⁵ Raccolta di legislazione dello stato e della regione Siciliana in ordine alla repressione della mafia e della criminalita' organizzata. Assemblea regionale Siciliana. 1992.

²⁶ Национальное законодательство и его соответствие требованиям борьбы с различными формами организованной транснациональной преступности; Надлежащие руководящие принципы для принятия законодательных и иных мер на национальном уровне. Справочный документ. Всемирная конференция на уровне министров по организованной транснациональной преступности. Неаполь, 21—23 ноября 1994. E/CONF. 88/3. P. 9.

²⁷ Там же. P. 30.

²⁸ Там же. P. 8; Законодательство по борьбе с организованной преступностью в зарубежных странах. М., 1989.

²⁹ Цит. по: Кузнецhevский В. У Президента сбился пульс. И мир заволновался // Российская газета. 1995. 4 нояб.

³⁰ Albini Joseph L. The American Mafia. Genesis of a Legend. New York, 1970; Kenney Dennis J. and Finckenauer James O. Organized Crime in America. New York, 1995.

³¹ Власов А. На страже правопорядка // Коммунист. 1988. № 5. С. 52.

³² Finckenauer O. Russian Youth: Law, Deviance and the Pursuit of Freedom. New Brunswick and London, 1995. P. 20.

³³ Крыштановская О. В. Нелегальные структуры России // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 96.

³⁴ Оперативная обстановка в стране и меры по усилению борьбы с преступностью. М., МВД РФ, 1993. С. 3; Состояние правопорядка в России и результаты работы органов внутренних дел в 1993 году. М., МВД РФ, 1994. С. 11; Известия. 1994. 21 окт.; Аргументы и факты. 1994. № 48. С. 10.

³⁵ Известия. 1994. 26 янв.

³⁶ Разинкин В. С. "Воры в законе" и преступные кланы. 1995.

³⁷ Известия. 1994. 21 окт.

³⁸ Шабалин В., Роджерс Р. Организованная преступность. Вып. 9. Новосибирск, 1990. С. 1.

³⁹ Казаков М. Мафия против мафии // Российская газета. 1995. 26 июля.

⁴⁰ Российская мафия собирает досье на крупных чиновников и политиков // Известия. 1994. 26 янв.

⁴¹ Разинкин В. "Воры в законе", вынося приговор, справок не требуют // Российская газета. 1995. 12 сент.

^{41a} Известия. 1996. 5 нояб.

⁴² Руководство для дискуссии на Девятом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. А/CONF. 169/PM. 1 Corr. 1. P. 39.

⁴³ Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана. 27 августа — 7 сентября 1990 г. Доклад, подготовленный Секретариатом. Нью-Йорк, 1991. С. 168—169, 192—198.

⁴⁴ United Nations, Département of Public Information, "Drug trafficking and the world economy". Jan. 1990.

⁴⁵ Financial Action Task Force on Money Laundering: Report. Paris. 7 Febr. 1990.

⁴⁶ Law Intensity Conflict and Law Enforcement. Vol. 2. No 2 (autumn 1993). P. 215; Девятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом. А/CONF. 169/5. 30 March 1995. P. 12.

^{46a} Российская газета. 1996. 5 сент.

^{46b} Российская газета. 1996. 17 и 29 окт.

⁴⁷ См., например: United States Department of Justice Washington, D. C., 1993. Federal Bureau of Investigation, Terrorism in the United States; "Круглый стол": терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 20—47.

⁴⁸ Девятый конгресс ООН... А/CONF. 169/5. 30 March 1995. P. 16.

⁴⁹ Josh Friedman. Stugglers move 1 million yerly to industrial world. Hauston Chronicle. 12 June 1994.

⁵⁰ Проблемы опасности, которые создает организованная транснациональная преступность... P. 26.

⁵¹ Interpol picks up a shadow, European, 30 July—2 Aug. 1992.

⁵² Offences related to terrorism, organized crime, Selected forms of property and violent crime. Situation in 1988. P. 6—10.

⁵³ Результаты дополнительного обзора по транснациональной преступности в рамках Четвертого обзора ООН по вопросу о тенденциях в области преступности и функционировании систем уголовного правосудия. Промежуточный доклад Секретариата. A/CONF. 169/15/Add. 1. 4 Apr. 1995.

⁵⁴ Проблемы и опасности, которые создает организованная транснациональная преступность в различных регионах мира... P. 13—21; *Organized Crime across the Borders. Preliminary Results* By E. U. Savona, S. Adomoli, P. Zoffi. HEUNI Papers No 6. Helsinki, 1995.

⁵⁵ *Giovanni Schiavo. The Truth About the Mafia.* El Paso: The Vigo Press, 1962; Ed Reid. *Mafia.* New York, The New American Library of World Literature, Inc., 1964; *Albini Joseph L. The American Mafia. Genesis of a Legend.* New York, Irvington Publishers Inc., 1970; США: преступность и политика. М., 1972; *Геворгян В. М. Организованная преступность в США.* М., 1980; *Никифоров А. С. Гангстеризм в США: сущность и эволюция.* М., 1991 и др.

⁵⁶ Проблемы и опасности, которые создает организованная преступность в различных регионах мира... P. 14—15; *Минна Р. Мафия против закона.* Пер. с итал. М., 1988.

⁵⁷ Известия. 1992. 25 мая, 23 июля, 6 авг.; *De Rosa G. Il problema della criminalita organizzata in Italia // Civiltà cattolica.* Roma, 1992.

⁵⁸ *Booth M. The Triads: The Chin. criminal fraternity // L. ets. Grafton books,* 1990.

⁵⁹ *Posner G. L. Warlords of crime: Chinese secret soc. the new Mafia.* New York, 1988.

⁶⁰ *Беляевская О. А. Организованная преступность в Японии: научно-аналитический обзор.* М., 1990; *Hoshino Kanehiro. Organized crime and its origins in Japan // The review of comparative Law.* Vol. 5—6. Lublin, 1990. P. 201—242.

⁶¹ *Кириллов А. Русские “шайки” из всемирной “прачечной” // Российская газета.* 1995. 12 авг.

⁶² См., например: *Johnson Carl. Russian Organized Crime.* in Phil Williams, Carl Florenz, John Deal and Joseph Furloni (eds). *Drug Trafficking and National Security* (Boulder, Co: Westview Press, 1995; *Serio Joseph. Organized crime in the former Soviet Union: only the name is new // Criminal Justice International.* July—Aug., 1933; *Handelman Stephen. The Russian Mafia // Foreign Affairs.* March—Apr. 1994 и др.

⁶³ Российская газета. 1995. 5 мая; 1996. 26 сент.

⁶⁴ E/CONF. 88/1. 29 Sept. 1994. P. 5.

^{64a} Российская газета. 1996. 26 окт.

⁶⁵ Проблемы и опасности, которые создает организованная транснациональная преступность... P. 35.

⁶⁶ *Лунеев В. В. Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции // Государство и право.* 1996. № 4.

Глава 10

Криминальность политической и правящей элиты

1. “Профессиональная” преступность политической элиты

Между уровнем преступности и состоянием нравственно-правовых устоев политической и особенно правящей элиты общества обычно регистрируется значимая прямая корреляционная зависимость. Она отражает общую причинную базу коррелируемых явлений, связь их криминальных состояний и особенно устойчивую взаимообусловленность. Криминологическая обстановка в стране оказывает существенное влияние на уровень криминальности элитарных кругов, а противоправное и иное отклоняющееся поведение последних является серьезным криминогенным фактором в структуре причин преступного поведения граждан. Поэтому есть основания полагать: чем выше уровень преступности в обществе, тем выше уровень криминальности элитных групп и наоборот: чем выше криминальность элиты, тем выше уровень преступности среди всего населения той или иной страны. С криминологической точки зрения последняя взаимосвязь является наиболее важной.

В зависимости от исторических, национальных, религиозных, политических и других социокультурных традиций и предпосылок правового и противоправного поведения в каждой стране рассматриваемая взаимообусловленность может функционировать со значительными специфическими отклонениями. Однако в любом случае она остается прямой и относительно заметной, особенно между криминальностью правящей (управляющей) элиты и криминологической обстановкой в стране в целом. Она четко выражена в русской поговорке: “Рыба гниет с головы”. Бывший министр юстиции США Р. Кларк сформулировал это так: многие преступления отражают разрыв, существующий между нравоучениями, исходящими от правящих кругов, и реальной практикой. “Они указывают на масштабы национального лицемерия”¹. “Существует ли в природе честное правительство?” — задает риторический вопрос Дж. Черч, исследуя коррупцию в правящих кругах Колумбии, Индии, Франции, Италии, Испании, Мексики, Эквадора, Кении, Южной Кореи, Японии и других странах². Вывод один: можно говорить лишь о степени криминальности правящих и политических элит. Но движение к демократии и большей открытости — это движение к честности.

При любом уровне критичности населения к правящим кругам последние, как правило, служат неким образцом (положительным или отрицательным) для прямого и косвенного подражания, а при высокой криминальности элиты — серьезным аргументом для прямого и косвенного оправдания своего противоправного поведения. Преступность правящей элиты формирует кроме всего прочего еще и недоверие, а то и отвращение к власти, что тоже криминологически значимо.

Криминальность элиты не совсем укладывается в известное понятие “преступность белых воротничков”. Американский криминолог Эдвин Сатерленд, придумавший его, понимал под ним преступления управляющих бизнеса². За последнее пятидесятилетие оно расширилось и углублялось³. Управляющие властью стоят в социальном плане на порядок выше управляющих бизнесом. Используя подход Сатерленда, преступность в сфере власти можно условно назвать “преступностью респектабельных белых воротничков” или просто “респектабельной преступностью”, как ее назвал другой американский криминолог Эдвин Шур⁴.

Политической и правящей элите “доступны” все существующие преступления. Но когда говорят, что политика — дело “грязное”, имеют в виду функциональную криминальность элиты. Наиболее опасными функциональными, или “профессиональными”, формами ее криминального поведения являются политический терроризм (насилие власти) и политическая коррупция (продажность власти)⁵. Они стали мировыми проблемами. Международное сообщество в лице ООН давно озабочено криминальностью правящих кругов, особенно их коррумпированностью (продажностью). Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 г.) в своей резолюции “Коррупция в сфере государственного управления” одобрил руководство “Практические меры борьбы с коррупцией”⁶ и отметил, что проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер и их пагубное влияние ощущается во всем мире⁷.

Статистические и социологические подтверждения существующих взаимосвязей между криминальностью правящих элит и общей преступностью затруднены из-за особо высокой латентности криминального поведения правящих кругов и их корпоративной закрытости. Латентность преступлений должностных лиц в целом многократно выше латентности преступного поведения остального населения, а скрываемость преступлений, совершаемых правящей элитой, является наиболее изоциренной. И это несмотря на огромное внимание к ней средств массовой информации, политических противников и общественных организаций. Даже тогда, когда значительная часть населения на себе ощущает криминальное давление правящих кругов, когда вопрос о их продажности, как говорится, у всех на слуху, когда систематически публикуются те или иные сведения об этом, когда возбуждаются конкретные уголовные дела, большинство рассматриваемых преступлений остаются юридически невыявленными или недоказанными. Уголовная юстиция занимается не более чем тысячной долей реально совершаемого правящей элитой.

Это обусловлено рядом обстоятельств: 1) правонарушения правящих кругов обычно связаны с управленческой деятельностью ее субъектов, которая и при провозглашении открытости остается в значительной мере конфиденциальной; 2) в совершаемых элитой должностных преступлениях, как правило, нет прямых и непосредственных жертв, а также свидетелей, заинтересованных в об-

народовании таких фактов; 3) “профессиональные” преступления в среде правящих элит различных стран совершаются с использованием изощренных высокоинтеллектуальных способов достижения противоправных целей и современных методов защиты от разоблачения; 4) лицам из правящих кругов, нарушавшим законы даже в развитых демократических странах, в силу корпоративной солидарности всего истеблишмента намного чаще удается избежать реальной уголовной ответственности, чем остальным гражданам.

Громкие периодические разоблачения высокопоставленных должностных лиц в совершении противозаконных действий являются скорее исключением, чем правилом, одной из крайних форм межпартийной и предвыборной борьбы, публичной и лукавой демонстрацией народу декларированного правового порядка, а также испытанным способом освобождения элитарных кругов от одиозных фигур. Но и в этих случаях судебные процессы чаще всего завершаются назначением виновным щадящих наказаний, не связанных с лишением свободы. В авторитарных же и иных недемократических и переходных режимах, как в России, правящая элита обычно наделяет себя еще и практически полной неприкосновенностью. Более того, она фактически управляет деятельностью правоохранительных органов и судов, которые в связи с этим не имеют реальной возможности руководствоваться только законом.

Правящая элита во многих странах может купить себе свободу. Заместитель министра внешнеэкономических связей РФ Догаев, например, арестованный за совершение преступления, был выпущен судом под залог в 1,5 млрд. руб. Генеральный прокурор РФ Ю. Скуратов, рассказывая в интервью об этом факте, риторически сетует: “Скажите, у вас есть полтора миллиарда? Они (преступники от власти. — В. Л.) нашли буквально через четыре часа”⁸. В итоге правящая элита, как и элита преступного мира, оказывается вне закона, что было образно подмечено в поэме Максимилиана Волошина “Путями Каина”: “В нормальном государстве вне закона находятся два класса: Уголовный и правящий. Во время революции они меняются местами...”

В связи со сказанным официальные статистические данные о криминальности политической и особенно правящей элиты невероятно далеки от объективности. И такое положение существует не только в России. Иные сведения (результаты прокурорских проверок, сведения различных контролирующих органов, письма и жалобы граждан, сообщения средств массовой информации, материалы расследования, не дошедшие до суда, и др.) не имеют системности и не являются бесспорными. По ним трудно выявить реальные тенденции элитарной криминальности. Тем не менее они могут быть использованы в криминологических, социологических, политологических исследованиях. Как показывает мировой опыт, “четвертая власть” — СМИ — в открытом демократическом обществе может эффективно “контролировать” три первые, законодательную, исполнительную и судебную, если, конечно, она является независимой и объективной.

Исходя из этих общих положений, я и попытаюсь проанализировать криминальность советской и российской политической и правящей элиты с учетом национальных исторических предпосылок и тенденций современной преступности. Эта проблема для российской криминологической науки является абсолютно новой. В США, Англии и других странах есть много работ о преступности и политике, о политической коррупции и политическом терроризме. Особенно интересны исследования Оксфордского университета⁹. В России эта проблема криминологической наукой только начинает осознаваться¹⁰. Чаще всего и очень активно она исследуется на журналистском уровне. И хотя практическая эффективность таких публикаций пока невелика, данное направление борьбы с преступностью является наиважнейшим. И то, что в России об этом стало можно открыто говорить, является шагом в правильном направлении.

2. Исторические предпосылки криминальности правящих кругов в СССР и России

Многовековая история государств различных формаций свидетельствует о тесной связи политики и преступности¹¹, политической элиты и криминальных путей достижения и удержания власти, политической элиты и собственности. Эти взаимосвязи исторически были свойственны и России (СССР), царской, коммунистической¹² и посткоммунистической. Формы и характер криминальности российских (советских) властей менялись, но уровень ее не уменьшался, а возрастал. Выживаемость элиты в связи с объективными демократическими процессами усложнялась. Удерживать власть в руках узкого круга людей все труднее и труднее. Но в то же время и большевистский лозунг "Власть народу" является фальшивым. Исследователи-элитисты давно пришли к выводу, что в обществе всегда правило, правит и будет править меньшинство¹³. Н. А. Бердяев, подтверждая эту мысль, писал: "С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархии и для демократии, для эпох реакционных и для эпох революционных. Из управления меньшинства нет выхода... Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее"¹⁴.

К великому сожалению, в текущем столетии, особенно после революции, Россией (СССР), как сегодня становится очевидным, управляло не лучшее меньшинство. В советское время его криминальность засекречивалась и камуфлировалась. В последние годы криминальность новой формирующейся политической и правящей элиты стала практически открытой, я бы даже сказал, откровенной и даже циничной, но противоправная деятельность элиты, как и в советское время, остается неподконтрольной обществу и почти "неведомой" правосудию. Страна наша и в этом плане заметно отстает от цивилизованного мира. В западноевропейских странах давно наметилась тенденция уменьшения связи между властью и преступностью, обусловленная развитием демократической право-

вой государственности и контроля общества над элитой. Россия пока только пытается встать на этот путь.

Чтобы приблизиться к пониманию криминологических особенностей современной российской элиты, коротко рассмотрим исторические предпосылки ее становления по некоторым важным периодам.

Сталинский период. В эти годы в СССР регистрировался относительно низкий уровень уголовных (400—500 преступлений на 100 тыс. жителей) и особенно должностных преступлений. Даже в 1956 году на весь Союз было зарегистрировано 465 случаев взяточничества (0,2 преступления на 100 тыс. всего населения и примерно 2—3 деяния на 100 тыс. должностных лиц, могущих нести уголовную ответственность за совершение этого преступления). И это несмотря на то, что по УК РСФСР 1926 года, который действовал до 1960 года, за должностные (служебные) преступления, в том числе и за взяточничество, нес уголовную ответственность предельно широкий круг лиц, занимающих постоянные или временные должности в государственных учреждениях, на предприятиях и в организациях. Диапазон: от кладовщика, кассира или старшего конюха до высших должностных лиц государства.

Причин низкого уровня зарегистрированной должностной преступности несколько, негативных и позитивных. Одной из них был жесткий тотальный контроль за поведением и деятельностью людей, в том числе и служивых. По мнению Г. П. Федотова, государство не оставляло ни одного угла в жилище человека, ни одного угла в его душе вне своего контроля¹⁵. Государственные служащие были и контролерами, и контролируруемыми одновременно.

Каждый человек, независимо от своего служебного положения, находился в перекрестии всех его составляющих, экономической, правовой, организационной, идеологической, социально-психологической, оперативной и репрессивной, содержание которых подробно рассматривалось в главах 2 и 6 монографии. Абсолютная экономическая зависимость должностных лиц от государства, узаконенный приоритет государства над правами личности, всеохватный жесткий централизм власти с почти военным подчинением государственных служащих, всеобщая секретность, не допускающая разглашения фактов реальной действительности, единомыслие и подавление инакомыслия, доминирование прокоммунистического общественного мнения, систематическая слежка за поведением и деятельностью государственных должностных лиц и массовые преследования за несогласие с установлениями режима были одновременно и серьезным антикриминогенным барьером при совершении уголовных преступлений, и комплексом обстоятельств, толкающих должностных лиц к общественно опасным формам защиты существующего режима.

Именно с этими факторами в первую очередь связан низкий уровень уголовной преступности в СССР вообще и преступлений руководящих должностных лиц в частности. С другой стороны, низкий уровень уголовной преступности должностных лиц с избытком компенсировался массовыми злоупотреблениями властей, а зна-

чит, и должностных лиц против своего народа¹⁶. Жертвы этих злоупотреблений, как известно, приравниваются к жертвам обычных преступлений¹⁷. А сами злоупотребления властей по сути своей есть не что иное, как должностные правонарушения и преступления, которые отражают реальную и опасную криминальность правящих кругов.

Я умышленно употребляю применительно к нашей стране термин “правящие круги” вместо “правящая элита”. Партийных, государственных и хозяйственных руководителей в сталинский период лишь условно можно было отнести к элите, так как они не представляли собой устойчивой социальной общности, которая бы самостоятельно определяла политические и экономические процессы в стране¹⁸. Как и все остальные граждане, они были “винтиками”, хотя и “находившимися” на различных иерархических уровнях партийной, государственной и хозяйственной власти. Горизонтальные связи между ними, а тем более какие-либо организационные ее формы рассматривались как преступные организации. Все они были под строжайшим запретом и расценивались как тягчайшее контрреволюционное преступление. За их совершение руководители различных рангов (от секретарей и членов Политбюро ЦК, членов правительства и до местных управителей) чаще других граждан попадали под каток массовых политических репрессий.

Таким образом, должностные лица различных уровней в сталинские времена могли быть либо преступниками или иными правонарушителями, либо жертвами репрессивных властей, либо вначале преступниками, потом жертвами. Примером последних может служить биография одного из наиболее одиозных руководителей НКВД — Ежова, который после кровавых массовых злоупотреблений разделил судьбу своих жертв. Он был осужден по стандартному ложному обвинению в двурушничестве и расстрелян. На суде он отрицал свою “шпионскую деятельность”, но признал, что почитил 14 тыс. чекистов¹⁹. Таких “ответственных” преступников, ставших потом жертвами режима, было много.

В 20-е годы доля репрессированных руководителей только из центрального аппарата доходила до 28,5% (1929 г.). По мере беспощадного истребления и приручения этой категории лиц и их собственного приспособления к правящему режиму удельный вес их уменьшился и составлял в самый кровавый 1937 год около 1%. Абсолютное же число их сократилось ненамного, поскольку общий уровень репрессий в этом году возрос по сравнению с 1929 годом в 4,3 раза. Из общего числа наркомов, входивших в СНК СССР в 1935 году, 20 погибли в годы репрессий. В живых остались 6 человек (Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович, Андреев, Литвинов), которые непосредственно были причастны к организации массовых репрессий. Из 28 человек, входивших в СНК в начале 1938 года, были репрессированы тоже 20. Только за полгода — с октября 1936 года по март 1937 года — было арестовано 2 тыс. работников наркоматов СССР, без наркоматов обороны, внутренних дел и иностранных дел²⁰.

Таким образом, криминальность правящих кругов в этот период была специфичной: она отражала не столько их традиционные корыстные мотивации, как это было в других странах, сколько стремление к выживанию путем добросовестного служения преступному режиму и беспрекословного повиновения вышестоящим начальникам, а не закону.

Постсталинский период. С ослаблением тотального контроля в середине 50-х годов преступность стала эволюционировать по мировым законам. Ко времени распада СССР и фактической суверенизации России (1991 г.) регистрируемая преступность, как известно, увеличилась по абсолютным показателям почти в 6 раз. Шел интенсивный процесс расслоения общества и "окорыствования" общественных отношений²¹. В этот период и складывалась партийная, государственная и хозяйственная элита как особая социальная группа с внутренними горизонтальными связями, групповыми интересами и ценностями, способная относительно самостоятельно определять политические и экономические процессы в стране. Ее первым достижением были выход из-под контроля репрессивных органов (КГБ, МВД) и превращение их, особенно КГБ, в передовой отряд партийной и государственной номенклатуры. После этого она последовательно и настойчиво отвоёвывала себе широкие дискреционные полномочия, неограниченный доступ не только к управлению, но и к распоряжению и фактическому владению народной собственностью, а также выход из-под контроля закона и общественности.

Для привлечения высоких должностных лиц к уголовной ответственности требовалось согласие той же номенклатуры, которая "своих" не выдавала, а тех, кто посягал на них, преследовала. В таких вольготных условиях должностная корыстная преступность охватила, особенно в брежневский период, подавляющую часть элиты, но это находило малое отражение в судебной практике и уголовной статистике. Наружу выплескивались лишь отдельные случаи казнокрадства и мздоимства со стороны министров, секретарей обкомов, членов ЦК и других высоких должностных лиц, но только тех, которые по каким-то другим причинам утратили доверие членов Политбюро и ЦК.

Психология оправданного разворовывания общенародной собственности не была исключением даже для Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева. На слова одного из своих приближенных о тяжелой жизни низкооплачиваемых людей он сказал: "Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню, в молодости... мы подрабатывали разгрузкой вагонов. И как делали? А три мешка или ящика туда — один себе. Так все и живут в стране"²². Эта реплика отражала доминирующие взгляды на ничейную государственную собственность. Их наиболее глубоко, но скрытно (элемент феномена двойной морали для себя и для народа) разделяла партгосхозноменклатура. Осведомленный свидетель того времени член Политбюро А. Н. Яковлев пишет: "Страна получала колоссальные прибыли, по некоторым оценкам — сотни миллиардов дол-

ларов, от продажи нефти. Импорт товаров и продовольствия на эти суммы было куплено право элиты работать спустя рукава, да еще по принципу "после нас — хоть потоп"... Широко распространившиеся коррупция, массовые злоупотребления... выводиловка, обман, преступность всех видов, растаскивание страны..."²³

Бывший министр внутренних дел Узбекистана Х. Яхъяев, бравший и дававший взятки, в том числе и своим начальникам Н. Щелокову, сподвижнику Л. Брежнева, и Ю. Чурбанову, зятю Брежнева, на суде показал: "Если по вопросам борьбы с общеуголовной преступностью никто не чинил препятствий в работе, то борьбу с должностными преступлениями тормозили как могли. Привлечение к ответственности номенклатурных работников из партийных, советских, хозяйственных органов нарушало благополучную обстановку... Поэтому подразделения на местах ориентировали на то, чтобы как можно меньше привлекались ответственные работники... Нам даже запретили получать информацию на скомпрометировавших себя лиц из партийно-советских органов..."²⁴

С 1956 до 1986 года регистрируемые должностные хищения государственного имущества возросли в 2,5, взяточничество — в 26 раз. Абсолютные же показатели были невелики. В 1986 году в СССР было зарегистрировано 11 408 случаев взяточничества, а осуждено 6639 человек. К уголовной ответственности привлекались нижайшие слои должностных лиц. Элита оставалась максимально коррумпированной, но практически нетронутой.

Ю. Андропов, пришедший к власти после смерти Л. Брежнева в 1982 году, санкционировал борьбу с коррупцией партгосхозноменклатуры. Уголовные дела расследовались в отношении секретарей ЦК КП республик, обкомов, министров, их заместителей и других высоких должностных лиц (А. Насриддинова, А. Керимов, М. Медунов, Н. Щелоков, Ю. Чурбанов, Х. Яхъяев, К. Эргашев, И. Рудельман и др.). Были опубликованы разоблачительные статьи "Следнички", "Кобры под золотом", "Судьба прокурора", "Брежнев и крушение оттепели", "Мафия — неизбежность или парадокс?", "Противостояние" и многие другие. Нити коррупции тянулись к Москве в ЦК КПСС, СМ СССР, министерства и ведомства.

Дальнейшая борьба с коррупцией стала опасной для высшей элиты, и она свернула ее уже в период горбачевской перестройки, а активно участвующие в этом прокурорско-следственные работники были опорочены. Приемы элиты были те же, что и в 1937 году, только тогда работников правоохранительных органов, как важных свидетелей репрессий, расстреливали, а в 90-е годы — обвиняли в нарушении законности и выгоняли с работы. У меня нет данных, что нарушений процессуальных норм не было, но есть достаточно доказательств того, что высшая криминальная элита увидела для себя опасность в продолжении борьбы с коррупцией.

Перестроечный период. В период перестройки в стране интенсивно разрушались остатки тотального контроля, растаскивалась государственная собственность, умножалась коррумпированность старой номенклатуры и представителей новой элиты, тогда

как ответственность снижалась. С 1986 до 1991 год регистрируемые должностные хищения в СССР снизились на 30%, а взяточничество — в 3 раза. В 1992 году в России был учтен 3331 случай взяточничества, а осуждено 686 человек. Это в 5 раз меньше, чем в 1986 году. Реально же в этот период мобильная часть партийной, государственной и хозяйственной элиты переходила в новые властные и коммерческие структуры, коррумпировалась с ними и организованными преступниками, перекачивала бесхозные государственные средства и ресурсы за рубеж, в акционерную, частную и личную собственность. Деньги этой элиты и составляют основную массу нелегального оттока валютных средств из России.

По данным Международного валютного фонда, общая сумма нелегального оттока валютно-финансовых средств из России с 90-х годов достигла 50 млрд. долл.²⁵ По подсчетам же российских экспертов, из-за незаконного оттока твердой валюты за рубеж страна на начало 1995 года понесла ущерб в размере около 100—150 млрд. долл. “Бегство” капиталов не приостановлено. В печати 1996 года называется цифра в 300 млрд. Не без инициативы коррумпированной элиты в 1995 году в Госдуме обсуждался проект постановления об амнистии в отношении лиц, совершивших противоправные деяния, связанные с размещением финансовых активов за рубежом²⁶. Ее объявление может быть единственной возможностью хоть частичного возвращения этих денег в инвестиционные проекты России. В то же время это мало вероятно в условиях политической нестабильности в стране. Поэтому амнистия криминальной элите скорее всего нужна лишь на всякий случай для упрочения личной безопасности.

В условиях “прозрачности” границ между странами СНГ и Балтии продолжается и криминальный вывоз за рубеж нефтепродуктов, стратегического сырья, иных котируемых товаров и валютных ценностей. Только в 1994 году органы МВД совместно с таможенниками выявили 14,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным вывозом валютных и стратегически важных материальных ресурсов²⁷. И хотя борьба с контрабандой усилилась и уровень ее выявления в 1994 году увеличился по сравнению с предыдущим годом в 12 раз, большая часть этих деяний осталась латентной, так как они увеличивались намного быстрее, чем выявлялись. Совершение многих экономических транснациональных преступлений практически невозможно без участия правящей элиты и служебных злоупотреблений высоких должностных лиц. Последние являются важными объектами подкупа, так как в их юрисдикции находятся выдача разрешений на экспорт нефти, металлов и других стратегических материалов, предоставление таможенных льгот, разрешений на приватизацию, акционирование, обязанность осуществлять контроль и привлекать нарушителей к той или иной ответственности и т. д.

В 1994 году в сфере экономики было зарегистрировано 124 250 преступлений, в том числе 16 543 — должностных, а в них 4919 случаев взяточничества (+9,4%). В 1995 году число учтенных

экономических преступлений возросло на 70,5%, но не за счет большего выявления должностных преступлений или взяточничества. Должностная преступность сократилась на 14,1, в том числе взяточничество — на 0,6%. Приведенные данные свидетельствуют о направленности правоохранительного контроля.

Правда, при анализе коррупции в целом (глава 8, табл. 9) мы установили: при снижении ее общего регистрируемого уровня в 1993—1996 годы росло число государственных должностных лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела, и они подлежали преданию суду. Число государственных служащих, дела на которых подлежали направлению в суд, увеличилось за последние два года в 2,2 раза, а реальная передача в суд (?) — на 63%. Хоть и трудно объяснимые, но сдвиги к лучшему есть. И это было вынужденной реакцией властей на повсеместное разрастание коррупции. Но ответственность снова коснулась главным образом “стрелочников”. По сферам государственной службы коррупционеры распределяются неравномерно (табл. 1).

Таблица 1

**Возбуждено уголовных дел в отношении работников
из системы государственной службы (1995 г.)**

Возбужденные дела на лиц	Абс. показатели	Удельный вес, в %	
Всего	3504	100,0	
Из органов государственного управления	2323	66,3	100,0
в том числе:			
министерств и их структур на местах	1344		57,9
кредитных и банковских учреждений	487		21,0
контролирующих органов	300		12,9
таможенных органов	171		7,4
иные	21		0,9
Из правоохранительных органов	960	27,4	100,0
в том числе:			
внутренних дел	924		96,3
прокуратуры	20		2,1
безопасности	3		0,3
иные	13		1,3
Из органов власти	120	3,4	100,0
в том числе:			
депутатов	33		27,5
- субъектов Федерации	5		
- местных органов власти	28		
руководителей администрации и иных лиц	87		72,5
Из судебных органов	4		0,1

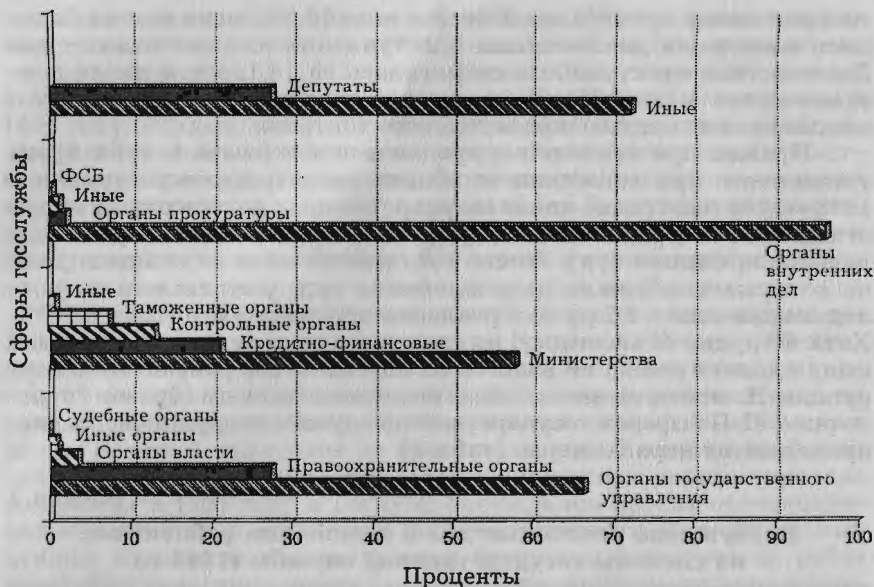

Рис. 1. Структура коррупционеров по сферам госслужбы.

Из таблицы и диаграммы видно, что в структуре выявленных коррупционеров преобладают лица из учреждений госуправления (66,3%) и правоохраны (27,4%). В структуре госслужащих управления доминируют должностные лица из министерств, комитетов и главным образом из их представительств на местах, кредитно-банковской системы и контрольных органов, а в числе коррупционеров из правоохранительных органов — сотрудники органов внутренних дел.

Высший истеблишмент исполнительной и законодательной властей остается нетронутым, хотя уголовные дела в отношении некоторых лиц расследовались. Депутаты бывшего Верховного Совета, например, продолжая советскую традицию, определили для себя абсолютную неприкосновенность. Без согласия Верховного Совета органы правоохраны не имели права даже возбудить против депутата уголовное дело²⁸. Получался порочный круг: правозначимые доказательства можно было собрать лишь в процессуальном порядке по возбужденному уголовному делу, а для получения согласия на возбуждение уголовного дела нужны правозначимые доказательства.

Попытки Генеральной прокуратуры добиться такого согласия в отношении некоторых депутатов не приводили к какому-либо успеху. В проекте закона о борьбе с коррупцией, который обсуждался в Верховном Совете, было предложено отказаться от завышенной неприкосновенности депутатов. Это вызвало у них беспокорство. Депутат Бир выразил его так: «Мы с вами прекрасно пони-

маем, что, как только подпадаем под этот закон, мы сразу лишаемся депутатской неприкосновенности. Это прежде всего и надо четко себе представлять”²⁹.

Неприкосновенность депутатов Федерального Собрания несколько меньше³⁰, но практика осталась прежней: в 1994 году 334 депутата представительных органов различных уровней совершили преступления, а к уголовной ответственности привлечено только 16 человек, или 4,8%. Государственная Дума также не давала согласия на возбуждение уголовных дел в отношении депутатов, хотя обращений в нее было много.³¹

Есть уникальный факт. В отношении президента АО МММ Мавроди было возбуждено уголовное дело за неуплату налогов в особо крупных размерах и мошенничество в 1994 году, до его избрания в Государственную Думу. После его странного избрания он не появлялся в Думе, но депутаты и в этом случае долго не давали согласия на привлечение его к уголовной ответственности. Они это сделали в 1995 году только перед истечением своих полномочий. Боялись прецедента. Уголовное дело было возобновлено лишь в начале 1997 года. Аналогичная практика и в субъектах Федерации. Именно “неприкосновенность” была особо притягательным фактором на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 года, когда в нее пытались пройти 87 ранее судимых или находящихся под следствием кандидатов в депутаты.

Решением Конституционного Суда РФ в 1996 году завышенный депутатский иммунитет был признан неконституционным. Но и в этом случае он остается относительно большим по сравнению с европейскими стандартами. Вступление России в Совет Европы влечет за собой отказ от такого депутатского иммунитета.

В Совете Федерации эти вопросы решаются так же, как и в Государственной Думе. На представление Генерального прокурора о лишении “сенаторской” неприкосновенности членов Совета Федерации Совет Федерации отвечал отказом. Да еще и обратил внимание Генерального прокурора на необходимость соблюдения порядка направления представлений в Совет Федерации^{31а}.

О коррумпированности и преступности высоких должностных лиц из исполнительных и законодательных органов власти с упоминанием фамилий говорится официально, открыто и много³². Утверждалось, например, что из 55 вопросов, поднятых в Верховном Совете о преступности высоких должностных лиц, 41 факт подтвердился. Однако реальных уголовных дел, приведших к судебной ответственности виновных, нет. Не было возбуждено уголовного дела даже в связи с пропажей тысячи тонн золота в 1991 году, о чем Е. Гайдар рассказал на заседании Государственной Думы в ноябре 1995 года, хотя сведения об этих фактах были опубликованы в том же 1991 году³³.

В начале 1996 года стали возбуждаться уголовные дела в отношении высоких должностных лиц, “прокручивающих” бюджетные деньги в коммерческих банках и задерживающих выплату заработной платы. Возбуждено уголовное дело в отношении бывших депутатов Государственной Думы, устроивших драку во время за-

седания. Возбуждено около 200 уголовных дел по фактам невыплаты зарплаты на местах и т. д. Однако все это скорее всего является временной кампанией борьбы с отдельными элитарными коррупционерами, о деяниях которых стало известно народу, и эти люди для властей оказались “отработанным паром”. Одновременно принимаемые меры являются демонстрацией народу правового подхода к титулованным преступникам перед президентскими выборами, для того чтобы сказать: уважаемая общественность, борьба с преступностью власть имущих ведется. Особое место в последних разоблачениях занимает обнародование в аналитической телепрограмме “Итоги” (29 декабря 1996 г., 5, 12, 19 января 1997 г.) криминальной приватизации заводов алюминиевой промышленности израильскими гражданами братьями Черными (бывшими гражданами СССР) с помощью высоких государственных должностных лиц.

Ныне не вызывает сомнения то, что многие публичные выступления в печати и других средствах массовой информации инспирируются политической борьбой между представительной и исполнительной властями, между властью и оппозицией, между отдельными группами должностных лиц. В схватке между собой они вооружались испытанным во многих странах оружием борьбы с политическими противниками — разоблачением в коррупции. Они применяли его по классической схеме, сформулированной одним из членов независимой комиссии по профилактике коррупции во Франции А. Пишоном: каждый поддерживает меры по профилактике коррупции, предпочитая, однако, говорить прежде всего о том, что делается у соседа, нежели у себя в доме³⁴. В этом случае борьба между коррупционерами является не чем иным, как борьбой за власть и продолжением коррупции под знаменем борьбы с этой самой коррупцией.

Взаиморазоблачения, названные “войной компроматов”, достигли особого размаха в сентябре—ноябре 1996 года. В них участвовали бывшие и действующие высокие государственные лица.

При всей политизации взаимных изобличений в них, как говорится в русской пословице, “нет дыма без огня”. Однако все это в основе своей остается газетными и радиотелевизионными шумами. Более того, вспыхнувшая “война компроматов” быстро затихает. Рациональная причина: не расказывать государственный корабль в трудное для страны время. Иррациональная причина: не дать “выплеснуться” всему компромату, поскольку криминальность властей станет очевидной и трудно будет избежать давно назревшей политико-правовой операции “Чистые руки”. Должностные лица, которых печатно обвиняют в коррупции и других злоупотреблениях, чаще всего не обращают никакого внимания на подобные обвинения и спокойно продолжают свою коррупционную деятельность. Им плюют в глаза, а они говорят: “Это Божья роса”. Нет должной реакции на это и государственных контрольных и правоохранительных органов. Лояльная к властям Судебная палата по информационным делам, говоря об этом, отмечает: “...юридическая ответственность должна наступать в любом случае: либо для “героев” разоблачений, либо для их авторов. Безразличная позиция в данном вопросе чревата опасными последствиями”³⁵.

В демократических странах обнародование фактов коррупции высоких должностных лиц вызывает у властей, как правило, соответствующую ответную реакцию: расследование, привлечение к ответственности, отставка или обоснованное опровержение предъявленных обвинений. Достаточно, например, было опубликовать сведения об использовании карточки правительства заместителем премьер-министра Швеции Моной Салин в личных целях, как она вынуждена была уйти в отставку, хотя истраченные ей государственные деньги она тут же внесла³⁶. Президент США Б. Клинтон публично признал ошибку жены, не доплатившей налог, и внес в бюджет не только сумму недоплаченного налога, но и полную компенсацию³⁷. Премьер-министр Норвегии Гру Брундтланд ушла в отставку только потому, что госсекретарь премьер-министра перед выборами в местные органы власти отдал распоряжение, обязывающее ведомства и местные власти готовить такие отчеты, в которых было бы меньше критики правительства и правящей партии^{37а}.

Приведенные факты, однако, не означают, что в других странах корыстные злоупотребления высоких должностных лиц являются единичными и редкими. Если перелистать газеты последних лет, можно обнаружить непрерывную цепь громких разоблачений в коррупции правящих лиц во Франции, Италии, США, Японии, Корее, Китае и других странах. Криминальность политической и правящей элиты — проблема мировая, борются с ней в разных странах по-разному, но разоблачения СМИ не отражают и не могут отражать ее действительного уровня, а официальных сведений об этом, как правило, нет.

Современные формы криминального поведения элиты в России несут на себе печать прошлого. Огромный опыт беззастенчивого нарушения прав человека в интересах коммунистической идеи и эксплуатирующей ее партийно-государственной верхушки, полученный правящими кругами в период революции и сталинизма, во времена застоя был дополнен новыми стереотипами беспардонного присвоения народной собственности и широкого использования своего должностного положения в корыстных и иных личных целях. Последние способы стали доминировать.

Новой и опасной стороной фактической криминальности правящих кругов является вхождение в большую власть с помощью больших денег, да еще полученных за счет перекачивания их из госбюджета в поддерживающие коммерческие структуры или за счет предоставления им налоговых и таможенных льгот (в конечном итоге все равно за счет недополученных средств в бюджет). На президентских выборах 1996 года дело дошло до черного «нала». У активных членов предвыборного штаба Б. Ельцина при выходе из Дома Правительства изъято более полумиллиона долларов наличными, предназначенных для каких-то расчетов.

Расследование «Новой газетой» финансовой деятельности двух враждующих кремлевских группировок в выборной кампании, условно названных «фаворитами» и «победителями», приоткрыло завесу финансового обеспечения прошедших выборов. Газета свидетельствует, и ее публикации остались непровергнутыми: «За

шесть месяцев этого года (до июньских выборов 1996 г. — В. Л.) внешний долг России вырос на 4 млрд. долларов, а внутренний — на 16 млрд. Объем налоговых освобождений только за январь — апрель достиг 21 трлн. рублей, а рублевая эмиссия с марта по апрель — 25 трлн. Кто знает, — задает вопрос газета, — какая часть этих денег обеспечила победу Президента, а какая осела в карманах президентских казначеев?"³⁷⁶. В правовых государствах выходящие за установленные пределы и неконтролируемые взносы на политические цели расцениваются коррупцией.

Во время перестройки и распада Союза подтвердилась давно известная истина: самые большие состояния делаются во времена крушения империи и становления нового государства. Названные предпосылки до предела активизировали у номенклатуры реализацию привычных криминальных мотиваций: 1) все средства хороши для достижения своих политических целей или "плох тот революционер, который в момент острой борьбы остановится перед незыблемостью закона"³⁸; 2) общенародная собственность должна принадлежать ее сановным управителям; 3) государственная должность временна, поэтому ее следует рачительно использовать для получения прибыли в виде не только зарплаты, но и взяток, хищений и злоупотреблений, чтобы обеспечить дальнейшую безбедную жизнь лица, ее занимающую.

Эти мотивации открыто реализовывались во времена криминальных путчей в августе 1991 года и октябре 1993 года и особенно в приватизации государственной собственности, ее разделе и передаче, в организации новых "народно-революционных выступлений", в повседневной деятельности властных структур. Примечательно, что во время насильственного противостояния различных ветвей власти в конце 1993 года ни одна из властей, ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная (Конституционный Суд), не удержались в рамках действующего законодательства и цивилизованных принципов разрешения возникших разногласий. Явная противоречивость старой Конституции и других законов, принятых на рубеже двух эпох, может быть, и смягчает криминальность властей, но не устраняет ее.

Высокая традиционная противоправность и криминальность правящей и стремящейся к власти элиты подтверждаются непрекращающимися конфликтами, заговорами и путчами. Последние по сути своей не могут быть правомерными, если даже они совершаются бескровно. А ведь все смены и замены генеральных секретарей ЦК партии в СССР происходили путем сговора нескольких членов Политбюро. Вспомним историю прихода к власти Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и даже Горбачева. Попытки смещения всенародно избранного главы государства прежними способами, а не путем конкурентной борьбы на всенародных выборах, до последнего времени предпринимались в России.

Диапазон потенциальной и фактической неправомочности поведения некоторых групп российской политической элиты очень широк: от прихода к власти любой ценой до выколачивания для себя всевозможных благ с использованием своего служебного по-

ложения. Приведу два бытовых, но показательных примера о поведении депутатов бывшего Верховного Совета и нынешней Государственной Думы. Члены Верховного Совета, больше всех говорившие об обнищании народа и криминальности должностных лиц исполнительной власти, вопреки действующему законодательству абсолютным большинством голосов приняли решение о приватизации в Москве своих фешенебельных служебных квартир в дополнение к ранее приватизированным квартирам по постоянно месту жительства. Депутаты Государственной Думы, избранные на два года переходного периода, с первых заседаний ринулись решать не неотложные государственные проблемы, а вопросы своего собственного материального и политического положения. И тоже абсолютным большинством голосов утвердили для себя самые высокие должностные оклады и множественные надбавки к ним, окружили себя полдюжиной помощников, обеспечили первоклассным жильем, персональными автомашинами с водителями, дипломатическими паспортами и т. п.³⁹ После очередных выборов (декабрь 1995 г.) депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, не вошедшие в их новые составы, также остались жить в служебных квартирах и сохранили за собой другие льготы. Новый состав Государственной Думы принял новые поправки к Федеральному закону о статусе депутатов, в которых найден новый путь к приватизации служебных квартир^{39а}.

Аналогичная мотивация просматривается даже в действиях бывших ученых, ставших членами Конституционного Суда РФ, в недрах которого был подготовлен юридически уникальный проект Указа Президента "Об обеспечении деятельности Конституционного Суда РФ", который был подписан 15 сентября 1995 г. В нем кроме министерской индексируемой зарплаты, парка служебных машин и прочего обеспечения предусматриваются до 20 привилегий и льгот, как правило пожизненных⁴⁰, каких нет в других странах. Нельзя не отметить и то, что Указ был подписан после вынесения Судом Постановления о конституционности президентских актов о начале войны в Чечне.

Не подлежит сомнению, что депутаты и другие высшие должностные лица должны быть обеспечены всем необходимым для плодотворной законодательной, исполнительной и судебной деятельности. Но вряд ли кто усомнится в том, что сверхмерная забота о собственном благополучии высших государственных лиц в стране, где более половины населения находится за чертой бедности, где по полгода не выдают заработной платы, является, мягко говоря, аморальной. Мотивация "урвать", ставшая доминирующей в некоторых слоях населения, не согласуется с представлениями о высших должностных лицах.

Руководствуясь классификацией М. Вебера, различающего лидеров, живущих "для" политики, и лидеров, живущих "за счет" политики⁴¹, можно сказать, что нравственно-правовой уровень формирующейся российской элиты, широко использующей государственные должности в корыстных целях, является невысоким. На богатой родине М. Вебера картина иная. Депутаты бундестага Герма-

нии, например, решили повысить себе служебные оклады. Бундесрат (аналог нашего Совета Федерации) и 14 земель из 16 осудили эти притязания как "бесстыдные требования"⁴². В США жажду законодателей самим себе и сразу повысить размеры вознаграждения укоротили конституционно. В XXVII поправке к Конституции от 7 мая 1992 г. говорится: "Ни один закон, изменяющий размеры вознаграждения сенаторов и членов Палаты представителей, не должен вступать в силу до проведения следующих выборов в Палату представителей", а она переизбирается раз в два года.

3. Состав современной политической элиты

Структура политической и правящей элиты является относительно сложной и постоянно меняющейся. Она формируется в ожесточенной борьбе между различными нередко антагонистически настроенными слоями общества, его партиями и движениями. А их более 60. Нет устойчивости и внутри самих политических образований. Они раздираются объективными противоречиями и амбициями лидеров, обремененных синдромом непризнанных гениев. Некоторые партии и движения, как показали выборы в Госдуму в декабре 1995 года, и президентские выборы в июне 1996 года, не имеют сколько-нибудь серьезной социальной базы. Стремление выжить и победить в этой мутной политической обстановке усиливает историческую криминальность российской (советской) политической элиты. Партии продаются и покупаются⁴³.

Опираясь на имеющиеся в литературе классификации политической элиты, попытаемся разложить ее на соответствующие группы, позволяющие хоть как-то выявить их криминологические особенности.

Самой большой и значимой группой политической и правящей элиты являются бывшие партийные, государственные и хозяйственные руководители, пришедшие в новые политические и властные структуры по демократическим, реформистским и иным убеждениям. Она многочисленна и неоднородна. К ней можно отнести многих из сегодняшней правящей элиты. Из этой группы вышло большинство депутатов Федерального Собрания. Она занимает лидирующее положение в региональных правящих кругах. И наконец, представители этой группы ныне составляют значительную часть политической элиты в целом, в том числе оппозицию и ее радикальное крыло.

Есть много оснований полагать, что даже самая прогрессивная часть бывшей партийно-государственной номенклатуры, начавшая "улучшать" социализм, не знала объективных закономерностей его реформирования без тех колоссальных экономических, социальных и социокультурных потерь, которые несут Россия и другие страны, образованные на территории СССР. История не имела таких рецептов. Советская социальная наука этим объективно не могла заниматься. А мировая социология и советология направляли свои усилия лишь на критику социализма, но они даже не догадывались о возможной эволюции социализма в капитализм.

Мгновенный и неоправданный развал Союза со страшными последствиями для народов, попытки его насильственного сохранения, массовые межнациональные кровавые столкновения, разрушение экономического пространства, беспрецедентное расхищение народного достояния, катастрофическое обнищание народа, интенсивная криминализация всех общественных отношений, включая политические, — все это лежит на совести этой части элиты. Нет никаких оснований говорить о ее прямом или косвенном умысле (хотя такие утверждения в печати имеются), но нельзя не видеть в ее действиях должностной самонадеянности и небрежности, которые могут быть преступными. Они не знали законов эволюции, но хорошо владели революционными методами: все разрушить “до основания, а потом...” путем властного насилия строить новое будущее. Кроме того, многие из них не являлись бесребренниками⁴⁴.

Значительная часть бывшей номенклатуры пришла в новые структуры власти не по реформистским убеждениям, а в силу традиционного приспособленчества и привычки к власти. Их окрестили “демократами по обстоятельствам”. “Демократия для них, — говорит В. Буковский, — означает не что иное, как хорошо контролируруемую социалистическую демократию, в то время как рыночная экономика означает не что иное, как коррупцию... Короче говоря, если эти люди и способны что-либо создать, то, скорее всего, новую мафию на месте старой, новую политическую систему, которую за неимением специального термина я бы назвал клептократией (от слова клептомания)”⁴⁵. Криминальность этой части номенклатуры проявилась в массовых посягательствах на государственную и общественную собственность и в коррупции. Размах данной деятельности совпал по времени с правовым вакуумом, оголтелой пропагандой правового нигилизма, с эпидемией объявления “суверенитетов от республик до сельсоветов”, разрушением контрольно-ревизионной системы и параллельно правоохранительной деятельности в целом.

Второй социально значимой группой новой политической и правящей элиты являются лица из научных и других интеллигентских кругов, которые глубоко осознали ущербность прежнего режима и стремились к демократическим и рыночным преобразованиям. В теоретическом отношении эта группа является наиболее профессионально подготовленной частью нынешней политической и правящей элиты (экономисты, юристы, философы, социологи и т. д.), на ходу приобретающей опыт управления страной. Можно также сказать, что она относительно правоуважающая ее часть. Многие из них показали элементы нравственности при столкновении с невозможностью реализовать свои реформистские идеи. Некоторые добровольно уходили в отставку, не держась за престижные кресла высоких государственных должностей.

Ее можно назвать также наиболее перспективной частью политической элиты. Она пришла в политику в начале 90-х годов, не запачкана тоталитарным режимом и не дает серьезных оснований говорить о своей криминальности в настоящее время. Хотя на страницах газет имена некоторых из них связывались с теми или иными

злоупотреблениями, а Попов даже пытался теоретически обосновать взяточничество, называя его “дополнительной оплатой хороших услуг”. И, судя по публикациям, это была не просто оговорка⁴⁶.

Определенная часть нынешней политической и правящей элиты вышла из открытых идейных противников коммунистического режима и прямо или косвенно пострадавших от него (бывших политзаключенных, членов их семей, диссидентов и других граждан, судьбы которые были им изломаны). Они сыграли заметную роль в крушении тоталитаризма и в расшатывании партийно-бюрократической системы. В политической элите они достаточно представлены, в правящей — единичны. О криминальности этой части элиты нет каких-либо прямых и косвенных сведений. В региональной правящей элите доля этих лиц является большей. Некоторым выходцам из репрессированных народов и их бывшим диссидентам присущи анархистские, националистические и сепаратистские тенденции. Характерным примером может служить бывшее руководство Чечни, которое в своем приходе к власти и в последующей своей деятельности опиралось на мафиозные преступные кланы республики. В ближайшем зарубежье показательна судьба бывшего активного диссидента З. Гамсахурдии, который, добившись на основе непримиримого антисоветизма поста Президента Грузии, не только повторил прежний режим, но и превзошел его, ввергнув благополучную Грузию в непрекращающуюся гражданскую войну, разружу и нищету.

Следующей группой формирующейся политической и правящей элиты России являются выходцы из нового интенсивно нарождающегося слоя отечественных предпринимателей, банкиров, коммерсантов и их сторонников. С одной стороны, этой части элиты может принадлежать будущее, с другой — она далеко не однородна и противоречива. В криминологических целях ее условно можно разделить на три подгруппы.

Первая подгруппа — это представители (их дети и другие родственники) бывшего партийного, государственного и хозяйственного руководства, которые, находясь у “корыта” государственной и общественной собственности, путем различных манипуляций и махинаций (получение льготных кредитов, лицензий, квот, прокручивание государственных средств через рынок, кооперирование, акционирование и приватизация государственных предприятий и другой недвижимости, открытые присвоения, злоупотребления и взяточничество) накопили огромный первичный капитал и входят в политику.

Вторая подгруппа — владельцы чисто криминального капитала, образованного за счет рэкета, краж, мошенничества, банковских манипуляций, спекуляций, наркобизнеса, проституции, торговли оружием и других преступлений криминального характера. Значительная часть “грязного” капитала отмыта. Эта группа тоже рвется к власти⁴⁷. Она особо проявила себя на выборах в 1995 и 1996 годы. Владая огромным капиталом, она не без успеха пробивается к власти.

Третья подгруппа — честные предприниматели. Хотя абсолютно честная предпринимательская деятельность в СССР и в России да-

леко не всегда возможна. За вполне законную деятельность бизнесмены вынуждены давать взятки чиновникам ("чиновничий рэкет"), уходить от грабительского налогообложения, совершать другие полулегальные действия, чтобы выжить или удержаться на плаву; под страхом смерти или разграбления заключать сделки с организованными преступниками, поскольку правоохранные органы не обеспечивают их нормальную деятельность (уголовный рэкет).

Вторичный передел собственности, начавшийся в 1995 году, который интенсифицируется после окончания ваучерной приватизации, приведет в экономику реальных хозяев, политическая элита которых (независимо от форм приобретения ее электоратом собственного капитала) потребует правопорядка и гарантий для частной собственности. При этом, однако, нельзя забывать криминальную и полулегальную историю ее происхождения и противоправные привычки ее хозяев. А отсюда неведомо, какого порядка они будут добиваться и какими методами.

И последняя группа современной политической элиты формировалась из **карьеристов и авантюристов различных мастей**, которые всплыли на поверхность общественной и политической жизни с помощью социальной, национальной и патриотической демагогии. Рассматриваемая группа условна, так как между ее подгруппами порой нет никаких связей. Все они активно стремятся к власти любой ценой и вряд ли будут соблюдать нормы права и морали при достижении своих политических и экономических целей.

Краткий анализ представителей некоторых групп и подгрупп политической и правящей элиты показывает, что одни из них, получив при прежнем режиме политический и управленческий опыт, имеют устойчивые навыки криминальных взаимоотношений, другие, не обремененные позитивным и негативным опытом, перенимали его у старой элиты с ее стремлением к неограниченным привилегиям, неправовым решениям и должностным злоупотреблениям. Особо криминогенным стало сращивание оставшейся у власти номенклатуры с криминальными и коммерческими кругами и с организованными преступниками. По экспертным оценкам, от 30 до 50% доходов организованной преступности идет на подкуп государственных должностных лиц, на проведение своих людей в исполнительные и законодательные органы, где имеются ранее судимые лица за совершение уголовных преступлений. Среди советников Президента, например, находился "криминальный хозяин Хабаровска" В. Податаев (кличка "Пудель"), который был трижды судим за хулиганство, грабежи и изнасилование несовершеннолетней и пробыл в местах лишения свободы 18 лет^{47а}.

4. Обстоятельства, способствующие криминальности элиты

Криминальность формирующейся российской элиты кроме рассмотренных исторических предпосылок определяется и целым рядом взаимосвязанных объективных и субъективных обстоятельств текущего характера.

Во-первых, в стране в последние годы интенсивно ухудшалась общая криминологическая обстановка. Если началом политической реформы в СССР считать принятие Закона "Об изменениях и дополнениях Конституции СССР" (1988 г.), позволившего включать в избирательные бюллетени любое число конкурирующих между собой депутатов (т. е. когда у избирателей появился выбор), то за прошедшие восемь лет мучительной переориентации старой и появления новой политической и правящей элиты общая преступность в России увеличилась почти в 3 раза. И все это происходило на фоне существенного снижения деятельности правоохранительных органов, оказавшихся в эпицентре справедливой и огульной критики борющихся политических сил.

Во-вторых, в стране в это время проходил и проходит ожесточенный раздел и передел власти и собственности. И эта борьба протекает в условиях беззастенчивого попрания фундаментальных правовых норм и институтов. "Пиком" противоправности можно назвать события в октябре 1993 года, когда законодательная, исполнительная и судебная власти, каждая по-своему толкуя тогдашнюю лоскутную социалистическую Конституцию России, внесли свой вклад в общую протиправность в стране. По данным Генеральной прокуратуры, в 1992—1993 годы разными органами представительной власти было издано более 8 тыс., а исполнительной — более 20 тыс. незаконных правовых актов. В 1994 году прокуроры выявили около 200 тыс. нарушений законов, в том числе 9741 в представительных и 5908 в исполнительных органах власти, и опротестовали 72 тыс. незаконных правовых актов⁴⁸. Можно, конечно, сказать, что в условиях коренной ломки прежних общественных отношений, в том числе и правовых, и их замены новыми, еще не получившими легитимной прописки трудно ожидать строгого соблюдения отживающих норм. Это, однако, не снижает, а повышает криминогенное влияние распространившегося правового нигилизма на формирование политической элиты.

В-третьих, правовая база, регламентирующая становление института частной собственности, является слабой, пробельной и противоречивой. С одной стороны, она не даёт необходимых гарантий собственникам, среди которых есть и представители элиты, и толкает их к правонарушениям, с другой — позволяет стать собственником криминальным путем.

В-четвертых, прежний тотальный надзор за поведением и деятельностью людей, расшатанный за время бессистемной перестройки, окончательно рухнул вместе с распадом СССР. Вместе с этим была разрушена и здоровая "нервная система" государства. Новый социально-правовой контроль создается медленно и противоречиво. Идет становление финансового, валютного, пограничного, таможенного, налогового и других видов государственного контроля. Правящая и политическая элита находится вне контроля общества и народа, вне контроля закона. И в силу ряда обстоятельств она не заинтересована в организации контроля государства и общества над некоторыми сферами деятельности, особенно экономической.

В-пятых, серьезным криминогенным фактором для новой элиты является неоправданное затягивание (не без содействия той же элиты) принятия фундаментальных законодательных актов: морального кодекса высших должностных лиц, законов о государственных служащих категории "А", борьбе с коррупцией, организованной преступностью, борьбе с новыми формами должностных правонарушений.

В-шестых, особо разрушительным и криминогенным фактором для правящей элиты является существование радикальных оппозиционных коммунистических сил, поддерживаемых значительной частью обедневшего и обманутого населения, провозгласивших своей программной целью не только завоевание власти, но и изменение политического строя, новое перекраивание Основного Закона страны — Конституции РФ, а следовательно, и других конституционных законов, изменение государственного устройства, новый передел и национализацию собственности, пересмотр приватизации и привлечение к ответственности инициаторов капиталистического пути развития страны.

Таким образом, криминологическая обстановка в России, особенно в сфере экономических отношений, предопределяет в основе своей криминальность значительной части политической и правящей элиты. Эта связь не является линейной и односторонней. Криминальность бывших советских и ныне формируемых политических и правящих кругов оказывает существенное детерминирующее влияние на рост преступности в стране.

Временность, непрочность и неустойчивость положения формирующейся политической и правящей элиты, отсутствие у нее необходимой партийной, социальной и материальной базы толкают некоторых ее представителей к криминальным способам упрочения своего положения, особенно в процессе передела власти и собственности. Власть "инфильтрирует" в собственность, а собственность (деньги) — во власть, а далее закономерно: власть "инфильтрирует" в преступность, а преступность — во власть. Формируемый конгломерат может быть базой для криминального государства.

Становление более или менее нравственной и правоуважающей политической, управленческой и хозяйственной элиты в России будет процессом длительным. Он может сопровождаться жесткой борьбой между ее отдельными группировками с одновременным формированием ее устойчивости, целостности, самостоятельности, а также с выработкой собственных ценностей и норм достойного морального и правового поведения. Особая роль в этом принадлежит третьей власти — судебной и так называемой четвертой власти — независимым средствам массовой информации. Данное становление не может быть изолированным от проводимой судебно-правовой реформы и дальнейшего формирования демократического правового государства. Важнейшим условием цивилизации российской элиты являются отказ борющихся политических сил от революционного изменения основных устоев общественного и государственного устройства и осознание эволюции единственным путем совершенствования общественного и государственного устройства.

¹ Кларк Р. Преступность в США. М., 1975. С. 51.

^{1a} Черн Дж. Существует ли в природе честное правительство // Российская газета. 1996. 18 июля.

² Эдвин Х. Сатерленд. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. М., "Прогресс", 1966. С. 45—59.

³ Shapiro S. P. Collaring the crime, not the criminal: reconsidering the concept of white-collar crime // Amer. sociol. Rev. Vol. 55. № 3. Washington, 1990. P. 363—365.

⁴ Эдвин М. Шур. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., "Прогресс", 1977. С. 219.

⁵ Шабалин В. А. Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4. С. 43—52.

⁶ Практические меры борьбы с коррупцией. Руководство, подготовленное Секретариатом ООН. A/CONF. 144/8. 29 may 1990.

⁷ Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г. ООН, Нью-Йорк, 1991. С. 150.

⁸ Скуратов Ю. Диктатура закона не допустит к власти диктатора // Российская газета. 1996. 17 окт.

⁹ Political Corruption / Meidenheimer A. J. (ed.). Oxford, 1989; *Shimid Alex P., Jongman A. Political Terrorism*. Oxford — New York, 1988.

¹⁰ Лунеев В. В. Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социологические исследования. 1994. № 8—9. С. 89—100; *Luneev V. Criminological Trends in Russia and Formation of New Political Elite* // Cahiers de defense Sociale. Bulletin of the International Society of Social Defence. Annexes 1994/1995. P. 151—161.

¹¹ Шабалин В. А. Указ соч. С. 43—52.

¹² Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 1, 2. М., 1991.

¹³ Самсонова Т. Н. Концепция "правящего класса" Г. Моски // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 176.

¹⁴ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 126.

¹⁵ Федотов Г. П. Россия, Европа и мы. Париж, 1973. С. 65.

¹⁶ Лунеев В. В. "Политическая преступность" // Государство и право. 1994. № 7. С. 107—127.

¹⁷ Декларация основных принципов правосудия в отношении жертв преступлений и злоупотреблений властью // Седьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Милан. 26 августа — 6 сентября 1985 г. ООН, Нью-Йорк, 1986. С. 71.

¹⁸ Мясников О, Г. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка // Политические исследования. 1993. № 1. С. 52—53.

¹⁹ Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 30.

²⁰ Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 158—159.

²¹ Лунеев В. В. Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 93—95; он же. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993. № 5. С. 10—12.

- ²² Литературная газета. 1988. 14 сент.
- ²³ Яковлев А. Н. Указ. соч. С. 143.
- ²⁴ Гдлян Т., Додолев Е. Мафия времен беззакония. Ереван, 1991. С. 114.
- ²⁵ Климов В. Дело о пропавших миллиардах // Российская газета. 1995. 13 апр.
- ²⁶ Российская газета. 1995. 28 янв.
- ²⁷ Ловят чаще, а убивают по-прежнему. МВД подготовило отчет перед гражданами России о своей работе в прошлом году // Российская газета. 1995. 23 февр.
- ²⁸ Закон о статусе народных депутатов РСФСР от 15 ноября 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета. 1990. № 25.
- ²⁹ Деловой мир. 1993. 4 мая.
- ³⁰ Федеральный закон "О статусе депутатов Совета Федерации и статусе депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // Российская газета. 1994. 12 мая.
- ³¹ Российская газета. 1995. 21 марта.
- ^{31a} Российская газета. 1996. 23 нояб.
- ³² См., например: Руцкой А. Преступность — мина под реформы // Российская газета. 1993. 5 марта; Макаров Н. И. Коррупция. Информация специальной комиссии Генеральной прокуратуры РФ // Советская Россия. 1993. 4 сент.; Информация о работе Контрольного управления Администрации Президента РФ // Российская газета. 1994. 17 февр.
- ³³ Известия. 1991. 15 нояб.
- ³⁴ Цит. по: Колодкин Л. М. Франция объявляет войну коррупции // Состояние законности и борьба с преступностью и коррупцией. М., 1993. С. 211.
- ³⁵ Война компроматов: кому это выгодно? // Российская газета. 1996. 10 дек.
- ³⁶ Известия. 1995. 14 нояб.
- ³⁷ Известия. 1994. 14 апр.
- ^{37a} Российская газета. 1996. 30 окт.
- ^{37b} Новая газета. 1996. 1 июня, 8 июля, 22—28 июля, 29 июля, 4 авг.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 504.
- ³⁹ Временное положение об обеспечении деятельности депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Российская газета. 1994. 29 янв.
- ^{39a} Российская газета. 1996. 6 авг.
- ⁴⁰ Российская газета. 1995. 11 авг.
- ⁴¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 653.
- ⁴² Шаповалов А. Германия Гельмута Коля // Российская газета. 1995. 15 нояб.
- ⁴³ Козырева А. Прейскурант для партий // Российская газета. 1995. 11 апр.
- ⁴⁴ Федоров Б. Крупнейшее "дело" столетия // Известия. 1995. 21 марта.

⁴⁵ Диссиденты в Москве. Дискуссии // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 36.

⁴⁶ Интервью Попова Г. Х. // Аргументы и факты. 1992. № 14; Как Гавриил Попов преемником Брежнева стал // Российская газета. 1995. 11 марта.

⁴⁷ Подлеских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1994.

^{47a} Известия. 1996. 13 авг.

⁴⁸ Российская газета. 1993. 16 сент.; 1995. 11 апр. и 10 окт.

Глава 11

Преступность в межнациональных конфликтах

1. Подход к проблеме

В последние годы в близэкваториальном пространстве различных частей света полыхало пламя более 40 вооруженных конфликтов: в Югославии, Ливане, Израиле, Индии, Анголе, Сомали, Грузии, Азербайджане, Армении, Афганистане, Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане, Северо-Кавказском регионе России и других странах. Абсолютное большинство конфликтов носит межнациональный, межплеменной характер. Они развертывались на территории одной или нескольких стран, переходя нередко в полномасштабные современные войны. Многие из них осложнялись религиозными и клановыми противоречиями. Некоторые тянутся столетиями, как, например, ближневосточный конфликт между евреями и арабами, закавказский конфликт между армянами и турками (азербайджанцами). Первопричины длящихся конфликтов часто стираются временем, уходя в подсознание и выражаясь в трудно объяснимой, почти патологической национальной нетерпимости. Непосредственными причинами (поводами) периодически возобновляющихся столкновений обычно выступают ближайшие "несправедливости". Ставя в кавычки это слово, я имею в виду то, что в большинстве межнациональных конфликтов справедливого решения для всех враждующих сторон объективно не существует, ибо каждая руководствуется своей правдой, своими историческими периодами, событиями, фактами.

Для актуализации конфликтов кроме поводов, как справедливо полагает В. Н. Кудрявцев, нужны конфликтная ситуация и конфликтные люди (группы)¹.

Конфликтная ситуация в странах, образованных на территории СССР, обусловлена многими причинами, давними и сегодняшними, политическими (централизм и унитаризм власти, репрессирование и завоевывание народов), экономическими (кризис, безработица, обнищание), социально-психологическими (межнациональные барьеры общения, негативные формы национального самоутверждения, национализм, сепаратизм, амбиции национальных вождей), территориальными и др. Конфликтная ситуация в большин-

стве случаев складывается как результирующая составляющая комплекса причин и условий. Конфликт возникает тогда, когда объективно, а нередко и субъективно межнациональные сравнения, которые всегда наличествуют в таких случаях, складываются не в пользу какого-либо народа; когда он оказывается реально или, как ему кажется, в чем-то ущемленным, обиженным, обойденным, унетенным; когда в психологии народа складываются стереотипы мышления, которые все его беды легко и понятно объясняют дискриминационным поведением титульных, соседних или приезжих народов; когда решение многих проблем видится лишь в национальном самоутверждении.

Конфликтные люди (группы) в таких случаях всегда находятся. Стремящиеся к власти и собственности национал-политические силы ловко используют стихийное недовольство. Подогревая его, они выставляют себя защитниками нации. И хотя давно известно, что национализм и этнократизм иррациональны, деструктивны, бесперспективны и разрушительны, внутри взбунтовавшегося народа они, как правило, таковыми не кажутся. Наоборот, именно этнократизм и национализм становятся самой понятной, самой близкой и объединяющей идеологией. Единство языка, обычаев, традиций, веры сплачивает людей с полуслова, с полудвижения. “Что может быть легче, чем иметь общий объект отрицания и усвоить общую “идеологию кривды”, во имя которой следует этот объект отвергнуть? Сказать, например, что во всех несчастьях мира — и прежде всего каждой обиженной души — виноваты евреи, цыгане, немцы, арабы, негры, вьетнамцы, венгры или чехи: это так просто и понятно! И всегда найдется достаточное число вьетнамцев, венгров, чехов, цыган или евреев, поступками которых можно проиллюстрировать мысль, что именно они во всем виноваты”².

У националистов всех времен и народов лозунги традиционны: “Deutschland, Deutschland uber alles!” (“Германия, Германия превыше всего”), “Грузия для грузин!”, “Украина — превыше всего!”, “Украина для украинцев!”. Все они ищут врагов среди людей других наций. Украинские националисты, например, находят их в евреях и кровных братьях — русских³.

Коммунистическая идеология, опирающаяся на репрессии, удерживала межнациональные конфликты на уровне единичных проявлений. Ветер свободы, подувший в период перестройки, хотя и предполагал перемены к лучшему, но одновременно и явился значимым условием межнациональной нестабильности. Поэтому первые проявления демократии, рыночной экономики и суверенизации стали заложниками националистических, сепаратистских, авантюристических, экстремистских, криминальных и коррумпированных сил. По словам американского политолога Д. Саймса, над которым не довлеют ни коммунистические, ни имперские идеи, “на смену “империи зла”, где основой власти были сила и принуждение, пришли несколько зол: проявление межнациональной ненависти, столкновение амбиций различных политических элит. Миллионы людей внезапно лишились общности... столкнулись с нетер-

пимостью и экстремизмом. Кровавые войны, сопровождающиеся тысячами жертв, бушуют в различных частях Советского Союза"⁴.

При углубленном изучении причин некоторых межнациональных конфликтов на территории СССР можно и не найти серьезных национальных обстоятельств. Последние могут лишь окрашивать в национальный "цвет" политические, социальные, экономические, территориальные, экологические и иные проблемы. Национализм в этом случае является солидаризирующей составляющей, выполняющей функцию социального "клея". Последний в сознании конфликтующих сторон может вполне подменить суть проблемы. О ней в какой-то мере могут забыть, но помнить: "наши"—"чужие". В такой психологической атмосфере общепризнанные многовековые законы человеческого общежития подменяются "национальной справедливостью", а кровавые расправы над чужими становятся священной местью, которая не воспринимается преступной. Поведение одной стороны по закону зеркального отражения мгновенно воспроизводится другой. Обе они неумолимо вступают в жестокую схватку между собой, которая по принципу воронки втягивает в себя все более и более широкие массы единокровников. В таком круговороте пропадают правые и виновные, а остаются лишь бедствующие как с той, так и с другой стороны⁵.

Межнациональные конфликты имеют много различных аспектов изучения. Нас интересует **криминологический** аспект, который в нашей стране практически кроме автора никем не изучался⁶. Преступные разборки в стихийных межнациональных столкновениях могут ограничиться массовыми беспорядками, совершением тяжких преступлений против личности, собственности, общественного порядка, а в политически и идеологически организованных — вылиться в полномасштабные вооруженные сражения. В них преступления в отношении людей противоборствующей стороны вершатся с утроенной энергией и с еще большим осознанием своей правоты. Убийства мирных жителей, захват заложников, изнасилования, грабежи, разбои, поджоги, разрушение селений, предприятий и учреждений становятся взаимоответными. Под видом священной мести делается все, что приносит вред другой нации. Взаимоуничтожение продолжается до всеобщего умопомешательства. Новые витки насилия становятся все более жестокими. Они стимулируются только что понесенными жертвами, новыми обидами и целенаправленной пропагандой заинтересованных в разжигании конфликта открытых и тайных сил, использующих в личных преступных целях механизм нарастания нетерпимости, агрессивности и ненависти.

При возникновении межнационального конфликта внутри одного государства, судя по горькому опыту стран, образованных на территории бывшего СССР, есть два варианта поведения официальных властей. Первый. Власти, сохраняя равновесие, остаются над конфликтом, пытаясь допустимыми силами и средствами потушить возникший конфликт, как это, например, делается, хотя и не без ошибок, российскими властями в конфликте между североосетинами и ингушами. Второй. Власти сами втягиваются в конфликт,

выступая за сохранение территориальной целостности страны или на стороне титульного народа, как это наблюдалось в Азербайджане в конфликте между азербайджанцами и армянами, в Грузии — в конфликте между грузинами и югоосетинами, между грузинами и абхазами или в Молдове в конфликте молдаван с русскоязычным населением (Молдовы с Приднестровьем). В аналогичную ситуацию втянулись и российские власти в Чечне.

Серьезным барьером для удержания конфликта в латентной стадии является отсутствие соответствующих групп, пытающихся решить межнациональные противоречия насильственным путем. В таких случаях стороны воздерживаются от эксцессов, могущих послужить серьезными поводами для насилия. Аналогичные формы латентного межнационального конфликта пока наблюдаются в Эстонии, Латвии и Казахстане между титульными нациями и русскоязычным населением, которое сохраняет цивилизованное поведение в условиях постоянного попрания их прав националистически настроенными властями.

2. Исторические предпосылки национальных конфликтов на территории бывшего СССР

До 1986 года о межнациональных конфликтах на территории СССР публично ничего не говорилось. Считалось, что в нем национальный вопрос был окончательно решен. И надо признать, что крупных открытых межнациональных столкновений в СССР не было. На бытовом уровне существовали многие межнациональные антипатии и трения, а также совершение единичных преступлений на этой почве. Последние никогда отдельно не учитывались и не отслеживались.

Вместе с тем шел интенсивный процесс русификации нерусских народов. Нежелание изучать русский язык не влекло каких-либо санкций, как это пытаются сделать в Эстонии или Молдове, но само его изучение было поставлено в ранг естественно необходимого. В то же время знание русского языка как федерального открывало перед нерусскими народами большие возможности для обучения, профессионализации и самореализации. Русский язык позволял приобщиться к культуре всех народов СССР, а также к мировой культуре. Он выполнял и выполняет ту же функцию, которая выпала на долю английского языка в международных общениях. Было бы кощунством забывать также и то, что окраины Союза, будучи более отсталыми, развивались за счет ущемления интересов народов Центральной России⁷.

Все это, однако, не исключало формирования латентных этноконфликтных ситуаций, обусловленных ущербной национальной политикой Советской власти. Провозглашение большевиками привлекательного, но лукавого для того времени политического лозунга о праве наций на самоопределение повлекло за собой лавинообразный процесс суверенизации территорий. Еще в период гражданской войны было образовано 35 республик красных режимов и 37 — белых. Эта тенденция усилилась после победы большевиков.

Однако ее полная реализация была невозможной. Да большевики и не собирались претворять ее в жизнь.

Исходя из принципа “разделяй и властвуй”, они дали формальную самостоятельность в виде национального наименования территории лишь “опорным” нациям. Поэтому из более чем 130 национальностей, населяющих СССР, около 80 не получили никаких национальных образований. “Выдача” государственности осуществлялась странным образом. Эстонцы, например, общее число которых в целом по стране, согласно переписи населения 1989 года, составляло 1027 тыс., имели союзно-республиканскую государственность; татары, численность которых более чем в 6 раз превосходила число эстонцев (6649 тыс.), — автономию, немцы (2039 тыс.) после упразднения республики не имели никаких национальных образований, а поляки (1126 тыс.) ее никогда не получали.

Фиктивные федерализация и автономизация страны с четырьмя неравноправными уровнями национально-государственных и национально-административных образований (союзная республика, автономная республика, национальная область, национальный округ) на волонтаристски нарезанных территориях, на которых исторически проживали и другие народы, заложили под национальный вопрос в СССР огромную мину замедленного действия. Последующие волевые изменения границ национальных образований и передача огромных территорий (например, Крыма и особенно Севастополя) из одного образования в другое без согласия народа и учета исторических и этнических особенностей, депортация целых народов с родных земель и расселение их среди других национальностей, огромные миграционные потоки, связанные с массовым выселением людей по политическим мотивам, с великими стройками, поднятием целины и другими процессами, окончательно перемешали народы СССР.

По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в результате развала СССР свыше 60 млн. человек оказались за границей, из них 34 млн. — русские, украинцы и белорусы, живущие в других республиках. По переписи 1989 года, одних только русских проживает за пределами России 25 млн. 290 тыс. человек. Кроме русских за пределами России оказалось 3 млн. русскоязычных представителей других народов. В России в 1989 году проживало 4,5 млн. украинцев, 1,2 млн. белорусов, 640 тыс. казахов, 530 тыс. армян, 340 тыс. азербайджанцев, 175 тыс. молдаван и т. д.⁸ А сколько русских и русскоязычных граждан, находясь внутри России, со своими исконными землями были присоединены к территориям других национально-государственных образований или прибыли туда по какому-либо “призыву”, в которых они независимо от своей доли (в 9 республиках из 21 титульные народы не составляют большинства населения, а еще в 8 республиках число русских, украинцев и других нетитульных наций составляет от 30% и более) значатся в числе национальных меньшинств со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Основная проблема состоит в том, что титульные нации при любой своей численности претендуют на исключительный контроль государственных институтов и собственности, нередко созданной

руками “пришлых” народов и за счет общесоюзного бюджета, как это было в Эстонии, Литве, Казахстане. В ряде случаев русскоязычное население остается заложником националистических преступных авантюр, как это произошло с 250-тысячным русскоязычным населением в Чечне в 1991—1996 годы.

Таким образом, национальная политика, проводимая в многонациональном СССР и продолжаемая ныне в России (путем создания неравноправных субъектов Федерации) и других странах постсоветского пространства, сформулированная еще Лениным на фактически формальном принципе “право наций на самоопределение”, разрушила старороссийскую административно-территориальную систему и поставила во главу угла не человека с его неотъемлемыми правами и законными, в том числе и национальными, интересами, а отдельные нации с их особыми правами и особыми национальными властотерриториальными притязаниями, реализуемыми в ущерб другим народам, нередко веками проживающим на той же территории, в ущерб общепризнанным правам человека. Национально-культурная автономия, признанная во всем мире и позволяющая без причинения ущерба другим народам удовлетворять свои национально-культурные потребности в едином общеправовом пространстве, была отвергнута большевиками скорее всего не случайно, ибо при таком решении вопроса труднее было бы управлять страной. Закон о национальной автономии в России был принят лишь в 1996 году.

При целостности жестко централизованного и фактически унитарного Советского государства межнациональные отношения не вызывали особой тревоги. С одной стороны, человек любой национальности сознавал себя гражданином всего федерального пространства, с другой — партийные и государственные структуры твердо удерживали народы в рамках интернационализма. Даже отдельные националистические высказывания некоторых руководителей в союзных и автономных республиках беспощадно пресекались. Ослабление союзных “обручей” в процессе начавшейся перестройки, гласности и суверенизации национально-территориальных образований обнажили многие пороки коммунистического режима, его национальной политики и актуализировали дремлющие межнациональные трения.

Националистически настроенные и стремящиеся к власти и собственности группы, как правило из прежней партгосхозноменклатуры, во многих союзных и автономных республиках в одночасье ставшие национальными героями, бросились объяснять все народные беды действиями союзных органов и эксплуататорским интернационализмом. И в этом была доля правды. Однако, как при любом массовом психозе, в межнациональных отношениях стали доминировать крайности. Русский философ Г. П. Федотов пишет: “Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время был и моментом величайшей опасности”⁹.

Силой удержать межнациональные конфликты было уже невозможно, а опыта самостоятельных цивилизованных решений без

участия сильного центра у народов не было. Не без помощи националистических экстремистов многим из них, мгновенно позабывшим действительную интернациональную помощь других народов, стало вдруг казаться, что их скудная жизнь обусловлена тем, что именно они в ущерб себе “кормят” центр и другие народы. Спустя некоторое время многие республики, “наглотавшись суверенитетов” (по выражению Н. Назарбаева), станут постепенно осознавать истинные причины своих бед, а в начале перестройки националистическая эйфория была доминирующей. Постепенный распад СССР спустил курок обвальным межнациональным конфликтам во многих союзных и автономных республиках. После легального распада СССР его территория стала зоной этнического бедствия¹⁰.

3. Статистика межнациональной преступности

По данным Центра политико-географических исследований Института географии РАН¹¹, по состоянию на март 1991 года в СССР было зафиксировано 76 разгоревшихся территориально-этнических споров. 80 споров находились в латентной стадии. И хотя за распад СССР 17 марта 1991 г. на общесоюзном референдуме проголосовала лишь пятая доля населения (21,7%), она победила. Через год Союза не стало, а споры выросли числом и ожесточенностью. Их зарегистрировано 180. Около 7 млн. кв. км, или треть бывшего СССР, — земли, вовлеченные в территориальный передел. Территориальных споров не было только на границах Литвы и Латвии, России и Беларуси.

В одной только России по состоянию на март 1992 года были провозглашены: создание польского национального образования в Калининградской области, выход Майкопского района из Адыгеи, восстановление Шапсугского национального района в Краснодарском крае, выход Чечни из России, создание в Татарстане русскоязычной Закамской республики и чувашской автономии, создание татарских автономий в России, создание Мирнинского автономного района в Якутии, провозглашение Еврейской автономной республики, выход четырех районов из этой республики и т. д. и т. п. Ленинская национальная политика аукнулась через семь десятилетий.

Эти национально-территориальные споры в России были в основном мирными. В сферу же наших интересов входят межнациональные конфликты, сопровождающиеся массовой преступностью. Их график следующий: 1986 год — Алма-Ата; 1988 год — Сумгаит, Нагорный Карабах, Кировобад, Армения; 1989 год — Тбилиси, Ашхабад, Небит-Даг, Ферганская область, Гурьевская область, Абхазия, Южная Осетия, Кишинев, Нахичевань; 1990 год — Баку, Душанбе, Ташкентская область, Андижанская область, Наманганская область, Ошская область, Тува; 1991 год — Южная Осетия, Северная Осетия, Нагорный Карабах; 1992 год — Абхазия, Грузия, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Ингушетия, Приднестровье; 1993 год — Абхазия, Грузия, Нагорный Карабах, Азербайджан, Таджикистан; 1994 год —

Абхазия, Азербайджан, Нагорный Карабах, Таджикистан, Ингушетия, Чечня; 1995—1996 годы — Абхазия, Таджикистан, Чечня.

Преступления, совершаемые в этих межнациональных конфликтах, регистрировались и расследовались. Но лишь в 1990 году возник вопрос о централизованном учете совершаемых деяний. Главное следственное управление МВД СССР по собственной инициативе разработало соответствующие формы учета и собрало некоторые обобщенные сведения. Однако эта инициатива не была поддержана. Я располагаю данными лишь за 1988, 1989 годы и два месяца 1990 года, когда межнациональные конфликты возникали, расширялись и ужесточались. В конце 1991 года централизованный учет всех преступлений в объеме Союза вообще прекратился, хотя конфликты с совершением преступлений продолжают до настоящего времени. Из имеющихся сведений приведу лишь некоторые обобщенные данные. В 1988 году в межнациональных конфликтах погибло 95 человек, в 1989 году — 222, за два месяца 1990 года — 293. За все это время было убито 610 человек, ранено 6819, совершено 4012 погромов, появилось 573 300 беженцев, материальный ущерб по ценам того времени составил 5726,94 млн. руб. (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о межнациональных конфликтах в СССР по состоянию на 1 марта 1990 г.

	Погибло			Ранено			Погромы, поджоги чел.	Беженцы, тыс. чел.	Ущерб, млн. руб.
	всего	граждан	сил порядка	всего	граждан	сил порядка			
1988 год									
Азербайджанская ССР	70	61	9	1215	1078	137	2371	108,1	415,3
Армянская ССР	25	25	-	1454	1392	62	51	145,0	58,6
Итого	95	86	9	2669	2470	199	2422	253,1	473,9
1989 год									
Азербайджанская ССР	56	53	3	704	587	117	164	167,6	1155,2
Армянская ССР	8	7	1	101	69	32	13	10,6	2314,9
Узбекская ССР	106	105	1	1005	802	203	581	60,4	90,0
Казахская ССР	5	5	-	112	43	69	60	5,8	3,02
Киргизская и Таджикская ССР	3	3	-	29	29	-	13	-	0,02
Грузинская ССР	44	40	4	873	627	246	31	-	-
Итого	222	213	9	2824	2157	667	862	244,4	3563,14
1990 год (2 месяца)									
Азербайджанская ССР	253	214	39	704	573	131	557	71,4	724,9
Армянская ССР	16	15	1	53	39	14	3	-	931,0
Узбекская ССР	-	-	-	6	1	5	35	2,5	-
Таджикская ССР	23	22	1	563	453	110	133	1,9	34,0
Грузинская ССР	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Итого	293	252	41	1326	1066	260	728	75,8	1689,9

Примечание. Кроме указанного в таблице ущерба только из-за блокады Закавказской железной дороги прямые убытки отрасли в 1989 году составили 500 млн, а за два месяца 1990 года — 200 млн. руб. Ежедневно простаивало грузов на 330 млн. руб.

Приведенные данные неполны. Более того, основные межнациональные столкновения, переходившие в полномасштабные войны, в Азербайджане, Нагорном Карабахе и Армении, в Грузии, Южной Осетии и Абхазии, в Молдове и Приднестровье, в России Чечне развернулись в последующие месяцы 1990 года, а также в 1991—1996 годы. Общее число погибших неизвестно. Когда-нибудь подсчитаем и ужаснемся. По самым скромным прикидкам оно может многократно превышать людские потери Советской Армии в Афганистане. Причем там гибли солдаты, а здесь — солдаты и мирные жители, женщины, старики и дети.

Опираясь на имеющиеся статистические данные, материалы расследованных уголовных дел в бывшем СССР и другие источники, я и попытаюсь проанализировать причины и механизмы межнациональной преступности в различных регионах постсоветского пространства.

4. Азербайджано-армянский конфликт

Первый наиболее крупный межнациональный конфликт возник между азербайджанцами и армянами. Отношения между ними давние, сложные и неоднозначные. В Нагорном Карабахе Азербайджана, населенном в те годы главным образом армянами (80%) и в Армении давно выдвигалась идея присоединения Карабаха к Армении. С особой остротой этот вопрос вставал еще на заседании Кавказского бюро ЦК РКП(б) в 1921 году. Тогда было решено: ввиду того что вопрос о Карабахе вызвал серьезные разногласия, бюро считает необходимым перенести его на окончательное решение ЦК РКП(б). Однако на следующий день в ином составе членов бюро (Сталин, Орджоникидзе, Киров, Назаретян, Орахелишвили, Фигнер, Нариманов, Мясников, Гусейнов) это решение было пересмотрено: Нагорный Карабах остался в составе Азербайджана, которому было предоставлено право самому решать вопросы о границах и объеме автономии Карабаха¹². Таким образом, келейно, без участия самого народа и даже его представителей была решена судьба Нагорного Карабаха, заложена мина замедленного действия, которая закономерно сработала при ослаблении тотального контроля в стране. Так решался национально-территориальный вопрос в СССР на всем протяжении его существования.

Актуальность этого вопроса во второй половине 80-х годов возникла в связи с вытеснением азербайджанцев из Нагорного Карабаха и Армении. Появились и первые беженцы, в том числе и в Сумгаите, где 27—29 февраля 1988 г. были учинены массовые беспорядки, сопровождавшиеся убийствами армян, погромами, разграблениями и поджогами их жилищ и имущества. В результате этого конфликта было убито 32 человека (26 армян и 6 азербайджанцев), 439 человек (включая работников милиции и военнослужащих) получили телесные повреждения различной тяжести. Было совершено 10 изнасилований, разгромлено 197 армянских кварталов, разрушено 52 объекта культуры и 44 единицы транспортных сред

Ущерб только государству составил около 7 млн. руб. в ценах того времени. К уголовной ответственности было привлечено 97 человек (92 азербайджанца, 2 русских, 2 лезгина и 1 армянин)¹³.

Сумгаитские события были лишь началом. Массовые антиармянские беспорядки, став повседневным явлением, распространились по всему Азербайджану. Они проходили с выселением армян, погромами и поджогами их жилищ, убийствами и телесными повреждениями. Назову лишь наиболее криминальные: 21—23 ноября 1988 г. — в городах Баку, Кировабаде, Шеки и др.; 7 октября 1989 г. — в с. Джиджимми Лачинского района; 11 октября — на дороге Горис — Хнацах; 28 ноября — в Кубатлинском районе; 29 ноября — на границе Горисского и Кубатлинского районов; 8 декабря — снова в с. Джиджимми и т. д. После сумгаитских событий и до 13 января 1990 г. (дата начала особо крупных беспорядков в Баку) в Азербайджане было возбуждено 689 уголовных дел (в том числе в ИКАО 200). К уголовной ответственности был привлечен 581 человек.

Аналогичные деяния параллельно и так же методично совершались в Армении и особенно в Нагорном Карабахе при массовом изгнании азербайджанцев с мест постоянного жительства. На армянских территориях было зарегистрировано 1500 антиазербайджанских эпизодов, в результате которых совершено 24 убийства, 380 грабежей и разбоев, 690 краж и погромов. По этим фактам было возбуждено 401 уголовное дело, виновные в совершении преступлений были привлечены к уголовной ответственности и арестованы.

По состоянию на начало 1988 года в Азербайджане проживало 169,3 тыс. армян. Все они практически стали беженцами, расселившись в Армении, Краснодарском и Ставропольском краях, а некоторые — в Москве и Московской области. Та же участь постигла 187 тыс. азербайджанцев, проживавших в Армении, которые переселились в основном в Азербайджан. Сотни тысяч беженцев с той и другой стороны стимулировали новые и новые побоища. Подстрекательскую позицию занимали различные рвущиеся к власти националистические объединения.

13 января 1990 г. к армянину Овонесову (Баку, ул. Ханлара, 24, кв. 31) пришли азербайджанцы Гаджиев, Мамедов и другие, чтобы выгнать его из квартиры. Овонесов с сыном нанесли топором Гаджиеву и Мамедову телесные повреждения. От полученных травм Мамедов скончался, о чем было объявлено на многотысячном митинге Народного фронта Азербайджана в Баку, что послужило поводом к самым масштабным массовым беспорядкам антиармянской направленности, которые проходили в Баку с 13 по 19 января и были подавлены союзными войсками. Следственная группа получила от граждан города 2975 заявлений о совершенных против них преступлениях на межнациональной почве. В ходе расследования было выявлено 2431 преступление, в том числе 48 убийств (12 убитых сожжены), 69 тяжких телесных повреждений (23 со смертельным исходом), 1975 погромов и краж, 191 грабеж и разбой. Среди убитых — 21 человек старше 60 лет и 21 женщина.

В процессе этих беспорядков Народный фронт насильственно захватывал власть в городе. Под его контролем находились средства массовой информации, на въездах в город сооружены баррикады, а в городе введен свой "комендантский час". Вооруженная группировка достигала 8—9 тыс. человек. Союзное правительство в 00 часов 20 января начало ввод войск в город, которые к утру заняли ответственные позиции. В ходе войсковой операции погибло 114, ранено 708 граждан. Потери сил охраны (военнослужащие и сотрудники органов внутренних дел) составили 40 человек. Все это резко усилило негативное отношение в Азербайджане к союзным властям, к Москве, к войскам, к русским. На этой волне резко возрос авторитет Народного фронта Азербайджана, который вскоре пришел к власти.

Националистически настроенные лидеры Народного фронта не в состоянии были решить карабахскую проблему политическими мерами. Они видели свою задачу в уничтожении армян в НКАО. По принципу зеркального отражения те же методы использовались и боевиками Карабаха. Операции МВД СССР в НКАО по нейтрализации армянских боевиков и изъятию у них оружия сдерживали вооруженные столкновения. В одном только 1990 году оперативная войсковая группа МВД СССР провела 160 операций, в результате которых было выявлено 16 отрядов боевиков и изъято более 3 тыс. стволов оружия — от пистолетов до пушек. Это вызывало у армянских боевиков негативное отношение к союзным властям, к русским. За активную деятельность по сдерживанию столкновений между армянами и азербайджанцами террористы НКАО приговорили к смерти коменданта особого района области генерала Сафонову и 8 апреля 1991 г. осуществили свой план в Ростове, но по ошибке убили не того человека.

С распадом СССР силы, сдерживающие кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами, перестали существовать. Между Азербайджаном и упраздненной им НКАО, объявившей себя Нагорно-Карабахской Республикой (при поддержке Армении), началась полномасштабная война, где убийства, ранения, грабежи, разбои, погромы и поджоги уже не считались преступными. НКР к ноябрю 1993 года не только взяла под свой контроль свою бывшую территорию, но и захватила до 1/3 территории Азербайджана. Число убитых и раненых исчислялось сотнями тысяч, не говоря уже о разрушенных городах, предприятиях и коммуникациях. Экономика Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении переживает полный развал. Партия войны (Народный фронт) у власти в Азербайджане не удержалась.

В 1994 году боевые действия между Азербайджаном и НКР приостановились. Начались переговоры, которые продолжались в 1995—1996 годы. Проблема та же, что и в 1921 году. Обе стороны руководствуются международными принципами: одна — **правом наций на самоопределение**, другая — **принципом целостности территории и нерушимости границ**. Они несовместимы в своем равнозначном толковании. В соответствии с Декларацией о принципах международного права, принятой ООН в 1970 году, и Заключи-

тельным актом СБСЕ 1975 года каждый народ имеет право свободно определять свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие. Однако это право не может истолковываться как санкционирующее насильственные действия, ведущие к расчленению или нарушению территориальной целостности или политического единства суверенного государства. Признанные границы государства могут изменяться в соответствии с международным правом мирным путем и по договоренности.

Некоторые полагают, что первенство следует признать за самоопределением наций. В конкретных ситуациях это не бесспорно. Не бесспорна и нерушимость волюнтаристски установленных границ. Да и как жить в одной стране людям, которые беспощадно убивали друг друга на протяжении многих лет? Решение может быть только договорным. А ведь это было очевидным и 5, и 70 лет назад. Возникает риторический вопрос: для чего же продито море крови и разрушено благосостояние народов?

5. Грузино-абхазско-осетинский конфликт

Второй крупнейший конфликт, который до настоящего времени является тлеющим, находится в Грузии, Абхазии и Южной Осетии.

У Абхазии была своя история, далеко не всегда связанная с Грузией. Она сформировалась как Абхазское царство, объединилась с Грузией, вышла из нее, самостоятельно присоединилась к России, самостоятельно боролась за Советскую власть, была учреждена как независимая советская социалистическая республика, признанная Грузией, и лишь в 1921 году на основе союзного договора с Грузией вошла в ее состав, а затем в СССР. В сталинско-брежневские времена она активно заселялась грузинами.

На общей нездоровой волне национального раскрепощения и суверенизации в СССР 18 марта 1989 г. в с. Лыхны Гудаутского района Абхазии на митинге абхазского населения по предложению Народного фронта были приняты обращение в ЦК КПСС и СМ СССР "О статусе Абхазской АССР" и постановление о восстановлении Абхазии в качестве союзной республики, что вызвало большое недовольство грузин в Абхазии и всей Грузии. 25 марта в г. Гали Абхазии состоялся ответный митинг грузин, где было выражено жесткое несогласие с решением абхазской общественности.

4 апреля 1989 г. перед зданием правительства Грузии в Тбилиси был организован многодневный несанкционированный митинг с требованиями: предоставить суверенитет Грузии, выселить абхазцев из Абхазии и ликвидировать ее автономию. К 8 апреля активность митингующих возросла, они призвали к захвату ЦК КП Грузии, останавливали транспорт, загоразивали проезжую часть улиц, проводили агитационную работу в других городах Грузии с призывами присоединиться к митингующим. Просьбы к митингующим разойтись и выступление перед ними руководителя Грузинской церкви Ильи II не имели положительных результатов.

В ночь с 8 на 9 апреля по решению грузинских и союзных властей органами МВД и войсками Закавказского военного округа была проведена операция по вытеснению 8-тысячной толпы с площади. Она, вооруженная камнями, палками, бутылками и металлическими предметами, оказала яростное сопротивление. Военнослужащие внутренних войск применяли резиновые дубинки, слезоточивый газ, а десантники — саперные лопатки. В ходе этой операции получили ранения различной тяжести 69 военнослужащих внутренних войск, 40 военнослужащих армии и 36 сотрудников милиции. Среди гражданских лиц было ранено 200 человек, погибло 16. Еще 4 человека умерли от ранений. В связи с этими событиями были арестованы организаторы несанкционированного митинга, в том числе и будущий президент Гамсахурдия. Кровавый разгон демонстрации вызвал недовольство всей Грузии, обострил отношения с Абхазией и центральными властями СССР. Так, в межнациональных конфликтах в Грузии, как и в Азербайджане, обнаружился эффект “матрешки”, когда требования суверенитета со стороны грузинского национального меньшинства в СССР вызвали аналогичную реакцию абхазского нацменьшинства в Грузии.

14 апреля в связи с созданием грузинскими властями в Абхазском университете филиала Тбилисского университета в Абхазии поднялась новая волна недовольства. Против разделения университета по национальному признаку выступил Верховный Совет Абхазии. Руководство филиала не подчинилось этому. 14 июля абхазы блокировали здание университета. 15 июля число блокирующих достигло 10 тыс. Параллельно в парке им. Руставели собрались грузины (около 1500 человек). Между ними и абхазами произошло несколько столкновений. 16 июля массовые беспорядки прошли во всех районах Абхазии, во время которых осуществлены нападения на 13 районных отделений органов внутренних дел, на склады оружия ВОХРа и стрельбища, на следственный изолятор. Было захвачено 2 пулемета, 337 автоматов, 113 пистолетов и револьверов, 474 винтовки, 5526 охотничьих ружей. 16 человек при этом погибли, около 500 человек получили ранения, в том числе 30 работников милиции. Из следственного изолятора убежали 180 заключенных.

Конфликтная межэтническая ситуация с периодическими обострениями в Абхазии сохранялась до введения на ее территорию грузинских войск и начала полномасштабной войны между Грузией и Абхазией, о чем, чтобы не нарушать хронологию событий, речь пойдет ниже.

9 апреля 1989 г., когда союзные и республиканские власти пытались силой заглушить сепаратистские настроения в Грузии, она интенсивно взяла курс на выход из СССР. Казалось бы, этот печальный урок будет учтен грузинскими руководителями в отношении своих автономий, у которых были аналогичные сепаратистские настроения, направленные на более полную самостоятельность. Однако этого не случилось. Их поведение в отношении Абхазской автономной республики и Юго-Осетинской автономной области было во сто крат кровавее, чем апрельские события в Тбилиси. Гамсахурдия, придя к власти на волне воинствующего национализма и

сепаратизма, провозгласил соответствующий ситуации лозунг: "Грузия для грузин!", чем вверх благополучную Грузию в кровавые конфликты. И, как ни печально сознавать, этот лозунг был поддержан большей частью грузинского населения.

В ноябре 1989 года неформальное движение Юго-Осетинской автономной области взяло курс на повышение статуса региона до автономной республики. В ответ на это партия национальной независимости Грузии провела многочисленные митинги протеста. 23 ноября более 6 тыс. грузин на автобусах прибыли в Цхинвали для проведения митинга и других акций, что вызвало недовольство жителей столицы Южной Осетии. В течение двух дней в опасном противостоянии находилось до 15 тыс. человек. А вооруженные боевики с той и другой стороны фактически начали войну между собой. Начались непрерывные обстрелы сел области и г. Цхинвали, захват заложников, выселение осетин из их жилищ. По состоянию на начало августа 1989 года в трех селах (Мамити-Кау, Монастери и Телиакак) дома осетин были сожжены полностью. Из 25 сел осетины насильственно выселены. В других селах совершались грабежи, кражи, поджоги, угон скота и автомашин, расправы над жителями с целью их выселения с занимаемых территорий. В довершение всего грузинские власти ликвидировали осетинскую автономию и властные органы области. Формально лишь сохранились органы внутренних дел. Единственным правовым защитником осетинского населения была следственно-оперативная группа (СОГ) МВД и Прокуратуры СССР. Но и она в условиях попустительства грузинских властей не могла оказать сколько-нибудь заметной помощи.

9 апреля 1991 г., через два года после тбилисских событий, Грузия приняла Акт о восстановлении государственной независимости. Действия союзных властей по защите осетинского населения еще более осложнились. Положение осетин еще более ухудшилось после сильного землетрясения на их территории 29 апреля — 17 мая 1991 г., результатом которого были тысячи разрушенных домов и сотни погибших, раненых и беженцев. Большинство осетин ушло в Северную Осетию России, что в определенной мере осложнило возвращение ингушей на свои земли, которые были переданы после их депортации Южной Осетии.

По неполным сведениям, в Южной Осетии СОГ было возбуждено 860 уголовных дел о преступлениях, совершенных в межнациональных столкновениях между грузинами и осетинами, в том числе 30 о массовых беспорядках, 70 об умышленных убийствах, 100 о тяжких телесных повреждениях, 138 о грабежах и разбоях, 31 об уничтожении государственной собственности, 171 об уничтожении личной собственности. В каждом уголовном деле было множество эпизодов. Поэтому число реальных преступных действий было в 4—5 раз больше. Больше число их вообще не выявлялось, поскольку осетинские органы правоохраны были упразднены, грузинская милиция не проявляла к выявлению преступлений никакого интереса, а возможности СОГ были крайне ограничены. Примирение сторон произошло при посредстве России лишь в 1992 году.

В это время вновь обостряется конфликт между Грузией и Абхазией, которая предпринимала попытки "выдавить" грузин из республики. 14 августа 1992 г. в Абхазию были введены грузинские войска, для вооружения которых было разграблено более 600 вагонов боевого оружия, принадлежащего Закавказскому военному округу. На стороне Абхазии выступили горские народы Северного Кавказа России. Конфедерация горских народов (образованная в 1991 г., в которую вошли 16 народов, кроме карачаевцев и балкарцев) вопреки запретам республиканских властей объявила войну Грузии и направила в Абхазию добровольцев.

Попытка России помешать этому взбудоражила Северный Кавказ и вызвала антироссийские настроения. В 1993 году абхазские войска ценой огромных жертв со стороны грузинского и абхазского населения освободили территорию Абхазии. Между Грузией и Абхазией также при посредстве России под эгидой ООН и с участием ОБСЕ ведутся прямые переговоры. Договоренности не соблюдаются. Но стороны взяли на себя обязательства не допускать возобновления вооруженного противостояния. Они выразили готовность считать Россию гарантом возможных договоренностей. Однако глубокие разногласия между сторонами сохраняются и вряд ли националисты с обеих сторон останутся перед насильственным решением абхазской проблемы в соответствующих ситуациях. И в этом конфликте столкнулись два международных принципа: право нации на самоопределение и целостность территории.

6. Конфликты в Средней Азии

На рубеже 80—90-х годов в среднеазиатских республиках бывшего Союза возникла целая серия межнациональных конфликтов. Сценарии их схожи. За исключением конфликта в Таджикистане, все они были кратковременными и локальными.

Туркменистан. 1 мая 1989 г. в Ашхабаде начались массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами, разрушениями, поджогами, насильственными действиями. Беспорядки были развязаны антиармянски настроенными лицами на территории Центрального парка культуры и отдыха. Собравшаяся там толпа стала возмущаться высокими ценами в кооперативных ларьках и предприятиях, в которых торговали и работали армяне. Возмущение вылилось в разгром кафе "Чатма", бара, кафе-гриля, видеосалона, павильона детских игр, ресторана, филармонии и других объектов. Милиция не сумела локализовать беспорядки. Бушующая толпа направилась в центр, блокировала транспорт, разрушала троллейбусы, избивала попавшихся армян. На рынке были разрушены павильоны и киоски, избиты армяне, разбиты их автомашины, дома. Только государству был причинен ущерб на сумму 105 379 руб. в ценах того времени. За совершенные преступления были задержаны 115 человек.

9 мая этого же года в ходе массовых праздничных гуляний, посвященных празднику Победы, на центральной площади г. Небит-Дага собравшиеся молодые люди (200—300 человек) кричали:

“Долой армян!”, “Долой кооперативы!” При попытке милиции успокоить толпу раздались крики: “Бей ментов!”, “Жги кооперативы!” 19 работников милиции получили телесные повреждения, 29 объектов, в основном кооперативы армян, сожжены. Задержано 47 человек. Среди них были те, которые участвовали в погромах армян в Ашхабаде.

Узбекистан. 3—8 июня 1989 г. в большинстве районов Ферганской области прошли массовые беспорядки, организованные националистически настроенными гражданами против промосковских партийных, государственных и правоохранительных органов. В общей сложности в райцентрах Кувасай, Ташлак, Коканд, Маргилан и др. в беспорядках участвовало до 40 тыс. человек. Погибли 107 человек, получили телесные повреждения 1200 человек, сожжено 90 государственных и общественных объектов, 860 жилых домов, 275 автомашин, совершено множество разбойных нападений, грабежей, краж. За совершение преступлений был задержан 351 человек. По состоянию на начало 1990 года расследовалось 194 уголовных дела, по которым установлено 3499 преступлений, в том числе 47 массовых беспорядков, 74 умышленных убийства, 1200 тяжких телесных повреждений, 200 грабежей и разбоев.

16 февраля 1990 г. узбек Зияев, проживающий в Букинском районе Ташкентской области, был госпитализирован в больницу в связи с получением телесных повреждений. Он заявил, что его избили два турка-месхетинца, с которыми он пьянствовал. Следствием потом было установлено, что он был избит узбеком и азербайджанцем. А сразу же после случившегося слухи о зверствах турок-месхетинцев быстро распространились среди узбеков. 19 февраля родственники потерпевшего собрали около 200 человек, напали на жилища турок-месхетинцев, сожгли 43 их дома. После этого власти выселили турок-месхетинцев в другой район. Для них это была очередная депортация.

Массовые беспорядки с антиармянскими мотивами, разгромом домов, административных помещений и магазинов произошли также 2 мая 1990 г. в Андижане и 2 декабря в Намангане.

Таджикистан. 12 февраля 1990 г. в Душанбе перед зданием ЦК партии собралось около 4 тыс. человек. Они требовали отставки Первого секретаря, выселения из республики армян и русских. Прорвавшись в здание, они подожили его. Выйдя в город, они громили транспорт, разбивали стекла домов, переворачивали киоски, избивали людей. В результате этих действий погибло 6 человек, получили телесные повреждения 118, в том числе 38 сотрудников милиции. На следующий день все повторилось в еще более варварской форме. В связи с массовыми беспорядками были возбуждены уголовные дела по 332 эпизодам, в том числе 23 умышленным убийствам, 21 тяжкому телесному повреждению, 129 грабежам и разбоям, 302 случаям уничтожения государственного и личного имущества. К уголовной ответственности привлечено 129 человек, из них 37 несовершеннолетних.

В последующие годы в Таджикистане началась полномасштабная межклановая война между правящими и оппозиционными на-

ционалистическими происламско-фундаменталистскими силами, которая продолжается до настоящего времени (1997 г.). В нее втянуты российские военные и пограничники. Число жертв со всех сторон исчисляется тысячами.

Кыргызстан. В начале 1990 года в г. Ош возникли ссоры между узбеками и киргизами по поводу выделения поливных земель. Местные власти своевременно не разрешили его. 4 июня на поле одного из колхозов собралось около 12 тыс. узбеков, которые считали себя обделенными. С прибытием большой группы киргизов начались массовые беспорядки, продолжавшиеся в течение 5 дней в Узгене, Алайском, Араванском и других районах области. В ходе массовых беспорядков погибли 302, получили тяжкие телесные повреждения 462 человека. Совершались также изнасилования, грабежи, разбои, кражи. Всего было зарегистрировано 3215 преступлений (3889 эпизодов) на межнациональной основе.

7. Конфликт в Молдове

Особняком стоит вооруженный конфликт между Молдовой и ее составной частью — Приднестровьем. Внешне он не совсем вписывается в графу межнациональных. Ибо национальные различия между Молдовой и Приднестровьем несущественны: и на правом, и на левом берегах Днестра живут люди разных национальностей — молдаване, украинцы, русские и др. Основные противоречия, возникшие между разными частями страны после самоопределения Молдовы, связаны с введением единого молдавского (румынского) государственного языка и планируемым объединением Молдовы с Румынией в Великую Румынию, к чему стремились молдавские и румынские националисты. Народы Приднестровья (независимо от национальности), относящие себя к русскоязычному населению, высказались против насильственной румынизации и языка, и территории.

Желая обезопасить себя от этого, они в 1990 году попросили у молдавских властей статуса свободной экономической зоны. Их окрестили сепаратистами. Позже они потребовали автономии — получили категорический отказ. Тогда они заговорили о федерации. В ответ на это молдавские власти в июне 1992 года вооруженным насилием попытались подавить волю народа, которое унесло с обеих сторон тысячи жизней мирных жителей. Были разрушены сотни домов, учреждений и предприятий. Эти деяния каждой из сторон не квалифицировались преступлениями, но являются таковыми по существу. Война между Молдовой и Приднестровьем не принесла желаемого успеха кишиневским властям. Она приостановлена. Сдерживающую роль сыграла 14-я российская армия (ныне армейская группа), дислоцированная в Приднестровье, и российская миротворческая миссия. Никем не признанная Приднестровская Республика продолжает существовать.

Комиссия СБСЕ, которая около полугода изучала пути мирного урегулирования конфликта, пришла к выводу, что Молдова — многонациональное государство и ее будущее должно решаться

самими народами, ее населяющими. Она не поддержала позицию кишиневских властей о насильственной румынизации населения и потребовала пересмотра Закона о языке¹⁴.

8. Межнациональные конфликты на Северном Кавказе

Северный Кавказ можно определить как самый взрывоопасный этнически конфликтный район в Российской Федерации. Главная причина конфликтов — недостаток пригодных земель при высокой плотности населения. Потребность в постоянной защите “земли отцов” выработала своеобразные формы закрепления родовых территорий и служила, с одной стороны, внутриэтнической сплоченности кавказских народов, с другой — формированию на относительно небольшой территории десятков национальностей, имеющих различные языки, традиции и культуру.

Исторически этнические границы не были постоянными. Народы перемещались по территории Кавказа, перемещивались, менялись территориально-государственные устройства: Государство Мансура, Имамат Шамиля, Республика горцев Северного Кавказа, Северо-Кавказское Эмиратство, Горская Советская Республика. Однако единого государства на Северном Кавказе так и не получилось. При образовании СССР в Российскую Федерацию вошли Горская и Дагестанская автономные республики, Адыгейская, Кабардино-Балкарская, Чеченская автономные области. В конце существования СССР в Россию входили Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская автономные республики, Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области. Ныне в России находятся республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня. За последние 200 лет территории национальных образований характеризовались большой неустойчивостью. Некоторые республики образовывались, преобразовывались, упразднялись и воссоздавались.

Возьмем в качестве примера территорию бывшей Чечено-Ингушетии. В 1810 году ингуши приняли подданство России, чеченцы этому противились. Образовавшийся в 1834 году Имамат Шамиля включал в себя территорию Дагестана, а потом Чечни. В конце 50-х годов Чечня и Дагестан насильственно были присоединены к России, войдя затем в Терскую область. В 1918 году она была объявлена Терской автономной советской республикой в составе РСФСР, а в 1920 году переименована в Горскую АССР. В 1922 году из нее выделилась Чечено-Ингушская автономная область (с 1936 г. — автономная республика). В 1944 году чеченцы и ингуши были изгнаны со своих земель, на которых также насильственно были расселены народы горской Осетии, Грузии и разрушенных войной западных областей Белоруссии, Украины, России. В 1957 году чеченцы и ингуши были реабилитированы, а республика восстановлена со значительными территориальными изменениями. В состав нынешней Чечни были включены два района Ставропольского края.

Северная Осетия вернула Чечено-Ингушетии четыре района, жители которых вторично подверглись насильственному переселению. Пригородный район, в котором до депортации проживали ингуши и который практически слился с Владикавказом, остался в Осетии. В порядке компенсации ингуши дополнительно расселились в трех районах Ставропольского края. В начале 90-х годов Чечня отделилась от Ингушетии и объявила себя де-факто суверенной. Ингуши не желают мириться с потерей Пригородного района. Президентом России было принято решение о возвращении ингушей в четыре населенных пункта Пригородного района¹⁵. Осетины этому противятся. Этот вопрос не может быть решен с позиций требований одного или другого народа. Более того, исторически в этом районе проживали и другие народы, в том числе и казаки, в результате геноцида которых в 1918—1921 годы их земли, жилища и имущество были переданы спустившимся с гор ингушам. Социальная и территориальная реабилитация казачества предполагает возвращение их в свои станицы. И требования такие есть.

Столкновение интересов нескольких народов на малой территории при чрезвычайной плотности населения (она дополнительно увеличилась в связи с беженцами из Южной Осетии Грузии) толкает экстремистов к насильственному заселению “своих” земель. Серьезным дестабилизирующим фактором является, как ни странно это звучит, Закон РФ “О реабилитации репрессированных народов” (1991 г.), который предполагает наряду с другими ее формами и территориальную реабилитацию. И хотя закон оговаривает, что возврат территорий должен проводиться без нанесения ущерба интересам современных жителей данных земель, это мало кого сдерживает. Территориальные претензии на Северном Кавказе обнаружились не только между осетинами и ингушами, ингушами и казаками, но и между кабардинцами и балкарцами, ингушами и чеченцами, кумыками и лакцами и т. д. и т. п.

Территориальные притязания множатся от сепаратистско-экстремистских стремлений к недостижимой в данном регионе мононациональной государственности. Примеру этнонациональных движений Чечни и Ингушетии готовы были следовать национальные движения кумыков, лезгин, ногайцев, кабардинцев, балкарцев и других народов. В 1992 году в одной только Карачаево-Черкесии было самопровозглашено пять национально-государственных образований. А каждое новое образование автоматически ведет к уточнению, а фактически — к переделу территорий, т. е. к взаимонасилию.

Краткий историко-политологический очерк Северного Кавказа обусловлен криминологическими интересами. Без элементарного уяснения истории перемещения народов в этом регионе нельзя адекватно исследовать тенденции настоящей и прогнозируемой преступности на основе межнациональных конфликтов на Северном Кавказе России. При этом следует помнить: узел его межнациональных отношений увязан с аналогичными проблемами всего Кавказа, т. е. Грузии, Абхазии, Южной Осетии, Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении.

Из многочисленных северокавказских конфликтов остановимся на двух: между ингушами и осетинами, между чеченцами Дудаева и пророссийским населением Чечни.

19 апреля 1991 г., когда Верховным Советом РСФСР был практически одобрен, но не вступил в силу Закон о реабилитации репрессированных народов от 26 апреля 1991 г., в с. Куртат Пригородного района произошло одно из первых столкновений с применением огнестрельного оружия между осетинами и ингушами. Поводом послужило самовольное вселение ингушской семьи в свой бывший дом, в котором десятки лет уже проживали осетины. В конфликте участвовало более тысячи человек, 14 из них (10 осетин и 4 ингуша) получили телесные повреждения различной тяжести. После этого конфликт углублялся периодическими взаимными нападениями. В июле 1991 года в Пригородном районе расследовалось 27 уголовных дел об умышленных убийствах, тяжких телесных повреждениях, разбоях, грабежах, поджогах, совершенных на основе межнациональных столкновений ингушей и осетин. В связи с этим на территории Пригородного района было введено чрезвычайное положение, которое возобновляется и продлевается уже несколько лет.

Стремление ингушей вернуться на места своего прежнего проживания наталкивается на резкое сопротивление Северной Осетии, Верховный Совет которой принял решение "о невозможности совместного проживания осетин и ингушей", обосновывая это агрессивностью последних. По данным МВД Северной Осетии, в 1991 году и первом полугодии 1992 года на территории республики ингушами совершено 275 преступлений, в том числе 21 умышленное убийство, 87 разбоев на водителей транспорта и его угонов, 13 случаев хищения скота, 35 задержаний с оружием и др. Все они, коль были совершены ингушами на территории Осетии, расцениваются направленными против осетин. В той же справке сообщалось, что осетинами в отношении ингушей совершено 68 преступлений, в том числе 4 умышленных убийства, 2 тяжких телесных повреждения и т. д. В Ингушетии в это время после разделения с Чечней только создавались национальные органы правоохраны, поэтому данными с ингушской стороны я не располагаю. Можно не сомневаться, что они тоже были бы со своим национальным перекосом.

Под предлогом ожидаемого нападения ингушей 1 ноября 1992 г. российские войска начали обстрел населенных пунктов их компактного проживания в Пригородном районе с целью вытеснения в Ингушетию и разведения конфликтующих сторон. За регулярными войсками, однако, шли осетинские боевики, которые совершали убийства, грабежи, разбои, поджоги и кражи. По материалам расследования, в эти дни погибло 546 человек, из них 407 ингушей и 105 осетин. Среди погибших — 41 женщина (33 ингушки и 5 осетинок), 49 стариков (42 ингуша и 7 осетин). По другим подсчетам, с той и другой стороны убиты 1300 человек и 400 пропали без вести¹⁶.

После этих событий к изгнанным из Пригородного района ингушам в 1944 году прибавились тысячи беженцев 1992 году. Возвращение этих лиц в места прежнего проживания остается беском-

промиссным условием ингушской стороны. Осетины увязывают их возвращение с обустройством (за счет ингушей) осевших в Северной Осетии тысяч беженцев, изгнанных грузинами из Южной Осетии. Упомянутый Указ Президента от 13 декабря 1993 г. подтвердил статус Пригородного района как территории Северной Осетии и предписал возвращение ингушей — беженцев и вынужденных переселенцев в места их прежнего компактного проживания, на первом этапе — в населенные пункты Чермен, Дангорн, Дачное и Куртат. Однако этот указ не выполняется осетинской стороной. Конфликтная ситуация остается неразрешенной.

Особо конфликтным районом на Северном Кавказе остается Чечня с ее националистически и сепаратистски настроенным руководством. В момент развала СССР в 1991 году не обладающий легитимностью Исполком общенационального конгресса чеченского народа провозгласил Чечню вне СССР, вне России и даже вне Чечено-Ингушетии. Прежнее руководство Чечено-Ингушетии было свергнуто. С помощью насилия и обмана к власти пришли коррумпированные националистические силы, которые «сделали» боевого генерала Дудаева Президентом Чечни. И хотя российские власти признали все эти действия незаконными, Чечня, пользуясь междоусобной дракой федеральных ветвей власти и поддержкой криминальных финансово-хозяйственных структур России, более трех лет свободно «дрейфовала» в сторону криминализации всех общественных отношений. В первые годы она как субъект Федерации экономически поддерживалась Россией. В последнее время режим Дудаева существовал за счет противоправной деятельности и помощи некоторых кругов исламских государств, в связи с чем Чечня стала рассадником преступности.

По данным МВД России¹⁷, на территории Чечни ежегодно совершалось до 600 умышленных убийств, что в расчете на население в 3—4 раза выше, чем в целом по стране. «Российская газета» с начала января 1995 года под рубрикой «Белая книга черных преступлений режима Дудаева» в каждом номере публиковала десятки фамилий убитых, искалеченных, изнасилованных и ограбленных российских граждан в Чечне. Эти преступления совершались не только криминальными группировками, но и самой продудаевской полицией. Они, естественно, не регистрировались и не расследовались.

Наряду с ними в Чечне совершались другие преступные посягательства. Например, только в 1993 году на ее территории подверглись нападению 559 поездов с разграблением около 4 тыс. вагонов и контейнеров на общую сумму 11,5 млрд. руб. При поддержке властей Чечни на ее территории скрывался от правосудия России 1201 преступник. В этой республике в 1991—1994 годы были подготовлены семь террористических акций захвата заложников и угона воздушных судов. Чечня наводнила Россию фальшивыми денежными купюрами (около 3,7 млрд. руб. в ценах тех лет). При активном участии чеченских преступных группировок были организованы хищения денежных средств в России с помощью фальшивых авизо и других способов на общую сумму около 4 трлн. руб.

Дудаевцы насильственно захватили в воинских частях России около 50 танков, 80 единиц бронетехники, 2 тыс. орудий и минометов, до 50 тыс. единиц стрелкового вооружения и около 200 самолетов. Это и вновь покупаемое оружие было поставлено незаконным вооруженным формированиям, в том числе и бывшим преступникам и наемникам. Экономика Чечни дудаевским окружением полностью разграблена и разрушена, социальная сфера свернута. Из-за нищеты, разбоев и грабежей из республики бежало более 350 тыс. главным образом русскоязычного населения. Из Грозного неоднократно звучали угрозы "ядерного терроризма" путем взрыва атомных станций и других стратегических объектов в России.

Федеральная власть России, несколько окрепшая в 1994 году, вдруг осознала свое попустительство не признанному никем преступному режиму Дудаева, который благодаря такому потворству действительно стал представлять огромную опасность для населения Чечни, народов России, для целостности страны. В середине 1994 года чеченский народ раскололся на защитников Дудаева и защитников оппозиции, которую поддерживали российские власти. Между ними начались вооруженные столкновения.

11 декабря 1994 г., как было объявлено федеральными властями, с целью смещения дудаевского режима, разоружения незаконных вооруженных формирований и восстановления правопорядка, нормальной жизни и хозяйственной деятельности в Чечню были введены войска МВД и МО России. Дудаев и его окружение отказались добровольно разоружить незаконные вооруженные формирования и решить судьбу Чечни путем переговоров. Не проявляли в этом особой настойчивости и федеральные власти, так как маховик войны был запущен. Грозный был окружен, подвергнут бомбовым и ракетным ударам, от которых гибли мирные люди.

Печальный опыт аналогичных войн в ближнем (Азербайджан, Грузия, Молдова, Таджикистан) и дальнем (бывшая Югославия, Сомали и др.) зарубежье не остудил пыл российских политиков и военных. Руководство Министерства обороны обещало расправиться с Дудаевым за несколько дней. Против этой войны, учитывая и неподготовленность к ней, выступили политические деятели, общественность и здравомыслящие военачальники. Последние были уволены в отставку, и против некоторых из них пытались возбудить уголовное преследование. Странная война федеральных войск с дудаевцами и собственным народом трижды прерывалась переговорами, которые давали передышку дудаевцам, а потом она разгоралась с новой силой. Было много публикаций о том, что война имеет серьезную криминальную основу. Генеральный прокурор РФ Ю. Скуратов в интервью газете "Труд" приоткрыл завесу некоторых исчисляемых сотнями миллиардов расхищений федеральных средств, которые направлялись в Чечню^{17а}.

Боевые действия в Чечне были реально остановлены после подписания 30 августа 1996 г. в г. Хасавюрте заявления принципов определения основ взаимоотношений, Указа Президента РФ от 23 ноября о выводе всех федеральных войск из Чечни и последовавшего за ним

соглашения между Правительством РФ и коалиционным правительством Чечни о принципах сотрудничества. Однако и после этих соглашений, прекращения военных действий и вывода федеральных войск вряд ли можно с уверенностью прогнозировать какое-либо обуздание преступности в Чечне, где огромное количество боевого оружия на руках, где нет нормальных условий жизни и работы, где за время криминального дудаевского правления и криминальной войны очень многие ее жители привыкли к решению своих проблем преступным путем, где народ воспринимает безжалостных террористов Басаева, Радуева и других, считающих себя "волками без границ", как народных героев. Поэтому Чечня надолго останется криминальным очагом на Северном Кавказе.

Оставляя анализ данной войны политологам, военным историкам и следственно-судебным органам, скажем лишь о людских потерях в ней. По данным министерства обороны РФ, по состоянию на 30 августа 1996 г. в Чечне погибло 2837 человек (459 офицеров, 87 прапорщиков, 2291 солдат и сержант), ранено 15 270 человек (1247 офицеров и прапорщиков, 12 023 солдата и сержанта), пропало без вести 337 человек (36 офицеров, 8 прапорщиков и 293 солдата и сержанта)¹⁸. И после этого убийство людей не прекратилось. Кроме потерь Минобороны, не меньшими они были во внутренних войсках МВД, среди личного состава ФСБ, пограничных войск и в других военных формированиях. Общее число погибших военнослужащих силовых ведомств официально оценивается количеством более 4 тыс. человек. Но точных данных нет. Число погибших, раненых и пропавших без вести боевиков, наемников и гражданского населения Чечни неизвестно. Общее число погибших оценивается в пределах 80—100 тыс. человек. Жертвами войны, которым был причинен моральный, материальный и физический вред, стали сотни тысяч. И если причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности одному человеку квалифицируется как тот или иной состав преступления, то гибель и ранения сотен тысяч людей в результате легкомысленных и безответственных решений государственных должностных лиц не могут быть безнаказанными, как не могут быть безнаказанными террористические акты чеченских боевиков, которые до сих пор находятся на свободе.

Реальность же такова: те, кто посылал тысячи людей на верную и никому не нужную смерть или на убийство мирных жителей, не несут никакой ответственности, а те, кто пытался предотвратить преступную войну или спасти жизни подчиненных от неминуемой смерти (например, майор Зонтов из пензенского ОМОНа), наказываются.

В сложившейся ситуации дудаевский режим делал ставку на национальный и религиозный фактор, внушая чеченцам, что война ведется против чеченского народа и ислама, призывая чеченцев и мусульман других республик Кавказа и других мусульманских стран к газавату — священной войне с Россией. При всех этих призывах нет достаточных оснований для бесспорного вывода о том, что конфликт между дудаевским режимом и федеральными властями является межнациональным столкновением между чеченцами и русскими. Националистическая чеченская религиозно-мусульманская

идея является скорее всего дымовой завесой для обмана народа, укрепления преступного режима и чеченской организованной преступности, поддерживаемых криминальными кругами России. Нельзя исключать участия в этом внешних и внутренних сил, заинтересованных в разрушении России. Для такого вывода имеется множество прямых и косвенных доказательств¹⁹. Они противоречивы и могут быть стыкованы лишь при установлении реальных пружин чеченского конфликта.

История даст объективную оценку этим событиям. Для нас важно отметить другое: и в этой кровопролитной и преступной межнациональной войне на поверхности столкнулись те же принципы: право наций на самоопределение и целостность государства. Есть одно существенное уточнение: эти принципы в данном случае являются более очевидным прикрытием ожесточенной борьбы за власть и собственность в Чечне, где чеченский и другие народы выполняют незавидную функцию разменной монеты.

“Национальный герой” Дудаев верг свою республику и свой народ в настоящую катастрофу, которая по числу жертв превзошла сталинскую депортацию чеченского народа. Его основными действиями с середины 1995 года были терроризм и захват заложников. Террористические акты дудаевцев против федеральных сил и мирных жителей в Грозном, Гудермесе и других населенных пунктах Чечни, в Буденновске (Ставропольский край), Кизляре и Первомайском (Дагестан) по сути своей являлись их преступной агонией. Захват больниц и использование больных в качестве живого щита свидетельствуют о беспредельной жестокости чеченских бандитов.

Националистический и религиозный (особенно исламский) терроризм является самой иррациональной формой террористической активности, связанной с высвобождением атавистически-средневековой агрессивности, с упрощенным делением мира на “своих” и “чужих”, уничтожение которых якобы санкционировано богом (аллахом) и традициями предков. Коран благословляет мусульман на уничтожение врагов (неверных) и обещает рай всем павшим в священной войне. Исламский терроризм проявляет себя не только в России, но и в США, Великобритании, Франции, Израиле и других странах. Будучи инспирирован организованными политическими и криминальными структурами, он нередко выходит из-под контроля, принимая форму зверских убийств и взрывов. Беспрецедентным примером такого зверства, какого в истории Красного Креста еще не было, является убийство в чеченском селении Новые Атаги 17 декабря 1996 г. шестерых медицинских работников (в том числе пять женщин) госпиталя Международного Красного Креста, прибывших из Нидерландов, Норвегии, Новой Зеландии и Испании для оказания бесплатной медицинской помощи чеченскому населению.

9. Некоторые общие выводы

1. По имеющимся сводным данным и кратким описаниям основных межнациональных конфликтов в СССР, России и других странах постсоветского пространства можно судить об основных

тенденциях рассматриваемых столкновений с совершением опасных и разрушительных преступлений. Начавшись в период ослабления союзных "обручей" в 1986—1988 годы, они достигли апогея после распада Союза в 1992—1993 годы. В 1993—1996 годы отмечаются постепенное снижение межнациональных столкновений и возникновение попыток переговорного процесса. Это свидетельствует не об уменьшении межнациональных противоречий (не исключено, что большинство их еще впереди), а о медленном и болезненном осознании народами бесперспективности насильственных вариантов национального самоутверждения и самоподчинения.

В 1994 году прогнозировались два вероятных сценария развития межнациональных отношений на территории бывшего СССР: первый — усиление центристических процессов в рамках СНГ со снижением межэтнических и межгосударственных конфликтов, второй — обособленное развитие каждой страны при содействии внешних сил, с усилением националистических тенденций, ущемлением прав этнических меньшинств и межнациональными криминальными конфликтами²⁰. События 1995—1996 годов указывают на определенное укрепление цивилизованных путей разрешения межнациональных противоречий.

2. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве последних лет выявили пресловутый феномен двойного стандарта. Национальные и особенно националистические силы титульных народов бывших союзных республик, требовавшие свободы и суверенности от союзного центра на основе права наций на самоопределение, заняли непримиримую позицию в отношении живущих вместе с ними других народов (доля которых нередко превышает удельный вес самой титульной нации) и особенно национальных меньшинств, которые пытались говорить о своих правах. Национальные лидеры, только вчера обвинявшие союзный центр и русский народ в ущемлении своих национальных прав, сегодня предпринимают акции (или не препятствуют таковым), превращающие ионациональное и особенно русскоязычное население в людей второго сорта.

3. Националистические лидеры некоторых стран, образованных на территории бывшего СССР, попустительствующие правонарушениям и преступлениям в отношении народов других национальностей, не обнаруживают своей способности в решении межнациональных проблем цивилизованным путем, а пытаются оправдывать свое поведение привычной ссылкой на какие-либо внешние силы. Националистическая преступная политика остается без осуждения. А когда становится очевидной безрезультатность межнациональной бойни, как правило, уповают на посредническую помощь России и на российских солдат.

Миротворческая миссия Российской Федерации в урегулировании грузино-абхазского, грузино-осетинского, армяно-азербайджанского, таджикского и приднестровского вооруженных конфликтов не является "российской самодеятельностью". Она опирается на международные нормы, проводится с согласия суверенных государств — участников СНГ под эгидой ООН и с участием СБСЕ²¹.

Военные действия, в том числе в Таджикистане и Чечне, приостановлены, но ни один из рассматриваемых выше конфликтов пока не нашел окончательного правового разрешения. Они остаются "тлеющими", способными в любой момент привести к новым вооруженным столкновениям, к новым массовым преступлениям.

4. **Разрастание межнациональных противоречий** до их преступного вооруженного разрешения в определенной мере зависит и от уровня цивилизованности национальных меньшинств. Пока наиболее толерантными нациями в условиях национальных ущемлений оказались русские, украинцы, белорусы и иные русскоязычные группы населения, а также немцы, поляки, евреи. Оставшиеся за пределами своей этнической Родины (России, Украины, Белоруссии и т. д.) и притесняемые в большинстве стран, образованных на территории бывшего СССР, они нигде не были организаторами крупномасштабных преступлений на межнациональной почве. Даже в условиях самого широкого и изощренного попрания общечеловеческих прав русскоязычного населения в Латвии, Эстонии, Молдове, Казахстане, где они составляют значительную долю (от 30—40% и более) жителей, они не организовывали массовых беспорядков, не брались за оружие, а пытаются решить свои проблемы правовым путем. Показателен и такой социологический факт. На вопрос, согласен ли респондент с лозунгом "Россия для русских", 66% ответили "нет", но 28 ответили "да"²². В российском народе доминирует терпимость к другим национальностям.

В то же время славянская терпимость к национальному ущемлению не абсолютна. Нельзя надеяться и на традиционно низкий коэффициент национальной солидарности русских и других славянских народов в запредельных ситуациях национального унижения. Сигналом могут служить выборы в Госдуму в 1993 и 1995 годы, когда миллионы граждан поддержали одиозных лидеров, поставивших безопасность русских в ближнем зарубежье во главу угла предвыборных программ. Нельзя недооценивать и возможностей российских национал-патриотов и фашистов. При недостаточной заботе федеральных властей о российской диаспоре в ближнем зарубежье и русских в национальных республиках собственной страны межнациональные конфликты могут выйти за пределы южного пояса нестабильности.

5. **Предупреждение межнациональной преступности** при решении проблем национальных меньшинств путем их ассимиляции, репатриации, инкорпорации и суверенизации возможно лишь при строгом соблюдении определенных условий. Ассимиляция не может быть массовой и насильственной, как пытаются ее реализовать в некоторых прибалтийских государствах и даже на Украине. Репатриация также не может быть массовой и насильственной, если не превратить лиц нетитульной национальности в беженцев путем репрессий и вооруженных расправ, как это было в Грузии, Армении или Азербайджане или как это наблюдается в Казахстане, откуда вынуждены были уехать около 200 тыс. русскоязычного населения^{22а}. Инкорпорация предполагает принципы культурной авто-

номии, двойного гражданства или двуязычия, как это сделала Беларусь. Суверенизация национальных меньшинств возможна лишь на принципах автономии, федерации или конфедерации, к чему стремятся Приднестровье и Абхазия.

Все эти пути не согласуются с этнократизмом и национализмом. Бутрос Гали, будучи Генеральным секретарем ООН, обоснованно полагал: "Нация — обязательно выход за рамки базовых обществ, объединение нескольких из них и, таким образом, промежуточный этап к достижению универсальной общности. В этом смысле не существует этнически чистых наций... Задачи нации как раз и заключаются в том, чтобы преобразовать примитивные антагонизмы и создать пространство солидарности... Можно было бы даже сказать, что в подлинно сформировавшейся нации нет собственно меньшинств, есть граждане, которые могут иметь различное самосознание, но ни одно из его проявлений не берет верх над их статусом гражданина"²³. Наряду со сказанным очень важной в современном мире является идея А. Д. Сахарова, изложенная им в проекте Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии (ст. 3) о приоритете "глобальных целей выживания человечества перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными интересами"²⁴. Эти формулы, однако, не стали нормами межнационального поведения.

¹ Проблемы конфликтологии // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 55.

² Гавел В. О ненависти // Знамя. 1991. № 6. С. 188.

³ Российская газета. 1993. 18 дек.

⁴ Национальная безопасность: Россия в 1994 г. // Обозреватель-OBSERVER. Специальный выпуск. РАУ-корпорация. М., 1993. С. 37—38.

⁵ Михайлов В. А. Принцип "воронки", или механизм развертывания межэтнического конфликта // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 57.

⁶ Лунев В. В. Преступность в межнациональных конфликтах // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 103—111; № 7. С. 99—109.

⁷ Литвинова Г. Революция и русская державность // Наш современник. 1992. № 5. С. 6—8.

⁸ Силласте Г. Г. Русские в ближнем зарубежье // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 111—112; Оников Л. "Русский вопрос" как эхо национальной политики // Российская газета. 1995. 25 авг.

⁹ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 455.

¹⁰ Национальная безопасность: Россия в 1994 г. С. 31.

¹¹ Московские новости. 1992. 29 марта. С. 9.

¹² ЦААФ ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 64. Оп. 2. Д. 1. Л. 122—118.

¹³ Здесь и далее используются данные уголовных дел и обобщающих документов отдела по расследованию чрезвычайных происшествий Главного следственного управления МВД СССР (России).

¹⁴ Российская газета. 1993. 15 дек.

¹⁵ Указ Президента РФ от 13 декабря 1993 г. "О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Республики Северная Осетия и Ингушской Республики" // Российская газета. 1993. 16 дек.

¹⁶ Деметьева И. Война и мир Пригородного района // Известия. 1994. 27 янв.

¹⁷ Российская газета. 1994. 17 дек.

^{17a} Труд. 1996. 7 дек.

¹⁸ Комсомольская правда. 1996. 4 сент.; Красная звезда. 1996. 19 окт.

¹⁹ Хаджиев С. Федеральные войска воюют не с Чечней, а с российской мафией // Известия. 1995. 2 февр.; Деметьева И. Хотят ли русские Чечни // Известия. 1995. 17 янв.; Что знает Хасбулатов // Смена. 1995. 27 янв.

²⁰ Доклад Федеральной службы внешней разведки // Российская газета. 1994. 22 сент.

²¹ Бекмурзаев Б. А. Миротворческая роль России в урегулировании вооруженных конфликтов в СНГ // Государство и право. 1994. № 12. С. 3—11.

²² Андреев А. Есть чем гордиться. "Национальный вопрос" в зеркале социологии // Российская газета. 1995. 18 мая.

^{22a} Супрунюк В. Что делать казаху и казаку // Российская газета. 1996. 31 окт.

²³ Государство и право. 1992. № 12. С. 5.

²⁴ Известия. 1990. 13 дек.

Глава 12

Преступность в вооруженных силах

1. Криминологическая специфика преступности в войсках: объективные и субъективные аспекты

Было бы очень важно рассмотреть преступность военнослужащих в разных странах на сопоставимом фактическом материале и на фоне общей преступности. Но военно-криминологические сведения обычно не публикуются в официальных сборниках криминальной статистики. А публикуемые показатели не носят системного характера. Отрывочные данные мало пригодны для сопоставительного анализа и изучения тенденций. Во многих странах военно-криминальная статистика (абсолютные показатели) до сих пор остается конфиденциальной, в том числе и в России, несмотря на то что по закону о гостайне запрещено засекречивать любые сведения о преступности. Сложилась странная ситуация: фактически сведения о преступности военнослужащих публикуются и обсуждаются в военной и общей печати, а формально системные абсолютные показатели о ней остаются конфиденциальными. Располагая абсолютными данными о преступности в Вооруженных Силах СССР и относительными показателями о ней в России, мы имеем некоторые воз-

возможности рассмотреть отдельные тенденции и закономерности преступности в войсках в соотношении с преступностью в стране.

Согласно Конституции РФ, как и СССР, защита Отечества является долгом и обязанностью граждан. Они проходят службу по призыву и на контрактной основе. К 2000 году контрактники должны будут составить 50% солдат и сержантов. Ныне их доля невелика. Однако при всех планируемых изменениях Вооруженные Силы и другие виды войск остаются составной частью государства, а военнослужащие — неотъемлемой частью народа. Аналогичное положение и в других странах. Все позитивные и негативные тенденции и закономерности, свойственные государству и обществу в целом, в полной мере проявляются в армии. Но войска — специфическая часть общества, со своими социально-экономическими, демографическими, организационно-управленческими и правовыми особенностями, которые положительно или отрицательно отражаются на преступности военнослужащих.

Социальная вредность преступного поведения военнослужащих объективно связана не только с нарушением общественного порядка, характерного для преступных деяний гражданских лиц, но и с ослаблением воинской дисциплины как важнейшей составляющей боевой готовности воинских частей и соединений. Этот показатель остается главнейшим и на нынешнем этапе окончания холодной войны и существенного снижения международной напряженности. Пренебрежение боеготовностью делает ненужными дорогостоящие войска. А они существуют не ради парадов. Недоверие между странами остается. Вооруженные силы сохраняются и в ближнем, и в дальнем зарубежье. Не распались и блоки. НАТО, например, планирует расширение в бывшие социалистические страны Восточной Европы и Прибалтики.

Воинская дисциплина поддерживается различными методами, в том числе и уголовным наказанием правонарушителей. В силу этого сфера действия уголовного права в войсках намного шире, так как военнослужащие несут уголовную ответственность не только за общеуголовные, но и за воинские преступления, удельный вес которых составляет около или более половины. Криминологическая специфика в армейских условиях, однако, не ограничивается уголовно-правовым своеобразием. Она связана также с демографическими, социальными, социально-психологическими, организационными и иными особенностями военной службы.

Перечислим некоторые из них:

— в вооруженных силах сосредоточена молодежь в возрасте 18—25 лет, которой во всем мире свойственна более высокая преступная активность;

— военную службу проходят главным образом мужчины, коэффициент поражаемости преступностью которых в 6—8 раз выше, чем женщин;

— при комплектовании армии по призыву (при наличии в России около 20 видов отсрочек) и по контракту (в армию нередко идут лица, не устроенные в гражданском обществе, — безработные, бом-

жи, ранее судимые и т. д.) среднестатистический интеллектуальный, образовательный, а часто и нравственно-правовой уровень военнослужащих рядового и сержантского состава ниже, чем у молодежи в стране в целом, что при определенных условиях повышает их криминогенность. По данным осеннего призыва 1996 года, например, из общего числа молодых людей призывного возраста поступили на военную службу только 13,5%, а остальные имели право на отсрочку и освобождение: по причине учебы — 53%, по состоянию здоровья — 11, по семейному положению — 8, в связи с нахождением в местах лишения свободы и под следствием — 3 и по иным причинам — 11,5%;

— солдаты и сержанты оторваны от своих близких, привычных условий жизни, труда и отдыха, что часто служит социально-психологической основой криминальных мотиваций;

— поведение военнослужащих, их жизнь, быт и отдых максимально регламентированы и даже зарегулированы, что в ряде случаев порождает дополнительную внутреннюю напряженность, которая может канализироваться в противоправном поведении;

— скученность и замкнутость большого числа молодых мужчин в казарменных условиях чревата многими межличностными конфликтами;

— военнослужащие участвуют в боевых действиях, военных операциях и находятся в других условиях, опасных для жизни и здоровья, что далеко не все выдерживают, и это является сильнейшим мотиватором уклонений от военной службы и других форм преступного поведения.

Можно привести и иные общие и частные обстоятельства, которые заметно повышают криминогенность военной службы вообще, а в некоторых ее видах (например, строительные и железнодорожные части) в особенности.

Наряду с криминогенными в войсках действуют и антикриминогенные факторы, ослабляющие действие общих и специфических причин и условий преступности военнослужащих.

К ним можно отнести:

— систему воинского, правового и нравственного воспитания, которая функционирует в армиях различных стран;

— строгую организацию жизни, быта, досуга и деятельности солдат и сержантов;

— жесткий уставный контроль за деятельностью и поведением военнослужащих;

— обеспеченность военнослужащих соответствующими условиями жизни, быта, отдыха и предметами первой необходимости и т. д.

Список и этих обстоятельств тоже можно было бы продолжить. Их реализация в войсках нормативно предписана. Однако существующие предписания в различных частях и подразделениях, если исходить из советского или **российского** опыта, выполняются далеко не одинаково, а часто плохо. Поэтому оценка их антикриминогенной роли должна быть конкретной и критичной. Ее нельзя преувеличивать, но и нельзя не учитывать при анализе преступности в войсках.

Тенденции преступности в войсках, анализируемые в соотношении с динамикой преступности в стране и мире, могут представлять не только военный научно-практический интерес. Очень важно знать: во-первых, как отражаются организационные, демографические, правовые и иные воинские особенности на состоянии и тенденциях преступности военнослужащих; во-вторых, как тесно связаны динамика и распределение преступлений военнослужащих по различным параметрам (признакам) с общей динамической и структурной характеристикой преступности в стране. Если, например, воинские особенности криминологически существенны, то тенденции преступности в войсках должны обладать большой автономией, а это предопределяет стратегию борьбы с преступностью военнослужащих, рассчитанную на собственные силы.

Если же воинские особенности криминологически менее значимы, то корреляционная связь статистических рядов преступности в стране и в войсках будет относительно сильной. А значит, и стратегия борьбы с преступностью в войсках должна быть тесно увязана с контролем преступности в стране. В противном случае непосильные требования к субъектам контроля и предупреждения преступности в воинских частях могут привести лишь к деформации борьбы с преступностью, к сокрытию преступлений, приукрашиванию действительного положения дел и т. д. Эти болезни всегда сопровождали Советские Вооруженные Силы, особенно в 60—80-е годы, когда декларации и реальности заметно расходились, в связи с чем психология очковтирательства, приукрашивающего действительность, достигла своего апогея на всех уровнях и во всех сферах жизни и деятельности государственных структур.

После принятия третьей Программы КПСС (1961 г.), в которой императивно была сформулирована волюнтаристская задача искоренения преступности, в Вооруженных Силах СССР, действующих в условиях единоначалия и особых организационных форм, серьезно полагали, что она быстрее всех может быть решена в армии и на флоте¹. Служба в войсках в те годы однозначно рассматривалась школой физического, нравственного, политического и правового воспитания молодежи. К слову сказать, это не только советское изобретение. Известный царский генерал П. Н. Краснов тоже называл армию школой народа, так как через нее проходит почти все мужское население². И было бы неправдой говорить, что в этом деле в СССР не было каких-либо успехов. Но было бы большей неправдой согласиться с тем, что эта задача успешно выполнялась или могла быть объективно выполнена.

Скажу только о правовом положении военнослужащих, особенно срочной службы. Оно было, как и во время войны, практически бесправным. Солдаты продолжали оставаться в сфере широких дискреционных полномочий командиров и начальников. Можно без преувеличения сказать, что правовой статус заключенных в 70—80-е годы законодательно был более проработанным, чем правовой статус военнослужащих. Долгое время официально считалось, что сама постановка вопроса о подготовке закона о правовом статусе воен-

нослужащих необоснованна, поскольку они якобы и так являются полноправными гражданами³. В таких условиях можно было лишить военнослужащих любой самостоятельности и установить за ними круглосуточный контроль. Подобными мерами можно временно снизить уровень правонарушений или удерживать его в приемлемых для начальства пределах. Но ненадолго. Да это и не решает проблемы. Чрезмерное “закручивание гаек” в среде людей, которые хоть что-то ведают о свободе, — фактор криминогенный. Более того, системный тотальный контроль, каким он был при сталинизме, нельзя было создать в отдельной части в те годы, когда он медленно, но закономерно ослаблялся. Не было и других условий “искоренения” преступности в войсках.

Командиры и начальники Советских Вооруженных Сил на протяжении всего послевоенного периода, находясь под прессом требований партийных, государственных и военных властей, завышенного общественного мнения о военной службе и будучи не в состоянии справиться с падением воинской дисциплины, вставляли на путь укрывательства преступлений, хотя приказы покончить и с ним издавались систематически.

Одно из объяснений: в мирное время отслеживать состояние реальной боеготовности частей очень непросто. Нужна большая аналитическая работа. Поэтому одним из повседневных, а со временем и главных показателей боеготовности становится состояние воинской дисциплины, а точнее — количество зарегистрированных преступлений и иных правонарушений. Их легко подсчитать, сопоставить, ранжировать. Поэтому криминальная статистика со временем стала для вышестоящих начальников простым и удобным критерием оценки деятельности подчиненных командиров. Так сложилась порочная система, которая позволяла без доскональных проверок и глубоких анализов реальной обстановки в воинских частях и подразделениях принимать скорые решения в отношении подчиненных командиров, наказывать и поощрять, снимать с должностей и продвигать по службе, создавая видимость управленческой деятельности. К слову сказать, эти приемы известны и гражданской службе и не только в нашей стране. Но в условиях советского единоначалия их роль была намного выше.

Фетишизация уголовного учета помимо прочих негативных последствий создала благоприятную базу для формирования далеко не лучших командирских и человеческих качеств. Сложившаяся система оценок сначала заставляла командование скрывать совершенные преступления, а затем, если оно оказывалось недостаточно ловким, наказывала его за то, что “попалось”. Перед стоящим над ним начальством возникала та же дилемма: доложить наверх — самому можно получить взыскание, скрыть — тоже можно быть наказанным, но если дознаются.

Этой порочной системе способствовали сомнительные правовые установления: а) бланкетные нормы в Законе об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 года, отсылающие к неопределенным и меняющимся положениям общевоинских уста-

вов, наставлений и приказов, отклонения от которых могли расцениваться самим командованием как воинское преступление или дисциплинарный проступок; б) нормы об ответственности за воинские преступления, которые позволяли при наличии смягчающих обстоятельств, отбираемых самим командованием (поскольку их перечень в законе не был закрытым), оценивать противоправное поведение подчиненного в качестве дисциплинарного проступка или преступления; в) особый порядок привлечения военнослужащих к уголовной ответственности за любые воинские преступления (кроме дезертирства) только с согласия полномочных начальников, который остался со времен войны.

В других странах вопрос о привлечении к уголовной ответственности военнослужащих чаще всего также решается на основе дискреционных полномочий командования. Может быть, это и повышает значимость начальников в глазах подчиненных, но вряд ли следует это делать за счет снижения авторитета закона. Единый кодекс военной юстиции США, принятый Конгрессом в 1951 году, также не содержит четкого определения преступления и признаков его разграничения с дисциплинарным проступком. Право решения вопроса о серьезности нарушения (преступление — проступок) фактически принадлежит командиру. А если учесть, что в армии США нет постоянно действующих судов, а они (главный, специальный и дисциплинарный суды) назначаются соответствующими командирами по каждому конкретному делу и ими же утверждаются судебные приговоры, то надеяться на объективное отражение преступности в официальной отчетности США тоже трудно. Поэтому вполне обоснованно американский военный социолог Р. А. Габриэль считает, что регистрируемая в армии США преступность не отражает криминальных реалий⁴.

Другой вопрос, что в вооруженных силах США иные условия: добровольный принцип комплектования, высокий уровень материального стимулирования, личная ответственность военнослужащих за свое поведение, которая не перекладывается на командиров, и т. д. Разрыв контракта с военнослужащим за нарушение дисциплины может явиться для него большим наказанием, чем уголовная ответственность. И данный рычаг находится в руках командования. Но и эти обстоятельства не являются панацеей от укрывательства преступности в интересах командования.

В СССР и России субъективистский взгляд на преступность, порочные способы оценки деятельности воинских должностных лиц и подогнанное к этому законодательство разрушали правовые основы воинской дисциплины, переводили пути ее укрепления из области права в сферу личных интересов начальников. Военные прокуроры в силу большой зависимости от командования (служебные помещения, квартиры, автотранспорт, бюджет, лимиты, присвоение званий), особенно на уровне армий, округов, групп войск и вооруженных сил, чаще всего были бессильны изменить ситуацию, хотя попытки такие предпринимались.

На столь сомнительной идеологической, правовой и практической основе складывалось очковтирательство с круговой порукой общегосударственного масштаба. Попытки об этом говорить и писать в 70—80-е годы цензурировались, но не преследовались⁵. Причины не устранялись, и все оставалось по-старому. Скрытые от учета и расследования преступления загоняли криминальные болезни в глубь воинских отношений. Управляемая статистика же “подтверждала” наличие огромного воспитательного потенциала военной службы, что, в свою очередь, “оправдывало” субъективистские лозунги и требования высоких властей. Круг замыкался.

Приведу один масштабный пример о “дедовщине”, которая разрослась до государственной проблемы прежде всего благодаря очковтирательству командиров и начальников.

В Вооруженных Силах СССР всегда уделялось большое внимание положительному влиянию старослужащих на молодых солдат. Непосредственные начальники как бы перелagали свои обязанности на плечи старослужащих, предоставляя им определенные поблажки. В 60-е годы влияние старослужащих стало приобретать криминальный характер. Солдаты и сержанты третьего года службы в отсутствие офицеров, а нередко с их молчаливого согласия путем психического и физического насилия подчиняли своей воле молодых солдат. По законам психического “заражения”, отложенной и перенесенной мести эта “мода” стала быстро распространяться, передаваясь от одного призыва к другому. Военнослужащие, обиженные и униженные в первый год службы, вымещали свои обиды на новобранцах. Глубинная причина происходящего таилась не в годах службы, ибо положение не менялось, когда срок действительной службы был сокращен до двух лет, когда в порядке эксперимента некоторые части комплектовались в основном военнослужащими одного призыва и даже одной национальности. Находились другие поводы насильственного подчинения “слабых” более “сильными”.

Подобные явления в той или иной мере существовали и существуют в регулярных армиях многих стран. Были они и в старой российской армии⁶. Последние достигли особой остроты в Советских Вооруженных Силах. На военном сленге их именовали по-разному: “солдатские присяги”, “казарменное хулиганство”, “глумление”, “дедовщина”. До 1984 года они квалифицировались как злостное и особо злостное хулиганство по ст. 206, ч. второй и третьей УК РСФСР с санкцией до 5—7 лет лишения свободы. Несмотря на борьбу с ними, преступления эти интенсивно росли количественно и изменялись качественно. В 60-е годы “дедовщина” носила унижительный, но ритуальный характер: били “провинившегося” пряжкой ремня или ложкой по ягодицам. В 70—80-е годы упомянутые деяния приобрели опасный насильственный и массовый характер с тяжкими, а нередко и смертельными последствиями. Нужны были “экстраординарные” меры, чтобы можно было доложить о них наверх. И они были найдены не без помощи военных юристов.

11 января 1984 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому в ст. 8 Закона об уголовной ответственности военнослужащих, дипломатично и туманно поименованной "нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности" (ст. 244 УК РСФСР), прямо предусматривалась уголовная ответственность за "дедовщину" с мерой наказания при отягчающих обстоятельствах до 12 лет лишения свободы. Формально наказание за это деяние усилилось. Не следует, однако, думать, что усилилась реальная борьба с "дедовщиной".

Данная новелла, как и все, что принималось и декларировалось в годы застоя, носила "фасадный" характер. До ее введения привлечение к уголовной ответственности виновных по ст. 206 УК за хулиганство осуществляли непосредственно военные следственно-прокурорские органы. С принятием упомянутой новеллы в уголовный процесс по этим делам включалось военное командование с его правом давать или не давать согласие на привлечение виновных к уголовной ответственности, поскольку "новое" преступление относилось к воинским. Негативные последствия указанных изменений прогнозировались на стадии законопроектной работы⁷. Однако этот прогноз мало кого интересовал. Принятая норма получила одобрение высшего руководства Вооруженных Сил.

Поддерживая эту норму, оно "убивало двух зайцев": докладывало наверх об усилении уголовно-правовой борьбы с этим явлением и получало реальную возможность "управления" ею. Укрывательство "дедовщины" в середине 80-х годов превысило все мыслимые пределы. Как показывали некоторые проверки, военные госпитали были переполнены солдатами с переломами челюстей, разрывами печени и селезенки и другими травмами от "неуставных отношений". Боясь расправы и старослужащих, и командования, они, как правило, утверждали, что получили повреждения от случайного падения. Один из командиров частей Московского округа ПВО, например, узнав об убийстве солдата в результате издевательств над ним старослужащих, скрыл этот факт, возбудив уголовное дело не в отношении убийц, а в отношении убитого, якобы самовольно оставившего часть, так как за это "преступление" подчиненного командир не нес такой ответственности, как за "дедовщину" с тяжкими последствиями.

Из сказанного может сложиться впечатление, что укрывательством занимались только нижестоящие командиры, а наверху с ним боролись. Формально так, а по сути все наоборот: руководство Вооруженных Сил в центре и округах несомненно осознавало, а часто просто знало по своему предшествующему опыту о существующей практике, но "ломать" ее не стремились, так как и его способности укреплять воинскую дисциплину оценивались по тем же "палочкам". Поэтому оно, требуя от подчиненных невозможного, прямо толкало их к укрывательству, а когда те "попадались", наказывало их.

Обратимся к несовершенной статистике.

В 1970 году было зарегистрировано 588 глумлений старослужащих над молодыми (так тогда именовались эти деяния в статистической отчетности, чтобы они не потерялись в общем числе хулиганских действий), в которых участвовало 1120 правонарушителей, в 1980 году — соответственно 1129 и 1763, а в 1983 году — 1782 и 2646. За 13 лет только учетные глумления утроились, а реально — более чем удесятились. В 1983 году удельный вес этих деяний в структуре хулиганских действий, как они квалифицировались, составлял более 60%. Криминализация глумлений и перевод их из общеуголовных деяний в воинские неуставные нарушения привели в 1984 году к снижению регистрируемого хулиганства на 79%. В связи с этим так же резко снизился и уровень общеуголовных деяний в целом (см. рис. 1 и 2).

В объективно регистрируемой ситуации резонно было бы прогнозировать в связи с этим рост воинских преступлений в 1984 году примерно на то же количество деяний, на которые сократились общеуголовные деяния. Но они увеличились лишь на 330 единиц. Таким образом, в 1984 году в связи с переводом “дедовщины” из общеуголовных деяний в воинские командование одним махом “сократило” и “искоренило” ее, как и предписывало руководство Вооруженных Сил, и “снизило” общий уровень преступности. Реально “дедовщину” загнали в подполье воинских отношений. Правда об этом стала известна обществу лишь в 1990—1991 годы, после массового негодования родителей потерпевших от “дедовщины” военнослужащих.

Разорвать порочный круг всеобщего очковтирательства в войсках можно было лишь на основе объективации учета и расследования преступлений в воинских частях, непредвзятого изучения реальных тенденций преступности военнослужащих в тесной связи с преступностью в стране. Однако осуществить это было практически невозможно из-за полной закрытости любых негативных явлений в армии (сведения о них имели гриф “совершенно секретно”) и волюнтаристской стратегии борьбы с ними.

После второго рождения советской криминологии и образования Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР в 1963 году были попытки создать в нем военно-криминологический сектор. Однако эта идея не получила поддержки в военном ведомстве по причине возможной утечки совершенно секретной информации о преступности военнослужащих. Правда, в Главной военной прокуратуре в 1964 году была образована группа по изучению причин и разработке мер предупреждения преступлений в Вооруженных Силах, которая переросла в отдел. На волне криминологической моды изучением этой проблематики занялась и Военная коллегия Верховного Суда СССР, а с образованием Управления военных трибуналов в 1970 году эта функция отошла к нему. Этими же вопросами стали заниматься некоторые преподаватели военно-юридического факультета Военно-политической академии (затем Военного института, в подчинение которого был передан этот факультет) — В. П. Маслов,

Ф. С. Бражник, В. Г. Белявский и другие, где ввели преподавание криминологии и где автором были подготовлены первые учебники по военной криминологии⁸.

Проводимые исследования никем не координировались и не обеспечивались необходимой информацией. В одном случае они были подчинены учрежденческим задачам, в другом — учебному процессу. Системных и всеобъемлющих исследований не проводилось, а результаты проводимых изучений до практики, как правило, не доходили. В годы застоя так было всюду: наука и практика развивались по своим автономным законам. В 80-е годы интерес к ним стал угасать и в стране, и в армии, так как их проведение не давало немедленных результатов: преступность росла. Для изучения и предупреждения преступности в войсках не хватало средств. Расходы на оборону достигали 18% от национального дохода, чего не было ни в одном государстве мира⁹. Милитаризация СССР и его экономики развивалась в одном направлении: как можно больше вооружений, на уничтожение которых Россия в настоящее время тратит огромные средства.

С началом перестройки в СССР появилась надежда отхода от порочных идеологических постулатов и перехода к более глубоким криминологическим исследованиям в Вооруженных Силах. Будучи полковником юстиции и профессором военно-юридического факультета, в декабре 1985 года я обратился с докладной запиской к заместителю начальника Генерального штаба Вооруженных Сил генерал-полковнику М. А. Гарееву, доктору военных наук, курирующему военно-научное управление и подчиненные ему научно-исследовательские учреждения, в которой изложил свое понимание проблемы преступности военнослужащих, уровня научного обеспечения борьбы с ней и предложил пути объективного изучения преступности в войсках. Гареев принял меня. Понимая актуальность проблемы, особенно в “свете” совершенно секретного Постановления ЦК КПСС “О мерах по укреплению воинской дисциплины в Советской Армии и Военно-Морском Флоте” от 10 ноября 1985 г., в котором были выражены озабоченность растущей преступностью в войсках и требование “полного искоренения преступлений и происшествий”, он предложил мне из военных криминологов и социологов различных учреждений создать временную (?) научную группу, чтобы добиться скорых положительных сдвигов в динамике преступности военнослужащих.

Сознавая невозможность таких результатов и связанность этого вопроса с общегосударственными проблемами и деятельностью руководства Вооруженных Сил, я спросил, а что будет, если результаты наших исследований не понравятся руководству. Он не колеблясь ответил: мы вас разгоним. Получилось еще короче. Работа ограничилась единственным анализом. Я привожу этот факт с одной целью: подход к проблеме даже у высоких руководителей с серьезной научной подготовкой был сугубо военным, волюнтаристским и упрощенным.

Вместе с тем большая открытость в стране и Вооруженных Силах, отход от идеологизированных представлений борьбы с преступностью в обществе в целом вели к реальной оценке возможностей командования в контроле над преступностью военнослужащих. Было ясно, что за совершение преступлений они должны нести личную ответственность. Ее нельзя перекладывать на командиров и провоцировать к их укрывательству. Командир может и должен нести ответственность за упущения по службе, которые способствовали совершенному преступлению, но при условии, если будет доказана, а не презюмирована (командир за все в ответе) его личная вина. И эта ответственность должна быть соразмерна его объективным и субъективным возможностям. В противном случае все-разрушающее очковитительство никогда не будет изжито, а солдаты и сержанты никогда не приобретут, с одной стороны, чувства правовой защищенности, а с другой — сознания неотвратимой личной ответственности за свое собственное поведение.

2. Тенденции преступности в Вооруженных Силах СССР

Первую попытку серьезного научного анализа состояния и динамики преступлений военнослужащих за длительный период времени (1949—1969 гг.) предпринял в закрытой работе В. П. Маслов¹⁰. Работа была фундаментальной. Можно подвергнуть сомнению лишь ее выводы. Они были оптимистичными. Основываясь на статистических данных, он писал, “что за период с 1949 г. по 1969 г. она (преступность. — В. Л.) сократилась более чем в два раза, причем воинские преступления сократились еще более значительно — в два с половиной раза. За это же время в Сухопутных войсках преступность сократилась почти в четыре раза, а в Военно-Морском Флоте — более чем в пять раз... Преступность в войсках сокращается более интенсивно, чем в стране в целом, что с 1924 г. по 1964 г. с учетом численности войск она сократилась в десять раз”¹¹. Данные умозаключения действительно вытекали из количественных показателей, которыми располагал в то время В. П. Маслов. Я какое-то время разделял их. Но они, к сожалению, не подтверждаются более глубоким качественным анализом.

Во-первых, принятие за базу данные 1949 года, первого года, когда Вооруженные Силы после Великой Отечественной войны переходили на штаты мирного времени, при изучении динамики преступности не совсем корректно. По данным, полученным мною в 90-е годы из Генштаба Вооруженных Сил, в 1949 году численность личного состава только в Советской Армии и Военно-Морском Флоте составляла около 4,5 млн. человек. В последующие годы дважды объявлялось о сокращении Вооруженных Сил на 2 млн. 149 тыс. в 1955—1958 годы и на 1 млн. 200 тыс. в 1961 году¹². Есть основания полагать, что реальное сокращение было меньшим, но оно оставалось существенным. И это искажало динамику абсолютных показателей преступности, на основе которых делался вывод о ее сокращении.

Во-вторых, в трудное время войны и послевоенного периода в стране и войсках регистрировался наиболее высокий уровень преступности, который с переходом к более или менее нормальной мирной жизни снижался. Значительный вклад в это снижение внесли смягчение уголовной ответственности и декриминализация деяний, в том числе и воинских, при реформировании уголовного законодательства в 1957—1962 годы.

В-третьих, в связи с отсутствием сколько-нибудь точных сведений о численности войск и преступности в них в 1924 и в 1964 годах (было лишь открытое высказывание Н. С. Хрущева), видимо, не было достаточных оснований утверждать, что преступность в войсках в расчете на 100 тыс. военнослужащих сократилась за эти 40 лет в 10 раз и что она в армейских условиях сокращается быстрее, чем в гражданском обществе. Во всяком случае, этот тезис не подтверждается тенденциями преступности в стране и армии в последние 30 лет.

При оценке тенденций преступности за 1924—1964 годы надо было также учитывать изменения уголовного и иного законодательства. 1924 год был годом начала военной реформы и утверждения первого общесоюзного положения о воинских преступлениях, которое существенно расширило число составов по сравнению с действующей до этого гл. 7 УК РСФСР 1922 года. До 1964 года военно-уголовное законодательство существенно и неоднократно менялось в 1927, 1940, 1957, 1958—1962 годы. Последние изменения были связаны с ограничением ответственности и ее смягчением. В 1961 году вступил в действие принципиально новый учет преступности.

Не углубляясь в суть многих изменений, остановлюсь лишь на понятии самовольной отлучки и дезертирства. До 1957 г. они различались лишь по времени отсутствия военнослужащего в части: более двух часов — самовольная отлучка, более суток — дезертирство. После 1957 года под самовольной отлучкой стало пониматься отсутствие в части свыше суток либо хотя и менее суток, но совершенное повторно в течение трех месяцев; под дезертирством — оставление части с целью уклонения от военной службы вовсе. В 60-е годы за совершение самовольной отлучки, которая в 20—50-е годы была фактическим дезертирством, привлекали к уголовной ответственности одного из 100—200 самовольщиков. Даже еще в 1958 году удельный вес самовольных отлучек в структуре воинских преступлений составлял более 30% (около 5 тыс. деяний), в 60-е годы он сократился на треть, а в 70—80-е годы этот состав практически исчез из уголовного учета. В 1991 году при повальных самовольных отлучках к уголовной ответственности было привлечено около 100 человек, или 0,5% в структуре только воинских преступлений. Фактически же намного больше самовольных отлучек совершалось в каком-нибудь одном полку или военно-строительном отряде, чем было учтено во всех Вооруженных Силах СССР.

В 1964—1965 годы, как известно, был зарегистрирован самый низкий уровень преступных проявлений не только в стране, но и в

войсках. Снижение было искусственным, но зато отвечало программным требованиям КПСС, полагавшей, что “в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности” и что необходимо заменить уголовное наказание “мерами общественного воздействия”¹³. В те годы я находился на следственно-прокурорской работе в Приволжском военном округе. Мне приходилось наблюдать и даже соучаствовать в “строительстве” беспреступного коммунистического общества. Идеологическая эйфория от скорого коммунизма, декриминализация одиозных деяний, гуманистические тенденции, общее ослабление уголовной ответственности, неоправданная надежда на общественность в борьбе с преступностью, практическое усиление роли командования в решении вопросов привлечения к уголовной ответственности подчиненных, открытое укрывательство преступлений — все перемешалось в те годы и предопределило самый низкий уровень учтенной преступности. Таким образом, данные и 1964 года не были показательными при выявлении реальных тенденций преступности в войсках.

Серьезные расхождения результатов количественного и качественного анализа динамики преступности в 1924—1964 и 1949—1969 годы не означают, что количественные тенденции этих лет следует игнорировать. Речь идет только о их более объективной и качественной оценке. И если продолжить анализ этих данных до 1991 года, то реальные тенденции преступности и на количественном уровне в той или иной мере проявятся.

В 1949 году в гражданском обществе СССР было учтено 995 846, а в армии и на флоте — 37 729 преступлений, в том числе 800 особо опасных (контрреволюционных), 14 113 — общеуголовных и 21 975 — воинских. Преступность в Вооруженных Силах, куда в те годы кроме армии и флота входили пограничные, внутренние, железнодорожные и иные войска, была соответственно выше. Общее число зарегистрированных преступлений в стране, армии и на флоте составило 1 033 575. Удельный вес преступлений военнослужащих армии и флота в структуре всей преступности равнялся 3,7%.

В 1991 году в СССР было учтено 3 224 273 преступления, а с деяниями военнослужащих армии и флота — 3 255 533. Учтенные в армии и на флоте преступления составили 31 260, в том числе 19 государственных, 9424 общеуголовных и 21 807 воинских. Государственная преступность сократилась в 42 раза, общеуголовная — на 33,2%, а воинская — на 0,8%.

За 40 с лишним лет численность армии и флота сократилась с 4,5—4,1 млн. до 3,5 млн. человек, или на 15—20%. В промежутке между этими годами численность войск колебалась в больших пределах. Коэффициент преступности в стране в 1949 году составлял около 400—450 преступлений на 100 тыс. жителей, в армии и на флоте — около 950, в 1991 году — соответственно 1115 и 893. Уровень преступности в стране увеличился в 2,5 раза, а в армии и на флоте сократился на 6%. Соотношение этих показателей внутри рассматриваемого периода было более сложным (табл. 1).

Таблица 1

**Коэффициенты преступности в стране, армии и на флоте
в расчете на 100 тыс. населения (военнослужащих)**

Годы	Численность военнослу- жащих, млн.	Коэффициент преступности военнослужащих	Коэффициент преступности граждан
1950	4,1	957,5	400,0
1960	3,0	655,5	306,8
1970	3,8	425,6	432,9
1980	4,2	533,5	603,7
1990	3,5	794,2	968,8
1996 (Россия, все войска)	2,4	1 217,4	1 774,4

В 50—60-е годы число учтенных преступлений на 100 тыс. военнослужащих примерно вдвое превышало аналогичный показатель среди гражданского населения. В других странах уровень преступности среди военнослужащих тоже, как правило, выше уровня преступности среди гражданских лиц. И этому есть объяснения, которые приводились выше. В 70-е годы коэффициенты преступности военнослужащих и гражданского населения в СССР практически сравнялись, а в 80—90-е годы интенсивность преступности в стране стала выше, чем в армии и на флоте. Основной причиной такого соотношения, на наш взгляд, была управляемость уровнем преступности в войсках.

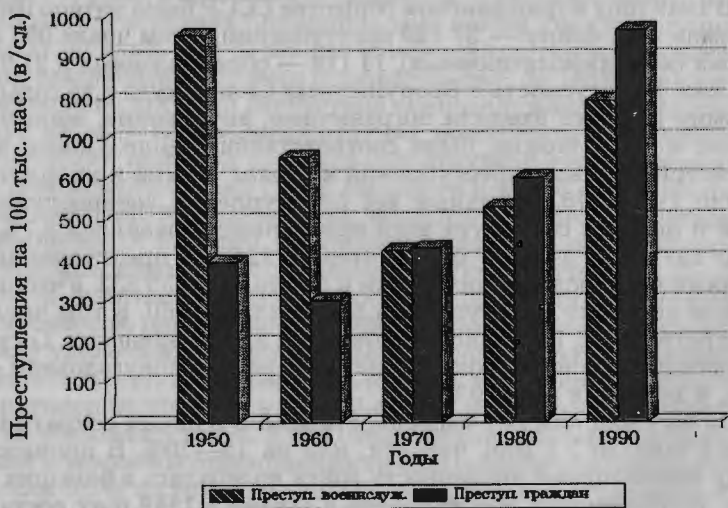

Рис. 1. Динамика соотношения уровней преступности среди гражданского населения и военнослужащих.

Динамика абсолютных показателей преступности в стране и войсках изменялась по более сложным траекториям (рис. 2).

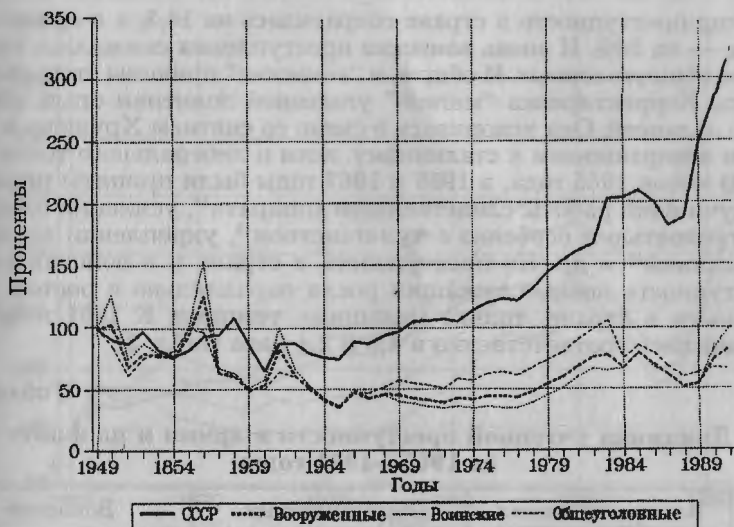

Рис. 2. Динамика преступности в стране, армии и на флоте (1949—1989 гг.).

Как видно из статистических и графических материалов, динамика преступности военнослужащих, согласуясь с общей направленностью развития преступности в стране, была менее устойчива. Она «реагировала» на ведомственные изменения и регулировалась командованием. Особо «чувствительна» к этим факторам была динамика воинских преступлений, квалификация которых в качестве таковых очень сильно зависит от решения командования. В 1950 году при снижении преступности в стране на 9,4% общая преступность в войсках увеличилась на 3%, воинская — на 27, а общеуголовная уменьшилась на 15%. В этот год были приняты новые общевойсковые уставы, и это не могло не сказаться на конъюнктуре командирской требовательности в плане воинских правоотношений.

Следующие «пики» роста преступности в войсках были в 1955—1956 и 1961 годы, в годы значительного сокращения Вооруженных Сил, связанного с потерей перспективы офицерским составом, увольнением их в запас без пенсионного обеспечения, падением престижа военной службы, началом крушения идеологии сталинизма (1956 г.), принятием новых уголовных кодексов (1960—1961 гг.) и другими обстоятельствами. В 1955 году преступность в армии и на флоте возросла по сравнению с предыдущим годом на 63,5%, в том числе общеуголовная — на 22, а воинская — на 104,4%. Аналогичный всплеск был и при втором сокращении Вооруженных Сил в 1961 году — соответственно 56,9; 29,1 (72,2%). Нечто похожее переживают Вооруженные Силы России в 90-е годы.

В последующие годы регистрируемый уровень преступности в союзных войсках снижался быстрее, чем в стране. С 1961 года по

1965 год преступность в стране сократилась на 14,3, а в армии и на флоте — на 58%. И вновь воинские преступления снижались интенсивнее общеуголовных. И общие, и “воинские” причины этого обсуждались. Корректировка “мягкой” уголовной политики стала объективно заданной. Она ускорилась в связи со снятием Хрущева в 1964 году и возвращением к сталинизму, хотя и либерального толка.

В конце 1965 года, в 1966 и 1967 годы были приняты решения об улучшении работы следственного аппарата¹⁴, усилении борьбы с преступностью и особенно с хулиганством¹⁵, укреплении воинской дисциплины¹⁶ и др. Но преступность в стране и в войсках росла. Преступность военнослужащих росла параллельно с ростом преступности в стране, только меньшими темпами. К 1991 году они увеличились соответственно в 4,3 и 2,4 раза (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика учтенной преступности в армии и на флоте
за 1965—1991 годы**

Годы	Все преступления			Общеуголовные			Воинские		
	абс.	%	доля	абс.	%	доля	абс.	%	доля
1965	13 150	100,0	1,7	5 045	100,0	38,4	8 013	100,0	61,5
1966	17 788	135,3	2,0	6 747	134,7	38,2	10 981	135,7	61,7
1967	16 071	122,2	1,8	6 582	130,5	40,9	9 478	117,1	59,0
1968	17 317	131,7	1,8	7 344	145,6	42,4	9 961	123,1	57,5
1969	16 978	129,1	1,7	8 184	162,2	48,2	8 778	108,5	51,7
1970	16 173	123,0	1,5	7 807	154,7	48,3	8 360	103,3	51,7
1971	15 348	116,7	1,4	7 517	149,0	49,0	7 819	96,6	50,9
1972	14 732	112,0	1,4	7 168	142,1	48,6	7 551	93,3	51,2
1973	16 222	123,4	1,5	8 334	165,2	51,4	7 869	94,8	47,3
1974	15 617	118,8	1,3	8 091	160,4	51,8	7 505	92,7	48,0
1975	16 710	127,1	1,4	8 845	175,3	52,9	7 844	96,9	46,9
1976	16 653	126,6	1,3	9 074	179,9	54,5	7 530	93,0	45,2
1977	16 304	124,0	1,3	8 696	172,4	53,3	7 567	93,5	46,4
1978	18 150	138,0	1,4	9 655	191,4	53,2	8 467	104,6	46,6
1979	20 399	155,1	1,4	10 454	207,2	51,2	9 925	122,6	48,6
1980	22 408	170,4	1,4	11 284	223,7	50,3	11 089	137,0	49,5
1981	25 896	196,9	1,6	12 722	252,2	49,1	13 088	161,7	50,5
1982	28 689	218,2	1,7	13 907	275,6	48,5	14 603	180,4	50,9
1983	29 452	224,0	1,4	14 987	297,1	50,9	14 325	177,0	48,6
1984	25 396	193,1	1,2	10 632	210,7	41,9	14 655	181,1	57,7
1985	29 947	227,7	1,4	12 067	239,2	40,3	17 672	218,4	59,0
1986	26 354	200,4	1,3	11 202	222,0	42,5	15 038	185,8	57,1
1987	23 226	176,6	1,3	9 669	191,6	41,6	13 512	166,9	58,2
1988	19 597	149,0	1,0	8 437	167,2	43,0	11 134	137,6	56,8
1989	20 670	157,2	0,8	8 983	178,0	43,5	11 656	144,0	56,4
1990	27 796	211,4	1,0	9 539	189,1	34,3	18 238	225,3	65,6
1991	31 260	237,7	1,0	9 424	186,8	30,1	21 807	269,5	69,8
Среднегодовой прирост		3,4%			2,45%			3,9%	
Ср. уд. вес			1,4%			45,9%			53,9%

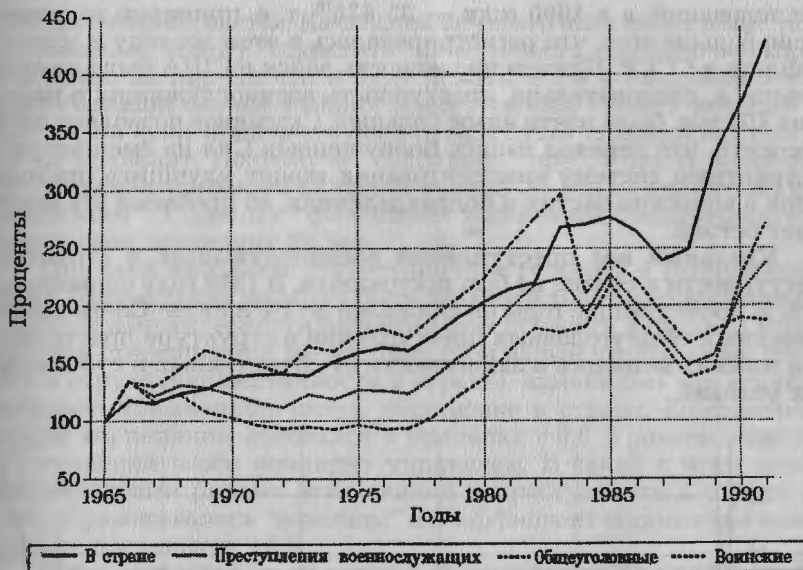

Рис. 3. Динамика преступности в армии и на флоте (1965—1990 гг.).

Доминирование общеуголовных преступлений в структуре преступности в войсках, обозначившееся в 1966 году, увеличивалось до 1984 года, до перевода “дедовщины” из общеуголовных преступлений в воинские. После 1984 года удельный вес общеуголовных преступлений превышал долю воинских незначительно. В 1990 году их доли сравнялись, а затем воинские преступления намного превысили уровень общеуголовных деяний. Причины очевидны: началось новое сокращение Вооруженных Сил, которое в первую очередь сказалось на воинских правоотношениях, как и во время сокращения войск в 1956 и 1961 годы.

Относительно высокий уровень преступности среди военнослужащих и ее рост характерны не только для СССР. Аналогичные проблемы существуют и в США. С 1960 по 1971 год число тяжких преступлений в вооруженных силах США увеличилось почти вдвое. Особо высокий уровень преступности американских военнослужащих отмечался во время вьетнамской войны. В 1968 году, например, было учтено 53 357 дезертирств, 155 536 самовольных отлучек. В разные страны дезертировало более 100 тыс. солдат¹⁷. В 1972 году только в сухопутных войсках было совершено 40 610 различных преступлений.

С переходом на контрактную систему комплектования войск в 1973 году преступность в них несколько снизилась. В 1986 году во всех вооруженных силах США было проведено 38 927 уголовных

расследований, а в 1990 году — 35 435¹⁸, т. е. примерно на восемь тысяч больше того, что регистрировалось в этом же году в армии и на флоте в СССР. Причем численность войск в США была намного меньше, а, следовательно, преступность военнослужащих в расчете на 100 тыс. была почти вдвое большей. Сказанное позволяет предположить, что переход наших Вооруженных Сил на смешанную и контрактную систему комплектования может улучшить правопорядок в воинских частях и подразделениях, но проблема эта всегда будет острой.

Удельный вес преступлений военнослужащих в структуре преступности в стране не был постоянным. В 1949 году он равнялся 3,7%. В последующие годы он снижался до 1% и ниже. Соотношение воинских и общеуголовных преступлений в структуре преступности в войсках менялось в зависимости от объективных и субъективных условий.

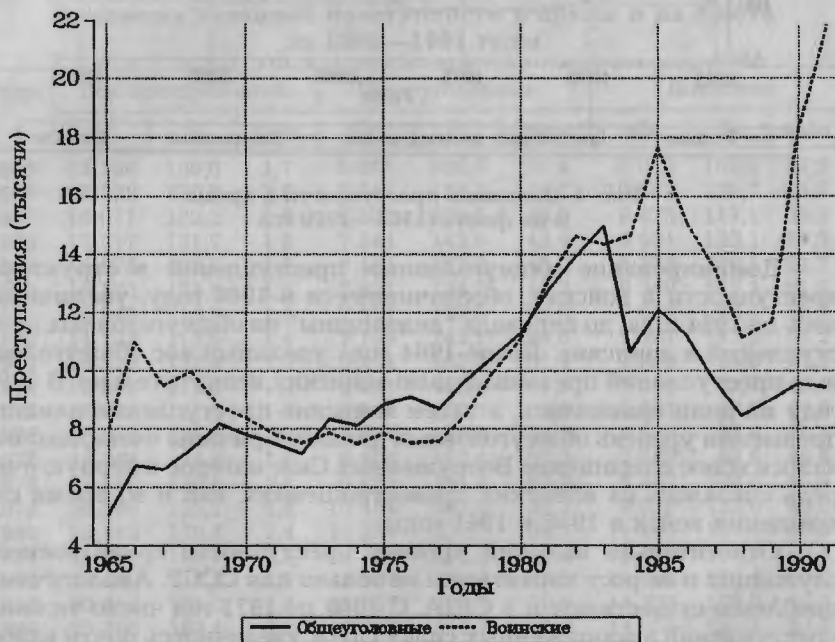

Рис. 4. Соотношение воинских и общеуголовных преступлений.

Воинские преступления, как правило, доминируют в условиях организационной неопределенности, сокращения Вооруженных Сил, снижения престижа военной службы и в других экстраординарных условиях, тогда как в обычной обстановке командование легко «управляет» их уровнем в собственных целях.

Как было показано при анализе «дедовщины», механизм регулирования уровня преступности в войсках достиг особого совер-

шенства в период застоя. Начальник крупного политотдела мне тогда рассказывал: "Я могу "сократить" преступность, особенно воинскую, хоть вдвое за год. Но что я буду делать, если в следующем году будет большой скачок тяжких преступлений, скрыть которые не удастся. На фоне предшествующего года будет сильный всплеск, за что не похвалят. Поэтому я "сокращаю" преступность медленно, удерживая ее примерно на одном уровне. За это не хвалят, но и не наказывают". Подобная "философия выживания" подтверждается статистикой последних 30 лет.

При всей неполноте статистики преступности в Вооруженных Силах ее тенденции не могут быть диаметрально противоположными общей направленности развития преступности в стране. Общеуголовные преступления, несмотря на свой малый удельный вес (около 0,5% в структуре преступности в стране), изменялись практически сообразно криминологической обстановке в стране. Коэффициент парной корреляции колебался в пределах +0,8. Уровень воинских преступлений особо командно управляем. В связи с этим между динамическими рядами этих деяний и преступности в стране нередко образовывались "ножницы" и коэффициент корреляции между ними не превышает +0,6.

Итак, несмотря на наличие в Вооруженных Силах объективных и субъективных, временных и постоянно действующих особенностей, оказывающих существенное влияние на уровень, динамику и структуру преступности военнослужащих, между преступностью в стране и в Вооруженных Силах существует сильная корреляционная взаимосвязь. Она объясняется действием в стране и армии единых основных тенденций и закономерностей. Военнослужащие, составляя около 1,5% в структуре населения страны, но призванные со всей ее территории, из различных социальных слоев и групп населения (так было в СССР), достаточно репрезентативно представляют территориальное, социально-экономическое, культурное многообразие страны, общества, народа. Еще более сильная связь существует между преступностью несовершеннолетних и их общим нравственно-правовым уровнем поведения и преступностью военнослужащих¹⁹. Слова К. Маркса, сказанные много лет назад, о том, что в "истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества"²⁰, справедливы и для анализа криминальных явлений среди военнослужащих.

Этот вывод является ключевым в понимании основных закономерностей и тенденций преступности в Вооруженных Силах, ее важнейших и определяющих причин. Все военно-криминологические проблемы могут успешно анализироваться и решаться в тесной связи с общими криминологическими проблемами в стране. Попытки радикально решить криминологические проблемы военнослужащих внутри советских Вооруженных Сил, предпринимавшиеся неоднократно, терпели провал.

В то же время анализ преступности военнослужащих в связи с той или иной обстановкой в Вооруженных Силах показывает, что воз-

возможности воинских должностных лиц в деле борьбы с отклоняющимся поведением военнослужащих значительны. Ослабление этой работы во время неоднократных сокращений Вооруженных Сил, что в первую очередь сказывается на снижении требовательности командования в связи с потерей перспективы службы, вызывало резкие всплески преступности военнослужащих, особенно воинской. Реалистичский подход к преступности в войсках позволит находить соотношение общегосударственных и сугубо военных мер по удержанию преступности военнослужащих на социально терпимом уровне.

3. Преступность военнослужащих в России

Российские Вооруженные Силы, организация которых практически началась в 1992 году, стали преемниками Вооруженных Сил СССР во всех отношениях, в том числе и в криминогенных традициях. Болезненный раздел общих Вооруженных Сил между бывшими союзными республиками, вывод огромного числа воинских частей и соединений из стран Варшавского договора, Германии и Прибалтийских государств в новые необжитые места в России, стихийное сокращение численности войск, недостаток призывных контингентов, физическая и психологическая неподготовленность призывников к службе в армии, ограниченное финансирование войск, резкое снижение престижа военной службы, неудавшаяся и непопулярная, но кровопролитная война в Чечне и другие обстоятельства умножили криминогенность воинских правоотношений.

Одних только семей офицеров вернулось на Родину в необжитые места более 600 тыс. Многие офицеры остаются не у дел, без жилья и средств существования. В 1995 году насчитывалось 125 тыс. семей бомжей в погонах. До сих пор не завершен сложный и трудный раздел Черноморского флота между Россией и Украиной, вооружений в Приднестровье между Россией и Молдовой. В России идет практически непрерывный процесс сокращения воинских формирований, их переподчинения, преобразования и расформирования. Юноши в массовом порядке уклоняются от призыва на военную службу. Многие части и соединения укомплектованы личным составом на 30—50% от штатной численности. Солдаты и сержанты, находящиеся в воинских частях и подразделениях, несут непосильные нагрузки. Все это отражается на падении дисциплины и ухудшении воинского правопорядка, в том числе и среди офицерского состава.

Непрерывно меняющаяся численность военнослужащих не дает возможности выявить реальные тенденции преступности в войсках и установить действительный уровень по числу преступлений на 100 тыс. человек личного состава. Судя, например, по Закону о федеральном бюджете²¹, штатная численность Вооруженных Сил по состоянию на 1 января 1995 г. значилась в 1 917 400 военнослужащих и 600 тыс. лиц гражданского персонала, а на 1 января 1996 г. планировалось иметь соответственно 1 469 900 и 600 000. Реальная численность военнослужащих Вооруженных Сил РФ может суще-

ственно отличаться от штатной. По состоянию на начало 1997 года численность Вооруженных Сил составляла около 1,7 млн. человек. Общая численность всех войск (Вооруженных Сил, внутренних, пограничных и других войск) составила 2 410 127 человек^{21а}.

Здесь необходимо разобраться в некоторых понятиях, которые также претерпели заметные изменения в России. В СССР в Вооруженные Силы входили не только войска, непосредственно подчинявшиеся министру обороны, именуемые Советской Армией и Военно-Морским Флотом, но и все другие воинские формирования: пограничные, внутренние, железнодорожные и т. д. В России в состав Вооруженных Сил входят лишь армия и флот. Наряду с Вооруженными Силами имеются 13 других воинских формирований: пограничные, внутренние, железнодорожные войска, войска ФСБ, МВД, МЧС, ФАПСИ, Минстроа, Минатома, а также военнослужащие внешней разведки, федеральных органов службы безопасности, управления охраны и др. Численность этих формирований в общей сложности может быть относительно высокой. Все эти формирования остаются поднадзорными Главной военной прокуратуре, а их личный состав несет ответственность за совершение общеуголовных и воинских преступлений.

Если принять регистрируемый уровень преступности военнослужащих в 1992 году за базу, то можно констатировать, что в последующие годы шел процесс снижения числа всех учтенных преступлений, совершенных военнослужащими. Еще более интенсивно снижалась преступность в Вооруженных Силах (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика преступности военнослужащих в России
(в % к 1992 г.)**

		1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Вся преступность	Динамика	100,0	86,0	77,2	97,6	96,9
	Доля в структуре преступности в стране	1,1	0,96	0,91	1,1	1,2
Воинские преступления	Динамика	100,0	88,0	74,0	96,3	96,9
	Доля в структуре преступности военнослужащих	65,0	66,6	62,4	64,2	65,1
Общеуголовные преступления	Динамика	100,0	81,6	82,8	100,1	96,8
	Доля в структуре преступности военнослужащих	34,9	33,1	37,4	35,7	34,8
Государственные преступления	Динамика	100,0	182,9	136,6	112,2	90,2
	Доля в структуре преступности военнослужащих	0,1	0,3	0,2	0,1	0,1
Вся преступность в ВС	Динамика	100,0	78,6	62,4	72,1	70,7
	Доля в структуре преступности военнослужащих	77,3	70,7	62,5	57,1	56,4

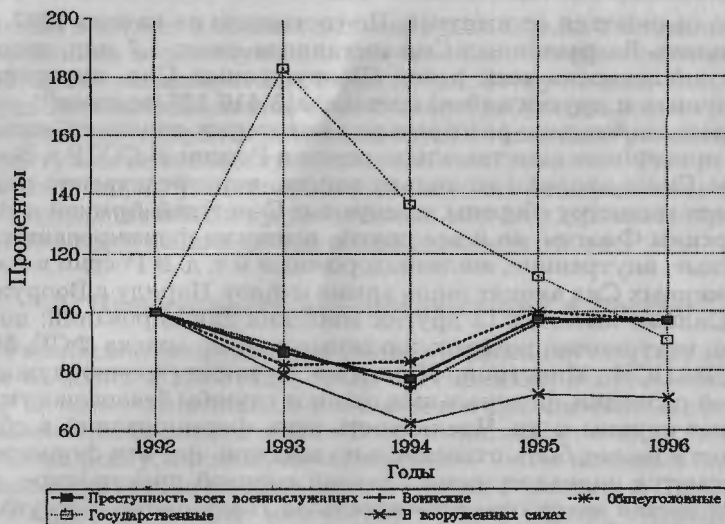

Рис. 5. Динамика преступности военнослужащих в России (1992—1996 гг.).

Снижение числа регистрируемых преступлений по названным параметрам является прежде всего следствием сокращения общей численности военнослужащих вообще и в Вооруженных Силах в частности. В 1991 году в Советской Армии и Военно-Морском Флоте насчитывалось около 3,5 млн. человек. В 1992 году в России могло остаться около 3 млн. Штатная численность Вооруженных Сил РФ (аналог СА и ВМФ) на конец 1994 года обозначена в 1,9, а на конец 1996 года — 1,7 млн. человек. Приводимые данные приблизительны, но скорее всего они более или менее реально отражают тенденцию планового и стихийного (неукомплектованность) сокращения личного состава в Вооруженных Силах. Оно составило примерно 36—45%. Эти данные положительно коррелируют со снижением преступности в тех же Вооруженных Силах. С 1992 года она сократилась на 42,9%. А это значит, что даже при расчете на штатную (а не фактическую) численность личного состава никакого снижения преступности в Вооруженных Силах не было. По некоторым примерным оценкам, коэффициент регистрируемой преступности за эти годы вышел за пределы 1000 деяний на 100 тыс. военнослужащих. Исходя из приведенных данных о численности войск, в 1996 году этот показатель в Вооруженных Силах достиг 1013, а среди всех военнослужащих — 1271.

Как и в стране в целом, учетная преступность в войсках не отражает ее реального уровня и тенденций. Это видно и по структурным сдвигам. Доля воинских преступлений в преступности всех военнослужащих за анализируемые годы уменьшилась с 65 до 64,2%, а общеуголовных и государственных — увеличилась с 34,9 до 35,7 и с 0,1 до 0,2%. Воинские преступления в 1993—1994 годы сокращались более интенсивно (—26,6%), чем общеуголовные (—17,2%), а государственные — росли (+36,6%). Прирост этих тяжких и трудно

скрываемых деяний, видимо, и отражает действительные тенденции преступности военнослужащих.

Данное предположение подтверждается динамикой серьезных видов преступлений. В 1994 году, например, при общем сокращении преступности военнослужащих на 10,2% интенсивно росло число тяжких преступлений (+10,4), всех видов убийств (+35,6), изнасилований (+18,3), взяточничества (+66), преступлений, связанных с наркотиками (+51,6), хулиганства (+5,4), "дедовщины" (+16,5), должностных преступлений начальников (+38,6), в том числе рукоприкладств (+10,6). Особенно высока преступность призывников, уклоняющихся от службы в армии. В 1992 году, например, число таких случаев превысило 200 тыс.²² Призывники не являются военнослужащими, и их уклонения от призыва не включаются в преступность в Вооруженных Силах. Но фактор этот является военно-криминогенным и тревожным. Рассматриваемые уклонения, как мы видим, в 6 раз выше всех зарегистрированных преступлений в войсках. Серьезным симптомом является также более частое привлечение к уголовной ответственности высокопоставленных офицеров и генералов²³. Речь идет не о более принципиальном отношении к их противоправной деятельности. Оно осталось прежним: высокие воинские начальники практически не несут реальной уголовной ответственности за совершенные преступления. Речь идет об интенсивном росте очевидных и вопиющих фактах их криминального корыстолюбия, когда личный состав войск живет впроголодь, а высшие должностные лица Минобороны и Генштаба строят себе по несколько загородных вилл, стоимость которых стократно превышает их денежное содержание. Одно из интервью главного военного прокурора так образно и называлось: "Толстые генералы и постные солдатские щи".

В 1996 году были обнародованы многочисленные факты хищений государственных средств, злоупотреблений в корыстных целях и взяточничества среди высшего генералитета Вооруженных Сил. В докладах и интервью Председателя Комитета Государственной Думы по обороне генерал-лейтенанта Л. Рохлина, Генерального прокурора РФ Ю. Скуратова и главного военного прокурора В. Паничева в связи с этим назывались фамилии министра обороны генерал-армии П. Грачева, главного военного инспектора генерал-армии К. Кобца, начальника главного управления генштаба генерал-полковника В. Жеребцова, начальника тыла Минобороны В. Чуранова, аудитора Счетной палаты Государственной Думы генерал-полковника Ю. Родионова и многих других, в отношении которых проводились прокурорские проверки и расследовались уголовные дела²⁴.

За счет чего же происходило регистрационное снижение преступности в войсках, особенно в Вооруженных Силах? По данным 1994 года, за счет снижения регистрации различных видов уклонений от военной службы (-21,8%), а их удельный вес в структуре преступности военнослужащих достигает 50%, нарушений правил несения внутренней (-92,4) и караульной (-22,9) служб, присвоений и растрат (-35,6), воинских автотранспортных преступлений (-14,3) и других деяний, учет и расследование которых зависят главным образом от командования.

Продолжалось традиционное для нашей армии “вымывание” из учета менее опасных деяний путем направленной командирской декриминализации. Эта болезнь особенно распространена в воинских частях и подразделениях Министерства обороны, преступность в которых за последние три года “сокращалась” в 2 раза интенсивнее, чем среди всех военнослужащих, в связи с чем удельный вес преступности в Вооруженных Силах в структуре преступных проявлений всех воинских формирований снизился с 77,3 до 57,1%. В 1996 году эти тенденции продолжились. Да было бы и наивно полагать, что в условиях постоянного роста преступности и в стране, и в войсках военное командование откажется от давних стереотипов ее “сокращения” в целях собственного выживания. Нет также никаких оснований считать, что причинная обусловленность преступности военнослужащих криминогенной обстановкой в стране уменьшилась.

Экономический и нравственный кризис в стране и “воинский” кризис, связанный со странной и кровопролитной войной в Чечне, никак не коррелировали с регистрационным снижением преступности в войсках. Стало очевидным и другое: ослабление правового контроля и требовательности к военнослужащим хотя и было психологически понятным в связи с переживаемыми трудностями, но оно стало запредельным. Поэтому в 1995 году в войсках, как и в стране, обозначился не только реальный, но и регистрационный рост преступности. В воинских формированиях, не входивших в Вооруженные Силы, преступность увеличилась на 44,6, а в Вооруженных Силах — на 15,5%. Общая преступность среди военнослужащих возросла на 26,4%, воинская — на 30,1, общеуголовная — на 20,7%. Сократились лишь государственные преступления — на 17,9%. Но они единичны и не влияют на общие тенденции преступности военнослужащих. Эти тенденции сохранились и в 1996 году.

Таким образом, преступность среди военнослужащих (реально, а не на бумаге) не сокращается, а растет. Ее рост сопровождается существенным отставанием военно-правового контроля над ней, что, в свою очередь, дополнительно детерминирует ее дальнейший рост. С данной тенденцией прямо коррелирует усиление напряженности в армейской среде по самым разным обстоятельством²⁵.

Уменьшить имеющиеся криминогенные факторы можно только при замене волонтаристской стратегии борьбы с преступностью на реалистическую, при господстве в войсках закона, а не дискреционных полномочий начальников, при объективном отражении криминальных реалий. Обобщенные сведения о преступности военнослужащих должны быть открытыми, и не только в России, что будет соответствовать эпохе снижения военного противостояния и поможет обменяться положительным опытом поддержания воинского порядка.

Криминальная статистика не может представлять государственной тайны не только по своему содержанию, но и по тому, что при открытых данных об общей преступности и преступности несовершеннолетних в стране, открытой численности войск и военного бюджета, а также некоторых косвенных показателей о правопорядке в Вооруженных Силах нет особого труда (если это кому-то понадобится).

ся) более или менее точно вычислить реальный уровень криминальности в войсках. В связи с этим пропадает смысл имеющейся конфиденциальности. В главе 2 я привел пример практически точного расчета уровня и динамики преступности в СССР нидерландским ученым Ван ден Бергом на рубеже 70—80-х годов по косвенным показателям. В те годы еще существовали железный занавес и всеобщая секретность. Ныне эта задача многократно упрощается.

Объективизация учета и расследования преступлений военнослужащих, открытость криминологически значимых данных потребуют от властей и народа адекватных мер по контролю над преступностью в войсках, создают условия для ее более широкого изучения и предупреждения, снимут обоснованное подозрение населения к военному руководству ("в армии все скрывают"), помогут восстановить доверие к военной службе.

¹ Достаточно воспроизвести динамику наименований приказов и директив о дисциплине (О состоянии воинской дисциплины в Советской Армии и мерах по ее укреплению. Приказ № 0085 от 30 апреля 1951 г.; О мерах по укреплению воинской дисциплины и ликвидации преступности в Вооруженных Силах. Директива № Д—8213с от 6 февраля 1960 г.; О мерах по искоренению бесчинств по отношению к местному населению и насилий над женщинами. Директива № Д-050 от 9 июня 1964 г.; О мерах по предупреждению и искоренению случаев самоубийств и попыток к самоубийствам среди военнослужащих. Директива № Д-019 от 13 апреля 1965 г.), чтобы сделать вывод о том, что с 60-х годов в руководящих документах начинают преобладать императивные требования о ликвидации и искоренении преступности в войсках.

² *Краснов П.* Армия // Русский колокол. 1928. № 3.

³ *Артамонов Н. В.* Правовой статус военнослужащих и его обеспечение. М., 1984. С. 13; Закон о статусе военнослужащих от 22 января 1993 г // Российская газета. 1993. 9 февр.

⁴ Преступность в зарубежных вооруженных силах // Информационно-аналитический еженедельник. Обозреватель РАУ-Корпорация. Специальный выпуск. Преступность — угроза России. № 2(6). М., 1993. С. 107.

⁵ *Лунеев В. В.* Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих. Дисс. на соиск. уч. ст. д. ю. н. М., 1979. С. 337—340; *он же.* Правопорядок в части и состоянии дисциплины // Коммунист Вооруженных Сил. 1988. С. 40—44; *он же.* Издержки двойной статистики // Красная звезда. 1989. 26 апр.; *он же.* Преступность в вооруженных силах // Информационно-аналитический еженедельник. Обозреватель РАУ-Корпорация. Специальный выпуск. Преступность — угроза России. № 2(6). М., 1993. С. 72—76.

⁶ *Вадимов Е.* Корнеги и звери ("Славная школа"). Белград, 1929; *Съедин С. И., Крук В. М.* "Дедовщина" в воинских коллективах: причины, пути выявления и искоренения. М., ВПА, 1990; *Марченко Н. И.* К вопросу о генезисе и сущности неуставных взаимоотношений // Социологические исследования. 1993. № 12.

⁷ Лунеев В. В. Актуальные научно-практические проблемы борьбы с правонарушениями военнослужащих // Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка в Вооруженных Силах СССР. Материалы Первого теоретического семинара, состоявшегося на военно-юридическом факультете 10 февраля 1982 г. М., 1982. С. 5—12.

⁸ Лунеев В. В. Советская криминология (причины, предупреждение и методы изучения преступлений военнослужащих). М., Юрид. лит., 1978; он же. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. Учебник. М., Воен. институт, 1986.

⁹ Правда. 1990. 29 апр.; Ахромеев С. Ф. Справка об удельном весе расходов на оборону страны в валовом и национальном продукте, национальном доходе и государственном бюджете СССР // Megapolis-EXPRESS. 1991. № 8.

¹⁰ Маслов В. П. Проблемы борьбы с воинскими преступлениями в Вооруженных Силах СССР. Дисс. на соиск. уч. ст. д. ю. н. М., 1972; Маслов В. П., Белявский В. Г. Из истории изучения и предупреждения преступности в армии и на флоте // Труды Академии. М., Военно-политическая академия, 1969. С. 259—274.

¹¹ Маслов В. П. Сводные таблицы статистического анализа преступности. Приложение к диссертации. М., 1972. С. 9.

¹² Разоружение // Военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 43.

¹³ Программа КПСС. М., 1961. С. 106.

¹⁴ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 декабря 1965 г. "О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка".

¹⁵ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 23 июля 1966 г. "О мерах по усилению борьбы с преступностью"; Указ Президиума ВС СССР от 26 июля 1966 г. "Об усилении ответственности за хулиганство".

¹⁶ Постановление ЦК КПСС от 21 января 1967 г. "О мерах по улучшению партийно-политической работы в армии и на флоте".

¹⁷ Советское государство и право. 1972. № 11. С. 136; За рубежом. 1971. № 11. С. 26.

¹⁸ Преступность в зарубежных вооруженных силах... С. 107.

¹⁹ Маслов В. П., Миньковский Г. М. Преступность несовершеннолетних и правонарушения военнослужащих. М., ВПА, 1971.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 154.

²¹ Российская газета. 1995. 7 апр.

^{21a} Российская газета. 1997. 8 февр.

²² Российская газета. 1993. 22 мая.

²³ Российская газета. 1994. 20 окт.; Известия. 1994. 27 дек.

²⁴ Рожлин Л. Батальоны просят нового министра // Российская газета. 1996. 6 июля; он же. Доллары на погонах // Российская газета. 1996. 20 июля; Паничев В. Толстые генералы и постные солдатские щи // Российская газета. 1996. 20 июля; Скуратов Ю. Диктатура закона не допустит к власти диктатора // Российская газета. 1996. 19 окт.

²⁵ Янин С. В. Факторы социальной напряженности в армейской среде // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 36—50.

Часть III

Контроль над преступностью

Глава 13

Тенденции уровня выявленных правонарушителей

1. Уровни выявленных правонарушителей и учтенная преступность: соотносимы ли они?

1. Уровень установленных (выявленных) лиц, участвующих в совершении преступлений, зависит от многих и разнопорядковых обстоятельств.

Исходным и определяющим фактором является величина реальной преступности. Именно она в основе своей задает все показатели криминологической обстановки в стране, регионе, мире. Однако величина эта, как известно, предполагаемая или рассчитываемая, а поэтому не может быть базой для сопоставимых статистических исследований. Хотя объективное существование этого "темного" числа надо всегда иметь в виду при любом криминологическом анализе.

Регистрируемая преступность лишь примерно и неполно отражает преступность реальную. Но государственный учет преступлений при всех его недочетах является единственной более или менее надежной статистической базой. Число выявляемых правонарушителей еще более отдалено от общего числа лиц, фактически перешагнувших уголовно-правовые запреты. Кроме уровня реальной и регистрируемой преступности на учтенное число субъектов влияют политический и правовой режим в стране, действующие стратегии борьбы с преступностью, практическое соблюдение конституционных и процессуальных гарантий в отношении подозреваемых и обвиняемых лиц, реальные возможности оперативных и следственных органов, их профессиональная подготовка, законность деятельности и даже степень зависимости (независимости) от правящей элиты и ее лидеров. Последний фактор особо значим был в СССР. Исходя из сказанного, уровень выявляемых преступников, неполно отражая реалии, является важным показателем криминологической обстановки в стране, результативности работы правоохранительных органов, политических тенденций и других процессов, происходящих в обществе, прямо или косвенно характеризую его социально-правовое здоровье.

Можно предположить: чем выше уровень выявляемых правонарушителей и чем он ближе к числу регистрируемой преступности, тем эффективнее работает система уголовной юстиции, а значит, она более социально здорова. Действительность сложнее. Известно, что самый высокий уровень выявляемых правонарушителей (на фоне регистрируемой преступности) чаще всего наблюда-

ется в странах с тотальным контролем и полицейским режимом, где о правовом здоровье системы уголовного правосудия говорить трудно. Разветвленный полицейский надзор, широкие дискреционные полномочия органов правоохраны, управляемый суд, нарушения законности, процессуальных гарантий и прав человека могут способствовать повышению выявляемости правонарушителей. Тем более, что тоталитаризм чаще всего борется не с преступностью как с явлением, а с неугодными людьми, которые заранее известны и даже отслежены.

Теоретически также можно предположить, что в развитых демократических странах сильная профессионально подготовленная и технически оснащенная полиция на строго законных основаниях выявляет виновных в совершении абсолютного числа известных им преступлений. Однако и это предположение не подтверждается мировым опытом. В демократических странах при соблюдении общепризнанных прав человека полиции намного труднее выявлять правонарушителей и особенно доказывать их виновность, чем в авторитарных режимах. В этом случае можно говорить лишь об оптимально возможном уровне выявляемых правонарушителей. И этот оптимум не является единым для разных демократических стран. На него влияют и национальные особенности, и исторические традиции, и религиозные устои, и уровень культурного развития, и многие другие явления.

Через призму данных суждений я и попытаюсь анализировать тенденции уровня выявленных правонарушителей в связи с динамическим рядом учтенной преступности. Сближения и расхождения этих рядов могут свидетельствовать о криминологически значимых процессах в том или ином обществе. Принимая статистический ряд учтенной преступности за условную и относительно надежную шкалу отсчета, видимо, можно будет судить об аномальности или оптимальности уровня выявляемых правонарушителей.

Гипотетически динамика статистических показателей о регистрируемых преступлениях, выявленных правонарушителях, осужденных и заключенных по своей основной направленности должна совпадать. Отражая разные социально-правовые процессы, они действительно положительно коррелируют между собой, так как замыкаются на одной и той же базе — реальной преступности. На самом же деле между ними регистрируются существенные расхождения, свидетельствующие о криминологически значимых сбоях. Их можно обнаружить лишь при анализе уровней преступности и выявленных правонарушителей за длительный период времени.

Однако, прежде чем говорить об этом непосредственно, напомним, что даже при полной раскрываемости зарегистрированных преступлений показатели учета деяний и лиц, их совершивших, совпадать не могут. Это объясняется наличием групповой преступности, а также реальной и идеальной совокупностью деяний.

В 1990 году, например, групповая преступность в СССР (если соотнести раскрытые групповые деяния со всеми расследуемыми преступлениями) составила 19,3, в России в 1995 году — 20%. При-

чем эти данные нельзя считать точными, ибо значительное число преступлений, среди которых могут быть и групповые, не раскрывается. В те же годы доля нераскрытых преступлений в СССР составила 41,9, а в России — 35,5%. Если же рассчитывать групповую преступную деятельность не по отношению к раскрытым преступлениям, а по отношению к установленным лицам, то доля лиц, совершивших преступления в группе, в СССР в 1990 году была равна около 30, а в России в 1995 году — 29,8%.

Учета лиц, совершивших преступления при идеальной или реальной совокупности, в Союзе и в России не было. Оценка их доли дает возможность предположить, что она может приближаться к удельному весу лиц, совершивших преступления в группе. В других странах институты совокупности и соучастия формулируются уже или шире, чем у нас, но удельные веса правонарушителей, совершивших преступления в группе и в совокупности, скорее всего не так уж сильно будут различаться между собой. А это значит, что с большой долей условности можно принять: одно преступление соотносимо с одним субъектом или наоборот. Если согласиться с этим допущением, то параллельные ряды учтенных деяний и выявленных по ним правонарушителей могут быть возможны. Следовательно, если принять зарегистрированную преступность за условную шкалу отсчета, то соотношение с ней числа выявленных правонарушителей может иметь ту или иную криминологическую значимость.

2. Особенности динамики уровня правонарушителей в СССР

Советский режим вносил специфику во многие социальные и криминологические процессы. Однако трудно было ожидать, что его слабеющая во времени репрессивная суть так рельефно отразится на динамике уровня выявленных правонарушителей, соотношенной с динамикой зарегистрированной преступности (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение уровней учтенных преступлений и выявленных по ним правонарушителей

Годы	Зарегистрировано преступлений	Выявлено правонарушений	Отношение лиц к преступности, %
1956	579 116	746 511	128,9
1957	677 260	756 271	111,7
1958	880 322	831 329	94,4
1959	614 552	547 774	89,1
1960	651 260	789 621	121,2
1961	877 549	975 013	111,1
1962	881 543	1 034 112	117,3
1963	795 772	902 110	113,4
1964	758 306	875 589	115,5

1965	751 801	824 839	109,7
1966	888 125	922 569	103,9
1967	871 296	969 049	111,2
1968	941 078	968 826	102,9
1969	969 186	1 009 921	104,2
1970	1 046 336	1 074 771	102,7
1971	1 057 090	1 000 359	94,6
1972	1 064 976	1 064 457	99,9
1973	1 049 433	1 043 801	99,5
1974	1 141 108	1 092 717	95,7
1975	1 197 512	1 143 291	95,5
1976	1 232 166	1 164 279	94,5
1977	1 212 022	1 123 055	92,6
1978	1 308 466	1 175 483	89,8
1979	1 432 684	1 227 305	85,7
1980	1 527 557	1 328 143	86,9
1981	1 609 470	1 393 139	86,5
1982	1 655 932	1 478 400	89,3
1983	2 016 514	1 599 417	79,3
1984	2 029 144	1 647 210	81,2
1985	2 083 501	1 728 184	82,9
1986	1 987 293	1 706 148	85,8
1987	1 798 549	1 476 932	82,1
1988	1 867 223	1 286 505	68,9
1989	2 461 692	1 303 558	53,0
1990	2 786 605	1 383 552	49,6
1991	3 223 147	1 486 746	46,1

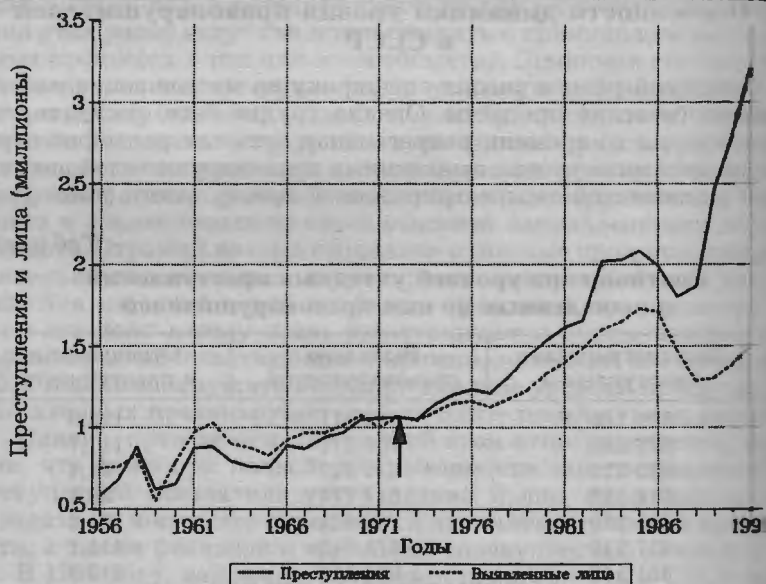

Рис. 1. Динамика преступлений и выявленных по ним лиц (1956—1991)

Судя по таблице и графику, параллельные ряды чисел зарегистрированных преступлений и установленных по ним лиц в СССР в 1956—1991 годы имели специфическое соотношение, меняющееся по знаку.

В 1956 году, когда Сталина уже не было, а установленный им режим еще сохранялся, число выявленных правонарушителей на 29% превышало количество учтенных преступлений (которое было принято мною в соответствии с выводами предшествующего параграфа за 100%. — В. Л.). Если пренебречь некоторыми отклонениями в динамике числа выявленных правонарушителей в начале уголовно-правовой реформы 1958—1959 годов, то в 1960 году отмеченное превышение составило 21,2%, в 1965 году — 9,7, в 1970 — 2,7%. Такое соотношение аномально и в большинстве демократических стран не наблюдается. Субъектов преступлений больше, чем самих деяний, может быть лишь при абсолютной раскрываемости уголовных дел и беспрецедентной групповой преступности. Объективно в СССР ни того, ни другого не было.

Есть страны, где превышение числа выявленных правонарушителей над числом учтенных преступлений является традиционным. В Болгарии, например, в 1920 году рассматриваемое превышение составило 16,3%, в 1940 году — 1, в 1950 году — минус 3, в 1960 году — 7,2, в 1970 году — 12,2, в 1980 году — 14,1, в 1990 году — 2,9%¹.

Такая практика особенно характерна для стран Юго-Восточной Азии и Тихого Океана² (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение зарегистрированных преступлений и установленных правонарушителей на 100 тыс. населения (1986 г.)

Страны	Преступления	Преступники	Отношение лиц к преступности, %
Малайзия	679,2	136,5	20,1
Япония	1 307,0	330,5	25,3
Австралия	6 168,4	1 929,8	31,3
Новая Зеландия	12 523,8	4 232,3	33,8
Сингапур	2 067,5	738,6	35,7
Шри-Ланка	627,8	336,5	53,6
Фиджи	2 188,5	1 245,5	56,9
Корея	1 972,8	2 048,7	103,8
Индия (1983 г.)	581,9	713,7	122,6
Бангладеш	53,0	175,3	330,8

При всей противоречивости данных, приведенных в таблице, через них проглядывает одна из важных тенденций: чем ближе та или иная страна к демократическому развитию, тем меньше выявляется правонарушителей на то или иное число учтенных преступлений. Это связано не только с большими сложностями доказывания вины в условиях свободы, но и с более полной регистрацией преступлений в открытых обществах. Анализируемая тенденция

рельефнее обнаруживает себя в статистике преступлений, совершаемых с насилием (умышленные убийства, нападения, грабежи), и практически “исчезает” в статистике краж³.

Чем же объясняется рассматриваемая аномалия в СССР?

Карательные органы того времени действовали по принципу “был бы человек, статья найдется”. Борьба велась не столько с преступностью, сколько с “нежелательными” людьми. А показатели преступности и судимости были фактически синонимами. До 1961 года преступность и судимость практически совпадали.

По мере удаления от сталинизма упомянутое “превышение” уменьшалось. В 1971—1972 годы уровни учтенных преступлений и выявленных по ним лиц сравнивались, а в последующие годы их соотношение стало обратным. Во второй половине 70-х и в 80-е годы уже уровень зарегистрированных деяний на 20% стал превышать уровень выявленных правонарушителей. А поскольку число преступлений и в этом случае было базовым, т. е. принятым за 100%, то “доля” выявленных правонарушителей в “структуре” учтенной преступности составила около 80%, тогда как в 1956 году она равнялась 129%. Ее снижение было постепенным. Оно отражало медленное стихийное движение к демократическим принципам.

Попытка решить эти вопросы разом в 1958—1959 годы не привела к устойчивым изменениям. Общество к резким переменам не было готово. Эволюция не терпит преждевременных прыжков. Хотя они были и до перехода к демократии. В 1983 году, например, Андропов жестко потребовал упорядочить учет преступлений. Регистрируемая преступность за счет уменьшения латентности увеличилась на 21,8%, раскрываемость закономерно снизилась с 91,8 до 81,1%, а “доля” выявленных правонарушителей — с 89,3 до 79,3%. Уход Андропова с политической сцены в 1984 году однозначно подтвердил мистификацию правоохранительной деятельности — все вернулось “на круги своя”.

Устойчивые же изменения анализируемого соотношения были не случайны: шел противоречивый медленный стихийно-эволюционный процесс закрепления в уголовном правосудии принципов законности и демократии. И хотя власти во времена Брежнева изобретали новые формы репрессивного контроля, но он вне классического сталинизма не был “эффе́ктивным”. Постепенно и противоречиво в уголовном процессе утверждались презумпция невиновности, независимость суда, процессуальные гарантии подозреваемых, роль защитника в суде, а затем и на предварительном следствии, идея состязательности сторон и т. д.⁴ Жизнь по-иному уже не могла развиваться. Именно эти процессы, на мой взгляд, предопределяли динамику уровня выявленных правонарушителей.

Его снижение до определенных или допустимых пределов можно считать нормальным и оптимальным. Этот примерный оптимум мы наблюдаем в некоторых демократических странах. В 1989 году, например, в ФРГ общее число подозреваемых в “структуре” раскрытых преступлений составило 66,7, а в “структуре” зарегистри-

рованных — 31,5%. Процент раскрываемости в этом году составлял 47,2. В 1993 году в объединенной Германии отношение числа подозреваемых к числу раскрытых и учтенных преступлений составило соответственно 69,4 и 30,4%. Раскрываемость снизилась до 43,8% (в старых землях — до 46,5%). В США раскрываемость серьезных преступлений давно держится на уровне 22—23%, а отношение числа выявленных правонарушителей к числу учтенных серьезных преступлений в 1993 году составило 28,4% (4 009 484 к 14 141 000). Общее же число лиц, подвергнутых аресту в этом же году за все (серьезные и иные) преступления, составило 11 765 764 человека. Но нам не известно число всех учтенных преступлений, так как иные деяния учитываются только по арестам подозреваемых лиц. По нашим оценкам (см. главу 1), число всех преступлений приближается к 35—40 млн. Если это так, то “доля” лиц, подвергнутых аресту, в “структуре” всех преступлений находится в пределах 25—30%. Все это, конечно, очень условно и приблизительно.

“Доля” выявленных правонарушителей в “структуре” учтенной преступности в СССР в 1988 году снизилась до 68,9, а в 1991 году — до 46,1%. Общее снижение за анализируемые 35 лет советского периода составило более 80 единиц (с 129 до 46%).

Позитивно оценивая в основе своей динамику приведенных данных как неких косвенных индикаторов укрепления демократичности и законности правосудия, мы не должны доходить до абсурда и полагать, что дальнейшее уменьшение “доли” выявленных правонарушителей является демократическим и правовым благом. Как я уже писал, я не связываю демократичность и законность правосудия с принципом “лучше освободить десять виновных, чем осудить одного невиновного”. И не потому, что я допускаю осуждение невиновного, а потому, что освобождение десяти виновных на всякий случай, дабы не осудить невиновного, делает ненужной дорогостоящую систему уголовной юстиции, оправдывая ее бездеятельность благими предложениями. Даже если и согласиться с этим принципом, это не решит проблемы возможного осуждения невиновного, поскольку ее решение лежит совсем в другой плоскости: в качественном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и профессионализации правосудия.

Неспособность уголовной юстиции выявлять и раскрывать уголовные деяния и изобличать виновных не может оцениваться благом, как и стопроцентное раскрытие учтенных преступлений любой ценой. Скорее всего надо придерживаться оптимума, но он не может быть единым для разных стран и разных времен. Меняется преступность, меняются методы ее расследования. Оптимум должен включать в себя реальные возможности уголовной юстиции, способной выполнить свои основные социальные функции в строгих рамках действующего законодательства. Поэтому следует четко разводить понятия демократичности и законности правосудия с его результативностью, памятью, конечно, о их коррелятивности.

Если оценивать резкое снижение “доли” выявленных правонарушителей в “структуре” зарегистрированной преступности в СССР в конце 80-х годов с точки зрения оптимальности и комплексности, то можно констатировать, что это снижение является не столько результатом демократизации правосудия, сколько следствием его дезорганизации и беспомощности.

3. Тенденции установления правонарушителей в России

В России, как известно, уровень преступности традиционно был выше, чем в СССР в целом, а раскрываемость — ниже. “Доля” выявленных правонарушителей в “структуре” учтенной преступности тоже была ниже в среднем на 2—3%, чем в Союзе.

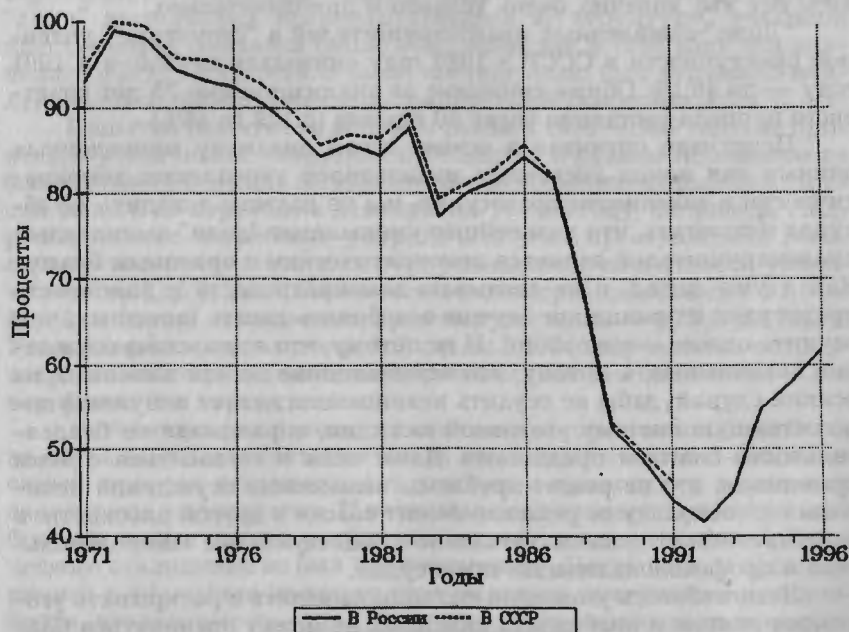

Рис. 2. “Доля” выявленных правонарушителей в СССР и в России (1971—1996 гг.).

Тенденция была та же, что и в СССР: за 1971—1991 годы “доля” выявленных правонарушителей в “структуре” зарегистрированных преступлений уменьшилась с 92,9 до 44,1%. Сразу же после суверенизации России в январе 1992 года она снизилась до 34,1%, а затем стала медленно и скорее фиктивно увеличиваться. В конце 1992 года она составляла 41,6, а 1995 году — 57,9% (табл. 3).

Таблица 3

**Соотношение чисел выявленных правонарушителей
и зарегистрированных преступлений в России (1971—1996 гг.)**

Годы	Зарегистрировано преступлений	Выявлено правонарушителей	Отношение лиц к преступности, %	
			в России	в СССР
1971	702 358	652 763	92,9	94,6
1972	706 294	698 964	98,9	99,9
1973	695 647	682 399	98,1	99,5
1974	760 943	718 161	94,4	95,7
1975	809 819	753 005	93,0	95,5
1976	834 998	770 473	92,3	94,5
1977	824 243	746 354	90,5	92,6
1978	889 599	782 099	87,9	89,8
1979	970 514	818 746	84,4	85,7
1980	1 028 284	880 908	85,7	86,9
1981	1 087 908	919 001	84,5	86,5
1982	1 128 558	988 946	87,6	89,3
1983	1 398 239	1 077 802	77,1	79,3
1984	1 402 694	1 123 351	80,1	81,2
1985	1 416 935	1 154 496	81,5	82,9
1986	1 338 424	1 128 439	84,3	85,8
1987	1 185 914	969 388	81,7	82,1
1988	1 220 361	834 683	68,4	68,9
1989	1 619 181	847 577	52,3	53,0
1990	1 839 451	897 299	48,8	49,6
1991	2 167 964	956 258	44,1	46,1
1992	2 760 652	1 148 962	41,6	-
1993	2 799 614	1 262 737	45,1	-
1994	2 632 708	1 441 568	54,8	-
1995	2 755 669	1 595 501	57,9	-
1996	2 625 081	1 618 394	61,7	-

С ростом “доли” выявленных правонарушителей в 1993—1995 годы прямо коррелирует упрощение уголовного судопроизводства и увеличение штатной численности правоохранительных органов.

По закону о внесении изменений и дополнений в законодательство об уголовном судопроизводстве от 29 мая 1992 г. по 75 статьям УК предварительное следствие стало необязательным (что составляет более четверти регистрируемых преступлений), по 76 статьям, а с согласия подсудимого еще по 65 статьям предусмотрено единоличное рассмотрение уголовных дел судьей⁵. Согласно постановлению Правительства РФ от 20 июня 1992 г. численность сотрудников органов внутренних дел в 1992 году увеличивалась на 43 тыс., в 1993 году — на 50 тыс. человек. Эта тенденция продолжалась и в последующие годы. По состоянию на 1 июля 1992 г. только за счет федерального бюджета численность сотрудников МВД составила 521 206 и в 1993 — 571 206 человек⁶, или в расчете на 100 тыс. населения — 351 и 384 сотрудника.

Между лимитом и реальной численностью может и не быть соответствия, так как в органах внутренних дел существует хронический некомплект личного состава. Борьба с преступностью — не единственная функция органов внутренних дел. Доля работников, которая прямо и непосредственно этим занимается, составляет около 60%. Наряду с федеральной милицией эти же вопросы решает муниципальная милиция, численность которой также растет. В итоге общее число сотрудников милиции в России может быть близким к мировым показателям. По данным ООН, в 1990 году в развитых странах значилось 266, в наименее развитых — 173 и в развивающихся — 350 сотрудников полиции на 100 тыс. населения⁷. Результаты работы российской милиции, однако, далеки от мировых.

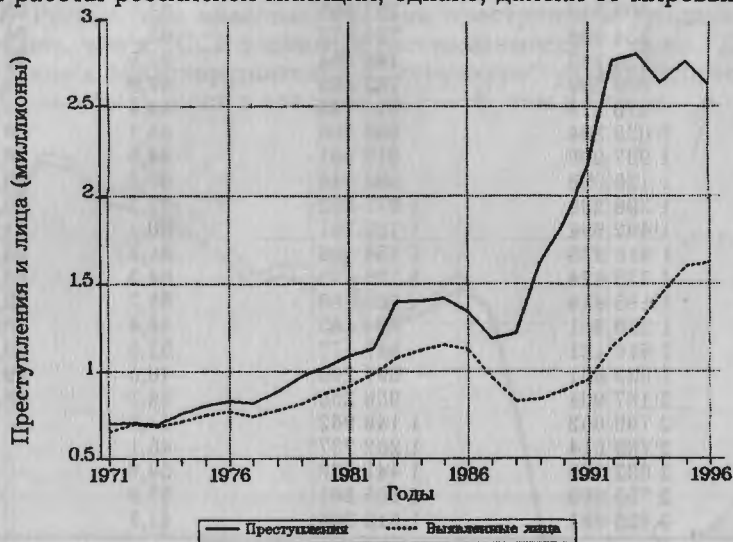

Рис. 3. Динамика преступлений и выявленных по ним лиц в России за 1971—1996 гг.

В связи с интенсивной латентизацией преступности в России, особенно в последние годы, приведенные цифры не отражают реальной “доли” выявленных правонарушителей, которая может соответствовать российскому оптимуму, так как уровень учтенных преступлений чрезвычайно занижен, а уровень выявленных правонарушителей заметно завышен.

Таким образом, динамика “удельного веса” выявленных правонарушителей в “структуре” учтенной преступности в СССР и России оказалась очень показательной, так как отражает не только криминологические закономерности распределения, но и политические процессы, происходящие в стране, а также ситуационные изменения уголовной политики и практики правоохранительных органов.

⁷ Айдаров Й. Престъпността в прехода към демокрация. София, 1995. С. 21—23.

² Crime and Justice in Asia and the Pacific. Tokyo—Canberra, 1990. P. 31.

³ Там же.

⁴ Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989; Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель. М., 1990.

⁵ Российская газета. 1992. 3 июля.

⁶ Российская газета. 1992. 26 июня.

⁷ Результаты Четвертого обзора ООН по вопросу о тенденциях в области преступности и функционировании систем уголовного правосудия. Промежуточный доклад, подготовленный Секретариатом. A/CONF. 169/5. 20 Dec. 1994. P. 23.

Глава 14 Тенденции судимости

1. Преступность и судимость в СССР

Осуждение виновного является предпоследним этапом уголовного правосудия, если включить в него отбывание наказания. Совокупность лиц, фактически совершивших преступления, выявленных органами правоохраны, переданных на рассмотрение суда и осужденных, проходя через систему правосудия, убывает от стадии к стадии, оставаясь в латентной преступности, нераскрытых преступлениях, в совокупности освобожденных от ответственности по нереабилитирующим основаниям и даже в оправданных. Количественное уменьшение лиц при прохождении через “фильтр” правосудия и составляет суть коэффициента убывания, характеризуя, с одной стороны, гуманность, а с другой — эффективность системы уголовной юстиции. Чем меньшее количество лиц (конечно, до оптимального предела) из числа выявленных правонарушителей осуждается к реальному уголовному наказанию, особенно к лишению свободы, тем гуманнее и индивидуализированнее правосудие. И наоборот: чем больше лиц из числа фактически совершивших преступления будет привлечено к уголовной ответственности и осуждено, тем неотвратимее, результативнее работает система уголовной юстиции.

Базовым показателем, от которого ведется отсчет гуманности правосудия, является уровень выявленных правонарушителей. По отношению к нему чисел подсудимых и осужденных можно говорить о степени гуманности и демократичности правосудия. Чем меньше виновных лишается свободы, тем, может быть, гуманнее оценена система уголовной юстиции. Я говорю “может быть”, поскольку из этого не всегда вытекает однозначный вывод.

Базовыми показателями эффективности уголовной юстиции являются общие числа реально совершенных и зарегистрированных преступлений, а также лиц, их совершивших. От этих показателей идет отсчет уровня латентности и раскрываемости преступ-

лений, выявляемости правонарушителей, привлечения их к уголовной ответственности и осуждения. Чем больше реальных правонарушителей понесет судебную ответственность, тем эффективнее может оцениваться работа системы уголовной юстиции.

Гуманность и эффективность, как мы видим, не совсем согласуются между собой. Имея разные точки отсчета, они соприкасаются на уровне судимости лиц, совершивших преступления. Теоретически найти "золотую середину" между ними непросто. В реальной жизни их соотношение еще сложнее. Вспомним 50—60-е годы, когда вопреки здравому смыслу число выявленных правонарушителей было выше уровня учтенных преступлений, а количество осужденных приближалось к числу выявленных лиц. Все признаки "сверхвысокой эффективности". Но это никак не могло быть согласовано не только с гуманностью, но и с законностью. Для того чтобы оценить позитивность того или иного показателя, надо углубиться в суть его той или иной специфичной величины.

Пытаясь статистически соотнести преступность и судимость, нелишне напомнить, что это не совсем сопоставимые явления. Преступность исчисляется в фактах, а судимость, как и выявленные правонарушители, в лицах. Но мы попробуем. Как и в предыдущей главе, в которой анализировались тенденции уровня выявленных правонарушителей, за точку отсчета примем уровень учтенной преступности (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение уровней зарегистрированных преступлений, выявленных правонарушителей и осужденных в СССР (1961—1991 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	Выявлено правонарушителей	Осужденные		
			абс.	в %	
				к преступлениям	к правонарушителям
1961	877 549	975 013	799 814	91,1	82,0
1962	881 543	1 034 112	819 731	93,0	79,3
1963	795 772	902 110	685 686	86,2	76,0
1964	758 306	875 589	618 567	81,6	70,6
1965	751 801	824 839	571 541	76,0	69,3
1966	888 125	922 569	756 948	85,2	82,0
1967	871 296	969 049	730 990	83,9	75,4
1968	941 078	968 826	719 726	76,5	74,3
1969	969 186	1 009 921	798 936	82,4	79,1
1970	1 046 336	1 074 771	853 616	81,6	79,4
1971	1 059 090	1 000 359	873 764	82,6	87,3
1972	1 064 976	1 064 457	876 443	82,3	82,3
1973	1 049 433	1 043 801	829 047	79,0	79,4
1974	1 141 108	1 092 717	886 858	77,7	81,2
1975	1 197 512	1 143 291	884 984	73,9	77,4
1976	1 232 166	1 164 279	914 942	74,2	78,6
1977	1 212 022	1 123 055	816 467	67,4	72,7

1978	1 308 466	1 175 483	861 422	65,8	73,3
1979	1 432 689	1 227 305	915 934	63,9	74,6
1980	1 527 557	1 328 143	998 294	65,3	75,2
1981	1 609 470	1 393 139	1 061 768	66,0	76,2
1982	1 655 930	1 478 400	1 148 593	69,4	77,7
1983	2 016 514	1 599 417	1 223 562	60,7	76,5
1984	2 029 144	1 647 210	1 288 458	63,5	78,2
1985	2 083 501	1 728 184	1 269 493	60,9	73,4
1986	1 987 293	1 706 148	1 217 519	61,3	71,4
1987	1 798 549	1 476 932	907 029	50,4	61,4
1988	1 867 223	1 286 505	679 168	36,4	52,8
1989	2 461 692	1 303 958	673 260	27,3	51,6
1990	2 786 605	1 383 552	809 120	29,0	49,6
1991	3 223 147	1 486 746	920 000	28,5	61,8

Всего осуждено	27 411 681		
Средние показатели		68,5	73,5

Отношение общего числа осужденных (27,5 млн.) к общему числу учтенных преступлений (43,5 млн.) за 1961—1991 годы составило 63,2%. За предыдущие 1923—1960 годы общее число осужденных оценивается в 45—50 млн. человек. По неполным данным, только в Российской Федерации было осуждено за 1923—1953 годы более 41 млн. человек¹.

Соотношение уровней учтенных преступлений, выявленных правонарушителей и осужденных в СССР за 1961—1991 годы (время действия в Союзе уголовного законодательства 60-х гг., позволяющего говорить об определенной сопоставимости данных) указывает, с одной стороны, на их тесную взаимосвязь, а с другой — на криминологически значимые различия.

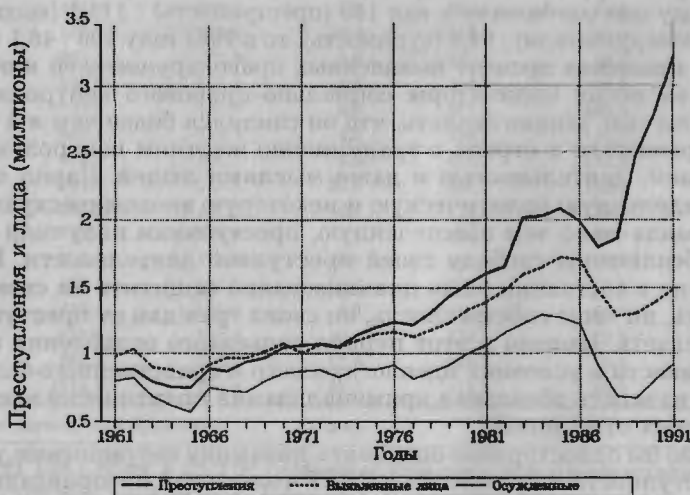

Рис. 1. Динамика уровней преступности, выявленных правонарушителей и судимости в СССР (1961—1991 гг.).

В течение 1961—1982 годов, когда в стране (период застоя) не происходило резких криминологически значимых изменений, преступность и судимость увеличивались постепенно и почти равномерно. Корреляция между ними была близка к прямой полной зависимости. Они различались лишь по приросту. Среднегодовой темп прироста преступности составлял 3,05, а судимости — 1,75%. Это увеличивало “ножницы” между их динамическими кривыми. В 1961 году “доля” судимости в “структуре” преступности составляла 91,1, а в 1982 году — 69,4%.

Андроповская требовательность к правоохранительным органам привела к всплеску учтенной преступности (+21,7%). Качнулась в этом же направлении и судимость (+6,5%), но в 3 раза меньше, так как раскрываемость возросшей преступности не увеличилась. В 1984 году с уходом “требовательного вождя” учтенная преступность увеличилась лишь на 0,6, а судимость (дела предшествующего года) — на 5,3%.

Горбачевская перестройка, начавшаяся с волонтаристской борьбы с пьянством (1986—1987 гг.) и непросчитанных политических изменений, увеличила “ножницы” между преступностью и судимостью: преступность после некоторого спада в период кампании борьбы с пьянством стала расти, а судимость продолжала снижаться. Темпы прироста (снижения) их соответственно составили в 1987 году —9,5 и —25,5, в 1988 году +3,8 и —25,5, в 1989 году +31,8 и +0,8. “Доля” судимости в “структуре” преступности в этом году снизилась до самой низкой величины — 27,3%.

К концу существования СССР уровни преступности, числа выявленных правонарушителей и осужденных существенно разошлись. Если в 1961 году они соотносились как 100 (преступность) : 111,1 (выявленные правонарушители) : 91,1 (судимость), то в 1991 году 100 : 46,1 : 28,5. Условно принимая процент выявленных правонарушителей и осужденных за некие индикаторы социально-правового контроля над преступностью, можно сказать, что он снизился более чем в 3 раза. И это произошло в стране с традиционно жестким контролем над поведением, деятельностью и даже мыслями людей. Народ получил определенную политическую и некоторую экономическую свободу, правда мало чем обеспеченную; преступники получили чуть ли не абсолютную свободу своей преступной деятельности. Государство не в состоянии было цивилизованно защитить ни свою целостность, ни свою собственность, ни своих граждан от преступных посягательств. Именно в этот период серьезного ослабления государственности в условиях идеологического и нравственного безвременья и началась обвальная криминализация практически всех общественных отношений.

Было бы односторонне оценивать динамику соотношения уровней преступности и судимости в СССР только как неоправданное и криминогенное ослабление социально-правового контроля в последние годы его существования. Пролог этих тенденций наметился в середине 60-х годов, с началом постепенного роста преступности по

мировым законам: быстрее, чем численность населения. И это было скорее всего стихийным и закономерным “дрейфом” страны от сталинизма. Обратимся к более объективным данным — к динамике уровней преступности и судимости, рассчитанных на 100 тыс. населения (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение динамики коэффициентов преступности и судимости в СССР в 1961—1991 годы

годы	Преступность			Судимость		
	коэффициент	в % к 1961 г.	прирост	коэффициент	в % к 1961 г.	прирост
1961	406,0	100,0	32,3	370,0	100,0	55,0
1962	401,0	98,8	-1,2	372,9	100,8	0,8
1963	356,5	87,8	-11,1	307,2	83,0	-17,6
1964	335,0	82,5	-6,0	273,2	73,8	-11,1
1965	327,9	80,8	-2,1	249,3	67,4	-8,8
1966	383,1	94,3	16,8	326,5	88,2	31,0
1967	371,7	91,5	-3,0	311,8	84,3	-4,5
1968	397,6	97,9	6,9	304,1	82,2	-2,5
1969	405,6	99,9	2,0	334,4	90,4	10,0
1970	432,9	106,6	6,7	353,1	95,4	5,6
1971	433,4	106,7	0,1	358,2	96,8	1,4
1972	432,5	106,5	-0,2	355,9	96,2	-0,6
1973	422,1	104,0	-2,4	333,4	90,1	-6,3
1974	454,9	112,0	7,8	353,5	95,5	6,0
1975	472,8	116,4	3,9	349,4	94,4	-1,2
1976	482,2	118,8	2,0	358,1	96,8	2,5
1977	470,1	115,8	-2,5	316,7	85,6	-11,6
1978	503,2	123,9	7,0	331,2	89,5	4,6
1979	545,9	134,4	8,5	349,0	94,3	5,4
1980	577,6	142,3	5,8	377,4	102,0	8,1
1981	603,7	148,7	4,5	398,3	107,6	5,5
1982	615,9	151,7	2,0	427,2	115,5	7,2
1983	744,4	183,3	20,9	451,7	122,1	5,7
1984	741,9	182,7	-0,3	471,1	127,3	4,3
1985	755,0	186,0	1,8	460,0	124,3	-2,4
1986	713,7	175,8	-5,5	437,3	118,3	-4,9
1987	639,3	157,5	-10,4	322,4	87,1	-26,3
1988	657,1	161,8	2,8	239,0	64,6	-25,9
1989	858,5	211,4	30,6	234,8	63,5	-1,8
1990	968,8	238,6	12,8	281,3	76,0	19,8
1991	1114,9	274,6	15,1	318,2	86,0	13,1
Среднегодовой темп прироста			3,45			-0,5

В 1961 году в СССР регистрировалось 406 преступлений и 370 осужденных на 100 тыс. жителей. После некоторого спада рассматриваемых показателей в короткий период эйфории “приближения” к коммунизму в 1965 году было зафиксировано 328 преступлений и

249 осужденных на то же количество жителей — самый низкий уровень. Некоторая демократизация правосудия в этот период сочеталась с идеологическим “искоренением” преступности. После смены курса коэффициент преступности стал устойчиво расти, а коэффициент судимости, за исключением некоторых лет, изменялся мало. Первый за 1961—1991 годы увеличился в 2,7 раза, второй снизился на 14%.

Расхождение “кривых” преступности и судимости, как бы их ни рассматривать, создает впечатление, что снижение социально-правового контроля над преступностью обусловлено неадекватной судебной деятельностью. Эта версия активно поддерживалась следственными органами и даже некоторыми СМИ. Судей обвиняли в завышенной требовательности к доказательствам вины, в уклонении от рассмотрения сложных уголовных дел, в необоснованном возвращении их на дополнительное расследование, в мягкости выносимых приговоров, в оправдании опасных преступников и т. д. Такие факты были. В эти годы у судей и работников правоохранительных органов под влиянием массированной справедливой и огульной критики появилась боязнь идентифицироваться с прежней практикой уголовного правосудия. Суды освобождались от партийной опеки, снимали с себя ответственность за борьбу с преступностью, приобретали некоторую независимость и даже демонстрировали ее.

Тем не менее уголовно-правовой контроль за преступностью в СССР в эти годы главным образом был ослаблен не на стадии судебных решений, а на этапе предварительного следствия и дознания. Данный вывод подтверждается фактическими данными (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели преступности и судимости в СССР в 1985—1991 годы (в %)

Годы	Преступления		Лица					
	зарегистрированы	раскрыты	выявлены	привлечены	освобождены	возвращены	осуждены	оправданы
1985	100,0	86,2	82,9					
			100,0	76,4	15,6	4,2	73,5	0,1
1986	100,0	87,5	85,8					
			100,0	74,6	22,3	4,9	71,4	0,1
1987	100,0	83,1	82,1					
			100,0	63,7	28,9	5,5	61,4	0,3
1988	100,0	75,2	68,9					
			100,0	57,2	36,9	5,5	52,8	0,2
1989	100,0	62,3	53,0					
			100,0	60,8	34,6	5,5	52,5	0,2
1990	100,0	58,1	49,6					
			100,0	65,9	29,4	-	58,5	0,2
1991	100,0	-	46,1					
			100,0	-	-	-	-	-

Они показывают, что основное снижение в системе уголовно-правового контроля за преступностью во время так называемой

перестройки претерпели раскрываемость преступлений, выявляемость правонарушителей, привлечение к уголовной ответственности виновных с одновременным ростом освобождения их от нее.

В 1988 году, например, было зарегистрировано 1 867 223 преступления, по которым было выявлено 1 286 505 правонарушителей (68,9%). Нераскрытыми осталось 24,8% деяний. На стадии предварительного следствия были освобождены от уголовной ответственности 474 200 человек. В суд направлены уголовные дела на 736 500 обвиняемых (57,2% от выявленных лиц). Осуждено было 679 168 человек, или 92,3% от числа лиц, дела на которых были направлены в суд. Оправдано 2917 подсудимых (0,2% от выявленных лиц). Надо иметь в виду, что направление дела в суд и вступление приговора в законную силу существенно сдвинуты во времени. Дело может поступить в суд в одном году, а рассмотрено — в другом. Поэтому сопоставимость приводимых показателей не стопроцентна. Однако ориентироваться на них можно, так как эти “переходы” ежегодны и в какой-то мере взаимокompенсиремы.

В 1989 году упомянутые тенденции продолжались и углублялись. Из 2 461 692 учтенных преступлений было раскрыто 62,3%. По раскрытым преступлениям выявлено 1 303 958 лиц. В суд направлено 792 597 обвиняемых, или 60,8% от общего числа установленных правонарушителей. Количество осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, с учетом дел, перешедших из 1988 года, составило 684 070 человек. Оправдано 2909 подсудимых (0,2%).

Итак, в конце 80-х годов, главным образом в связи с существенным ухудшением работы органов предварительного расследования, 3 правонарушителя из 4 (только по учтенным преступлениям) не несли судебной ответственности. В 1990—1991 годы раскрываемость преступлений, выявляемость правонарушителей и передача уголовных дел в суд продолжали снижаться, а освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного следствия — расти. Последнюю тенденцию нельзя оценивать однозначно, ибо часть дел прекращалась в связи со слабостью доказательств, которые “не выдержали” бы открытого судебного разбирательства, а другая часть — в связи с освобождением от уголовной ответственности лиц, которых можно исправить и без привлечения к суду.

Суды работают на так называемом “давальческом сыре”. И надо прямо сказать: все, что поступало в советские суды, они добросовестно перерабатывали и не их “вина” в том, что следственные органы внутренних дел и прокуратуры не справлялись с растущей преступностью, особенно в условиях появившейся открытости. Удельный вес осужденных в структуре лиц, переданных в суд, за последние 30 лет не уменьшался, а повышался — с 97,7 до 99,3—99,8%. С этой тенденцией обратно пропорционально согласовывалась и динамика доли оправданных (табл. 4).

В 1961 году число оправданных составляло 18 837 человек (2,3% от всех лиц, в отношении которых были вынесены судебные приговоры). К 1985 году оно сократилось в 6,5 раза — до 2909 человек (0,2%). Логика этих изменений укладывается в формулу: чем выше

преступность, тем меньше оправданных. Качество расследования за эти годы не улучшалось. А значит, суды в соответствии с советской доктриной считали себя субъектами борьбы с преступностью: рост преступности усиливал их репрессивность.

Таблица 4

**Динамика числа подсудимых, осужденных и оправданных
в СССР (1961—1990 гг.)**

Годы	Осужденные				Оправданные		
	подсудимые	абс.	динамика, в %	доля, в %	абс.	динамика, в %	доля, в %
1961	818 651	799 814	100,0	99,7	18 837	100,0	2,3
1962	835 825	819 731	102,5	98,1	16 094	85,4	1,9
1963	697 981	685 686	85,7	98,2	12 295	65,2	1,8
1964	627 142	618 567	77,3	98,6	8 575	45,5	1,4
1965	579 634	571 541	71,5	98,6	8 093	43,0	1,4
1966	764 977	756 948	94,6	98,9	8 029	42,6	1,1
1967	738 253	730 990	91,4	99,0	7 263	38,5	1,0
1968	726 656	719 726	90,0	99,0	6 930	36,8	0,9
1969	806 276	798 936	100,0	99,1	7 340	39,0	0,9
1970	859 365	853 616	106,7	99,3	5 749	30,5	0,7
1971	880 956	873 764	109,2	99,2	7 195	38,2	0,8
1972	883 168	876 443	109,6	99,2	6 725	35,7	0,8
1973	834 578	829 047	103,6	99,3	5 531	29,4	0,7
1974	892 801	886 858	110,9	99,3	5 943	31,5	0,7
1975	891 256	884 984	110,6	99,3	5 046	26,8	0,7
1976	920 153	914 942	114,4	99,4	5 211	27,7	0,6
1977	820 795	816 467	102,1	99,5	4 328	23,9	0,5
1978	864 891	961 422	107,7	99,6	3 469	18,4	0,4
1979	919 478	915 934	114,5	99,6	3 544	18,8	0,4
1980	1 001 164	998 294	124,8	99,7	2 870	15,2	0,3
1981	1 064 816	1 061 768	132,7	99,7	3 048	16,2	0,3
1982	1 151 642	1 148 591	143,6	99,7	3 051	16,2	0,3
1983	1 226 263	1 223 562	153,0	99,8	2 701	14,3	0,2
1984	1 291 424	1 288 458	161,1	99,8	2 966	15,7	0,2
1985	1 272 402	1 269 493	158,7	99,8	2 909	15,4	0,2
1986	1 220 852	1 217 519	152,2	99,7	3 333	17,7	0,3
1987	911 203	907 029	113,4	99,5	4 174	22,2	0,5
1988	684 107	679 168	84,9	99,2	4 939	26,2	0,8
1989	688 918	684 070	85,5	99,3	4 848	25,7	0,7
1990	814 578	809 120	101,1	99,3	5 458	29,0	0,7

За время перестройки такой подход пересматривался. Суд обоснованно исключался из системы правоохранительных органов. Он не может нести ответственности за рост преступности. Ограничены возможности в этом и других органов уголовной юстиции, контроль над преступностью которых является их основной функцией. В то же время не следует забывать, что уголовный суд входит в систему уголовной юстиции и вынесенные им обвинительные приговоры в отношении виновных в совершении преступлений лиц являются наиболее эффективным средством борьбы с преступностью. Однако в полемике обоснования особой значимости судебной власти об этом

рабывали, чем не возвышали, а принижали уголовный суд, сводя его особую деятельность в борьбе с преступностью к роли объективного регистратора криминальных событий. Обвинительный приговор — это не регистрация преступления, а обвинение подсудимого в совершении преступления и наказание его от имени государства.

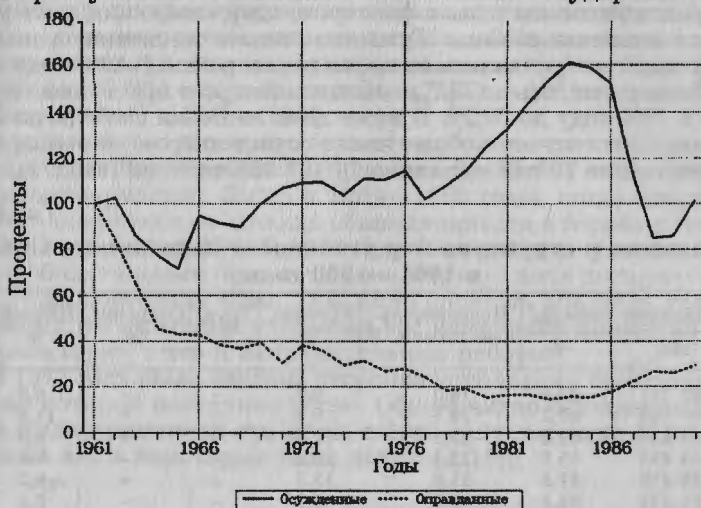

Рис. 2. Динамика осужденных и оправданных в СССР (1961—1986 гг.).

За 1985—1990 годы доля оправданных в структуре подсудимых увеличилась с 0,2 до 0,7%, а их абсолютное число достигло 5458 человек. Но и это было в 3,5 раза меньше, чем в 1961 году. Аналогичные тенденции наблюдались и при возвращении уголовных дел судом на дополнительное расследование, число которых лишь на 13% увеличилось в 1986 году, а в последующие годы снижалось.

2. Динамика мер уголовного наказания

При анализе тенденций судимости нельзя обойти динамику различных видов уголовных наказаний. Она своеобразно коррелирует с динамикой преступности и судимости, с реакцией правосудия на те или иные установки уголовной политики.

Позитивная тенденция, которая проявилась в советское время, — это противоречивое, но постепенное снижение в структуре уголовных наказаний удельного веса лишения свободы. В 1961 году к лишению свободы приговаривалось 60,4% осужденных. Несколько лет его доля снижалась, но директивное усиление борьбы с преступностью в середине 60-х годов сказалось на росте доли этого строгого наказания: в 1969 году она составила 66,5%. Увеличение числа осужденных к лишению свободы потребовало существенного расширения мест в ИТК, ибо уже в 1967 году в них находилось 57 200 человек сверх лимита мест для заключенных.

На фоне роста преступности ни последующее снижение доли лишения свободы, ни изобретение новых видов наказаний, ни ежегодные условные освобождения больших партий заключенных и направление их на принудительный труд так и не обеспечили растущее число лишенных свободы необходимым количеством мест. Это было практически значимым фактором, сдерживающим рост удельного веса лишения свободы. Гуманистические тенденции в исправительной политике усилились во время перестройки. К 1987 году лишения свободы снизилось до 33,7, но начавшийся рост преступности повысил его в 1990 году до 36,2%. В итоге доля лишения свободы за 30 лет снизилась почти вдвое, а общее число осужденных к лишению свободы за последние 30 лет составило 14 107 959 человек (табл. 5).

Таблица 5

**Динамика и структура мер уголовного наказания в СССР
в 1961—1990 годы**

Годы	Лишение свободы		Исправительные работы, %	Условно, %	Труд, %	Отсрочка, %	Штраф, %	Иные, %
	абс.	%						
1961	483 141	60,4	19,5	8,7	-	-	9,6	1,8
1962	469 320	57,3	20,7	9,4	-	-	11,0	1,6
1963	369 030	53,8	23,9	11,9	-	-	8,9	1,5
1964	345 458	55,8	23,7	13,4	-	-	5,9	1,2
1965	329 415	57,6	21,9	13,2	-	-	6,2	1,1
1966	491 321	64,9	18,6	9,7	-	-	6,0	0,8
1967	468 468	64,1	18,0	8,5	-	-	5,6	3,8
1968	474 189	65,9	17,2	8,1	-	-	5,9	2,9
1969	531 254	66,5	18,7	8,1	-	-	5,8	0,9
1970	543 225	63,7	17,9	7,5	4,3	-	5,9	0,7
1971	497 982	57,0	17,6	7,9	11,0	-	5,8	0,7
1972	508 311	58,0	17,9	7,4	10,0	-	6,1	0,6
1973	497 295	60,0	14,7	6,6	9,5	-	5,6	3,6
1974	511 750	57,7	17,3	7,7	11,4	-	5,0	0,9
1975	505 112	57,1	16,7	7,0	12,0	-	4,3	2,9
1976	510 450	55,8	17,7	8,9	11,9	-	4,9	0,8
1977	431 480	52,8	16,6	8,1	13,4	2,0	4,5	2,6
1978	467 783	54,3	15,6	7,0	13,3	2,9	4,2	2,7
1979	499 560	54,5	17,3	6,9	13,2	2,7	3,8	1,6
1980	569 514	57,0	16,0	6,0	13,1	2,7	3,6	1,6
1981	600 444	56,6	17,3	6,3	12,4	2,7	3,9	0,8
1982	620 007	54,0	18,4	6,5	12,7	2,7	5,0	0,7
1983	647 131	52,9	18,8	3,8	9,9	6,4	5,9	2,3
1984	632 888	49,1	20,9	3,9	9,3	8,6	7,2	0,9
1985	573 292	45,2	21,8	3,8	8,5	9,3	9,7	1,7
1986	458 729	37,7	24,3	3,9	7,4	9,8	16,0	0,9
1987	305 495	33,7	25,3	4,8	7,0	11,0	17,0	1,2
1988	231 767	34,1	25,8	6,4	6,7	12,9	13,3	0,8
1989	241 156	35,8	23,7	7,3	6,8	13,0	12,7	0,6
1990	292 992	36,2	22,0	7,7	7,4	13,8	12,4	0,6
Средний удельный вес		53,6	19,5	7,5	10,1	7,2	7,1	1,5

Высокий удельный вес лишения свободы в структуре уголовных наказаний в СССР и переполненность мест лишения свободы требовали расширения других видов уголовного наказания, которые могли быть альтернативой лишению свободы. К ним относятся

исправительные работы без лишения свободы, условное осуждение к лишению свободы, условное осуждение с обязательным привлечением к труду, штраф, отсрочка исполнения приговора и др.

Число лиц, приговоренных к исправительным работам без лишения свободы, колебалось в пределах 150—200 тыс. человек в год. Доля их в структуре осужденных находилась в тесной, но обратной связи с удельным весом лишения свободы. Снижение последнего сопровождалось ростом доли исправительных работ. При среднем показателе (19,5%) она увеличилась с 19,5% в 1961 году до 25,8% в 1988 году ("пик") и 22% в 1990 году.

Удельный вес условного осуждения к лишению свободы за все эти годы стихийно колебался в пределах 6—9% без каких-либо особых закономерностей. Лишь в 1964—1965 годы, когда государство пыталось опереться на помощь общественности в борьбе с преступностью, он превысил 13%. В 1970 году было введено условное осуждение с обязательным привлечением к труду, доля которого в некоторые годы достигала тоже 13%. Если сложить оба вида условного осуждения, то их общий удельный вес изменялся примерно по той же "траектории", что и исправительные работы.

В 1977 году была введена отсрочка исполнения приговора, применение которой постоянно росло. Общее число осужденных, к которым была применена эта мера, в 1990 году достигло 111,4 тыс., а удельный вес в некоторые годы достигал 14%.

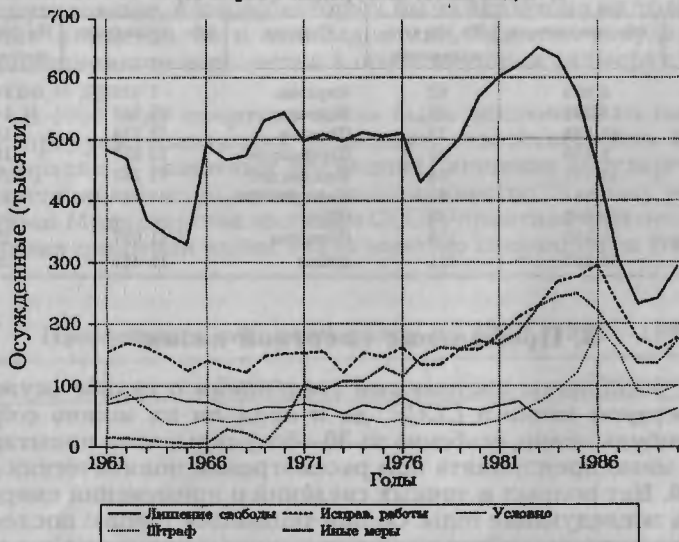

Рис. 3. Динамика мер уголовного наказания в СССР в 1961—1986 гг.

В советской юридической литературе существовало мнение, что осуждение к уплате штрафа как альтернативе лишения свободы несправедливо, так как богатый "откупится", а бедный пойдет в тюрьму². Поэтому доля штрафа в структуре уголовных наказаний

в СССР всегда была относительно малой. Ее средний показатель за последние 30 лет составляет 7,4%. В 1982 году был расширен перечень статей УК, в санкции которых был введен штраф. Применение штрафа в связи с этим несколько возросло. В 1987 году доля его увеличилась до 17%, а абсолютное число — до 195 тыс.

Краткий анализ структурных и динамических сдвигов в применении различных видов наказания показывает, что интенсивный рост преступности, числа осужденных и заключенных, который становится постоянным с середины 60-х годов, подталкивал к поиску и расширению альтернативных мер уголовного наказания. Это согласовывалось и с гуманистическими тенденциями. Однако их практическая реализация в значительной мере была вынужденной. Тогда как в европейских странах сокращение доли применения лишения свободы стало одной из важных стратегий.

В итоге перестроечных позитивных и негативных процессов по удельному весу лишения свободы в структуре уголовных наказаний и числу осужденных к этой мере наказания на 100 тыс. населения СССР приблизился к европейским и североамериканским странам³ (табл. 3).

Таблица 6

Осужденные к лишению свободы в странах Европы и Северной Америки (1990 г.)

Страны	Абс. показатель	На 100 тыс. населения	Страны	Абс. показатель	На 100 тыс. населения
Португалия	6 083	62	Израиль	7 528	142
Канада	18 306	67	Франция	85 569	148
Турция	45 388	75	Швеция	15 774	181
Австрия	6 410	81	Швейцария	12 637	181
Румыния	19 781	85	Финляндия	11 163	219
Болгария	8 161	91	Нидерланды	37 747	248
СССР	292 992	102	США	-	249
Англия/Уэльс	54 100	110	Норвегия	11 007	256
Италия	64 392	111	Дания	15 421	297

3. Применение смертной казни

Я не располагаю системными сведениями о судьбе осужденных к смертной казни в СССР, да и вряд ли их можно собрать сколько-нибудь полно, особенно за 30—50-е годы, хотя попытка такая была мною предпринята при рассмотрении политических преступлений. Нет полных и точных сведений о применении смертной казни и за последующие годы. Общая тенденция такова: после войны шел противоречивый процесс медленного сокращения реального применения смертной казни. Хотя до последних лет существования СССР, как мы увидим ниже, уровень ее назначения судами оставался относительно высоким.

Нормативные источники тоже не дают возможности судить о реальных тенденциях применения высшей меры наказания. Они еще более противоречивы и отражают не реалии, а идеологические

установки. Подобное наблюдалось не только в СССР, но и в царской России^{3а}. В советское время смертная казнь трижды отменялась (в 1917, 1920, 1947 гг.), еще больше попыток предпринималось к ее законодательному ограничению, но позитивные изменения наступали очень медленно.

В УК РСФСР 1926 года (с изменениями и дополнениями на 1 марта 1957 г.) содержалось около 50 составов, в которых предусматривался расстрел: 14 составов контрреволюционных преступлений, 10 — особо опасных преступлений против порядка управления и 22 — воинских. Из традиционно уголовных деяний смертная казнь предусматривалась лишь за умышленное убийство, совершенное военнослужащим при отягчающих обстоятельствах (ст. 136, ч. II). Вывод очевиден: смертная казнь применялась главным образом для защиты советского режима.

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в УК РСФСР 1960 года и уголовных кодексах других союзных республик число составов с санкцией высшей меры наказания по сравнению с предыдущим кодексом количественно несколько уменьшилось, да и то за счет обобщения и унификации уголовно-правовых норм. А характер составов со смертной казнью расширился. В УК РСФСР таких составов стало более 30. Расклад в основе своей тот же: 11 составов за особо опасные и иные государственные преступления, 18 — за воинские и 7 — за общеуголовные, в число которых было включено не только умышленное убийство, но и изнасилование, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, взяточничество и др.

В 1991 году смертная казнь была исключена из санкций статей, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение правил о валютных операциях, хищение государственного и общественного имущества и взяточничество. К этому времени, по данным Министерства юстиции СССР, практика фактического применения смертной казни стала заметно сокращаться (табл. 7).

Таблица 7

Применение смертной казни в СССР (1985—1990 гг.)

Годы	Казнено	Помилувано
1985	770	20
1986	526	41
1987	344	47
1988	271	72
1989	276	23
1990	195	29

В 1989—1990 годы начался интенсивный рост преступности. Это повлияло на назначение смертной казни, особенно на помилование. Тем не менее и в эти годы по сравнению с предыдущими назначение и применение смертной казни в СССР было ограниченным (табл. 8).

Таблица 8

**Применение смертной казни
(по данным судов общей подсудности) в 1989—1990 годы**

Виды преступлений, за совершение которых могла быть назначена смертная казнь	1989 г.			1990 г.		
	всего осуждено	в том числе к смертной казни		всего осуждено	в том числе к смертной казни	
		абс.	доля		абс.	доля
Измена Родине	1	1	100,0	2	1	50,0
Бандитизм	37	6	16,2	66	12	18,2
Дезорганизация ИТУ	69	-	-	160	1	0,6
Спекуляция валютными ценностями	10	-	-	12	-	-
Хищение государствен- ного имущества	1291	1	0,1	1690	2	0,1
Умышленные убийства	2703	248	9,2	3643	418	11,5
Получение взятки	27	-	-	32	-	-
Изнасилование	959	4	0,4	1227	6	0,5
Посыгательство на милицию	59	3	5,1	100	7	7,0
Угон воздушного судна	1	-	-	3	-	-
Итого	5157	263*	5,1	6935	447*	6,4

* Число лиц, осужденных к смертной казни, и число ее фактического исполнения (табл. 7) не совпадают не только в связи с помилованием, но и из-за сдвига по времени (по годам) назначения и исполнения высшей меры наказания.

Итак, в 1989—1990 годы в 95% случаев смертная казнь применялась за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. А если учесть, что ее применение за посягательство на жизнь работника милиции и бандитизм, как правило, связаны с убийствами, то практически все случаи применения смертной казни в эти годы были связаны с умышленным убийством. Эта тенденция в применении высшей меры наказания, если она не может быть пока отменена, является оптимальной. Во всяком случае, исключение применения смертной казни за государственные и корыстные преступления, предпринятое в конце существования СССР, было шагом в верном направлении.

4. Преступность и судимость в России

Характерные тенденции соотношения уровней преступности и судимости, появившиеся в конце существования СССР, были "унаследованы" Россией. А после распада Союза они продолжали углубляться (табл. 9).

Таблица 9

Соотношение уровней зарегистрированных преступлений, выявленных правонарушителей и осужденных в России (1988—1996 гг.)

Годы	Зарегистрировано преступлений	Выявлено правонарушителей		Осужденные		
		абс.	% к преступлениям	абс.	% к преступлениям	% к правонарушителям
1985	1 416 935	1 154 496	81,5	837 310	51,9	72,5
1986	1 338 424	1 128 439	84,3	797 286	59,6	70,7
1987	1 185 914	969 338	81,7	580 074	48,9	59,8
1988	1 220 361	834 673	68,4	427 039	35,0	51,2
1989	1 619 181	847 577	52,3	436 988	27,0	51,6
1990	1 839 451	897 229	48,8	537 643	29,2	59,9
1991	2 167 964	956 258	44,1	593 823	27,4	62,1
1992	2 760 652	1 148 962	41,6	661 392	23,0	57,6
1993	2 799 614	1 262 735	45,1	792 410	28,3	62,8
1994	2 632 708	1 441 562	54,8	924 754	35,1	64,1
1995	2 755 669	1 595 501	57,9	1 035 807	37,6	64,9
1996	2 625 081	1 618 394	61,7	-	-	-

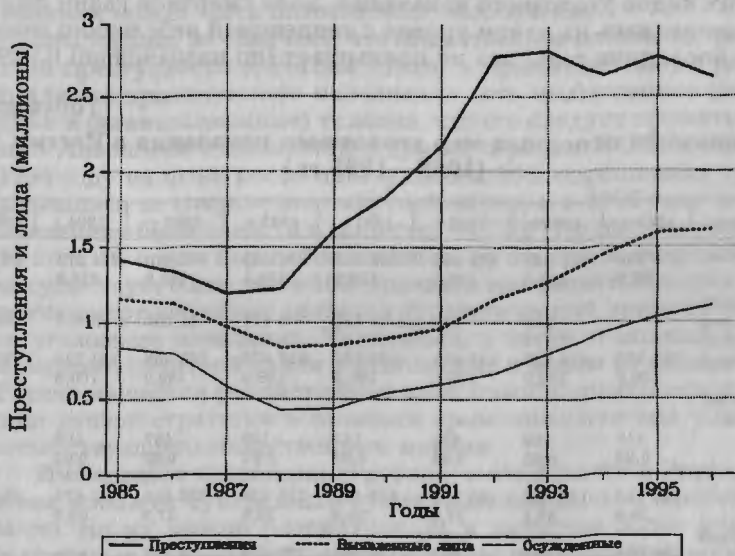

Рис. 4. Динамика основных криминологических показателей в России за 1985—1995 годы.

Тенденции соотношения учтенной преступности, выявленных правонарушителей и осужденных в России практически повторяли общесоюзный рисунок, а после распада СССР продолжили их в заданном направлении до 1992 года. «Доля» выявленных правонарушителей и осужденных в «структуре» учтенной преступности в этом году достигла за всю предшествующую историю своего минимума — 41,6 и 23% соответственно. Контроль над преступностью

переживал самый настоящий кризис. В 1993 и последующие годы формально эти показатели росли, но из предыдущего анализа мы знаем их реальную цену: кризис продолжался и статистически камуфлировался. Первые попытки реального выхода из него начались в 1995—1996 годы.

Кризис поразил всю систему уголовной юстиции России, милицию, прокуратуру, суд. Но, как и в СССР, он в первую очередь коснулся оперативных и следственных органов внутренних дел и прокуратуры. Это просматривается при более детальном анализе некоторых показателей уголовно-правового контроля. Что касается суда, то в эти годы с интенсивным ростом преступности несколько увеличивалось число осужденных и оправданных, а также число уголовных дел, возвращенных на дополнительное расследование, число лиц, освобожденных от наказания по различным основаниям.

В структуре уголовных наказаний после 1992 года увеличивался удельный вес лишения свободы, лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора, условного лишения свободы с испытательным сроком и снижалась доля исправительных работ, штрафа и других видов уголовного наказания. Доля смертной казни фактически оставалась на одном уровне с тенденцией небольшого снижения. В последние годы она не превышает (по назначению) 0,02%.

Таблица 10

Динамика основных мер уголовного наказания в России (1988—1995 гг.)

Осуждено	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Всего	426 336	436 988	537 643	539 823	661 392	792 410	924 574	1 035 807
%	100,0	102,5	126,1	139,3	155,1	185,9	216,9	243,0
Освобождено от наказания	-	253	188 226	41 722	6 971	81 348	63 657	63 657
Приговорено к наказанию	426 336	436 735	537 455	593 597	619 670	785 469	843 226	982 150
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:								
Смертная казнь	115	100	223	147	159	157	160	143
Доля	0,03	0,02	0,04	0,02	0,02	0,02	0,02	0,01
Лишение свободы	149 113	162 033	203 359	207 489	225 926	292 868	332 675	357 765
Доля	35,0	37,1	37,8	35,0	36,5	37,3	39,5	36,4
Привлечение к труду	23 045	25 473	35 452	39 664	39 174	8 951	иск.	-
Доля	5,4	5,8	6,6	6,7	6,3	1,1	-	-
Отсрочка приговора	54 562	56 560	72 065	83 270	95 107	142 532	15 948	188 483
Доля	12,8	13,0	13,4	14,0	15,3	18,0	17,9	19,2
Условно	30 845	35 352	45 099	59 738	73 896	124 198	149 140	222 340
Доля	7,2	8,1	8,4	10,1	11,9	15,7	17,7	22,6
Исправительные работы	112 702	103 513	116 979	129 209	120 917	143 464	124 639	92 589
Доля	26,4	23,7	21,8	21,8	19,5	18,1	14,8	9,4
Штраф	54 030	51 961	62 271	72 292	62 931	70 908	82 903	117 785
Доля	12,7	11,9	11,6	12,2	10,2	8,9	9,8	12,0
Другие виды	2 039	1 843	2 230	1 935	1 719	1 876	2 761	3 045
Доля	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3

Приведение смертной казни в России к исполнению носит единственный характер, так как основной массе заключенных смертная казнь в порядке помилования заменяется лишением свободы до 15 лет либо пожизненно⁴. В 1992 году из 56 убийц, осужденных к смертной казни, дела которых прошли через Комиссию по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации, 55 были помилованы, в 1993 году из 153 убийц, рассмотренных Комиссией, помилованы 149 человек⁵, а в 1994 году — соответственно 137 и 124 человека⁶. Эти данные не отражают реалий, ибо не все ходатайствуют о помиловании. В 1996 году в ожидании исполнения приговора о смертной казни находилось около 500 человек. В США “очередь смертников” превышает 3 тыс. осужденных. Но там с 1976 по 1993 год было казнено всего 290 человек. Средний срок ожидания смертной казни по стране в целом — около 9 лет. Поэтому идет ежегодный рост “очереди смертников”. Вхождение России в Совет Европы требует отмены смертной казни, как это предписывает Шестой протокол (1982 г.) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.⁷ Альтернативой высшей меры наказания может быть пожизненное заключение.

Это, однако, не означает, что общественное мнение на фоне растущей преступности в России готово к принятию такого решения, что для его практического исполнения есть необходимые (экономические и организационные) условия, что его следует принять немедленно. Аналогичное положение в других странах. В США, например, в 1994 году на фоне роста преступности 80% опрошенных граждан высказались за сохранение смертной казни, а в 1996 году в связи с повышением безопасности в обществе — 76%⁸. По состоянию на конец 1995 года 12 стран Европейского союза не отменили смертной казни. Она существует более чем в 100 странах, в том числе в 38 штатах США. Отмена смертной казни является стратегической линией гуманизации уголовного наказания. Частичный, а затем и полный отказ от приведения смертной казни в исполнение и потом ее полная отмена в России являются реалистическими шагами в практической реализации данной стратегии в сложных криминологических условиях и соответствующего общественного мнения.

Имеющиеся тенденции судебной деятельности в России за короткое время ее суверенного существования нельзя оценить однозначно. Но их можно рассматривать в качестве более или менее объективных признаков противоречивого процесса медленной нормализации, который отражает положительную корреляцию, с одной стороны, с растущей преступностью, а с другой — с постепенным уходом судов от прежней практики “проштамповывания” обвинительных заключений в выносимых приговорах.

¹ Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 166.

² Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2. ЛГУ, 1970. С. 296.

³ Crime and Criminal Justice in Europe and North America. 1986—1990. HEUNI, Helsinki, 1995. P. 40.

^{3а} Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 113; Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 389—392.

⁴ Распоряжение Президента РФ "О некоторых вопросах деятельности Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ" от 16 марта 1994 г. // Российская газета. 1994. 18 марта.

⁵ Российская газета, 1995. 12 июля.

⁶ Российская газета. 1997. 4 марта.

⁷ Права человека. Сборник универсальных и региональных международных документов. МГУ, 1990. С. 109.

⁸ Квашин В. Е. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. № 9. С. 105—107.

Глава 15

Динамика численности заключенных

1. Уровень заключенных в СССР и других странах

Число заключенных производно от количества осужденных к лишению свободы, а в конечном счете — от характера и уровня учтенных преступлений, но не с одним из этих показателей оно сопоставимо.

Учет преступности и судимости, в том числе и осужденных к лишению свободы, осуществляется путем интервальных статистических рядов, которые характеризуют динамику явления за определенный интервал времени — месяц, квартал и т. д. Основной интервал — годичный. Данные по месяцам, кварталам суммируются за год, а по годам — за пятилетие и другие периоды.

Число заключенных в местах лишения свободы измеряется путем моментных статистических рядов, которые характеризуют явление на определенную дату, как правило на 1 января или 31 декабря. Показатели моментных рядов не подлежат сложению, так как каждый последующий "срез" включает в себя данные предыдущих. Число заключенных в России, например, по состоянию на 31 декабря 1995 г. может включать в себя осужденных к лишению свободы в течение последних 15 лет, т. е. в пределах максимального срока для данного вида наказания.

При одном и том же количестве осужденных к лишению свободы, при доминировании кратких сроков наказания общее число заключенных по состоянию на какую-то дату будет одним, а при долгосрочном лишении свободы — другим, большим. На уровень заключенных существенное влияние оказывает практика условно-досрочного и досрочного освобождения от наказания (до 60-х гг. система зачетов), замены лишения свободы более мягкими видами наказания, издания актов амнистии и помилования.

В связи со сказанным общее число заключенных в той или иной стране приобретает особую значимость. Оно комплексно характеризует преступность, судимость, систему уголовного правосудия и политический режим. Численность заключенных измеря-

ется не только абсолютным числом, но и относительными данными, рассчитанными на 100 тыс. населения или учтенных преступлений, и другими показателями.

В обзорах ООН мы встречаем также абсолютное число заключенных (взятых) под стражу (арестов) в течение какого-то периода. Данный показатель не моментный, а интервальный, так как является суммой всех арестов (заключений под стражу), произведенных в течение года в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных. Между количеством заключений под стражу в течение года и числом осужденных заключенных на конец года нет сопоставимости. В число осужденных заключенных в каком-то году входят лица, заключенные под стражу в том же году, хотя и не все, так как часть их могла быть освобождена от уголовной ответственности и наказания, часть оправдана и т. д. В то же время в число осужденных заключенных входят лица, взятые под стражу в предыдущие годы. Но в любом случае число осужденных заключенных, взятое на конец года, обычно меньше числа всех арестованных в течение того же года. Например, в США в 1992 году полицией было арестовано 14 075 100 человек, что в 14 с лишним раз больше числа осужденных заключенных на конец того же года¹.

Открытый научный анализ тенденций числа заключенных, чего в СССР не делалось после 20-х годов, является важной характеристикой криминологической обстановки в стране и проводимой в ней уголовно-правовой и пенитенциарной политики. Учитывая неполную сопоставимость преступности, судимости и приisonerности (от английского "prisoner" — заключенный), попытаемся их сопоставить в единой, но условной системе координат.

Рост преступности и судимости в СССР предопределял увеличение числа лиц, находящихся в местах лишения свободы, хотя и не прямо пропорционально. При всей несопоставимости названных показателей, особенно во времена сталинизма, когда репрессировали невиновных, и неполноте имеющихся сведений о числе заключенных в РСФСР и СССР тенденция роста числа заключенных, связанная в том числе и с увеличением преступности, обозначилась с первых лет Советской власти². (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности заключенных на территории РСФСР и СССР (1917—1935 гг.)

Годы	Месяц	Число заключенных	Источник информации
РСФСР			
1917	Сентябрь	34 083	Сборник материалов Центрального исправительно-трудового отдела
1918	"-	26 888	НКЮ РСФСР. Февр. 1922 г. № 2.
1919	"-	33 948	
1920	"-	47 863	
1921	"-	62 544	
1922	Ноябрь	60 559	Отчет НКВД РСФСР X съезду Советов

1923	-"-	71 545	РСФСР. Пенитенциарное дело в 1922 г.
1924	Октябрь	77 784	Отчет НКВД РСФСР XI съезду Советов
1925	-"-	92 947	РСФСР. Пенитенциарное дело в 1923 г.
1926	Июль	122 665	Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД РСФСР. № 1—11.
1927	-"-	111 202	Данные за 1927 г. приведены без сведений Дальнего Востока и автономных республик.
1928	Январь	85 158	
1929	-"-	118 179	
СССР			
1930	-"-	179 000	Статистическая отчетность ГУЛАГ (ГУМЗ) НКВД СССР.
1931	-"-	212 000	
1932	-"-	268 700	За 1930—1934 гг. нет данных о количестве заключенных, находящихся в колониях и тюрьмах НКВД РСФСР
1933	-"-	334 300	
1934	-"-	510 307	
1935	-"-	990 554	

Примечание. Кроме указанной в таблице неполноты данных в ней также сведений о несовершеннолетних заключенных и о лицах, находящихся в лагерях и колониях ОГПУ, существовавших в 1920—1930 годах.

Судя по данным этой таблицы и пояснениям к ней, более полные сведения о численности заключенных в СССР собраны лишь в 1935 году. Она составила около миллиона человек или 602 заключенных на 100 тыс. населения. В 1936 году их достигло 1 296 494 человек, или 780 заключенных на 100 тыс. населения. Если принять эти данные за базу, то в 1938 году их увеличилось на 45%, в 1939 году — на 56, в 1941 году — на 83%. Общее число заключенных перед войной составило 2 400 422 человека (1500 на 100 тыс. населения). Во время войны число заключенных, несмотря на серьезный рост преступности и судимости, снижалось и к 1946 году опустилось до уровня 1936 года. При этом отсрочки исполнения приговора с направлением осужденных на фронт. В 1947 году за счет осуждения репатриированных число заключенных резко увеличилось. Оно удвоилось к 1949 году и прирастало до 1953 года, до широкой и недифференцированной бериевской амнистии, связанной со смертью Сталина.

Перед амнистией в системе МВД СССР находилось 1463 учреждения и лагерных подразделений, 147 обычных и 11 особых лагерей. В них содержалось 2 043 040 мужчин (82,3%) и 439 153 женщины (17,7%), а всего 2 482 193 человека, осужденных на срок до 3 лет — 227 397 (9,2%), от 3 до 10 — 1 497 286 человек (60,3%), от 10 до 20 — 569 409 человек (22,9%) и свыше 20 лет — 188 101 человек (7,6%). В 28 трудовых колониях для несовершеннолетних было 26 387 человек, в том числе 25 887 мальчиков и 500 девочек.

После амнистии в 1954—1955 годы абсолютное число заключенных в стране сократилось практически вдвое, и этот уровень с небольшими отклонениями удерживался до 1970 года, тогда коэффициент в расчете на население в связи с его ростом уменьшился (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности заключенных в СССР (1936—1970 гг.)

Годы	ИТК	Тюрьмы	ВТК	Общее число	Динамика, в %	На 100 тыс. населения
1936	1 296 494	-	-	1 296 494	100,0	780,3
1937	1 196 369	-	-	1 196 369	92,3	713,4
1938	1 881 570	-	-	1 881 570	145,1	1111,4
1939	1 672 438	352 508	-	2 024 946	156,2	1187,2
1940	1 659 992	186 278	-	1 846 270	142,4	951,3
1941	1 929 729	470 639	-	2 400 422	185,1	1500,3
1942	1 777 043	268 532	-	2 045 575	157,8	1278,5
1943	1 484 182	237 534	-	1 721 716	132,8	1076,1
1944	1 179 819	151 296	-	1 331 115	102,7	831,9
1945	1 460 677	275 510	-	1 736 187	133,9	847,3
1946	1 110 539	245 146	-	1 355 739	104,6	795,6
1947	1 703 506	293 135	-	1 996 641	154,0	1166,3
1948	2 169 252	280 374	-	2 449 626	188,9	1416,0
1949	2 356 685	231 047	-	2 587 732	199,6	1476,5
1950	2 561 351	198 744	-	2 760 095	212,9	1545,9
1951	2 540 760	164 679	-	2 705 439	208,7	1489,7
1952	2 509 788	152 614	20 790	2 683 193	206,9	1452,1
1953	2 472 247	152 290	26 210	2 650 747	204,4	1409,9
1954	1 325 003	149 082	8 212	1 482 297	114,3	776,0
1955	1 075 280	98 574	16 957	1 190 811	91,8	612,5
1956	781 630	143 509	19 595	945 098	72,9	477,5
1957	807 977	139 456	18 827	966 260	74,5	479,7
1958	721 899	118 704	23 245	863 848	66,6	421,6
1959	862 707	160 893	22 241	1 045 841	80,7	500,9
1960	582 717	71 084	4 821	658 622	50,8	310,2
1961	543 981	130 099	12 159	686 239	52,9	317,5
1962	763 756	204 667	14 609	983 132	75,8	447,2
1963	877 592	159 930	15 284	1 052 806	81,2	471,7
1964	814 619	135 199	16 716	966 534	76,9	440,2
1965	731 722	118 507	19 716	869 945	67,1	379,4
1966	721 351	119 056	21 491	861 898	66,5	371,8
1967	866 254	167 210	32 877	1 066 341	82,2	454,9
1968	860 574	122 148	29 003	1 011 725	78,0	427,5
1969	820 706	161 165	33 848	1 015 719	78,3	421,1
1970	909 809	173 513	36 078	1 119 400	86,3	463,2

В 1970 году кроме указанного числа заключенных 27 482 человека находились в ЛТП. Вместе с ними общее число заключенных в этом году составило 1 146 882 человека.

Примечания. 1. В числе заключенных отсутствуют сведения о заключенных, находящихся в лагерях и тюрьмах КГБ. 2. Число заключенных на 100 тыс. населения за 1941—1945 годы примерно, поскольку численность населения, как и при расчете преступности и судимости, принята в 160 млн. человек. 3. Число заключенных в таблице приводится по состоянию на 1 января каждого года.

К 1986 году численность заключенных вновь удвоилась, абсолютные показатели которых составили 2 356 933 человека, или 846 заключенных на 100 тыс. населения. Во время перестройки, несмотря на рост преступности, снижалось не только число выявленных правонарушителей и осужденных к лишению свободы, но и число заключенных. В 1991 году численность заключенных в СССР, на-

ходящихся в ИТК, ВТК, тюрьмах, следственных изоляторах, ЛТП, ВТП, ЛВП, а также под надзором спецкомендатур в местах принудительного привлечения к труду³, составила 433,8 субъекта на 100 тыс. населения, а в абсолютных показателях — 1 254 247 человек, т. е. она вновь вернулась к уровню 1936 и 1970 годов, хотя преступность в последний год существования СССР была в 3—4 раза выше, чем в 30-е или 70-е годы. Это свидетельствовало о “ножницах” между “кривыми” динамики преступности и приisonerности (см. табл. 3 и рис. 1).

Таблица 3

**Динамика численности заключенных в СССР
в 1970—1991 годы**

Годы	ИТК	ВТК	Тюрьмы, сизо	ЛТП	Всего	На 100 тыс. населения	Динамика, в %
1970	909 809	36 078	173 513	27 482	1 146 882	474,5	100,0
1971	917 439	21 974	178 562	33 032	1 151 007	471,9	100,3
1972	900 322	40 911	186 972	41 673	1 169 878	475,0	102,0
1973	934 039	38 598	186 607	52 267	1 211 511	487,3	105,6
1974	955 265	37 814	187 011	61 862	1 241 952	495,0	108,3
1975	949 211	42 001	200 516	74 638	1 266 366	500,0	110,4
1976	935 779	23 825	206 502	87 125	1 253 231	490,3	109,3
1977	983 320	42 560	206 329	97 826	1 330 035	515,9	116,0
1978	923 993	31 082	183 289	109 014	1 247 378	479,7	108,8
1979	988 791	32 562	206 515	118 790	1 346 658	513,1	117,4
1980	1 071 196	33 897	230 420	132 372	1 467 885	555,0	128,0
1981	1 107 074	36 299	249 703	146 052	1 539 128	577,3	134,2
1982	1 217 960	39 534	263 457	157 672	1 678 623	624,4	146,4
1983	1 364 201	39 466	279 131	172 700	1 855 498	685,0	161,8
1984	1 457 536	37 689	286 724	187 415	1 969 364	720,1	171,7
1985	1 536 097	41 609	274 542	206 239	2 061 026	746,9	179,7
1986	1 525 117	42 284	248 593	225 403	2 356 988	846,5	205,5
1987	1 461 710	44 427	198 526	218 140	2 234 988	794,3	194,9
1988	1 140 102	33 737	152 455	234 631	1 815 957	639,0	158,3
1989	860 323	27 910	146 789	213 624	1 390 961	485,0	121,3
1990	762 192	26 608	199 207	145 905	1 258 722	437,6	109,7
1991	765 969	28 815	217 080	112 844	1 254 247	433,8	109,4

Примечания. 1. Приведенные в таблице данные не включают в себя заключенных, находящихся в соответствующих учреждениях КГБ СССР. 2. В 1985 году были образованы ВТП (воспитательно-трудовые профилактории), куда в том же году было направлено 2539 человек. В 1986 году были образованы ЛВП (лечебно-воспитательные профилактории) и спецкомендатуры для осужденных, направленных на принудительный труд. В ВТП, ЛВП и спецкомендатурах соответственно находились в 1986 году 55, 6103 и 309 433 заключенных, в 1987 году — 203, 4630 и 307 352, в 1988 году — 165, 852 и 254 015, в 1989 году — 165, 365 и 141 785, в 1990 году — 50, 184 и 124 575, в 1991 году — 17, 41 и 129 481 заключенный. При наличии места в таблице их следовало бы показать в отдельных графах и включить в графу “Всего”.

“Волнообразный” уровень числа заключенных, который наблюдался в СССР, регистрируется и в других странах. В одних эти волны “короткие”, в других, как в СССР, “длинные”. И те и другие не всегда согласуются с динамикой устойчиво (медленно или ин-

тенсивно) растущей преступности. Объяснить это можно лишь направленной деятельностью государственных органов, удерживающих уровень призрачности в рамках демократических тенденций и реальных возможностей тюремной системы, т. е. практически теми же или аналогичными мерами, которые принимались и в СССР. Типичными формами реакции государства на неумолимый рост числа заключенных являются гуманизация уголовного законодательства, расширение альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания, либерализация судебной практики, условное и условно-досрочное освобождение от уголовной ответственности и наказания. Поскольку не удается “заморозить” рост преступности, то трудно удержать и уровень заключенных на одном уровне. Он увеличивается, хотя и медленнее роста преступности. “Ножницы” между ними увеличиваются.

Анализ динамики заключенных тюрем 15 европейских государств за 1975—1990 годы⁴ свидетельствует о росте численности населения тюрем. В Португалии за указанные годы она увеличилась на 234%, в Люксембурге — на 167,4, в Испании — на 110,9, в Ирландии — на 94,3, в Турции — на 76,7, во Франции — на 66, в Греции — на 43,8, в Норвегии — на 43,7, в Великобритании — на 38,2, в Дании — на 26,8, в Швеции — на 17,2, в Бельгии — на 9,9, в Италии — на 8,4, в ФРГ — на 3,2%. И лишь в Финляндии число заключенных за эти 15 лет снизилось на 38,7%. Отмечаемое снижение отрицательно коррелирует с ростом преступности в Финляндии и связано с серьезной гуманизацией системы наказания, которая в предшествующие годы отличалась высокой репрессивностью.

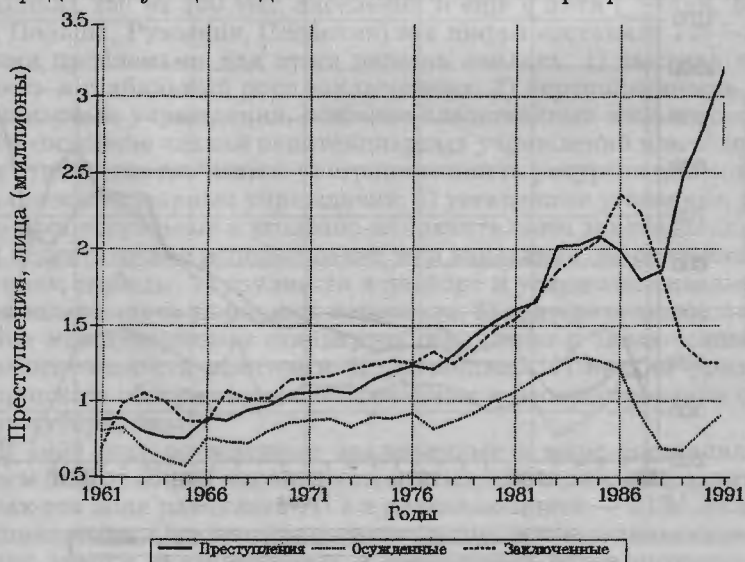

Рис. 1. Динамика призрачности, судимости и преступности в СССР (1961—1991 гг.).

Обращая внимание на тенденцию “ножниц” между статистическими рядами призраности и преступности в СССР, следует напомнить, что она определилась лишь в 1987—1988 годы. Существенное уменьшение “доли” заключенных в “структуре” осужденных и ее некоторое приближение к оптимальным мировым стандартам вовсе не результат отечественной рациональной исполнительной политики и успешного решения проблемы разработки альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания. Эта тенденция определилась в условиях кризиса правоохранительной системы, снижения раскрываемости и судимости. Годом позже за их снижением уменьшалась и призраность. Это подтверждается и предшествующей динамикой названных показателей. Резкие изменения уровня заключенных со сдвигом на год, как правило, следовали за аналогичными изменениями судимости. Коэффициент корреляции между рядами судимости и призраности намного выше, чем между преступностью и судимостью.

Число заключенных (с учетом их накопления) в течение всего периода с 1961 по 1991 год по своим абсолютным показателям примерно в 2 раза превышало число осужденных (по годам), а “кривая” динамики первого со сдвигом на год повторяла “кривую” динамики судимости. Аналогичный вывод можно сделать и при сопоставлении тенденций названных показателей в расчете на численность населения.

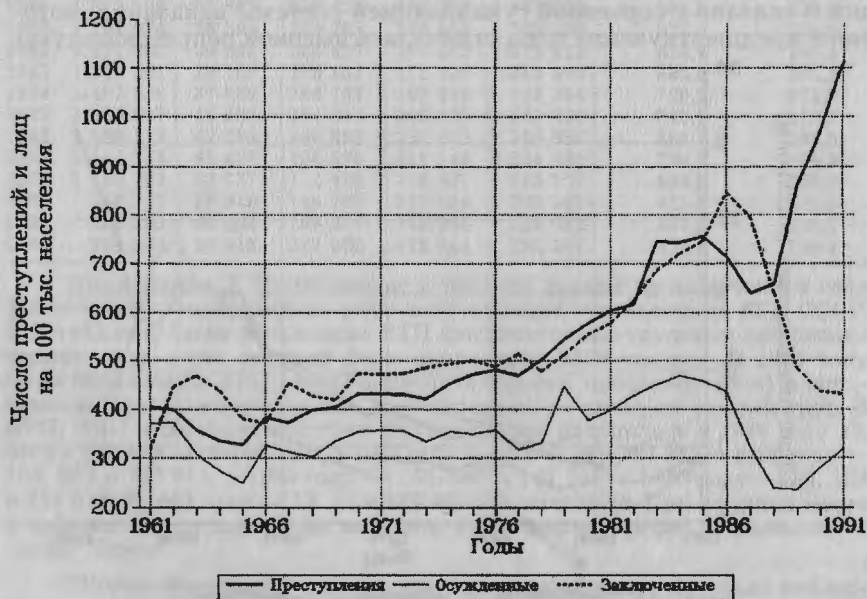

Рис. 2. Динамика коэффициентов преступности, судимости и призраности в СССР (1961—1991 гг.).

В последние годы снижения числа заключенных стало заметно меняться их "качество" в сторону повышения тяжести совершенных ими преступлений. Об этом можно судить по переписи осужденных в 1926, 1970, 1975, 1979, 1989 годы. Переписи 70-х годов показывали почти стабильную сущностную характеристику осужденных⁵. В 80-е годы в их структуре стала заметно расти доля лиц, совершивших тяжкие преступления. Отмечаемый сдвиг является результатом аналогичного смещения в регистрируемой преступности за счет большей латентизации менее опасных деяний. Но есть и позитивная причина: расширение альтернативных лишению свободы мер уголовного наказания к лицам, совершившим менее опасные преступления.

По данным Четвертого обзора ООН, в 1986—1990 годы средняя численность заключенных в мире, несмотря на рост преступности, несколько снизилась, главным образом за счет заметного снижения ее в странах Восточной Европы, в том числе и в СССР. Правда, последние годы не подтверждают этой оптимистичной тенденции. В большинстве стран названного региона после бархатных "капиталистических" революций обозначился серьезный рост числа заключенных как в абсолютных показателях, так и в расчете на население⁶.

В семи (Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Украина) из 16 бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы, охваченных обследованием ассоциированного с ООН Европейского института (HEUNI), численность заключенных превышала 250 на 100 тыс. населения и еще в пяти (Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словения) эта цифра составила 125—200. Общими проблемами для этого региона явились: 1) высокая численность и стабильный рост заключенных; 2) переполненность пенитенциарных учреждений, особенно следственных изоляторов; 3) плохое состояние зданий пенитенциарных учреждений и необходимость строительства новых; 4) ограниченность ресурсов для содержания пенитенциарных учреждений; 5) устаревшее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство; 6) недостаточное использование мер наказания, не связанных с лишением свободы; 7) трудности в подборе и удержании квалифицированных кадров тюремного персонала; 8) недостаточное использование международных стандартов обращения с заключенными; 9) необеспеченность занятости заключенных; 10) низкий уровень медицинского обслуживания заключенных и распространение среди них туберкулеза^{6а}.

В 1990 году осужденные заключенные в мире составляли в среднем 64% от общей численности взятых под стражу. В развитых странах эта доля равнялась 71, а в развивающихся — 51%⁷. Разница существенна. Она свидетельствует о том, что в развивающихся странах аресты подозреваемых и обвиняемых более интенсивны, чем в развитых. В различных странах данный показатель колебался в больших пределах (табл. 4).

Таблица 4

**Доля осужденных заключенных в общем числе лиц,
взятых под стражу, в %⁸**

Страны	1986 г.	1990 г.
Италия	40	47
Австрия	57	41
Польша	73	67
Россия	73	59
Англия/Уэльс	77	77
Австралия	82	80
Финляндия	82	86
Швеция	83	89
Япония	83	85
Болгария	85	86

По числу заключенных и арестованных на 100 тыс. населения можно сравнивать призрачность разных стран.

Таблица 5

**Численность осужденных заключенных и лиц,
взятых под стражу, на 100 тыс. населения в 1986 и 1990 гг.⁹**

Страны	Заключенные		Взятые под стражу	
	1986 г.	1990 г.	1986 г.	1990 г.
Австралия	77,8	83,7	118,0	64,8
Австрия	241,2	261,0	245,7	271,4
Бельгия	69,6	63,9	207,8	179,7
Болгария	190,8	122,7	69,0	23,3
Дания	62,5	65,7	279,1	300,0
Канада	-	-	14,8	16,2
Катар	-	-	762,0	464,2
Корея	116,2	122,2	269,4	280,4
Маврикий	656,1	248,5	235,7	90,2
Свазиленд	191,3	129,0	549,3	548,9
Сент-Китс и Невис	258,6	313,6	773,5	975,0
Соединенное Королевство:				
Англия/Уэльс	93,5	89,6	172,1	133,1
Северная Ирландия	123,6	112,3	384,8	295,2
Шотландия	109,1	92,6	245,3	201,3
Финляндия	81,3	67,9	187,4	177,1
Франция	76,9	77,8	-	-
Швеция	49,1	53,8	169,5	185,0
Япония	46,0	37,8	25,3	18,3

Между числом осужденных заключенных и числом лиц, взятых под стражу, существует некоторая зависимость, но она является слабой. Например, в Маврикии в 1986 году было самое большое число заключенных на 100 тыс. населения (656,1) среди приведенных в таблице стран, а по числу взятых под стражу в этом же году это государство занимало лишь девятое место, после Сент-

Китс и Невиса, Катара, Свазиленда, Дании, Северной Ирландии, Кореи, Австрии и Шотландии.

В СССР в 1986 году число заключенных, находящихся в ИТУ разных видов, на 100 тыс. населения составило 846,5, что в 18,4 раза больше, чем в Японии, в 11 — чем в Швеции, в 9,1 — чем Англии и Уэльсе и даже в 1,3 раза — чем в Маврикии. В 1990 году число заключенных в СССР в расчете на население сократилось почти вдвое (433,8), но осталось в 11 раз выше, чем в Японии, в 5,6 — чем во Франции, в 4,8 — чем в Англии и Уэльсе и в 1,7 раза — чем в Маврикии.

Таким образом, при высокой учтенной преступности в западноевропейских странах, а она была в те годы в 2—3 раза выше, чем в СССР, число осужденных заключенных было в несколько раз ниже. Эти различия связаны не только с гуманистическими тенденциями в Западной Европе. Там иная преступность, в которой до 90% и более составляют кражи, за совершение которых виновные наказываются не очень строго. В СССР в силу высокой латентности и других причин уровень преступности ниже, но ее структура в процессе роста сдвигалась к насильственным и другим более опасным деяниям, за совершение которых виновные несли более тяжелые наказания. Кроме того, у нас традиционно доминировало лишение свободы и была более жесткой судебная практика (даже в 90-е годы).

2. Тенденции преодоления перенаселенности тюрем

Перенаселенность тюрем и других мест лишения свободы является серьезной проблемой для многих стран мира. Радикальным способом ее решения является строительство новых пенитенциарных заведений. И она частично решается таким путем. Но это очень дорого. Строительство тюрем не поспевает за ростом преступности. Поэтому перенаселенность тюрем является хронической для большинства стран. По данным ООН, в 1986 году коэффициент использования тюремных помещений в мире составлял 108%. К 1990 году он снизился до 103%. Однако эти, казалось бы, позитивные подвижки скорее были результатом уплотнения заключенных, чем увеличения мест заключения. Из 40 стран, анализируемых в Четвертом обзоре ООН, в 21 за эти годы росла вместимость имеющихся тюрем. Вместе с тем повышался и коэффициент использования тюремных помещений. В 1990 году в Болгарии он составил 119,2%, в Коста-Рике — 136,7, в Гонконге — 136,3, в Маврикии — 110,6 (в 1986 г. — 279,8), в Португалии — 116,7, в Сент-Китс и Невисе — 156,8, в Тринидад и Тобаго — 215,8, в Северной Ирландии — 102,5%¹⁰.

Проблемы перенаселенности тюрем всегда были актуальными и для США. За последние 20 лет число заключенных в американских тюрьмах утроилось и превысило все допустимые нормы. Строительство новых современных тюрем обременительно даже для такой богатой страны. В целях борьбы с перенаселенностью принимались специальные законы, вводились так называемые опосредованные санкции: пробация с интенсивным надзором, домашний арест с элек-

тронным мониторингом, исправительные строевые лагеря, частные тюрьмы и тюрьмы "макси-макси", организованные по карцерному типу с одночасовой одиночной прогулкой для опасных насильственных преступников. Эффективность пенитенциарных нововведений остается спорной, а криминологическая реальность толкает на новые поиски¹¹.

В отдельных странах данные проблемы решаются на очень высоком уровне. Ознакомление с книгой "Заключенные в Дании", где подробно описаны все датские тюрьмы, показывает, что условия содержания в них заключенных¹² являются, по нашим меркам, "курортными". Однако такие условия даже для некоторых европейских стран являются пока недостижимыми.

В СССР доминирующим видом уголовного наказания (до 60% и более) было лишение свободы. Содержать преступников в тюрьмах и исправительно-трудовых учреждениях различных типов было дорого даже тогда, когда заключенные занимались изнурительным и принудительным трудом, находились в трудных климатических и производственных условиях, в плохо приспособленных для жизни бараках с низким уровнем жизнеобеспечения. Новых мест лишения свободы практически не строилось, а преодоление их перенаселенности прежде всего решалось путем уплотнения, ежегодных закрытых и открытых освобождений (амнистий) заключенных и направления их на лесоразработки и химические предприятия, внесения многочисленных изменений в разделы уголовных кодексов о наказании, принятия других организационных мер, рождаемых в ГУЛАГе (ГУМЗе, ГУИДе, ГУИНе) МВД СССР. В 1961 году, например, в стране насчитывалось 1205 ИТК с лимитом мест на 644 049 заключенных, а в 1991 году колоний осталось 1053 (как правило, тех же самых), но уже с лимитом мест на 1 136 540 человек, т. е. вдвое большим (см. табл. 6 и рис. 3).

Таблица 6

Динамика лимита мест в ИТК и реальной численности содержащихся в них заключенных в 1961—1991 годы

Годы	ИТК		Лимит мест	Число заключенных	Переполнение (+), незаполненные (-)
	всего	"лесных"			
1961	1 205	-	644 049	543 981	- 100 068
1962	1 172	-	699 250	763 756	+ 64 506
1963	1 207	272	850 031	877 592	+ 27 561
1964	1 188	284	886 741	814 619	- 72 122
1965	1 107	266	829 703	731 722	- 97 981
1966	1 062	240	800 029	721 351	- 78 678
1967	1 050	235	809 054	866 254	+ 57 200
1968	1 114	236	871 532	860 574	- 10 958
1969	1 112	243	887 953	820 706	- 67 247
1970	1 101	243	903 038	909 809	+ 6 771
1971	1 083	240	909 637	917 439	+ 7 802
1972	1 088	243	862 803	900 322	+ 37 519

1973	1 095	251	883 886	934 039	+ 50 163
1974	1 084	248	901 933	965 265	+ 53 332
1975	1 085	248	908 864	949 211	+ 40 347
1976	1 095	254	933 160	935 779	+ 2 619
1977	1 095	252	963 265	983 320	+ 20 055
1978	1 097	251	977 032	923 993	- 53 039
1979	1 093	250	983 163	988 791	+ 5 628
1980	1 087	250	996 308	1 071 196	+ 74 888
1981	1 098	246	1 036 612	1 107 074	+ 70 462
1982	1 124	259	1 076 728	1 217 960	+ 141 232
1983	1 172	286	1 160 063	1 364 201	+ 204 138
1984	1 181	292	1 214 592	1 457 536	+ 242 944
1985	1 205	292	1 282 714	1 536 097	+ 253 383
1986	1 251	315	1 353 411	1 525 117	+ 171 706
1987	1 279	317	1 401 099	1 461 710	+ 60 611
1988	1 275	321	1 401 714	1 140 102	- 261 612
1989	1 158	316	1 242 381	860 323	- 382 058
1990	1 091	300	1 137 897	762 192	- 375 705
1991	1 053	268	1 136 540*	762 969	- 370 571

* В том числе 58 004 — женских.

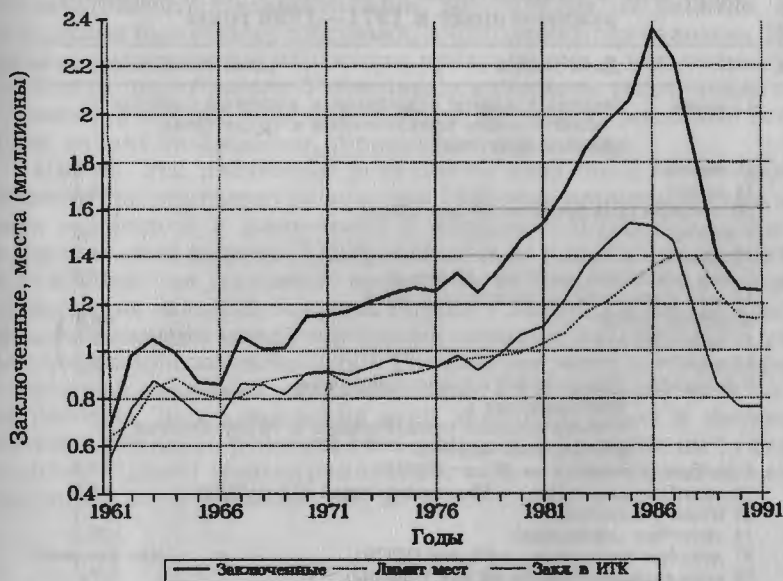

Рис. 3. Динамика числа заключенных и мест в ИТК (1961—1991 гг.).

Начиная с 1970 года перенаселенность ИТК и других мест лишения свободы стала хронической. Она вынудила принять Президиумом ВС СССР более 20 указов (в некоторые годы принималось по 2—3 указа), вносящих изменения и дополнения в разделы уголовного законодательства о наказании, назначении наказания и об освобождении от наказания. Некоторые нормы пересматривались

по несколько раз. Большинство новелл принимались для того, чтобы как-то справиться с растущим валом осужденных к лишению свободы без строительства новых ИТК и учредить иные формы отбывания наказания, удерживающие осужденных в изоляции, но не требующие капитальных вложений.

В 1970 году был издан Указ Президиума ВС СССР "Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением к труду". Он помогал решать две задачи: с одной стороны, государство вроде бы не отступало от применения строгого наказания к преступникам — лишения свободы, а с другой — получало дешевую рабочую силу в трудных климатических и производственных условиях (лесоповал в северных районах тайги, вредное химическое производство, урановые рудники и т. д.). В дополнение к этому акту ежегодно начиная с 1971 года издавались закрытые и открытые указы об условном освобождении заключенных и направлении их на стройки народного хозяйства (табл. 7).

Таблица 7

Перечень законодательных актов об освобождении заключенных в 1971—1990 годы

Годы	Дата указов	Число освобожденных (в тыс.)
1970	12 июня	введено условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (указ прямого действия)
1971	10 марта	89,2
1972	17 марта	108,1
	28 декабря (амнистия — 50 лет СССР)	136,1
1974	1 марта	137,6
1975	10 марта	90,5
	6 мая (амнистия — 30 лет Победы)	13,7
	16 мая (амнистия — Международный женский день)	66,4
	17 мая	7,0
1976	13 мая	78,0
1977	8 февраля	условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением к труду внесено в уголовные кодексы
	4 ноября (амнистия — 60 лет ВОВСР)	
1979	19 октября (амнистия — Международный год ребенка)	107,6
1980	27 июня (амнистия)	9,3
1981	14 сентября (амнистия)	101,7
1982	27 декабря (амнистия — 60 лет СССР)	135,2
1985	26 апреля (амнистия — 40 лет Победы)	нет сведений
1987	18 июня (амнистия — 70 лет ВОВСР)	"_"
1989	16 августа (амнистия)	"_"
	28 ноября (амнистия)	"_"

Всего свыше 1 080,4 тыс.

После принятия указа прямого действия о введении условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду в 1970 году к 1976 году было направлено на принудительный труд 726,6 тыс. осужденных. Этого, однако, оказалось

недостаточно. В 1977 году условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и условное освобождение заключенного с теми же последствиями наряду с другими серьезными изменениями норм о наказании и освобождении от него вносятся в основы уголовного законодательства и уголовные кодексы, для того чтобы суды в индивидуальном порядке решали эти вопросы и отпала необходимость издания ежегодных указов. Но это не решило проблему перенаселенности ИТК. Тогда с 1978 года стали издаваться ежегодные акты амнистий. За 10 лет (1971—1981 гг.) путем освобождения от наказания и амнистий было освобождено из ИТК около 1,5 млн. человек.

В 1982—1985 годы продолжался экспериментальный поиск новых видов уголовного наказания, альтернативных лишению свободы. Однако резкое снижение раскрываемости преступлений и судимости решило проблему переполнения мест лишения свободы. Начиная с 1988 года “тюремных” койко-мест стало больше, чем заключенных.

В условиях переполнения мест лишения свободы ухудшались результативность ресоциализации, обеспечения их работой, элементарными бытовыми удобствами, соблюдение прав человека. ИТК, тюрьмы, следственные изоляторы превратились в настоящие университеты преступности. Увеличивался рецидив, росло число преступлений в местах лишения свободы, появились массовые беспорядки, захват заложников, террористические акты.

Именно эти плачевные результаты стихийной пенитенциарной политики подтолкнули власти в 1992 году принять закон о внесении изменений и дополнений в исправительный, уголовный и процессуальный кодексы¹³, направленных на повышение эффективности исполнения уголовного наказания, соблюдение прав человека и приведение законодательства России в некоторое соответствие с общепризнанными международными нормами, касающимися условий содержания заключенных¹⁴. Реализация этого закона потребует огромных вложений, создания новых ИТК и других мест лишения свободы, переосмысления всей пенитенциарной и уголовной политики. Ожидать решения этих вопросов в ближайшем будущем утопично. Однако само стремление к таким изменениям является тенденцией хотя и запоздалой, но необходимой и позитивной.

3. Заключенные в России

Уровень заключенных в СССР до 1988 года превышал уровень учтенной преступности. Это не соответствовало мировым, особенно европейским, распределениям. В последующие годы в связи со снижением раскрываемости соотношение уровней преступности, судимости и призрачности стало изменяться. В год распада СССР “удельный вес” общего числа заключенных (вместе с подсудимыми) составил в “структуре” учтенной преступности 38,9, в России еще ниже — 32,5%. Соотношение уровней основных кри-

минологических показателей, стихийно установившееся в конце существования Союза, продолжает сохраняться в России. В 1992 году "доля" числа заключенных в "структуре" преступности была самой малой (26,8%), которая в связи с оживлением правоохранительной деятельности увеличилась до 27,3% (1993 г.) и до 32% (1994 г.). Если соотношение уровней преступности, выявляемости правонарушителей, судимости и приisonerности в СССР в 1990 году равнялось 100 : 50 : 29 : 45, то в 1994 году в России оно стало более упорядоченным (100 : 55 : 35 : 32) и близким к мировым распределениям.

Хотелось бы вновь напомнить, что данное соотношение — это не столько результат рациональной уголовно-пенитенциарной политики, сколько следствие неудовлетворительной работы правоохранительной системы. Если бы регистрация преступлений была полнее, а показатели раскрываемости деяний и выявляемости правонарушителей относительно реалистичнее, то был бы выше уровень судимости и приisonerности, а следовательно, и иное их соотношение. В то же время желательное улучшение работы правоохранительных органов в России с одновременным расширением альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания могли бы сохранить упорядоченное распределение основных криминологических показателей.

Какие же тенденции численности заключенных были в России в последние годы и как она соотносилась с уровнем других криминологических показателей (табл. 8)?

Таблица 8

Соотношение числа заключенных с основными криминологическими показателями в 1990—1996 годы

	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Зарегистрировано преступлений	1 839 451	2 167 964	2 760 652	2 799 614	2 632 708	2 755 669	2 625 081
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Выявлено правонарушений	872 299	956 258	1 148 962	1 262 737	1 441 568	1 595 501	1 618 394
Доля	48,8	44,1	41,6	45,1	54,8	57,8	61,7
Осужденные	537 643	593 823	661 392	792 410	924 574	1 035 807	
Доля	29,2	27,4	23,0	28,3	35,1	37,6	
Все заключенные*	691 512	705 471	739 720	764 337	842 429	992 486	1 026 343
Доля	37,6	32,5	26,8	27,3	32,0	36,0	39,1
На 100 тыс. населения	468,3	476,1	498,7	515,6	568,0	670,9	693,7
Осужденные заключенные*	545 812	547 251	544 691	537 467	596 045	697 286	757 171
Доля	29,7	25,2	19,7	19,2	22,6	25,3	28,8
На 100 тыс. населения	369,6	369,4	367,2	362,5	401,9	471,3	511,8
Арестованные в сизо*	145 700	158 220	195 029	226 870	246 384	295 200	269 172
Доля	7,9	7,3	7,1	8,1	9,4	10,7	10,2
На 100 тыс. населения	98,7	106,8	131,5	153,0	166,1	199,5	181,9

* Данные о заключенных взяты на 31 декабря каждого года.

А вот как это будет выглядеть графически:

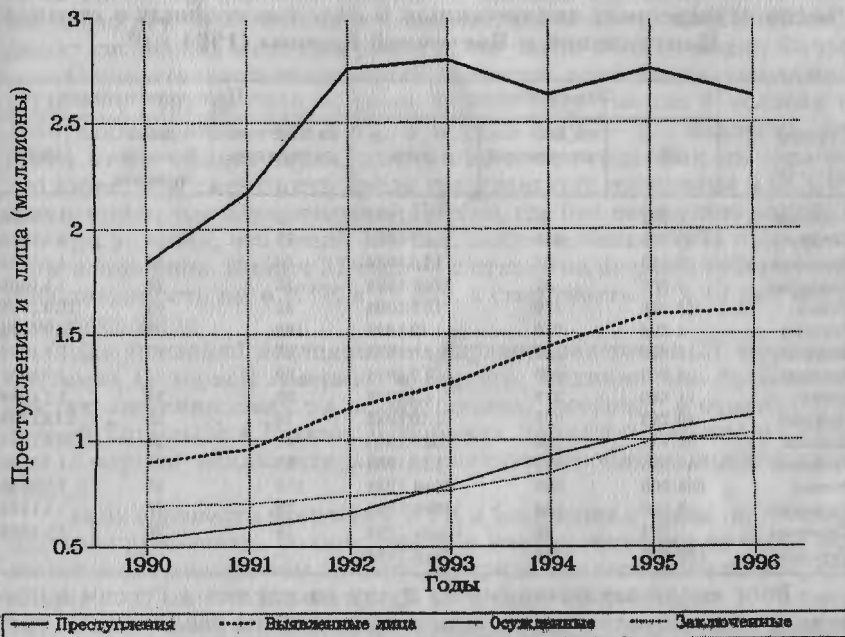

Рис. 4. Динамика основных криминологических показателей (1990—1996 гг.).

Таблица и рисунок показывают, что наиболее интенсивно росло число арестованных в следственных изоляторах (+102,3%). Его динамика прямо и тесно коррелировала с ростом преступности. Однако это мало сказывалось на численности осужденных заключенных, находящихся в ИТК и тюрьмах. Она увеличилась лишь к 1995 году на 27,8%. Это означает, что большая часть подозреваемых и обвиняемых по разным причинам не переходит в осужденные заключенные. В связи с этим общее число лиц, находящихся в сизо, тюрьмах и ИТК, за 1990—1995 годы увеличилось только на 43,5%, тогда как преступность за тот же период возросла на 49,8, а судимость — на 92,7%. При всей сложности криминологической обстановки в стране и неполноты ее статистического отражения нельзя отрицать наличие гуманистических тенденций.

Коэффициент заключенных на 100 тыс. населения остается в России очень высоким. В 1995 году по осужденным заключенным он составлял 471,3, а по всем лицам, содержащимся под стражей, 568. Это на 54,7% выше, чем он был в СССР в 1991 году. А по сравнению с аналогичными показателями бывших социалистических европейских стран наш коэффициент выше в 2—3—4 раза (табл. 9).

Таблица 9

**Число осужденных заключенных и подследственных в странах
Центральной и Восточной Европы (1994 г.)¹⁵**

Страны	Заключенные			Подследственные		
	абс.	на 100 тыс. населения	дата	на 100 тыс. населения	доля в заклю- ченных	дата
Албания	1 077	30	1.6.1994	5	13	1.6.1994
Беларусь	45 814	445	1.7.1994	75	18	1.7.1994
Болгария	8 495	95	14.4.1994	30	31	1.1.1994
Хорватия	3 000	60	Май 1994	15	28	1.1.1994
Чехия	18 386	180	15.9.1994	85	47	15.9.1994
Эстония	4 220	270	1.10.1994	100	37	1.10.1994
Венгрия	12 829	125	2.6.1994	35	27	2.6.1994
Латвия	9 547	365	1.7.1994	80	23	1.7.1994
Литва	11 580	310	1.7.1994	85	27	1.7.1994
Молдова	10 292	275	1.10.1994	70	25	1.10.1994
Польша	61 952	160	30.9.1994	40	25	30.9.1994
Румыния	43 985	195	1.10.1994	55	27	1.1.1994
Россия	885 000	590	Май 1994	150	26	1.1.1994
Словакия	8 000	150	Май 1994	35	26	1.1.1994
Словения	794	40	Июнь 1994	10	38	1.1.1994
Украина	180 000	345	Май 1994	-	-	-

Рост числа заключенных на душу населения в России в последние годы обусловлен не только абсолютным увеличением преступности и судимости, но и снижением численности населения.

Движение числа заключенных в ИТК свидетельствует о многих негативных тенденциях (см. табл. 10 и рис. 5).

Таблица 10

Динамика "населения" ИТК всех видов (1990—1996 гг.)

	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Количество ИТК	802	765	763	733	731	755	742
Лимит мест	794 648	741 961	764 546	749 335	732 973	766 245	764 612
Число заключенных на начало года	612 910	541 312	542 512	541 814	532 621	656 328	702 770
Поступило в году	288 023	309 200	295 522	313 732	379 648	431 501	479 069
Выбыло в году	359 621	308 000	298 237	322 925	320 833	404 543	440 358
в том числе освобождено	239 029	203 847	195 979	203 071	181 893	245 173	261 980
умерло	3 181	3 335	3 400	3 565	4 156	6 486	8 429
Число заключенных на конец года	541 312	542 512	539 797	532 621	591 436	683 286	741 481

Число лиц, отбывающих лишение свободы в ИТК, в 1990—1995 годы увеличилось на 26,2% и то лишь в последние два года, хотя преступность и судимость, как известно, возросли соответственно на 50 и 71%. В эти годы шло реформирование и даже сокращение числа колоний союзного "наследства". 215 "лесных" ИТУ стали колониями различных режимов. В 1995 году в России насчи-

тывалось 755 колоний. За эти годы сокращался и лимит мест в колониях. Но он практически впервые в истории оставался на 10—20% выше фактической численности осужденных заключенных. В 1995 году лимит свободных мест при увеличении числа ИТК составил 83 тыс.

Отрицательной тенденцией является рост числа умерших в ИТК — с 3181 до 6486 человек. В 1990 году умерло 6 человек на 1000 заключенных, или 0,6%, а в 1995 году — 9,5 человека, или 0,95% от их общего числа, взятого на конец года. Как ни странно, это ниже, чем смертность среди гражданского населения в СССР¹⁶, и еще ниже, чем в современной России, где она неуклонно растет. И это при условии, что около 400 тыс. заключенных в 1994 году лечились в больнице. Из них 31 тыс. — с открытой формой туберкулеза. Заболеваемость им в ИТК в 17 раз, а смертность — в 10 раз выше, чем на свободе.

Как показало исследование здравоохранения в 27 тюремных системах Северной Америки и Европы, медицинские проблемы в местах лишения свободы всюду сложны, особенно в странах Восточной Европы и в России. В тюрьмах Западной Европы и Северной Америки исключительно серьезную проблему представляет СПИД¹⁷.

Если соотнести население ИТК и население страны по половозрастным признакам, то смертность в местах лишения свободы окажется еще меньше, чем на свободе, среди аналогичного по возрасту и полу контингента населения. В 1994 году, например, из 5094 умерших в зоне, включая больницы и пересыльные пункты, 98,4% составили мужчины и, как правило, старших возрастов. Женщин умерло 1,6%, хотя в структуре заключенных они составляли 3,9%.

Из приведенных данных видно, что при всей сложности медицинских проблем в ИТК безопасность для жизни в них оказалась выше, чем в гражданском обществе. И вряд ли это соотношение можно признать нормальным. Конечно, не потому, что в местах лишения свободы умирают меньше, а потому, что чрезмерно высока смертность в стране в целом. Однако некоторые российские защитники прав человека с болью пишут о смертности в ИТУ, но забывают о смертности законопослушных граждан.

В связи с широким применением альтернативных лишению свободы мер уголовного наказания к менее опасным преступникам места лишения свободы стали заполняться наиболее криминогенным составом. Около половины осужденных отбывают наказание за совершение насильственных преступлений. Удельный вес только умышленных убийц, разбойников и грабителей приближается к трети населения ИТК, и этот опасный контингент увеличивается. А в тюрьмах он еще выше. Рост насилия в местах лишения свободы, опасных нападений на сотрудников ИТУ и сокамерников, неповиновений администрации, преступлений и грубых нарушений, употребления спиртных напитков и наркотиков, а также побегов ставит на повестку дня создание ИТУ карцерного характера по типу американских “макси-макси” (табл. 11).

Таблица 11

Динамика числа заключенных за некоторые тяжкие преступления в ИТК (1990—1996 гг.)

	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Общее число заключенных	612 910	541 312	542 512	541 814	532 621	683 286	741 481
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Убийцы	62 905	64 587	57 572	59 059	63 561	76 866	82 648
Доля в %	10,3	11,9	10,6	10,9	11,9	11,2	11,1
Разбойники	33 799	34 326	35 875	36 426	41 541	55 837	61 426
Доля в %	5,5	6,3	6,6	6,7	7,8	8,2	8,3
Грабители	34 456	33 209	34 625	35 523	42 122	52 865	57 280
Доля в %	5,6	6,1	6,4	6,6	7,9	7,7	7,7

В местах лишения свободы находится до 60% неоднократно судимых, 45 тыс. из них признаны особо опасными рецидивистами, 15% — алкоголиков и наркоманов, около 70% страдают расстройством психики, более трети заключенных не имеют в зоне определенных занятий¹⁸. Когда-то мы много говорили о подневольном труде советских заключенных. Сегодня приходится говорить об огромной безработице тех, кто хотел бы работать. Мечте бывшего Верховного судьи США У. Бергера о том, чтобы превратить тюрьмы в “фабрики за заборами” вместо складов человеческой массы, не было суждено сбыться даже в США¹⁹. В России эта мечта в обозримом будущем практически неосуществима. Хотя существует Федеральная целевая программа содействия трудовой занятости осужденных к наказанию в виде лишения свободы на период до 2000 года. Определены источники финансирования, но его нет в полном объеме даже на содержание заключенных. Ничем не занятый заключенный — новая проблема для пенитенциарных заведений России.

В статистических тенденциях популяции тюрем в России картина кажется более благоприятной: число тюрем и их заполненность за последние годы практически не менялись, лимит тюремных мест примерно в 3 раза выше реальной численности их населения. Противоположная картина — в следственных изоляторах, где регистрируется интенсивный рост подследственно арестованных (табл. 12).

Таблица 12

Динамика числа лиц, находящихся в следственных изоляторах и тюрьмах (1991—1996 гг.)

	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Количество следственных изоляторов	161	159	163	168	187	178
Лимит мест в сизо	150 920	149 715	152 945	159 015	177 400	166 438
Заполненность сизо	158 220	195 029	226 840	246 384	295 200	269 172
Переполнение	7 300	45 314	73 895	87 369	117 800	102 734
Количество тюрем	13	15	13	13	13	13
Лимит мест в тюрьмах	14 690	16 220	14 870	14 870	14 870	14 980
Заполненность тюрем	4 739	4 894	4 846	4 609	15 800	15 690

Свободных мест	9 951	11 326	10 024	10 261	-	-
Переполнение	-	-	-	-	930	710
Всего в сизо и тюрьмах	162 959	199 923	231 716	250 993	311 000	284 862
в том числе женщин	6 329	6 967	9 959	12 094	17431	-

Количество следственных изоляторов в последние годы росло. Увеличивался и лимит мест в них. В 1995 году число сизо увеличилось на 19 учреждений, а лимит мест — на 18,5 тыс. человек. Однако он не успевал за ростом числа арестованных. В 1990 году переполнение составило 4,8, а в 1995 году — 66,4%. В городах и регионах с высоким уровнем преступности перенаселенность следственных изоляторов достигает 5-кратного размера и более.

Действующие следственные изоляторы абсолютно не отвечают тем требованиям, которые вытекают из федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" от 15 июля 1995 г. и др. Ориентируясь на стандарты европейских стран, законодатель принял законы, намного опережающие реальные возможности страны. А действительность такова: из имеющихся сизо и тюрем многие пришли в ветхость, а здания 26 сизо находятся в аварийном состоянии. В результате перенаселенности сизо вместо установленных 2,5 кв. м на одного арестованного приходится вдвое меньше, а в некоторых сизо нет и одного квадратного метра. Потребность сизо в бюджетном финансировании удовлетворяется на 60%²⁰.

Оптимизировать рост заключенных можно лишь последовательной просчитанной рациональной уголовной и пенитенциарной политикой путем применения и расширения альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания в отношении социально не потерянных субъектов, совершивших не тяжкие преступления. На это указывает положительный опыт развитых демократических стран²¹.

Общий вывод по главе об изменениях числа заключенных в СССР и России один: в постсталинский период и особенно во время союзной перестройки и российских реформ проходит медленный непоследовательный противоречивый процесс приближения системы уголовных наказаний, практики их назначения и исполнения в нашей стране к некоторым общепризнанным стандартам и мировым тенденциям. Он позитивен в том плане, что позволяет использовать в контроле над преступностью мировой гуманистический опыт.

При этом, однако, нельзя забывать, что кардинальных успехов в борьбе с преступностью и надежной ресоциализации заключенных не достигнуто ни одной страной мира. Кроме разве Японии, опыт которой оценивается в мире как "позитивная аномалия". И он неповторим в любой другой стране, так как базируется на национальном менталитете японцев. Поэтому унификация контроля над преступностью, в том числе и на последней стадии уголовного правосудия, опираясь на соблюдение международных стандартов и норм, по сути своей не должна быть самодовлеющей, сдерживающей развитие конкретного национального опыта. Вряд ли, например, в России, стремящейся, порой бездумно, перенять опыт других стран,

следовало разрушать систему товарищеских судов, условное осуждение с передачей виновного на поруки коллективу сотрудников и т. д. и т. п. Названные и другие советские институты изучались и высоко оценивались в мире.

¹ *Crime in the United States*, Washington D. S., 1993. P. 217—218; *Profiles of Criminal Justice Systems in Europe and North America*. HEUNI, Helsinki, 1995. P. 215.

² Дело № 00109 “Сводные отчеты ГУИД МВД СССР о численности, движении, составе и размещении осужденных и количестве ИТК за 1991 г.” Архив ГУИН МВД России. Инв. № 45.

³ Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с теми же последствиями можно расценивать как менее строгую замаскированную форму того же лишения свободы. Фактическое введение этого вида наказания в 1970 году (в УК введена в 1977 г.) обусловили две причины: недостаток мест в ИТК и потребность в дешевой рабочей силе в трудных условиях жизни и работы. Нельзя исключать и элементы ресоциализации. В новых политических и экономических условиях она утратила свою значимость и была отменена в соответствии с законом от 18 февраля 1993 г. (Российская газета. 1993. 6 марта).

⁴ *Tornudd P. Fifteen Years of Decreasing Prisoner Rates in Finland. A report presented to a Study Group from Western Australia in 1991 with a Postscript 5 November 1993*. Helsinki, 1993. P. 21; *Crime and Criminal Justice in Europe and North America. 1986—1990*. Helsinki, 1995. P. 44.

⁵ *Романов А. К.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в тюрьмах. По материалам спец. переписи 1989 г. М., 1991; *Михлин А. С.* Общая характеристика осужденных (специальная перепись 1989). М., 1991.

⁶ *Walmsley R. Developments in the Prison Systems of Central and Eastern Europe*. HEUNI. Paper № 4. Helsinki, 1995. P. 9.

^{6a} *Walmsley R. Prison Systems in Central and Eastern Europe*. Publication Series № 29. HEUNI. Helsinki, 1996.

⁷ Результаты Четвертого обзора ООН по вопросу о тенденциях в области преступности и функционировании систем уголовного правосудия. Промежуточный доклад, подготовленный Секретариатом. A/CONF. 169/15. 20 Dec. 1994. P. 2.

⁸ Там же. P. 36.

⁹ Там же. P. 35.

¹⁰ Там же. P. 40—41.

¹¹ *Winfrey L. Th., Sellers Ch. S. Responding to a legislated change in correctional practices: a quasi-experimental study of revocation hearings and parole board actions // J. of criminal justice*. 1990. Vol. 18. № 3. N. Y. ets. P. 195—215; *Роджерс Р.* Исследование новых видов наказания в исправительной системе США // Криминологические исследования в мире. М., 1995. С. 141—147.

¹² *Prisons in Denmark*. Copenhagen, 1990.

¹³ Российская газета. 1922. 21 июля.

¹⁴ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и Основные правила обращения с заключенными // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк, 1992. С. 103—144.

¹⁵ *Walmsley R.* Op. cit. P. 40—41.

¹⁶ Демографический ежегодник СССР. М., 1990. С. 362—363; СССР и зарубежные страны. 1990. Статистический сборник. М., 1991. С. 25—28.

¹⁷ *Tomasevski K.* Prison Health. HEUNI. Helsinki, 1992. P. 4—188.

¹⁸ *Кириллов А.* Их дом — тюрьма // Российская газета. 1995. 8 июля; *Куликов А. С.* Интервью Министра внутренних дел // Российская газета. 1995. 10 нояб.

¹⁹ *Роджерс Р.* Указ. соч. С. 146.

²⁰ Российская газета. 1995. 24 авг.

²¹ Research Workshop Document. Vol. I. Prepared for Research Workshop on Alternatives to Imprisonment. UNICRI, Rome, 1990. P. 275—390; *Morris Norval, Tonry Michael.* Between Prison and Probation. Intermediate Punishments in a Rational Sentencing System. New York—Oxford, 1990; *Bondenson Ulla V.* Prisoners in Prison Societies. Transaction Publishers. New Brunswick (U. S. A.) and Oxford (U. K.). 1989. P. 205—276.

Глава 16

Прогноз преступности

1. Прогноз преступности в мире

Прогноз преступности в мире, его отдельных регионах и странах к началу третьего тысячелетия неблагоприятен. Это не означает, что всюду следует ожидать высоких темпов прироста преступности или выравнивания ее интенсивности. Традиционные различия по регионам и странам в характере, уровне, структуре, динамике и даже темпах прироста скорее всего сохранятся, поскольку их причины являются глубинными. Наряду с этим будут и ситуационные различия. Общая результирующая преступности в мире будет продолжать ползти вверх. Средний прирост ее может находиться в пределах 3—5% в год и более.

К такому пессимистическому варианту прогноза приводят и экстраполяция имеющихся тенденций, и экспертные оценки возможной криминологической обстановки в мире, и моделирование причинной базы преступности будущего, и широкий системный анализ всей совокупности криминологически значимых сведений прошлого, настоящего и возможного будущего.

Наипростейший метод прогноза преступности, представляющий собой распространение тенденций преступности прошлого и

настоящего на ближайшее будущее (экстраполяция), дает возможность прогнозировать ее уровень в количественном выражении. При выработке экстраполяционного прогноза обычно исходят из того, что социальные, экономические, демографические и сугубо криминологические явления и процессы в основе своей сохранятся более или менее неизменными в прогнозируемом будущем¹. Частные отклонения могут не приниматься в расчет, так как они не изменяют общих глобальных тенденций. Но надо иметь в виду и другое: общество — система открытая и его будущее является не только продолжением прошлого и настоящего. Социальные мутации могут быть почти неожиданными. Человечество, например, создало достаточно гарантий для предотвращения третьей мировой войны, но они не являются абсолютными. Случайности возможны. Нельзя не учитывать и того, что в мире нет доктрины выжить всем. Но есть разработки о выживании США и других развитых стран, где для России пока не находится места. А это может радикально изменить криминологическую обстановку в мире.

Применительно к отдельной стране возможности наступления таких случайностей возрастают. Обратимся к тенденциям преступности в СССР в 1956—1991 годы (см. главу 2). Если статистический ряд преступности за 1965—1985 годы (20 лет — очень серьезная временная база для прогноза) экстраполировать на ближайшие три года, то в 1988 году уровень преступности мог бы достигнуть 2,5 млн. учтенных деяний. Фактически было зарегистрировано 1,9 млн. Расхождения существенны, но объяснимы: начало горбачевской перестройки, появление у народа надежды на положительные изменения, абсурдная, но “результативная” борьба с пьянством и др. И хотя упомянутые события имели много сомнительного, уровень преступности “отреагировал” на них большим “провалом”. Правда, как только фикция этих событий стала очевидной, он “вернулся” на свои объективные позиции: в 1989 году было зафиксировано 2,5 млн. преступлений, в 1990 году — 2,8, в 1991 году — 3,2 млн. И если бы прогноз преступности рассчитывался не на 3, а на 5 лет, то он бы полностью оправдался.

Вернемся, однако, к прогнозу реальных тенденций преступности в мире. Все предшествующие главы книги были посвящены главным образом анализу состоявшихся тенденций преступности и ее отдельных видов в мире, его регионах и странах. Он показал, что мировое сообщество не располагает полными и точными сведениями о преступности на планете. Таковых нет и по отдельным странам. Всюду велика латентная (незаявленная, невыявленная, неучтенная, неустановленная) преступность. Недостатком общемировых данных является еще и то, что далеко не все страны их представляют, а полученные показатели не всегда сопоставимы. Сведения о преступности ООН собирает четверть века. К настоящему времени, как известно, было четыре пятилетних обзора по миру в целом и по регионам: 1970—1975, 1976—1980, 1980—1985, 1985—1990 годы².

Автор участвовал в составе группы экспертов ассоциированно-го с ООН Европейского института по предупреждению преступности и контролю над ней (HEUNI), анализирующих ответы государств на вопросник Четвертого обзора по региону Северной Америки и Европы, включая территорию бывшего СССР³. При самой критичной оценке имеющихся данных эксперты Четвертого и предшествующих обзоров приходили к одному и тому же выводу: динамические ряды преступности, неполно отражая ее уровень, более или менее адекватно показывают реальные тенденции ее интенсивного роста. На этом и был построен один из прогнозов ООН, графическое изображение которого целесообразно привести еще раз, но уже не как иллюстрацию уровня преступности, а как прогноз ее до 2000 года.

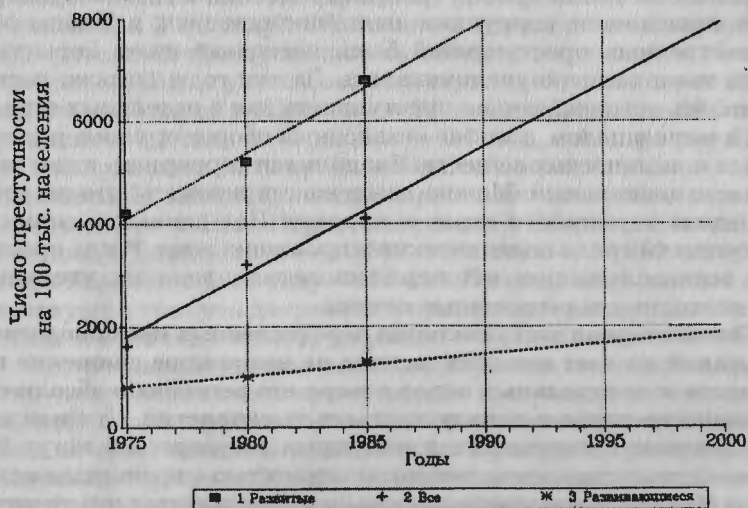

Рис. 1. Прогноз преступности в мире до 2000 г.

Прогноз этот производился после Третьего обзора, т. е. по данным 80-х годов. Прогнозируемый уровень на 1990 и 1995 годы в основных тенденциях подтвердился. Нет никаких оснований полагать, что в ближайшие годы произойдут какие-либо чрезвычайные события мирового криминологического значения, которые могут разрушить эти объективные предположения. Я говорю об основных тенденциях, имея в виду в данном случае тенденции роста преступности, опережающие рост народонаселения, тогда как численные величины предполагаемого уровня преступности могут существенно расходиться с наступившими реалиями, быть более оптимистичными, более пессимистичными или усредненными. Прогноз всегда многовариантен. Но, к сожалению, в мире и отдельных странах чаще всего сбываются пессимистические варианты криминологических предсказаний.

Итак, предшествующий анализ показал: преступность в мире за последние 30—40 лет увеличилась в среднем в 3—4 раза, на

территории бывшего СССР — в 6—8, в США — в 7—8, в Великобритании и Швеции — в 6—7, во Франции — в 5—6, в Германии — в 3—4, в Японии — в 1,5—2 раза и т. д. По данным Четвертого обзора ООН за 1985—1990 годы, преступность в мире увеличивалась в среднем на 5% в год.

Аналогичные результаты были получены и при анализе различных видов преступного поведения. Наиболее интенсивно росла корыстная преступность. Предсказание французского историка Эрнеста Ренана, сделанные в конце прошлого столетия: "...Тенденция нашей эпохи стремится к тому, чтобы заместить во всем моральные двигатели материальными"⁴, сбывается и в криминальной деятельности. Росли кражи, грабежи, мошенничество, злоупотребления, присвоения, коррупция, взяточничество и т. д. Темпы роста насильственных преступлений были несколько ниже корыстных, но они тоже заметно увеличивались. За эти годы широко распространилась организованная преступность как в отдельных странах, так и в мире в целом, а также незаконный оборот оружия, радиоактивных и химических веществ. Увеличился терроризм, в том числе и транснациональный. Можно даже констатировать, что он дошел до предела терпимости стран и народов. Нет данных о снижении преступности среди политических и правящих элит. Росла преступность военнослужащих, несовершеннолетних, женщин, увеличивались повторные и рецидивные деяния.

Элементарная экстраполяция перечисленных криминологических реалий не дает никаких надежд на возможное снижение преступности и ее отдельных видов в мире, его регионах и абсолютном большинстве стран к началу третьего тысячелетия. Стабилизация или снижение преступности в некоторых государствах могут быть скорее всего исключением, чем закономерностью и временным исключением. На глобальном уровне должно было бы случиться что-то экстраординарное и особо криминологически значимое, чтобы изменить доминирующую тенденцию абсолютного и относительного роста криминальных явлений, который однозначно проявился в текущем столетии, особенно после второй мировой войны.

Ожидаемый усредненный коэффициент учтенной (!) преступности в мире в пределах 6—8 тыс. на 100 тыс. населения земли чрезвычайно велик. Если, например, учесть, что к 2000 году на земле, как предполагают демографы, будет жить около 6 млрд. жителей, то это означает, что за один только год человеческое сообщество будет продуцировать до 350—450 млн. зарегистрированных преступлений. Их фактическое число с учетом латентности может быть в 2—3 раза больше. По подсчетам некоторых ученых, 350 млн. преступлений было совершено уже в 1975 году, а к 1990 году эта цифра возросла до 500 млн. деяний^{4а}.

Если предположить, что люди начнут совершать преступления лишь с 2000 года, то потребуется 15—20 лет, чтобы число преступников статистически приблизилось к общей численности населения.

Реально криминализация населения, которое будет жить в 2000 году, началась, исходя из средней продолжительности жизни, после второй мировой войны, т. е. со времени, когда преступность в мире стала международной проблемой. Расчеты демографов показывают, что численность населения в конце века будет прирастать примерно на 100 млн. в год. Это в 3—5 раз ниже, чем “предполагает” расти преступность, но полностью соответствует современному положению: общий прирост населения земли ныне составляет 1—1,5, а преступности — 5% в год. С учетом латентных преступлений разрыв между темпами прироста населения и преступности может быть большим.

В основе пессимистических выводов лежит тот самый усредненный 6—8-тысячный коэффициент преступности. Реально ли его достижение к 2000 году? Обратимся к данным сегодняшнего дня. Число учтенных преступлений на 100 тыс. населения в 90-е годы составило в США (с учетом всех преступлений, а не только индексных) около 15 тыс., в Швеции — 14 тыс., в Дании — 10,5 тыс., в Германии — 8,3 тыс., во Франции — 6,7 тыс., в Австрии — 6,3 тыс. Этот список может быть продолжен. Особо криминогенны крупные мегаполисы. В 1990 году, например, только по восьми серьезным преступлениям в Нью-Йорке совершено 9700 деяний на 100 тыс. населения, в Вашингтоне — 10 800, в Майями — 19 000, а в объединенном Берлине в 1994 году — 15 850. Приведенные данные свидетельствуют о том, что достижение прогнозируемого уровня по миру в целом к 2000 году вполне реально.

Экстраполяция динамических рядов уровня латентности преступности, числа выявляемых преступников, раскрываемости преступлений, судимости и других показателей социально-правового контроля также не несет ничего оптимистичного. Уровень латентности увеличивается или, по крайней мере, не уменьшается, раскрываемость преступлений и выявляемость правонарушителей не растет. На фоне роста преступности судимость снижается. Абсолютные числа лиц, совершивших преступления и по разным причинам не понесших наказания, растут. Эти неоднозначные (позитивные и негативные) данные квалифицируются мною как криминологически значимые признаки отставания социально-правового контроля от интенсивно растущей преступности, как желаемая гуманизация уголовного правосудия и как нежелательное ослабление борьбы с преступностью.

Нет никаких данных о том, что правоохранительные органы в прогнозируемом будущем будут полнее регистрировать совершенные преступления, что они научатся раскрывать все учтенные деяния и устанавливать виновных лиц, что уголовно-правовой контроль за преступностью не будет отставать от ее роста. Уголовная юстиция и правовая база ее деятельности — системы малоподвижные и инерционные. Для серьезного изменения ее практической деятельности нужны новая философия и стратегия борьбы с преступностью, большие капитальные вложения, высококлассные кадры и передовое техническое оснащение. А этого, к сожалению, в

большинстве стран и в мире в целом нет. Следовательно, контроль над преступностью в прогнозируемый период скорее всего сохранится на нынешнем уровне со слабой тенденцией к улучшению. Более того, дальнейшее отставание социально-правового контроля от растущей преступности может явиться дополнительным криминогенным фактором, детерминирующим ее более интенсивный рост.

Наряду с интенсификацией преступности будут усиливаться давно сформировавшиеся тенденции ее структурно-качественных изменений в направлении большей интеллектуализации, организованности, изощренности, вооруженности, технической оснащенности, приспособительности, коррумпированности, выживаемости и самозащищенности.

С ростом преступности и ее общественной опасности прямо и сильно коррелирует динамика административных и иных правонарушений, аморальных явлений, пьянства, наркомании, токсикомании, самоубийств, проституции, бродяжничества, нищенства, распада семей, безотцовщины, детской беспризорности и безнадзорности, дезаптации взрослых и детей, иных социальных отклонений, а также психических расстройств и других фоновых явлений⁵. Есть объективные основания к тому, что в ближайшие годы девиантное поведение и иные фоновые явления будут возрастать, а значит, и расширять причинную базу преступности. Во всяком случае, и по этим признакам у нас нет сколько-нибудь значимых доказательств снижения криминогенности социальных условий.

Нельзя не сказать и еще об одном повседневном, но крайне важном социально-психологическом процессе, который приучает людей, особенно детей и молодежь, к преступности, превращая криминальное поведение в обыденный и неотъемлемый атрибут жизни. В параллельном мире кино, телевидения и популярного чтения в последнее десятилетие абсолютно доминирует криминальная тематика. Этим особенно отличается американская кино- и телепродукция, которая заполонила кинотеатры и телевизионные программы многих стран мира. Американский преступный образ жизни стихийно или направленно внедряется в сознание людей, и особенно молодежи, самих США и других стран. Однако если в США к этому вырабатывается социальный иммунитет, то жители других стран пока беззащитны перед нравственно разрушительным зрелищем.

По некоторым подсчетам, по российскому телевидению в день показывается до 20—30 криминальных сюжетов зарубежного или отечественного производства, которые зеркально отражают (и отражаются) в криминальной действительности. Но главная беда в другом: фильмы, книги, телепрограммы о насилии, убийствах, грабежах, кражах, мошенничестве и других преступлениях смотрятся и читаются с большим интересом, чем о тех или иных добродетелях, поскольку “падают” на “греховную” человеческую природу⁶. Дж. Стейнбек в “Путешествии с Чарли в поисках Америки” справедливо замечает: “Мы ценим добродетель, но в обсуждение ее вда-

ваться не любим. Честный бухгалтер, верная жена, серьезный ученый интересуют нас несравненно меньше, чем растратчик, бродяжка, шарлатан". Эту "тягу" в первую очередь и используют создатели криминальной продукции.

Криминализация зрелищ усиливается. В США, Англии, Франции и других странах принимаются жесткие меры по ограничению насилия и порнографии на телевизионных экранах, особенно в часы, когда телепередачи смотрят дети⁷. Тенденция ужесточения несомненно будет продолжена и воспринята в других странах. Какие-то меры принимаются и в России. Но в ближайшие годы это мало что изменит. Современные люди уже развращены криминальными зрелищами и инстинктивно тянутся к ним, несмотря на запоздалые ограничения. Данная тенденция тоже не вселяет надежд на возможное сокращение преступности.

Я оставляю за рамками прогнозного криминологического анализа социально-экономическую и политико-правовую ситуацию в мире, его отдельных регионах и странах. Она сложна, противоречива и далеко не однозначна применительно к прогнозируемой преступности. Она неодинаково влияет на рост преступности в развитых, развивающихся и переходных странах.

Высокая преступность в богатых, индустриально развитых и демократических странах и относительно низкая преступность в бедных развивающихся странах, а также в постсоциалистических государствах перечеркнули надежды криминологов начала XX века, полагающих укоротить преступность в процессе социально-экономического и политического развития. Многообразии современных социально-экономических детерминантов так велико, что они, с одной стороны, обуславливают преступность нищеты и слабо адаптированных субъектов, а с другой — не удерживают от преступности богатых, интеллектуально развитых и высокопоставленных лиц. Речь может идти лишь о преобладании "босаяцкого" или "беловоротничкового" аспекта преступности в связи с тем или иным уровнем социально-экономического и политико-правового развития.

Бесспорным остается одно, что "беспреступных" моделей общественного и государственного устройства в мире, к сожалению, не оказалось. Есть более или менее оптимальные модели общественно-правового устройства, например японская, где удачно сочетаются историческое прошлое и современное настоящее, национальное и иннациональное, что позволяет удерживать преступность на относительно низком уровне. Большинство стран развивается через разрушение исторически традиционных форм социального контроля. Революции XX века оставили здесь свои негативные следы.

В итоге, к каким бы сторонам и аспектам самой преступности, ее фоновых явлений, социально-экономических и политико-правовых детерминантов не обратиться, трудно найти убедительные доказательства, противоречащие нашему основному прогностическому выводу о продолжающемся интенсивном росте преступности на

переходе тысячелетий, о выходе проблемы преступности на одно из первых мест мировых и национальных угроз. Борьба с преступностью в мире в третьем тысячелетии привлечет под свои знамена значительную часть социальной науки и практики. И если мировому сообществу удастся предотвращать мировые и региональные войны, то на земле останется только одна война, позиционная и долгая, — война с преступностью. Она потребует не меньших затрат, чем те, которые поглощает современная оборона.

2. Прогнозирование и прогноз преступности в России

Попытки прогнозирования преступности в СССР (России) предпринимались с начала 70-х годов. В 1970—1971 годы в союзном МВД был составлен первый прогноз преступности по стране на 1971—1975 годы путем экспертного опроса 150 ученых и практиков, в результате которого было выявлено мнение специалистов о возможности прогнозирования преступности, определена вероятностная совокупность криминогенных и антикриминогенных факторов, прикинута динамика этих факторов в прогнозируемое пятилетие и получены суждения экспертов об ожидаемой преступности⁸. Однако это важное начинание, возникшее в период бума криминологических исследований в стране, после проведения нескольких опытов не переросло в системное прогнозирование преступности.

С началом перестройки в конце 80-х годов МВД СССР, а затем и РФ вернулись к этой проблематике. На основе анализа данных уголовной и социально-экономической статистики, прогностических исследований и экспертных оценок ведущих криминологов ИГП РАН, МГУ, НИИ прокуратуры в Академии, а затем в НИИ МВД началось более или менее регулярное прогнозирование преступности.

Как член экспертной группы, я располагаю прогностическими выводами последних лет. Далеко не со всеми заключениями можно согласиться, поскольку на окончательных вариантах прогноза лежит печать ведомственной заинтересованности. Официальные окончательные выводы никогда экспертами не обсуждались и конкур-дация их мнений не проводилась.

Приведу один пример. В прогнозе преступности на 1993—1994 годы говорится, что “по сравнению с 1992 годом в Российской Федерации в 1993 году произойдет рост преступности на 17—22% и абсолютное число зарегистрированных криминальных проявлений достигнет 3,2—3,4 млн. В 1994 году по сравнению с предыдущим годом прирост, вероятно, будет равняться 16—20%, а число деяний возрастет до 3,8—4,4 млн.”⁹. Это предположение исходило из реальных тенденций преступности предшествующего пятилетия и объективной оценки вероятного развития ее причинной базы. В нем не были учтены лишь возможности МВД по реальному и “бумажному” регулированию преступности, необходимость в котором возникла после жесткой критики властями деятельности органов внутренних дел в середине 1992 года.

В итоге, несмотря на очевидное ухудшение криминологической обстановки, в 1993 году было зарегистрировано только 2,8 млн. а в 1994 году — 2,6 млн. преступлений. Расхождения существенны. Объяснить их можно трояко: 1) прогноз глубоко ошибочен; 2) правоохранительные органы целенаправленно и реально “разрушили” прогноз эффективной работой; 3) правоохранительные органы, боясь ответственности за прогнозируемый рост преступности и не имея возможности сбить ее волну, “разрушили” прогностические выводы на бумаге. Если признать наш вывод о регулируемости российских криминологических показателей (глава 4) адекватным, то приходится склониться к последнему варианту с вылетением некоторых элементов первых двух.

Однако в следующем прогнозе уже говорилось: “В 1993 году наметилась тенденция постепенного замедления роста преступности... В основе появившихся позитивных сдвигов лежит действие антикриминогенных факторов, связанных с активизацией сопротивления преступности”¹⁶. Борьба с преступностью действительно несколько оживилась, но не настолько, чтобы в 1994 году произошло снижение ее уровня. Неадекватность ведомственного вывода подтверждается ростом преступности в 1995 году. Она увеличилась на 4,7%, а отдельные группы деяний, например, экономические — на 70,5, в том числе контрабанда — на 91,4%.

Критически оценивая некоторые стороны ведомственных прогнозов, нельзя забывать, что от криминологического прогнозирования не следует ожидать точных данных о количестве учтенных преступлений. Главная цель прогноза — выявление возможных вариантов развития преступности на основе тенденций криминогенных и антикриминогенных факторов. Именно поэтому прогнозирование преступности является вторичным по отношению к предвидению социальных явлений и процессов в самом широком их понимании, с которыми она причинно связана.

В советское время перечень демографических, экономических, социальных, правоохранных и других сведений, которые были бы желательны для обоснованного криминологического прогнозирования, включал в себя около 450 конкретных признаков¹¹. В настоящий переходный период содержание многих признаков серьезно изменилось, но не стало меньшим. Каждый из признаков и особенно их взаимосвязанная совокупность так или иначе влияют на реальный, а следовательно, и на прогнозируемый уровень преступности и ее структуру.

Если оценивать прогнозные выводы 90-х годов о возможной преступности в России с учетом сказанного, то все они более или менее адекватно отражали основные тенденции роста реальной преступности и ее структурные сдвиги в сторону повышения тяжести, общественной опасности и корыстности преступлений.

Масштабы преступности на территории бывшего СССР (России), где она много лет удерживалась на относительно низком уровне,

в настоящее время приобретают угрожающий характер. В России сформировались разнообразные субкультуры преступного мира, в том числе и мафиозного. Некоторые слои населения практически не мыслят своей жизни (не хотят, а часто уже и не могут) без противоправной и криминальной деятельности.

В России до настоящего времени не разведены понятия “свобода” и “вольница”. “Вольница — это когда человек, от природы наделенный достаточным внутренним самоконтролем, самодисциплиной и совестью, вырывается из-под власти силы и закона и обретает возможность поступать так, как ему заблагорассудится. Один подается в преступники. Другой не считает себя связанным законом и служебными обязанностями... Третий ни в грош не ставит обязательства по контракту... Четвертый, добравшись избрания в какой-нибудь правительственный орган, воображает себя вершителем судеб... Вариантов миллионы, суть одна: вольница — это наглый анархизм, отсутствие или фактическое крушение власти, глубочайший кризис нравственных норм и авторитетов. Вольница одного неизбежно оборачивается произволом по отношению ко всем остальным”¹².

Интенсивный рост преступности в совокупности с безнаказанностью преступников стал важным фактором социально-психологической жизни общества. Он порождает у населения чувство страха и тревоги за свою жизнь и благополучие, а также недоверие к органам власти, управления и правоохраны. Потерпевшие и свидетели не обращаются в органы внутренних дел, так как не надеются встретить там законной и доброжелательной реакции и результативного расследования. Поколеблено доверие к прокуратуре и суду. Страх перед преступностью и безысходность положения становятся повседневностью, снижая порог терпимости к преступности. Беспомощность перед преступностью в полной мере осознают сотрудники органов уголовной юстиции (милиции, прокуратуры, судов, исполнительных учреждений), которая оказалась в глубоком кризисе при разрушенном кадровом ядре, снижении профессионализма и слабом материально-техническом обеспечении.

В большинстве своих ипостасей преступность стала характеризоваться выраженной корыстной направленностью. “Окорыствуется” даже бытовое насилие. Идет процесс относительного вытеснения из сферы корыстной преступности примитивного уголовного типа интеллектуальным и предприимчивым преступником с новыми, более изощренными способами и формами преступной деятельности и отвергающим любую мораль, в том числе и старую воровскую. Продолжается усиление криминальной направленности в коммерческой деятельности. Многие предприниматели, имеющие опыт деятельности в подпольном бизнесе и теневой экономике, где конфликты интересов не могли решаться правовыми методами, привнесли его в легальные экономические отношения. Этому способствуют и беспомощность правоохранительных органов, и загруженность судов, и отсутствие эффективной службы судебных исполнителей.

Общегуловная корыстная преступность (кражи, грабежи, разбои) стимулируется снижением у населения порога требовательности к источникам приобретения товаров и расширением круга потенциальных покупателей краденого. С корыстной мотивацией сочетаются агрессивно-разрушительные побуждения противоправного поведения, сопровождающегося насилием и уничтожением материальных ценностей.

Растет насилие. Последнее приобретает все более “результативный” характер (уменьшение доли покушений) с очень тяжелыми последствиями. Оно коррелирует с интенсивным ростом хищений и утрат оружия и боеприпасов, нелегальным распространением их в стране и все более широким применением в преступной деятельности. “Кадровая” база корыстной, корыстно-насильственной и насильственной преступности постоянно расширяется за счет увеличения маргинального слоя безработных и бездомных, особенно среди беженцев, молодежи и подростков.

В результате беспрецедентного расслоения общества, растущей безработицы и сокращения армии на социальное “дно” попадает значительное число квалифицированных специалистов. Это усиливает процесс “интеллектуализации” и профессионализации преступности. Особые качественные изменения связаны с появлением в криминальной среде хозяйственных руководителей, офицеров, специалистов по технологиям и анализу информации, владеющих оружием, и т. д.

Рост безработицы среди заключенных, преобладание среди них наиболее опасных субъектов, а также переполнение следственных изоляторов и ИТУ превращают места заключения в настоящие “университеты преступности”, где формируется самая дерзкая и беспощадная часть организованной, корыстной и насильственной преступности.

При всех особенностях исторического развития России (СССР) в XX веке преступность в ней развивается по давним мировым законам, хотя и с известной советской и российской спецификой. Во всяком случае, прогностические предположения о развитии преступности в мире до 2000 года полностью распространяемы и на возможные тенденции отечественной преступности. Отличия могут быть лишь в количественных значениях. Регистрируемая преступность в России в ближайшее пятилетие не достигнет 6—8-тысячного уровня преступлений в расчете на 100 тыс. населения.

Предположить, что она за эти годы увеличится в 3—4 раза, практически невозможно. Это “не вынесет” и “не допустит” российская система уголовной юстиции. Когда я говорю “не вынесет”, я имею в виду то, что она не в состоянии переработать такой вал преступности, даже если будет заниматься только регистрацией событий и поверхностной следственной практикой. А рассчитывать на подтягивание ее численности, профессиональной подготовки и технического оснащения к объективным криминологическим реа-

лиям в ближайшие трудные годы не приходится: нет ни денег, ни кадров, ни других возможностей. Когда же я говорю "не допустит", то я имею в виду давнюю высокоразвитую способность милиции и других правоохранительных органов регистрировать только то, что они в состоянии как-то расследовать. Как и в советское время, продолжает действовать санкционированная нажимом и молчаливым согласием их руководства традиция доказывать начальству (а не народу) свою способность бороться с преступностью фальсифицированным путем, т. е. путем выборочной регистрации преступлений.

Реальная преступность (учтенная + латентная) в 2000 году может вплотную подойти к 6—8-тысячному уровню в расчете на 100 тыс. населения, а регистрируемая преступность — к 3 тыс. при абсолютных показателях, близких к 5 млн. преступлений в год.

Полученные данные приближают преступность в России к национальному порогу качественного и количественного насыщения, за которым "дрейфующий" уровень терпимости народа может оказаться в положении "переполненной чаши", в связи с чем криминальность общества из криминологической и правоприменительной проблемы может превратиться в острую политическую проблему, а то и катастрофу, решение которой подталкивает общество к качественным изменениям социально-правовых и политических характеристик. В этих условиях авторитаризм, обещающий беспощадную борьбу с преступностью, может быть воспринят значитель-

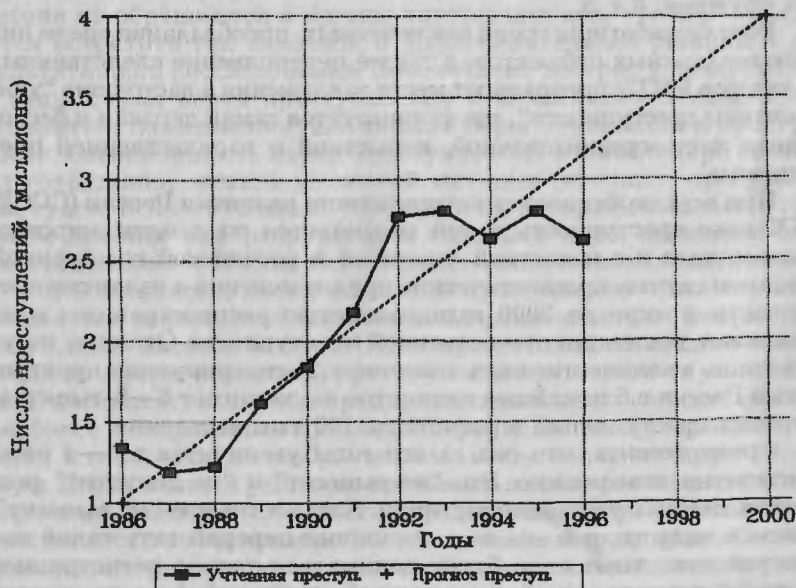

Рис. 2. Экстраполяция уровня преступности в России за 1986—1996 годы и до 2000 г.

ной частью общества как избавление от криминального кошмара. С открытой уголовной преступностью авторитаризм временно как-то справиться может, но его собственные криминальные злоупотребления будут опаснее контролируемой уголовщины.

В работах 1993—1996 годов¹³ я высказывал предположение, что таким пределом может быть уровень регистрируемой преступности в 5 тыс. деяний на 100 тыс. населения. Я придерживаюсь этого расчета и в настоящее время, но с некоторыми коррективами, обусловленными растущей латентностью деяний. Она способна привести к тому, что запредельным уровнем учтенной преступности будет более низкий КП, чем в 5 тыс. Об этом свидетельствуют реальная криминологическая обстановка в стране и предвыборные баталии 1995 и 1996 годов, в которых борьба с растущей преступностью стала одной из важных политических карт, которую активно разыгрывали политические претенденты с авторитарными программами.

Реалистичный прогноз позитивных социальных явлений мобилизует людей на то, чтобы они осуществились, а прогноз, который в этом случае именуется “самоорганизующимся”, оправдался. Обоснованное предвидение интенсивного роста преступности требует от общества, государства и правоохранительных органов принятия таких мер, которые бы предотвратили или хотя бы минимизировали разрушительные криминальные последствия, т. е. разрушили бы прогноз, в связи с чем он называется “саморазрушающим”. Цивилизованное разрушение реалистичного криминологического прогноза является важнейшей государственной задачей. Но с ней ничего общего не имеет разрушение прогностических выводов путем фальсифицированного учета преступлений.

Уровень отдельных видов преступлений в прогнозируемый период будет расти. Но этот рост не будет равномерным и сопряженным. Более интенсивно будут увеличиваться тяжкие преступления, чем иные, корыстные, чем насильственные, организованные и групповые, чем одиночные, и т. д. Предполагаемые структурные сдвиги связаны не только с неравномерным ростом различных групп преступлений, но и с неравномерным учетом их, большая полнота которого, исходя из ограниченных возможностей правоохранительных органов, будет “дрейфовать” в сторону тяжких (которые нельзя скрыть) и очевидных (которые не требуют расследования) деяний. Это приведет к дальнейшим структурным перекосам учтенной преступности, на фоне которых будет увеличиваться латентная экономическая и другая глубинная преступность.

Политическая преступность (злоупотребления властей против своего народа в политических целях) в сталинском варианте маловероятна. Но при приходе к власти коммунистов, национал-патриотов и некоторых других радикальных партий и блоков уголовная ответственность по политическим мотивам, закамуфлированная под должностные, корыстные и экономические преступления, может быть вполне реальной. Уголовное преследование по скрытым политическим

мотивам, квалифицируемое как злоупотребление служебным положением, превышение властью, коррупция и другие должностные деяния, против конкретных лиц нынешней правящей элиты возможно и при ином раскладе политических сил. Террористические акты, заказные убийства и другие насильственные посягательства против политических противников в тайной форме наличествуют уже сейчас. Их число в ближайшие годы скорее всего будет расти.

Темпы прироста реальной **корыстной** преступности останутся в прогнозируемый период наиболее высокими (до 10—15% и более в год). Одновременно будут снижаться их раскрываемость и расклатентность. Но и в этом случае учтенная корыстная преступность будет увеличиваться интенсивнее других видов. Ее доля в структуре регистрируемой преступности будет приближаться к 90%. В прогнозируемый период получают распространение новые способы совершения преступлений с использованием формирующихся рыночных отношений и современных достижений науки и техники: фиктивные хозяйственные операции, создание лжепредприятий, махинации с ценными бумагами, незаконная эмиссия ценных бумаг, хищения путем внедрения в телекоммуникационные и компьютерные сети банков, промышленный шпионаж, посягательства на интеллектуальную собственность, нарушения патентных прав, нецелевое использование кредитов, налоговые преступления и др.

Если продолжится затягивание с принятием законов о борьбе с коррупцией, то завуалированная коррупционная деятельность заметно расширится. Приход в законодательные и исполнительные структуры власти новых людей, оказавшихся на обочине прошедшей криминальной приватизации, лишь увеличит коррупционную деятельность. Для надежд на высоконравственную и правоуважающую политическую и правящую элиту пока нет необходимых оснований.

Насильственная преступность, особенно терроризм, умышленные убийства, тяжкие телесные повреждения и насильственно-корыстные деяния (бандитизм, разбой, грабеж, вымогательство) могут увеличиться в среднем на 5—10% в год. Официальная раскрываемость их может стабилизироваться и будет выше раскрываемости корыстных и особенно экономических преступлений.

Дальнейший рост **организованной** преступности существенно будет зависеть от способности (и предоставленной возможности) правоохранительных органов развернуть борьбу против ее высшей формы — институциональной мафиозной преступности, связанной с использованием государственных, общественных и политических институтов. Рост числа организованных групп уголовной направленности может несколько уменьшиться на основе процесса консолидации, структурирования и других форм организационного переустройства, а также как результат внутренних разборок. Преступные организации продолжают свое проникновение в легальный бизнес, под “крышу” собственных коммерческих структур, к партнерству с экономической преступностью. Возникнут крупные преступ-

ные объединения, контролирующие различные сферы экономики, конкретные регионы и территории. Расширится глубоко законспирированная связь преступных организаций с коррумпированными должностными лицами в структурах власти и управления, правоохранительных и контролирующих органов, а также прямое проникновение в них ставленников организованной преступности.

Организованная преступность в еще большей мере будет "сдвигаться" к поставкам незаконных товаров и услуг (оружие, алкоголь, наркотики, секс-бизнес и др.), не упуская из своих рук контрабандный ввоз и вывоз высокодоходных товаров, металлов, энергоресурсов, сырья и т. д. Российская организованная преступность разных оттенков продолжит свое стремление к транснациональной криминальной деятельности, к расширению своих контактов с международными преступными организациями Европы, Северной Америки, Ближнего Востока, Прибалтики, Китая, Турции, стран СНГ и других государств. Иностранные и отечественные организованные преступники имеют общие интересы: заполнить огромный рынок России "иррациональными" товарами и услугами, использовать ее "неисчерпаемые" ресурсы в дальнейшей контрабандной деятельности и извлечь максимальную пользу из правовых "дыр" России при отмывании "грязных" денег, приватизации за бесценок государственных предприятий и приобретения недвижимости. Российская организованная преступность и ее лобби сделают все возможное, чтобы закон о борьбе с организованной преступностью не был принят или его принятие растянулось на неопределенное время.

Преступность в Вооруженных Силах и других воинских формированиях России по своим абсолютным показателям в связи с сокращением войск, неукомплектованностью военнослужащими срочной службы, расширением контрактной системы может и не показывать заметных тенденций к увеличению, но в расчете на 100 тыс. военнослужащих рост будет интенсивным. Воинские преступления будут продолжать доминировать в структуре преступности военнослужащих. Структура преступлений по категориям субъектов в основе своей сохранится прежней: в 85—90% случаев к уголовной ответственности будут привлекаться рядовые и сержанты. Сильным криминогенным фактором останутся "чеченский", "афганский" и "таджикский" синдромы. Престиж военной службы будет восстанавливаться медленно и не раньше 2000 года. Растущая безработица среди молодежи может привести на военную службу по контракту многих юношей и девушек, что может позитивно сказаться на воинской дисциплине. При этом не следует забывать, что в нашей армии многие разумные начинания не раз превращались в свою противоположность.

Криминальность политической и правящей элиты будет также высокой, но еще более латентной, так как под давлением общественного мнения и четвертой власти правовой контроль над пра-

вящими кругами медленно и противоречиво будет расширяться, но он еще долго будет оставаться поверхностным и декларативным. Беспрецедентный рост преступности и возмущение электората могут вынудить законодателей и правящую элиту в целом начать, хотя бы для отвода глаз, наведение правового порядка с самих себя. В целях демонстрации народу своей приверженности к законам правящая элита вынуждена будет отдать "на съедение" уголовно-правосудию некоторых своих одиозно-криминальных представителей. Однако дальше частных случаев борьба с преступностью среди правящих кругов в ближайшие годы не продвинется, если страна не вступит в полосу нового радикализма. Но и в данном случае эта борьба будет больше политической, чем правовой.

Преступность в межнациональных конфликтах может стабилизироваться и даже сократиться. Страшные разрушительные последствия прежних межнациональных вооруженных столкновений и их политическая **безрезультативность** стали для многих воинственно настроенных кругов и особенно для народов очевидными. Об этом свидетельствуют примирительные шаги в Азербайджане, Армении, Грузии, Молдове, Чечне и даже в Таджикистане, Чечне и бывшей Югославии. Стремление некоторых политических партий в России и других странах, образованных на территории бывшего СССР, восстановить Союз с помощью диктата может быть чревато межнациональными столкновениями. Однако такое развитие событий мало вероятно.

Особо тревожным может оказаться рост **преступности маргинальных слоев**, главным образом молодежных, оставшихся на обочине реформ и приватизации, на обочине обучения и сколько-нибудь престижных форм труда. К ним примыкают беженцы и незаконные эмигранты из других стран. Многие из них уже сейчас хорошо усвоили криминальные уроки нецивилизованного рынка и ничего не умеют делать, кроме совершения преступлений. Более высокими темпами, чем раньше, будет проходить включение малолетних (не достигших 14 лет) в совершение противоправных действий. Может возникнуть вопрос о снижении возраста правонарушителей при привлечении к уголовной ответственности.

Будет расти **преступность женщин**, особенно корыстная. В разных странах изменения в женской преступности в последнее время связаны не с половой ролью, считавшейся определенным барьером при совершении преступлений, а с социальной динамикой их жизни. В силу этого и в других странах прогнозируют рост женской преступности¹⁴. Их доля в структуре субъектов преступлений преодолет традиционный 12—14-процентный рубеж. Продолжит рост сексуальная эксплуатация женщин, особенно несовершеннолетних, организованными группировками, занимающимися секс-бизнесом.

В связи со сложной криминологической обстановкой в стране в целом и в местах лишения свободы в частности в динамике **рецидивной преступности** предполагается рост на протяжении всего

прогнозируемого периода. Ожидается поляризация особо опасного, профессионального и иного рецидива.

Таким образом, неблагоприятный прогноз преступности и ее отдельных видов при сохранении нынешних условий жизни и деятельности людей очевиден. Новые потрясения в России, которые прогнозируются некоторыми учеными и политиками¹⁵, могут существенно осложнить криминологическую обстановку в стране. А это, в свою очередь, может привести к тотализации контроля над преступностью, к злоупотреблению властью, завуалированным политическим преследованиям, дальнейшему подрыву экономики и еще более интенсивному росту преступности, традиционной и “властной”.

Говоря о прогнозе преступности в России, возможно нелишне сопоставить его с предвидениями тенденций преступности в США, которые и в криминальной сфере намного опережают Россию. Такую возможность нам представляет большая книга (580 стр.) американского криминолога и социолога Джорджетты Беннетт “Криминальные смещения. Будущее преступности в Америке”, вышедшая двумя изданиями в 1987 и 1989 годы. Она пишет: “Криминальные смещения (Crimewarps) — вот термин, придуманный мною для описания направлений в сегодняшних тенденциях преступности”¹⁶.

Она останавливается на шести изменениях (смещениях):

1) “новых преступниках”, появляющихся в результате демографического сдвига от традиционно молодых и малообразованных субъектов мужского пола к более пожилым и более искусным правонарушителям, а также к женщинам, особенно в экономической преступности;

2) “марше преступности”, или расширении ее географии в США с северо-востока на юго-запад, из крупных городов в пригороды и сельские районы;

3) “кольце вокруг белого воротничка”, или увеличении преступности, связанной с компьютерными операциями, безналичными деньгами, технологическими секретами, новыми видами мошеннических действий высокообразованных людей;

4) “политике удовольствий”, обусловленной тенденцией легализации “сладолюбивых” преступлений, злоупотреблений наркотиками, гомосексуализма, проституции, игорного бизнеса;

5) “взлете и падении Большого брата”, т. е. на замене тяжелых и длительных стратегий борьбы с преступностью тактической профилактикой, направленной на определенных лиц, с широким использованием электронного слежения, средств прослушивания (обнаружения), самообороны, технических средств обеспечения безопасности, частной помощи и т. д.;

6) “оплате по счету в пользу Билля о правах”, когда некоторые гражданские свободы в целях обуздания преступности и моральной анархии будут вытесняться более жестким и всесторонним социально-правовым контролем, когда в процессе замены тайны лич-

ной жизни компьютерными файлами и нравственных суждений ультраконсерватизмом могут быть издержки, вплоть до изменения конституции¹⁷.

Прямо скажем: прогноз Дж. Беннетт является мрачным, но он отражает реальные криминальные тенденции в США, а может быть, и в мире начала третьего тысячелетия. Аналогичные симптомы мы наблюдаем и в России. Было бы большим упущением не воспользоваться негативным американским опытом в заблаговременном недопущении развития преступности и борьбе с ней по описанным сценариям. Но вряд ли российские власти этому внимаят. Нет ни сил, ни возможностей, ни времени.

3. Криминальный капкан: где выход?

Доминирующей криминологической тенденцией на ближайшие годы остаются продолжающийся рост преступности в мире, повышение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений. Эффективность и гуманность вновь сталкиваются лбами. За их противостоянием стоят более глубокие причины. Дилемма "относительно низкая преступность в авторитарных режимах и относительно высокая преступность в демократических системах" коррелирует с дилеммой "равенство и свобода". Равенство более полно реализуемо в тоталитарном социализме (коммунизме), свобода — в демократическом капитализме. Что предпочтительнее? В начале нашего века Россия выбрала равенство, Западная Европа — свободу. Что получилось — общеизвестно. Согласно древнему воззрению равенство представляет опасность для свободы¹⁸. Но свобода более криминогенна, чем равенство. В то же время удержание последнего в объективно противоречивом мире стоит не меньших, а больших жертв. Где выход? Именно в связи с этим человеческое сообщество в конце XX века оказалось в криминальном капкане, выйти из которого без критического пересмотра устоявшихся стратегий, видимо, не удастся.

Тоталитаризм различных мастей (коммунистический, фашистский, националистический, религиозно-фундаменталистский и т. д.) чрезвычайной жестокостью и насилием может укоротить традиционную уголовную преступность, но он криминален по своей внутренней природе и методам управления обществом. В общей сложности криминальность в тоталитарных странах является высокой и складывается из двух неравных частей: из относительно низкой более или менее контролируемой уголовной преступности и широко распространенных обвинений в "политических" преступлениях против режима, которые по сути своей являются преступностью властей против своего народа. Последняя составляющая преступности представляет основную опасность. И хотя тоталитаризм, особенно фашистский и коммунистический, дискредитирован, он остается во многих странах в классическом или усеченном вариан-

тах. Удерживая традиционную преступность в “узде”, он не избавляет общество от массовой виктимизации.

Либеральная демократия, являющаяся магистральным направлением политического и гуманистического развития человеческого общества в текущем столетии, отвергает дискреционные злоупотребления (преступления) властей против своего народа и нарушения его неотъемлемых прав, но она все менее удовлетворительно справляется с интенсивно растущей, действующей без правил и признающей только грубую силу преступностью. Демократическая власть, борясь с преступностью, действует в рамках демократически принятых законов, но это не избавляет ее от коррупции и других должностных злоупотреблений, хотя они менее опасны, чем репрессии тоталитарного режима. Особенно беспомощным в борьбе с преступностью на современном этапе представляется российский либерализм (как он видится некоторым правым теоретикам), отвергающий эффективный социально-правовой контроль, а также идеи национального сильного правового государства и патриотизма.

В итоге уровни и тенденции преступности (криминализованной и не криминализованной) в демократических странах и тоталитарных государствах почти сопоставимы. Разница заключается в возможностях защиты: от традиционной уголовной преступности хорошо или плохо защищает государство, допустимы и иные правовые способы защиты и самозащиты; от некриминализованной преступности властей против своего народа никаких правовых мер защиты и самозащиты не существует, кроме беспрекословного подчинения и служения режиму.

Общеизвестно, что демократическое общество не может полноценно развиваться в условиях массовой ужесточающейся, организуемой, интеллектуализирующейся, вооружающейся и неуклонно растущей преступности. **Политическая и экономическая свобода не может существовать с петлей преступности на шее.** Диктатура преступности при либеральной борьбе с ней становится не менее опасной, чем диктатура тоталитаризма. Более того, в своем крайнем проявлении диктатура преступности, как правило, “беременна” той же диктатурой тоталитаризма. Уголовники, стремящиеся к контролю над обществом (регионом, территорией, сферой деятельности) или пришедшие к власти, не знают иных способов достижения цели и самосохранения, кроме диктата насилия. По мнению Питирима Сорокина, кризисное состояние общества, в том числе и криминальное, очень часто приводит к “тоталитарной конверсии, и чем сложнее критический момент, тем глубже тоталитарная трансформация”¹⁹.

С другой стороны, для тысяч и миллионов не искушенных в политике людей, которых преступники убивают, калечат, насилуют, грабят, терроризируют, обворовывают, обманывают, одурачивают и держат в постоянном страхе, **может стать безразличным тот факт, от какой диктатуры, криминальной или политической, они страдают.** Тем более к политической диктатуре народы нашей страны, например, привычны. И их трудно будет упрекнуть в том, если они захотят защититься от преступности с помощью автори-

тарного режима. Можно стопроцентно прогнозировать, что они ошибутся, но это уже другой вопрос.

Такая ситуация (и перспектива) особенно актуальна и для других посткоммунистических стран, образованных на территории бывшего СССР, Центральной и Восточной Европы, где нет традиционного демократически установленного правового, но жесткого и разветвленного контроля над преступностью. Силы, считающие себя демократическими, придя к власти в этих странах под лозунгами политической, экономической и личной свободы, **очень чувствительны к вопросам наведения порядка**. Они боятся упрека в скатывании к тотальному контролю и не всегда осознают всех возможных, в том числе и политических, последствий растущей преступности, чем несомненно пользуются радикальные партии.

В России, например, где все, в том числе и демократы, ругают власти за слабую борьбу с преступностью, где страх перед преступностью становится доминирующим мотивом повседневного поведения, любая более или менее заметная активность Президента, Правительства или правоохранительных органов, направленная на усиление контроля за противоправным поведением, воспринимается демократической общественностью как шаги возврата к прошлому. Парадокс состоит в том, что эти же силы, требуя от Правительства обуздать преступность, абсолютно не знают (или не хотят знать), как это сделать, кроме тривиального: "надо лучше ловить преступников". Более того, многие демократы при нахождении у власти в центре и регионах не подтвердили своей способности в практической реализации этого принципа. Оказавшись в оппозиции к власти, они охотнее защищают права заключенных или дудаевских террористов, чем их жертв. Видимо, потому, что права первых (если они нарушаются) попираются властями, а права вторых — частными преступниками.

Речь идет не о выборочном соблюдении прав достойных и недостойных граждан, а о реалистичном, взвешенном подходе к борьбе с преступностью и соблюдению прав человека всюду, где бы и кем бы они ни нарушались, высокими чиновниками или примитивными преступниками. Проблема соблюдения прав человека властями исключительна. Она всегда останется актуальной и в тоталитарных, и в демократических странах. Но наиболее опасным и массовым нарушением этих прав в современном мире, особенно после падения многих социалистических режимов, становится **диктатура преступности**.

Обращаясь к непростому историческому опыту России и иных постсоветских стран, можно констатировать: **физический, материальный и моральный вред, причиняемый нынешней криминальной вольницей, реально сопоставим с вредом сталинских репрессий и фашистским нашествием**. Если же сопоставить обобщенный вред, причиняемый преступностью и властями в современной России, с аналогичными последствиями либерального тоталитаризма времен застоя, то счет окажется не в пользу сегодняшних реалий. Многочисленные убийства охраняемых (депутатов, других государственных должностных лиц, банкиров, предпринимателей, "воров в законе") и

не охраняемых граждан свидетельствуют о том, что в современной России никто не может чувствовать себя в полной безопасности.

В числе лиц, преждевременно ушедших из жизни, значатся люди, погибшие от убийств, самоубийств, военных авантур, межнациональных конфликтов, различных катастроф, безвестных пропаж, голода, холода, экологических бедствий, болезней, спровоцированных резким снижением уровня жизни, социальной защищенности и медицинской помощи. Многие составляющие этого показателя сегодня увеличились по сравнению с 70—80-ми годами на порядок. И это является одной из причин депопуляции российского населения.

В 1985 году число родившихся превышало число умерших в 1,5 раза, а в 1994 году, наоборот, число умерших превышает (по регионам) число родившихся в 1,8—2,4 раза. Абсолютное число умерших увеличилось по сравнению с 1985 годом в 2 раза, или более чем на 1 млн. Если же демографические свидетельства рассматривать за больший период, то они станут еще более показательны. В 1960 году умирало 7,4 человека на 1 тыс. населения, в 1994 году — 15,6; в 1960 году на ту же тысячу жителей население увеличивалось на 15,8, а в 1994 году уменьшалось на 6,2 человека²⁰. Разница двадцатикратная. Еще более разительные сведения можно было бы привести по экономическим, медицинским и моральным потерям.

Криминальные процессы, регистрируемые в России в последние годы, наблюдались практически в большинстве постсоветских и посткоммунистических стран. В принципе они отражают мировые тенденции преступности, но в слишком гипертрофированном виде, поскольку разрушение тотального контроля в них, как правило, проходило в режиме социальной стихии.

Снижение опасности возникновения новой мировой войны, затухание региональных переделов территорий, начавшаяся выработка международного и европейского механизма политического и силового воздействия на агрессора (Ирак, Сомали, Югославия), повышение роли международного уголовного права и суда соединят мировые угрозы — традиционно уголовные, экономические, террористические, экологические, военные, радиоактивные, ядерные, генетические, а также различные формы борьбы за сокращающиеся ресурсы человеческого существования — **в едином понятии национальной и транснациональной преступности**. Она и только она будет представлять главную опасность для человечества в ближайшие десятилетия, если к этому времени не возникнет глобальных земных или космических угроз.

Человеческое сообщество в третьем тысячелетии вынуждено будет более интенсивно искать достойный выход из криминального капкана, в который оно себя загнало. На уровне сегодняшних представлений этот выход лежит в **расширении и углублении социально-правового контроля над противоправным поведением, криминологического и уголовно-правового**. У каждого народа такая преступность, насколько он исторически способен к самоконтролю, насколько он хочет себя контролировать, насколько он умеет себя контролировать, насколько он осознал диалектику свободы и необходимости.

Криминологический контроль — наиболее гуманный и перспективный аспект социально-правового контроля. Преступность главным образом обусловлена социальными причинами. Во всяком случае, именно эта детерминирующая составляющая более или менее подвластна обществу. В силу сказанного радикальной стратегией борьбы с преступностью было бы предупреждение ее путем изучения и устранения криминогенных факторов. Такая работа начала систематически проводиться в различных странах и получила поддержку мирового сообщества, которая отражена в ряде деклараций и руководящих принципов ООН, принятых на Четвертом, Шестом, Седьмом, Восьмом конгрессах во второй половине текущего столетия²¹. Тем не менее желаемых результатов не было: преступность интенсивно росла.

Причины слабой эффективности профилактической работы многочисленны. Одной из них является недостаточно полное представление всей сложности и глубины данной проблемы. Поэтому предупреждение преступности в организованном порядке, как правило, возлагается лишь на органы уголовной юстиции. Их возможности по изучению и особенно по устранению серьезных криминогенных факторов крайне ограничены. Преступность детерминируется огромным комплексом причин, экономических, социальных, организационных, социально-психологических и т. д., которые неподвластны правоохранительным органам. Более того, реальное устранение наиболее значимых причин преступности на современном этапе не под силу обществу в целом, поскольку они кроются во всех сферах общественных отношений и связаны с социальными противоречиями, которые пока остаются неразрешимыми.

В структуре криминогенных обстоятельств есть не только негативные явления и процессы, устранение (минимизация или нейтрализация) которых было бы благом, но и позитивные, элиминация которых недопустима и невозможна. Организованная преступность, например, использует криминогенные возможности интеграционных процессов в мире, расширение международных связей, увеличение международных перевозок, компьютеризацию банковских операций, новейшие достижения науки и техники и т. д.

Преступность динамична и приспособительна. Она постоянно мимикрирует в новые сферы общественных отношений и человеческой деятельности. Поэтому изучение причинного комплекса должно быть постоянным и системным, а его выводы должны реализовываться на макро- и микроуровнях в политической, экономической, демографической, организационной, воспитательной, медицинской, технической и других сферах. Основные принципы предупреждения преступлений, как уже говорилось, хорошо разработаны в международных документах ООН. Однако целостной системы изучения причин преступности и их устранения в профилактических целях пока нигде не существует.

В 70-е годы в СССР и России в системе органов внутренних дел начала создаваться профилактическая служба. Она имела определенные успехи, особенно в профилактике правонарушений среди

несовершеннолетних, и была перенята другими странами. Ограниченность ведомственных возможностей, продолжающийся рост преступности, недостаток сил и средств, сведение предупредительной работы к формальным показателям и традиционным для нашей страны припискам привели к свертыванию этой работы в начале 90-х годов, а затем и к полной ее ликвидации в процессе российских реформ. В настоящее время она не проводится даже на уровне конкретных уголовных дел.

Наивные представления начала XX века о том, что с развитием человека и общества многие объективные предпосылки преступного поведения сами собой отпадут, особенно с устранением эксплуатации, нужды и нищеты²², не сбываются. Преступность оказалась далеко не пережиточной проблемой. Преступность нищеты и слабо адаптированных субъектов в любой общественной системе остается существенной и опасной. Тем не менее развитое общество могло бы ее эффективно контролировать. Но не она определяет основные черты криминальной ситуации в мире, ее отдельных регионов, и особенно в индустриально развитых странах.

Мой американский коллега по группе экспертов Четвертого обзора преступности в Североамериканском и Европейском регионе профессор Грим Ньюмен в обстоятельной работе "Преступность и условия жизни людей", подготовленной по поручению Программы развития ООН, пишет, что многие исследования указывают на высокую причастность к преступности беднейших и низших слоев общества. Большинство этих анализов проводились на основе данных официальной криминальной статистики. Это дает основания утверждать, что при установлении связи нищеты и преступности применялся предвзятый подход, так как "преступления, совершаемые "сильными мира сего"... остаются вне поля зрения официальной криминальной статистики"²³.

Аналогичную мысль еще в 1970 году высказал бывший министр юстиции США Р. Кларк. Он писал: "Нападения, изнасилования, даже умышленные убийства исчисляются тысячами и десятками тысяч, однако жертвами самого жестокого из всех существующих видов преступлений, наносящего тяжелый урон, делающего жизнь людей несчастной, пустой и искалеченной, становятся миллионы. Это — преступление власти, господствующей над беспомощностью... Это — преступление против людей, у которых нет прав, преступление общества, которое пытается поддерживать порядок без права"²⁴.

Известно, что одни и те же слова, сказанные разными людьми, звучат по-разному. Если бы вышеприведенные выводы были сделаны нашим соотечественником, то их можно бы легко объяснить его марксистским образованием. Но к ним пришли известный американский профессор, не относящийся к критическим криминологам, после серьезных исследований по поручению ООН и министр юстиции США, знающий не понаслышке о преступности власти и правящей элиты.

В результате такого подхода к оценке преступности бедности и богатства, власти и подвластных Г. Ньюмен полагает, что более про-

дуктивным подходом было бы не выяснение того, кто больше совершает преступлений, а какие слои общества больше всего страдают от них. На значительном фактическом материале он показывает, что и от преступности нищеты, и от преступности богатства прежде всего страдают слабозащищенные беднейшие слои общества²⁵.

Весь предшествующий анализ приводит нас к той же мысли: **главной опасностью была и остается преступность высокого должностного положения, интеллекта и богатства.** “Респектабельная преступность белых и перламутровых воротничков”, срастаясь с продажными представителями политической и правящей элиты, законодательных, исполнительных и судебных властей, не только успешно использует имеющиеся возможности для своей преступной деятельности, но по своему усмотрению формирует их путем многообразных воздействий на политическую, экономическую и управленческую ситуацию в стране или регионе.

Как показывает история преступности, особенно ее “респектабельной” части, преступники **умело приспособливают “под себя”** многие процессы, состояния и события в обществе: демократию и автократию, революцию и контрреволюцию, войну и мир, реформы и контрреформы, нужду и достаток, победы и поражения, катастрофы и гуманитарную помощь пострадавшим. Они эксплуатируют политику, экономику, религию, идеологию, международные отношения, торговлю, производство, распределение и даже образование, науку и искусство²⁶. Показательным примером является использование организованной преступностью России кровавой бойни в Чечне.

Обратимся лишь к другим, сугубо экономическим российским решениям и событиям. Разработка пробельного порядка акционирования и приватизации государственных предприятий, организация закрытых аукционов, затягивание принятия законов о государственной службе, борьбе с коррупцией, организованной преступностью и легализацией противоправно нажитых средств, слабый контроль за деятельностью коммерческих банков и финансовых компаний, безнаказанное прокручивание бюджетных денег в коммерческих банках, организация валютных потрясений и другие факты ошибочно рассматривать как результат непросчитанных ошибок или недоработок федеральных или региональных властей. Некоторые их квалифицируют как свидетельства криминальной революции²⁷. И это трудно отрицать.

Таким образом, в сфере институциональной “беловоротничковой” преступности любая форма социально-правового контроля над ней практически **трудноосуществима.** Но именно здесь изучение и устранение причин могло быть наиболее эффективным. В некоторых странах есть серьезные подвижки в этом направлении. Пока политическая и правящая элита не на словах, а на деле не осознает, что **борьбу с преступностью следует начать с самой себя,** трудно рассчитывать на какой-либо успех криминологического и уголовно-правового контроля.

Уголовно-правовой контроль преступности также ограничен. Уголовное наказание в текущем столетии переживало глубочай-

ший кризис. Человеческое общество связывает свое развитие с дальнейшим сужением и гуманизацией уголовной ответственности. Тем не менее уголовно-правовой контроль преступности остается самым зримым и мобильным. Общество не может отказаться от него. С дальнейшим ростом и "совершенствованием" преступности уголовно-правовой контроль будет углубляться и дифференцироваться, действуя в единой связке с криминологическим контролем.

Практическая реализация уголовно-правового и криминологического контроля невозможна без ограничения человеческих прав и свобод, но ограничения узаконенного. Общество вынуждено будет идти на новые и новые ограничения в целях более эффективного контроля за преступностью и своего собственного выживания, в целях подтягивания правового противодействия к растущей и микрирующей преступности. Ныне, когда права и свободы человека становятся общепризнанной и непреходящей человеческой ценностью, когда их расширение представляется единственной реальной тенденцией, очень трудно себе представить добровольное ограничение этих прав в целях сужения возможностей преступности. Но это тоже реальная тенденция, и она последовательно реализуется в законодательстве многих стран. Досмотр в аэропортах, особенно на международных линиях, по сути своей является тотальным обыском всех пассажиров, но мы его терпим в целях собственной безопасности. К этому же относится сплошная дактилоскопия, всеобщее декларирование доходов и расходов, всеобщий регистр населения с налоговым, медицинским, уголовным и иными блоками и другие нежелательные установления.

Ближайшее будущее человечества — свободное демократическое общество, но с надежным дифференцированным и жестким социально-правовым контролем за реальными и возможными криминальными процессами. Только на этом пути можно будет удерживать преступность и другие девиации на социально-терпимом уровне. Самоограничиться заставит страх перед диктатурой растущей и наглежащей преступности.

Упоминание о страхе на первый взгляд может показаться оскорбительным для homo sapiens. И хотя страх всегда был сильнейшим мотиватором всего живого, для человека он представляется унижительным. Человек, подверженный страху, испокон веков считался трусом. Но я говорю не об иррациональном страхе индивида за свою жизнь, а об осознанном страхе человеческой цивилизации за свое существование. Очень часто мы слышим: "Красота спасет мир". Нет сомнения в том, что красота созидательна и вносит существенный вклад в спасение мира. Но его спасет все-таки не красота, а страх перед самоуничтожением. Страх перед коммунизмом интенсивно цивилизовал капитализм как социальную систему. Третью мировую войну сдерживает не отсутствие амбиций к господству над другими, не красота, а тот же страх перед ядерным самоуничтожением, средства которого не случайно называют оружием сдерживания. Аналогичные суждения можно привести по поводу усиливающейся экологической или иной глобальной опасности.

Национальная и транснациональная преступность вышла на мировой уровень угроз цивилизованному человеческому существованию. Поэтому тот же страх вынуждает человеческое общество к серьезному контролю, самоконтролю и самоограничению в целях более эффективного сдерживания преступности. Хотелось бы пояснить: я не призываю к тотализации контроля, а лишь констатирую реальные тенденции. Если кто-то может предложить более либеральные пути сдерживания преступности, они с благодарностью будут восприняты человеческим сообществом. Я их пока не вижу.

А вот как этот вопрос понимают в США. Уже цитированная нами Дж. Беннетт ключевым моментом в борьбе с преступностью видит информацию. Она считает, что компьютер, предоставляя обществу и частным агентствам способность быть в курсе наших дел, станет "средством, сдерживающим нас". Государственные органы и бизнес уже создали электронные досье, в которых прослеживаются почти все аспекты нашей жизни: долги, страховые иски, преступления, благотворительные платежи, налоги, медицинские данные, трудовой стаж, психологические особенности. И это является одной из составляющих будущего контроля над преступностью. Компьютеры, хранящие наши тайны, все больше будут автоматически запрограммированы на "разговор" друг с другом. Мы предстанем обнаженными перед электронным тираном, имея для своей защиты закон о свободе информации. Компьютеры, по ее мнению, — лишь часть общего наступления на гражданские свободы, которое заряжается и страхом перед преступностью, и страхом морального разложения. В обмен на моральное возрождение многочисленные слои населения готовы будут пожертвовать важными разделами Билля о правах²⁸.

И в этом прогнозе Беннетт мало утешительного. Но скорее всего именно на этом пути находится выход демократического и прагматического общества из криминального капкана: растущая и меняющаяся преступность предопределяет расширение и углубление криминологического и уголовно-правового контроля над ней с параллельной разработкой четких законодательных гарантий по соблюдению фундаментальных прав человека. Если же общество не найдет в себе сил и средств ювелирного решения сложной двуединой задачи эффективности и гуманности, то преступность может превратиться в социальную чуму третьего тысячелетия, в диктатуру пятой, а потом и единственной власти.

Многовековая история человечества показывает, что оно всегда находило в себе и силы, и средства для принятия судьбоносных решений. Нет сомнения в том, что оно найдет выход и в этот раз. Его контуры практически намечены были в уходящем столетии. У Девятого конгресса ООН о предупреждении преступности и уголовном правосудии был девиз: "Меньше преступности, больше правосудия". В нем выражена основная стратегия борьбы с преступностью нашего времени.

¹ Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972; Лунеев В. В. Криминологическое прогнози-

рование и планирование борьбы с преступностью в войсках. М., 1979; Шнейдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 186—201 (пер. с нем).

² Предупреждение преступности и борьба с ней. Доклад Генерального секретаря. Тридцать вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. А/32/199. 28 Oct. 1977; Trends in Crime and Criminal Justice, 1970—1985 // Context of Socio-Economic Change. UN, New York, 1992; Crime Trends and Criminal Justice Operations at the Regional and Interregional Levels. UN, New York, 1993; Results of the Fourth United Nations Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems. Interim report prepared by the Secretariat. A/CONF. 169/15. 20 Dec. 1994.

³ Profiles of Criminal Justice Systems in Europe and North America. HEUNI, Helsinki, 1995.

⁴ Ренан Э. Де-Саси и либеральная школа // Полн. собр. соч. в 12-ти томах. Т. 3. Киев, 1902. С. 12.

^{4a} Raishahri M. Jslam and Prevention of Crime. New York, 1990.

⁵ Liska A. Perspectives Deviance. New Jersey, 1987; Социальные отклонения. Изд. второе. М., 1989; Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях российского кризиса. СПб., 1995.

⁶ Лунев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 171—172.

⁷ Российская газета. 1995. 2 дек.

⁸ Аванесов Г. А. Организация криминологического прогнозирования и планирования // Советское государство и право. 1972. № 1. С. 112—113.

⁹ Прогнозирование тенденций преступности в России в 1993—1994 годы. С. 8 (рукопись).

¹⁰ Основные тенденции развития криминальной обстановки в Российской Федерации. 1994. С. 3 (рукопись).

¹¹ Методология и методика прогнозирования в сфере борьбы с преступностью // Труды Академии МВД СССР. М., 1989. С. 144—167; Модель регионального криминологического и уголовно-правового прогноза. М., Академия МВД РФ, 1994.

¹² Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 365.

¹³ Лунев В. В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993. № 5. С. 19; он же. Тенденции развития преступности в мире и России к началу третьего тысячелетия // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД РФ. 1996. № 2; он же. Преступность в XXI веке (методология прогноза) // Социологические исследования. 1966. № 7.

¹⁴ Hoigard C. Criminality, Sex and Class. Scandinavian Criminal Policy and Criminology. Stockholm, 1990. P. 64—66.

¹⁵ Проблема ближайшего политического будущего России. Отчет о социологическом исследовании “Российской газеты”, ИТАР-ТАСС, Института экспериментальной социологии и Центра при-

кладных политических исследований "ИНДЕМ" // Российская газета. 1995. 2 марта; *Гайдар Е.* Это только прелюдия к новым потрясениям в России // Известия. 1995. 26 дек.

¹⁶ *Bennett G.* Crimewarps. The Future of Crime in America. Revised and Updated. Anchor Books. New York—London—Toronto—Sydney—Auckland, 1989. P. xiii.

¹⁷ Там же. P. 17—485.

¹⁸ *Даль Роберт А.* Введение в экономическую демократию. М., 1991. С. 17.

¹⁹ *Сорокин Питирим.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 16.

²⁰ Россия перед выбором. М., "Обозреватель", 1995. С. 25, 30—34, 133—134; *Морозова Г. Ф.* Деградация нации — миф или реальность // Социологические исследования. 1994. № 1; *Кириллов А.* Сколько нас было, есть и будет // Российская газета. 1994. 23 сент.; Сколько нас будет? // Российская газета. 1995. 30 дек.

²¹ Декларация Четвертого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1970 г.); Каракасская декларация (Шестой конгресс, 1980 г.); Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (Седьмой конгресс, 1985 г.); Руководящие принципы для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней. Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Предупреждение преступности в городской среде (Восьмой конгресс, 1990 г.) // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 13—37, 44—48 и др.

²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91.

²³ *Newman Greme.* Crime and the Human Condition // Essays on Crime and Development. UNICRI, Rome, 1990. P. 69.

²⁴ *Кларк Р.* Преступность в США. М., 1975. С. 54.

²⁵ *Newman Greme.* Op cit. P. 69—102.

²⁶ Преступления века. Популярная энциклопедия / Автор и составитель Аллан Холл. Минск — Москва — Нью-Йорк, 1995 (пер. с англ.).

²⁷ *Говорухин С.* Криминальная революция. М., 1993.

²⁸ *Bennett G.* Op cit. P. 12—13.

Перечень таблиц и рисунков (диаграмм, графиков) по главам

Глава 1

Таблицы:

1. Общее число преступлений, совершенных на 100 тыс. населения в 1986—1990 годы.
2. Усредненные и оценочные данные о преступности в мире.
3. Динамика преступности в некоторых развитых странах и в СССР (1960—1990 гг.).
4. Уровень преступности в некоторых странах Северной Америки, Европы и Азии в 1994 году на 100 тыс. населения.
- 4а. Количество преступлений и преступников на 100 тыс. населения в 1986 г.
5. Динамика преступности в Швеции (1950—1991 гг.).
6. Динамика преступности в СССР (1956—1991 гг.).
7. Сопоставление динамики преступности в СССР и Швеции.
8. Соотношение преступлений и правонарушителей.
9. Сведения о заключенных.

Рисунки:

1. Общий уровень преступности в мире. Прогноз до 2000 г.
2. Тенденции преступности в некоторых странах (1960—1990 гг.).
3. Динамика преступности в СССР и Швеции.

Глава 2

Таблицы:

1. Динамика населения и судимости в СССР (РСФСР) (1922—1960 гг.).
2. Судимость в СССР во время Великой Отечественной войны.
3. Динамика населения и преступности в СССР в 1956—1991 годы.

Рисунки:

1. Динамика населения и преступности в СССР (1956—1991 гг.).
2. Динамика судимости в СССР (1920—1990 гг.).
3. Динамика основных криминологических показателей в СССР (1961—1991 гг.).

Глава 3

Таблицы:

1. Преступность и судимость в СССР (по республикам-странам, 1990 г.).

2. Общий уровень преступности в России (1986—1996 гг.).
3. Общий уровень преступности на Украине (1986—1995 гг.).
4. Общий уровень преступности в Казахстане (1986—1995 гг.).
5. Общий уровень преступности в Узбекистане (1986—1995 гг.).
6. Общий уровень преступности в Беларуси (1986—1995 гг.).
7. Общий уровень преступности в Молдове (1986—1995 гг.).
8. Общий уровень преступности в Литве (1986—1995 гг.).
9. Общий уровень преступности в Латвии (1986—1995 гг.).
10. Общий уровень преступности в Кыргызстане (1986—1995 гг.).
11. Общий уровень преступности в Эстонии (1986—1995 гг.).
12. Общий уровень преступности в Грузии (1986—1992 гг.).
13. Общий уровень преступности в Туркменистане (1986—1995 гг.).
14. Общий уровень преступности в Таджикистане (1986—1995 гг.).
15. Общий уровень преступности в Азербайджане (1986—1995 гг.).
16. Общий уровень преступности в Армении (1986—1995 гг.).
17. Основные показатели преступности в странах, образованных на территории бывшего СССР (1992 г.).

Рисунки:

1. Структура преступности в СССР по республикам-странам (1990 г.).
2. Число преступлений и осужденных в СССР по республикам-странам (1990 г.).
3. Уровень и динамика криминальной активности в Москве иностранцев и приезжих (1990—1993 гг.).

Глава 4

Таблицы:

1. Динамика преступности в России по регионам.
2. Количество дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам.
3. Результаты прокурорского надзора за законностью следствия и дознания в органах внутренних дел (1991—1994 гг.).

Рисунок:

1. Уголовно-правовой контроль преступности в России (по данным 1993 г.).

Глава 5

Таблицы:

1. Деятельность органов, реализующих административную ответственность.
2. Количество выявленных правонарушений и лиц, привлеченных к административной ответственности в СССР и союзных республиках (1990 г.).

3. Соотношение правонарушений и преступлений (1990 г.).
4. Структура административных правонарушений в СССР (1990 г.) и в России (1991 г.).
5. Динамика нарушений ПДД, ДТП и автотранспортных преступлений в СССР за 1971—1990 годы.
6. Соотношение нарушений ПДД, ДТП и автотранспортных преступлений (в число раз).
7. Параллельный ряд нарушений и преступлений.

Рисунки:

1. Взаимосвязь между нарушениями воинских уставов и преступлений в Вооруженных Силах СССР (1974 г.).
2. Взаимосвязь преступлений и правонарушений в СССР (1990 г.).
3. Динамика автотранспортных преступлений и дорожных правонарушений в СССР в 1971—1989 гг.
4. Соотношение автотранспортных преступлений и нарушений правил движения в СССР (1971—1990 гг.).

Глава 6

Таблицы:

1. Сведения о контрреволюционной преступности (1918—1958 гг.).
2. Число осужденных в 1937 году по видам наказания за контрреволюционные преступления.
3. Соотношение уровня судимости за антисоветскую агитацию и пропаганду и уровня уголовной преступности.

Рисунки:

1. Динамика контрреволюционной преступности (1918—1958 гг.).
2. Соотношение показателей о судимости за политическую и уголовную преступность.

Глава 7

Таблицы:

1. Динамика умышленных убийств в СССР (России) (1956—1996 гг.).
2. Уровень умышленных убийств в разных странах (1990, 1994 гг.). Ранжир по коэффициенту 1990 года.
3. Распределение умышленных убийств в СССР по обстоятельствам их совершения (1956—1990 гг.).
4. Общее число убийств на 100 тыс. населения в городах мира (1990 г.).
5. Динамика некоторых видов насильственных преступлений в СССР и России (1956—1996 гг.).
6. Взаимосвязи убийств с некоторыми агрегированными показателями.

7. Уличная преступность в СССР (1986—1990 гг.).
8. Уличная преступность в России (1987—1996 гг.).
9. Динамика умышленных убийств в США, совершенных с применением огнестрельного оружия (1985—1995 гг.).
10. Преступления, совершенные с применением огнестрельного оружия в СССР (1986—1990 гг.).
11. Преступления, совершенные с применением огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в России в 1987—1996 годы.

Рисунки:

1. Динамика умышленных убийств в СССР (1956—1991 гг.).
2. Число убийств и тяжких телесных повреждений на 100 тыс. населения по экономическим районам СССР (1990 г.).
3. Структура мотивов умышленных убийств в 1956, 1966, 1991 годы.
4. Динамика насильственных преступлений (1956—1991 гг.).
5. Динамика уличных преступлений в России в 1987—1996 гг.

Глава 8

Таблицы:

1. Уровень грабежей в разных странах (1990, 1994 гг.). Ранжир по коэффициенту 1990 года.
2. Динамика насильственных преступлений против собственности в СССР и России в 1956—1996 годы.
3. Уровень краж в разных странах (1990, 1994 гг.). Ранжир по коэффициенту 1990 года.
4. Динамика краж в СССР и России (1956—1996 гг.).
5. Динамика криминального обмана в СССР и России (1956—1996 гг.).
6. Динамика некоторых экономических преступлений в СССР и России в 1956—1996 годы.
7. Динамика некоторых прорыночных экономических преступлений в СССР в 1956—1990 годы.
8. Динамика некоторых коррупционных действий, совершенных всеми должностными лицами в России (1986—1996 гг.).
9. Борьба с коррупцией в системе госслужбы в 1993—1995 годы.

Рисунки:

1. Динамика корыстных преступлений в СССР и России в расчете на 100 тыс. населения (1956—1996 гг.).
2. Уровень краж на 100 тыс. населения в развитых и развивающихся странах.
3. Уровень мошенничества в некоторых странах (1980 г.).
4. Структура экономической преступности (1995 г.).

Глава 9

Таблицы:

1. Характеристика выявленных групп организованных преступников (1989—1995 гг.).
2. Характер и динамика преступлений, совершенных организованными группами (1989—1996 гг.).
3. Изъято у организованных преступников в 1989—1996 годы.

Рисунки:

1. Структура организованной преступности.
2. Динамика некоторых показателей организованной преступности в России в 1989—1995 гг.
3. Динамика коррумпированной организованной преступности.

Глава 10

Таблица:

1. Возбуждено уголовных дел в отношении работников из системы государственной службы (1995 г.).

Рисунок:

1. Структура коррупционеров по сферам госслужбы.

Глава 11

Таблица:

1. Сведения о межнациональных конфликтах в СССР (по состоянию на 1 марта 1990 г.).

Глава 12

Таблицы:

1. Коэффициенты преступности в стране, армии и на флоте в расчете на 100 тыс. населения (военнослужащих).
2. Динамика учтенной преступности в армии и на флоте за 1965—1991 годы.
3. Динамика преступности военнослужащих в России (в % к 1992 г.).

Рисунки:

1. Динамика соотношения уровней преступности среди гражданского населения и военнослужащих.
2. Динамика преступности в стране, армии и на флоте (1949—1989 гг.).
3. Динамика преступности в армии и на флоте (1965—1990 гг.).
4. Соотношение воинских и общеуголовных преступлений (1965—1990 гг.).
5. Динамика преступности военнослужащих в России (1992—1996 гг.).

Глава 13

Таблицы:

1. Соотношение уровней учтенных преступлений и выявленных по ним правонарушителей.
2. Соотношение зарегистрированных преступлений и установленных правонарушителей на 100 тыс. населения (1986 г.).
3. Соотношение чисел выявленных правонарушителей и зарегистрированных преступлений в России (1971—1996 гг.).

Рисунки:

1. Динамика преступлений и выявленных по ним лиц (1956—1991 гг.).
2. “Доля” выявленных правонарушителей в СССР и в России (1971—1996 гг.).
3. Динамика преступлений и выявленных по ним лиц в России за 1971—1996 гг.

Глава 14

Таблицы:

1. Соотношение уровней зарегистрированных преступлений, выявленных правонарушителей и осужденных в СССР (1961—1991 гг.).
2. Соотношение динамики коэффициентов преступности и судимости в СССР в 1961—1991 годы.
3. Основные показатели преступности и судимости в СССР в 1985—1991 годы (в %).
4. Динамика числа подсудимых, осужденных и оправданных в СССР (1961—1990 гг.).
5. Динамика и структура мер уголовного наказания в СССР в 1961—1990 годы.
6. Осужденные к лишению свободы в странах Европы и Северной Америки (1990 г.).
7. Применение смертной казни в СССР (1985—1990 гг.).
8. Применение смертной казни (по данным судов общей подсудности) в 1989—1990 годы.
9. Соотношение уровней зарегистрированных преступлений, выявленных правонарушителей и осужденных в России (1988—1996 гг.).
10. Динамика основных мер уголовного наказания в России (1988—1995 гг.).

Рисунки:

1. Динамика уровней преступности, выявленных правонарушителей и судимости в СССР (1961—1991 гг.).
2. Динамика осужденных и оправданных в СССР (1961—1986 гг.).
3. Динамика мер уголовного наказания в СССР в 1961—1986 гг.
4. Динамика основных криминологических показателей в России за 1985—1995 годы.

Глава 15

Таблицы:

1. Динамика численности заключенных на территории РСФСР и СССР (1917—1935 гг.).
2. Динамика численности заключенных в СССР (1936—1970 гг.).
3. Динамика численности заключенных в СССР в 1970—1991 годы.
4. Доля осужденных заключенных в общем числе лиц, взятых под стражу, в %.
5. Численность осужденных заключенных и лиц, взятых под стражу, на 100 тыс. населения в 1986 и 1990 гг.
6. Динамика лимита мест в ИТК и реальной численности содержащихся в них заключенных в 1961—1991 годы.
7. Перечень законодательных актов об освобождении заключенных в 1971—1990 годы.
8. Соотношение числа заключенных с основными криминологическими показателями в 1990—1996 годы.
9. Число осужденных заключенных и подследственных в странах Центральной и Восточной Европы (1994 г.).
10. Динамика “населения” ИТК всех видов (1990—1996 гг.).
11. Динамика числа заключенных за некоторые тяжкие преступления в ИТК (1990—1996 гг.).
12. Динамика числа лиц, находящихся в следственных изоляторах и тюрьмах (1991—1996 гг.).

Рисунки:

1. Динамика приisonerности, судимости и преступности в СССР (1961—1991 гг.).
2. Динамика коэффициентов преступности, судимости и приisonerности в СССР (1961—1991 гг.).
3. Динамика числа заключенных и мест в ИТК (1961—1991 гг.).
4. Динамика основных криминологических показателей (1990—1996 гг.).

Глава 16

Рисунки:

1. Прогноз преступности в мире до 2000 г.
2. Экстраполяция уровня преступности в России за 1986—1996 годы и до 2000 г.

Всего в монографии 94 таблицы и 47 рисунков (диаграмм, графиков).

Содержание

Предисловие академика Российской академии наук В. Н. Кудрявцева	V
От автора	VIII
Введение	XII
1. Прав ли был пессимист Лист?	XII
2. Открытие данных о преступности в СССР	XVII
3. Преступность и политические спекуляции	XXI

Часть I

Общие тенденции преступности

Глава 1. Мировые тенденции и закономерности преступности	1
1. История постановки вопроса	1
2. Методические трудности сопоставления данных	8
3. Тенденция первая — абсолютный и относительный рост преступности в мире	14
4. Тенденция вторая — отставание социального контроля	30
Глава 2. Тенденции преступности в СССР	51
1. Становление учета преступности (судимости)	51
2. Преступность в 1917—1960 годы	55
3. Преступность в годы Великой Отечественной войны	59
4. Изменение тенденций преступности в 1960—1991 годы	62
5. Преступность (судимость) в континууме: тоталитаризм — демократия	69
6. Содержание тотального контроля	76
Глава 3. Сравнительные тенденции преступности в республиках (государствах) бывшего СССР	85
1. Исходные положения	85
2. Российская Федерация	92
3. Украина	96
4. Республика Казахстан	97
5. Республика Узбекистан	99
6. Республика Беларусь	101
7. Республика Молдова	102
8. Литовская Республика	104
9. Латвийская Республика	105
10. Республика Кыргызстан	107
11. Эстонская Республика	109
12. Республика Грузия	110
13. Туркменистан	112
14. Республика Таджикистан	114

15. Азербайджанская Республика	115
16. Республика Армения	117
17. Общие результаты сравнительного исследования	119
Глава 4. Тенденции надежности криминологических показателей	125
1. Латентизация преступности	125
2. Уровень и структура неучтенной преступности	131
3. Практическая потребность в объективных криминологических показателях	137
4. Обстоятельства, способствующие искажению криминологических показателей	137
5. Способы объективизации показателей преступности	141
6. Способы объективизации показателей о контроле над преступностью	144
Глава 5. Взаимосвязи преступлений и иных правонарушений	148
1. Преступления и правонарушения	148
2. Характер и структура административных правонарушений	150
3. Корреляция преступлений и иных правонарушений	153
4. Корреляция нарушений правил дорожного движения и автотранспортных преступлений	159
Часть II	
Тенденции отдельных видов и групп преступности	
Глава 6. "Политическая преступность"	167
1. Понимание "политической преступности"	167
2. Идеологическая и правовая база политических репрессий	169
3. Реабилитация жертв политических репрессий	176
4. Статистика политических репрессий	179
5. Репрессии за инакомыслие и уголовная преступность	184
6. Об общем числе пострадавших от режима	187
Глава 7. Насильственная преступность	191
1. Насилие как международная проблема	191
2. Понимание насильственной преступности	193
3. Криминологическая характеристика насильственной преступности	198
4. Насилие на улицах	215
5. Вооруженное насилие	222
Глава 8. Корыстная преступность	232
1. Понимание корыстной преступности	232
2. Криминологическая характеристика некоторых корыстных преступлений	242

3. Экономическая преступность	255
4. Коррупция	267
Глава 9. Организованная преступность	283
1. К пониманию организованной преступности	283
2. Проблемы криминализации организационной деятельности	290
3. Криминологическая характеристика отечественной организованной преступности	299
4. Транснациональная организованная преступность	309
5. Некоторые транснациональные преступные организации	320
Глава 10. Криминальность политической и правящей элиты	330
1. "Профессиональная" преступность политической элиты	330
2. Исторические предпосылки криминальности правлящих кругов в СССР и России	333
3. Состав современной политической элиты	346
4. Обстоятельства, способствующие криминальности элиты	349
Глава 11. Преступность в межнациональных конфликтах	354
1. Подход к проблеме	354
2. Исторические предпосылки национальных конфликтов на территории бывшего СССР	357
3. Статистика межнациональной преступности	360
4. Азербайджано-армянский конфликт	362
5. Грузино-абхазско-осетинский конфликт	365
6. Конфликты в Средней Азии	368
7. Конфликт в Молдове	370
8. Межнациональные конфликты на Северном Кавказе	371
9. Некоторые общие выводы	377
Глава 12. Преступность в вооруженных силах	381
1. Криминологическая специфика преступности в войсках: объективные и субъективные аспекты	381
2. Тенденции преступности в Вооруженных Силах СССР ..	391
3. Преступность военнослужащих в России	400

Часть III

Контроль над преступностью

Глава 13. Тенденции уровня выявленных правонарушителей	407
1. Уровни выявленных правонарушителей и учтенная преступность: соотносимы ли они?	407

2. Особенности динамики уровня правонарушителей в СССР.....	409
3. Тенденции установления правонарушителей в России.....	414
Глава 14. Тенденции судимости.....	417
1. Преступность и судимость в СССР.....	417
2. Динамика мер уголовного наказания.....	425
3. Применение смертной казни.....	428
4. Преступность и судимость в России.....	430
Глава 15. Динамика численности заключенных.....	434
1. Уровень заключенных в СССР и других странах.....	434
2. Тенденции преодоления перенаселенности тюрем.....	443
3. Заключенные в России.....	447
Глава 16. Прогноз преступности.....	455
1. Прогноз преступности в мире.....	455
2. Прогнозирование и прогноз преступности в России.....	462
3. Криминальный капкан: где выход?.....	472
Перечень таблиц и рисунков (диаграмм, графиков) по главам.....	483

Victor V. Lunejev

CRIME IN THE XXth CENTURY
Global regional and Russian trends

CONTENTS

Foreword by Academician	
Vladimir N. KUDRYAVTSEV	V
Author's Introductory Words	VIII
INTRODUCTION	XII
1. Was pessimist List right?	XII
2. Openness of crime data in the USSR	XVII
3. Crime and political speculation	XXI

PART I. GENERAL TRENDS IN CRIME

Chapter 1. — Global trends and regularities in crime	1
1. Historical background	1
2. Methodological difficulties in data correlation	8
3. Trend No.1 — absolute and relative growth on crime in the world	14
4. Trend No.2 — social control mechanisms are behind	30
Chapter 2. — Crime trends in the USSR	51
1. Establishment and development of crime (convictions) records	51
2. Crime in 1917-1960	55
3. Crime during the Great Patriotic War	59
4. Changes in the crime trends in 1960—1991	62
5. Crime(convictions) in continuity: totalitarianism—democracy ...	69
6. Substance of the total control	76
Chapter 3. — Comparative crime trends in the republics (states) of the former USSR	85
1. Basic provisions	85
2. Russian Federation	92
3. Ukraine	96
4. Republic of Kazakhstan	97
5. Republic of Uzbekistan	99
6. Republic of Belarus	101
7. Republic of Moldova	102
8. Lithuanian Republic	104

9. Latvian Republic.....	105
10. Republic of Kyrgyzstan.....	107
11. Estonian Republic.....	109
12. Republic of Georgia.....	110
13. Turkmenistan.....	112
14. Republic of Tadjikistan.....	114
15. Azerbaijanian Republic.....	115
16. Republic of Armenia.....	117
17. General results of the comparative analysis.....	119
Chapter 4. — Tendencies in reliability of criminological parameters.....	125
1. Crime latency.....	125
2. Level and structure of unregistered criminality.....	131
3. Practical need in objective criminological parameters.....	137
4. Circumstances contributing to the distortion of criminological parameters.....	137
5. Methods of objectivization of crime parameters.....	141
6. Methods of objectivization of crime control parameters.....	144
Chapter 5. — Interaction between crimes and other offences.....	148
1. Crimes and offences.....	148
2. Nature and structure of administrative offences.....	150
3. Correlation between crimes and other offences.....	153
4. Correlation between traffic rules and road traffic crimes.....	159
 PART II. TRENDS IN SPECIFIC TYPES AND GROUPS OF CRIME 	
Chapter 6. — “Political” crime.....	167
1. Understanding of “political” crime.....	167
2. Ideological and legal basis for political repressions.....	169
3. Rehabilitation of victims of political repressions.....	176
4. Statistics of political repressions.....	179
5. Repressions for expression of deviating views and conventional crime.....	184
6. About the general number of those suffered from the regime.....	187
Chapter 7. — Violent crime.....	191
1. Violence as an international problem.....	191
2. Understanding of violent crime.....	193
3. Criminological characteristics of violent crime.....	198
4. Street violence.....	215
5. Armed violence.....	222

Chapter 8. — Profit-oriented crime	232
1. Understanding of profit-oriented crime	232
2. Criminological characteristics of certain profit-oriented crimes	242
3. Economic crime	255
4. Corruption	267
Chapter 9. — Organized crime	283
1. To the understanding of organized crime	283
2. Problem of criminalization of organizational activities	290
3. Criminological characteristics of native organized crime ...	299
4. Transnational organized crime	309
5. Certain transnational organized criminal groups.....	320
Chapter 10. — Criminality in the political and governing elite	330
1. "Professional" criminality in the political elite.....	330
2. Historical prerequisites of the criminality in the governing circles in the USSR and Russia	333
3. Composition of the present political elite	346
4. Circumstances contributing to criminality in the elite	349
Chapter 11. — Criminality in the course of ethnic conflicts	354
1. Approaches to the problem.....	354
2. Historical prerequisites of ethnic conflicts on the former USSR territory	357
3. Statistics of ethnic criminality	360
4. Azerbaijanian-Armenian conflict	362
5. Georgian-Abkhazian-Osetian conflict	365
6. Conflicts in Central Asia	368
7. Conflicts in Moldova	370
8. Ethnic conflicts in the North-Caucasian region of Russia	371
9. Certain general conclusions.....	377
Chapter 12. — Criminality in the Armed Forces	381
1. Criminological features of criminality in the armed forces: objective and subjective aspects	381
2. Criminality tendencies in the USSR Armed Forces	391
3. Crimes committed in Russia by military personnel.....	400

PART III. CRIME CONTROL

Chapter 13. — Trends in the rate of identified offenders	407
1. Rates of identified offenders and recorded crime: are they comparable?	407

---

2. Features in the dynamics of the rate of offenders in the USSR	409
3. Trends in identification of offenders in Russia	414
Chapter 14. — Trends in convictions	417
1. Crime and convictions in the USSR	417
2. Dynamics of criminal punishment sanctions	425
3. Application on death penalty	428
4. Crime and convictions in Russia.....	430
Chapter 15. — Dynamics in prison population	434
1. Prisoner rate in the USSR and other countries.....	434
2. Tendencies in overcoming prison overpopulation	443
3. Prisoners in Russia	447
Chapter 16. — Crime prognosis.....	455
1. Prognosis of crime in the world	455
2. Predicting, and prognosis of, crime in Russia	462
3. Criminal trap: where is a way out?.....	472

Сведения об авторе:

**Виктор Васильевич Лу-
неев** — доктор юриди-
ческих наук, профессор,
главный научный со-
трудник Института го-
сударства и права Рос-
сийской академии наук,
эксперт ассоциированно-
го с ООН Европейского
института (HEUNI) по
анализу преступности.
Сферой его научных ин-
тересов являются общая
и военная криминология,
уголовное право, юриди-
ческая статистика, моти-
вация преступного пове-
дения, проблемы борьбы
с организованной пре-
ступностью и коррупцией,
тенденции, закономерности
и прогноз преступ-
ности в мире, его отдель-
ных регионах и в России.

В. В. Лунеевым опубликовано более 120 научных работ, некоторые из них вышли за рубежом. В числе его книг: “Советская криминология” (1978), “Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью в войсках” (1979), “Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика” (1980), “Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР”. Учебник (1986), “Правонарушение можно предупредить” (1987), “Выборочный метод в криминологии” (1988), “Мотивация преступного поведения” (1991), “Преступность и уголовная юстиция в бывшем СССР и странах, образованных на его территории” (1994) и др.

Виктор Васильевич Лунеев
Преступность XX века
Мировые, региональные и российские
тенденции

Издательство НОРМА
Лицензия № 064250 от 6 октября 1995 г.
109544, Москва, Школьная ул., 36-38
Тел./факс (095) 912-97-21
Подписано в печать 22.10.97
Формат 60x90/16. Усл.-печ. л. 33,0.
Тираж 2000 экз.
Заказ № 1627

Издано при содействии издательства ИНФРА · М
Лицензия № 070824 от 21 января 1993 г.
127247, Москва, Дмитровское ш., 107
Тел.: (095) 485-70-63, 485-76-18

Отпечатано в типографии издательства "Дом печати"
432801, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Уважаемые студенты юридических вузов и факультетов!

Помощь в овладении юридическими знаниями
вам окажут учебники, выпускаемые
Издательством **Норма**

Имеются в продаже:

Нерсисянц В.С.
Философия права

Теория государства и права
Под ред. проф. В.Д. Перевалова

Баглай М.В.
Конституционное право Российской Федерации

Дождев Д.В.
Римское частное право

История государства и права зарубежных стран
Под ред. проф. О.А. Жидкова
и проф. Н.А. Крашенинниковой

История политических и правовых учений
Под ред. член.-корр. РАН В.С. Нерсисянца

Кашанина Т.В.
Основы российского права

Тихомиров Ю.А.
Курс сравнительного правоведения

Российское трудовое право
Под ред. проф. А.Д. Зайкина

Уголовное право
В 2-х томах. Т. 1 — Часть Общая. Т. 2 — Часть
Особенная. Под ред. проф. И.Я. Козаченко
и проф. З.А. Незнамова

Уголовно-исполнительное право
Под ред. проф. А.И. Зубкова

Криминология
Под ред. проф. А.И. Долговой
Петрова Г.В.
Налоговое право

Судебная медицина
Под ред. проф. В.В. Томилина

Судебная психиатрия
Под ред. проф. Г.В. Морозова

Российское таможенное право
Под ред. проф. Б.Н. Габричидзе

Седугин П.И.
Жилищное право

Готовятся к изданию

Габричидзе Б.Н.
Административное право

Кашанина Т.В.
Корпоративное право

Лившиц Р.З., Орловский Ю.П.
Трудовое право

Сущинский И.И., Тимофеева Г.И.
Немецкий язык

Учебник для юридических вузов
и факультетов

Розенталь И.С., Соколов В.С.
Учебник латинского языка

Граудина Л.К., Ширяев Е.Н.
Культура русской речи
Учебник для гуманитарных вузов